4
014

ОБЗОР ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

61222

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ОБЗОР ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

(XVIII—XX вв.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·
Москва 1965

4
О-14
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАН...Я АН СССР
61222

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
академик *В. В. ВИНОГРАДОВ*

7-1-2
1222-65

ОТ РЕДАКЦИИ

Эта книга подготовлена по заданию Орфографической комиссии при Отделении литературы и языка АН СССР. Она написана группой сотрудников Института русского языка: Б. З. Букчиной, Н. А. Еськовой, Л. П. Калакуцкой, Л. К. Максимовой, М. В. Пановым (руководитель работы), В. Э. Сталтмане и сотрудницей Института языкознания А. В. Суперанской. Б. З. Букчина написала разделы: Чередования гласных в корнях; Приставки, оканчивающиеся на согласные; Приставка *раз-*(*рас-*) — *роз-*(*рос-*); Флексии существительных; Н. А. Еськова — Передача долгих шипящих; Передача фонемы ‹j› и мягких согласных (замены букв *я*, *ю*, *е*, *ё*, *й*); Передача фонемы ‹j› после согласных перед гласными (разделительные *ъ* и *ь* и их замены); Передача фонемы ‹о› после парно-мягких согласных и в сочетании с предшествующим ‹j› (буква *ё* и ее графические эквиваленты); Фонемы ‹и›, ‹а›, ‹у›, ‹э› (в разделе «Передача гласных после шипящих и ‹ц›»); Передача фонемы ‹и› после твердой согласной предшествующей морфемы; Непроверяемые согласные; Некоторые случаи употребления буквы *ь* (кроме раздела о формах на *-ться*); Суффиксы существительных и прилагательных (раздел о *-еньк--оньк-* — при участии Л. П. Калакуцкой); Флексии прилагательных; Передача беглых гласных после мягких согласных и ‹j›; Употребление прописных и строчных букв (при участии А. В. Суперанской); Правила переноса; Л. П. Калакуцкая — Передача двойных согласных (вместе с Н. А. Еськовой); Л. К. Максимова — Передача некоторых сочетаний согласных; Непроверяемые гласные; Буква *ь* в формах инфинитива на *-ться*; Приставки *пре-* и *при-*; Суффиксы глаголов; Флексии глаголов; Орфограммы *жю*, *шю*; Орфограммы *ьо*, *йо*; Употребление буквы *э*; М. В. Панов — Принципы русской графики и орфографии; «Лишние буквы» алфавита; Фонема ‹о› (в разделе «Передача гласных после шипящих и ‹ц›»); Написания с частицей *не* и приставкой *не-*; В. Э. Сталтмане — Слитные, дефисные и раздельные написания (кроме раздела о *не*); А. В. Суперанская (при участии Н. А. Еськовой) — Написание заимствованных слов (кроме разделов о *жю*,

шю; *ьо*, *йо*; *э*). Библиография составлена Н. А. Еськовой при участии других членов авторского коллектива.

Авторы этой книги во время работы не раз обращались за советом и помощью к языковедам — специалистам в области теории орфографии.

Особенно большую помощь оказали член-корреспондент АН СССР Р. И. Аванесов, кандидат филологических наук Н. Н. Алгазина, доктор филологических наук П. С. Кузнецов, доктор филологических наук А. А. Реформатский, профессор Д. Э. Розенталь, доктор филологических наук В. Н. Сидоров.

При составлении библиографии учтены ценные указания Н. П. Дебец и кандидата филологических наук В. Ф. Ивановой.

Без их советов авторы работы не смогли бы добиться достаточной полноты в охвате материалов и библиографии, точности в формулировке предложений отдельных лиц и в хронологическом приурочивании некоторых предложений.

Авторы благодарят И. С. Ильинскую и Н. С. Рождественского, взявших на себя труд прорецензировать эту книгу.

Авторы приносят благодарность академику В. В. Виноградову за ценные советы, полученные ими во время работы над книгой.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русское письмо, его доступность, простота, легкость, его совершенство были предметом постоянных раздумий крупнейших деятелей культуры; много коллективного труда вложено в шлифовку и улучшение русской графики и орфографии. В строительстве русского письма принимали участие крупнейшие языковеды (М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, К. С. Аксаков, М. А. Колосов, А. А. Потебня, А. И. Соболевский, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. Е. Корш, Р. Ф. Брандт, В. И. Чернышев, А. М. Пешковский, Н. Н. Дурново, Л. В. Щерба, Е. Д. Поливанов, С. П. Обнорский, С. О. Карцевский), писатели и публицисты (А. С. Пушкин, И. И. Лажечников, В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Л. Н. Толстой, А. А. Блок, С. А. Есенин), методисты и педагоги (К. Д. Ушинский, В. Д. Бунаков, В. П. Шереметевский, С. И. Абакумов), психологи и патофизиологи (Н. Д. Челпанов, Н. Л. Шварц, А. Р. Лурия). Много дельных предложений и убедительных доводов в пользу или против определенных написаний исходит из среды рядовых работников отечественной культуры.

В течение двух столетий идет сознательное, непрестанное строительство русской орфографии. Пора подвести итоги сделанному, уяснить направление этого движения. Назрела необходимость, например, в таких книгах, как «История русской орфографии», «Теория русского письма»: они должны быть созданы нашими языковедами. Нужна и другая книга: свод всех дельных, научно аргументированных предложений по усовершенствованию русской орфографии, которые были сделаны за два прошедших века. Издание такой книги сейчас особенно своевременно и необходимо.

Академия наук СССР по требованию общественности подготавливает реформу русской орфографии, серьезно обоснованную данными науки и практики. Чтобы совершить этот значительный шаг

в усовершенствовании нашего письма, необходимо учесть весь опыт строительства орфографии, опереться на труд предшественников. Должны быть учтены в полной мере успехи и срывы реформаторской деятельности в области орфографии, поиски убедительной аргументации, наиболее точно определяющей пригодность или непригодность новых предложений, приемы опытной проверки, насколько предлагаемые правила лучше существующих и отменяемых и т. д. Все это должно быть собрано в особой книге — обзоре основных, наиболее существенных предложений по улучшению русского письма.

Советская общественность проявляет очень большую заинтересованность в подготовляемой реформе письма. Редакции филологических журналов, научные учреждения, общественные организации получают огромное число писем от людей самых разных специальностей с предложениями, что и как улучшить в нашем правописании. Эта научная самодеятельность — явление глубоко симптоматичное для нашего времени. Институт русского языка АН СССР ведет постоянный учет всех этих предложений и информирует о них Орфографическую комиссию. Широкое участие нашей общественности в разработке вопросов орфографии было бы, однако, гораздо более эффективным, если бы стало достаточно широко известно, что уже сделано в теории письма, какие доводы в пользу новшеств уже приводились и были приняты или отвергнуты, каков полный круг аргументации за или против каждого предложения.

Труд, вложенный на протяжении веков в русскую орфографию, настолько велик, что сейчас почти невозможно предложить что-либо совершенно новое для ее усовершенствования. Об этом свидетельствуют десятки статей, опубликованных в последнее время, и тысячи писем, которые собираются в Институте русского языка АН СССР. Все, что предлагается, уже было предложено. Но сейчас возможно и необходимо более глубоко и более обоснованно аргументировать предложения, дать более полный анализ отрицательных и положительных сторон каждой орфографической новации. Участие в этой работе широких кругов общественности было бы несравненно более успешным, если бы стали широко известны итоги орфографической работы. Данная работа и представляет собой первый опыт свода предложений по усовершенствованию русского письма. Она обобщает работу орфографистов от М. В. Ломоносова до наших дней — как языковедов, так и работников в смежных областях науки. В ней учтены документы из архивов Орфографической подкомиссии 1904—1912 гг., Орфографической комиссии 1930 г., комиссий 30-х годов, работавших над созданием орфографического свода; в ней нашли отражение и те предложения, которые содержатся в письмах, полученных разными организациями во время орфографических дискуссий 1954—1955 и 1962—1964 гг.

В данном обзоре учтены и такие предложения, которые высказаны «в практической форме» — реализованы в определенных изданиях. (В качестве приложения к библиографии дается список изданий, а также отдельных статей, напечатанных по индивидуальной орфографии авторов или с отдельными отклонениями от общепринятой орфографии).

Эта книга не ставит целью показать, в какой исторической последовательности выдвигались орфографические предложения. Предполагается, что относительно каждой языковой единицы при данном состоянии языка можно выдвинуть определенное и конечное число орфографических предложений (если не ставить вопроса о смене алфавита). Можно составить матрицу этих предложений для каждого орфографического «субъекта», т. е. для каждой языковой единицы, подлежащей орфографическому изображению.

Например, среди предложений о правописании частицы и приставки *не* можно выделить группу требований писать эту морфему всегда слитно (или всегда раздельно) с определенными частями речи, подобно тому, как сейчас *не* пишется всегда раздельно с глаголами, и составить полный перечень всех возможных предложений. Знаком + отмечаются предложения писать *не* с данной частью речи всегда слитно (если нет противопоставления); знаком — (минус) предложения писать *не* всегда раздельно (если слово употребляется без *не*) [1].

В первом столбце отмечается правописание *не* с глаголами, во втором — с причастиями, в третьем — с прилагательными. На существительное правила подобного типа обычно не распространяются, поэтому существительные и не учитываются в данной матрице.

Матрица для трех грамматических классов принимает такой вид:

1 — — —
2 + — —
3 + + —
4 + + +
5 — + +
6 — — +
7 + — +
8 — + —

Число горизонтальных линеек (т. е. число предложений) удвоилось бы, если бы еще учесть наречия на *-о*, соотносительные с при-

[1] Эти оговорки связаны с существованием в русском письме наиболее сильных правил, которым подчиняются все остальные.

лагательными, введя четвертый столбец. Однако такой необходимости нет: во всех предложениях или предлагается наречия указанного типа писать так же, как прилагательные, или о них не упоминается вовсе.

Далее оказывается, что матрицу можно упростить, исходя из реального состояния русской орфографии. Нет, например, предложений ввести слитное написание *не* с глаголами, но раздельное со всеми остальными частями речи; следовательно, это предложение (2-я строка в матрице) нереально. Также по достаточно ясным причинам совершенно нереальны 3-е, 7-е и 8-е предложения.

Матрица принимает такой вид:

—	—	—
+	+	+
—	+	+
—	—	+

Последнее предложение не реализовано, хотя, вероятно, оно может быть высказано и аргументировано в будущем (но доводов в его пользу можно найти немного). Три оставшихся предложения подлежат рассмотрению и детальному анализу; он и дан в этой книге.

Некоторые из орфографических предложений выдвигались много раз, в разные эпохи; они отвергались, их сменяли новые предложения, потом снова возникали старые рекомендации. . . Например, доводы В. К. Тредиаковского в пользу фонетической орфографии почти полностью были повторены в начале XX в., когда сами труды замечательного орфографиста XVIII в. были забыты; более того, к доводам Тредиаковского новых аргументов почти не прибавилось. Возрожденная в XX в. защита фонетического письма была снова, как и в XVIII в., отвергнута. Дело историка русского письма объяснить, почему в такую-то эпоху были выдвинуты такие-то предложения, почему их приняли или отвергли. Часто причины были общественные, например нежелание определенных социальных кругов демократизировать письмо; иногда эти причины крылись во внутренних достоинствах и недостатках самих предложений.

Но важно, что многие предложения, выдвинутые в прошлом, могут рассматриваться как ориентированные на современный русский язык, как возможные орфографические «предикаты» по отношению к определенному языковому «субъекту» (т. е. к языковым единицам, подлежащим письменному выражению). Это дает право рассматривать их вне исторической перспективы, т. е. независимо от времени их выдвижения, и исключительно в их внутренних соотношениях (контрастные предложения; дополняющие друг друга; совместимые и несовместимые и т. д.). Так они и рассматриваются

в этой книге. Предполагается, что эти предложения заполняют какое-то логическое пространство; задача состоит в том, чтобы описать все участки этого пространства.

Разумеется, за два века язык изменился. Однако предложения XVIII — начала XIX в. большей частью настолько общи, что в них не могут быть схвачены те изменения в языке, которые произошли до наших дней; эти правила — крупноячеистая сеть, которая не улавливает мелкую «плотву» языковых перемен. Предложения с середины XIX в. становятся детальнее, но за столетие изменения в языке были не настолько велики, чтобы предложения гротовской эпохи потеряли смысл для нашей. В отдельных случаях, когда языковые изменения не позволяют отожествлять предложения, высказанные в прошлом, и современные предложения (хотя бы их формулировки были похожими), это указывается в примечаниях.

Составители всюду, где оказалось возможным, указывают инициаторов и защитников орфографических предложений. Думается, что это уместно даже в книге, которая настойчиво подчеркивает свою синхроническую установку, хотя бы потому, что деятелей культуры прошлого, если их труды оказались действенными и для нас, можно считать нашими современниками.

В книгу включались только предложения, допускающие научную аргументацию, и из них были избраны только наиболее существенные, затрагивающие написание больших групп слов, значительно преобразующие наше письмо. Не включены, например, предложения, связанные с написанием отдельных слов или форм отдельных слов, хотя бы споры об этих предложениях были и весьма напряженными (ср., например, споры о написании слов *ея — её*, *вядчина — ветчина*, *снегирь — снигирь*, *идти — итти* и пр.).

Совершенно не учитывались в этой книге предложения, связанные с полной ломкой русской графики, например с введением латиницы или новых, невиданных начертаний букв.

Можно было бы ограничить свою задачу обзором только актуальных предложений, еще не нашедших реализации в русском правописании. Однако составители сочли такое ограничение неправомерным. Чрезвычайно важно учесть опыт тех орфографических проектов, которые нашли воплощение в письменной практике, были реализованы и узаконены. Как при этом складывались доводы за и против предложения; какие возражения оказались практически мало существенными; какие типы аргументации в пользу орфографических новшеств оказывались на протяжении последних двух веков наиболее существенными — все эти вопросы можно выяснить в полной мере только при знании того, какие предложения и на каких основаниях практически воспринимались нашим письмом.

Поэтому в книге представлена во всех существенных чертах дискуссия о букве *ѣ*, о твердом знаке в конце слов и т. д.

Нельзя не учитывать, кроме того, что вопрос об актуальности или неактуальности предложения сам бывает часто дискуссионным. Например, казалось бы, решенный вопрос — использование буквы *и* вместо *і*; однако он постоянно возникает вновь и вновь в связи с предложениями ввести букву *і* вместо *и*. Целесообразность ряда укрепившихся нововведений оспаривается, и выдвигаются аргументы в пользу прежних написаний. Поэтому в настоящем своде представлены и такие предложения, которые выдвигались в прошлом и нашли свое практическое воплощение.

Но, разумеется, основное внимание в книге уделено предложениям, которые касаются нерешенных проблем орфографии, ее «больных» мест. Все существенные предложения этого типа составители стремились учесть с наибольшей полнотой.

Под видом орфографических предложений иногда выдвигаются и такие, которые фактически означают реформирование языка; к их числу относится, например, предложение писать *ь* во всех формах род. п. мн. ч. существительных на *-ня*: *башень*, *вишень*, *читален*ь и пр.; предложение писать *-ушк-* вместо *-ышк-*: *крылушко*, *пёрушко*, *солнушко* и др. Строго говоря, анализу таких предложений не место в данном сборнике. Однако, поскольку некоторые из них носят массовый характер (например, фигурируют у очень многих авторов статей и писем 1962—1964 гг.), составители не сочли возможным совсем обойти такие предложения. Поэтому часть их — те, которые особенно часто выдвигаются в печати и в письмах, — включена в сборник; при анализе подчеркивается как раз их «мнимая орфографичность».

Иногда в качестве предложения в книге представлено правило, традиционно действующее в русском правописании (например, писать частицу *не* отдельно от глаголов). Это сделано в тех случаях, когда есть аргументированное предложение изменить правописание, и в ответ на него сторонники традиционного написания выдвинули свою аргументацию в защиту традиции.

Каждому явлению орфографии, выделенному в особый раздел в книге, посвящена отдельная статья, имеющая следующую структуру.

1. Название раздела.

2. Историческая справка. В ней кратко рассказывается, как писали данную языковую единицу на протяжении последних двух столетий, какие нормы господствовали, насколько устойчивыми были эти нормы в письменной практике, не было ли попыток (хотя бы индивидуальных) применять на практике иные нормы. В случае необходимости в исторической справке приводятся сведения, относящиеся к более отдаленной эпохе (выходящие за рамки XVIII в.). В исторической справке могут даваться и неко-

торые разъяснения, необходимые читателю для понимания дальнейшего.

3. Далее следует объяснение (если оно необходимо), как классифицированы орфографические предложения; указываются основания этой классификации. Разные (по обобщенности, по материалу и т. п.) группы предложений обозначаются буквами А, Б, В. . .

4. После этого идут под номерами сами предложения. Даются примеры, демонстрирующие данное предложение. Указаны инициаторы и обосновали этих написаний.

Иногда фамилии авторов предложений даются курсивом. Это делается в следующих случаях: а) если предложение высказано не в категорической форме, а рассматривается только как одна из возможностей (при этом у автора могут фигурировать и другие возможные предложения); б) если предложение высказано в очень общей форме и нет уверенности, что оно полностью соответствует приведенной формулировке (но в то же время нет данных о том, что оно ей в чем-то не соответствует); в) если в некоторых деталях предложение данного автора отличается от приведенной формулировки (в этих случаях расхождения оговариваются в примечаниях).

Затем следуют аргументы в пользу и против данного предложения.

В первую очередь обычно учитывается, насколько общим является предлагаемое правило, насколько оно помогает освободиться от ряда частных правил и исключений. Затем оценивается отношение предлагаемых написаний к морфологическому, фонематическому, фонетическому, дифференцирующему, этимологическому принципам написания. В статьях, посвященных слитному и раздельному написанию, на первое место выдвигаются вопросы об отношении проектируемых орфограмм к строению слова и словосочетания. Далее указываются другие аргументы; во всех статьях перечень заканчивается сообщением, насколько значительная ломка традиции предполагается по данному предложению.

Аргументы, свидетельствующие в пользу выдвинутого предложения, помечены черным квадратом: ■. Если же они говорят о его отрицательных сторонах, то при них стоит светлый квадрат: □. Если на возражение против принятия нового предложения есть контрвозражение, то при нем стоит такой же знак ■, как при всех доводах за данное предложение.

Это строение статьи в отдельных случаях изменяется; отдельные ее части могут быть опущены. Такие изменения всегда обусловлены самим материалом статьи.

Иногда несколько близких по содержанию предложений обобщается и обсуждается в этой обобщенной форме. В примечаниях указывается при этом, какие различия есть у объединенных предложений.

Если же два предложения совпадают во многих отношениях, но есть между ними и существенное различие, то они рассматриваются как взаимосвязанные варианты и отмечаются одной и той же цифрой, но с различными буквенными индексами.

Отдельные доводы, которые приводятся за и против предложения, разумеется, не равноценны; есть более и менее существенные. Поэтому простое суммирование доводов (столько-то за и столько-то против) еще ничего не говорит о ценности предложения. Суммировать «плюсы» и «минусы» каждого правила нельзя еще и потому, что каждое правило соотнесено с другими, противоречит им или поддерживает их. Например, если какое-нибудь правило строго отвечает фонетическому принципу, то это будет отмечено при анализе как его положительное качество. (Вообще последовательная верность предложения какому-либо принципу всегда отмечается положительно). Но при этом говорится, что то же правило антифонематично, не приводит к последовательно фонемным написаниям. «Неверность» фонематическому принципу будет отмечена как недостаток. Налицо, значит, один плюс и один минус; однако они друг друга не уравновешивают: правило, как вытекает из указанной характеристики его, должно оцениваться отрицательно. Это обусловлено тем, что наша орфография в целом фонемна, и введение одного или нескольких правил, построенных на фонетическом принципе, усилит элементы непоследовательности в нашем письме.

Составители стремились объективно отметить все аргументы за и против каждого предложения, не навязывая читателю единого непререкаемого вывода; этот вывод требует самостоятельного сопоставления аргументов и может быть различным в зависимости от того, как оценивается «сила» каждого из них.

В начале книги помещен обзор основных орфографических принципов, на которых строятся правила. Обзор позволит читателю сделать выводы о сравнительной ценности разных принципов и на этой основе оценить конкретные предложения по усовершенствованию русского письма, помещенные в следующей части книги.

Примеры, которые приводятся для демонстрации предложения, не во всех случаях принадлежат тем, кто впервые выдвинул это предложение или аргументировал его. В некоторых случаях даже возможно, что примеры, приведенные вслед за формулировкой предложения, не учитывались инициаторами предложения (или хотя бы некоторыми из них); но факты, отраженные в примерах, прямо вытекают из формулировки правила, отражают языковой материал, известный создателям предложения, следовательно, объективно эти примеры иллюстрируют правило и не могут не учитываться при его оценке. Сказанное означает, что критика предложений (вернее — материал для их оценки) на-

чинается уже с примеров, которые демонстрируют это предложение.

В подлинных примерах из трудов орфографистов воспроизводятся лишь те особенности написаний, о которых идет речь в данном предложении. Поэтому, например, в предложениях о единой передаче флексий им.-вин. п. мн. ч. прилагательных не учитывается, в какой графической форме фигурировали у того или иного автора выбранные ими единые написания этих флексий: *-ые*, *ие* или *ыје*, *иje*; *ыи*, *ии* или *ыји*, *иjи*; *-ыя*, *ия* или *ыja*, *иja* (*белые*, *белыи*, *белыя* или *белыје*, *белыји*, *белыja* и т. п.). Особенности дореволюционной орфографии в примерах и цитатах сохраняются только тогда, когда о них идет речь; во всех прочих случаях *ѣ* заменяется через *е*, *і* — через *и* и т. д.

При указании на источники предложений дается как правило фамилия автора или название документа (проекта или решений комиссии, орфографического свода и т. п.) и дата.

В ряде случаев, когда составителям неизвестны в точности фамилии лиц, выдвигавших то или иное предложение, а также тогда, когда при широком обсуждении орфографических вопросов определенные предложения выдвигались очень многими лицами, применяется обобщенное указание «Дискуссия»; при этом из двух дат, указывающих время дискуссии, приводится лишь первая: 1929 — вместо 1929—1930 (работа комиссии при Главнауке), 1934 — вместо 1934—1940 (работа по составлению орфографического свода), 1954— вместо 1954—1955 (обсуждение последнего варианта проекта свода), 1962 — вместо 1962—1964 (работа Орфографической комиссии при Институте русского языка, подготовившей проект 1964 г.; письма, присланные в комиссию; обсуждение вопросов орфографии в печати), 1964 — вместо 1964—1965 (обсуждение проекта 1964 г.).

Дата без дополнительного значка дается при фамилии или названии документа, если имеются в виду печатные источники, указанные в библиографии в конце книги. (Ссылки на источники, не вошедшие в библиографию, даются в виде подстрочных примечаний). Дата со значком ° (1904°, 1929°, 1934°, 1962°, 1964°) означает ссылку на неопубликованные материалы комиссий (архивы Ф. Ф. Фортунатова и Д. Н. Ушакова; протоколы комиссии 1962—1964 гг., а также материалы, представленные для обсуждения). Дата со значком * (1954*, 1962*, 1963*, 1964*) означает ссылку на неопубликованные письма и статьи разных лиц, присланные в комиссии (а также переданные комиссиям редакциями газет и журналов).

Авторы аргументов в поддержку или против орфографических предложений указываются так же, как и авторы предложений.

Указания на источник не всегда даются при точной цитате, в ряде случаев аргументация того или иного автора излагается составителями обзора. В книге фигурируют и аргументы без ука-

зания авторов. Это те доводы, которые реально никем не высказывались, но непременно должны быть учтены при всестороннем анализе предложения (к ним относятся, в частности, аргументы, с необходимостью вытекающие из существа того или иного орфографического принципа (написание *роз-* последовательно фонематично, написания *раз-—рас-* фонетичны и т. п.). Авторы не указываются также, если аргументация представляет собой своего рода «орфографический фольклор»: используется всякий раз при обсуждении соответствующего предложения, так что установить ее автора по существу невозможно.

Данная книга представляет собой первый опыт такого рода орфографического обзора. Естественно, что в ней возможны и некоторые пропуски, неточные формулировки, неполнота аргументации и другие недочеты. Редакция и составители будут благодарны всем читателям, которые пришлют свои отзывы, замечания и дополнения по адресу: Москва Г-19, Волхонка, д. 18/2, Институт русского языка АН СССР.

ПРИНЦИПЫ РУССКОЙ ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ

Историческая справка

С середины XVIII в. начинает создаваться теория русского правописания. С этого времени нормы орфографии не только стихийно складываются и затем закрепляются в грамматиках, но и сознательно создаются и перестраиваются. Начинаются теоретические поиски наиболее рациональных принципов правописания. Первой — и блестящей — попыткой найти такие принципы была работа В. К. Тредиаковского «Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии старинной и новой» (1748). Автор отстаивает принципы фонетического письма, отстаивает убежденно и настойчиво. Позднее сторонники фонетической орфографии смогли лишь немногое добавить к его аргументации в пользу письма «по звонам». В. К. Тредиаковский спорит против сложившейся к тому времени орфографической традиции, против сторонников письма по морфологическому принципу. Доводы его весомы; на многие из них в XVIII в., при определенном уровне языковедения, и невозможно было дать ответ. Например, он сопоставляет слова *мороз—морозы*, *пишу—писание*. Если в слове *мороз* вместо *с* пишется *з*, то почему в *писание* вместо *с* не писать бы *ш*? Это отвечало бы морфологическому принципу — добиваться неизменного облика корня. Однако ясно, что орфограмма *пишание* (для слова «писание») невозможна; этим, по мнению В. К. Тредиаковского, доказано, что перенос букв из производящих в производные слова (или из одной формы слова в другую) последовательно осуществлять нельзя; в таком случае надо писать *морос—морозы*, отказавшись от уравнения корней.

Ответить на подобные аргументы языкознание XVIII в. не могло; чтобы опровергнуть доводы В. К. Тредиаковского, надо было создать теорию, разграничивающую позиционные и непозиционные чередования; это было сделано гораздо позднее. Поэтому сторонники морфологического начала в орфографии более констатировали сложившееся положение вещей, чем обосновывали его рациональность и пригодность для русского письма. М. В. Ломоносов указывал в «Российской грамматике» (1755): писать надо так, чтобы «не закрылись следы произвождения слов». При отсутствии исторических взглядов на язык в XVIII в., при синхронизме русской грамматики той поры эти слова имели один определенный смысл: «произвождение слов» — это их синхронные взаимосвязи, это соотношение производного с производящим, одной грамматической формы с другой.

Традиционные написания в эту эпоху, конечно, сильнейшим образом давали о себе знать, но сторонников традиционного письма, научно обосновывающих свои взгляды, в XVIII в. не было. Не существовало, разумеется, и теории фонематического письма.

В XVIII в. орфографическая мысль развивалась по ломоносовскому пути (А. А. Барсов 1768; Н. Г. Курганов 1769 и др.). Все же надо признать, что

разработка теории русского письма шла очень медленными темпами; влияние теории на стихийно складывающуюся орфографическую практику было небольшим.

Первая половина XIX в. в языкознании ознаменовалась созданием исторического и сравнительного метода изучения языков. Сторонники традиционного принципа в орфографии пытаются научно его обосновать; традиционный принцип признается основным (в крайнем случае одним из основных) для русского письма. Помыслы орфографистов сводились к тому, чтобы открыть этимологически наиболее достоверный письменный облик слова и предложить его для всеобщего использования. «Орфография слова — это его биография», — писал В. П. Шереметевский. Такую точку зрения поддерживало, как уже сказано, бурно развивающееся историческое воззрение на язык (при этом строго синхронная, ломоносовская точка зрения казалась уже ненаучной).

Этот взгляд наиболее полное выражение нашел в книге Я. К. Грота «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне» (1873). Я. К. Грот так определял характер русского правописания: «Господствующее начало его заключается в том, чтобы. . . в начертаниях ясны были следы происхождения и состава слов» (1885). Формулировка почти дословно повторяет слова М. В. Ломоносова, но значение ее совершенно изменилось: она включена в иное время, связана с иным периодом в развитии языкознания. «Происхождение слов» в эпоху расцвета сравнительно-исторической лингвистики рассматривалось с диахронной точки зрения; синхрония проникала в научные труды только контрабандой. Та же формулировка, которая у М. В. Ломоносова провозглашала морфологическое письмо, у Я. К. Грота была ориентирована на этимологическую, на исторически традиционную орфографию.

Разнобой и неупорядоченность письма к середине XIX в. оказались очень значительными. Отсутствие единых норм, опирающихся на строго обоснованные научные принципы, отражалось и в печатных текстах. Поэтому вполне естественно, что в 1862 г. открылись заседания Орфографической комиссии под председательством В. Я. Стоюнина. Как показывают отчеты о заседаниях комиссии, среди ее членов были сторонники и фонетических, и морфологических, и традиционных написаний, но влияние этой комиссии на орфографическую практику было минимальным: ее предложения не составляли целостности, не выражали научно аргументированной точки зрения; рекомендации были непоследовательны и субъективны. Гротово же правописание имело такую единую основу, как традиционализм: оно и стало господствующим на целых полвека.

В начале XX в. Московское и Казанское педагогические общества выступили с проектами реформы русского правописания. Проект Московского педагогического общества был создан в основном Р. Ф. Брандтом (при участии Ф. Ф. Фортунатова). В создании Казанского проекта значительную роль сыграл Е. Ф. Будде.

Историческое языкознание в эту эпоху уже достигло высокого уровня. В исследованиях стал применяться принцип последовательного историзма: никакой эпохе не приписывать фактов, характерных для предшествующей эпохи; строго разграничивать сосуществующее в языке от исторически взаимоисключенного. Эта идея наиболее ярко проявилась в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. Ф. Фортунатова. Снова оказался возможным строго синхронный анализ фактов языка, но уже на более высокой ступени, чем в XVIII в.: именно в связи с историческим взглядом на язык.

Этот взгляд, перенесенный в фонетические исследования, привел к созданию фонологии. И. А. Бодуэн де Куртенэ в своих трудах последовательно различал для каждой эпохи живые и мертвые фонетические чередования. Живые, т. е. позиционные, полностью определяются позицией в слове, фонетическим окружением. Если звук $а_1$, встречающийся в одной какой-то позиции, всегда, т. е. во всех словах и формах слов, заменяется звуком $а_2$

в другой определенной позиции, то налицо позиционные чередования. Они не имеют смыслоразличительной функции, так как всегда лишь сопровождают другие, самостоятельные изменения в звуках слова (те, которые и создают изменение позиции). Например, в словах *посмел* и *посмели* ударные гласные различны: в первом слове открытое [э], во втором — закрытое (э̂). Но это результат влияния позиции: мягкий согласный [л'] в слове *посмели* вызвал появление [э̂]. Так как всегда перед мягкими согласными выступает [э̂] (*э* закрытое), перед твердыми и в конце слова — [э] (*э* открытое), то чередование [э̂]—[э] оказывается несамостоятельным, несловоразличительным: оно только сопровождает подлинно различительное чередование [л']—[л]. Звуки $а_1$ и $а_2$ (в приведенном примере [э̂] и [э]) надо объединить; они составляют одну фонему. Напротив, непозиционно чередующиеся звуки (например, [с] и [ш] в словах *пишу—писание*) являются функционально разными единицами, различие между ними имеет слово- и форморазличительный характер. К таким выводам пришел И. А. Бодуэн де Куртенэ, он их глубоко, детально развивал и энергично пропагандировал. Они оказали сильное влияние на развитие теории русской орфографии.

Еще в XIX в. русские лингвисты стремились найти основание нашей орфографии в чем-то более постоянном, более языковом, более системно-определенном, чем конкретная звуковая стихия речи. К. С. Аксаков в то время писал: «. . . Нам кажется, что письмо, не будучи никак произношением, письмо, явственно чертящее буквы, н е м о ж е т и н е д о л ж н о подражать и передавать произношение; напротив, будучи определенным, оно должно возводить слово к той определенности, к его твердым прочным началам (в звуке), к тем основным, внутренним. . . законам, которые лежат в нем и при произношении, выражая таким образом его организацию. . .» (1846).

Фонология и позволила возвести звук к той определенности, которая обусловлена внутренними законами языка. Можно даже сказать, что именно потребность в теории письма была важнейшим стимулом в создании фонологии. В рассуждениях о русском письме нередко букве давалось такое определение, которое скорее может быть отнесено к фонеме. Так, Н. П. Гиляров-Платонов, критикуя фонетический принцип в орфографии, говорил: «Если вы хотите иметь дело с произношением, то можете иметь дело только с абстрактом, с каким-то общим произношением, которое есть ни мое, ни ваше, ни вчерашнее, ни сегодняшнее, а произношение вообще, а это, стало быть, уже не произношение, не живой вылетающий звук, который позволяет себя повторять в полной точности. . . Это будет не самый звук, а звук как понятие, как нечто общее всем действительно произносимым звукам — умственное начертание звука. Другими словами: прибегая за руководством к звуку, вы получите не звук, а б у к в у, если не захотите остановиться на чем-нибудь случайном и преходящем. Буква и есть мысленный звук, разнообразящийся в живом воспроизведении, сообразно с физиологическими и социальными особенностями произносящего лица». «Если в правописании и держаться звука, то возможно держаться только звука идеального, не моего и не вашего, не вчерашнего и не сегодняшнего; а такой мыслимый звук, звук в отвлечении, равнодушный к особенностям своего выполнения в живой речи, есть уже не звук, а буква. . .» (1883).

Работа, начатая Московским и Казанским педагогическими обществами, продолжалась в Орфографической комиссии, которая была создана в 1904 г. при Академии наук. Председателем ее был Ф. Ф. Фортунатов, членами — И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Шахматов, Ф. Е. Корш, Р. Ф. Брандт, В. И. Чернышев, П. Н. Сакулин и др. Председатель комиссии, определяя направление ее работы, заявил, что она должна стремиться избавить русское письмо от особенностей, которые не оправдываются современным состоянием русского языка. Синхронистическая оценка русского письма была твердой основой всей работы Орфографической подкомиссии и полно отразилась в ее предложениях. Л. В. Щерба писал в 1905 г.: «. . . Нужно отличать фонетику и этимологию лингвиста от фонетики и этимологии обыкновенных смертных,

61222
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АКАДЕМИИ НАУК СССР
www.ruslang.ru

т. е. то, что доступно лишь изощренному вниманию исследователя, от того, что является общим достоянием и составляет живые, психически существующие факты языка и что собственно должно быть исключительной основой правописания. Из «Предварительного сообщения Орфографической подкомиссии» явствует, что она руководствовалась подобными соображениями». Сторонниками синхронического анализа письма были Ф. Ф. Фортунатов, Р. Ф. Брандт и другие деятели орфографической реформы. Даже приверженцы традиционного письма, как ни парадоксально, поддерживали эту мысль. А. И. Томсон писал: «К искусственным изменениям существующего правописания относится. . . восстановление бывших когда-то написаний, но непосредственно не дошедших до нас. Вступая на этот путь, мы теряем всякую почву под ногами, и разногласиям нет пределов. Правописание изменяется со временем. При таких условиях ничто не определит нам бесспорно, из какой эпохи следует заимствовать» (1903). Таким образом, А. И. Томсон защищал традиционность орфографии как определенное соотношение современного звукового и письменного языка, как право письма на самостоятельность, немотивированность устной речью (см. дальше). Следовательно, историческое, традиционное письмо характеризовалось им в строго синхронном плане, с точки зрения современного языка. Эта точка зрения помогла лингвистам дать верную оценку орфографической системе русского языка и найти пути ее улучшения.

Важным завоеванием орфографической теории этого времени была мысль, что орфография должна последовательно строиться на каком-то одном принципе. Полезны те изменения, которые приближают письмо к такому единству. Мысль была новой и поэтому трудной, последовательная верность ей давалась нелегко. Один из деятелей реформы писал: «Рациональным. . . правописание будет тогда, когда оно будет покоиться на одном каком-либо принципе, и именно на принципе у с т о й ч и в о м. К числу безусловно устойчивых принципов в данном случае принадлежит принцип соответствия письменных знаков со звуками живой литературной речи, но этот принцип. . . для школы неудобен. . . А потому этот принцип следует провести лишь частью. . .» (Е. Ф. Будде 1901). Предлагается, таким образом, построить орфографию только на одном принципе, но провести его лишь частично. Такая же непоследовательность характерна и для высказываний других ученых того времени; но характерно и то, что они непоследовательно требуют последовательности в построении орфографии, отстаивают необходимость строго следовать одному принципу, хотя и согласны на уступки. Отсутствие последовательности отчасти объясняется и тем, что в начале XX в. не было еще указано принципа, на котором действительно можно было бы построить всю русскую орфографию.

Среди деятелей реформы были сторонники построения орфографии на фонетических началах (Р. Ф. Брандт, Л. В. Щерба), на морфологических (Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, Ф. Е. Корш) и на традиционно-исторических (А. И. Томсон). Единства можно было добиться на основе морфологического принципа; так, под влиянием дискуссии Р. Ф. Брандт отступил с фонетических позиций, а А. И. Томсон — с традиционно-исторических на позиции морфологической орфографии. Сторонников фонематической орфографии не было. И. А. Бодуэн де Куртенэ, создатель фонологии, принимал живое участие в проведении реформы, но не отстаивал прав фонемной орфографии; принцип ее он сформулировал в 1912 г. (а Р. Ф. Брандт еще в 1904 г. так сформулировал желательные основы русского письма: это письмо, «передающее составные части слов в их наиболее чистом, независимом виде»).

И хотя о фонематической орфографии никто не беспокоился, рекомендации Орфографической комиссии были единонаправленными: отменялись традиционные написания в пользу поддержанных живыми языковыми связями, в пользу фонематических написаний. (Это верно для всех новшеств, кроме правописания приставок на ‹з›; см. ниже). Дискуссия вокруг вопросов усовершенствования русского письма породила в начале XX в. большую и

исключительно ценную научную литературу. Это был огромный скачок в развитии теории русского письма. Научные работы и высказывания И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатова, Ф. Е. Корша, Р. Ф. Брандта, А. И. Соболевского, А. И. Томсона, Д. Н. Ушакова, Л. В. Щербы, В. И. Чернышева детально характеризовали русскую орфографию с разных сторон и в целом давали ей верное и глубокое освещение.

Рекомендации Орфографической комиссии, пройдя путь урезок и сокращений в разных официальных учреждениях, должны были ждать 1917 и 1918 г., когда были изданы декреты о реформе орфографии.

В советскую эпоху орфографическое строительство приобрело огромное общественное значение. Влияние теории на орфографическую практику стало особенно сильным и плодотворным. С первых послереволюционных лет развернулась напряженная работа по изданию национальных письменностей для народов Советского Союза. Эта работа должна была опереться на теорию, выработанную на опыте наиболее развитых и совершенных письменностей, в том числе на опыте русского письма. Появляются работы Н. Ф. Яковлева, в которых впервые дается последовательная фонематическая теория русского письма (1928). В исследованиях Н. Ф. Яковлева, его учеников и сотрудников фонематический принцип построения орфографии использован и проверен при создании многих национальных письменностей.

В 1929 г. была создана новая Орфографическая комиссия; она должна была завершить усовершенствование русской орфографии. Но проект, появившийся в 1930 г., не был одобрен. С 1934 г. в Москве и Ленинграде развернулась другая работа: уже не по реформированию, а по упорядочению орфографии. Она должна была привести к созданию единого орфографического свода. Работа комиссий 30-х годов вызвала ряд ценных исследований, определяющих принцип построения русской орфографии (А. М. Пешковский 1930; Н. Н. Дурново 1930; С. П. Обнорский 1939). Среди ученых были и сторонники укрепления традиционно-исторического принципа орфографии, и приверженцы фонетического. Например, предложения С. П. Обнорского во многих случаях сводились именно к введению этимологических, исторических написаний (см. дальше). Но особенно плодотворно изучалась фонематическая основа русского письма (Н. Ф. Яковлев 1928; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров 1930; А. А. Реформатский 1937). Практических результатов, однако, работа комиссий в 30-е годы не дала.

Орфографический свод вышел только в 1956 г. Предшествовавшая этому дискуссия не привела к появлению значительных трудов по теории русского письма; самое упорядочение носило узко эмпирический характер и определялось стремлением ограничиться минимальными изменениями в орфографии.

К этому же времени относятся попытки пересмотреть вопрос о характере русской орфографии и оспорить ее фонематический характер (М. Н. Петерсон 1955; А. Н. Гвоздев 1947, 1960); попытки эти оказались в частностях полезными, но в целом неубедительными.

Одновременно с сознательным строительством русской орфографии на научной базе протекал процесс ее стихийного преобразования, когда практическое осуществление новшеств опережало теоретические рекомендации. Только для поверхностного взгляда этот стихийный процесс, зачастую идущий вопреки строгим правилам и регламентациям, может показаться анархически бессодержательным. Множество частных изменений объединяется в единонаправленное, целостное движение русской орфографии: она перестраивалась так, что вместо нескольких разнородных принципов в ней господствующим становился один, наиболее отвечающий структуре современного русского языка. Этот процесс усовершенствования письма вел прямым путем к его упрощению: «Всякая система письма будет проста и . . . легка, если она прозрачна с точки зрения своего построения на одном каком-нибудь принципе» (С. П. Обнорский 1939). Этот стихийный процесс развития русской орфографии был замечен и орфографистами-теоретиками. Например,

Я. К. Грот говорил о стихийном проникновении в орфографию написаний с *о* после шипящих (типа *плечо*, *свежо* и пр.). Орфографические рекомендации даже весьма авторитетных лиц оказывались безрезультатными, если они явно шли наперекор этой стихийной, внутренне определенной тенденции в развитии русского письма; например, напрасной была попытка ввести написания *этѣ*, *этѣх* по образцу *тѣ*, *тѣх*. «Обычай в подобных случаях имеет значение стихийной силы, с которою так же трудно бороться, как со всякой стихийной массою» (З. З. Опоков 1901).

Общее направление этого стихийного процесса можно характеризовать так: все более последовательно устранялись исторически-традиционные написания, уменьшалась роль дифференцировочных орфограмм; незначительно колебалось число фонетических написаний (вообще редких в русском письме), значительно возросло число фонематических, морфологических написаний.

Далее рассматриваются отдельные орфографические принципы в таком порядке: фонетический и фонематический (наименьшая передаваемая единица языка — или звук, или фонема), морфологический (наименьшая передаваемая единица языка — морфема), традиционный (наименьшая передаваемая единица языка — слово) и его частный случай — дифференцировочный принцип [1].

Точно определить эти принципы следует так.

1. Фонетический принцип орфографии требует, чтобы написание передавало звучание слова (насколько это возможно при данных алфавитных средствах). Что произношу, то и пишу — вот девиз фонетической орфографии.

2. «Фонематическое письмо — это такое, в котором одни и те же буквы алфавита обозначают фонему во всех ее видоизменениях, как бы она ни звучала в том или ином фонетическом положении» (И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров 1953).

Следовательно, в фонематической орфографии устраняются, не находят отражения все позиционные изменения звуков, и, кроме того, не отражаются некоррелятивные качества звуков, т. е. такие, которые не могут служить самостоятельными различителями слов (ср. необходимость обозначить твердость—мягкость в случаях *мел—мель*, *кон—конь* и пр. и отсутствие необходимости обозначать мягкость [ч] в случаях *плач*, *Гнедич* и пр.). Таким образом, фонематическая орфография обозначает только такие признаки звуков, которые могут выполнять самостоятельную различительную функцию.

3. Морфологический принцип принято определять как письмо, в котором каждая значащая часть слова (приставка, корень, суффикс, окончание) пишется всегда одинаково, независимо от произношения этой части в том или ином слове.

«Цель морфологического принципа — правописное единообразие для однородных морфологических единиц (*вод—вода*, *наводнение*, *водяной* и т. д.)» (В. В. Виноградов 1964).

По словам А. И. Томсона, может быть выставлено идеальное теоретическое требование: «Нужно, чтобы одинаковые начертания морфологических принадлежностей слов [т. е. морфем] всегда обозначали только такие морфологические принадлежности, которые имеют одинаковые значения. Следовательно, начертания *в поле* вместо *в полѣ*, *синее* вместо *синѣе*, *есть* вместо *ѣсть*, *міръ* вместо *миръ* и пр. нежелательны». Однако это идеальное требование в полной мере неисполнимо, так как ведет к массе искусственно дифференцированных написаний, трудно усваиваемых при обучении письму. Нельзя не учитывать, что «чем легче определить букву, которой изображается каждый звук данного слова, тем легче усваивается правописание. . . Поэтому в обратном смысле можно выставить следующее идеальное требование.

[1] Как сказано в предисловии, в дальнейших частях книги принят иной порядок, более удобный для указания связей между этими принципами.

Нужно, чтобы морфологические принадлежности слов, имеющие одинаковые значения и более или менее одинаковый. . . звуковой состав, изображались в письме всегда возможно одинаково. Следовательно, *-аго* рядом с *-ого*, *кожы* рядом с *дрожжи*, *гнатся* рядом с *гнать* и пр. так же нежелательны, как *акно́* рядом с *о́кна*» (А. И. Томсон 1903). Именно только это второе требование и лежит в основе морфологического письма (хотя в литературе об орфографии его иногда и подменяют первым идеальным требованием А. И. Томсона).

4. Традиционно-исторический, или традиционный, принцип наличествует там, где написание не отражает реального строения, фонемного или звукового, языковых единиц (в первую очередь слов). Написания при этом превращаются в буквенные иероглифы, а само письмо должно рассматриваться как особый язык, параллельный устному, а не как его отражение.

5. Дифференцировочный принцип — частный случай традиционно-исторического. Он налицо там, где два слова или две формы, имеющие тождественное фонемное строение, условно разграничиваются с помощью орфографии; ср. *міръ—миръ*, *ѣли—ели*, *ее—ея*; или *ожог—ожёг*, *Орел—орел*, *туш—тушь* и под. Но написания *выпишете—выпишите*, *воле—воли* не являются дифференцировочными, так как они отражают разное фонемное строение слова (при полном тождестве произношения в каждой из этих пар). Именно в дифференцировочном принципе и должно было бы найти воплощение первое идеальное требование А. И. Томсона, если бы он был действительно реализован каким-нибудь национальным письмом.

Предложения

I. Последовательно использовать в русской орфографии фонетический принцип, т. е. писать слова и их сочетания так, как они произносятся по литературным нормам; например: *Педьдесят (пидьдисят) разьделили (разьдилили) напеть (напить). Пчёлы жужжя, летали (литали) нацьветущим (цвитущим) шыповникам. Вавремя казьбы, зьзелёнава (зьзилёнава) луга, слышелас (слышилась) звонкая песьня касца. Наччёрными тучами (тучими), фсёища сьветила (свитила) яркая сонца. Как ясна сьвежы (свижы), каггрусны ибешшумны, асеньнии леса (лиса). Вот ыфсё. . .* (В. К. Тредиаковский 1748; Р. Ф. Брандт 1901; Л. В. Щерба 1905; Л. Е. Филиппова 1962; В. П. Семенихин 1964).

Примечание. Сторонников фонетической орфографии было в прошлом (как и сейчас) немало; но в большинстве случаев они, предлагая писать по произношению, сами не имели ясного представления о произношении и не знали, к чему они зовут. Это с очевидностью демонстрируют образцы орфографий, которые часто приводятся такими сторонниками «фонетических» написаний. Разумеется, их нельзя считать подлинными сторонниками фонетической орфографии, имена их не упомянуты среди защитников письма «по звонам».

■ **1а.** Фонетическое письмо представляется наиболее легким. Орфографии, собственно, и не существует: она полностью сливается с графикой; достаточно знать назначение букв, чтобы написать любое слово. При этом не нужно знать ни его значения, ни его грамматических свойств, ни его членения на морфологические части: достаточно его услышать или самому правильно произнести. А чтобы произнести, достаточно увидеть его орфограмму, сделанную по фонетическому принципу. При фонетическом пи-

сьме «каждая буква, как знак звона, . . .содержит сама в себе ту причину, по какой полагается в том наипаче, нежели в другом месте слога на означение некоторого одного токмо звона. . .» (В. К. Тредиаковский 1748). «. . .Наша ортография может иметь. . . собственный и сродный себе способ в употреблении. . . алфавита в складах и складов в целых словах, для того что ортография не касается как токмо до букв и складов, а до целых слов нимало, потому что ортография есть правильное положение букв в склады, а складов в слова, изображая для глаз токмо, по произволению, известные гóлоса нашего звоны. . .» (В. К. Тредиаковский 1748). Вместо огромного числа орфографических правил действует, по фонетическому принципу, одно: пиши, как слышишь (или как произносишь).

□ **1б.** В этой легкости заключается и наибольшая трудность фонетического письма: умение слышать речь (чужую и тем более свою) требует большой и сложной выучки; как правило говорящие не слышат, какие звуки они действительно произносят. Например, чтобы написать фонетически *зьдьэлыфшый* (или *зьделафшый* или *зьдьэлафшай*), надо уловить слухом и мягкость согласного [з'], и его звонкость; уловить глухость [ф]; верно оценить качество гласных и т. д. Характерно, что все сторонники фонетического письма (за исключением Р. Ф. Брандта) не предлагают обозначать позиционную мягкость, т. е. дают в своих образцах орфографии такие, например, написания: *зделафшый*. Почему же не отмечать позиционную мягкость, но в то же время указывать позиционно вызванную звонкость ([з] вместо [с])? Потому, что мягкость, обусловленную соседством — мягким согласным, обычно не слышат? Но ведь так же не слышат и позиционную звонкость.

Кроме того, наблюдательность у людей различна: одни заметят мягкость и звонкость [з'] в слове *сделавший*, другие заметят звонкость, но не мягкость, третьи — мягкость, но не звонкость, четвертые (и их большинство) услышат здесь [с] под влиянием слов *сумевший*, *свалявшийся* и пр. Следовательно, одни будут писать в начале слова *сделавший* — *зь*, другие — *з*, третьи — *сь*, четвертые — *с*. Таких колебаний будет огромное количество. Придется напряженно и долго учить людей слышать звуки в слове, пренебрегая его смысловыми, морфологическими связями: писать *пропка* (неважно, что *пробок*, *пробочный*, *пробочка*), *нареска* (неважно, что *нарезок*, *нарезать*, *нарезанный*) и т. д.

■ **2а.** Орфографическим «идеалом является возможно больший параллелизм между языком написанным и языком произносимым, и несомненно, что всякое правописание, даже самое консервативное, постепенно развивается в этом направлении» (Л. В. Щерба 1905).

□ **2б.** «По мере приобретения навыка письмо становится все менее зависимым от произношения, а потому различия, вносимые только

произношением, становятся не только ненужными, но лишним бременем для памяти» (А. И. Томсон 1903).

□ **2в.** Параллелизм между языком написанным и языком произносимым достигается и фонематическим письмом, притом без ненужного эмпиризма и «натурализма» в написаниях (см. дальше).

■ **3а.** Фонетическое письмо идеально осуществляет принцип: каждый звук передается одной особой буквой и каждая буква предназначена только для одного звука (Р. Ф. Брандт 1901). «. . .Между многими и разными друг от друга знаками, означающими разные одну от другой вещи, один знак за другой принят быть не может. . .» (В. К. Тредиаковский 1748).

□ **3б.** «. . . Те, которые мечтают о введении у нас чисто фонетического письма, не знают, чего хотят: для такого письма мы не имеем первейшего и существеннейшего условия, т. е. строго фонетической азбуки, которая совершенно покрывала бы собою действительный или слышимый звуковой алфавит» (Я. К. Грот 1876). «Самые звуки, . . .которые мы полагаем уловить буквами, неопределенны, особенно гласные. Кроме твердого [ударного] *а* и твердого *о*, в живом произношении есть слабые *а* и *о*, которые перебегают одно в другое и, кроме того, еще во что-то среднее, которое есть ни то, ни другое. Точно так же перебегают *е* в *и*, *о* в *е*. . .» (Н. П. Гиляров-Платонов 1883). Действительно: для передачи звуков [ъ], [и^{э}], исключительно частых в речи, и для многих других наш алфавит не имеет особых знаков.

■ **3в.** «. . . Если бы писать в существительном *борода* три раза букву *а*, в повелительном наклонении *береги* — три раза *и*, это было бы неточно: только конечные, ударяемые *а* и *и* этих слов вполне явственны, а в начальных слогах имеются даже совсем глухие звуки. Но какое бы все-таки облегчение представляло правило писать буквы *о* и *е* лишь там, где они ясно слышатся, а то всегда употреблять *а* и *и*!» (Р. Ф. Брандт 1901).

□ **4а.** В фонетических написаниях отпугивает их эмпиризм. Одну и ту же приставку или предлог придется изображать по-разному: *биз дома*, *бизь дела*, *бис фкусу*, *бись тибя*, *биш шума*, *биж жира*, *бищ щасьтья*, *бежж жженья*, *бежь жюри*, *бе́з гаду ниделя* и пр., ср. также: *под*, *пот*, *пад*, *пат*, *пач* (*подчеркнуть*, *под чертой*) и пр. (Ф. Е. Корш 1902).

В живой звучащей речи налицо ассимиляция согласного следующим согласным; она, уменьшая число перестроек речевых органов, число их передвижений, экономит произносительные усилия. Но передача этих ассимиляций на письме, наоборот, требует дополнительного внимания, чтобы из многих написаний приставки *без* (и любой другой приставки, предлога, корня, суффикса) выбрать именно тот вариант, который нужен для данного частного случая. Эта трата внимания нерациональна.

■ **4б.** «Чем-то ужасным может показаться изображение предлога *под* по звуковому способу в четырех видах: *под* (*по́дрези*), *пот* (*по́тпись*), *пад* (*падва́л*) и *пат* (*патхо́т*). Но разве нам неясно, что *раз-* (*разбить*), *рас-* (*раскрыть*), *роз-* (*розвальни*) и *рос-* (*роспуски*) — разновидности одного и того же предлога? Здесь мы в колебании заходим столь далеко, что при прошедших временах *роздал* и *розлил*, с явственным под ударением *о*, употребляем написания *раздать* и *разлить* с *а*» (Р. Ф. Брандт 1901).

□ **4в.** Дурные примеры — не образец (как говорил еще М. В. Ломоносов). Именно фонетическое написание приставки *роз—раз—рос—рас* и вызывает затруднения. Этот пример и показывает, что эмпирически дотошное воспроизведение на письме всех звуковых изменений приставки, корня и т. д. совершенно не нужно.

□ **5а.** «Из всех требований, которые предъявляются к правописанию как социальными, так и психическими условиями практической жизни, нужно считать единообразие и постоянство первейшими» (А. И. Томсон 1903). Между тем даже литературное, нормированное произношение очень вариативно. Различается произношение старшего и младшего поколений, произношение Москвы и Ленинграда (и других очагов литературной речи) и т. д. По фонетическому принципу «что произношу, то и пишу» все эти различия отразятся на письме. Это разрушит орфографию (Ф. Е. Корш 1902; А. И. Томсон 1903).

■ **5б.** «Если не считается ошибкой произносить *сем*, тогда как другие говорят *семь*, то незачем считать ошибкою обозначение твердости и на бумаге; если одинаково правильным признается выговор *звёзды* и *звезды*, то по фонетическому способу обязательно и двоякое написание. Такое воспроизведение выговора особенно желательно в стихах: при теперешнем правописании можно прочесть несогласно с произношением поэта и этим уничтожить рифму. Употреблена, например, рифма *звёзный—грозный*, и если мы прочтем *зве́зный*, то рифмы не будет; или же автор, напротив того, произносил *е*, рифмуя *звезный—железный*, и рифма пропадет, если читать *звёзный*. Подобным же образом двоякое начертание при двояком произношении одного и того же слова было бы весьма кстати в рифмах: *безупрёчен—непорочен*, *безупречен—незамечен*, . . .*конешно—успешно*, *конечно—вечно*, *она сдалас—раз*, *она сдалась—князь*» (Р. Ф. Брандт 1901).

□ **6а.** При фонетическом письме разрушаются морфемные связи между словами. Например, если писать *бестрасность* (вместо *безстрастность* — по морфологическому принципу), то «ясность представления совсем будет для вас утрачена. Это будет стертый пятиалтынный, на котором исчез чекан. Вы его будете принимать за пятиалтынный, но будете принимать и за гривенник: соотношение между живыми речениями в составе языка утрачивается, по-

нятия лишаются определенности и мысль — дисциплины. И все отчего? От выпуска каких-нибудь двух значков: *з* и *т*, но *з* напоминает вам целую категорию недостатка и отсутствия, а *т* вызывает представление о страсти, отсутствие которой *безстрастностью* обозначается» (Н. П. Гиляров-Платонов 1883).

■ **6б.** «. . .Правильнее писать по звону, не взирая ни на какие затруднения. Что мне нужды, что произведения корень виден не будет? Старается ли о корепях все общество пишущих, которым невозможно писать без правил ортографических, а основательнейшие и легчайшие ортографические правила на одном токмо звоне утверждаются» (В. К. Тредиаковский 1748). «Какая надобность подчеркивать родство слов *лавка* и *лавочник*, ставя в обоих букву *в*? Ведь и самый безграмотный лавочник, способный написать слово *лавка* через *ф* или *θ*, отлично сознаёт тесную связь, существующую между ним и его лавкой. Усумнимся ли мы в том, что фамилии *Шапошников* и *Посников* восходят к словам *шапка* и *пост*, хотя бы (как бывает часто, чуть ли даже не постоянно) в первой было написано *шн* вместо *чн*, а во второй — *сн* вместо *стн*?» (Р. Ф. Брандт 1901).

«. . .Звон выговора нашего толь близко от произведения отлучается, что почитай с ним непосредственно вместе стоит. Всегда в таких случаях вместо *б* выговаривается *п*, вместо *в* — *ф*, вместо *д*—*т*, вместо *ж*—*ш*, вместо *з*—*с*, но *б*, *в*, *д*, *ж*, *з* с *п*, *ф*, *т*, *ш*, *с* кровное родство, так сказать, имеют, для того что каждая пара одним и тем же органом произносится, как *б* с *п*, а так и прочие пары. Того ради едва ль можно сказать, что в наших производных трудно будет находить корень ученому человеку, ежели писать их по звону» (В. К. Тредиаковский 1748).

□ **6в.** «Приказав писать только по выговору известного ареопага, мы, как бы ни высока была его авторитетность даже в глазах не принадлежащих к нему смертных, предпишем таким образом обязательное истребление этимологического [морфологического] чутья, прирожденного всякому нормальному младенцу. . . Да разве уж и так трудно сообразить, что [в слове *пирашки*] это *ш* заменяет собою в выговоре этимологическое *ж*, так как название этого самого предмета в им. ед. есть *пирожок*, а тот, кто его печет, зовется *пирожником*? Пренебречь в правописании этимологией позволительно лишь там, где язык ее забыл; так, например, нет нужды восстанавливать графически первоначальное *т* в слове *свадьба*, когда язык, образуя от него прилагательное *свадебный*, очевидно, уже не чует связи существительного с глаголом *сватать*. . .» (Ф. Е. Корш 1902).

Сторонники звукового письма считают, что при обучении их орфографии не надо учитывать морфемные связи слов, и это облегчает дело. На самом деле эти связи устанавливаются не при обучении письму, они существуют в сознании всех говорящих — и фо-

нетическая орфография требует активного процесса: отказа от этих связей при письме, умения отвлечься от них, преодолеть связь форм *пирожки—пирожок* и пр. Это преодоление потребует постоянного внимания; воспитать тормозной процесс окажется нелегким делом.

■ **7а.** Считается, что усвоение фонетической орфографии легче, чем усвоение любой иной.

□ **7б.** Однако «интересы усваивающего правописание школьника и интересы уже усвоившего правописание читателя настолько различны, даже прямо противоположны, что реформатору чрезвычайно затруднительно согласить наибольшее облегчение первого с наименьшими жертвами второго» (Д. Н. Ушаков 1911). Фонетическая орфография это противоречие решает в ущерб освоившему правописание. «Усиление фонетического элемента облегчает первоначальное писание, но вследствие своей пестроты затрудняет окончательное закрепление правописания в памяти» (А. И. Томсон 1903).

□ **8а.** Фонетическое письмо приведет к появлению множества омографов: *рот—род*, *душка—дужка*, *вперемешку—вперемежку* и т. д. будут писаться одинаково.

■ **8б.** «Однако слово употребляется не само по себе, а в предложении, так что смысл его вытекает из общей связи и вовсе не нуждается в поддержке правописания» (Р. Ф. Брандт 1901). «. . . Не одно токмо пишется какое слово, но всегда и прежде его, и после находится их несколько в круге содержания. Так, не имеет, кажется, быть никакого замешания в содержании, когда напишется слово *плод* по звону: *плот, который в моем саду вырос сего лета, я сам оный и съел; а плот бревен, сплоченный по Охте, сплавлен рекою до десятыя линеи*» (В. К. Тредиаковский 1748).

«Встречаются, правда, иногда такие выражения, которые лишь для глаза представляют определенный смысл, более менее затемняющийся при чтении вслух. . . Одно сочинение. . . А. А. Потебни озаглавлено: „Значения множественного числа“, причем лишь написание показывает, что речь идет о различных значениях, а не об одном; таков же заголовок, выписанный мной из „Московских ведомостей“: „Покушения на жизнь королевы Виктории“: прочтя его, не обращая особенного внимания на буквы, я ждал известия о новом покушении, а оказалось, на что глазу намекала уже буква *я*, что говорилось о нескольких прежних покушениях. Также на одно только зрение рассчитано встретившееся мне где-то заглавие: „Болота“, тоже изображающее множественное число. . . Во всех приведенных случаях имеется замаскированное правописанием неудачное употребление слов и выражений: везде следовало бы дать речи иной оборот [1]. . . .Когда правописание таким образом

[1] Так, мн. ч. *значения*, *болота* следовало бы поставить в другом падеже: *о значениях*, *о болотах* или снабдить каким-нибудь определением: *различные значения*, *наши болота*. . . — *Прим. Р. Ф. Брандта.*

скрывает от нас недостатки нашего стиля, соблазняет нас к неясным и неточным выражениям и к бессознательным, далеко не остроумным каламбурам, то не оказывает ли оно нам своими тонкими различениями медвежью услугу?» (Р. Ф. Брандт 1901).

□ 8в. «Мне возразят, что значение фонетического написания... вытекает из контекста. Но для этого нужно читать предложение от слова до слова. А разве при таком способе читать могли бы существовать толстые газеты там, где „time is money"? Ведь из долей секунд, излишне потрачиваемых на чтение каждого предложения, складываются часы, а в многомиллионном грамотном народе ежедневно рабочие годы» (А. И. Томсон 1904).

Существует особая письменная речь. «Пишущий и молча читающий не воспроизводят и *не должны* воспроизводить в своем воображении соответствующего звука в его живом трепете; они либо переживают это звучание в крайне скомканном, зачаточном, атрофированном виде, либо совсем не переживают его, т. е. прямо ассоциирует *мысли и значения с буквами*, минуя звуки. Другими словами, письменный язык хотя и обязан своим происхождением устному и сохраняет известные связи со своим прародителем, однако все же есть в той или иной мере *особый язык*, особая система знаков, аналогичная системе устного языка, но не дублирующая ее. Если буквы выполняют в этой системе такую же общую функцию, какую в устной системе выполняют звуки, то отсюда так же мало следует адекватность букв звукам, как из одинаковой функции передвижения, выполняемой крыльями и ногами птиц, следует адекватность крыльев и ног... Усвоение правописания с этой точки зрения есть *смена* одного внутреннего и внешнего механизма на другой, а пользование есть управление этим вторым механизмом, сменяющим в известных случаях первый. Продолжая наше сравнение и облекая его по необходимости в фантастические формы, мы должны сказать, что глупо поступила бы та птица, которая вздумала бы в точности повторять в воздухе крыльями те движения, которые она производит ногами на земле...

Процесс чтения протекает *должен* протекать по условиям нашей культурной жизни во много раз быстрее, чем процесс слушания устной речи (который изохронен с произнесением ее). Если бы кто вздумал читать про себя газеты и журналы, деловые бумаги, научные статьи по своей специальности и т. д. в том же темпе, в каком читают вслух, то он моментально был бы вышиблен из современной жизни, потому что с первых же шагов безнадежно отстал бы от нее. Но, конечно, это пример фантастический, так как вполне грамотный человек уже *не может* искусственно замедлить темп своего немого чтения до уровня темпа чтения устного. Недаром существует выражение «*пробежать* газету». Мы именно «бегаем» глазами по тексту, намеренно перепрыгивая

через целые абзацы и страницы (неизбежное «просматривание» научной литературы), и слишком яркое воспроизведение артикуляционно-слуховых моментов (характерное, как известно, как раз для малограмотных) не только не нужно здесь, но и вредно: оно замедляет, тормозит процесс «бега». Если бы письмо наше было совершенно лишено многих нынешних добавочных различений, отсутствующих или почти отсутствующих в устной речи (вроде *случится* и *случиться*, *пашни* и *пашне*, *добрую* и *доброю*, *ходила* и *ходило* и т. д.), то и пишущий, и читающий, несомненно, должны были бы ближе держаться норм и звучания устной речи, т. е. гораздо ярче представлять их себе в процессе письма-чтения и, следовательно, более на них з а д е р ж и в а т ь с я. Для художественной речи это, может быть, было бы и хорошо, но для деловой с ее бешеным темпом — это зарез. . .

Письменная речь есть не только письменная, но и литературная, т. е. по самому содержанию своему затрудненная. Языком газетных телеграмм, языком «Капитала» Маркса или «Критики чистого разума» Канта никто не говорит, а если бы кто вздумал говорить, то даже при медленности темпа устной речи остался бы во многом непонятым. . . Отсюда вытекает необходимость сосредоточивать при чтении максимум энергии на п о н и м а н и и текста. А отсюда необходимость тратить минимум сил на восприятие самих знаков. На первый взгляд может показаться, что между данным пунктом и предыдущим у нас противоречие. Там мы говорили о необходимости быстрого чтения, «пробегания», а здесь — о необходимости в ряде случаев нарочито замедленного, вдумчивого чтения. Но это именно только на первый взгляд. Дело в том, что когда мы «прегрызаем» какую-нибудь трудную для понимания книгу, мы тратим время не на самое прочтение слов и фраз, а на обдумывание их смысла. И чем меньше времени будет потрачено на прочтение, тем больше его останется на обдумывание. Стало быть, и с этой точки зрения выгодна убыстренность механизма немого чтения» (А. М. Пешковский 1930).

□ **9а.** Проектируемое фонетическое письмо все равно окажется непоследовательным: в нем не указаны ударения и вообще суперсегментные звуковые показатели.

■ **9б.** «Звуковое письмо, понятное дело, должно быть сопряжено с частым (если уж не с постоянным) употреблением ударений: я считаю большою ошибкой, что при введении гражданской азбуки было устранено обычное в церковном письме обозначенье ударения. Главная опасность при встрече с непривычными написаниями заключается именно в том, что в них легко погрешить насчет ударения: произнесши *слáва мáи*, мы можем не узнать в акальском написании простого сочетания *славá май*; произнесши *иженастáвит*, мы можем извратить смысл слитного написания *йженастáвит*» (Р. Ф. Брандт 1901).

□ **10а.** При значительном диалектном разнообразии русского языка фонетическая орфография окажется или зеркалом этой пестроты (и тогда, лишившись единства и стабильности, перестанет быть орфографией), или для многих пишущих, едва ли не для большинства, превратится в условное письмо (А. А. Хованский 1860; Проект Казанского педагогического общества 1902; А. И. Томсон 1903).

■ **10б.** «От провинциализмов (как в речи, так и на письме) люди по возможности воздерживаются, а если провинциализмы где-нибудь проявятся, невольно или намеренно, то при звуковом написании будут столь же понятны (подчас, конечно, столь же непонятны), как и в живой речи. Для провинциалов было бы даже очень полезно, если бы правописание указывало им на литературное произношение, и это повело бы к еще большему единству выговора. Затруднения при обученье провинциалов грамоте несомненно будут, однако они замечаются и теперь: ведь и обычное письмо чисто условно мирит говоры, воспроизводя на бумаге произношение того или другого говора, а иногда и никакого» (Р. Ф. Брандт 1901).

□ **10в.** Следовательно, для большинства фонетическое письмо не будет фонетическим: если правописание должно указывать литературное произношение, то правилом «что произношу, то и пишу» могут пользоваться только те, кто уверен, что полностью владеет литературным произношением.

■ **10г.** Но и диалектно говорящих фонетическое письмо не могло бы затруднить; они следовали бы такому правилу: «если хочешь писать по-литературному, то не различай безударных *а* и *о*, *е* и *и*» (Р. Ф. Брандт 1901).

□ **10д.** «. . .Для установки правописания на чисто фонетической основе необходима наличность общепризнанного образцового произношения. При малых размерах территории, занимаемой данным языком, и при однородности ее населения единство выговора дается само по себе, без вмешательства ученых. Другое условие, . . . с первого взгляда невероятное, но подтверждаемое многими примерами, это — крайняя диалектическая [т. е. диалектная] рознь, как, например, в областях языков итальянского и новогреческого. Если пьемонтец не поймет сицилийца. . . иначе, как при помощи литературного языка, естественно, что, объясняясь друг с другом на этом языке, условно общем обеим сторонам, говорящие должны держаться и условно общего произношения, присвоенного этому условному языку. . . Всякий неаполитанец, романьол, сардинец и т. д. должен обучаться книжному выговору приблизительно так же, как французскому или испанскому. Мудрено ли при таких условиях, что этот выговор — один для всех, по крайней мере, в идеале? У нас, несмотря на громадность тер-

ритории, неграмотный беломор может пройти со своим наречием до Каспийского моря и смоленец — до Камчатки. . .» (Ф. Е. Корш 1902).

■ **11а.** Фонетическая орфография оправдала себя в некоторых национальных письменностях; из славянских, например, в сербской.

□ **11б.** Использовать ее, действительно, целесообразно для языков, где нейтрализация фонем (совпадение нескольких из них в одном звуке) — явление редкое. В сербском языке отсутствует качественная редукция гласных, оглушение звонких согласных на конце слова и перед глухими и т. д. Следовательно, нейтрализация фонем в сербском языке встречается сравнительно редко (при озвончении глухих перед звонкими согласными). Поэтому фонетическая орфография в языках подобного строя мало отличается от фонематической и практически равноценна ей. «Реально фонетическое письмо всегда является компромиссом с фонологическим» (Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров 1930).

Iа. Использовать в русской орфографии фонетический принцип, т. е. передавать на письме звуковой состав слов, но при этом не отмечать звуковые мены на границах слов; например: *. . . на петь. . . над цветущим. . . ва время. . . с зеленова. . . над чорными. . . всё ищо. . . как грусны. . . вот и фсё.*

Примечание. В прямой форме это предложение не было сформулировано, но очевидно, что многие сторонники звукового письма имели в виду именно такую орфографию. Наиболее последовательные из них, однако, явно не шли на подобный компромисс; ср. замечание Р. Ф. Брандта: «В области слитного и раздельного писания слов фонетический принцип клонится к предпочтению писания слитного» (1901); при слитном же написании служебных слов со знаменательными естественно передавать и их звуковое взаимодействие.

См. предыдущее предложение, п. 1—8. Компромисс, предлагаемый настоящим предложением, заставит пишущего думать не только о звуковом потоке, но и о том, какими особенностями звуков надо пренебречь. Таким образом, с точки зрения фонетического письма это предложение непоследовательно. Компромисс сделан в пользу фонематического письма (см. дальше), но он не преодолевает недостатков «звуковой» орфографии.

II. Последовательно использовать в русской орфографии фонематический принцип, т. е. передавать на письме фонемный состав морфем и слов; например: *Пятьдесят розделили на пять. Пчолы, жужжа, летали над цветущим шиповником. Во время косьбы с зелёново сочново луга слышалас (слышилась) звонкая песня косца. Над чорными тучами всё ещо светило яркое солнцо. Как ясно свежи, как грустны и безшумны леса! Вот и всё. . .* (И. А. Бодуэн де Куртенэ 1912; Н. Ф. Яковлев 1928; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров 1930; Н. Н. Дурново 1930; А. И. Зарецкий 1946; И. С. Ильинская и

В. Н. Сидоров 1953; Предложения Института русского языка 1962).

Примечание. К сторонникам этого предложения отнесены все, кто последовательно (в какой-то период своей деятельности) придерживался мнения, что орфография должна передавать только различительные (следовательно, позиционно не обусловленные) черты в звуковом строе слов и морфем[1].

■ 1. Фонематическая орфография полностью отвечает знаковому характеру языковых единиц. В системе языка каждая единица определяется «тем, что она не то, что другие». «В языке нет ничего, кроме различий»[2]. Фонематическая орфография и требует отражения на письме только различительных особенностей в звуковой стороне морфем и слов. Именно поэтому не отражаются в фонематических орфограммах позиционные изменения звуков: они не различительны. Например, в словах *дело* и *дельный* буква *е* передает разные звуки: [э] открытое (*дело*) и [э̂] закрытое (*дельный*). Но это различие позиционно обусловлено, перед мягким согласным может быть только [э̂] закрытое, перед твердым и в конце слова — только [э] открытое. Таким образом, мена звуков [э̂] — [э] не различительна, она никогда в русском языке не бывает единственным различителем слов и морфем: она неизбежно сопровождается меной согласных (твердая—мягкая); напротив, мена твердых—мягких согласных самостоятельна, она встречается независимо от других мен и должна обозначаться на письме. Так и другие позиционные мены последовательно не передаются фонематической орфографией: а) качественная редукция гласных, т. е. мена [о]/[а], [э]/[и] (*водный — вода*, *лес — лесной*); б) ассимиляция согласных по звонкости и глухости: *отпустить — отбежать*, *косцы — косьба*, *резцы — резьба*; в) ассимиляция согласных по мягкости: *косточка — кости*, *узда — уздечка*, *романс — о романсе*; г) ассимиляция согласных по месту артикуляции, т. е. мена [с]/[ш] и [з]/[ж] и под.: *слить — сшить*, *сжечь*; *разлить — расшить*, *разжечь*; *разбредшийся*; *перенесший* и т. д.; д) редукция согласных до нуля: *страстный*, *поздно* и т. д.

Фонематическая орфография также не передает признаки звуков, если они не играют различительной роли; например, написания *речь*, *мощь* нефонематичны, так как мягкость [ч'], [щ'] неразличительна в русском языке: нет противопоставлений [ч'], [щ'] (мягкие) — [ч], [щ] (твердые).

Все это прямо соответствует знаковому характеру языковых единиц.

■ 2. «В русском произношении можно отметить следующие особенности, чрезвычайно важные для русского правописания: 1) ударе-

[1] Описание системы русских фонем см. в книгах: Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945; А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1960.

[2] См: Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 116.

ние подвижно: одна и та же основа, одна и та же приставка, один и тот же суффикс или окончание могут оказываться в одних случаях под ударением, в других без ударения; но при этом ударяемым гласным без ударения соответствуют другие звуки: ударяемым *а* и *о* после твердых и в начале слова соответствует один звук, ударяемым *а*, *о*, *е* после мягких (пишется *я*, *ё*, *е*) соответствует также один звук; говорящими эти звуки сознаются не как *а* или *и*, согласно их объективному произношению, а как безударные соответствия ударяемым *а*, *о*, *е*. 2) Согласные звонкие и глухие различаются только перед гласными и согласными *л*, *р*, *м*, *н* и не различаются перед остальными согласными и в конце слова: в конце слова и перед глухими они произносятся глухо, а перед звонкими — звонко. Но говорящие сознают в таких случаях произносимые ими глухие и звонкие согласные не как глухие и звонкие, а как. . . соответствия глухим и звонким. Эти две особенности русского произношения должны учитываться и правописанием. . .» (Н. Н. Дурново 1930).

«. . .Говорящий обыкновенно не замечает тех различий в произношении, которые обусловлены положением звука среди других звуков. . .» (Н. Н. Дурново 1930). Следовательно, произнося: [п'а́тыи], [п'ät'], [п'эт'и́], [на́п'ит'], говорящие не замечают звуковых оттенков, которые появляются под влиянием условий произношения. Принцип фонематической орфографии: позиционные изменения звука не учитываются, звук от них «очищается», абстрагируется. Поэтому по фонемному принципу надо писать не *пятый*, *пети*, *на пить* (т. е. не фонетически), а *пятый*, *пяти*, *на пять*. Точно так же пишется не *извощик*, *казьба*, *паутафка*, *исп*, *шшыть*, а *извозчик*, *косьба*, *подставка*, *изб*, *сшить* и пр. Фонематическая орфография преодолевает эмпиризм фонетического письма; она отражает те обобщения, которые сложились в сознании говорящих и обусловлены объективными соотношениями в языке.

■ **3.** Фонематическое письмо обеспечивает единообразное написание каждой морфемы (приставок, корней, суффиксов, окончаний). Например, корень *вод-* пишется одинаково в разных словах: *вода*, *вод* (род. п. мн. ч.), *водовоз*, *заводь*, хотя произносится поразному: [вад], [вот], [въд], [вът']. Все эти изменения корня позиционно обусловлены: [о] меняется на [а] в положении непосредственно перед ударением и на [ъ] — в остальных безударных слогах; [д] меняется на [т] в конце слова. Эти позиционные изменения не передаются фонематической орфографией.

В то же время фонематический способ показывает, до каких пределов должна сохраняться неизменность морфемы; ср. написание *обезвоживать*, *обезвоженный*. Здесь мена [д] на [ж] отражена в письме, так как она не является позиционной: [ж] и [д] одинаково возможны в позиции перед гласной: ср. *обезвоживать* и *водит*; *обезвоженный* и *обыденный*.

■ 4. При этом фонематический принцип позволяет письму не порывать связи с произносительной стороной языка. Фонематические написания *извозчик*, *косьба*, *подставка*, *изб*, *сшыть* и пр. допускают только одно чтение (хотя эти орфограммы не отражают звукового состава записанных слов). Фонематические написания допускают однозначную звуковую интерпретацию, потому что в русском письме «разногласие между звуками речи и буквами определяется большею частию наличными условиями, легко усваиваемыми бессознательно» (А. И. Томсон 1903).

■ 5. Фонематическая орфография облегчает чтение, так как морфемы имеют стабильное буквенное изображение (с обозначением, однако, непозиционных чередований в них, т. е. чередований фонем). С другой стороны, облегчено и письмо, так как возможна проверка написаний (по сильному положению фонемы). «Если мы легко сопоставляем *вода — воды*, *дуб — дуба*, *ветвь — ветка*, то это и указывает на живые соотношения, а следовательно, на возможность поставить тот или иной конкретный звук в положение наибольшего фонеморазличения и тем определить его написание. На этом соотношении и живом «чутье» говорящих и пишущих основаны известные школьные правила правописания безударных гласных, звонких согласных, обозначение мягкости согласных, стоящих перед мягкими же согласными: измени слово так, чтобы «гласный стал под ударение», «согласный стал перед гласным», «мягкий согласный стал в конце слова или перед твердым согласным». Таким образом, указанные написания. . . находятся в соответствии с принципом фонематического письма. В школьной практике такие написания обычно называются проверяемыми» (Н. С. Рождественский 1960).

■ 6а. В современном состоянии русскую орфографию надо определить как фонематическую. Этот характер она приобрела в результате стихийного развития (и только в малой степени — под влиянием орфографистов-теоретиков), стихийно она двигалась к тому единству орфографии, которое наиболее оправдано строем русского языка.

Фонематический характер имеют такие основные правила орфографии: 1) чтобы знать, как писать безударную гласную, надо поставить ее под ударение; 2) чтобы знать, писать звонкую или глухую согласную, надо поставить эту согласную перед гласным или звуками [м], [н], [л], [р], [в], [j]; 3) чтобы знать, надо или не надо писать ь после согласной перед другой согласной, надо изменить слово так, чтобы вторая согласная стала твердой; если при этом первая согласная остается мягкой, то надо писать мягкий знак; 4) правописание слов *честный*, *прелестно*, *поздно*, *уездный* и пр. проверяется словами *честен*, *прелесть*, *опоздать*, *уезд* и т. д.; 5) после ч в сочетаниях *чк*, *чн*, *чт* не пишется мягкий

знак; б) после *ж*, *ш*, *щ*, *ч* пишутся не буквы *я*, *ю*, *ы*, а буквы *а*, *у*, *и* (т. е. те, которые не обозначают качества предшествующего согласного). Таким образом, во всех основных положениях наша орфография фонематична.

□ **6б.** В современном русском письме «написаний, соответствующих произношению, значительно больше (77%), чем написаний, не соответствующих произношению (23%)» (М. Н. Петерсон 1955). Не значит ли это, что русское письмо в основном (на три четверти) является фонетическим, а не фонемным?

■ **6в.** «Не всякое соответствие звука букве есть фонетическое написание. Было бы неверно думать, что такие написания, как *дом*, *стол*, *сон*, *старик*, *рука* и др., являются написаниями фонетическими. Они столь же фонетические, сколь и морфологические (фонологические), поскольку передают основные виды фонем, произносящихся здесь. Таким образом, фонетизм здесь мнимый.

Говорить о выборе фонетического или морфологического [фонематического] принципа можно лишь там, где нужно решить — передавать ли комбинаторные варианты фонем, их фонетические модификации, или нет. . . Следовательно, мы можем писать либо фонетически — *вада*, *акно*, *патхот*, либо морфологически [фонематически] — *вода*, *окно*, *подход*» (Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров 1930).

Для решения вопроса о характере русского правописания «иногда применяют метод подсчета с целью установления, каких написаний. . . у нас больше, а каких меньше. При этом подсчет производится чисто внешним образом: например, утверждается, что такие слова, как *дом*, *кол*, *мост*, поскольку их буквенный и звуковой состав полностью совпадает, пишутся целиком по фонетическому принципу; такие, как *дома*, *колы*, в которых из четырех букв три полностью соответствуют звукам (*д*, *м*, *а*; *к*, *л*, *ы*), а одна не соответствует, пишутся на 75% по фонетическому принципу. . . и т. д. . . . Чисто внешний подсчет написаний, встречающихся в русском письме, по методу, описанному выше, приводит, как этого и можно было ожидать, к выводу о количественном преобладании фонетических написаний. Но следует ли из этого, что основным для русского правописания является фонетический принцип? . . . Слово *дом*. . . ассоциируется как по значению, так и по слуховому и графическому образу с такими словами, как *дом-á*, *дом-ов*, *дом-ишко*, *без-дом-ный*, *дом-аш-ний* и т. п. . . . Написание *о* в словах *дом*, *мост* и т. п. нельзя рассматривать в отрыве от того, что эта же буква сохраняется на письме во всех других словах, имеющих тот же корень. . . Основным, господствующим принципом нашего письма является сохранение внешнего вида морфемы . . . независимо от того, как она, в силу тех или иных фонетических условий, произносится» (А. Б. Шапиро 1951).

«. . . Фонематическое и фонетическое письмо, хотя и основанные на различных принципах, не всегда противоречат друг другу. Поэтому определенные написания могут быть мотивированы одновременно и фонетически, и фонематически. Так всегда бывает в том случае, когда на письме передаются фонемы, выступающие в речи в своем собственном звучании, т. е. в положении, где ее качество не изменяется. Например, в слове *дом* каждая из букв передает соответствующую фонему, являющуюся в собственном звучании, потому что все эти фонемы выступают в фонетических положениях, которые не видоизменяют их качества. . . Обозначая в слове *дом* фонемы в их собственном звучании, буквы, естественно, в то же время обозначают это слово по его действительному звучанию в устной речи. Фонетическое письмо передает слово *дом* и ему подобные так же, как и письмо фонематическое. Понятно, что по таким написаниям, одинаковым и для фонематического, и для фонетического письма, определить характер письма нельзя. Напротив, сами эти написания должны быть истолкованы как фонематические или фонетические в зависимости от других написаний, в которых наглядно обнаруживается принцип, лежащий в основе письма. . . Иначе говоря, характер письма определяется не тогда, когда фонематический принцип совпадает с фонетическим, а когда они противоречат друг другу.

Так бывает тогда, когда фонема является в речи не в собственном звучании, а в видоизменениях (вариантах и вариациях), обусловленных фонетическим положением. В этом случае перед письмом две возможности, взаимно исключающие друг друга. Оно может передавать или то действительное звучание, которое имеет фонема в обусловленном положении, или же вне зависимости от того, какой в действительности произносится звук, обозначить фонему по ее основному звучанию, выступающему в фонетически необусловленном положении. В первом случае написание будет фонетическим, во втором — фонематическим. . . Написание *дама́* с буквой *а*, передающей звучание [а], в котором является в предударном положении фонема ‹о›, представляет фонетическое написание. Написание же *дома* с буквой *о*, которая передает фонему ‹о› по ее основному звучанию, проявляющемуся в положении фонетической необусловленности (ср. ‹дом›), представляет собой написание фонематическое.

Таким образом, характер письма определяется написаниями, которыми передаются видоизменения фонем, их варианты или вариации, обусловленные положением. Именно в этом случае приходится делать выбор, передавать ли те звучания, которые произносятся в таком положении, или же обозначать фонемы безотносительно к тому, как они здесь произносятся.

В зависимости от того, отражаются или нет на письме видоизменения фонем, получают функционально различное значение и те написания, которыми передаются фонемы в их собственном,

неизмененном звучании. Такие написания, взятые сами по себе, являются одновременно и фонематическими, и фонетическими. Но если на письме видоизменения фонем передаются согласно произношению, а не по их принадлежности к соответствующей фонеме, т. е. передаются согласно фонетическому принципу, то и написания, передающие фонемы в их собственном звучании, выступают в качестве фонетических написаний. Они в таком случае передают не фонемы в их собственном звучании, а сами эти звучания, безотносительно к тому, являются ли они фонемами или их видоизменениями.

Наоборот, коль скоро на письме не передаются видоизменения фонем, а в соответствии с ними обозначаются фонемы по их основному звучанию, написания, передающие сами эти фонемы, выступают в системе письма как фонематические написания» (И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров 1953).

В современных русских текстах около 95% фонематических написаний, нефонематических — около 5%. Из этого следует, что основной принцип русской орфографии — фонематический, а не фонетический.

□ **7а.** В русском письме нефонематическими являются такие написания: а) буква *г* в окончании *-ого*, *-его* (*злого*, *знающего*, *того*); б) мягкий знак после согласных *ш*, *ж*, *щ*, *ч*; в) буквосочетание *цы* (*цыпленок*, *огурцы*, *бледнолицый*, *Лисицын*); г) правописание приставок на ‹з›; д) использование *е* (вместо *ё*, *о*) для обозначения ‹о›: *нес*, *несу*; *желт*, *желтизна*. . .; е) чередование букв в корнях *рост—расту*, *загар—загореть* и пр.

Кроме того, иногда нефонематическими считают такие особенности русской орфографии: а) изображение ‹а› двумя буквами *а* и *я*, ‹у› — двумя буквами — *у* и *ю*, ‹о› — двумя буквами *о* и *ё*, ‹и› — двумя буквами *и* и *ы*; б) неразличение твердых и мягких согласных перед *е*, ср. *в дуле — о доле*, но *дуло — доля*; в) чередования в глагольных корнях *умирать—умереть*, *выбирать—выберу*; г) окончание *-ий*, *-ый* (*синий*, *знающий*, *старый*) и под.

Некоторые из этих отступлений от фонематического принципа в современном русском письме непреодолимы. Поэтому высказывается мнение, что «создавать последовательное фонематическое письмо. . . для русского языка невозможно» (А. Н. Гвоздев 1960).

■ **7б.** Все действительно нефонематические написания могут быть устранены из русского письма. Некоторые из них, например передача буквой *е* фонем ‹э› и ‹о›, строго говоря, не являются антифонематичными. Фонематическая орфография требует, чтобы передавались только различительные, только не вызванные позиционно качества звуков. Но фонематическая орфография не требует, чтобы передавались в с е такие признаки; она указывает только максимум информации, выше которого в орфографии

подниматься не следует. Ср., например, необозначение ударения на письме, хотя распределение ударных и неударных слогов в слове является его фонематической характеристикой. Поэтому написания *нес*, *придет* нельзя считать нарушающими фонематический принцип русского письма.

Буквы *а* и *я* имеют разное фонематическое содержание: *я* означает ‹а› и мягкость предшествующего согласного; буква *а* означает только фонему ‹а› и т. д. Следовательно, написания *няня*, *утюг*, *нёс* строго фонематичны, так же как и написания *наш*, *туго*, *нос*. Так же фонематичны и написания *ны—ни*, *ты—ти* и пр. (буква *ы* означает фонему ‹и› и твердость предшествующего согласного, буква *и* — только фонему ‹и›; это немаркированный член противопоставления).

Смягчение согласных перед ‹э› в современном русском языке, вероятно, уже непозиционно; следовательно, в формах *в дуле*, *о доле* налицо одинаково фонема ‹л'›: форма предл. п. образована флексией *-е* (т. е. ‹э›) и мены твердых согласных фонем перед нею на мягкие. (В слове *доля*, где ‹л'› мягко во всех падежах, разумеется, нет условий для такой мены). Таким образом, написания *в дуле*, *о доле* полностью фонематичны.

Можно не считать нефонематическими написания *умирать*, *выбирать* и пр.; *синий*, *старый* и пр. (см. дальше).

Поэтому в современном русском письме нет нефонематических написаний, которые были бы основными, существенными, определяющими для русской орфографии, и все действительно нефонематические написания могут быть устранены. Они в нашем письме сами являются исключениями, противоречащими основам нашей орфографии (А. А. Реформатский 1947).

□ **8а.** В некоторых случаях две фонемы под влиянием позиционных условий реализуются одним звуком; ср. *сом—сома* и *сам—сама*: фонемы ‹о› и ‹а› в предударном слоге обе выражены звуком [а]. Возможны и даже нередки случаи, когда безударная фонема не имеет ударной реализации; ср. *сапог*, *собака* (эти корни с ударением *сáпог-*, *сóбак-* не встречаются). Тогда нейтрализация фонемы в безударном положении не позволяет определить, какая фонема в данном случае: ‹а› или ‹о›. В обоих словах *сапог* и *собака* (и им подобных) налицо гиперфонема $\langle\frac{\text{о}}{\text{а}}\rangle$; однако эта гиперфонема в одном случае передана буквой *о* (*собака*), в другом — буквой *а* (*сапог*). Выбор буквы *о* или *а* здесь обусловлен не фонематически, а традиционно. «... Употребление традиционных написаний по существу нельзя увязать с фонематическим принципом» (А. Н. Гвоздев 1960).

■ **8б.** В написаниях *сапог*, *собака*, действительно, фонематический принцип осложнен традиционным; однако их нельзя считать не фонематическими: из двух фонематически допустимых написаний

собака и *сабака*, традиционно в нашей орфографии избирается одно. В русском письме абсолютно фонематических написаний около 73—80%; следовательно, относительно фонематические написания (типа *сапог*, *собака*) не колеблют общего вывода о характере нашего письма (И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров 1953). При этом возможны преобразования в орфографии, которые упростят наше письмо, избавив его от относительно фонематических написаний.

□ **9а.** Написания *воду* и *вода* различны по трудности: в первом нельзя сделать ошибку, оно прямо определяется произношением, а во втором можно ошибиться (написать *вада*), так как оно только косвенно определяется произношением — через сравнение с формой *воду* (М. В. Ушаков 1930). Фонематический принцип не позволяет разграничить эти два типа орфограмм, так как они оба фонематичны; методически важное разграничение оказывается смазанным, нивелированным (А. Н. Гвоздев 1960).

■ **9б.** Это не так. Написания *воду* и *вода* фонематически различны: в первом случае ‹о› находится в сильной позиции (оно противопоставлено всем другим гласным фонемам русского языка), во втором — в слабой (‹о› не противопоставлено фонеме ‹а›). Только теория фонем и дает действительное объяснение, в чем различие между этими двумя написаниями, объяснение же, которое предлагается «в обход» теории фонем — в одном случае можно написать разные буквы (*вода*, *вада*), в другом — только одну (*воду*) — на самом деле бессодержательно, так как не указывает, почему возникают такие возможности. Причина ясна: в форме [*вадá*] в предударном слоге нейтрализовано, позиционно уничтожено разграничение фонем ‹а›—‹о›.

■ **10.** «Наибольшие различия между отдельными диалектами русского языка имеются в звуковой стороне, но эти различия заключаются не в системе фонем, которая в значительной мере обща для большинства русских говоров, а в тех комбинаторных вариантах, на которые распадается отдельная фонема» (Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров 1930).

Таким образом, фонематическая орфограмма в значительной степени преодолевает диалектную разобщенность говоров, письменно их объединяя (большая степень объединения доступна только иероглифическому письму).

III. Последовательно использовать в русской орфографии морфологический принцип, т. е. каждую значимую часть слова (приставку, корень, суффикс, окончание) писать всегда одинаково (М. В. Ломоносов 1755; Я. К. Грот 1873; Ф. Е. Корш 1902; А. И. Томсон 1903; Ф. Ф. Фортунатов 1904; Д. Н. Ушаков 1911; С. П. Обнорский 1939; А. Н. Гвоздев 1947, 1960).

Примечание. К сторонникам морфологического принципа в правописании отнесены все, кто высказывался в его пользу до применения фонологической теории к орфографии (т. е. до 1912 г.); затем те, кто, отстаивая морфологический принцип, явно или неявно противопоставлял его фонематическому.

В орфографической литературе встречается такое определение: «морфологический принцип требует единообразного написания морфемы, независимо от ее фонетического положения». Определение вводит понятие позиции («фонетического положения») и, следовательно, всю цепь фонологических заключений. При этом упоминание о единстве написания морфемы совершенно излишне: такое единство — прямое следствие абстрагирования написания от фонетического положения; такое упоминание имеет только популяризаторское назначение. Разумеется, лица, так определяющие морфологический принцип в орфографии, являются в действительности сторонниками фонематического письма и здесь не указаны.

■ **1.** «Морфологическая основа нашего правописания есть безусловный плюс нашей орфографической системы, она имеет громадное воспитательное значение в обучении письму и языку, облегчая сознательное усвоение того и другого; морфологическая система нашего правописания связывает нашу современную систему письма со старой русской системой письма, роднящейся в свою очередь с системой всей славянской письменности. Эта система и исторически, и в современном состоянии является цементом, связующим в культурном отношении все братские славянские народности. . . Понятно, что нарушение морфологической нашей системы письма неизбежно отозвалось бы на ослаблении, на затруднении этой веками не нарушавшейся живой связи между русским языком и языками прочих славянских народов, в первую очередь украинским языком» (С. П. Обнорский 1939).

■ **2а.** «. . . Важно, как для быстрого достижения полной грамотности, так и для удобства в писании и чтении после достижения ее, чтобы морфологические принадлежности слов . . . изображались в правописании неизменно одними и теми же начертаниями (комплексами букв), насколько этим не вызываются слишком большие разногласия между звуками и начертаниями». «При чтении морфологического письма начертания, как более привычные, воспринимаются быстрее оптически (ассимилируются легче с воспроизведенными образами, воспоминания крепче, чаще возбуждаются); воспринимается большее число букв зараз (на предложение приходится меньше точек фиксации и передвижений глаз, так как поле одновременного восприятия больше); апперципированные оптические образы быстрее ассоциируются с значениями (распределены по единицам, соответствующим единицам значений)» (А. И. Томсон 1903).

□ **2б.** Этот же результат и для чтения, и для письма достигается в равной степени и фонемной орфографией.

■ **3а.** «. . . Если в тех компликациях, которые составляют язык грамотного человека. . ., при писании наиболее возбуждены или гос-

подствуют звуковые представления, то возбуждаются и ассоциированные с этими представлениями буквы, слоги и пр., то есть писание будет преимущественно фонетическое. . . Если же наиболее возбуждены (господствуют) значения, что бывает обыкновенно при произвольном писании вполне грамотного, то единицами письма являются начертания морфологических частей слов, т. е. писание будет преимущественно морфологическим. . . . Морфологическое письмо соответствует наиболее нормальным условиям процесса произвольного писания» (А. И. Томсон 1903).

□ **3б.** См. п. 2б.

■ **4.** В сознании говорящих обобщены, сведены к единству все разнообразные фонетические облики морфем. Предлог (и приставка) *с*, как бы она ни звучала в зависимости от позиционных условий, воспринимается как некая неизменная единица. Морфологический принцип в орфографии позволяет письменно отразить это тождество, он оправдан и обоснован этим тождеством (Дискуссия 1904°).

■ **5а.** Морфологическое письмо облегчает узнавание в тексте неологизмов, созданных из готового морфемного материала. Ср. передачу их фонетической орфографией: *бажыща*, *далоим*, *ясь*, *апраборинный*, *патпоизьник*, *афрачиный*, *славаборчиства*, *санцевейную*, *санцекожых*, *санцелей*. Ср. их морфологическую передачу: *Я думал ты великий божище. Мир обложился сплошным долоем. . . Из солнца ясь струилась. . .* (В. В. Маяковский); *Опроборенные великосветские олухи. . . Ждать мук, как ждет подпоездник колес. . . Офраченный картавец. . . На турнирах словоборчества. . .* (И. Северянин); *Требуется устроить жизнь раздольницу, солнцевейную, ветрокудрую. . . Поэт земель, небес, морей приехал мудрости учиться у солнцекожих дикарей. . . Падает дождь перламутрами, льется с небес солнцелей* (В. В. Каменский).

«Мы слышим такую фразу ребенка. . .: [йа апкал'у́чилс'ь шыпо́вникъм] (я наколол шиповником руку). Новым словом здесь является [апкал'у́чилс'ь]. Можем ли мы при записи этого слова опереться на произношение? В таком случае мы написали бы средствами нашей графики *апкалючилси*. Совершенно очевидно, что так записать это слово недопустимо. Следовательно, запись производится не на основе фонетического принципа («пиши, как говоришь»). Несомненно, два первых звука мы, вопреки произношению, запишем *об*, исходя из того, что перед нами приставка, такая же, как в словах *обрезал*, *обмелеть*, *облегчить*, и она всегда пишется *об*. Без колебаний запишем *кол*, зная, что это корень (*кол-ет*, *у-кол*). . . Затем следует старый причастный суффикс *юч* (*колючий*, *линючий*) и глагольный суффикс *и* (*загрязнился*, *начернился*) . . . Наконец, гласный в частице *ся* опять пишется морфологически, вопреки произношению» (А. Н. Гвоздев 1947).

□ **5б.** Узнавание неологизмов обеспечивает и фонемная орфография.

■ **6а.** «Морфологическое письмо дает возможность разграничивать большее количество омонимов устной речи как в области слов (*плод—плот*, *пребывать—прибывать*), так и форм (*смелым — о смелом*, *ветром — ветрам*, *груши — груше*)». Ср. четкую разграниченность на письме фраз: *Надо увезти детей — Надо увести детей* или ясность заголовка статьи как призыва: «*Своевременно готовиться к севу*» (А. Н. Гвоздев 1947, 1958).

□ **6б.** Разграничение омонимов в такой же мере обеспечивает и фонемная орфография.

□ **7.** Морфологический принцип требует единства в передаче каждой морфемы. Но он не способен указать, какой вариант написания избрать в качестве постоянного и единого. Одна и та же приставка пишется *роз—рос—раз—рас*; такое многообразие противоречит морфологическому принципу орфографии. Что же можно избрать в качестве единственного варианта? Практически ясно, что только *роз-* или *раз-*; но эту рекомендацию морфологический принцип обосновать не может. (Напротив, фонематический принцип ее дает, так как ‹о› и ‹з› обнаруживаются в сильной позиции: *розыгрыш*). «. . . Нередко. . . неизменный графический облик морфемы не совпадает ни с одним из встречающихся фонетических вариантов; как корень *голов-* не может быть произнесен со звуками, обозначаемыми этими буквами, . . . например, в этом корне сразу не могут быть произнесены два *о*, так как *о* произносится в одном лишь ударном слоге слова. Это свидетельствует о том, что графический образ до известной степени оказывается независимым от конкретного произношения морфемы» (А. Н. Гвоздев 1947). Чем же обусловлен этот графический образ?

□ **8.** Написания *злаго*, *седаго*, *добраго*, *новаго* и пр. не противоречат морфемному принципу. Тем не менее они оказались неудобны; были введены *злого*, *седого*, при *добраго*, *новаго*, хотя с точки зрения морфологического правописания первый вариант предпочтительнее (А. И. Томсон 1903). Написания *-аго*, *-ого*, *-ага*, *-аво*, *-ово*, *-ава* по морфемному принципу равноценны, если они последовательно используются во всех прилагательных (см. определение морфологического принципа). Но практика письма показывает, что в действительности они неравноправны; первое *о* в этой флексии предпочтительнее, чем *а*. (Сторонники морфологического принципа ссылаются на фонетику: написание *злаго* противоречит произношению. В таком случае, оказывается, морфологический принцип то противоположен фонетическому, то в бессилии зовет его на помощь).

□ **9.** Морфологический принцип требует, чтобы графический облик морфемы был неизменным, единообразным. Это требование не выполняется в русском письме и вряд ли вообще выполнимо в письменности языков такого строя, как русский. «. . . Есть слова

первообразные и от них производные. В сих последних, чтоб хранить те же самые характеристические (знаменательные) буквы, которые находились. . . у первообразных, писатели по сей орфографии весьма тщатся о сем, и думают, что они погрешат, ежели где, по случаю, сего не учинят. Однако везде. . . без всякого выключения наблюдать сего не могут, для того что природа нашего языка к тому их не допускает. . . И понеже слово сие: *сладость*, имеет характеристическую букву в средине *д*, то и в слове *сладкий*, которое происходит от первого, ставят они ту ж букву *д*, хотя общее органическое наше произношение требует буквы *т* в производном так: *слаткий*. Употребление сие распространяется до весьма премногих слов. Но притом, не меньше ж и тех слов, в которых сего точно наблюдать нельзя: ибо, например, от глагола *пишу*, в котором. . . характеристическая буква есть *ш*, не может произойти у нас глагольное имя с тою же характеристическою буквою так: *пишание*, но переменяется *ш* в *с*: *писание*» (В. К. Тредиаковский 1748). «Может ли она [орфография] написать *возмогность* от *возмогу*, не меняя *г* на *ж*: *возможность*? Всяк из нас скажет, что не можно так написать. Чего ж ради? Ибо звон требует буквы *ж*, а не *г*. Что ж больше? Так писать надлежит, как звон требует» (В. К. Тредиаковский 1748). «В слове *наш* и *нож* звучит в конце один и тот же звук *ш*, *холоп*, *лоб* — звучит на конце один и тот же звук. А вы всеми силами стараетесь утвердить, что звук *ш* только в *нож* и звук *п* только в *лоб* — звуки сомнительные, в словах же *наш* — *ш*, *холоп* — *п* и они не сомнительные. . . после этого отчего же и звук *ч* в слове *ручка*, и звук *ш* в слове *мушка* не считать сомнительными согласными; по производству от корня *рук* и *мух* тут должны быть согласные *к* (*рукка*) и *х* (*мухка*). Почему бы любителям орфографических правил (а таких любителей немало) не преподать и такое: пиши *рукка*, а не *ручка*, потому что *рука*, *мухка*, а не *мушка*, потому что *муха*. Здесь, скажете, закон смягчения. Ну, а там закон ослабления согласного. . ., т. е. переход. . . звонкого в глухой, — и ваш ученик останется с тонким слухом и с разинутым ртом. Если же в действительности из этого рта обыкновенно не слышим ни возражения, ни просьбы о более обстоятельном разъяснении, то только потому, что вообще долг учеников отвечать, а не спрашивать; сказано: сомнительный, ну и пусть его будет сомнительным» (В. П. Шереметевский 1883).

Вопрос этот неразрешим с позиций «морфологической орфографии». Не находя ответа на него, сторонники этой орфографии признают возможным даже не отражать в письме чередования типа *рука — ручка*, *друг — дружба*. «Можно ли представить орфографию, в которой не получили бы отражения и эти чередования? Кажется, что было бы совершенно не естественно, произнося *дружба*, *мощён*, писать *другба*, *мостён* и т. д. Но скорее стойкая привычка к своей орфографии создает. . . иллюзию полной невозможности таких написаний; представить же такие написания не так трудно.

Даже в нашей орфографии есть написания, в которых налицо приблизительно такое же расхождение письма с произношением, как в этих предполагаемых написаниях; например, в словах *заносчив*, *грузчик* сочетания *сч*, *зч* не мешают произносить долгий мягкий *ш*, обычно обозначаемый буквой *щ*» (А. Н. Гвоздев 1947). Параллель даже приблизительно неверна: ‹с› и ‹з› перед ‹ч› произносятся всегда как глухие и шипящие, т. е. ‹сч›, ‹зч› всегда реализуются в звуках [ш'ч'], [ш̄']. Изменение [с] и [з] в сочетании с [ч'] является позиционным и поэтому не отражается в нашей фонематической орфографии; а изменение [г] в [ж] (*друга — дружба*) непозиционно, ср. возможность [г] и [ж] перед гласной: *другу — лужу*, возможность [г] и [ж] перед [б]: *дружбе — регби*. Одно (непозиционное) чередование всегда передается на письме, и это понятно с точки зрения фонемного принципа: здесь чередование фонем; но это непонятно, незаконно с точки зрения принципа морфологического. И для того чтобы оправдать написания типа *другба*, невозможные практически (так как они нефонематичны), приводится параллель с совершенно иными написаниями, фонематически закономерными (*заносчив*, *грузчик*). Все же неизбежен вывод: «Конечно, это не значит, что такие воображаемые написания *другба*, *мостён* были бы удобны; наоборот, они увеличили бы расхождение письма с произношением и создали бы большое число письменных омонимов (например, *другу* передавало бы *другу* и *дружу́*); поэтому данное ограничение морфологического принципа представляет. . . преимущество нашей орфографии» (А. Н. Гвоздев 1947) — но, конечно, не преимущество «морфологического принципа». Число письменных омонимов при последовательном (без ограничений) проведении морфологического принципа увеличилось бы именно потому, что одинаково передавались бы разные фонемы, например ‹ж› — ‹г› в написаниях *другу* = ‹дружу› и *другу* = ‹другу›. По контекстам надо было бы угадывать, как читать буквосочетание *другу*; в некоторых случаях отгадка была бы нелегкой; ср. последовательно морфологические написания: *песок*, *песоканный*, *песока*, *песокек*, *песокека* (т. е. *песок*, *песчаный*, *песка*, *песочка*); *люблю*, *любли*, *любльви*, *люблимый*, *влюблен* (читать: *люблю*, *люби*, *любви*, *любимый*, *влюблен*); впрочем, морфологически правильны были бы и другие написания, читаемые так же: *любю*, *люби*, *любви*, *любимый*, *влюбен*. Напротив, написания *заносчив*, *грузчик* не заставляют догадываться о произношении, о том, как прочесть это буквосочетание: чтение здесь недвусмысленно.

Таким образом, морфологический принцип не может быть проведен последовательно для всех морфем. Большинство корневых морфем в русском языке имеет непозиционные чередования и поэтому пишется вариативно.

Примечание. Именно поэтому выше не было дано образца, как выглядел бы текст, если бы в нем полностью был реализован морфологиче-

ский принцип. Во фразе *Во время косьбы с зеленого луга слышалась звонкая песня косца* при последовательно-морфологическом письме должно было бы писаться: 1) *Во время* или *В время*. . . (а читалось бы, конечно, [вавр'э́м'ъ], как произносится обычно); 2) *косьбы* — и тогда *косю — коса — косец — скосенный* или (равновозможный вариант) *кошбы* — и тогда *кошить — кошу — коша — кошец — скошенный*; читалось бы, конечно, [каз'ба, кас'и́т'] и пр.; 3) *луга — лугок — лугока*, или *лужа — лужок — лужока*, или *лужа — лужк — лужка* (или даже *луга—лугк* [лужо́к] — *лугка*); 4) *слышались* или *слыхались*. . . Соответственно *слышу* или *слыху*, *слыхали* или *слышали*; 5) *звонкая*, или *звенкая*, или *звонокая* или *звенокая* (читаться должно во всех случаях [звóнкъиъ]); 6) *песня* или *песеня*. . .

Ясно, что реальными из всего этого набора написаний являются только те, которые отражают фонемный строй слов.

□ **10.** Слоговой принцип нашей графики (мягкость согласной отмечается следующей гласной буквой) препятствует единообразному написанию одной и той же морфемы; ср. *стена — земля*, *стола — коня*, *часам — саням*, *бела — синя*, *белая — синяя*, *озеро — поле*, *столом — конём*, *пилой — землёй*, *холодной — летней*, *черно — синё*, *домок — конёк*, *соколу — учителю*, *осину — дыню*, *медную — крайнюю*, *беру — говорю*, *головушка — волюшка*, *сестры — зари*, *столы — корабли*, *черны — сини*, *черные — верхние*, *холодных — осенних*. «Это ограничение морфологического принципа, зависящее от слогового характера нашей графики, служит иллюстрацией того, что орфография не может преодолеть ограничений, налагаемых графикой. . .» (А. Н. Гвоздев 1950).

Вера в морфологический принцип порождает иллюзии, что в словах *сестры — зари*, *столы — корабли*, *черны — сини* и т. д. окончания различны (в одних *-и*, в других *-ы*); это ведет к другим иллюзиям: написания *сыграть*, *разыскать*, *безыдейный*, *предыстория* «противоречат» сущности русской орфографии — один и тот же корень передается по-разному. На самом же деле эти написания ничему не противоречат и являются для нашей орфографии одной из вполне возможных передач сочетаний «твердая согласная + ‹и›» на стыке морфем (см. дальше).

■ **11а.** «Внимание к морфологическому принципу как к базе нашей орфографии. . . означает тем самым, что мы должны известным образом считаться с прошлым языка, с историческими его написаниями: в прошлой системе нашего письма еще ярче заметна морфологическая его основа. Прошлое языка, исторические его написания могут облегчить правильную оценку известных современных правописных фактов, могут дать критерии для более правильного разрешения того или иного вопроса с двоящимся современным написанием. Так, при разрешении вопроса о . . . дублетных наших правописных формах слова *пловучий/плавучий* история языка облегчает установление единого варианта написания в виде *пловучий*, с *о*, так как по происхождению это причастная форма от *плову*, *пловешь*, *пловет*, глагола, в этом виде нормально существующего в диалектах нашего Севера. . .» (С. П. Обнорский 1939).

□ **11б.** Провозглашение морфологического принципа, как видно из приведенных слов, неизбежно вызывает иллюзии, что правописание обязано опираться на исторически изжившие себя языковые факты, например писать *пловучий* исходя из мертвого для литературного языка *плову*. Это провоцировано самой формулировкой: писать так, чтобы было видно производство («произвождение») слов. Так как критерия, позволяющего отобрать из ряда письменных вариантов морфемы единственный и наилучший, морфологический принцип никогда не дает, естественно обратиться за помощью «на сторону»: к истории языка или к фонетике (см. выше, п. 8), или к фонологии.

Девиз морфологического письма — писать каждую морфему всегда единообразно. «Такие повсюду одинаковые комплексы букв являются единицами письма, иероглифическими фигурами. . .» (А. И. Томсон 1903). Действительно, морфологический принцип требует только единообразия, поэтому традиционная, иероглифическая орфография (см. дальше) почти всегда и почти во всем соответствует морфологическому принципу. Написания с *ѣ*, *о*, *ѵ* и пр. были вполне морфологическими, и отменять их исходя из морфологического принципа было незачем. Стимулировали эту отмену тенденции, которые находятся вне пределов морфологического принципа (например, стремление каждую фонему передавать всякий раз одной и той же буквой).

Примечание. Из анализа морфологического принципа вытекает, что достоинства, приписываемые этому принципу, в действительности являются достоинствами фонематического принципа; последовательное осуществление этого принципа, исходя из его определения, невозможно в русском письме.

Однако иногда термин «морфологическая орфография» используется вместо слов «фонематический принцип», и это вполне допустимый прием популяризации (хотя сущность фонематического принципа при этом рисуется огрубленно и упрощенно).

Более того, до создания теории фонем права фонематической орфографии защищались именно сторонниками морфологического принципа, так как рациональное зерно этого принципа именно в том, что он отстаивает нефонетичность письма, т. е., в неявной форме, его фонологичность. Защита фонематичности русского письма в то время велась с позиций «морфологизма».

«Историческая и структурно-синхронная ограниченность возможности применения морфологического принципа к упрощению и усовершенствованию современного русского правописания породила желание воспользоваться другим, — более широким и отвлеченным принципом усовершенствования орфографии, а именно принципом фонемным, или фонематическим . . . В сущности, между морфологическим методом понимания и группировки орфографических явлений и методом фонематическим нет пропасти» (В. В. Виноградов 1964).

Однако после создания теории фонем некоторые исследователи стали противопоставлять морфологический принцип фонематическому, утверждая, что наше письмо не фонематическое, а в основе своей морфологическое. Все это заставляет в дальнейшем, оценивая отдельные предложения, дифференцированно учитывать морфологический и фонематический принципы.

IV. Писать, сохраняя традиционное начертание слов, например так: *Пятьдесять раздѣлили на пять. Пчелы, жужжа, летали надъ цвѣтущимъ шиповникомъ. Во время косьбы съ зеленаго сочнаго луга слышалась звонкая песня косца. Надъ черными тучами все еще свѣтило яркое солнце. Какъ ясно свѣжи, какъ грустны и безшумны осенние лѣса! Вот и все...* Или так: *Пѧтьдесѧтъ раздѣлили на пѧть. Пчелы, жужжа, летали надъ цвѣтѫщимъ шиповьникомь. Во врѣмѧ косьбы съ зеленаго сочьнаго луга слышалась звонъкая песьня косьца. Надъ чрьными тучами вьсе еще свѣтило яръкое слъньце. Какъ ясьно свѣжи, как грустьны и безшумьны осеньние лѣса! Вотъ и вьсе...* (Я. К. Грот 1873, 1885; А. С. Будилович 1902; А. И. Томсон 1903, 1904, 1905).

Примечание. Часто различают принципы исторический (традиционный) и этимологический. Под этимологическим понимают письменное воспроизведение такого облика слова, который действительно отвечает его происхождению. Традиционный, или исторический, принцип, напротив, не требует достоверности: важна лишь долговременная традиция данного написания; ей и предлагается следовать. Принципиальной разницы между тем и другим нет: «Практическому письму, каким является всякое правописание, нет дела до истории языка или словопроизводства грамматиков. Оно должно считаться, для наилучшего достижения своих очень существенных практических целей, лишь с наличными психическими, физическими и общественными условиями» (А. И. Томсон 1903). Еще более определенно эту мысль высказал Д. Н. Ушаков: «Непоследовательности с точки зрения собственно исторической безразличны для практики» (1911). Поэтому анализ этимологического и традиционного письма дается одновременно.

■ **1.** Письмо должно соединять поколения, иногда разделенные многими десятилетиями. Традиционное письмо в наибольшей степени удовлетворяет этому требованию.

«Этимология и есть именно соблюдение родства в языке, признание за отдельными реченіями их принадлежности к своему семейству, признание за словом вообще не одной о б я з а н н о с т и служить мне, отдельному лицу, орудием выражения моей личной мысли, но и п р а в а его требовать от меня подчинения себе как члену большой разумной семьи и подчинения уставам и традиции семьи. Право языка на меня несомненно; да в сущности, оно даже не право, а факт. Язык принадлежит мне лишь в самой незначительной степени, а более всего я ему принадлежу... Язык есть... посредник, ... ни от меня ни от вас не зависящий: самостоятельный, живущий своей жизнью, продолжающеюся тысячи лет и обнимающею миллиард живых существ (живших и живущих)» (Н. П. Гиляров-Платонов 1883).

■ **2а.** «То обстоятельство, что для нашего письма служит азбука, изобретенная для другой, хотя и близкой, однакож во многих отношениях своеобразной фонетики, было причиною, что наше правописание приняло преобладающий исторический или этимологический характер. Пока не изменится азбука, и правописание

по необходимости должно сохранять этот характер. . .» (Я. К. Грот 1876).

□ **2б.** Старославянская азбука претерпевала на русской почве значительные изменения, в течение веков она притачивалась к русскому языку, все более полно отвечая его особенностям (в наше время этот процесс уже завершен).

■ **3а.** «. . . По мере увеличения числа печатных изделий и грамотных людей, изменение правописания становится все более и более невозможным» (А. И. Томсон 1903). Изменить традиционно сложившееся правописание сколько-нибудь существенно — значит отказаться от того огромного книжного богатства, которое накоплено в течение веков.

□ **3б.** Возможны, однако, орфографические изменения, не затрудняющие чтение книг, напечатанных по-старому. Это относится ко всем случаям, когда информация, которую несет в среднем отдельная буква, в результате реформы уменьшается; а ведь всякая орфографическая реформа и сводится к тому, чтобы уменьшить избыточную информацию письменной речи (Дискуссия 1962°).

■ **4а.** «Письмо — не живое слово. Письмо действительно часто заменяет у нас устную речь, но полную замену устной речи может дать только усовершенствованный фонограф. А письмо — в значительной степени такой же самостоятельный язык, как и устная речь, от посредничества которого даже звуковое письмо более или менее эмансипируется».

«. . . Наше звуковое письмо, . . . по мере приобретения нами грамотности, все более теряет свое значение как указатель звуков речи и все более становится символическим показателем мысли. . .

Если устная речь символически изображает мысли, то письмена изображают символически устную речь, которая в свою очередь возбуждает мысли. При такой двойной ассоциации по смежности посредствующий ряд, в сущности, лишний и по возможности действительно устраняется, . . . ассоциация первого ряда с третьим становится по возможности непосредственной».

«Как во всех подобных случаях, так и здесь посредственные ассоциации становятся по возможности непосредственными».

«. . . При чтении мы обыкновенно вовсе не воспринимаем все буквы или даже вообще буквы, а лишь общую форму начертания слова, притом одновременно обыкновенно целое слово разом, как один рисунок с характерными чертами — господствующими признаками». «А раз уже существуют вполне прочные ассоциации между зрительными и двигательными воспоминаниями слова в письме, с одной стороны, и значением его — с другой, то совершенно безразлично, передает ли начертание в самом деле точно или неточно звуковую сторону слова. Эта передача кажется вполне грамотному всегда точной. Когда грамотный англичанин

пишет или читает *rough* как *rŏf*, *through* как *θrūw*, *Brougham* как *brūwm*. . ., эти слова кажутся ему тождественными с начертаниями вследствие тесной ассоциации» (А. И. Томсон 1903). «Поэтому чисто идеографическое письмо при больших неудобствах для памяти в основе своей рациональнее тем, что ведет прямо к цели, а не окольными путями». «Не приближение к живой речи, а все большая независимость от живой речи предстоит нашему письму в будущем» (А. И. Томсон 1903).

«Когда мы видим вывеску, на которой написаны слова „Табак, сигары, папиросы", то разве нам нужно произносить или даже представлять себе звуки этих слов, чтобы понять, что написано? Один взгляд на такую вывеску, без всяких представлений слов, дает нам понять, что здесь можно купить папиросы. . . Дак как же могли бы мы прочитывать в день по несколько книг, в час много газет, если письмо передавало бы нам только звуковую речь? Для представления звуков, составляющих слова, потребовалось бы гораздо больше времени». «Какая же может быть речь о том, что „правописание есть внешнее средство передачи живой речи", когда пациент, потерявший вследствие поражения первой височной извилины способность припоминать и представлять себе слова живой речи (и неспособный вследствие этого говорить), в состоянии писать. . . Страдающие словесной глухотой вследствие нарушения функции. . . центра Вернике, т. е. потерявшие способность понимать устную речь, могут при известных условиях читать с пониманием и т. д. Следовательно, правописание, в писании и чтении, может до известной степени самостоятельно существовать у лица, более или менее потерявшего устный язык» (А. И. Томсон 1904).

□ **4б.** Самостоятельность письменной речи не следует преувеличивать. Возможность проверить орфограмму при письме, вспомнив определенные соотношения в произносимом языке,— очень важное облегчение для пишущего, и пренебрегать им не стоит (Дискуссия 1904°).

■ **5а.** Традиционная орфография как правило усиливает дифференциацию написаний, она сохраняет те отличия между словами, которые когда-то были свойственны живой речи, а потом оказались утраченными; ср. *мела — мѣла*, *сведéніе — свѣдѣніе* и пр.

«Двойные и тройные начертания для одного звука и комплекса звуков, унаследованные исторически и сохраняющиеся в письме всех культурных народов, правописание которых имеет историю, находят себе нередко оправдание как средство для дифференциации» (А. И. Томсон 1903).

□ **5б.** Постоянное уменьшение дифференцировочных написаний в истории русской орфографии говорит о том, что во многих из них нет необходимости. Избыточная информация в русском письме

настолько велика, что ее можно уменьшить без ущерба для читателя. Где пределы разумной дифференцированности орфограмм? Во всяком случае, традиционный принцип не может дать ответ, где искать пределы этой дифференциации, и именно потому, что традиционный принцип орфографии целиком негативен. Орфография может быть не мотивирована живой произносимой речью — вот основание этой орфографии. Исторический принцип «является собственно простым отрицанием первых двух принципов, почему некоторые авторы и предпочитают здесь термин „искусственные написания“» (М. В. Ушаков 1930).

□ 6. Исторический принцип ищет обоснования каждой орфограммы в прошлом; но какую эпоху считать источником для заключений? «Как следует писать: *помогать* или *помагать*? Древнему многократному глаголу *магати* свойственно было усиление коренного *о* в *а*, русская же речь, как можно думать на основании местного (о́кальского) произношения и некоторых указаний старорусских памятников, под влиянием первичного глагола *помочь* ввела сюда звук *о*, а после, превратив это безударное *о* на общем основании в *а*, восстановила древний выговор. Как же теперь писать этимологически?!» (Р. Ф. Брандт 1901).

Поэтому историческое (традиционное) правописание крайне неустойчиво, вариативно: у него нет оснований предпочесть написание, восходящее, например, к XIV в., написанию, восходящему к XV в. Это правописание далеко не безупречно выполняет свое назначение «соединять поколения» (см. п. 1).

□ 7. «Не раз приходится слышать, будто звуковое правописание невозможно, потому что произношение неодинаково. На это прежде всего следует ответить, что этимологическое правописание столь же невозможно, ибо мы часто не знаем происхождения слов. . .» (Р. Ф. Брандт 1901). Действительно, историческая орфография всегда вызывает массу споров о происхождении различных слов — споров, зачастую совершенно бесплодных; следует вспомнить хотя бы споры о написании слов *ветчина — вядчина*, *затхлый — задхлый*, *пѣсок — песок*, *снегирь — снигирь* и т. д.

Правда, возможен подход к традиционному письму на строго синхронной основе: письмо — самостоятельное средство общения, оно не должно непременно ориентироваться на звучащую речь, поэтому хороши все устоявшиеся, ставшие привычной нормой, традиционно устойчивые написания, и безразлично, верны они этимологически или не верны (А. И. Томсон 1903). Но такая точка зрения не помогает решить вопрос тогда, когда традиция неустойчива и единообразное написание отсутствует. Так как критерия для выбора одного из нескольких вариантов традиционный принцип не дает, то следование ему (даже в его «синхронном» истолковании) неизбежно приводит к неустойчивости в орфографии.

□ 8. «Прямо вредною я считаю этимологическую орфографию в тех случаях, когда она, указывая на происхождение слова, не выясняет, а затемняет его действительный смысл. Таково написание слова *щастье* через *сч*. *Щастье* теперь является просто синонимом французского *fortune*, и *никому*, если не задаваться специально филологическими целями, и дела нет, что русское слово первоначально означало обладание частью, долею, а французское — случай. Положительно напрасно Карамзин, а за ним Греч восстановили этимологическое *сч* вместо *щ*, и совершенно правы поляки, когда в своем слове *szczęście* пишут те же знаки, коими всегда выражают наше *щ*» (Р.Ф. Брандт 1901).

■ 9а. В русском письме «преобладает элемент историческо-этимологический» (Я. К. Грот 1876).

□ 9б. Действительно, до реформы 1917—1918 гг. в русском письме был очень значительный перевес в сторону традиционно-исторических написаний. Но недостатки этого принципа настолько велики, что признана была оправданной даже весьма значительная ломка русского письма.

IVа. Писать традиционно, воспроизводя облик русских слов в ту эпоху русского языка, когда он еще не распался на современные диалекты, т. е.: *Пятьдесятъ раздѣлили на пять. Пчелы, жужжа, летали над цвѣтущимъ шиповникомъ. Во время косьбы с зеленово сочново луга слышалась звонкая песня косца*. . . и т. д. (Ф. Е. Корш 1902, А. И. Томсон 1903, 1904, 1905).

■ 1а. Орфографию надо строить «на материале, имеющем значение общегодное, как представляющем собою звуковую сторону всего великорусского языка, идеально сведенного к единству» (Ф. Е. Корш 1902). «. . .И с т о р и ч е с к о е правописание. . . д о л ж н о быть признанным наиболее соответствующим требованиям общенародного правописания. Чем более различных говоров пользуются общим письмом, чем больше различия между ними в звуковом отношении, тем обыкновенно настоятельнее потребность, чтобы общее письмо (правописание) было историческое, отражающее звуки той эпохи, когда эти говоры еще не отличались существенно друг от друга, составляли один общий говор» (А. И. Томсон 1903).

Такой эпохой был конец XIV — начало XV в.: глухие (редуцированные) гласные исчезли, редукции гласных в зависимости от положения по отношению к ударению еще не было, звонкость согласных на конце слова еще сохранялась и т. д. (Ф. Е. Корш 1902).

□ 1б. Практически это предложение ведет к господству фонематического принципа. Ведь предлагается воспроизвести на письме ту эпоху в развитии языка, когда отсутствовало большинство из

современных позиционных процессов (см. п. 1а). Но сделано это в форме оправдания традиционного принципа. Тактически это было уместно — способствовало объединению «традиционалистов» и «морфологистов» (т. е. «предфонологистов»), но теоретически уязвимо.

Действительно, орфография должна воспроизводить звуковую сторону русского языка, «идеально сведенного к единству», но это сведение невозможно на исторической основе. Предложение Ф. Е. Корша предполагает, что полностью известны языковые факты той далекой эпохи, а на самом деле это не так (Р. Ф. Брандт 1904).

Естественнее опереться на современные соотношения в языке и именно их отражать, но не фонетические факты, а фонемные, и на основе фонематического принципа добиться сведения русского языка в письменной форме к идеальному единству.

■ **2а**. «Даже для маленького народа фонетическое письмо не удовлетворяет тем требованиям, которые предъявляют к нему говоры, если считаться с народным языком. При установлении общелитовского правописания пришлось бы исходить из общелитовской эпохи, т. е. устроить искусственно историческое письмо. Осуществление такого письма можно видеть в малорусском правописании, например у Огоновского. Приспособляя письмо к галицкому, украинскому и северномалорусскому наречиям, пишут: *вôлъ*, *волкôвъ*, *лѣдъ*, *воды*, *ходити*, допускающие и произношения: *вуол*, *ліед*, *воды*, и: *віл*, *лід*, *води* (не *воді*) и пр.» (А. И. Томсон 1903).

□ **2б**. Письмо обслуживает литературный язык, и добиться, чтобы оно объединяло все говоры, невозможно. Однако можно найти такой принцип, который позволяет нашему письму, при полном соответствии литературному языку, объединять в достаточной степени и диалекты. Это фонематический принцип; только потому, что предложение Ф. Е. Корша практически заключается в реализации этого принципа под маской традиционного, оно и позволяет создать такое удобное письмо.

«ЛИШНИЕ БУКВЫ» АЛФАВИТА

Историческая справка

В русском алфавите издавна существовали буквы (и буквосочетания), имеющие тождественное назначение, Например, буквы *ѣ* и *е* передавали в XIX в. одну и ту же фонему; так же и буквы *и*—*і*—*ѵ* или *ф*—*ѳ*, или *ъ* и отсутствие этой буквы (ср. *съ дѣломъ* и *сдѣлать*) дублировали друг друга.

Несколько таких лишних букв было удалено из русской азбуки Петром I (*ѯ*, *ѱ*, *ѡ*). Но дело не было доведено до конца. Обращаясь к авторитету Петра I, стремясь завершить это усовершенствование и упрощение русского алфавита, В. К. Тредиаковский предлагал изгнать также буквы *и*, *ѵ*, *ѳ*, *з* и оставить только *і*, *ф*, *s*. (Буква *ѣ* в то время еще не была однозначна с буквой *е*, см. дальше). Однако предложения В. К. Тредиаковского не получили признания и были реализованы только в его собственной книге «Разговор об ортографии» (1748).

В дальнейшем нередко делались попытки печатать книги без лишних букв, но они до 1917 г. все же оставались исключениями и часто вызывали резко враждебные отзывы (именно за орфографическое вольнодумство).

Очень редко в орфографической практике возникали стремления расширить применение дублетных букв (*і*, *ѵ*, *ѳ*, *ѣ*) в целях более точной передачи этимологии слова. Так, М. Т. Каченовский, известный историк и журналист, в «Вестнике Европы», который он редактировал, писал буквы *і*, *ѵ*, *ѳ* в словах, заимствованных из греческого языка, строго в соответствии с их греческим источником. Попытка не вызвала сочувствия; Е. А. Баратынский осмеял ее в своей известной «Ѵсторіческой Епіграмме»:

Хвала, мастѵтый нашъ Зоілъ!
Когда-то Дмітріевъ бѣсілъ
Тебя счастлівымі струнамі;
Бѣсілъ Жуковскій вслѣдъ за німъ;
Вотъ бѣсітъ Пушкінъ: как любімъ
Ты дальновіднымі Судьбамі!

(Это — весьма редкий случай орфографической пародии).

На протяжении XIX в. все лишние буквы медленно и мучительно отмирали. Число слов с буквой *ѵ* предельно сократилось, и уже Я. К. Грот счел ее исключенной из алфавита; тем не менее это исключение никем не было узаконено, и Грот рекомендовал слова *мѵро*, *сѵнодъ* писать с ижицей. Сокращалось число слов, в которых писали букву *ѣ*. Орфографисты не раз высказывали такое пожелание: если в каких-либо словах надо по этимологии писать *ѣ*, но пишут (этимологически ошибочно) *е*, то и не следует восстанавливать *ѣ*.

Это пожелание и реализовалось в действительности (несмотря на отдельные попытки восстанавливать права *ѣ* в некоторых словах).

Однако этот процесс стихийного, «беззаконного» освобождения русского письма от лишних букв протекал крайне заторможенно и болезненно. Лишь декреты 1917 и 1918 гг. положили конец этому медлительному процессу, освободив русское письмо от букв *ѣ*, *ѳ*, *ѵ*, *і* и *ъ* в конце слов.

Предложения

I. Освободить русское письмо от всех лишних букв (Д. И. Языков 1809; В. С. Подшивалов 1816; П. Л. Яковлев 1828; Н. М. Тимаев 1856, 1860; М. Белобородов 1862; В. Ф. Кеневич 1862, Комиссия 1862; М. А. Тулов 1881; Р. Ф. Брандт 1881, 1901; Н. Н. Бахтин 1886; А. И. Лоначевский 1891, В. Кв. 1900; Проект Московского педагогического общества 1901; Е. Ф. Будде 1901; А. Г. Герасимов 1901, 1903; В. Куницкий 1901; Ф. Е. Корш 1902; Проект Казанского педагогического общества 1902; Предложения педагогического отделения русского литературного кружка в Риге 1902; Проект Одесского педагогического общества 1903; П. Г. Сорочинский 1903; К. А. Сорокин 1903, 1907; Ф. Ф. Фортунатов 1904; Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904; Г. С. Михайлов-Мучкин 1905; Постановления Орфографической подкомиссии 1912; В. И. Попов 1916; Декреты 1917 и 1918).

Примечание. В этом перечне учтены только те авторы, которые предлагали освободить русское письмо от всех лишних букв, не внося одновременно значительных изменений в начертания букв русского алфавита; авторы, предлагавшие такие изменения (например, замену части букв латинскими), не учитываются.

Аргументацию см. в разделах, посвященных отдельным буквам.

БУКВА *ѣ*[1]

Историческая справка

Еще в середине XVIII в. литературное произношение различало звуки, обозначаемые буквами *ѣ* и *е* (правда, только под ударением и только в высоком стиле). Буква *ѣ* соответствовала дифтонгу [иэ], а буква *е* — звуку [э]. Об этом сохранились веские свидетельства. Блестящий фонетист и крупный теоретик орфографии В. К. Тредиаковский писал, что *ѣ* произносится подобно сочетанию латинских букв *ie*. Французское *pièce* передавалось русскими буквами так: *пѣса* (читалось: [п'иэ́са]). Но уже к началу XIX в., в связи с разрушением высокого стиля как особой замкнутой языковой системы, имеющей свои произносительные нормы, была устранена из языка особая фонема ‹Ѣ› = [иэ]; вместо нее стало и в высоком стиле произноситься [э] (т. е. так же, как во всех других стилях). Буквы *ѣ* и *е* совпали по своему значению. Вместо написания *пѣса* (в соответствии с французским *pièce*)

[1] Доводы за и против использования буквы *ѣ* в основном могут быть распространены и на буквы *ѳ*, *ѵ*, которые отдельно не рассматриваются. Предложения, относящиеся к использованию *ѳ* и *ѵ* для передачи заимствованных слов, см. в соответствующем разделе.

в конце XVIII—начале XIX в. появилось новое написание: *пиэса*; буква *ѣ* перестала годиться для передачи [je], [jэ]. «Буква *ѣ*, потеряв настоящий свой выговор, походит на древний камень, не у места лежащий, о который все спотыкаются и не относят его в сторону затем только, что он древний и некогда нужен был для здания» (Д. И. Языков 1809).

Несмотря на то, что призывы избавиться от одной из этих букв (как правило от *ѣ*) повторялись на всем протяжении XIX в., различение *е* и *ѣ* было в орфографии незыблемой нормой. Индивидуальные попытки печатать книги без буквы *ѣ* оставались исключениями. В значительной степени это определялось взглядом на основные принципы русского письма: считали, что оно в основе своей этимологическое, историческое, традиционное. Теории русской орфографии не существовало; возможности ее перестройки в одном определенном направлении были неясны. Важное значение имел и социальный фактор. Орфографию рассматривали как показатель определенного образовательного ценза; буква же *ѣ* помогала «отличать образованных от невежд». Один из орфографистов начала прошлого века писал о ней: «Вот еще буква бесполезная; но которая, как пронырливый лицемер или хлопотливый бездельник, сделалась не только нужною, но необходимою, полезною — она одна может дать вам патент на звание грамотного и ученого человека — только узнайте наперед, где ее употреблять. . .» (П. Л. Яковлев 1828). Представители официальной России, ища в орфографии непосредственное отражение и воплощение господствующей культуры, нетерпимо относились к призывам изгнать букву *ѣ*, освободить русское письмо от этого «хлопотливого бездельника».

Напротив, демократическая интеллигенция нередко высказывалась против «ятевой орфографии»: «Достаточно вспомнить, сколько времени и сил поглощает этот архаический иероглиф у детей, чтобы без преувеличения назвать его б и ч о м э л е м е н т а р н о й ш к о л ы. Вообще, можно смело сказать, что все raisons d'être означенной литеры исчерпываются теми, прямо полицейскими, обязанностями, которые указываются известною фразою: „ять, мол, есть на то, чтобы отличать грамотного от безграмотного“, и тому подобными остроумными изречениями» (В. Кв. 1900). Предполагаемое освобождение от буквы *ѣ* сравнивали даже с освобождением от крепостного права: «. . . Лучше, конечно, если бы с этим к о р н е в ы м *ѣ* было порешено так же, как и с крепостным правом, кормившим немногих, а вред приносившим целому государству. Предписать официально учителям — не считать за ошибку в ученических тетрадях отсутствие *ѣ* в корне, — и все с плеч долой. Тогда время и деньги, идущие на содержание этой глисты, нашли бы для себя лучшее и более полезное употребление» (И. А. Нигпарт 1877). Противниками этой буквы были В. И. Шереметевский, Аполлос Соболев и ряд других крупных методистов.

Довод сторонников традиционной орфографии, что буква *ъ* имеет этимологическую ценность, позволяет уяснить родство слов разных славянских языков, предельно ослаблялся тем, что в очень большом числе слов буква *ѣ* в XIX в. писалась уже неверно, вместо этимологически достоверного *е* (*змѣй*, *Алексѣи*, *сѣдло*, *цвѣлъ*, *болѣ*, *менѣ*, *гдѣ*, *вездѣ*, *здѣсь*); еще чаще писалось *е* там, где этимологически надо было бы писать *ѣ* (*темя*, *песок*, *мель*, *мелкий*, *мезга*, *ведро*, *блеск*, *брезжиться*, *семья*, *клей*, *клещи*, *кисель*, *капель*, *сулея*, *верея*, *швея*, *вред*, *член*, *давеча*, *некому*, *некогда* и др.).

Однако были попытки и строго научной, серьезной защиты ятевых написаний. Некоторые ученые, писатели, общественные деятели отстаивали права на существование буквы *ѣ*, опираясь на некоторые объективные оценки традиционного (исторического) письма. Принцип последовательного «историзма», действительно, дает орфографии ряд достоинств; для языков определенного фонемно-морфологического строя он может оказаться даже наилучшим. Отстаивая этот принцип для русского письма, сторонники буквы *ѣ* не учитывали особенностей строя русского языка (см. «Принципы русской орфографии», предложение IV).

Борьба против этого «архаического иероглифа» до революции не привела ни к каким практическим результатам. Только декреты 1917 и 1918 гг. отменили его.

Все сторонники изъятия одной из дублетных букв, *е* или *ѣ*, настаивали на отказе от буквы *ѣ*; поэтому далее рассматриваются только предложения, обосновывающие замену двух букв одной или отказ от такой замены (а не избрание именно буквы *е* как единственного передатчика ‹е›).

Предложения

I. Вместо буквы *ѣ* всюду писать *е* (*И. Г. Курганов 1769*; Неизвестный автор 1775; Д. И. Языков 1809; В. С. Подшивалов 1816; П. Л. Яковлев 1828; Н. М. Тимаев 1856, 1860; М. Белобородов 1862; В. Ф. Кеневич 1862; Комиссия 1862; М. А. Тулов 1881; Р. Ф. Брандт 1881, 1901; Н. Н. Бахтин 1886; А. И. Лоначевский 1891; Л. Ф. Воеводский 1898; А. Е. Горохов 1899; Н. Благовещенский 1900, 1903; В. Кв. 1900; Проект Московского педагогического общества 1901; Е. Ф. Будде 1901; А. Г. Герасимов 1901, 1903; В. Куницкий 1901; Проект Казанского педагогического общества 1902; Предложения педагогического отделения русского литературного кружка в Риге 1902; Проект Одесского педагогического общества 1903; П. Г. Сорочинский 1903; К. А. Сорокин 1903, 1907; Ф. Ф. Фортунатов 1904; Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904; Г. С. Михайлов-Мучкин 1905; Постановления Орфографической подкомиссии 1912; В. И. Попов 1916; Декреты 1917 и 1918).

■ **1.** Буквы *ѣ* и *е* имеют одну и ту же функцию, обозначают один и тот же звук (точнее — фонему) ‹э›, а всякое рациональное письмо должно исходить из принципа: каждый звук (точнее — каждая фонематическая единица) обозначается всюду одной и той же буквой. Нарушение этого принципа приводит к усложнению письма, так как означает введение в письмо условных орфограмм, не мотивированных, не санкционированных языком.

□ **2.** Однако написания с *ѣ* обладают рядом достоинств (см. аргументацию в пользу предложения II).

Iа. Вместо буквы *ѣ* в корнях писать *е* (В. Г. Белинский 1844, 1845; М. Михайлов 1859; И. А. Нигпарт 1877).

Компромиссная, обуженная форма первого предложения (наиболее трудным для учеников было правописание *ѣ* в корнях).

II. Сохранить традиционно-этимологическое употребление буквы *ѣ* (М. В. Ломоносов 1755; Дискуссия 1862; Я. К. Грот 1862, 1873; М. А. Колосов 1879; Н. П. Гиляров-Платонов 1883; А. С. Будилович 1902; Л. П. Томсон 1903, 1904, 1905; Е. Ф. Карский 1904; А. И. Соболевский 1904; Л. Н. Толстой 1904).

■ **1а.** Писать *ѣ* в словах *дѣло*, *о дѣлѣ*, *лѣсной*, *слѣдъ*, *бѣлый*, *бѣлѣть*, *хлѣбъ*, *хлѣбный* и т. п. — значит выполнять требования традиционной орфографии, наиболее верно и устойчиво выполняющей важнейшую функцию письма: соединять поколения.

□ **1б.** Буква *ѣ* не являлась таким устойчивым передатчиком традиции. Написания с этой буквой, не имея опоры в современных языковых соотношениях, были в значительной степени вариативны и непостоянны.

«. . .Вот горе: учат мальчика по первому изданию книги, что слово *хмѣль* пишется через *ѣ*; это у него, конечно, обращается в навык, так как тут соображение ни при чем. В следующем издании той же книги ученик узнает, что не *ѣ*, а *е* нужно писать в этом слове. Трудно ученику отвыкать от старой привычки, да нечего делать, надо. Через год он поступает в четвертую Московскую гимназию и узнает, что слово *хмѣль* действительно до этого времени нужно было писать через *е*, но с 1875 г. — через *ѣ*. Выучил мальчик у преподавателя младших классов, что следующие слова пишутся через *ѣ*: *рѣшетка*, *рѣшето*, *затмѣніе*, *телѣга*, *желѣзо*. *сѣрмяга*, *бѣлена*, *индѣйский*, *купѣль*, *свирѣль*, *грѣча*, *спѣсивый*, *угнѣтать*, *копѣйка* и пр. Переходит он в старшие классы к другому преподавателю и вдруг узнает, что все эти слова пишутся не через *ѣ*, а через *е*, а что многие из тех, где он прежде писал *е*, нужно писать через *ѣ*. Скажите, как отвыкать от укоренившейся привычки? А отвыкать нужно, потому что учитель будет подчеркивать и считать его ошибки. Ну, а если мальчику придется переменить заведение? Если ему придется держать экзамен, где от трех-четырех лишних ошибок в букве *ѣ* будет зависеть, может быть, судьба целой его жизни? А почему он будет знать, каких мнений на этот счет держится экзаменатор?» (И. А. Нигпарт 1877). «Одна буква *е* в слове *хмель* или *спесь*, в слове *копейка* или *Онега* в 70-х и 80-х годах способна была привести в негодование преподавателя и погубить ученика, а теперь в этих же самых словах буква *ѣ* вместо *е* способна сделать и с учителем и с учеником то же самое. . .» (Е. Ф. Будде 1901).

□ **1в.** Изменение письменных традиций неизбежно: оно протекает даже в строго традиционных орфографиях, например французской. В данном же случае вообще нет большой опасности: новые поколения читателей будут смотреть на букву *ѣ* как на особый вариант буквы *е* (ср. вариапты буквы *д*: *ꝺ*, *ꝺ*, *д*), а писать ее они не будут.

■ **2.** При чтении очень большое значение имеет контрастность в облике слов. Чем резче графический рисунок данного слова отличается от облика других слов, тем проще это слово опознать; когда все слова сильно отличаются друг от друга, то чтение облегчено. Темп чтения также связан с тем, насколько просто и легко опознается каждое из слов.

Достоинство исторической орфографии в том, что она обеспечивает достаточную контрастность в графическом облике слов. Различия, свойственные словам в далеком прошлом, она сохраняет даже тогда, когда в живом произношении они уже давно утрачены. Это достоинство имеют и написания с буквой *ѣ*. Она — очень заметная примета тех слов, в которых встречается, и поэтому позволяет легко опознавать и отличать их от других слов. Ср. написания: *пѣна—пень*, *слезамъ—слѣзать*, *тѣшить—тесать*, *тѣла—тёлка* и пр. Буква *ѣ* позволяет разграничить множество омонимов: *мела — мѣла*, *есть — ѣсть*, *сведéніе — свѣдѣніе*, *вести — вѣсти*, *лечу — лѣчу*, *въ море — въ морѣ*, *свѣжее — свѣжѣе*.

Замена *ѣ* через *е* создаст менее контрастные написания, более совпадающие. И это верно для очень большого числа случаев. Поэтому написания с буквой *ѣ* обеспечивают легкость и быстроту чтения (Я. К. Грот 1873; А. И. Томсон 1903). «Мы берем слово сразу нашим взглядом, не разбивая его на слога; и потому для всякого читающего каждое слово, обладая своеобразным написанием, имеет свою особую физиономию, которую ей создают именно эти *ѣ* и *э*. . . Благодаря таким „личным“ признакам, которыми одарены слова при современном правописании, я получаю возможность читать быстро. Если же написание станет однообразным, т. е. каждое слово лишится своих личных признаков, то узнавать мне это будет труднее и, конечно, читать я буду медленнее. . . Дело привычки, говорите вы? . . .Привыкнуть к этому, действительно, можно и не трудно, но что процесс чтения от этого сделается медленнее, так это тоже очевидно. . . А это было бы очень печально» (Л. Н. Толстой 1904) [1]

□ **За.** Написания с *ѣ* затрудняют освоение русской орфографии, так как много орфограмм приходится запоминать. Это неизбежное следствие применения традиционной орфографии.

■ **Зб.** Каждый читает во много раз больше, чем пишет; кроме того, каждый тратит на изучение чтения и письма сравнительно небольшую часть жизни. Поэтому естественно в первую очередь учитывать интересы читающего, а не пишущего, овладевшего письмом и чтением, а не овладевающего. А для них важнее всего, чтоб чтение протекало легко и свободно. Именно это преимущество обеспечивает написание с буквой *ѣ* (А. И. Томсон 1903).

□ **Зв.** Однако сравнительно небольшой выигрыш от буквы *ѣ* для читающего не окупается значительным проигрышем для тех, кто обучается чтению и письму (Дискуссия 1904⁰).

■ **Зг.** Мнение, будто ученики быстрее овладевали бы грамотностью, если бы убрать букву *ѣ*, — «полнейшее заблуждение. Кто пианист? Тот ли, который, взглянув в ноты, отыскивает клавишу и

---

[1] А. Зенгер. У Толстого. — «Русь», 1904, № 212.

таким образом тюкает пальцем поочередно каждую ноту; или тот, который, не глядя на клавиши, автоматически производит движения пальцев по клавишам, по импульсам от зрительных ощущений нот? Да разве иначе можно проделывать десятки движений в секунду? Совершенно так же автоматически пишет и грамотный: по импульсам представлений слов рука производит автоматические движения, в результате которых получаются начертания слов. Чтобы добиться такого навыка, учащийся писать должен так же упражняться в писании, как упражняется пианист. Но если для грамотного писания необходимо запомнить весь ряд движений, дающих начертание слова как фигуру, то не все ли равно, *ѣ* или *е* в данном слове». «Начертания, изображающие целые слова или морфологические части слов, производятся грамотным пишущим по памяти целиком. Разбивать их на буквы нет никакой надобности, раз они усвоены. . . Но по мере приобретения навыка мы. . . переходим все более к непосредственному изображению целого слова посредством беспрерывного ряда движений руки. Внимательный взгляд на быстро написанный черновик показывает, как отдельные буквы теряют самостоятельность в общей фигуре слова.

Следовательно, грамотный столько же передает отдельные звуки речи отдельными буквами при писании, сколько мы ходим сознательно отдельными моментами движений ног: приподымем ногу, выдвинем ступню вперед и пр. Но, например, после долгой болезни мы вынуждены проделывать эти движения в значительной степени сознательно, так же как малограмотный пишет отчасти отдельными буквами и слогами.

Отсюда ясно, что грамотному пишущему совершенно безразлично, существуют ли буквы *ѣ*, *и*, *ъ*, *ѳ* или вместо них другие. Он пишет те и другие как составные части привычных движений руки, производящих начертание слова, и совершенно не замечает и может не знать и даже не верить, что *ѣ* и *е*, *и* и *і* обозначают одинаковые звуки» (А. И. Томсон 1904).

□ **3д.** Таков результат обучения письму: рука пишет механически, рисунок слова не разбивается на отдельные буквы. Но путь к этому результату окажется облегченным, если возможна проверка написания. Орфограммы с буквой *ѣ* невозможно проверить (ср. *первый* и *пѣвший*, *вертит* и *вѣрно* и т. д.), невозможно их отграничить от орфограмм с буквой *е*.

□ **4а.** Разграничение написаний с *ѣ* и *е* не поддержано никакими живыми соотношениями в русском литературном языке.

■ **4б.** Нельзя слишком прямолинейно представлять себе связь письменного и устного языка. Письмо — не только отражение звучащей речи, но и самостоятельное средство общения. Обучение письму заключается именно в том, чтобы овладеть им как са-

мостоятельным средством общения, запомнить целостный облик слов и писать их механически, не думая о том, как они соотносятся с произносимыми словами (А. И. Томсон 1903).

□ **4в.** Вероятно, такова и на самом деле цель обучения письму, но достижение этой цели может быть облегчено, если есть возможность прямо или косвенно проверить непрочно усвоенную или забытую орфограмму. А это и значит соотнести ее с фактами живой звучащей речи (П. Н. Сакулин 1904).

□ **5а.** Буквы *е* и *ѣ* обозначают один и тот же звук (точнее — фонему), поэтому одна из них явно лишняя. (Предпочтительнее убрать букву *ѣ* как более редкую, более сложную для написания, не свойственную другим национальным письменностям).

■ **5б.** «Разве только звуки *е*, *ф*, *и* обозначаются двумя буквами? Разве мы не обозначаем почти все звуки русского языка двумя и более буквами? Например звук *а* обозначается посредством букв *а* и *о* в литературном русском (акающем) языке (*вода*). Наоборот, звук *о* обозначается и посредством буквы *а* (*платит*, *посадит*), и посредством *е* (в *вел* такое же *о*, как в *чопорный*). . . В *суд* тот же звук *т*, что в *тут*. В *друг г* обозначает тот же звук, что *к* в *сук*, а в *бог* — тот же звук, что буква *х* в *пух*; кроме того, *г* обозначает еще два разных звука, например, в *гость* и *богат*, и т. д.» (А. И. Томсон 1904).

□ **5в.** Во всех примерах, приведенных А. И. Томсоном, каждая фонема обозначается своей буквой и всегда одной и той же: в *друг* фонема ‹г›, ср. *другом*, в *звук* — фонема ‹к›, ср. *звуками*. Следовательно, однозначности букв нет. Она налицо только в случаях *ѣ—е*, *ѳ—ф*, *и—і—ѵ*, *ъ* — отсутствие буквенного знака (см. дальше) и во всех этих случаях требует устранения.

■ **6а.** Правописание буквы *ѣ* четко регулируется рядом правил, значительная часть их связана с грамматической формой или морфемным строением слова и поэтому нетрудна (Дискуссия 1904°).

□ **6б.** «. . .При употреблении буквы *ѣ*, вкравшейся во все части слова — и в приставку, и в корень, и в суффикс, и в окончание, — часто приходится сообразоваться с составом слова и грамматической формой его. . . Но так как эта буква все-таки лишняя, то самое существование ее, несмотря на урегулирование употребления ее разными правилами, является традиционным. Самые правила употребления этой буквы основаны не на свойствах языка. . ., а на обычае» (А. П. Соболев 1900).

■ **7.** С привычными ятевыми написаниями срослись определенные ассоциации; ломка этих написаний болезненна именно потому, что разрушает установившиеся ассоциации между обозначаемым и обозначающим.

«. . .Зрительные образы слов входят вместе с слуховыми образами в состав тех компликаций, из которых состоит наше мышление. Измените букву, и вместе с тем вы до известной степени разрушите установившуюся единицу мышления грамотного человека, . . .дадите иное направление ассоциациям. Если эти изменения мелки, то не забудьте, что они касаются всех носителей культуры страны. Взгляните на проектированные образчики: *греет слабее*, *весёлого пения*, *резкий ветер*, *рож*, и вы почувствуете, чего не хватает в ясности возбуждаемых ими представлений» (А. И. Томсон 1904).

«Начертание *мѣл*. . . и пр. настолько тесно связано (у меня) с представлением этого вещества, что если бы это начертание заменилось в русском правописании посредством *мел*. . ., то (для меня) и самый мел при чтении и письме (а может быть, отчасти и в других случаях) являлся бы не тем прежним мелом, а каким-то ненастоящим, с серым (не белым) цветом, которым настоящим образом на доске и писать-то нельзя, и пр. Полагаю, что в большей или меньшей степени это разделяется и другими, хотя не в одинаковом виде» (А. И. Томсон 1903).

Ср. мнение А. А. Блока, что представление леса возникает только при чтении написания *лѣсъ*, но не *лес*.

■ **8а.** В современном русском языке существуют значительные диалектные различия. Буква *ѣ* «подлежала бы изгнанию, если бы была уверенность, что она не нужна никому из говорящих по-русски. Но в Северной России на месте буквы *ѣ* или постоянно, или часто слышится звук *и*; там говорят или *вира*, *вирить*, *нивиста*, дат. п. *невести*, или *вера*, *верить*, *невеста*, *невесте*. . . Литература по русской орфографии до сих пор еще не владеет данными о значении буквы *ѣ* для чтения и письма у наших северян и южан, и изгнание ее пока представляется преждевременным» (А. И. Соболевский 1904).

□ **8б.** Этот довод затрагивает сложный вопрос: служит ли орфография только литературному языку или она может претендовать на то, чтобы быть письменной формой и диалектной речи. Если орфография отражает факты именно литературного языка (а не говоров), то ее влияние на говоры в том и состоит, что она воздействует на них, постепенно преобразуя их в литературную речь. Тогда достоинством орфографии является ее безразличие к диалектным различиям, и безъятевое написание имеет серьезные преимущества.

■ **9а.** Опыт английской и французской орфографии, успешно выполняющих свое культурное назначение, свидетельствует в пользу исторических написаний, в частности в пользу буквы *ѣ*.

□ **9б.** Прямолинейные аналогии между разными национальными орфографиями опасны. Среднее статистическое число фонем, ко-

торое приходится на морфему в английском или французском языке, ниже, чем в русском. Корни и аффиксы там более кратки, чем в русском языке; поэтому омонимия морфем и целых слов — гораздо более частое явление. Частичное совпадение морфем и слов, когда различие состоит в одной-двух фонемах, в этих языках чаще встречается, чем в русском языке. Поэтому историческая орфография, как правило усугубляющая различия между словами, для этих языков хороша; она оправдана их строем, и поэтому приходится мириться с недостатками этой орфографии. Во всяком случае она более оправданна, чем в применении к русскому языку (Дискуссия 1904°).

III. Для обозначения [э̂] (*э* закрытого) писать *е*, для обозначения [э] (*э* открытого) под ударением писать *ѣ*: *дѣло*, *в деле*, *дела́*; *в бедѣ*, *бѣды*, *бѣдный*, *беден*; *лѣс*, *о лесе*, *лесник*; *смотрѣл*, *смотрели*, *высмотрел*; *тѣкший—текли* (Ф. Е. Корш 1902; *Р. Ф. Брандт 1904)*.

■ **1.** Предложение Ф. Е. Корша — остроумная попытка более или менее безболезненно превратить традиционные написания в фонетические и, следовательно, оправданные современным состоянием языка. Действительно: в большинстве случаев буква *ѣ* передавала [э] (*э* открытое). Такой звук встречается не перед мягкой согласной, т. е. или на конце слова (*в столе*, *на земле*), или перед твердой согласной (*дело*, *лес*, *смотрел*). Но именно в этих случаях обычно и писалась буква *ѣ*. Объясняется это историей языка: в положении перед твердой согласной фонема ‹е›, когда она еще отличалась от фонемы ‹Ѣ›, изменилась в ‹о›; ср. *нёс*, *тёплый*, *вёбра*, *Алёнка* и пр. Фонема же ‹Ѣ› такого изменения не претерпела. Следовательно, в определенный исторический период перед твердой согласной могли быть под ударением только гласные [ѣ][о](но не[э]): [с'о́ла]=*сёла*, [с'э́ла]=*сѣла*.

Затем фонема ‹Ѣ› была исторически замещена фонемой ‹э›: [с'о́ла]=*сёла*—[с'эла]=(*она*) *села*. В положении перед твердой согласной снова появился гласный [э] (разумеется, открытый, так как нет влияния последующего мягкого согласного), но этот звук [э] был по происхождению из ‹Ѣ›; традиционно он и обозначался буквой *ѣ* в русском письме. Так оказалось, что звук [э] открытое большей частью передавался буквой *ѣ*. Буква же *е* передавала или ‹о›: *нес*, *вез* (так как *ё* — необязательная буква), или ‹э› перед мягким согласным, т. е. в позиции, где не было исторического изменения ‹э› в ‹о›; а перед мягким выступает именно [э̂] закрытое. Поэтому буква *е* обычно передавала [э̂] закрытое.

Предложение Ф. Е. Корша заключалось в том, чтобы провести последовательно это разграничение. При этом оказывалось оправданным большинство написаний с *ѣ* (когда она передавала ударный звук).

□ **2.** Это предложение требует, чтобы звуки [э] и [э̂] передавались разными буквами. Между тем они принадлежат одной фонеме; различие между ними обусловлено позиционно и, следовательно, не является смыслоразличительным. Именно поэтому оно плохо улавливается говорящими, требует особой выучки, особой тонкости речевого слуха. Нет необходимости передавать это различие орфографически.

□ **3а.** Единство морфемы предлагаемым правилом резко нарушается. Пришлось бы писать: *свѣт—на свѣтѣ*, *световой*; *крѣст—крестник*, *на́ крест*; *лѣс—о лесе* и т. д. или: *о днѣ—о лесе* и т. д.

■ **3б.** Но вариантные написания морфем — не редкость; *созову—созвать—созывать* или *несу—ношу—вынашиваю* (Ф. Е. Корш 1902).

□ **3в.** В указанных Ф. Е. Коршем примерах передаются непозиционные чередования; а по предлагаемому им правилу пришлось бы передавать позиционные: [е]—[э̂]. Следовательно, эти примеры не показательны.

□ **4.** Предлагаемое правило, сохраняя традиционные написания для гласных под ударением, сильно меняет их написание в безударном положении, где этимологические ‹ѣ› и ‹э› одинаково выражались бы буквой *е*. Без этимологического основания остались бы написания (вводимые правилом Ф. Е. Корша): *мѣркнут*, *зѣркало*, *вѣрба. . .*; *совершѣнный*, *почтѣнный. . .*; *овѣц*, *колѣц*, *молодѣц. . .* Поэтому предложение Ф. Е. Корша не вполне удовлетворяло и «этимологистов», т. е. сторонников этимологического написания буквы ѣ.

БУКВА *і*

Историческая справка

Тождественность функций у букв *і* — *и* была для всех очевидна; историко-этимологических оснований для разграничений этих букв на русской почве (как у букв *е* — *ѣ*) не было [1]. Поэтому постоянно возникали предложения вместо двух букв употреблять какую-нибудь одну. Дискуссия не раз возникала вокруг вопроса, какую из букв следует отменить; сторонников сохранения обеих букв было немного. Доводы у них были главным образом эстетические: некрасиво сочетание *ии* (с четырьмя вертикалями, ср. *о Вознесении Иисусове*), сочетание же *іи* красивее и не утомляет глаза своим однообразием (М. В. Ломоносов 1755). Р. Ф. Брандт на этот довод справедливо возражал: «Действительно, 4 *и* подряд — это нехорошо, но не только для глаза, а также

[1] Буква *і* исторически связана с греческой ι (иотой), буква *и* — с греческой η (итой). По свойствам греческого языка ι находилась в положении перед гласными (первоначально это было обусловлено наличием в греческом языке дифтонгов с начальным ι); η почти не встречалась в этом положении. С XV в. и в русском письме, под влиянием греческого, *і* стало употребляться главным образом перед гласными.

для слуха; тут. . . имеется неисправность в стиле, которую пора бы устранить. . ., а не скрашивать на бумаге» (1901).

Правило использования буквы *і* было легким (она писалась перед гласными, но не в приставке *при*, ср. *Приазовье, приобщиться* и пр. и не в сложных словах с первой частью *пяти-*, *шести-* и пр.; ср. *пятиаршинный*). Легкость правила обеспечила очень устойчивую, последовательную реализацию его в практике письма.

Доводы в пользу того, чтобы оставить обе буквы, в принципе тождественны доводам в пользу *ѣ*. Далее анализируются только предложения, касающиеся выбора, какую букву из двух следует оставить в алфавите.

Предложения

I. Использовать только букву *и* (П. Л. Яковлев 1828; Н. М. Тимаев 1860; Дискуссия 1862; Р. Ф. Брандт 1881, 1901; И. Н. Бахтин 1886; А. И. Лоначевский 1891; Проект Московского педагогического общества 1901; Е. Ф. Будде 1901; А. Г. Герасимов 1901, 1903; Ф. Е. Корш 1902; Проект Казанского педагогического общества 1902; Предложения педагогического отделения русского литературного кружка в Риге 1902; П. Г. Сорочинский 1903; Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904; Е. Ф. Карский 1904; И. П. Лысков 1904; Г. С. Михайлов-Мучкин 1905; Постановления Орфографической подкомиссии 1912; В. И. Попов 1916; Декреты 1917 и 1918; Д. Н. Ушаков 1926).

■ 1. Буква *и* соотносительна с *й*, избрав же *і*, надо было бы вводить еще букву *ї* и или *і̯*, что явно неудобно (Постановления Орфографической подкомиссии 1912).

■ 2. Буква *и* лишена диакритического значка (точки вверху) и этим удобна для письма.

■ 3. В русском письме чаще использовалась буква *и*, чем *і*; если оставить *и*, то ломка привычных написаний окажется сравнительно небольшой (Р. Ф. Брандт 1881; В. Чешихин 1900[1], Постановления Орфографической подкомиссии 1912).

II. Использовать только букву *і* (В. К. Тредиаковский 1748; Неизвестный автор 1775; А. А. Барсов 1792; *Д. И. Языков 1809*; В. С. Подшивалов 1816; В. Г. Белинский 1844, 1845; Н. М. Тимаев, 1856; М. Белобородов 1862; В. Ф. Кеневич 1862; Комиссия 1862; *Я. К. Грот 1862*; М. А. Тулов 1881; К. Г. Житомирский 1894; В. Кв. 1900; В. Куницкий 1901; Проект Одесского педагогического общества 1903; К. А. Сорокин 1903, 1907; Дискуссия 1904°; Б. Николаев 1918; В. С. Кривенко 1919; А. Евгеньев 1919; Р. Теверовская 1926; Дискуссия 1929; С. О. Карцевский 1937; Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964*).

[1] См.: «Славянский век», 1900, № 6, стр. 21.

Примечание. Некоторые авторы предлагали использовать *і* (без точки) или признать постановку точки факультативной.

■ **1а.** Буква *і* объединяет русское письмо с письмом многих других народов.

□ **1б.** Это объединение является незначительной частностью и имеет совершенно внешний характер и вряд ли будет иметь хотя бы сколько-нибудь значительную практическую ценность.

С другой стороны, сравнение с опытом сербской письменности служит доводом в пользу *и*, а не *і*: «Нам больше следует дорожить сближением с сербскою разновидностью нашей гражданицы, нежели с латиницей, действительная близость с которой все-таки невозможна» (Р. Ф. Брандт 1881).

■ **2а.** Буква *і* занимает вдвое меньше места, чем буква *и*; отсюда — большая экономия краски и бумаги, если бы она была введена (размер этой экономии при вычислениях можно увеличивать как угодно, считая на 10, 20, 30 и более лет вперед).

□ **2б.** Подсчеты, однако, делаются обычно недостаточно тщательно. Подсчитывается число букв *и* на страницу, делится на два (буква *і* в д в о е субтильнее *и*), вывод готов: введение буквы *і* позволит на каждой странице печатать на столько-то букв больше в книге такого-то размера и такого-то тиража, экономия возрастает до таких-то размеров и т. д. Но не учитывается, что печатный текст разбит на абзацы. Пусть в печатной строчке какой-то книги помещается 50 букв; в абзаце буква *и* встретилась 20 раз; замена *и* на *і* даст экономию в 10 букв; последняя строчка этого абзаца имеет 20 букв, следовательно, замена *и* на *і* никакой экономии не даст. Это приведет к тому, что последняя строчка абзаца станет короче на 10 букв (20 : 2). Следующий абзац все-таки начнется там, где он начинался и при использовании буквы *и*. Экономия будет в том случае, если при 20 буквах *и—і* последняя строчка в абзаце имеет не более 10 букв, или в том случае, если при последней строчке в 20 букв в абзаце встретится 40 букв *и—і*.

При этом надо учитывать, что законы переноса еще уменьшат этот выигрыш. Вот пример: *лишь только наступает июнь, я уезжаю на дачу и хозяй||ствую там и пишу в одиночестве. . .* В первой строчке (до знака ||) три буквы *и*; при замене — экономия в одну или две буквы. Но перенести *хозяйст-вую* (или *хозяйствую*, *хозяйству-ю*) нельзя; перенос уничтожил всю экономию. При тщательном подсчете оказывается, что экономия от замены буквы *и* через *і* гораздо меньше, чем обещают сторонники такой замены. Как бы ни упрощать правила переноса, в некоторых случаях они будут уничтожать экономию от введения буквы *і*, и без того незначительную (Дискуссия 1962°).

□ 3. Введение буквы *і* означает замену *й* через *ї* (или другой знак); это тоже повлечет за собой ряд затруднений.

□ 4. Внешний облик текстов будет сильно изменен, и потребуется вырабатывать привычку к чтению новых начертаний слов (Дискуссия 1904°).

БУКВА *ъ* В КОНЦЕ СЛОВ

Историческая справка

Правило о ъ в конце слов — самое легкое из всех относящихся к традиционным написаниям в русском письме прошлого времени; поэтому в практике печатания оно выполнялось весьма последовательно. Но излишество этой буквы было очевидно [1]. «. . . Что он в окончании слов совершенно бесполезен, о том никто не спорит. Зачем же держать тунеядца?» (П. Л. Яковлев 1828). По словам А. С. Пушкина, «Шпионы подобны букве ъ. Они нужны в некоторых только случаях, но и тут можно без них обойтиться, а они привыкли всюду соваться». Постоянно выдвигались проекты отменить ъ в конце слов, не раз выходили «безъеровые» издания [2].

Убедительных аргументов в пользу сохранения конечного ера не было, но социальные причины мешали избавиться от него; официальным циркуляром было запрещено принимать сочинения у гимназистов, документы и прошения, подаваемые в государственные учреждения и т. д., если они были написаны без еров. Букву ъ в конце слова отменили декреты 1917 и 1918 гг.

Предложения

I. Не писать ъ в конце слов (*А. А. Барсов 1768*; С. Г. Домашнев 1781; А. Х. Востоков 1808; Д. И. Языков 1809; В. С. Подшивалов 1816; П. Л. Яковлев 1828; В. Г. Белинский 1845; О. Н. Бетлинг 1851; И. И. Баньковский 1857; М. Белобородов 1862; *Я. К. Грот 1862*; В. Головин 1862; В. Ф. Кеневич 1862; Комиссия 1862; И. А. Бодуэн де Куртенэ 1875; И. И. Вальков 1875; М. А. Колосов 1879; М. А. Тулов 1881; Р. Ф. Брандт 1881, 1901; Н. Н. Бахтин 1886; А. И. Лоначевский 1891; К. Г. Житомирский 1894, 1915; В. Кв. 1900; Проект Московского педагогического общества 1901; Е. Ф. Будде 1901; А. Г. Герасимов 1901, 1903; В. Куницкий 1901; Ф. Е. Корш 1902; Проект Казанского педагогического общества 1902; Предложения педагогического отделения русского литературного кружка в Риге 1902; Проект Одесского педагогического общества 1903; П. Г. Сорочинский 1903; К. А. Сорокин 1903, 1907; Ф. Ф. Фортунатов 1904; Предварительное сообщение Орфо-

---

[1] В древнерусском языке до XII в. эта буква передавала особый гласный: все полнозначные слова (и большинство служебных) оканчивались гласным звуком, поэтому в исходе письменных слов могли писаться только буквы *а*, *о*, *у*, ъ и т. д., т. е. обозначающие гласные звуки. После исчезновения гласного [ъ], в старой русской письменности, при слитном написании слов, ъ стал обозначать конец слова, т. е. границу между словами; он остался и после того, как установилось раздельное написание слов.

[2] См. приложение к библиографии в конце книги.

графической подкомиссии 1904; Е. Ф. Карский 1904; А. И. Соболевский 1904; Г. С. Михайлов-Мучкин 1905; Постановления Орфографической подкомиссии 1912; В. И. Попов 1916; Декреты 1917 и 1918) [1].

■ **1а.** Твердость согласного обозначают твердым знаком (ером) только в конце слова; в середине слова он не используется с этой целью; следовательно, передача твердости с помощью ъ оказывается непоследовательной. На это было указано еще в XVIII в.: «ъ значит только природное, т. е. дебелое окончание согласных, и употребляется при них только в конце речений, хотя оные буквы тут и без него не иначе бы выговорены были как и в середине без него ж выговариваются. Например, в слове *Антонъ* последний склад *тонъ* не иначе выговаривается как и первый *Ан*, следовательно, можно б оное слово так и писать всегда *Антон. . .*» (А. А. Барсов 1768). Этот же аргумент фигурировал в начале XX в.: «. . .Правоверных приверженцев сохранения буквы ъ на конце слов можно успокоить замечанием, что если возможно писать *полка, гадкий, кроткий. . .* (а не *полъка, гадъкий, кротъкий. . .*), то не произойдет никакой беды и от написаний *пол, гад, крот. . .* Вместо графического нуля желающие могут представлять мысленно букву ъ» (И. А. Бодуэн де Куртенэ 1912).

□ **1б.** «Даже ъ в конце слова играет при чтении довольно существенную роль. Казалось бы, все равно, писать ли *домъ*, *рукъ* с ъ или без него. На самом деле ъ при вполне грамотном чтении не вслух такой же знак мысли, как *у* в *дому*, *руку*. И то и другое не произносится, но ъ играет для читателя ту же роль, что зеленый фонарь на железной дороге. Можно обходиться одним красным фонарем, и если бы никогда не случалось ошибки, то машинист при отсутствии красного фонаря был бы вполне уверен, что путь свободен. Но зеленый фонарь имел бы и тогда психическое значение. Он, как знак известной мысли, непосредственно, сильнее и яснее возбуждает эту мысль. Точно так же и ъ в *рукъ*, *домъ* и пр. возбуждает быстрее то синтаксическое понятие об отношениях между словами, которое менее быстро и ясно вытекает логически из одного отсутствия всякого окончания» (А. И. Томсон 1905).

■ **1в.** В языке нулевые показатели очень надежны и работают безотказно (этим и объясняется их широкая распространенность). Очевидно, и в письменной форме языка они оправдают себя: здесь зеленый фонарь не нужен.

□ **2а.** «. . . Конечные ъ, ь являются не только твердым и мягким знаками, как их называют по одностороннему фонетическому взгляду, а знаками морфологических принадлежностей слов» (А. И. Том-

[1] По свидетельству Я. К. Грота, сторонниками безъеровых написаний были А. Х. Востоков и И. И. Срезневский. Это мнение они высказывали в беседах с Я. К. Гротом.

сон 1903). Если наряду с изъятием ъ проектируется также отмена ь после шипящих, то написания *ложь—ложъ*, *плачь—плачъ* и пр. окажутся омографичными: *явная лож—театральных лож*, *ты не плач—громкий плач*.

■ **2б.** Ср. написания *Мария Гречь* и *Николай Гречъ*; еще в XIX в. это различие было утрачено; стали писать в обоих случаях *Гречъ*. Твердый знак, перестав в этих случаях (в фамилиях) противопоставляться мягкому, вместе с тем перестал быть показателем «морфологических принадлежностей слов», хотя для фамилий подобное разграничение могло бы быть более полезно, чем для имен нарицательных. Очевидно, в других случаях исчезновение ъ как показателя морфологической характеристики слов будет еще более безболезненным.

■ **2в.** Кроме того, в случае, если не проектируется изменение написаний *ложь*, *мышь*, *не плачь*, *отрежь* и пр., показателем морфологической категории стало бы отсутствие мягкого знака в ряде грамматических форм (*театральных лож*, *громкий плач* и т. д.).

■ **3.** В отличие от других традиционных написаний твердый знак не способствует увеличению контрастности в графическом облике слов; ср. *слезъ—слезь* и *слез—слезь*, *уголъ—уголь* и *угол—уголь* и пр. «Примем еще во внимание большое сходство твердого знака с мягким, вследствие чего смешение их является самою обыкновенною опечаткой, и твердость окончаний гораздо яснее была бы обозначена отсутствием всякого знака» (Р. Ф. Брандт 1901).

■ **4а.** Использование ъ требует лишней бумаги, краски, лишнего времени на его печатание и письмо (И. И. Баньковский 1857; К. М. Кадинский 1857; М. Н. Катков 1862).

□ **4б.** Впрочем, экономия от его изгнания оказалась не так велика, как предполагалось (ср. предложения о буквах *и—і*).

□ **5а.** Буква ъ в конце слов очень частотна, поэтому изъятие ее означает крупную ломку орфографических навыков.

■ **5б.** Эта ломка, однако, облегчена тем, что перестройка и создание новых правописных привычек требует только простого внимания, а не анализа орфограмм и не новых средств их различения.

БУКВА ъ ПОСЛЕ ШИПЯЩИХ [1]

Историческая справка

До реформы 1918 г. графическое слово могло, по давно установившейся традиции, оканчиваться или гласной буквой, или знаками ъ, ь. Происхождение этой традиции понятно. Когда-то (еще в XVII в.), при письме без пробе-

[1] Употребление ь после шипящих рассматривается в данном разделе, так как этот вопрос тесно связан с вопросом об употреблении ъ на конце слов. О других случаях использования мягкого знака см. в соответствующем разделе.

лов между словами, ъ и ь имели словоотделительную функцию; они остались и после того, как стало обычным разделять слова с помощью пробелов. Естественно, ъ и ь писались и после шипящих; в одних грамматических формах прочно укрепился ъ (*сторожъ, грошъ, борщъ, мечъ; рыжъ, хорошъ, нищъ, могучъ; вельможъ, крышъ, ручищъ, тучъ*), в других — ь (*рожь, мышь, вещь, печь, напрячь, стричь; режь, тешь, не таращь, прячь; сидишь, идешь, ешь*).

Дифференцировочные написания фамилий *Кожичъ* (мужчина) и *Кожичь* (женщина) оказались неустойчивыми и исчезли еще в XIX в. (стали для обоих родов писать *Кожичъ*).

После реформы 1918 г. ъ (ер) перестали писать в конце слов, ь (ерь) остался как показатель мягкости согласных; по традиции он остался и после шипящих. Традиция его написания очень постоянна, и колебаний в применении этого старинного правила не было. Ниже рассмотрены основные предложения об изменении принятых написаний ь после *ж, ш, щ, ч*.

Предложения

I. После шипящих писать ь только в разделительной функции (т. е. для обозначения ‹j› после согласных перед гласными): *рож, мыш, вещ, ноч; сторож, грош, борщ, меч; вельмож, крыш, ручищ, туч; рыж, хорош, нищ, могуч; напряч, изнемоч, леч, стричся; сидиш, смеёшся; реж, теш, не тащ, пряч; настеж, сплош, вскач; иш, виш, биш*; но: *рожью, мышью, вещью, печью* (Н. М. Тимаев 1856, 1860; Проект Московского педагогического общества 1901; А. Г. Герасимов 1901, 1903; Ф. Е. Корш 1902; Предложения педагогического отделения русского литературного кружка в Риге 1902; Проект Одесского педагогического общества 1903; Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904; А. И. Соболевский 1904; К. А. Сорокин 1907; Постановления Орфографической подкомиссии 1912; И. А. Бодуэн де Куртенэ 1912; К. Г. Житомирский 1915; В. И. Попов 1916; С. Есенин 1922; Р. Теверовская 1926; Д. Н. Ушаков 1926; А. В. Миртов 1927; Е. Д. Поливанов 1927; А. М. Суворовский 1927; Н. Н. Фатов 1927; А. М. Топоров 1929; Проект 1930; Н. Н. Дурново 1930; М. В. Ушаков 1930; Предложения Ленинградского лингвистического общества 1931; А. М. Сухотин 1935°; Дискуссия 1954, 1954*; Ю. П. Серова 1955; Р. О. Якобсон 1962; Предложения Института русского языка 1962; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1962, 1962 *; Э. И. Биргер 1962; А. А. Горбунова 1962; Л. Е. Филиппова 1962; П. А. Лекант 1963; Т. В. Шанская 1963; Проект 1964; Дискуссия 1964, 1964 *).

■ **1.** Правило последовательно охватывает все случаи с шипящими.

■ **2.** Оно строго фонематично: мягкость и твердость у *ж, ш, щ, ч* как различительные признаки не существуют, следовательно, не должны обозначаться на письме.

■ **3.** При этом правило не нарушает единообразия в написании каждой морфемы. (В формах *рожью, мышью, мощью, ночью* буквенное сочетание *ью* принадлежит графическому окончанию).

□ **4а.** Считают, что мягкий знак у существительных III склонения, в инфинитивах *напрячь*, *изнемочь*. . ., в повелительных формах служит опознавательным знаком, «сигналом» грамматической категории, позволяет одни грамматические формы отличить от других и этим полезен (А. И. Томсон 1903; Д. Н. Ушаков 1911; В. А. Малаховский 1929; Н. С. Рождественский 1946; А. Б. Шапиро 1951; В. Ф. Иванова 1963; Дискуссия 1964, 1964°, 1964*).

■ **4б.** «Нужен ли этот «грамматический сигнал»? Ведь ясно, что для того, чтобы написать в существительных женского рода III склонения ь (*рожь*, *вещь* и т. п.), мы раньше определяем род существительного (*эта вещь*, *этот нож*), а потом уже пишем или не пишем ь. . . » (Э. И. Биргер 1962).

□ **4в.** Часто указывают, что ь у существительных типа *мышь* (и в других грамматических разрядах) облегчает иностранцам изучение русского языка, помогает разграничивать склонения (Б. П. Ардентов 1963; С. Жажа 1963; Дискуссия 1964°, 1964*).

■ **4г.** Если слова *мышь* и под. встречаются иностранцу в письменной речи, то в тексте уже даны все согласования по женскому роду, и особый показатель рода не нужен (если же нет согласованных форм, то не возникает потребности обращать внимание на род). То же следует сказать и о восприятии устной речи. Когда человек, обучающийся русскому языку, сам пишет и говорит по-русски, то он должен помнить, что слово *мышь* — женского рода, следовательно, надо писать и говорить *мышь пробежала*. Нет необходимости усложнять это запоминание, превращая его в такую цепь: *мышь* пишется с мягким знаком — *мышь* женского рода, — следовательно, *мышь пробежала*.

Примеры других языков (например, французского) показывают, что родовая принадлежность слова запоминается при изучении этих языков и без помощи особых признаков в начертании слова (Дискуссия 1962°).

□ **5а.** С отменой ь после шипящих в конце форм существительных и глаголов разрушается целостность грамматических категорий (в письменном их отражении); стало бы писаться: *ходить*, *искать*, но *напряч*, *изнемоч*; *грань*, *честь*, *грязь*, но *рож*, *мыш*; *встань*, *поставь*, но *спряч*, *отреж* (Я. В. Лоя 1940; В. Ф. Иванова 1963; Дискуссия 1964, 1964*).

■ **5б.** Но в существительных типа *любовь*, *хворь*, *ругань* ь «выполняет не грамматическую, а смягчительную функцию. . . В существительных же, оканчивающихся на шипящие. . ., это излишне» (Э. И. Биргер 1962).

■ **5в.** Притом — может ли мягкий знак рассматриваться как показатель, объединяющий указанные грамматические формы (в их

письменном выражении)? Необязательность мягкого знака для письменного выражения повелительной формы показывает форма *ляг* (Н. Н. Дурново 1930).

«Дифференцирующие свойства ь не проводятся и не могут быть проведены последовательно, поскольку среди слов на мягкий согласный имеются слова и мужского рода (*день*, *фестиваль*, *голубь*, *конь*), и женского рода (*тень*, *диагональ*, *прорубь*, *тарань*). Его различительные качества заключены, таким образом, в пределах небольшой группы слов на *ж*, *ш*, *ч*, *щ*» (Т. В. Шанская 1963).

Сохранять единство в формах *писать*, *читать*, *учить* и *беречь*, *стричь*, *печь* нет никакой необходимости: в этих инфинитивах представлены разные (хотя и синонимичные) аффиксы ‹т'› и ‹ч›. Писать же одинаково разные морфемы нет оснований.

В формах *кож*, *крыш*, *туч* мягкий знак не пишется, следовательно, письменное единство категории, обозначение мягким знаком после шипящих существительных женского рода не выдерживается при существующих правилах (А. А. Горбунова 1962).

□ **6а.** Мягкий знак после шипящих служит для дифференциации слов, ср. *ложь — лож*, *плачь — плач* и т. п. (А. И. Томсон 1903; Дискуссия 1964, 1964*).

■ **6б.** Дифференцирующие написания в русской орфографии последовательно убывают на протяжении последних двухсот лет; очевидно, и дифференцировка *ключ—ночь*, *плачь—плач*, *ложь—лож* тоже может безболезненно исчезнуть. Контекст позволит верно понять значение этих слов.

■ **7.** Отмена ь после шипящих на конце слов поможет избежать и таких ошибок у школьников, как *ночьной*, *печьник*, *печька*, *ночька* (Ю. П. Серова 1955).

«В старой орфографии, при параллельном обозначении знаками ъ слов мужского рода (например, *ключъ*), ь в таких написаниях, как *ночь*, *печь*, воспринимался именно как условно-грамматическая примета. В новой орфографии, в бытовом ее восприятии возросло значение ь как знака мягкости, и в написаниях *дочь*, *мощь* этот знак стал восприниматься как обозначение мягких *ч* и *щ*; это по аналогии потянуло за собой учащение таких написаний, как *ночька*, *конечьно*, *мощьный*, *тучь*, *рощь* и т. п.» (А. М. Суворовский 1927).

«После изучения правила о правописании слов мужского рода на шипящую без мягкого знака (*врач*) наблюдается распространение этого способа написания и на слова женского рода (*дочь*) и наоборот» (Д. Н. Богоявленский 1957).

■ 8. «Следствием исключения буквы ъ в конце слов является возможность не писать ь в положении за конечной твердой согласной, а именно за *ж* и *ш*, где ь пишется теперь (по требованию этимоло-

гии) только в силу того общего правила, что конечная согласная в слове должна сопровождаться в письме твердым или мягким знаком. При сохранении вообще для ь значения 1) знака мягкости согласных и 2) знака отделительного. . ., подкомиссия неизбежно должна была признать излишним написание этой буквы в конце слов за *ж* и *ш*, которые. . . всегда тверды. . .» (Постановления Орфографической подкомиссии 1912). Это же относится и к буквам, обозначающим всегда мягкие согласные ‹ч› и ‹щ›.

Следовательно, устранение ь после непарных по твердости—мягкости согласных — естественное завершение реформы 1918 г.; оно вытекает из существа этой реформы, оно предполагалось решением создателей этой реформы.

□ **9а.** Резко изменяется облик сравнительно широкого круга слов.

■ **9б.** «Но ведь отмена буквы ъ в 1918 г. изменила облик куда большего количества слов, однако пишущие быстро освоились с этим новым обликом» (Э. Э. Биргер 1962).

■ **10.** В других славянских языках с типологически близкими грамматическими системами не пишется ь в указанных случаях, ср. *луч — ніч* (укр.), *ключ — ноч* (белорусск.) (Т. В. Шанская 1963).

II. После шипящих писать ь в разделительной функции и как показатель грамматических форм: 1) на конце существительных III склонения: *мышь*, *мощь*; 2) в повелительной форме: *режь*, *не порежься*; 3) в инфинитивах: *напрячь*, *остеречься* (П. Шишов 1954; Г. М. Лев 1955; Дискуссия 1962°, 1962*; Б. П. Ардентов 1963; В. Ф. Иванова 1963; А. Н. Кожин 1964; Дискуссия 1964°, 1964*).

■ **1.** Это правило легче, чем правило 1956 г.; уменьшается число грамматических категорий, в которых пишется ь, за счет форм 2-го лица глаголов (*знаеш*) и за счет наречий и частиц, которые последовательно предлагается писать без ь после шипящих: *сплош*, *проч*, *настеж*, *иш*, *биш*, *виш*.

□ **2.** Правило не отвечает фонематическому принципу.

□ **3.** Оно не отвечает и морфологическому принципу.

■ **4а.** Правило использует возможность применить ь как показатель определенных грамматических категорий.

□ **4б.** Вызывает сомнение сама необходимость сигнализировать на письме об этих категориях. См. предложение I, п. 4б, 4г.

■ **5а.** «. . . Отсутствие ь на конце некоторых повелительных форм может повлечь за собой написание без ь и таких форм, как *готовь*, *приготовь*, *приготовьтесь*, так как в произношении сейчас очень

заметно отвердение конечных губных согласных. Пропуск мягкого знака в этих формах сейчас уже составляет значительный процент ошибок, в случае же введения написаний типа *съеш* ошибочные написания типа *готовте* будут поддержаны аналогией со *съеште*» (В. Ф. Иванова 1963).

□ **5б.** Написание *готовте* встречается в качестве отражения нелитературного произношения конечных губных: вместо мягких произносятся твердые (*приготов*, *познаком*, *приголуб* — *приготовте*, *познакомся*, *приголуб-ка* и т. д.). Чтобы их не было, надо позаботиться о воспитании литературного произношения. Написания *отрежь*, *наморщь*, *спрячь* (с мягким знаком) не могут способствовать правильному произношению конечных губных — это очевидно, поэтому они и неспособны предупредить появление написаний типа *приготов*, *познаком*.

■ **6.** Это правило потребует меньших изменений в существующей практике письма (по сравнению с предложением I).

III. Распространить написание *ь* после шипящих на фамилии женщин и формы род. п. мн. ч. существительных женского рода: *Вера Зоричь*, *Нина Ружь*, *много задачь*, *ряд ложь* (Д. Галкин 1955).

■ **1.** Правило последовательно распространяет сигнализацию существительных женского рода с помощью конечного *ь* на все случаи, когда в словах женского рода возможна в конце шипящая. При этом учтен и тот (может быть, единственный) случай, когда такая сигнализация может быть полезна: *Зоричь — Зорич*, *Ружь — Руж*.

□ **2.** Но ценность этого последовательного распространения известного правила на все возможные случаи определяется ценностью самого правила (см. выше).

IV. На конце слова и перед согласными последовательно писать *ь* после *ч*, *щ* и не писать его после *ж*, *ш*: *ночь*, *мечь*, *тучь*, *могучь*, *лечь*, *прячь*, *навзничь*, *ночьной*, *речька*, *вещь*, *борщь*, *ручищь*, *нищь*, *не таращь*, *мощьный*, но *мыш*, *грош*, *крыш*, *хорош*, *сидиш*, *утеш*, *сплош*, *виш*, *крышка*, *молодеж*, *сторож*, *вельмож*, *рыж*, *отреж*, *настеж*, *ложка*, *нежный* (Проект Казанского педагогического общества 1902; Дискуссия 1929; Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964*).

■ **1.** Правило последовательно проводит фонетический принцип.

□ **2.** Ввиду постоянной мягкости *ч* и *щ* нет никакой необходимости отмечать это с помощью мягкого знака (см. подробнее в разделе о передаче фонем ‹и›, ‹а›, ‹у›, ‹э› после шипящих).

ПЕРЕДАЧА ДОЛГИХ ШИПЯЩИХ

ПЕРЕДАЧА ФОНЕМЫ ‹ж̧›

Историческая справка

Наличие в русском литературном языке особой фонемы ‹ж̧› (долгого мягкого [ж] — [ж̄']) устанавливается на основе традиционного — «московского» — литературного произношения. Эта фонема представлена лишь в немногих корневых морфемах (в части из них она чередуется с ‹зг› или ‹зд›): *до‹ж̧›, дро‹ж̧›и, во‹ж̧›и, мо‹ж̧›евельник, жу‹ж̧›ать, ‹ж̧›ет, со‹ж̧›енный, бре‹ж̧›ить, вере‹ж̧›ать, брю‹ж̧›ать* (ср. *брюзга*), *дребе‹ж̧›ать* (ср. *вдребезги*), *ви‹ж̧›ать* (ср. *визг*), *бры‹ж̧›ет* (ср. *брызгать*), *мо‹ж̧›ечок, размо‹ж̧›ить* (ср. *мозг*), *е‹ж̧›у, прие‹ж̧›ать, прие‹ж̧›ий* (ср. *езда, ездить*), *по‹ж̧›е* (ср. *поздно*), *взгромо‹ж̧›усь* (ср. *взгромоздиться*), *гво‹ж̧›у* (ср. *гвоздить*), *боро‹ж̧›у* (ср. *бороздить*).

Наряду с произношением [ж̄'] сейчас широко представлено и [ж̄] (долгое твердое [ж]): *ви*[ж̄]*ать, е*[ж̄]*у*. Из этого варианта произношения (которое уже признается литературным) нельзя установить наличие в перечисленных выше словах особой фонемы; [ж̄] следует считать реализацией фонемных сочетаний ‹вж›, ‹жж›.

Для фонемы ‹ж̧› (в отличие от парной глухой ‹щ›) не было создано особой буквы, и она стала передаваться трояко: как *жд* (*дождь*), как *жж* (*дрожжи, вожжи, жужжать, можжевельник, сожженный*) и как *зж* (*езжу, брызжет, позже* и др.). Замена [ж̄'] через [ж̄] отчасти является следствием такой письменной передачи (ср. закономерное прочтение *зж* как [ж̄] в *разжать, изжить* и т. п.); под влиянием написания появилось произношение *до*[шт'], *до*[жд']*а*.

Написания указанной группы слов в целом были устойчивыми на протяжении последних двух столетий; наблюдались лишь колебания *дрожжи — дрожди, вожжи — возжи* (Я. К. Грот 1876).

Далее рассмотрены лишь те предложения об изменении написаний слов с ‹ж̧›, которые основаны на правильном понимании фонемного состава этих слов; опущено, например, предложение о замене *жж* через *ж* в словах *вожжи, дрожжи* и пр., преследующее цель устранить во всех случаях удвоение согласных на письме и не учитывающее особого характера буквенного сочетания *жж* в середине морфемы.

Предложения

I. Для обозначения ‹ж̧› ввести букву *ж̧* («*ж* с придатком смягчения, подобным придатку буквы *щ*, отличающим последнюю от *ш*»; «*ж* с таким же хвостиком, как у *щ*»): *дож̧*, *вож̧и*, *жуж̧ать*, *еж̧у*, *пож̧е* и т. п. (А. Г. Герасимов 1901, 1903; Б. А. Розенфельд 1963*) [1].

■ **1а.** Предложение удовлетворяет требованию фонематического принципа передавать каждую фонему особой буквой.

□ **1б.** Но это предложение опирается на тот фонемный состав слов, который устанавливается на основе «московского» произношения, — со звуком [ж̄’]; если исходить из произношения [ж̄], нет оснований изменять принятые написания.

■ **2а.** Введение буквы *ж̧* обеспечивает точное соответствие произношению.

□ **2б.** Опять-таки, если брать за основу «московское» произношение.

■ **3.** Можно говорить не только о соответствии предлагаемых написаний определенному типу произношения (и устанавливаемому на его основании фонемному составу слов), но и о возможном обратном воздействии их на звуковой состав литературного языка. Введение буквы *ж̧* могло бы приостановить исчезновение из системы литературного языка фонемы ‹ж̧›. Этим поддерживалась бы и традиционная система морфонологических чередований (т. е. чередований звуков, не обусловленных фонетической позицией), в которой парные по глухости—звонкости фонемы ‹щ› и ‹ж̧› во многих случаях оказываются параллельны; ср. ‹ст› — ‹щ› и ‹зд› — ‹ж̧› (*простой — проще* и *поздно — по*‹ж̧›*е*) и ‹ск› — ‹щ› и ‹зг› — ‹ж̧› (*писк — пищать* и *визг — ви*‹ж̧›*ать*). Чередования ‹ст› — ‹щ› и ‹ск› — ‹щ› в современной системе по существу «держатся» на параллельных чередованиях с ‹ж̧›; с исчезновением ‹ж̧› появляется возможность иной морфонологической и фонологической интерпретации соотношений типа *простой — проще*, *писк — пищать* (см. подробнее в разделе о фонеме ‹щ›).

■ **4а.** Введение буквы *ж̧*, созданной по принципу существующей буквы *щ*, не затруднило бы ни пишущих, ни читающих, которые легко бы поняли ее. К тому же изменения коснулись бы написания очень небольшого числа слов.

---

[1] Буква *ж̧* есть в ряде алфавитов народов СССР (туркменском, татарском, калмыцком и др.). Об этом, однако, не подозревали ее изобретатели; каждый из них самостоятельно создал ее «по образу и подобию» *щ*. Использовать *ж̧* как знак транскрипции для русского языка предложил А. А. Реформатский.

www.ruslang.ru

□ 4б. Но при незначительности орфографических изменений вводится существенное полиграфическое осложнение: в алфавит предлагается включить новую букву. Малая частотность фонемы ‹ӂ› и делает это предложение практически нецелесообразным.

II. Для обозначения ‹ӂ› писать всегда *жж*: *дожж*, *дожжа*, *ежжу*, *пожже*, *вижжать* и т. п.; ср. принятые *жужжу*, *дрожжами* (А. И. Соболевский 1904).

Примечание. Это предложение оценивается дальше исходя из того, что в русском языке существует ‹ӂ› как особая фонема.

■ 1. Устанавливается единообразное письменное отражение фонемы ‹ӂ›: вместо трех разных буквенных сочетаний, передающих ее (*зж*, *жж*, *жд*), вводится одно. Это ближе к осуществлению фонематического принципа, чем принятые написания, хотя этот принцип не удовлетворяется полностью. Сейчас буквенное сочетание *жж* внутри морфемы передает только фонему ‹ӂ›, но таких случаев немного. С принятием данного предложения число этих случаев увеличилось бы, и, поскольку не осталось бы иных способов передачи ‹ӂ›, установилось бы почти однозначное соотношение между *жж* и ‹ӂ›. Его однозначность несколько нарушалась бы написанием *жж* в словах типа *межжильный*, *кожжиртрест*, где это буквенное сочетание продолжало бы передавать фонемное сочетание ‹жж› на стыке морфем; но эти случаи редки и достаточно резко отличаются морфологически от тех, где *жж* используется внутри морфемы.

■ 2а. При единообразной письменной передаче фонемы ‹ӂ› как *жж* лучше обеспечивалось бы правильное произношение. Распространению произношения с долгим твердым [ж] уже не способствовали бы слова с сочетанием *зж* на стыке морфем: было бы *разжать*, *изжить*, но *вижжать*, *пожже* (редкие написания типа *кожжиртрест*, видимо, можно не учитывать).

□ 2б. Однако написания *жжа*, *жжу* сами по себе недостаточно указывают на необходимость мягкого произношения; введение же орфограмм *жжя*, *жжю* и написания *дожжь* привело бы к осложнениям, так как противоречило бы принятым в остальных случаях написаниям *а*, *у* после *ж*, *ш* и употреблению *ь* после шипящих.

■ 3. Для реализации этого предложения требуются небольшие изменения; оно опирается на уже существующее написание *жж* в части таких случаев.

ПЕРЕДАЧА ФОНЕМЫ ‹щ›; УПОТРЕБЛЕНИЕ БУКВЫ *щ* И БУКВОСОЧЕТАНИЙ, СООТВЕТСТВУЮЩИХ ЗВУЧАНИЮ [щ][1]

Историческая справка

Буквой *щ* передается фонема, которой в литературном московском произношении соответствует долгий мягкий звук [ш] — [ш̄']; известен и другой вариант произношения — [ш'ч] (таково, например, ленинградское произношение); таким образом, слова *щука*, *щель*, *площадь* могут быть произнесены как [ш̄']*ука*, [ш̄']*ель*, *по*[ш̄']*ада* и как [ш'ч]*ука*, [ш'ч]*ель*, *по*[ш'ч]*ада*[2]. В дальнейшем применяется обозначение [щ], за которым скрываются оба варианта произношения (т. е. возможность того и другого).

Звучанию [щ] на письме, кроме *щ*, может соответствовать ряд буквосочетаний: *сч* (*счастье*, *счет*, *расчет*, *расчистить*, *песчаный*, *брусчатый*, *весче*, *заносчивый*, *писчий*, *подписчик*, *разносчик*), *стч* (*жестче*, *хлестче*, *паростчик*, *компостчик*), *зч* (*резче*, *вязче*, *навязчивый*, *возчик*, *резчик*), *здч* (*объездчик*, *звездчатый*, *бороздчатый*), *жч* (*перебежчик*, *мужчина*), *шч* (*веснушчатый*, *кошчонка*.) Поскольку на основании произношения разграничить эти буквосочетания и *щ* невозможно, приходится опираться на морфологические сопоставления, которые не всегда бесспорны.

Например, в существительных, обозначающих названия лиц по их действиям или отношениям к предметам, суффиксальный элемент передается в одних случаях как *-щик*, в других — как *-чик*. Эти написания разграничены следующим образом. После *б*, *п*, *в*, *ф*, *м*, *н*, *р*, *ль*, *й*, а также *г* пишется только *-щик*: *загибщик*, *закупщик*, *зимовщик*, *типографщик*, *паромщик*, *банщик*, *конторщик*, *пильщик*, *пайщик*, *аншлагщик*, *тюбингщик*. После *т*, *д*, *с*, *з*, *ж* с предшествующими гласными и после *ст*, *зд* пишется *-чик*: *летчик*, *разведчик*, *разносчик*, *возчик*, *перебежчик*, *паростчик*, *оснастчик*, *объездчик*. После *т*, *д* с предшествующими *н*, *м*, *р*, *ль*, *й*, а также *к* пишется *-щик*: *комплиментщик*, *гирляндщик*, *экспромтщик*, *штандартщик*, *свертщик*, *биллиардщик*, *асфальтщик*, *флейтщик*, *руберойдщик*, *контактщик*. Нарушает это разграничение едва ли не одно только написание *автобусщик*.

Аналогично соотношение между «орфографическими суффиксами» *-щина* и *-чина*; ср. *земщина*, *военщина*, *офицерщина*, *белогвардейщина* — *солдатчина*, *рекрутчина*, но *интеллигентщина*.

В какой мере это орфографическое разграничение основано на фактах языка? Написания *-щик*, *-щина* после букв, передающих губные, сонорные и йот, очевидны из произношения. Но написания *-счик*, *-зчик*, *-жчик*, *-стчик*, *-здчик* не следуют из произношения: соответствующее им звучание [щ]*ик* орфографически могло бы передаваться и как *-сщик*, *-зщик* и пр. Значит, здесь необходимы морфологические сопоставления. Принятые написания с *-чик* после *с*, *з* не бесспорны. Они ориентируются на написания *-тчик*, *-дчик;* при этом исходят из того, что после всех зубных выступает один и тот же вид суффикса, а это само по себе не очевидно. Кроме того, не бесспорно и написание *-чик* после *т*, *д* (см. об этом дальше при анализе предложений о написании существительных на -[щ]*ик*).

В ряде случаев выбор между *сч* и *щ* опирается на анализ чередований: *щ* пишется для передачи ‹щ›, выступающей как результат чередования с ‹ст› (*пустить* — *пущу*, *густой* — *гуще*) или ‹ск› (*искать* — *ищу*, *писк* — *пи-*

[1] Вопрос собственно графический объединен здесь с вопросом, выходящим за пределы графики, — о соотношении между буквой *щ* и буквосочетаниями (представленными главным образом на стыке морфем), которым в произношении соответствует [щ].

[2] См.: Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, изд. 2-е. М., 1954, стр. 57—58.

щать) в пределах одной морфемы, *сч* — в тех случаях, когда ‹с› и ‹ч› принадлежат разным морфемам, как и ‹с› и ‹к›, с которым ‹ч› чередуется (ср. *вес-к-ий — вес-ч-е, брус-к-и — брус-ч-атый*). Если исходить из этого, неоправданным оказывается написание *песчаный* (ср. *дощатый*).

Возможно иное объяснение: ‹ск›, даже в пределах одной морфемы, не выступает как один член чередования, если между этими фонемами возможна беглая гласная; этим можно мотивировать написание *песчаный (песок, пески)*; но на том же основании следовало бы писать и *досчатый, досчечка (доска, досок)*, и *плосче (плоский, плосок)*.

Есть еще ряд морфологически немотивированных или недостаточно мотивированных написаний: *помещик* (ср. *объездчик*), *мужчина* (почему не *мужщина*? ср. *женщина*), *сыщик* (какой здесь суффикс?); совсем не членится морфологически слово *счастье* (связь с *часть, участь* разорвана) и очень слабо — *счет, считать*.

Приведенные примеры достаточно показывают сложность соотношений между *щ* и буквосочетаниями, которым в произношении соответствует [щ].

В написании рассматриваемых слов наблюдались колебания. В XVIII—начале XIX в. нередки были написания *щастье, щет*; постепенно их вытеснили этимологически (но не морфологически или фонематически) более правильные *счастье, счет*. Были представлены вариантные написания типа *подписчик — подпищик, нагрузчик — нагрущик*. Я. К. Грот отмечает: «Странно, что в Академическом словаре употреблены обе орфографии: *подписчик и подпищик. . . Нагрузчик* также встречается там двояко написанным. В словаре Даля слова этого состава вообще пишутся то одним, то другим способом, например *перепищик и нагрузчик*» (1876). К нашему времени в орфографической практике сохранились допускающие морфологическую мотивировку написания *подписчик, нагрузчик*. Совсем недавно (с принятием свода 1956 г.) устранен разнобой *веснущчатый — веснущатый*.

Принимается следующее деление:

А. Предложения, относящиеся к передаче фонемы ‹щ›.

Б. Предложения, касающиеся соотношений между буквосочетаниями, соответствующими [щ], и буквой *щ*.

В. Предложения о написании существительных на -[щ]*ик*, в которых [щ] реализует сочетания согласных на стыке морфем.

Предложения

А. Передача фонемы ‹щ›

I. Исключить из алфавита букву *щ*, заменив ее буквосочетанием *шч*: *вешч, шчука, товаришч, знающчий* и т. п. (В. К. Тредиаковский 1748; *М. В. Ломоносов 1755*; *А. П. Сумароков* 1771; Неизвестный автор 1775; *П. Л. Яковлев 1828*; Дискуссия 1862; *М.* А. *Тулов 1874, 1881*; А. И. Лоначевский 1891; В. Кв. 1900; Предложения Яфетического института 1931; Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964*).

□ 1. Данное предложение не облегчает существующие правила: оно даже не ставит целью устранить трудности, связанные с разграничением между *щ* и буквосочетаниями, которым в произношении соответствует [щ].

■ **2.** Но реализация этого предложения дала бы полиграфическое упрощение: сокращение числа букв алфавита.

■ **3а.** Написание *шч* может быть отчасти оправдано одним из вариантов литературного произношения — [ш'ч].

□ **3б.** Но это произношение передается неточно, так как в отдельном употреблении *ш* обозначает твердый звук, а в сочетание [ш'ч] входит мягкий звук [ш'].

□ **3в.** Предлагаемое написание не соответствует другому (более распространенному) варианту произношения — долгому мягкому [ш] — [ш'], оно не вполне фонетично.

□ **4.** Предложение не может быть мотивировано с позиций фонематического принципа. Наличие произношения [ш̄'] свидетельствует о существовании в системе литературного языка особой фонемы ‹щ›. Сейчас она передается однозначно используемой буквой *щ*; предлагается передавать ее неоднозначно используемым буквосочетанием *шч* (ср. *веснушчатый*, *кошчонка*, где *шч* передает ‹шч›).

□ **5.** Реализация предложения привела бы к большой ломке существующих написаний.

II. Исключить из алфавита букву *щ*, заменив ее буквосочетанием *сч* (В. С. Подшивалов 1816; *П. Л. Яковлев 1828*; *К. М. Кадинский 1857*; Дискуссия 1862; К. А. Сорокин 1907; Дискуссия 1929°; Дискуссия 1962*; Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесников 1963).

Предложение это также не исходит из стремления упростить соотношение между *щ* и орфограммами, которым соответствует [щ]. Но замена *щ* через *сч* может иметь исходным моментом как раз это соображение; см. предложение Б III; оценка его в части пунктов может быть распространена и на данное предложение (с некоторыми поправками).

Б. Соотношения между буквосочетаниями, соответствующими [щ], и буквой *щ*

I. Сохранив основу существующих сейчас соотношений между орфограммами, которым в произношении соответствует [щ], и буквой *щ*, пересмотреть отдельные недостаточно мотивированные написания; например, писать: *пещаный* (*пещинка*, *пещаник*), *щастье* вместо *песчаный*, *счастье* и, с другой стороны, *помесчик*, *сысчик*, вместо *помещик*, *сыщик* (*А. М. Пешковский 1930*).

□ **1.** С принятием этих изменений пришлось бы «создать довольно сложное правило: долгое мягкое *щ* (или звукосочетание *шч*) передается на письме всегда буквой *щ*, кроме следующих трех категорий: существительных на *-чик* (*извозчик*, *образчик*, *разносчик*, *перебежчик* и т. д.), сравнительной степени от основ на *к*

(*резче*, *жестче*, *хлестче*) и приставок (*счет*, *считать*, *расчистить*, *бесчестный* и т. д.), где оно передается морфологически. При этом еще останется одно слово с морфологическим написанием, не входящее ни в какую категорию: *мужчина*» (А. М. Пешковский 1930).

■ **2а.** «Это способ самый безвредный в смысле нарушения наших привычек,

□ **2б.** но и наименее полезный в смысле упрощения правописания» (А. М. Пешковский 1930).

II. Сохранив противопоставление на письме буквосочетаний, которым в произношении соответствует [щ], и буквы *щ*, изменить соотношения между ними следующим образом: «Установить написание *сч*, *зч* и т. д. для в с е х случаев, поддерживаемых современной морфологической аналогией, и *щ* для всех, ею не поддерживаемых. Стало быть, не только *песчаный*, *разносчик*, *счет*, *резче* и т. д., но и *восчаный*, *досчечка*, *тресчать*, *писчать*, *тосчища*, *просче*, *толсче* и т. д. (но *щи*, *щука*, *кощунство* и т. д.)» (*А. М. Пешковский 1930*).

■ **1а.** Предложение дает возможность создать более простое правило. «Этот способ переводит все эти написания из абсолютно трудных в трудные 2-й степени и дает очень много для облегчения пользования правописанием (облегчает схватывание глазом живых морфем). При общем морфологическом характере нашего правописания это было бы наиболее п о с л е д о в а т е л ь н ы м решением вопроса» (А. М. Пешковский 1930).

□ **1б.** Но правило не сокращает число орфограмм, противопоставляемых *щ* (*сч*, *стч*, *зч*, *здч*, *шч*, *жч*), а лишь делает характер этого противопоставления несколько проще.

□ **1в.** Не вполне ясно, под какую рубрику следует подвести случаи типа *свет — освещение*, *возмутить — возмущение* (с чередованиями ‹т› — ‹щ›, ‹т'› — ‹щ›). Если не относить их к «поддерживаемым современной морфологической аналогией» (и, следовательно, писать *освещение*, *возмущение*), правило осложняется. Написания *освесчение*, *возмусчение* были бы нефонематичны (см. дальше, п. 4г).

■ **2.** Правило, требующее от пишущих морфологических сопоставлений, осознания структуры слов, не находится в противоречии с общим «морфологическим» характером современного русского правописания.

■ **3.** Правило не вступает в противоречие с существующим произношением — в обеих его разновидностях — [ш̄'] или [ш'ч].

А. М. Пешковский следующим образом отвечает на одно из возражений: «Высказываемое некоторыми возражение, что этот способ. . . даст победу ленинградскому произношению этой со-

ставной фонемы над московским (т. е. произношению *шч* над произношением *шьшь*), мы не считаем существенным, потому что чем же в конце концов ленинградское произношение хуже московского?» (1930) Фактически же для приведенного возражения нет оснований: новые орфограммы *сч* (*просче*, *писчу* и пр.), как и старые (*переписчик*, *исчисление*), произносились бы в соответствии с звучанием фонемы ‹щ› — как [ш'] или [ш'ч].

□ **4а.** Установление соответствия или несоответствия данного предложения фонематическому принципу целиком опирается на ту или иную интерпретацию морфонологических явлений (т. е. так называемых морфологических чередований) в морфемах, кончающихся на [щ]. Трудность морфонологической (а тем самым и фонологической) интерпретации в этих случаях определяется тем, что она может быть основана только на косвенных сопоставлениях. Поскольку фонемное сочетание ‹сч› иначе как [щ] в произношении не реализуется, мы не можем найти для него «сильную позицию», т. е. такой случай, когда из самого произношения было бы ясно, что представлено сочетание ‹сч›, а не фонема ‹щ›. Поэтому фонемный состав форм *проще*, *пищу* из соотношения с *простой*, *писк* на основании произношения *про*[щ]*е*, *пи*[щ]*у* можно представить и как *про*‹щ›*е*, *пи*‹щ›*у* (считая, что чередуются ‹ст› — ‹щ›, ‹ск› — ‹щ›) и как *про*‹сч›*е*, *пи*‹сч›*у* (считая, что чередуются ‹т› — ‹ч› и ‹к› — ‹ч›, как в *богатый* — *богаче*, *скакать* — *скачу* и пр.). Предпочесть одно из этих решений можно, лишь прибегнув к другим сопоставлениям.

Фонемный состав *про*‹щ›*е*, *пи*‹щ›*у* убедительно доказывается параллельными случаями с фонемой ‹ӝ›; ср. *простой* — *проще* и *поздно* — *по*‹ӝ›*е*, *писк* — *пищу* и *визг* — *ви*‹ӝ›*у* (параллелизм чередований ‹ст›, ‹ск› — ‹щ› и ‹зд›, ‹зг› — ‹ӝ› очевиден). Такая морфонологическая и фонологическая интерпретация единственно возможна, если исходить из московского литературного произношения [ӝ], что, собственно, и означает признание особой фонемы ‹ӝ›. В отличие от звучания [щ], которое реализует и фонему ‹щ›, и фонемное сочетание ‹сч›, звучание [ж̄'] реализует только фонему ‹ӝ›, а фонемное сочетание ‹зж› реализуется как [ж̄] (например, *ра*‹зж›*ать* — *ра*[ж̄]*ать*).

Значит, если признать существование фонемы ‹ӝ›, написания *просче*, *писчу* нельзя признать соответствующими фонематическому принципу.

■ **4б.** Наличие особой фонемы ‹ӝ› невозможно доказать, если признать законность произношения [ж̄]: *по*[ж̄]*е*, *ви*[ж̄]*у*. Тогда соотношения *поздно* — *позже*, *визг* — *визжу* должны быть поняты как чередования ‹д› — ‹ж› и ‹г› — ‹ж›; получающееся в результате этих чередований фонемное сочетание ‹зж› (*по*‹зд›*но* — *по*‹зж›*е*, *ви*‹зг› — *ви*‹зж›*у*) закономерно реализуется как [ж̄]. По аналогии с ними *простой* — *проще*, *писк* — *пищать*

могут быть представлены как *про*‹ст›*ой* — *про*‹сч›*е* и *пи*‹ск› — *пи*‹сч›*ать*, и написания *просче*, *писчать* оказываются не противоречащими фонематическому принципу.

4в. Но последняя интерпретация не обязательно следует из непризнания фонемы ‹ӂ›, а лишь д о п у с к а е т с я в этом случае. Чередования, в которых выступает фонема ‹щ›, не всегда находят параллель в чередованиях с ‹ӂ›; ср. *свет — освещение*, но *ход — хождение*. Можно считать поэтому, что с утратой ‹ӂ› (т. е. при соотношениях типа *ви*‹зг› — *ви*‹зж›*ать*) продолжают существовать чередования с ‹щ› (*пи*‹ск› — *пи*‹щ›*ать*). Но д о к а з а т ь непременное наличие в *пищать*, *проще* фонемы ‹щ› (а не фонемного сочетания ‹сч›) можно только на основании параллелизма с ‹ӂ›.

4г. В случаях *свет — освещение*, *возмутить — возмущение* нельзя ни из каких соотношений понять [щ] как ‹сч›. Поэтому написания типа *возмусчение* нефонематичны (как отмечено выше, не вполне ясно, следуют ли они из формулировки данного предложения).

5. Для реализации данного предложения требуется изменить не так уж много привычных написаний (остаются без изменения написания всех корней с нечередующимся *щ*, частотные написания суффикса причастий *-щий* и др.). «Степень нарушения привычек. . . при этом способе — средняя» (А. М. Пешковский 1930).

Написания *просче*, *исчу*, *писчать* отчасти нашли бы опору в *позже*, *езжу*, *визжать* (если исходить из произношения [ж] и, следовательно, не признавать фонему ‹ӂ›).

III. Для передачи звучания [щ] во всех случаях писать *сч*; букву *щ* как «лишнюю» исключить из алфавита; писать, в частности: *счи*, *счука*, *извосчик*, *перебесчик*, *мусчина* (*К. Г. Житомирский 1915; А. М. Пешковский 1930;* Дискуссия 1962 *).

Примечание. Выше (см. предложение А II) приведено предложение о замене *щ* через *сч*, которое не предполагает замену через *сч* буквосочетаний, произносимых как [щ] (*зч*, *жч* и т. д.); к этому предложению может быть отнесена лишь часть приводимых ниже соображений.

Надо отметить, что и некоторые авторы данного предложения могли не представлять себе с полной последовательностью замены всех написаний, соответствующих [щ], через *сч* (А. М. Пешковский, например, приведя написание *мусчина*, замечает, что оно «очень спорно»). Но ниже рассматривается именно этот «крайний» и до конца последовательный вариант предложения.

1а. Предложение позволяет сформулировать очень простое правило, не знающее исключений. «Этот способ даст. . . максимальное упрощение (все или во всяком случае почти все написания переходят в абсолютно легкие)» (А. М. Пешковский 1930). Пишущие должны ориентироваться на однозначное соотношение между звучанием [щ] и написанием *сч*.

1б. Но поскольку написания по данному правилу во многих случаях идут вразрез с пониманием морфологического состава слов,

а навыки пишущих по-русски в значительной степени ориентированы на морфологические сопоставления, упрощение может оказаться в конечном счете мнимым.

■ **2.** Предложение не идет вразрез с произношением (см. подробнее предложение II, п. 3; возражение, на которое отвечает А. М. Пешковский, относится в еще большей степени к данному предложению).

■ **3а.** Часть существующих написаний с принятием данного предложения сохранилась бы (типа *расчистить*, *переписчик* и т. п.); взятые в отдельности, они не противоречили бы пониманию морфологического состава соответствующих слов.

□ **3б.** Но основная масса написаний шла бы вразрез с морфологическим членением слов, а этим ослаблялась бы и «морфологичность» написаний, не подвергшихся изменениям.

Надо заметить, что часть этих написаний — все случаи с приставками — передают морфологический и фонемный состав слов с уступкой фонетическому принципу (пишется не *разчистить*, а *расчистить*); если бы приставки на ‹з› писались последовательно фонематически, данное предложение затронуло бы и эти написания. Тогда к нему относилось бы то, что сказано А. М. Пешковским по поводу следующего предложения (см. п. 3).

□ **4.** Предложение антифонематично; фонему ‹щ›, существование которой как особого члена фонетической системы современного русского языка не может быть оспорено, предлагается передавать буквосочетанием, причем неоднозначно используемым (оно должно передавать и сочетания фонем, как ‹сч›, так и другие).

■ **5.** Реализация предложения дала бы полиграфическое упрощение (сокращение числа букв алфавита).

□ **6.** Хотя предложение предполагает сохранить часть существующих написаний, общее число изменений, которые требуются для его реализации, все же очень значительно. «Этот способ даст максимальное нарушение привычек. . .» (А. М. Пешковский 1930).

IV. Для передачи звучания [щ] во всех случаях употреблять букву *щ*: *щет*, *щастье*, *извощик*, *рещик*, *мущина*, *ищезнуть*, *ращет*, *ращистить* и т. п. (*К. М. Кадинский 1857*; В. Я. Стоюнин 1862; И. И. Паульсон 1892; *К. Г. Житомирский 1915*; Дискуссия 1929; Дискуссия 1962 *).

■ **1а.** Данное предложение дает такое же легкое, не знающее исключений правило, как и предложение III.

□ **1б.** Сказанное по поводу предложения III в п. 1б в еще большей степени относится к данному предложению.

■ 2. Предложение, как и предыдущие, не идет вразрез с существующим произношением.

□ 3. Предложение не сохраняет морфологически мотивированных написаний в тех случаях, когда [щ] реализует сочетания фонем на морфологических стыках. Особенно противоречили бы русской правописной системе написания приставочных образований (*ращистить*), где морфологическое членение абсолютно бесспорно. А. М. Пешковский писал, что данное предложение ему «представляется недопустимым, так как морфологическое чутье п р и с т а в о к у нас очень сильно (гораздо сильнее, чем суффиксов и окончаний), и какое-нибудь *ращистить* рядом с *растянуть*, *распустить* и т. д. слишком насиловало бы его» (1930). Меньше всего ощущалась бы морфологическая немотивированность написаний типа *вощик*, *разнощик*, поскольку и в написаниях *возчик*, *разносчик* есть элемент условности.

□ 4. Предлагаемые написания антифонематичны в той же степени, в какой они антиморфологичны (поскольку фонемный состав слов с [щ] на стыке морфем может быть установлен только путем морфологических сопоставлений).

□ 5. Реализация предложения потребовала бы изменения довольно значительного числа привычных написаний.

IVa. Для передачи звучания [щ] употреблять букву *щ* во всех случаях, кроме стыка приставки и корня: *рещик*, *обращик*, *подпищик*, *извощик*, *закащик*, *мущина*, *неотвящивый*, *реще*, но *исчезнуть*, *расчистить*, *исчадие* и т. п. (И. И. Лажечников 1838; П. М. Перевлесский 1862; Комиссия 1862; И. И. Вальков 1875).

По сравнению с предыдущим правило менее едино, но благодаря этому устраняются написания, которые в наибольшей степени шли бы вразрез с «морфологическим чутьем» пишущих; при данном правиле будет и меньше изменений привычных написаний.

V. Для передачи звучания [щ] разрешить равноправно употреблять и букву *щ*, и буквосочетания *сч*, *зч*; писать: *щотки*, *щастье*, *щот*, *ращот*, *переношик*, *извощик* и *счотки*, *счастье*, *счот*, *расчот*, *переносчик*, *извозчик* (В. Куницкий 1901).

■ 1. Предложение, безусловно, облегчает положение пишущих.

□ 2. Однако орфографическая вариантность в таких широких размерах нежелательна.

В. Написание существительных на -[щ]*ик*

I. Суффиксальные существительные на -[щ]*ик*, в которых [щ] реализует сочетание согласных на стыке морфем, писать с буквой *щ*: *рещик*, *донощик*, *раскащик*, *извощик*, *перепищик*, *перебещик*;

так же писать *мущина* (Г. П. Павский 1841; Я. К. Грот 1873; Н. В. Успенский 1875; Предложения Педагогического отделения русского литературного кружка в Риге 1902; *Р. Ф. Брандт 1908*).

Примечание. Такие написания естественно следуют также из предложения Б IV.

■ **1.** Предлагается легкое для усвоения правило: пишущие должны ориентироваться на произношение, не прибегая к морфологическим сопоставлениям.

■ **2.** Предлагаемые написания соответствуют произношению.

□ **3а.** Предлагаемые написания не могут быть мотивированы исходя из морфологического состава слов.

■ **3б.** Но в данном случае трудно предложить написания, абсолютно бесспорные с точки зрения морфологических соотношений. «Поверить в рассматриваемых словах действительную форму окончания нет возможности: при существовании же одной буквы для выражения сложного звука лучше в сомнительном случае и пользоваться этою буквою, нежели писать две, а иногда и три, как было бы, например, в слове *поместчик*» (Я. К. Грот 1873).

□ **4а.** В той же мере, в какой предлагаемые написания неморфологичны, они и нефонематичны (так как фонемный состав в этом случае устанавливается на основании морфологических сопоставлений).

■ **4б.** Но для этих слов трудно установить фонематически бесспорные написания.

■ **5.** Предлагаемые написания ориентировались на существующие и до сих пор *помещик*, *сыщик*, а также на наличие в практике XIX в. написаний типа *нагрущик*, *подпищик* наряду с *нагрузчик*, *подписчик*.

II. Суффиксальные существительные на -[щ]*ик*, в которых [щ] реализует сочетание согласных на стыке морфем, передавать с помощью сочетания «последняя согласная производящей основы + *-чик*»: *извозчик*, *переписчик*, *перебежчик*, *наростчик*, *объездчик*; но *помещик*, *сыщик* (В. И. Новаковский 1874; Я. К. Грот 1876; Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904; Проекты свода 1936—1955; Свод 1956).

■ **1а.** Устанавливается единое правило написания всех существительных этого типа.

□ **1б.** Но сохраняются единичные исключения (*помещик*, *сыщик*).

■ **2.** Написания соответствуют произношению. «Тем, кому показалось бы, что буквы *зч*, *сч* не передают в точности звука *щ*, мы напомним произношение этих же букв в словах *счастье*, *счет*, *песчаный*, *привязчивый*. . .» (Я. К. Грот 1876).

■ 3. Правило ориентируется на морфологическое членение слов; оно не противоречит общему характеру русского письма, требующего от пишущих навыков морфологических сопоставлений. «Писать ли *извощик* или *извозчик* с точки зрения практической орфографии почти безразлично. Но так как слова *переводчик* и пр. заставляют признать суффикс *-чик* как морфологическую часть, то последнее написание в интересах простоты предпочтительно» (А. И. Томсон 1903).

■ 4а. Написания соответствуют фонематическому принципу в передаче корневой части.

□ 4б. Но передача первой фонемы суффикса спорна. Поскольку произношение в данном случае не дает оснований для решения вопроса ([щ] может быть реализацией ‹сч› и ‹сщ›, ‹зч› и ‹зщ›), должны быть приняты во внимание морфологические и морфонологические соотношения. Остается не вполне ясным, можно ли в данном случае объединить все основы на зубные и считать, что после ‹с›, ‹з› выступает ‹чик›, как и после ‹т›, ‹д› (*наводчик*, *переплетчик*), тем более, что после этих согласных выступает и ‹щик› (*флейтщик*, *алебардщик*).

□ 4в. К тому же не абсолютно очевидно, что в словах типа *летчик*, *переплетчик*, *наводчик*, *докладчик*, а также *добытчик*, *кабатчик* суффиксальным элементом является ‹чик›. Возможно, справедливо мнение Р. И. Аванесова, что представленное в таких словах на месте орфограмм *тч*, *дч* звучание [ч̄] ([ч] долгое) реализует фонемные сочетания ‹тщ› (в *летчик*), ‹дщ› (в *докладчик*), ‹чщ› (в *добытчик*, *кабатчик*; в последнем слове конечная согласная производящей основы ‹ч›, выступающая в чередовании с ‹к› — *кабак*). В положении после сонорных — в словах типа *алиментщик*, *алебардщик* — ‹тщ›, ‹дщ› фонетически реализуются иначе: взрывной согласный редуцируется до нуля, и в произношении остается только [щ] — *алиме*[н'щ]*ик*, *алеба*[рщ]*ик*. Если принять это объяснение, фонематически последовательными надо считать написания *наводщик*, *переплетщик*, *добытщик*, *кабачщик* и, естественно, *подписщик*, *резщик*, т. е. данный агентивный суффикс всегда должен писаться как *-щик*.

■ 5. Правило при его введении опиралось на устойчивую традицию написаний с *-чик* части таких слов, на наличие таких написаний почти во всех словах этого типа и на явную тенденцию вытеснения написаний на *-щик* написаниями на *-счик*, *-зчик*. Я. К. Грот писал, что «для слов одного и того же состава следовать двум разным системам орфографии было бы слишком непоследовательно, и потому лучше принять ту, которая вытекает из этимологического [т. е. морфологического] разбора слов и согласна с общим правилом, что буква *ч* суффикса с предшествующим ей *ж*, *з*, *с* корня не сливается в *щ*» (1876).

III. Суффиксальные существительные на -[щ]*ик*, в которых [щ] реализует сочетание согласных на стыке морфем, передавать с помощью сочетания «последняя согласная производящей основы + *-щик*»: *извозщик*, *приказщик*, *разносщик*, *покосщик*, *переписщик*, *перебежщик*; так же писать *мужщина* (Л. Ф. Воеводский 1898; А. Г. Герасимов 1901; *Р. Ф. Брандт 1908*; Дискуссия 1962*).

Примечание. Р. Ф. Брандт дает даже *поместщик*, *сыщщик*.

■ **1.** Правило едино для данной группы существительных.

■ **2.** Предлагаемые написания не противоречат произношению.

■ **3.** Данные написания в той же мере соответствуют морфологическому членению слов, что и предлагаемые предыдущим правилом.

■ **4а.** Передача корневой части фонематически бесспорна (в этом отношении данное предложение не отличается от предыдущего).

□ **4б.** Передача первой фонемы суффикса спорна, если считать, что написания с *-чик* после *т*, *д*, *ж* (*наводчик*, *переплетчик*, *перебежчик*) точно отражают фонемный состав этих слов. Выше говорилось, что морфонологическое объединение ‹с›, ‹з›, ‹ж› с ‹т›, ‹д› не очевидно. Но нельзя доказать также и то, что после ‹с›, ‹з›, ‹ж› выступает тот же вариант агентивного суффикса, что и после губных и сонорных (*извозщик*, *покосщик*, *перебежщик* — как *загибщик*, *спорщик* и т. п.).

■ **4в.** Если принять толкование, изложенное в п. 4в предыдущего предложения, написания с *-щик* после *с*, *з*, *ж* надо признать соответствующими фонематическому принципу.

□ **5.** Предлагаемые написания не ориентируются на принятые (если не считать едва ли не единственное написание *автобусщик*). Число изменений оказывается особенно значительным, если принять фонематическое толкование, изложенное в п. 4в предыдущего предложения: тогда следует изменить написание всех существительных, в которых сейчас пишется *-чик* после *д*, *т* (*летчик*, *проходчик* и т. п.), и передавать их с *-щик*.

ПЕРЕДАЧА ФОНЕМЫ ‹j› И МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ (замены букв *я, ю, ё, е, и*)

Историческая справка

К условным моментам русской графической системы относится употребление так называемых йотированных или мягких гласных букв *я, ю, е, ё*[1]; они выполняют двоякую функцию: а) вместе с предшествующей согласной буквой обозначают сочетания «мягкая согласная+гласная»: *мясо* — ‹м'а›*со*, *люди* — ‹л'у›*ди*, *сено* — ‹с'э›*но*, *сёла* — ‹с'о›*ла*; б) в начале слов, после гласной буквы и после разделительных ъ и ь передают сочетания «‹j›+гласная»: *яма* — ‹ja›ма, *стоять* — *сто*‹ja›*ть*, *семья* — се‹м'ja›, *отъявленный* — о‹тja›*вленный*, *юный* — ‹ju›*ный*, *поют* — по‹ju›*т*, *пью* — ‹п'ju›, *ест* — ‹jэ›*ст*, *поехать* — *по*‹jэ›*хать*, *съезд* — ‹cjэ›зд, *ёлка* — ‹jo›*лка*, *поёт* — *по*‹jo›*т*, *бельё* — *бе*‹л'jo›, *объём* — *о*‹бjo›*м*.

В том и в другом случае буквы обозначают не отдельные фонемы, а их сочетания: в написаниях типа *мя*, *лю* двумя буквами переданы сочетания из двух фонем, но каждая буква в отдельности не соответствует отдельной фонеме, так как одно из качеств согласной — ее мягкость — обозначено гласной буквой. В *яма*, *ёлка* одной буквой передаются две фонемы. Поэтому используемый здесь графический прием называют с л о г о в ы м, или с и л л а б и ч е с к и м.

Неоднократно выдвигались предложения реформировать русскую графику, устранив полностью или частично условные орфограммы с *я, ю, е, ё*. «Зародыш» такого предложения содержится уже в тех написаниях, которыми Сумароков заменял отвергавшуюся им лигатуру ѣ (предшественницу *ё*): *Альона*, *Семьон*, *йож*, *Йокаста*. Но применению таких написаний для передачи сочетаний с другими гласными Сумароков не сочувствует: «По сему основанию можно было бы писати вместо *мя*, *ломлю мьа*, *ломльу* и пр., но труднее новости вводить, нежели выводить, и когда нет необходимой нужды ни в том, ни в другом». В 1844 г. в рецензии на «Филологические наблюдения» Г. П. Павского Н. Н. (Надеждин) попробовал передать формы слова *конь*, следуя «системе правописания Вукова» (т. е. приемам сербской графики Вука Караджича): *коньа*, *коньу*, *коньом*, *коньи*, *коньами*.

Более или менее развернутые и детализованные предложения о полной или частичной замене букв *я, ю, ё, е* выдвигались со второй половины XIX в., затем вопрос вставал еще несколько раз. Наряду с этим несколько раз выдвигалось предложение, по своей направленности противоположное предложениям о заменах йотированных букв. Это предложение — заменить *й* буквой ь — увеличивает условность русской графической системы.

---

[1] До реформы 1918 г. к ним относилась и буква *ѣ*.

При рассмотрении предложений допущена известная схематизация: объединены такие предложения, которые, расходясь в частностях, совпадают в существе (различие в некоторых деталях оговорено в примечаниях). Для большей наглядности воспроизводятся примеры каждого автора. Примеры с *ѣ* (в том числе и в специфическом использовании — у Ф. Е. Корша) как правило не учитываются, так как они ничего не добавляют к существу. Условно считается, что *ё* представляет собой равноправный член в системе буквенных пар для гласных.

Предложения

А. Предложения, полностью или частично устраняющие из русской графики условные приемы

I. Исключив из алфавита буквы *я*, *ю*, *ё* и один из членов пары *е* — *э*, употреблять: а) одну из букв: *j*, *ȷ* (без точки), *й*, *і* (или одновременно две буквы: *j* — *й*, *j* — *і*), для обозначения ‹j›; б) букву *ь* — для обозначения мягкости согласных перед гласными.

Писать:

а) *йагташ*, *йубилей*, *йэсли*, *пльыс* (вм. *плис*); б) *тьажба*, *тьуря*, *пльэмя* (Дискуссия 1862, неизвестный автор);

а) *јад*, *пријут*, *јод* и *пойат*, *вопийут*, *пойот* или: *јама*, *изјан*, *јуфть*, *јель* и *раіа*, *раі*, *дуіу*, *дуі;* б) *льамка*, *ньанька*, *тьурьа*, *тьук*, *сьомга*, но *день*, *дни* (Р. Ф. Брандт 1881);

а) *моја*, *сараја*, *јазыка*, *предјавить*, *бју*, *јолка*, *јесли*, *которыје;* б) *пьать*, *упомьануть*, *слъуда*, *тьолка*; но: *лесть*, *наконец*, *все*, *тишь*, *бить* (В. Куницкий 1901);

а) *борзаја*, *ја*, *часоваја*, *сеньју*, *льјот*, *роднојо*, *орудијом*, *јево*, *сујетново*, *јещо* и *скучной*, *милой*, *чорной*; б) *польаны*, *огньа*, *нагльадьас*, *льубил*, *заключал*, *вьорсты*, *отдальонной*; но: *сердечнаја*, *отуманен*, *зимней*, *знали*, *гремит* (Ф. Е. Корш 1902);

а) *йама*, *обйатый*, *дайут*, *льйу*, *йолка*, *обйом*, *йэль*, *чйи*; б) *тьатьа*, *тьуль*, *звьозды*, *льэс*, *дьэнь* (*Е. Д. Поливанов 1917*);

а) *јама*, *јула*, *јолка*, *јэль* или *йама* и т. п.; б) *мьал*, *сьуда*, *овьос*, *тьэльэга* (В. П. Вахтеров 1923);

а) *іавиться*, *іаіцо*, *ігугозапад*, *іож*, *подіом*, *ієль*; б) *рьад*, *льубльу*, *мьод*; но: *лес*, *листіа* (Предложения Яфетического института 1931);

а) *јама*, *поезија*, *пољу*, *пју*, *белјо*, *подјезд*, *мајка*; б) *порьадок*, *конька*, *коньу*, *кольучий*, *польот*, *Ньусьа ведьот Льальу*, но *где*, *тьоте*, *кони* (Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесников 1963).

Примечания. 1. Существо предложения допускает выбор любого члена буквенной пары *э*—*е*; как видно из примеров, в большинстве предложений отдано предпочтение букве *е*. Р. Ф. Брандт, отметив сначала как возможное написание *дьэнь*, пишет далее: «Исключить из азбуки букву *е*, сохранив вычурное *э*, едва ли было бы удобно». Ф. Е. Корш замечает, что если писать *јесть* и *појом*, «мы не нуждаемся в *э*», довольствуясь написанием *епический* (аналогичные случаи с *ѣ* в специфическом «коршевском» использовании:

jѣхать и *ѣтот*, *поѣт*). Д. Н. Ушаков, критикуя предложение В. П. Вахтерова, пишет: «Кстати я бы уже на его месте предложил упразднить *э* и оставить *е*, придав ей значение *э*» (1923). «Знак *е* мы предлагаем оставить, так как он графически удобнее для обозначения звука *э*, чем знак *э*. Следовательно, такие слова, как *этот*, *поэзия*, не меняя их произношения, можно писать так: *етот*, *поезиjа*» (Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесников 1963).

2. Из примеров видно, что в большинстве предложений для обозначения мягкости согласных перед ‹э›, ‹и› буква ь не применяется. Р. Ф. Брандт пишет, что, «собственно, следовало бы писать *дьень*, *дьньи*, но так как русские *е* и *и* не терпят перед собою твердых согласных, то ь перед ними для сокращения письма мог бы подразумеваться. . .» В предложениях Яфетического института АН СССР оговорено: «Палатализация согласного перед гласным переднего ряда. . . оставляется не выраженной особым начертанием. . .» Такое же предупреждение сделано у Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесникова: «Поскольку гласные *е* и *и* всегда смягчают предшествующий согласный, нет никакой необходимости сохранять перед ними ь. В этом случае следует писать: *где*, *кони*, *тьоте* (а не *гдье*, *коньи*, *тьотье*)» (1963).

3. Лингвистическая сущность предложения не меняется в зависимости от того, вводится ли для обозначения ‹j› буква j(ɉ), *й* или *і*. Есть основания отдать предпочтение букве *j*, обозначающей ‹j› в большинстве алфавитов, созданных на латинской основе. В то же время у *й* то преимущество, что она уже используется в русской графике для передачи ‹j›: *мой*, *лайка*.

Р. Ф. Брандт и Ф. Е. Корш передают ‹j› по-разному в разном положении: Брандт — в зависимости от произношения (*јама*, но *раі*, *раіа*), Корш сохраняет букву *й* там, где она употребляется (*борзаjа*, *jа*, но *милой*).

В дальнейшем оцениваются в первую очередь не эти частности, а основа предложений — передавать ‹j› во всех случаях особой буквой (а не одной буквой вместе со следующей гласной).

■ **1а.** Рассматриваемое предложение удовлетворяет требованию фонематического принципа передавать каждую фонему особой буквой или однозначно используемым буквенным сочетанием. Предлагаемые написания обеспечивают адекватное отражение звукового состава слов. В частности, точно передается на письме фонема ‹j›; как известно, при существующих написаниях понимание звукового состава слов, содержащих ‹j›, затруднено.

Предлагаемые написания, точно отражая фонемный состав слов, способствовали бы более правильному пониманию их морфологического членения, в частности — выделению основы и флексии в словах с основами на мягкие согласные и ‹j›: *конь-а*, *читај-у* и пр.; в этом случае в правилах склонения «не потребовалось бы никаких оговорок и различений» (Н. И. Надеждин 1844).

Примечание. При обозначении ‹j›, предлагаемом Р. Ф. Брандтом и Ф. Е. Коршем, фонематический принцип не выдерживается: Брандт делает уступку фонетическому принципу, Корш — традиционным написаниям.

□ **1б.** Но использование *я*, *ю*, *е*, *ё* при передаче сочетаний с мягкими согласными и передача посредством этих букв сочетаний «‹j›+ +гласная» не означает нарушения фонематического принципа. Это графическая условность, причем «удобная условность» (Д. Н. Ушаков 1923). «Если надобно согласиться, что этой особенностью русская письменность действительно заслоняет от нашего взгляда настоящую систему звуков языка,— в высшей степени интересную систему,— зато, с другой стороны, пельзя

смотреть без удивления на алфавит, который с столь малыми средствами вполне достигает своей цели, не оставляя ни малейшего сомнения на счет выговора согласных в помянутом отношении. Своими мягкими гласными *ю* и *я* и знаком смягчения (ь) он избавил себя. . . от *j* и от 20 знаков для слитных с *j* согласных» (О. Н. Бетлинг 1851). «Унаследованные из старославянского письма начертания *я*, *ю* и введенное затем *ё* (*е*) представляют такое остроумное средство для практического правописания, какого нарочно и не придумаешь. Вместо того, чтобы обозначать у полутора десятка согласных отдельным знаком или буквой их мягкость, твердость и мягкость согласных обозначается тем, что для трех только гласных употребляются двоякие начертания, да для конечного согласного буквы ъ и ь (*да—дя*, *ду—дю*, *дъ—дь* и пр.). Эти же вторые знаки для гласных, обозначающие мягкость предшествующего согласного, обозначают в начале слога сочетания *ja*, *jo*, *jy* (*ja*, *jo*, *jy*). . . Буквы *я*, *ю*, *ё*, *е* представляют преимущество русского правописания, вполне соответствующее звуковым особенностям русского языка, которым нужно дорожить» (А. И. Томсон 1903).

■ **1в.** Более существенным недостатком русской графической системы является одновременное употребление букв *я*, *ю*, *е*, *ё* в двух совершенно различных функциях. «Эта двойственность значения одних и тех же букв в высшей степени затрудняет изучение грамоты. В систематических азбуках они изучаются после всех букв, как самые трудные; на усвоение их нужно столько же времени, сколько на все остальные. При этом учителю предстоит насиловать детский здравый смысл» (А. И. Лопачевский 1891). «В том, как велик практический вред этого сложного способа звукообозначения, для учителей начальных школ не может быть сомнений» (Е. Д. Поливанов 1917). «. . .Общеизвестны те колоссальные затруднения, которые доставляет методисту двойственная роль букв *я*, *ю*, *е*. . .» (А. М. Пешковский 1930).

□ **1г.** Однако для устранения двоякого использования *я*, *ю*, *е*, *ё* достаточно реализовать только один пункт рассматриваемого предложения (см. предложение II).

□ **1д.** К тому же двоякое использование букв *я*, *ю*, *е*, *ё* — не такой уж очевидный недостаток русской графики. Следует учесть, что «общераспространенное теоретическое требование, приобревшее, по-видимому, значение аксиомы, чтобы каждый звук изображался только одной буквой и чтобы каждая буква означала только один звук, имеет для практической орфографии силу лишь настолько, насколько несоблюдение этого требования влечет за собой затруднения, особенно в усвоении письма» (А. И. Томсон 1903). Двоякое использование *я*, *ю*, *е*, *ё* не создает неясностей при чтении и не затрудняет письма, так как та и другая их функции строго

определены позицией в буквенном ряду: после согласных они имеют одно звуковое значение (мягкость согласной+гласная определенного качества), во всех остальных случаях — другое (‹j› + гласная определенного качества).

□ **1е.** Все сказанное исходит из того, что в русском языке йот представляет собой согласную фонему. Но существует иная фонологическая интерпретация русского йота, при которой оказывается, что русская графика наилучшим образом отвечает существу дела. «В отличие от остальных русских фонем йот лишен как вокальности, так и консонантности. . . Все фонологическое содержание русского йота сводится к одному единственному дифференциальному элементу. В отличие от многосоставных фонем русского языка, гласных и согласных, йот является односоставной фонемой, glide, согласно использованному нами термину H. Sweet'a. Различие между присутствием и отсутствием диезной тональности в начале слова, т. е. между мягкостным и нулевым зачином слова, играет словоразличительную роль: ср. *яд — ад*, *ёжил — бжил*, *юрбдство — урбдство*. Йот так же противопоставлен фонематическому нулю, как мягкость противопоставлена ее отсутствию в парах /t'/ — /t/, /l'/ — /l/ и т. п. . . . Поэтому вполне рационально применение одних и тех же умягчительных букв. . ., чтобы передать либо йотацию согласных, либо автономный йот, т. е., по Бодуэну, среднеязычность, выделенную „в особую самодовлеющую среднеязычную неслоговую фонему“. Индивидуальные предложения размежевать эти два явления и ввести для второго из них отдельную, специальную букву (*јама*, *јула*, *вјуга* или *іама*, *іула*, *віуга*) лишены основания. . .» (Р. О. Якобсон 1962).

■ **2а.** Поскольку данное предложение порывает со слоговым приемом русской графики, оно устраняет и так называемые разделительные знаки: *објом*, *отјэзд*, *семја*, *воробји*; при этом буква ъ выбывает из алфавита.

Ф. Е. Корш отмечает, что j «разрешил бы вопрос о ъ, который некоторые приверженцы предания защищают указанием на *объявление*, *подъем*, *отъезд* и т. п.: *објавленијо*, *подјом*, *отјезд* в звуковом отношении, уже, конечно, не менее ясны, чем прежние начертания этих слов» (1902). См. также аналогичное высказывание Р. Ф. Брандта: «. . . При усвоении буквы *j* отпадает довольнотаки спорный вопрос о замене внутреннего ъ и естественно возникают написания: *објавка*, *подјом*, *сјесть*» (1908).

□ **2б.** Есть возможность исключить ъ из алфавита, не прибегая к коренной реформе графики (см. «Передача ‹j› после согласных перед гласными»).

■ **3а.** С принятием данного предложения состав алфавита сокращается, кроме ъ, еще за счет *я*, *ю*, *ё* (и одной из букв пары *э* — *е*): введение j (или *і*) не увеличивает числа букв, так как в этом слу-

чае исключается *й*. Сокращением состава алфавита достигается полиграфическое упрощение.

□ **3б**. Однако экономия на составе алфавита приводит к неэкономной письменной передаче ряда фонемных сочетаний. «Принятием постоянного символа для звука *j* (в виде буквы *й*) и постоянного приема для обозначения мягких согласных мы усложнили бы техническую сторону книгопечатания. Замена букв *ю*, *я*, *е*, *ё* (в тех случаях, когда они выражают «*j*+гласный») через *йа*, *йу*, *йэ*, *йо* увеличила бы расходность буквы *й* и поэтому была бы вредна с точки зрения экономической (две буквы вместо одной в значительном числе случаев). Еще большее затруднение представило бы принятие постоянного приема для изображения мягких. Если бы мы стали употреблять в этих целях *ь*, то расходность этой буквы выросла бы чрезвычайно и пришлось бы в громадном числе случаев вместо двух букв (например, в *тя*) употреблять три (*тьа*)» (Е. Д. Поливанов 1917). Это «увеличило бы объем печатных текстов приблизительно на 4—6%. При колоссальности печатной продукции это создало бы огромные дополнительные расходы» (А. Н. Гвоздев 1947).

Таким образом, принятые написания в этом отношении обладают большими достоинствами. «Нельзя не признать внутренней рациональности в такой системе выражения на письме свойства палатализации согласных. Вместе с тем следует подчеркнуть большую экономичность в отражении этой черты языка в правописании» (С. П. Обнорский 1944). «. . .При всех условностях в передаче йотированных гласных русская графика имеет одно неоспоримое преимущество — экономность в использовании буквенного материала (сравним *юная — йунайа*)» (Г. Клюсов 1963).

□ **4**. Реализация данного предложения привела бы к осложнениям в связи с заменой написаний «согласная+*е*» при любом варианте этой замены: выборе *э* или *е*, обозначении или необозначении мягкости согласных перед ‹э› с помощью *ь* (см. выше). Если бы писалось *льэс* (при *jэхать*, *этот*) или *льес* (при *jехать*, *етот*), пришлось бы, очевидно, установить для ряда слов написания без *ь* (*антэнна*, *инэртный* при *льэс* или *антенна*, *инертный* при *льес*); различение тех или других написаний (которое основывалось бы на произношении) при существующих произносительных колебаниях было бы затруднительно (ср. то, что сказано в разделе об употреблении *э*). Регулярное необозначение мягкости согласных перед ‹э› (т. е. написания *лэс*, *мэл*, *пэть* или *лес*, *мел*, *петь*) нарушало бы последовательность вновь вводимой системы: мягкие согласные в положении перед гласными в этом случае не всегда обозначались бы сочетанием с *ь*.

□ **5**. Еще бóльшим нарушением вновь вводимой системы было бы сохранение буквенной пары *ы—и* для передачи фонемных соче-

таний «твердая согласная + ‹и›» и «мягкая согласная + ‹и›». В современной системе *ы—и* после согласных используются параллельно *а—я*, *у—ю*, *о—ё*: *мыл—мил* и *мал—мял* и т. п. В новой системе написания типа *мыл—мил* стояли бы особняком. Параллельность в обозначении мягкости согласных перед ‹и› и перед ‹а›, ‹у›, ‹о› достигалась бы при исключении одного из членов пары *и—ы* и написаниях типа *мил* (вместо *мыл*) — *мыил* (вместо *мил*) или *мыл — мыыл* (вместо *мил*). Как видно из примеров, только в предложении 1862 г. предусматривается использование *ы* вместо *и* при обозначении мягкости с помощью *ь* (*пльыс*), остальные же авторы предполагали сохранить пару *ы—и* (ср. более последовательные в этом отношении предложения, рассмотренные в варианте I а).

□ 6. Новые орфограммы с *ьо* после согласных были бы введены взамен тех случаев, где сейчас возможны написания с *ё*; но в тех же морфемах не под ударением продолжали бы писать *е*: *мьод*, но *медовый*, *сьола*, но село. Тем самым нарушилась бы единообразная графическая передача морфем, разрывалась бы на письме связь между словами (Д. Н. Ушаков 1923). Если бы были приняты написания с *ьо* в неударном положении (что принципиально возможно; см. одно из предложений варианта I а), возникли бы те же трудности, что и при попытке употреблять «безударное *ё*» (см. соответствующий раздел).

□ 7. При всей желательности обозначения фонемы ‹j› во всех случаях особой буквой это не всегда было бы легко для пишущих. «Вводить обозначение йота там, где он не обозначается сейчас специальным знаком, нельзя хотя бы потому, что звук этот многими людьми не улавливается на слух» (А. А. Данилов 1963). В произношении йот часто совсем исчезает, например в таких случаях, как *чи*[та́ьт], *са*[ра́и^{ə}], [ста́ь]*ми* и т. п.; ср. перед ударным слогом: *узна*[jо́т], *зме*[jэ́], *кра*[já*ми*]. Особенно затруднительно было бы письменное обозначение йота перед ‹и›, так как в этих случаях он не произносится и перед ударным гласным: *ст*[руjá], *ст*[руjу́], *ст*[руjо́й], но *ст*[руи́]. Написания типа *струjи*, *слоjи*, *сараjи* требовали бы от пищущих анализа морфологического состава слова. Предлагаемое Р. Ф. Брандтом обозначение ‹j› разными буквами (в зависимости от произношения) еще больше затрудняло бы пишущих.

□ 8. Данное предложение означает «существенную ломку письма» (Постановления Орфографической подкомиссии 1912). Предлагаются гораздо более значительные изменения, чем, например, те, которые были осуществлены в 1917 г. «Достаточно сравнить вышеприведенные написания ряда слов с их традиционными эквивалентами, чтобы увидеть, что при данном нововведении разрыв

со старой орфографией был бы гораздо более тяжелым, чем при осуществлении орфографической реформы в настоящем ее размере. Процесс переучивания, перепечатывания (а также перетасовки алфавитных перечней) предстал бы перед нами в гораздо более грозном виде. . . И мне думается, что остановиться перед данным нововведением вполне рационально, если мы не захотим отрицать потребность в существовании «моста» между старой орфографией и новой, — «моста», состоящего в том, чтобы учащийся писать по новой орфографии умел в то же время читать книги, написанные по старой» (Е. Д. Поливанов 1917). «Резкое нарушение слогового принципа разрушит преемственность эпох, создаст большие трудности в пользовании огромнейшим культурным наследством не только в нашей стране, но и в других странах, где накоплены уже большие богатства русских книг. Если замена одной буквы на другую (*е* вместо *ѣ*) могла бы быть не чувствительной. . ., то изменение принципа письма создаст большие трудности не только для написания, но и для чтения» (В. Ф. Иванова 1963).

Iа. Исключив из алфавита буквы *я*, *ю*, *ё* и *э*, употреблять: а) букву *j* для обозначения ‹j›; б) диакритические знаки для обозначения мягкости согласных перед гласными (а также во всех остальных случаях).

Писать: а) *раjа*, *раjу*, *jолка*, *мajор*, *батальjон*, *jель*, *раj*; б) *пьать*, *конька*, *коню*, *коньом*, *идьот*, *льогко*, *звьозда*, *мьотьель*, *льето*, *дьень*, *коньи*, *вьидьит* (Н. Н. Бахтин 1886);

а) *твойа*, *йолка*, *дайош;* б) *цар'а*, *цар'у*, *л'он*, *ор'ол*, *цар'е*, *с'ила*, *покрилас'*, *л'удним'и* (А. И. Лоначевский 1891);

а) *состоjат*, *котораjа*, *мноjу*, *соjуз*, *пѧтнадцатjу*, *остаjотсѧ*, *jестѧ*, *роj*, *злоj;* б) *порѧдок*, *пулѧ*, *малѧутка*, *лѧубит*, *лѧогкого*, *трѧох*, *всѧе*, *пѧеро*, *онѧи* (П. Г. Сорочинский 1903).

Примечание. Как видно из примеров, все авторы обозначают мягкость согласных перед ‹э›, ‹и›; при этом исключается *ы*: при *вьидьит* вместо *видит* — *бик* вместо *бык* (Н. Н. Бахтин); при *с'ила* вместо *сила* — *покрилас'* вместо *покрылась* (А. И. Лоначевский); при *онѧи* вместо *они* — *дуби* вместо *дубы* (П. Г. Сорочинский). То, что никто из авторов рассмотренных в варианте I предложений не вводил аналогичных написаний с ь (могло бы быть *мьил* — *дуби*), не относится к существу различия между данным вариантом реформы русской графики, направленным на полное изъятие йотированных гласных, и предыдущим.

■ **1а.** См. предложение I, п. 1а, 1в.

□ **1б.** См. предложение I, п. 1б, 1г, 1д, 1е.

■ **2а.** См. предложение I, п. 2а.

□ **2б.** См. предложение I, п. 2б.

■ **3а.** Данное предложение, как и предложение I, ведет к сокращению числа букв алфавита. При этом сочетания «мягкая согласс-

ная+гласная» предлагается передавать более экономно, чем при употреблении *ь*.

□ **3б.** Однако диакритические знаки очень неудобны при письме и осложняют полиграфическую технику.

□ **3в.** К тому же они фактически сводят на нет экономию на числе букв алфавита: «Так как для согласных со значком мягкости потребуется отлить новые литеры, то число отделений в буквенных кассах значительно увеличится» (Н. Н. Бахтин 1886).

□ **4.** Остаются трудности, о которых говорилось в п. 4, 5, 6 при анализе предложения I (с учетом конкретных деталей предложений, объединенных в данный вариант).

□ **5.** См. предложение I, п. 7.

□ **6.** См. предложение I, п. 8.

Iб. Исключив из алфавита буквы *я*, *ю*, *ё* и *э*, употреблять: а) букву *й* для обозначений ‹j›: *йама*, *йолка*, *йужный*, *йехал*, *обйехал*; б) «осложненные буквы для обозначения мягких согласных по образцу сербской азбуки: *њ*, *љ*, *ћ*, *ъ* и т. д.» (И. А. Фигуровский 1962).

■ **1а.** См. предложение I, п. 1а, 1в.

□ **1б.** См. предложение I, п. 1б, 1г, 1д, 1е.

■ **2а.** См. предложение I, п. 2а.

□ **2б.** См. предложение I, п. 2б.

□ **3а.** Хотя данное предложение делает ненужными 6 букв — *я*, *ю*, *ё*, *э*, *ъ* и *ь*, экономии на составе алфавита не получается, так как должны быть введены «осложненные буквы» для передачи 12 парно-мягких согласных фонем (‹п'›, ‹б'›, ‹м'›, ‹ф'›, ‹в'›, ‹т'›, ‹д'›, ‹н'›, ‹с'›, ‹з'›, ‹л'›, ‹р'›.) Кстати, автор предложения не уточняет, каково должно быть начертание большинства этих букв. (Как, например, должны выглядеть пары для *б*, *ф*, *в*, *т*, *д*, *с*?). Сербский алфавит, на который он ориентируется, содержит только буквы *њ* и *љ*, и эти образцы не дают возможности легко установить начертания всех букв для передачи парно-мягких согласных.

□ **3б.** Данное предложение вводит такую же неэкономную письменную передачу фонемных сочетаний «‹j› + гласная», как и предложение I.

■ **3в.** Фонемные сочетания «мягкая согласная + гласная» предлагается передавать более экономно, чем в предложении I.

□ **3г.** Но все же употребление *я*, *ю*, *е*, *ё* при передаче этих сочетаний дает еще большую экономию места.

□ **4.** При реализации данного предложения тоже возникли бы те трудности, о которых говорится в п. 4, 5, 6 предложения I. Поэтому мнение автора о том, что его предложение ведет к существенному облегчению чтения и письма («отпадут. . . больше 90 обременительных правил орфографии. . .»), явно преувеличено.

□ **5.** См. предложение I, п. 7.

□ **6.** См. предложение I, п. 8.

II. Всегда обозначая фонему ‹j› особой буквой — *j*, *і* или *й*, оставить *я*, *ю*, *е*, *ё* (или *ӧ*) для передачи — совместно с предшествующими согласными буквами — фонемных сочетаний «мягкая согласная + гласная».

Писать:

јазыка, *ја*, *обладаја*, *своју*, *насмешкоју*, *восторжествујэт*, *отжившејэ*; но *время*, *священным*, *людеј*, *далӧк*, *убеждӧн*, *наконец*, *веса* (М. А. Тулов 1881);

іа, *діак*, *іуныі*, *адіункт*, *іолка*, *подіом*, *іехал*, *раі*, *боі*, но *няня*, *люди*, *лёд* и т. п. (*Н. Ф. Яковлев* 1928);

јаблоко, *моја*, *објавить*, *југ*, *моју*, *сјожился*, *сјэсть* или *йаблоко* и т. д; но *сядь*, *люди* и т. п. (Дискуссия 1929);

јама, *објавить*, *јула*, *вјуга*, *јолка*, *јель*, *вјехать*, *молодој*; но *ляжеш*, *сосёт* и т. п. (С. О. Карцевский 1937);

жребија, *стојат*, *објавлениje*, *армију*, *жребију*, *стоју*, *конјунктура*, *подјом*, *разјезд*, *стојит*; но *мясо*, *люблю* и т. п. (В. В. Богоявленский 1963*).

Примечания. 1. Предложение допускает употребление после *j*, *і*, *й* и буквы *э*, и буквы *е* (см. примеры).

2. К существу данного предложения не относится использование М. А. Туловым вместо *ё* буквы *ӧ* (см. примеры).

■ **1а.** Устраняется основной недостаток современной графической системы — двоякое использование букв *я*, *ю*, *е* (*ё*), которым «присвоены в русском алфавите совершенно излишние для современного языка и письма слоговые значения: *йа*, *йу*, *йе*. Современный русский алфавит настоятельно требует исправления указанного недостатка, которое сразу уменьшило бы количество букв, с одной стороны, и помогло бы установить более стройную систему правописания — с другой» (Н. Ф. Яковлев 1928). При передаче фонемных сочетаний «‹j› + гласная» удовлетворяется требование фонематического принципа — передавать каждую фонему особой буквой. Сохранение написаний «согласная + *я*, *ю*, *ё*, *е*», не нарушающих фонематический принцип, а лишь вносящих в письменную передачу сочетаний с мягкими согласными элемент условности, дает ряд преимуществ по сравнению с предложением I (см. п. 3б, 4, 5, 6).

□ **1б.** Однако устранение одних условных написаний при сохранении других может представляться как раз недостатком данного

предложения: «Признавая, в главных чертах, основательность мнений г. Тулова о «мягких гласных» . . ., я никак не могу сочувствовать странному компромиссу, который он заключает с существующей графикою . . . Он хочет изменить начертания *язва*, *юла*, но по-прежнему пишет *няня*, *люди*! Г[осподин] Т[улов] таким образом устраняет одно несовершенство русской графики, но сохраняет другое, гораздо большее: перенесение на письме мягкости согласных на непричастные к ней гласные!. . По-моему, если вообще решиться на радикальные перемены в русской азбуке, то большее или меньшее число их значит уже немного» (Р. Ф. Брандт 1881).

□ **1в.** К тому же двоякое использование букв *я*, *ю*, *е*, *ё* вовсе не является бесспорным недостатком русской графики (см. предложение I, п. 1д).

□ **1г.** См. предложение I, п. 1е.

■ **2а.** Предложение, как и предыдущее, позволяет покончить с разделительными знаками и, следовательно, исключить из алфавита ъ: «Если принять такое правописание, ъ окажется совершенно лишним в русской грамоте, так как в середине слов, после твердой согласной, перед *j*, в слогах *ja*, *jö*, *jэ*, *jy* он не нужен, а на конце слов самое отсутствие знака смягчения может показывать, что буква выговаривается твердо» (М. А. Тулов 1881).

□ **2б.** См. предложение I, п. 2б.

■ **3.** Кроме исключения ъ, данное предложение не ведет к изменениям в числе букв алфавита: его остальной состав или не меняется (при написаниях *йула*, *йаблоко*), или *й* заменяется через *j*, *i*.

□ **4.** См. предложение I, п. 7.

□ **5.** Реализация предложения связана «с крупным изменением всего облика письма» (Проект 1930), хотя и не таким значительным, к какому ведут предложения I, Iа, Iб.

Б. Предложение, увеличивающее условность русской графической системы

I. Исключив из алфавита букву *й*, употреблять вместо нее ь; писать: *краь*, *речьь*, *змеь*, *стоь*, *пеьте*, *гаька* и т. п. (Ю. Крижанич 1661, 1665; В. Кв. 1900; Р. О. Якобсон 1962; Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964*).

□ **1а.** Предложение прямо противоречит требованию добиваться однозначных соотношений между выделяемыми в языке фонемами и используемыми для их передачи письменными знаками. Оно целиком исключает из русского письма ту категорию написаний, где ‹j› передается особой, однозначно используемой буквой.

■ **1б.** Однако та или иная категория написаний может быть правильно оценена только при учете ее места в общей системе. Написания с *й* выпадают из системы. Замена *й* через *ь* доводит применяемые в русском письме графические приемы до логического конца, делает их абсолютно последовательными. А последовательная система письма всегда имеет важные преимущества перед непоследовательной.

Данное предложение наделяет *ь* той же двойной функцией, какую выполняют в русском письме «йотированные гласные». Как уже сказано, в зависимости от позиции в буквенном ряду они передают (сверх обозначения определенной гласной фонемы) то мягкость согласных, то йот. С принятием рассматриваемого предложения такую же двойную роль играл бы и *ь*; в положении после согласных — на конце слова и перед согласными (т. е. между согласными) — он по-прежнему передавал бы мягкость согласных (*конь*, *редька*), в положении после гласных — на конце слова и перед согласными — йот (*краь*, *лека*).

Последовательная условность предлагаемой системы привела бы к тому, что соотношения между формами слов на графическом уровне стали бы вполне логичными: «. . . Замена „*и* краткого“ ерем подчеркнула бы единство грамматических основ и парадигм; ср. *змеь — змея* и *зверь — зверя*; *строь — строю* и *спорь — спорю*» (Р. О. Якобсон 1962). Так же как и принятые сейчас написания, не представляя в наглядном виде фонемного состава слов и затрудняя этим членение на основу и флексию на графическом уровне, новые написания по логичности соотношений были бы ближе, чем принятые сейчас, к написаниям, вводимым предложениями, рассмотренными выше: *змеj — змеja* и *зверь — зверьа*; *строj — строjу* и *спорь — спорьу*.

■ **1в.** Данное предложение особенно настойчиво диктуется якобсоновской фонологической интерпретацией русского йота (см. предложение А I, п. 1е).

■ **2а.** Одну из предпосылок данного предложения создает то, что в современном русском письме *ь* уже участвует в обозначении йота; при этом употребление *ь* и *й* оказывается в отношении дополнительного распределения, из чего следует вывод об избыточности *й*. «Полугласная *й* есть в сущности совершенно то же, что и *ь*, „мягкий знак“; но почему-то принято после гласных ставить одну букву, а после согласных — другую» (В. Кв. 1900).

«Мягкий знак обозначает йот только между согласной и гласной буквой, тогда как „*и* краткое“ выполняет ту же функцию не перед гласной. Вообще мягкий знак пишется только после согласных, тогда как *й* после согласных не употребляется. Это две комплементарных буквы, выступающие по соседству с гласными в совершенно одинаковой фонологической функции, т. е. обозначающие — одна превокальный, а другая поствокальный йот:

ср: *гости* /góst'i/ — *гостьи* /góstji/ — *гостий* /góst'ij/, *божьи* /bóžji/ — *божий* /bóžij/, *чьи* /čji/ — *почий* /počij/. Один из позднейших придатков русской кириллицы, „*и* краткое", отзывается явно избыточной буквой» (Р. О. Якобсон 1962).

В этом рассуждении не все, однако, договорено. Обратим внимание на то, что в случаях, когда ь участвует в обозначении йота, его роль может быть интерпретирована по-разному. Что делает ь в написаниях типа *чья*, *чьего*, *чьём*? Сам обозначает йот или действует как своеобразный «проявитель», способствуя обнаружению его в буквах *я*, *ю*, *ё*? Или йот в этих написаниях обозначен дважды: буквой ь и следующей за ней «йотированной гласной»? В принятой сейчас графической системе функцию так называемых разделительных знаков, пожалуй, лучше всего свести к «предупредительной»: «читай следующую букву как „йот + гласная!"» (Недаром возникали проекты замены разделительных ъ и ь апострофом и дефисом).

Если заменить *й* через ь, написания типа *чья*, *чью* можно воспринять как передающие «двойной йот» (ср. как выглядели бы в новой системе написания, действительно изображающие два йота подряд: *Гоья*, *Савоья*, *секвоья*). Поэтому, изъяв *й*, было бы логично писать после ь «нейотированные буквы»: *чьа*, *чьу*, *чьом*, *льу*, *пьом*, *перьа* (ср. принятые теперь *шампиньон*, *батальон*). Это значило бы, что в русской графической системе перестали бы существовать разделительные знаки: ъ должен был бы неминуемо быть упразднен, а ь в одной из своих функций всегда непосредственно изображал бы йот: *краь*, *леька*, *льу*. Современные написания *лью*, *пьём*, *перья* оставляют неясным, выражена ли в них с помощью ь мягкость предшествующей согласной (см. об этом подробнее в разделе о разделительных знаках). Новые написания *льу*, *пьом* такого вопроса не вызывали бы: они воспринимались бы совершенно так же, как, например, *љу*, *њом*, *перја*.

Этот вариант предложения о замене *й* через ь (не фигурирующий ни у одного из его авторов) дает следующее распределение функций буквы ь в зависимости от положения в буквенном ряду: по соседству с гласной буквой, т. е. после гласной (на конце слова и перед согласной) и перед гласной после согласной ь обозначает йот: *краь*, *маька*, *чьа* (в начале слова перед гласной и в середине слова между гласными для обозначения йота по-прежнему используются йотированные гласные: *яма*, *струя*); не по соседству с гласной, т. е. после согласной на конце слова и между согласными, ь обозначает мягкость предшествующей согласной: *соль*, *банька*. Обратим внимание на то, что ь-«умягчитель» фигурирует только в тех позициях, где по законам русской фонетики не может встретиться йот. Значит, обсуждаемое новшество нигде не приводит к двусмысленным, неясным написаниям.

Интересно, что в новой системе ничто не препятствовало бы сохранению орфограмм-исключений в словах типа *маьор*, *раьон*,

Ьорик (с прописным ь!) взамен теперешних *майор*, *район*, *Йорик*. А написания *бульон*, *почтальон* перестали бы быть исключениями.

□ **2б.** Рассматриваемый вариант предложения означает, в частности, написания *обьяснить* при *ясный*, *сьожиться* при *ёж*, *предьюбилейный* при *юбилей*.

■ **2в.** Такие соотношения не беспрецедентны. Уже существуют случаи, когда корень после приставки на согласную передается не так, как в начале слова: *сыграть* при *игра*, *безыдейный* при *идея*. Получив подкрепление, графическая мена *и—ы* перестала бы быть исключением в русском письме. Все случаи графической мены в начале корня после приставки на согласную стали бы восприниматься как некоторая «частная закономерность» русского письма.

□ **2г.** Можно возразить против соотношений *ежиться — сьожиться*, *емкий — обьем*, которые неизбежны при необязательности *ё*.

■ **2д.** Но при введении обязательного *ё* эта несообразность была бы устранена.

□ **2е.** Очевидно, что писалось бы: *ехать — вьехать*, *есть — сьесть*, т. е. не были бы до конца изжиты написания с «двойным» обозначением йота.

■ **2ж.** Написания *вьехать*, *сьесть* (а не *вьэхать*, *сьэсть*) были бы прямым следствием одинакового обозначения сочетаний «твердая согласная + ‹э›» и «мягкая согласная + ‹э›»: *темп — тема*, *дельта — дело* и т. п. Если бы буквы *э—е* были такой же парой, как *а—я* и пр., писали бы *тэмп— тема*, *дэльта — дело*. Тогда можно было бы писать *вьэхать*, *сьэсть*. Поскольку *е* до некоторой степени совмещает в себе «йотированную» и «нейотированную» буквы (маркированный и немаркированный члены буквенной пары), не было бы достаточных оснований видеть в случаях типа *сьесть*, *вьехать* «двойное» обозначение йота. К тому же эти написания не создавали бы никаких неясностей (в отличие от *темп* по сравнению с *тема*, *дельта* по сравнению с *дело*, с которыми мы тем не менее миримся в современной системе).

□ **2з.** Все же можно указать среди принятых написаний такие, с которым совпали бы некоторые из предлагаемых, создавая неясности. Это — пока еще очень редкие — случаи, в которых наше письмо порывает со слоговым принципом: *костьутиль*, *мельуправление*; ср. с ними вводимые рассматриваемым предложением *предьюбилейный*, *разьулиться*.

■ **2и.** Но эти написания «не делают погоды» в русском письме. Они плохо согласуются и с современной системой. Будь они более многочисленны, очевидно, встал бы вопрос об их изменении. Что же касается их совпадения с написаниями типа *предьюбилей-*

ный, оно было бы ликвидировано при введении дефисных написаний *кость-утиль*, *мель-управление*.

■ **3.** Обсуждаемое предложение ведет к полиграфическим упрощениям без ущерба для передаваемой на письме информации. Замена *й* через *ъ* «сократила бы количество букв в русском алфавите и упразднила бы единственную литеру с чужеродной, надстрочной «краткой» в числе ее обязательных единиц. При такой экономии в составе азбуки и ее отдельных букв информационная нагрузка русского письма ничуть не пострадала бы» (Р. О. Якобсон 1962).

В рассмотренном «уточненном» варианте данное предложение непременно требует изъятия *ъ*, т. е. уменьшения алфавита не на одну, а на две буквы.

□ **4.** Однако «методологически безукоризненное соображение даровитого языковеда [Ю. Крижанича], побудившее его последовательно писать, *рaь*, *жребеь*, *зноь*, *моь*, *всеь*, *первиь* и т. п.» (Р. О. Якобсон 1962), диктует очень значительные изменения в письме, особенно если дойти до логического конца. Это — серьезная ломка письма, требующая от пишущих и читающих приобретения новых навыков, выработки неизвестных дотоле графических ассоциаций. Поэтому практическая осуществимость разобранного предложения весьма сомнительна.

ПЕРЕДАЧА ФОНЕМЫ ‹j› ПОСЛЕ СОГЛАСНЫХ ПЕРЕД ГЛАСНЫМИ

(разделительные *ъ*, *ь* и их замены)

Историческая справка

В системе дореформенной графики (до 1918 г.) были представлены твердый знак и мягкий знак, которые одновременно использовались и как разделительные (или «отделительные») знаки, т. е. для сигнализации того, что следующие за ними *я*, *ю*, *е* (*ё*), *ѣ*, *и* (последняя — только после ь) должны читаться как «йот+гласный». Использование ъ в разделительной функции после приставок почти до конца XIX в. было параллельно его употреблению после приставок в других случаях: перед *и* как сигнала твердости предшествующей согласной (*предъидущий*), а также перед другими гласными (*съуметь*, *съузить*, *съострить*), где наличие ъ ничем не было оправдано. Унификация, проведенная Я. К. Гротом, ограничивала употребление ъ после приставок только использованием его как разделительного знака. Правда, и после его рекомендаций написания типа *съэкономить*, *съузить* не совсем исчезли из практики.

Уже в XVIII в. стоял вопрос о твердом знаке (т. е. об употреблении его на конце слов) как о лишней букве алфавита. При этом наряду с предложениями сохранить ъ в разделительной функции (А. А. Барсов, В. Г. Белинский) выдвигались и проекты полного изъятия этой буквы из алфавита. Самыми реалистическими были предложения заменить разделительный ъ через ь. Поскольку в основу декретов 1917—1918 гг. о введении нового правописания был положен менее радикальный вариант решения судьбы ъ, при каждом новом обсуждении путей упрощения русской орфографии встает вопрос о замене двух разделительных знаков одним или о замене ъ иными способами сигнализации йота после согласных.

В практике 20-х годов широко употреблялся апостроф вместо буквы ъ в разделительной функции: *с'езд*, *об'явление* и пр. «Появление апострофа как разделительного знака связано со следующей поучительной историей. При проведении реформы орфографии после Октября буржуазная печать, до того ратовавшая за нее, осознала уничтожение ъ как классово враждебное действие и саботировала декрет, печатая газеты по старой орфографии. Советская власть вынуждена была в течение 1918 г. изъять «гонимые большевиками буквы» прямо из типографских касс. При этом оставлять известное количество литер ъ в качестве знака разделения было затруднительно. Твердый знак, ять, фита, ижица и «*и* с точкой» были реквизированы «вчистую»; отобраны были и матрицы машинного набора. Поэтому сейчас, несмотря на несомненную целесообразность сохранить ъ внутри слова, приходится по экономическим соображениям допустить апостроф в качестве „временно выполняющей обязанности буквы“» (Практика газетной корректуры 1932). Употреблению апострофа способствовало и то, что после произведенной реформы буква ъ оказалась малочастотной; наличие ее в алфавите представлялось поэтому

нецелесообразным, и возникало естественное стремление совсем избавиться от нее. «Действительно, немножко странно было оставить в алфавите букву ъ исключительно в роли отделительного знака после приставок... И вот теперь, словно в возмездие за допущенную непоследовательность, отделительный ъ все более и более в жизни вытесняется пущенным кем-то в оборот (задолго до 1917 г.) апострофом» (Д. Н. Ушаков 1926). Большинству пишущих «устранение твердого знака казалось... неотъемлемой принадлежностью реформы и, стараясь писать именно по новой орфографии, они никак не могли счесть за новую орфографию такие написания, как *объявление*, *объем* и т. д. Оставалось им два выхода: или писать просто *обявление*, *обем* (или *обём*) — что в 1918 году и попадалось, — или же, поскольку недостатки таких написаний были слишком явно очевидны, ввести вместо ъ особый знак. Вполне понятно, что коллективным мышлением в качестве такового символа был выбран именно апостроф, так как он был уже известен в этой функции: при тех пробных попытках письма без твердого знака, которые имели место еще в царское время, для замены ъ внутри слова пользовались именно апострофом» (Е. Д. Поливанов 1927).

В дальнейшем употребление апострофа сокращалось и постепенно почти утратилось, чему способствовала сознательная борьба с ним. «Незаконно, контрабандно в некоторых типографиях ъ в качестве отделительного знака заменили апострофом. Теперь этот апостроф мы уничтожили как контрабандный» (П. Южный 1928).

К колебаниям орфографической практики относится также употребление и неупотребление разделительного ъ в некоторых категориях слов, содержащих сочетания «согласная + ‹j› + гласная» на морфологических стыках. К ним относятся немногочисленные образования с так называемыми иноязычными приставками *контр-*, *пан-*, *транс-* и др.; писали и *контрярус*, *паневропейский*, *трансевропейский*, и *контръярус*, *панъевропейский*, *трансъевропейский*. Эти колебания нашли отражение в рекомендациях проектов орфографического свода: первые проекты (1936 и 1939 гг.) давали написания без ъ, во всех позднейших проектах (1940—1955 гг.), а также в своде 1956 рекомендуются написания с ъ. Что касается сложносокращенных слов типа *детясли*, *комячейка*, *главювелир*, *госюриздат*, то они в практике никогда не встречались в написаниях с ъ; это и отражено во всех проектах свода.

Ниже рассматриваются основные предложения, относящиеся к употреблению разделительных знаков. При этом принято следующее членение:

А. Предложения о введении единого разделительного знака.

Б. Предложения, не вводящие единого разделительного знака.

В. Предложения, имеющие в виду расширить или сузить сферу применения разделительных знаков.

Следует оговорить, что в данном разделе учтены только те предложения о замене разделительных ъ и ь, которые не связаны с общей реформой системы русской графики (например, не рассматриваются предложения писать *отјэзд* или *отйэзд*, если предполагаются также написания *јама*, *југ*, *јэхать*, или *йама* и т. п.).

Не подвергнуты анализу предложения, в которых нарушается соотносительность графических приемов (например, употреблять вместо разделительных ъ и ь букву *й*, сохранив *е*, *ё*, *я*, *ю*).

Опущены предложения, относящиеся к отдельным словам (например, писать *изьян*, *адьютант*, *субьект* при сохранении ъ).

Предложения

А. Предложения о введении единого разделительного знака

I. Для сигнализации йота после согласных употреблять перед *я*, *ю*, *е*, *ё*, *и* только букву ъ; писать: *обьявить*, *вьезд*, *сьезд*, *отьезд*, *сьесть*, *обьём*, *отьявленный*, *предьюбилейный*, *адьютант*, *коньюнктура*, *субьект*, *дизьюнкция*, *иньекция*, *двухьярусный*, *трехьязычный*, *трехьярусный* и т. п., так же как: *пью*, *шью*, *ружье*, *семья*, *соловьи* и пр. (Р. Ф. Брандт 1885, 1901, 1917; К. Г. Житомирский 1894, 1915; Проект Московского педагогического общества 1901; Проект Казанского педагогического общества 1902; Предложения педагогического отделения русского литературного кружка в Риге 1902; Проект Одесского педагогического общества 1903; А. И. Соболевский 1904; Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904; В. И. Попов 1916; Н. Н. Фатов 1927; А. М. Топоров 1929; Проект 1930; Л. И. Жирков 1935°; А. А. Реформатский 1935°, 1936°; *А. М. Сухотин 1935*°; Дискуссия 1954; Р. О. Якобсон 1962; Предложения Института русского языка 1962; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1962, 1962 *; Проект 1964; Дискуссия 1964, 1964 *).

Примечание. При выделении данного предложения и установлении круга его сторонников не учитывалось, на какие образования предполагается распространять употребление разделительного знака. Некоторые из перечисленных здесь авторов оговаривают неупотребление этого знака в словах с *двух-*, *трех-* (см. ниже, раздел В), в других проектах приводятся примеры типа *двухьярусный*, *трехьязычный*; многие предложения вообще не дают возможности установить, предполагается ли употребление в таких образованиях разделительного ь. Видимо, все же не случайно то, что ни у одного автора не фигурируют примеры типа *трансьевропейский*, *контрьярус*.

■ 1. Данное предложение вводит единый знак сигнализации йота после согласных вместо существующих двух, а «существование нескольких знаков для одной и той же цели усложняет усвоение правописания» (Проект 1930). Пишущие избавляются от необходимости усваивать правила, разграничивающие употребление разделительных ъ и ь. «Эти правила трудны для учащихся. Многие из них не всегда отличают приставку от корня: *объем*, *бьем* (в первом случае то ли приставка *об-*, то ли *о-*); *подьячий* (то ли *по-*, то ли *под-*). Даже взрослым людям трудно понять, почему *адъютант*, *инъекция*, *конъюнктура* и т. п. пишется с ъ, а *барьер*, *серьезный*, *курьер* и т. п.— с ь» (Э. И. Биргер 1962).

■ 2а. Употребление двух разделительных знаков и принятое разграничение между ними не находит достаточной опоры в звуковой системе современного языка. Это разграничение не является последовательно фонематическим; ср. *разъезд*, *объем*, где ъ употреблен после согласных букв, соответствующих твердым фонемам, *тряпье*, *тканье*, где согласные перед ь соответствуют мягким фонемам, и *адъютант*, где нет оснований сомневаться, что ъ

стоит после *д*, соответствующей ‹д'›; ср. также написания *вьюга* и *объект*, где фонематическая твердость—мягкость согласных одинаково неопределима. Употребление ъ и ь не основывается и на произношении; ср. *съесть*, *изъездить*, где возможно мягкое произношение согласных приставок: [с'j̑]*сть*, *и*[з'j̑]*здить*, и *воробьи*, *семья*, где возможно полумягкое (реже — твердое) произношение губных согласных; возможно одинаковое (полумягкое) произношение губных, например, в случаях *въехать* и *соловья*, *объём* и *побьём*.

«Не подлежит сомнению, что сохранение ера наряду с ерем единственно для передачи различия между умягчительным йотом и йотом с необязательным или же «неполным» смягчением предшествующих согласных было, воистину, излишней роскошью. Несмотря на обычную разницу в произношении таких сочетаний согласных, как [d'v'] в словах *подвиг*, *подвинуть* и [dv'] в словах *подвесить*, *подвинтить*, т. е. на стыке приставки и корня, никто не станет вводить специальных орфографических приемов для передачи этого факультативного различия» (Р. О. Якобсон 1962).

□ **2б**. Однако положение для губных и зубных согласных здесь неодинаково: «известно, что именно в губных согласных момент палатализации гораздо менее явствен, чем в не-губных, особенно в переднеязычных (например, *ть* в отличие от *т*, *дь* — *д*, *ль* — *л*); здесь (в переднеязычных парах) акустическая и психо-фонетическая (для русского языкового мышления) разница между «мягким» и «твердым» вполне определенная, даже в положении перед *j*. Достаточно сравнить: *отъявленный* и *битья*, *пятью*; *подъем* и *ладья*, *ладьёй*, *ладью*. Замена ъ через ь уничтожила бы таким образом графическую передачу весьма ценного фонетического различения (ибо совпали бы в написании комплексы *тъя* и *тья*, *дъя* и *дья*, т. е. *tja* и *t'ja*, *dja* и *d'ja* и т. п.)» (Е. Д. Поливанов 1927). «Все это построение с ь допустимо на том основании как исходном пункте, что перед мягкой согласной твердость и мягкость произношения согласной не так слышна и согласная произносится как будто одинаково. Может быть, с этим нужно согласиться, но пока что это не есть факт, потому что для громадного большинства говорящих все-таки существует четкое различие произношения слов *подъем* и *бадья*, и если кто говорит *подьем*, то я это воспринимаю как ошибку произношения. Точно так же и в сочетаниях *нъя* вместо *нья* я воспринимаю как ошибку. Может быть, для целого ряда лиц такой выговор кажется безразличным, но если для некоторых выговор безразличен, то это не значит, что для всех. Зачем торопиться? Когда будет такой факт, что перестанут различать твердые и мягкие согласные перед мягкими, тогда ввести, но заранее уничтожать различия, которые существуют в языке, это есть насильственное обеднение возможностей и средств языка» (Л. В. Щерба 1936°).

■ **3а.** Употребление двух разделительных знаков не может быть убедительно обосновано и морфологическими соотношениями. Буква ъ употребляется после приставок и некоторых частей сложных слов (*трехъярусный*), буква ь — в остальных случаях, т. е. внутри морфемы (*вьюга*) и на стыке с суффиксом или окончанием (*бельишко*, *семья*). Это письменное разграничение не имеет достаточных оснований. «Графическая сигнализация междуморфемного шва чужда русскому письму. К тому же в разряд префиксальных слов попал *изъян* (из персидского ziyan) и такие неразложимые в речевом обиходе слова, как *адъютант*» (Р. О. Якобсон 1962).

□ **3б.** Но в употреблении разделительных ъ и ь находят отражение некоторые старые языковые отношения, и с отменой ъ это нарушается. «Если допустить написание вроде *обьем*, то выйдет, что здесь *о* как бы на месте ь, или же придется делать оговорку, что здесь ь на месте выброшенного из азбуки ъ; иначе пишущие не поймут, отчего *пью* — *пей*, а *обьем* — *обойми*» (Е. Ф. Карский 1904). Употребление ь в случаях типа *шью*, *ружью*, *мышью* «оправдывается этимологией (ср. *шей*, *ружей*, *мышей*)», употребление же «буквы ь в том же значении в конце приставок. . . не имело бы. . . этимологического основания (*подъезд* — *подойти*, *предъявить* — *предоставить*, *объем* — *обобрать*, *съемка* — *сойтись*)» (Постановления Орфографической подкомиссии 1912). «Когда мы говорим *объехали*, то представляем *обошли*. . . В языке существует множество таких форм. В данном случае есть непонимание того, что твердый знак является в результате чередования *о* и *объехал* употребляется как *обошел*. Если же вместо твердого знака поставим мягкий знак, тогда вся морфология будет сломана. Мы будем давать неверное морфологическое представление о русском языке» (В. И. Чернышев 1936°).

■ **3в.** Однако отмеченная соотносительность между ъ и *о*, ь и *е* носит чисто графический характер, никаких языковых отношений не выражает и вряд ли осознается основной массой пишущих. Эти соотношения имеют значение главным образом для тех, кому известно, что ъ и ь служили в прошлом для обозначения редуцированных гласных, вспоследствии изменившихся в ⟨о⟩ и ⟨э⟩ или исчезнувших. При этом соотношение ъ — *о* вовсе не носит регулярного характера: при *объехать* — *обойти* мы имеем написание *обрабатывать* (а не *обърабатывать*); в корнях «выпавшему» *о* никогда не соответствует ъ (*лоб* — *лба*, а не *лъба*); «другими словами — бесполезно приписывать ъ то значение, которое он имел в древнеславянском языке» (Н. Н. Бахтин 1886).

■ **4а.** Если считать доказанной целесообразность введения одного знака вместо двух, в пользу выбора ь (а не ъ) может быть выдвинуто то соображение, что при этом ъ совсем выбывает из алфавита. Этим достигается полиграфическое упрощение, причем

за счет устранения буквы, которая при употреблении ее в разделительной функции только после приставок и в некоторых сложных словах оказывается настолько малочастотной, что наличие ее в алфавите не оправдывается.

Примечание. С точки зрения частотности употребления наличие ъ в алфавите было оправдано при его использовании на конце слов; но как раз в этой роли ъ давно и справедливо был признан лишней буквой (см. соответствующий раздел). Предложение о замене разделительного ъ через ь выдвигалось или одновременно с предложением отменить употребление ъ на конце слов, или после того, как эта отмена была осуществлена.

□ **4б.** Хотя возможность исключить из алфавита ту или иную букву является очень важным доводом в пользу того предложения, которое позволяет этого достигнуть, не всегда следует считать этот довод исходным и определяющим в оценке предложения. Устранение буквы, которая по тем или иным соображениям признается необходимой, не может рассматриваться как улучшение орфографии, хотя полиграфическое упрощение при этом, бесспорно, достигнется. Если можно предположить такое использование ъ в современной орфографической системе, которое признавалось бы рациональным, соображение о полиграфическом упрощении, достигаемом с его отменой, лишается решающей силы.

■ **5а.** Выбор ь в качестве единого знака как будто сразу определяется «доводом от противного»: «Едва ли можно найти серьезные основания для введения в качестве единого отделительного знака буквы ъ, т. е. распространить ее употребление на такие случаи, как *пъю*, *осенъю*, *шъю* и т. д.» (Проект 1930).

□ **5б.** Но такие основания могут быть найдены (см. предложение II).

□ **6.** Данное предложение сохраняет и упрочивает использование буквы ь в различных функциях, которое нельзя отнести к достоинствам современной русской графической системы. Если оставить в стороне употребление ь после шипящих на конце слов, остаются две категории написаний, в которых ь используется совершенно по-разному: на конце слов не после шипящих и *ц* и между согласными эта буква выступает как «мягкий знак», т. е. как способ обозначения фонематически значимой мягкости согласных; после согласных перед *я*, *ю*, *е* (*ё*), *и* — как разделительный знак. В последнем случае в функцию ь принципиально не входит обозначение мягкости согласных, но неизбежно возникает иллюзия, что в словах типа *лью*, *перья*, *свинья* разделительный ь «одновременно смягчает».

Именно поэтому многим обсуждавшим предложения о возможных изменениях в употреблении разделительных знаков представлялась невозможной, с одной стороны, замена разделительного ь другим знаком, не указывающим «одновременно» мягкости, с другой — введение разделительного ь там, где его не привыкли видеть, так как возникали опасения, что новые написания по-

влияют на произношение. При этом сторонники мягкого произношения согласных приставок перед йотом считали возможной и даже желательной замену разделительного ъ через ь; см., например: «В пользу такой замены можно привести то обстоятельство, что в московском произношении в этих случаях согласные перед *j* (перед йотированными гласными) мягки» (Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904); «Функции разделительного знака выполнит ь, тем более, что согласные перед йотом должны произноситься мягко» (П. А. Лекант 1963). Признание того, что наряду с мягким зафиксировано и твердое произношение согласных приставок перед йотом, оказывалось аргументом против данного предложения: «Что же касается употребления буквы ь. . . в конце приставок, то оно. . . не согласовалось бы с господствующим в литературном наречии твердым произношением согласных в значительной части таких случаев. . .» (Постановления Орфографической подкомиссии 1912); «Эти написания. . . согласуются с московским произношением, но ленинградская норма литературного произношения не знает здесь палатальности согласных, неизвестна она и значительным районам живой великорусской речи. Поэтому такие написания создали бы, безусловно, коллизию с живым произношением. . .» (Отзыв АН о проекте 1930 г.).

Фактически опасения, что написания типа *съезд*, *предъюбилейный* и пр. повлияют на произношение, скорее всего преувеличены. Но независимо от этого, а также от того, какое произношение признавалось более желательным, следует признать, что «двуфункциональное» употребление ь, утверждаемое рассматриваемым предложением, является аргументом не в его пользу. «Решающая основная функция ь — мягкость, и никак с точки зрения правильного построения алфавита нельзя приветствовать, чтобы один и тот же знак употреблялся в разных смыслах» (Л. В. Щерба 1936°). Было бы более рациональным употреблять такой единый разделительный знак, который не содержал бы никаких избыточных указаний и не вызывал бы ненужных «графических иллюзий» (см. предложения II и III). Указание же на мягкость в таких случаях, как *свинья*, *лью*, *перья*, не необходимо потому, что в положении перед йотом твердость—мягкость согласных не противопоставлена в одном и том же положении в слове.

□ **7а.** Поскольку «графическая иллюзия» смягчения неотделима от разделительного ь, с ней приходится практически считаться; есть случаи, когда именно из-за этой «иллюзии» замена ъ через ь представляется особенно нежелательной. Это написания типа *трехъязычный*, *двухъярусный*, *сверхъестественный* и в еще большей степени — *трансъевропейский*, *контръярус* и т. п. Написания типа *контрьярус* и пр. безусловно не нашли бы соответствия в существующих разновидностях произношения. В то же время

в силу некоторых особенностей, присущих данным образованиям (см. п. 7в), в этих случаях написание ь скорее может оказать воздействие на произношение, чем в «обычных» приставочных образованиях. Поэтому предложение о введении ь как единого разделительного знака целесообразнее всего сопроводить другим предложением — об отмене его употребления в образованиях определенного типа, что имеет свои отрицательные стороны (см. предложения В IIа и IIб). Практически далеко не все сторонники рассматриваемого предложения учитывали это (см. выше).

■ **7б.** В то же время намеченное разграничение между образованиями, в которых сохраняется разделительный знак, и теми, где предлагается его отменить, оказывается вполне целесообразным, так как оно согласуется с определенными языковыми фактами. Употребление и неупотребление разделительного знака оказалось бы в определенном соответствии с тем, как сейчас разграничены написания с *ы* и с *и* после твердой согласной предшествующей морфемы. Сфера использования разделительного знака совпадала бы со сферой использования «графической мены» *и—ы* для обозначения твердости согласной предшествующей морфемы; ср. *есть — разъесть* и *играть — сыграть*, а также *подъехать* и *подыскать*, *предъюбилейный* и *предыюльский* и пр. Случаи, где разделительный знак не использовался бы, полностью соответствовали бы тем, где сохраняется *и*: *сверхестественный*, *трехязычный*, *паневропейский*, *оргединица*, *детясли* и *сверхизысканный*, *трехимпульсный*, *панисламизм*, *пединститут* и т. п. В силу различий, существующих в языке между приставочными образованиями типа *разыграть*, *подыскать* и образованиями с так называемыми иноязычными приставками, приставкой *сверх-*, сложными и сложносокращенными словами, есть основания сохранить стихийно сложившееся в практике разграничение написаний с *ы* и с *и* (см. соответствующий раздел, А I, п. 1в). Отсюда следует и целесообразность намечаемого разграничения случаев использования и неиспользования разделительного знака на морфологических стыках.

■ **7в.** В связи с затронутыми сейчас случаями встает вопрос о границах применения слогового принципа, характерного для русской графики. Написания типа *панисламизм*, *пединститут* и *сверхестественный*, *детясли* в равной мере означают отказ от этого принципа. Это вполне согласуется с такими написаниями вновь появляющихся слов (пока еще немногочисленных), как *костьутиль*, *мельуправление*, *костьэкспорт*, *связьиздат*, в которых нарушение слогового принципа особенно явно: сочетания «мягкая согласная+гласная» переданы в этих случаях не с помощью букв *ю*, *е*, *и* (*костютиль* и пр.), а сочетаниями «согласная+ь+немаркированный член буквенной пары для гласной». Именно наличие таких написаний способствовало бы тому, что в случаях

типа *трехъязычный*, *контръярус* (если бы эти написания были приняты) ъ понимался бы как знак мягкости (ср. возможное образование *сельясли*, где ь, безусловно, не разделительный знак).

Из всего сказанного следует, что ограничение в использовании разделительного знака, которое диктуется выбором ъ как единого знака, оказывается целесообразным с точки зрения системных орфографических соотношений, вполне согласующимся с определенными современными языковыми фактами.

■ 8. Для реализации данного предложения требуется изменить относительно немного написаний.

II. Для сигнализации йота после согласных употреблять перед *я*, *ю*, *е*, *ё*, *и* только букву ъ; писать: *пъю*, *шъю*, *ружъё*, *налъю*, *перъя*, *улъи*, *соловъи*, так же как: *объявить*, *съезд*, *адъютант* (Дискуссия 1954; Дискуссия 1962, 1962°, 1962 *; Дискуссия 1964, 1964 *).

■ **1.** См. предложение I, п. 1.

■ **2а.** См. предложение I, п. 2а, 3а.

□ **2б.** Замена ь через ъ привела бы в некоторых случаях к неотражению на письме того, что есть в языке (см. предложение I, п. 2б).

□ **2в.** Замена ь через ъ нарушила бы соответствие *е*—ь и *о*—ъ (см. предложение I, п. 3б).

□ **3а.** В отличие от предыдущего данное предложение не ведет к уменьшению числа букв алфавита.

■ **3б.** Однако буква ъ становится достаточно частотной для того, чтобы оправдать ее наличие в алфавите. Разумеется, этот довод сам по себе не имеет решающей силы. Важно установить, насколько предлагаемое использование ъ целесообразно в других отношениях.

■ **4а.** С принятием данного предложения было бы достигнуто строгое разграничение функций между буквами ъ и ь: первая употреблялась бы как разделительный знак (следовало бы так и называть эту букву) во всех случаях, когда это требуется, вторая — как мягкий знак (при одновременном принятии данного предложения и отмене ь после шипящих — *мыш*, *спряч* и пр. буква ь стала бы полностью «однофункциональной»). В силу этого разделительный знак не должен был бы вызывать графическую ассоциацию с обозначением твердости—мягкости. Как уже говорилось, в функцию разделительных ъ, ь не входит обозначение твердости—мягкости предшествующего согласного, и то, что в *налью*, *перья* и т. п. ь «одновременно смягчает», является всего-навсего «графической иллюзией», следствием употребления этой буквы в двух разных функциях. Употребление как разделительного знака только ъ устраняло бы эту иллюзию, т. е. наилучшим образом выявляло бы истинную функцию этого знака.

В проекте 1930 г. приводится следующая аргументация в пользу ь как единого разделительного знака: «Необходимо иметь в виду, что ни буква ь, которая в других случаях служит у нас знаком мягкости, ни ъ, которую мы по традиции считаем «твердым знаком», уже не должны обозначать ни твердости, ни мягкости в тех случаях, когда они служат отделительными знаками». И далее: «Что касается буквы ь, то, если она в середине слов выполняет роль отделительного знака независимо от твердости или мягкости предшествующей согласной, она вполне может выполнить эту роль и в приставках и сложных словах, тоже независимо от твердого или мягкого произношения. . .» Фактически это рассуждение должно было бы привести к выводу, что в функции разделительного знака следует употреблять букву, не вызывающую ассоциации с обозначением твердости—мягкости.

□ **4б.** Однако иллюзия, что разделительный ь «одновременно смягчает», очень прочна, и преодолеть ее было бы нелегко. В частности, очень трудно было бы воспринять новые написания *лъя*, *лъю*, *лъё*: *улъя*, *налъю*, *лъём*; высказано даже мнение, что в таких случаях невозможно было бы обойтись одним разделительным ъ, что «такое слово, как *льешь*, пришлось бы писать *льъешь*» (Э.И. Биргер 1962).

■ **5а.** Употребление ъ в качестве единого знака не требует сужения сферы употребления разделительных знаков и даже допускает ее расширение (см. предложение В Iа).

□ **5б.** Однако, как выяснено выше (см. предложение I, п. 7б и 7в), диктуемое введением ь в качестве единого знака сужение сферы употребления разделительных знаков целесообразно с точки зрения применяемых в русской орфографической системе приемов и в связи с отражением на письме некоторых языковых соотношений.

□ **6.** Надо было бы изменить много написаний, причем, это было бы связано с существенной ломкой прочных навыков чтения, нарушением привычных графических ассоциаций. В частности, пришлось бы привыкнуть к соотносительности написаний *ъя — иа*, *ъе — ие* и др., вместо современных *ья — иа*, *ье — ие* (*фортепъяно — фортепиано*, *воскресенъе — воскресение* и т. п.).

□ **7.** Нежелательным было бы появление графического сочетания *ъи* (*воробъи*), тем более, что существовало раньше (и изредка встречается до сих пор) сочетание *ъи*, наполненное иным «звуковым содержанием» (*предъидущий*, *объизвествление*).

III. Для сигнализации йота после согласных употреблять перед *я*, *ю*, *е*, *ё*, *и* знак «'» (апостроф); писать: *с'езд*, *под'езд*, *от'ехать*, *об'явление*, *ад'ютант*, *двух'ярусный*, *в'юга*, *осен'ю*, *ш'ю*, *руж'е*, *ноч'ю*, *мыш'ю*, *вороб'и*, *кур'ер*, *бар'ер* (Г. С. Михайлов-Мучкин

1905; Р. Теверовская 1926; А. М. Суворовский 1927; Дискуссия 1929; Дискуссия 1962, 1962*; Дискуссия 1964*).

■ **1.** См. предложение I, п. 1.

■ **2а.** См. предложение I, п. 2а, 3а.

□ **2б.** Замена разделительных ъ и ь апострофом привела бы к неотражению на письме некоторых языковых фактов (см. предложение I, п. 2б).

■ **3а.** Предложение ведет к исключению из алфавита буквы ъ.

□ **3б.** Однако вместо нее вводится другой знак, причем такой, который необычен для русской графики и неудобен при употреблении: «. . . Апостроф неудобен тем, что требует отрыва руки при письме, что замедляет процесс писания». «Невыгодно и то, что этот знак должен ставиться вверху, над строкой, а не на строке. . .» (Проект 1930). «Применять апостроф вместо твердого знака было бы провалом с разных точек зрения. Почему? Твердый знак лучше апострофа, потому что за ним историческая традиция в смысле удобства письма, в смысле графического восприятия, так что представить этот знак в виде апострофа гораздо хуже» (А. А. Реформатский 1936°).

■ **3в.** Высказано, однако, мнение, что апостроф не так уж неудобен, тем более, что в русском алфавите есть буква с надстрочным знаком ◡, тоже требующим отрыва руки при письме (Е. Д. Поливанов 1927). «В скорописи замедления не произойдет, так как разобщающий значок будет ставиться с движением руки вперед, а не назад, как надстрочные, встречаться же будет приблизительно в 50 раз реже того же ◡» (В. Кв. 1900).

□ **3г.** Но именно в скорописи (т. е. в рукописных текстах) апостроф неудобен, так как его можно спутать с запятой на предыдущей строке. Так как он разрывает слово пробелом, возможны недоразумения (так например, приставку можно спутать с предлогом).

■ **4а.** К употреблению апострофа как единого разделительного знака можно отнести то, что сказано об употреблении в этой функции как единого знака буквы ъ (см. предложение II, п. 4а). Возможно, было бы даже легче привыкнуть к замене написаний типа *налью*, *перья* и пр. через *нал'ю*, *пер'я* (чем через *налъю*, *перъя*), поскольку был бы введен совершенно новый, не ассоциирующийся с прежним способ сигнализации йота.

□ **4б.** Но все же, вероятно, желание видеть обозначение мягкости там, где был разделительный ь, могло бы сказываться. Характерно, что некоторые реформаторы русской графики, предлагавшие ввести *j*, не могли решиться в таких случаях отказаться от ь: *мильјон* (Р. Ф. Брандт 1881), *бьју* (В. Куницкий 1901), *льјот*, *разгульјо*, *сеньју* (Ф. Е. Корш 1902).

□ 5. «Это очень изменило бы внешний вид нашего письма и печати и, стало быть, затруднило бы чтение» (Проект 1930). Потребовалось бы приобрести и новые навыки письма.

Б. Предложения, не вводящие единого разделительного знака

I. Заменить разделительный ъ знаком «'» (апострофом); писать: *с'езд*, *об'явление*, *от'ехать*, *кон'юнктура* и т. п., но: *семья*, *ружье*, *лью* и пр. (*П. Л. Яковлев 1828*; *В. Г. Белинский 1845*; Комиссия 1862; В. Кв. 1900; Дискуссия 1904; Е. Д. Поливанов 1927; Л. В. Щерба 1936°; Дискуссия 1954; Дискуссия 1962, 1962*; Дискуссия 1964*).

Примечание. В практике 20-х годов стихийно устанавливалось такое употребление апострофа (см. историческую справку).

□ **1.** Предложение не устраняет трудное практически и немотивированное лингвистически употребление двух знаков для сигнализации йота после согласных (см. предложение А I).

■ **2а.** См. предложение А III, п. 3а, 3в.

□ **2б.** См. предложение А III, п. 3б, 3г.

■ **3.** Реализация предложения, очевидно, не была бы сопряжена с большими трудностями (поскольку оно стихийно осуществлялось). Изменение внешнего вида письма было бы гораздо менее значительно, чем при реализации предложения А III.

II. Заменить разделительный ъ дефисом (черточкой); писать: *в-езд*, *из-яснение*, *об-являть*, *с-езд*, *с-есть* (В. С. Подшивалов 1816; *П. Л. Яковлев 1828*; Дискуссия 1862; К. А. Сорокин 1903; Дискуссия 1904; Дискуссия 1929).

□ **1.** См. предложение I, п. 1.

■ **2а.** Предложение дает возможность исключить из алфавита ъ.

□ **2б.** Однако это достигается введением совершенно непривычного для русского письма употребления дефиса, имеющего в нашем правописании свое «особое значение» (Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904; Постановления Орфографической подкомиссии 1912). «. . . Этот знак имеет в нашем правописании свое иное определенное значение» (Проект 1930).

□ **3.** Предлагаемое употребление дефиса «излишне замедляло бы самый процесс писания» (Постановления Орфографической подкомиссии 1912).

III. Сохранив употребление в разделительной функции ь и ъ, установить иное разграничение между ними: употреблять после приставок *сверх-*, *меж-* и «иноязычных приставок», а также в сложных и сложносокращенных словах ъ, в остальных случаях — ь;

писать: *сверхъестественный*, *межъярусный*, *панъевропейский*, *трансъевропейский*, *контръярус*, *инъязовцы*, *комъячейка* и *подъезд*, *обьем*, *изьявить*, *дизьюнкция*, *иньекция*, *обьект*, *субьект*, *адьютант*, *отьявленный* (Дискуссия 1962°).

□ **1а.** Сохраняется два разделительных знака и, следовательно, правило, разграничивающее их употребление.

■ **1б.** Однако это разграничение более мотивированно: граница между ь и ъ проходит там же, где признано целесообразным провести границу употребления разделительного знака при введении единого знака ь (см. предложение А I, п. 7б, 7в).

□ **1в.** Но разделительный ъ предлагается употреблять как раз в тех случаях, где есть основания отказаться от употребления разделительного знака.

□ **2.** Предложение предполагает распространение разделительных знаков на более широкий круг образований, а более отвечающей языковым явлениям следует признать отмену их употребления в ряде случаев (см. предложение А I, п. 7б, 7в).

□ **3а.** Буква ъ не устраняется, но становится еще менее частотной, что делает ее положение в алфавите еще более шатким.

■ **3б.** Впрочем, при условии принятия одного из предложений, вводящих сочетание *ъи* при передаче ‹и› после твердой согласной предшествующей морфемы (см. предложения А IV и Б II в соответствующем разделе), частотность ъ несколько повышается. Поскольку между данным предложением о разделительном ъ и предложениями о введении *ъи* есть определенная соотносительность, принятие одного из этих предложений сделало бы более целесообразным и данное предложение.

□ **3в.** Но предложения о введении *ъи* мало реальны по ряду причин (см. их анализ в соответствующем разделе).

В. Предложения, имеющие в виду расширить или сузить сферу применения разделительных знаков

Iа. Распространить употребление разделительного знака на образования с так называемыми иноязычными приставками и сложносокращенные слова; писать: *контръярус*, *панъевропейский*, *трансъевропейский*, *детъясли*, *главъювелир*, *госъюръиздат*, *инъязовцы*, *комъячейка* (П. Шишов 1954; Дискуссия 1962°).

Примечание. Практически это предложение относилось только к разделительному ъ; оно возможно как при сохранении двух разделительных знаков (в традиционном разграничении или при изменении их соотношения; см. предложение Б III), так и при введении единого ъ (этот случай в материале не представлен).

■ **1а.** Употребление ъ в этих образованиях обеспечивает сигнализацию йота; при написаниях без ъ ничто не указывает на наличие йота после согласной.

□ **1б.** Однако понимание особенностей структуры таких слов, имеющих в первой части побочное ударение (*дѐтясли*), способствует их правильному произношению и без указания на наличие йота с помощью ъ.

□ **2.** Предложение исключается, если в качестве единого разделительного знака вводится ь (см. предложение А I, п. 7а).

□ **3.** Данное предложение идет вразрез с тенденцией ограничить сферу употребления разделительного знака образованиями определенного типа, основываясь на языковых фактах (см. предложение А I, п. 7б и 7в).

Iб. Распространить употребление разделительного знака на образования с так называемыми иноязычными приставками, но не употреблять его в сложносокращенных словах; писать: *контръярус*, *панъевропейский*, *трансъевропейский*, но: *детясли*, *комячейка*, *главювелирторг*, *оргединица* и т. п. (Проекты свода 1940—1955; Свод 1956).

Примечание. Практически это предложение извлечено из тех источников, которые в остальных случаях рекомендуют сохранять традиционные написания с разделительными ъ и ь.

Данное предложение представляет собой лишь менее последовательный вариант предложения Iа. Поэтому к сказанному при оценке предыдущего предложения можно добавить еще то, что данным вариантом устанавливается ничем не оправданное различие в передаче очень близких по характеру образований: *трансъевропейский*, но *комячейка*, *детясли* и пр.

IIа. Отменить употребление разделительного знака в словах с *сверх-*, *меж-*, *двух-*, *трех-*, *пан-* и др., не вводя иного способа сигнализации йота; писать: *сверхестественный*, *межярусный*, *двухязычный*, *трехярусный*, *паневропейский* и пр., так же как *детясли*, *комячейка* и т. п. (Предложения Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1962°; Э. И. Биргер 1962; В. Ф. Иванова 1963; В. И. Орехов 1963*; Проект 1964).

Примечание. Это предложение встретилось только как сопровождающее другое: ввести ь в качестве единого разделительного знака.

■ **1.** Отмена разделительного знака в словах перечисленных разрядов настоятельно диктуется предложением ввести ь в качестве единого разделительного знака (см. предложение А I, п. 7а).

■ **2.** Устанавливаемое разграничение между случаями использования и неиспользования разделительных знаков согласуется

с языковыми соотношениями и используемыми в русском письме графическими приемами (см. предложение А I, п. 7б и 7в).

□ **3а.** Нежелательно то, что в написаниях типа *двухязычный*, *паневропейский* никак не сигнализируется наличие йота.

■ **3б.** Однако отсутствие такого указания, так же как в случаях со сложносокращенными словами, должно компенсироваться правильным восприятием структуры подобных образований. Они тоже имеют побочное ударение в первой части (*трѐх(ъ)язы́чный*, *пàн(ъ)европе́йский*), и это должно способствовать правильному произношению. «До введения «Правил» слово *паневропейский* писалось без ъ, однако нежелательного слияния *н* и *е* не получилось, потому что читающий привык воспринимать и выделять первую часть слова *пан-* в таких словах, как *панамериканский*, *паназиатский* и т. п. То же самое в словах *двухъярусный*, *сверхъестественный* при существовании *двухэтажный*, *сверхурочный*. . .» (Э. И. Биргер 1962).

□ **4а.** Написания типа *межярусный* нарушают графическое правило об употреблении гласных букв после шипящих.

■ **4б.** Но это правило связано со слоговым принципом русской графики; *межярусный* принадлежит к той категории образований, при передаче которых на письме слоговой принцип нарушается (см. выше, предложение А I, п. 7в).

IIб. Отменить употребление разделительного знака в словах со *сверх-*, *меж-*, *двух-*, *трех-*, *пан-* и др., введя для них, а также для сложносокращенных слов дефисные написания; писать: *сверх-естественный*, *меж-ярусный*, *двух-ярусный*, *трех-язычный*, *пан-европейский*, *транс-европейский*, *ком-ячейка*, *ин-язовцы* и т. п. (Предложения Института русского языка 1962; Дискуссия 1962°; Дискуссия 1964, 1964°).

Примечание. Это предложение также сопровождает предложение ввести ь в качестве единого разделительного знака.

■ **1.** См. предложение IIа, п. 1.

■ **2.** См. предложение IIа, п. 2.

■ **3а.** Дефисные написания обеспечивают сигнализацию йота.

□ **3б.** Такое употребление дефиса должно быть согласовано с другими случаями использования этого знака. Чтобы решить, можно ли принять данное предложение, необходимо выяснить функции дефиса в русской орфографической системе (см. подробнее в разделе «Передача ‹и› после твердой согласной предшествующей морфемы», предложение Б III).

ПЕРЕДАЧА ФОНЕМЫ ‹о› ПОСЛЕ ПАРНО-МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ И В СОЧЕТАНИИ С ПРЕДШЕСТВУЮЩИМ ‹j› (буква ё и ее графические эквиваленты)

Историческая справка

Как известно, в русском алфавите имеется двойной набор букв для обозначения гласных фонем. Среди них особую судьбу имеет буквенная пара для фонемы ‹о›.

Парные буквы для гласных фонем восходят к кирилловскому алфавиту. Но в русском языке древнейшей письменной эпохи фонема ‹о› не выступала после мягких согласных; поэтому в то время не нужна была буква, которая относилась бы к *о* так же, как относится *я* (а в кириллице — *ꙗ*) к *а*, *ю* к *у* и т. д. Потребность в такой букве возникла после того, как в русском языке произошел так называемый переход [э] в [о]: звук [э] изменялся в [о] после мягких согласных (ими были в то время все шипящие — в том числе *ж*, *ш* — и *ц*) на конце слова и перед твердыми согласными, но оставался без изменения перед мягкими согласными (этим объясняются такие современные соотношения, как ‹с'ол›*а* — ‹с'эл'›*ский*, *п*‹чол›*ы* — *п*‹чэл'›*ник*, ‹жон›*ы* — ‹жэн'›*ится* и т. п.). В литературном языке результаты перехода [э] в [о] сохраняются только в ударном положении.

Орфография несколько столетий не имела средств для передачи появившихся в результате этого изменения сочетания ‹jо› и ‹о› после мягких согласных, имеющих твердые пары. После букв, обозначающих шипящие и ‹ц›, т. е. согласные фонемы, не имеющие пар по твердости-мягкости, можно было употреблять букву *о*, прибегая, например, к написаниям *пчолы*, *плечо* вместо этимологически правильных, но не отражающих нового звукового состава этих слов *пчелы*, *плече* [1]. После букв, передающих парно-мягкие согласные, а также для передачи фонемного сочетания ‹jо› буква *о* не могла использоваться, и поэтому такие слова, как *лед*, *мед*, *все*, *елка* и т. п., долгое время могли быть написаны только с *е*, хотя произносили их уже с [о]: [л'о́]*д*, [м'о́]*д*, *в*[с'о́], [jо́]*лка*.

Только в середине XVIII в. в практику вошло буквенное сочетание *i͡o*: *лi͡oд*, *всi͡o*, *i͡oж*. Оно просуществовало недолго: в 1797 г. Н. М. Карамзин ввел в употребление букву *ё*. Она использована им впервые в сборнике стихов «Аониды», где на стр. 176 при написании *слёзы* имеется примечание: «Буква *е* с двумя точками заменяет *i͡o*». Судьба изобретенной Карамзиным буквы своеобразна: она легко привилась и в течение более чем полутора столетий не выходит из употребления, но не стала настоящей буквенной па-

[1] О том, как эта возможность реализовалась, см. в исторической справке к разделу о передаче фонемы ‹о› после шипящих.

рой для *о*, такой, как *я* для *а*, *ю* для *у*. Это значит, что она почти никогда не употреблялась последовательно, т. е. во всех словах, где имеется сочетание ‹*jo*› или ‹*о*› после мягких согласных под ударением. Я. К. Грот так формулировал правила употребления буквы *ё*: «Двоеточие над *е* ставится только в редких случаях, именно: а) для яснейшего обозначения выговора, особенно для различения слов, одинаково пишущихся, например *ведро́* и *вёдро*, *признáет* и *признаёт*; б) в стихах, для более наглядного изображения рифмы, например *забот* и *гнёт*; в) в именах и вообще в словах иноязычных: *Лёве*, *манёвры*, *серьёзный*» (1876).

Если не считать индивидуальных попыток последовательно использовать букву *ё* (к числу первых относится опыт И. И. Лажечникова в издании 1838 г. романа «Басурман» — этом своеобразном «своде» орфографических новшеств), можно назвать лишь короткий период — с 1943 по 1947 г., когда эта буква считалась обязательной в школьной практике и в практике некоторых издательств (она была введена приказом Народного комиссара просвещения РСФСР от 24 декабря 1942 г.); в это время был выпущен справочник: «Употребление буквы *ё*» (1945 г.; сост. К. И. Былинский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев под ред. Н. Н. Никольского).

Между тем на протяжении последнего столетия при обсуждении орфографических проблем вопрос о букве *ё* или шире — о буквенной паре для *о* — занимал довольно большое место. Было (и есть до сих пор) немало защитников у буквы *ё* (к числу самых горячих относился Р. Ф. Брандт), не прекращаются и предложения о замене *ё* другими знаками.

До декрета о введении нового правописания справедливо связывались два вопроса: об отмене *ѣ* и о введении *ё*. Впервые об этом говорилось на орфографических совещаниях 1862 г., позднее это особенно подчеркивал Р. Ф. Брандт (1901). В «Постановлениях Орфографической подкомиссии» (1912) и в первой публикации декрета о введении нового правописания (1917) есть пункты о букве *ё*, употребление которой признается «желательным, но не обязательным»; при публикации декрета 1918 г. пункт о *ё* был снят.

Неоднократно говорилось о букве *ё* (или о другой букве в той же функции) как о необходимом члене русской графической системы. В 1862 г. В. Я. Стоюнин отмечал, что *ё* нужна «для представления полной системы русских гласных звуков». В 1874 г. М. А. Тулов писал: «Смотря на *я*, *ѣ*, *ю* как на слоги *йа*, *йэ*, *йу* и как на *ьа*, *ьэ*, *ьу*, где *ь* относится к смягчению предыдущей согласной, нельзя не заметить, что ряд этих начертаний не полон: в нем нет аналогичного знака для *йо*. . . Соединение *о* с предыдущею мягкою согласною мы выражаем через *ё* (*лёд*, *мёд*, *нёс*). Это *ё*, непричисленное, однако, нашею грамматикою к мягким гласным, хотя имеет на то такие же права, как и *я*, *ѣ*, *ю*, пополняет ряд сих последних и удовлетворяет требованиям принятого у нас правописания». Можно упомянуть также дискуссию о *ё* при обсуждении «Проекта реформ орфографии по работам Ленинградского лингвистического общества» на основании доклада Л. В. Щербы, когда пришли к заключению, что «какая-то буква для *ё* требуется сутью нашего алфавита» (1931).

Но все это не имело успеха. При работе над единым орфографическим сводом о *ё* сначала совсем забыли (в первом проекте свода 1936 г. о *ё* ничего не говорится), потом отвели этой букве такое же место, какое ей отводил Я. К. Грот. В статье 1937 г. А. А. Реформатский разъяснял, какое место занимает *ё* в современном письме: «Есть ли в русском алфавите буква *ё*? Нет. Существует лишь диакритический значок «умлаут» или «трема» (две точки над буквой), который употребляется для избежания возможных недоразумений, например для различения *все* и *всё*, *узнаем* и *узнаём*, *ведро* и *вёдро*. . .; для указания точного произношения малоизвестных слов (преимущественно имен собственных, например в названиях рек *Олёкма*, *Оленёк*; в транскрипции иноязычных названий *Кёльн* (Köln), *Бёрд* (Bird), *Исык-Кёль* (Ьsьq-Kөl) и т. п.» Такое положение существует и в настоящее время.

Далее рассматриваются предложения, относящиеся к проблеме буквенной пары к *о*. При этом выделены:

А. Предложения о введении графических знаков для употребления в функции буквенной пары к *о*.

Б. Предложения об употреблении буквы *ё*.

В данном разделе не рассматриваются предложения о замене буквой *ё* орфограммы *йо* и буквы *о* в сочетании *ьо*, служащих для передачи ‹jo› в заимствованных словах (*майор*, *бульон*); см. об этом в разделе «Написание заимствованных слов».

Предложения

А. Графические знаки, предлагавшиеся для употребления в функции буквенной пары к *о*

а. Знаки, известные в реальном употреблении

I. В функции буквенной пары к *о* ввести букву *ё* (*е* с двумя точками): *слёзы*, *ёлка* (Н. М. Карамзин 1797).

□ **1.** По начертанию это не самостоятельная буква, а разновидность буквы: буква *е* с дополнительным значком. Она легко превращается в факультативный буквенный вариант: употребляют, собственно, во всех случаях букву *е*, над которой ставят или не ставят две точки.

□ **2а.** Недостатком этой буквы является ее графическая связь с *е*. «. . . Во всем начертании нет ни малейшего сходства с буквою *о*, которую знак этот замещает» (И. И. Паульсон 1892).

■ **2б.** Однако в этом есть и преимущество, определяемое фактами истории языка. Я. К. Грот, критикуя предложение М. А. Тулова заменить *ё* через *ö*, писал, что «переход *е* в *ё* чрезвычайно много говорит в пользу начертания *ё*: ибо в русском языке звук, соответствующий этому начертанию, иначе и не является, как вследствие обращения, по известным законам, *е* в *ё*. Пока в русской азбуке будет оставаться в силе система, по которой мы пишем в двояком значении *я*, *е*, *ѣ*, *ю* (вместо *йа*, *йэ*, *йу* и вместо ᵇ*а*, ᵇ*э*, ᵇ*у*), до тех пор и для изображения звука *йо*, ᵇ*о* трудно придумать начертание лучше *ё*» (1876). Р. Ф. Брандт писал, что М. А. Тулов «напрасно не ценит этимологический смысл начертания *ё*, т. е. заключающееся в нем указание на происхождение соответственного звука из *е*. . .» (1881).

И без ссылки на этимологию, а исходя лишь из живых соотношений литературного языка, можно заключить, что в графическом облике *ё* есть преимущества: фонемы ‹э› и ‹о› после мягких согласных в современной системе обнаруживают явные морфонологические связи, выступают в определенных соотношениях (Р. И. Аванесов 1963°). Употребление *е* — *ё* в формах одного

слова (*село — сёла*) позволяет, сохраняя частичное тождество графического облика морфемы, точно обозначать фонемный состав слов с ‹о› после мягких согласных (хотя только под ударением).

□ **3а.** Буква *ё* неудобна для письма и печати. «. . . Частая постановка двух точек над *е* слишком задерживает письмо» (И. И. Паульсон 1892). «. . . Самая форма буквы *ё* (буква и две точки над ней) представляет собой несомненную сложность с точки зрения моторной деятельности пишущего: ведь написание этой часто употребляемой буквы требует трех раздельных приемов (буква, точка, точка), причем нужно каждый раз следить за тем, чтобы точки оказались симметрично поставленными над знаком буквы. Для прописной буквы постановка сверху двух точек связана с еще большим неудобством (*Ёж*, *Ёлка*), особенно в печатном тексте, где довольно часто приходится набирать слова сплошь прописным шрифтом. В общей системе русского письма, почти не знающего надстрочных знаков (у буквы *й* надстрочный знак проще, чем у *ё*), буква *ё* составляет весьма обременительное и, видимо, поэтому не вызывающее к себе симпатий исключение» (А. Б. Шапиро 1951).

■ **3б.** Однако, как отмечал Л. А. Булаховский, необходимость отрывать руку при письме не мешает употреблять украинское *і*, которое встречается чаще, чем русское *ё*. «Дело идет о просто странном виде «экономности», к слову сказать, опровергаемой в ее значении культурной практикой большинства отнюдь не плохих систем графики, в частности такой богатой надстрочными знаками, как чешская» (1954).

II. В функции буквенной пары к *о* употреблять лигатуру *i͡o*: *всi͡o*, *Семi͡он*, *Алi͡она*, *i͡ож* (В. Е. Адодуров 1737).

□ **1.** Это, собственно, не буква, а сочетание букв: употребление же буквенных сочетаний, функционально эквивалентных буквам, мало свойственно русскому письму.

■ **2а.** Графически *i͡o* ассоциируется с *о*, что находится в соответствии со звуковым значением этого знака.

□ **2б.** См. предложение I, п. 2б.

□ **3.** Это очень неудобный при употреблении знак. «Форма *i͡o*, хотя, в сущности, совершенно правильная, была тем неудобна, что восстановляла ту самую систему означения двугласных, от которой отступлено было для передачи двух остальных звуков этого рода (*я*, *е*); кроме того, *i͡o* слишком было похоже на *ю*» (Я. К. Грот 1876). Возможно, именно поэтому начертание *i͡o* «не принялось» (И. И. Паульсон 1892).

б. Знаки, предлагавшиеся вместо ё

I. В функции буквенной пары к *о* ввести букву *ѧ*: *ещѧ*, *всѧ*, *перевѧл* (Н. М. Тимаев 1856).

II. В функции буквенной пары к *о* ввести букву *ӧ*: *далӧк*, *убеждӧн* (М. А. Тулов 1874, 1881; Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964*).

III. В функции буквенной пары к *о* ввести букву *е̊*: *те̊лка*, *иде̊шь*, *несе̊м*, *е̊лка*, *вье̊т* (*И. И. Паульсон 1892*).

IV. В функции буквенной пары к *о* ввести букву *ѳ* или *ø* («перечеркнутое *о*»): *сѳла*, *поѳт* (В. Кв. 1900; Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964*[1]).

V. В функции буквенной пары к *о* ввести букву *ε* (греческий эпсилон): *лεд*, *всε*, *εлка*, *полεт* (А. Г. Герасимов 1901, 1903).

VI. В функции буквенной пары к *о* ввести букву *ӗ*: *лӗн*, *приӗмыш*, *звӗзды*, *щӗтка*, *надӗван* (Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964*).

VII. В функции буквенной пары к *о* ввести букву *ē*: *ēлка*, *сēла*, *мēд* (Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964*).

■ **1.** Предлагавшиеся буквы созданы на основе либо *о*, либо *е* — прибавлением к ним дополнительного элемента (кроме *ε*, которая лишь ассоциируется графически с *е*); по начертанию почти все они удобнее *ё*.

□ **2.** Но не настолько, чтобы заменять ими уже вошедшую в употребление букву. Р. Ф. Брандт писал по поводу предложения М. А. Тулова: «. . . К чему было общеизвестное *е* с двумя точками заменять таким же *о*(*ӧ*)? Я понял бы желание ввести для *jo* новое простое начертание, подобное уже существующим *я*, *е*, *ю* при *а*, *э*, *у*, но замена одного сложного знака другим не имеет никакой цели. . .» (1881).

Б. Употребление буквы *ё*

I. Употреблять букву *ё* последовательно при передаче всех слов, в которых представлена под ударением фонема ‹о› после мягких согласных или сочетание ‹jo›[2]: *овёс*, *осёл*, *лёд*, *мёд*, *ёлка*, *поёт* и т. п. (*Я. Деминский 1816*; И. И. Лажечников 1838; П. М. Перевлес-

[1] Некоторые из предлагавших этот знак ориентировались на реально существующие буквы (скандинавских алфавитов, карачаевского алфавита и др.), а также на начертание упраздненной фиты.

[2] Исключая заимствованные слова, в которых ‹jo› передается с помощью орфограмм *йо*, *ьо*. Это примечание относится и к следующим предложениям

ский 1842; В. А. Васильев 1843; Ф. Наливкин 1849; А. В. Семенов 1862; В. Я. Стоюнин 1862; Комиссия 1862; В. И. Новаковский 1872; Р. Ф. Брандт 1881, 1901, 1905, 1908; Л. Ф. Воеводский 1898; К. А. Сорокин 1903, 1907; *Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904*; Г. С. Михайлов-Мучкин 1905; *Постановления Орфографической подкомиссии 1912*; *Декрет 1917*; С. О. Карцевский 1937; Приказ Народного комиссара просвещения 1942; Л. А. Булаховский 1954; Дискуссия 1954; В. А. Трофимов 1957; Дискуссия 1962, 1962°, 1962*; А. А. Реформатский 1963°, 1964; А. А. Сиренко 1963; Дискуссия 1964*).

1а. Предлагаемое употребление *ё* способствует проведению фонематического принципа правописания, так как обеспечивает последовательное различение на письме фонем ‹о› и ‹э› после мягких согласных и ‹j› под ударением. При написании же *е* вместо *ё* этот принцип нарушается: см., например, *сел*, которое может соответствовать ‹с'эл› и ‹с'ол›.

Данное предложение одновременно обеспечивает и соблюдение фонетического принципа (здесь, как и во всех случаях, когда фонемы выступают в сильной позиции, фонематические и фонетические орфограммы совпадают). В ряде высказываний, которые отстаивают употребление буквы *ё* (или другой буквы в функции пары к *о*), либо подчеркивается антифонетический характер написаний с *е*, либо выражается в той или иной форме мысль о необходимости р а з л и ч а т ь на письме ‹о› и ‹э› после мягких согласных под ударением.

Р. Ф. Брандт обрушивался на неразличение на письме ‹э› и ‹о› после мягких согласных с позиций фонетического принципа правописания: «Однако писать *е*, где слышится *о*, есть столь грубое нарушение выговора, что против этого вопиют, заодно с моей фонетикой, также и обычаи современного, все-таки полузвукового письма. . .» (1905). Позже, формулируя требования «принципа удобочитаемости», Р. Ф. Брандт говорит о недопустимости неразличения *е* и *ё*: «Допуская некоторые звуковые неточности, наш принцип требует, однако, чтобы не писать одинаково, когда при тех же условиях возможен двоякий выговор, и верное чтение сразу представляется лишь тому, кто вышколен посредством долгих и постоянных упражнений. Так, непозволительно писать то же *е* в словах *сѣтка* и *тётка*, *осѣл* и *осёл*, *предмет* и *помёт*, *атлет* и *отлёт*, *вселенная* и *населённая*, *камергер* и *маркёр*, *колечки* и *королёчки*, *Сеня* и *Лёня* и т. п., т. е. вообще обязательно всегда различать *е* и *ё*» (1908).

И. А. Бодуэн де Куртенэ писал: «С точки зрения современного русского языкового мышления гораздо более смысла, чем различение *е* и *ѣ*, имело бы различение на письме фонемы [е] с предшествующим ей среднеязычным сближением от фонемы [о] с таким же предшествующим ей среднеязычным сближением, т. е.

постоянное различение графем *е* и *ё* (или какой-либо другой графемы с таковою же ассоциацией с произносительно-слуховыми представлениями)» (1912).

А. М. Пешковский оценивал орфографическое неразличение ‹э› и ‹о› после мягких согласных с точки зрения проанализированных им особенностей соотношения между устной и письменной речью. Из этих особенностей для правописания «вытекает возможность и легкость таких различений, которых в устном языке не существует. . .» Далее он пишет: «. . . В отношении отсутствия способа обозначения звука *о* после мягкости наше письмо представляет по сравнению с устным языком сдвиг, противоположный тому, который мы признали выше полезным. Мы видели, что письменный язык, располагая гораздо меньшими средствами выражения, чем устный язык (необозначение жестов, интонации, мимики), и в то же время нуждаясь в ускоренной воспринимаемости, принужден компенсировать свои дефекты целым рядом добавочных различений. Здесь же, наоборот, резкое различение устного языка не находит себе выражения в письменном» (1930).

□ **1б.** Однако «употребление под ударением *ё* и без ударения *е* в той же морфеме (*нёс — несла*, *озёра — озеро*, *зелёный — зелена*, *зелено*) противоречит фонематическому требованию о единстве написания в сильной и слабой позиции» (А. Н. Гвоздев 1960). Если проводить фонематический принцип до конца, требуется обозначать буквой, отличной от *е*, и ‹о› после мягких согласных в неударном положении. По отношению к *ё* это означало бы написания не только *сёла*, но и *сёло́*, не только *ружьё*, но и *пла́тьё*, *мо́рё*.

Эта мысль — что до конца последовательное употребление буквы *ё* требовало бы ее введения и для передачи ‹о› в безударном положении — высказывалось несколько раз в конце XIX—начале XX в. «Едва ли есть надежда, что начертание *ё* (resp. *о*) когда-либо введется в употребление (особенно в неударных слогах), но. . . мы полагаем. . ., что, например, *море*= (по строго выдержанному этимологическо-морфологическому принципу письма) *морё* или *мор*ꟲ*о*» (Н. Н. Бахтин 1892). «Смягченное *а* есть *я*; потому род. *поля*. Смягченное *о* есть *ё*; следовательно, им. пад. того же слова должен писаться *полё*. Скажут, что так, т. е. с *ё*, никто не говорит, а кто же говорит *мы́ло* с *о*? Если уже на то пошло, на Севере слышно и то и другое; но для нас важно следующее соображение: если мы, образованные люди, пишем *мыло* с *о*, как *стекло́*, и вводим последовательно в употребление *ё* в таких формах, как *копьё*, очевидно, что мы должны писать *полё*» (Ф. Е. Корш 1902). Р. Ф. Брандт писал о том, что желательно было бы допустить «истинно русское окончание *-ё*: *в морё*, *в полё*, *в горё*, на что намекал уже Н. Бахтин и что прямо предлагал, в несколько ином виде, академик Корш» (1905). Еще раз возвра-

щаясь к этому, он писал, что «следовало бы ввести также безударное *ё*, фонетически равное *я*: *синёё морё*, *морём*» (1908).

■ **1в.** Но введение «безударного *ё*» было бы связано с очень большими затруднениями. Потребовались бы новые навыки чтения: написание *ё* не было бы уже одновременным указанием места ударения. Нужно было бы привыкнуть читать «безударное *ё*» так же, как мы сейчас читаем безударное *е*: *сёло* как [с'и^{э}ло́], *морё* как [мо́р'ъ] и т. п.

В силу тех сложных соотношений, которые существуют в системе литературного языка между ‹о› и ‹э› после мягких согласных, во многих случаях было бы нелегко решить, с каким случаем употребления той же корневой морфемы под ударением следует соотносить данную безударную гласную; например: *селение* — при ‹с'о›*ла* и ‹с'э›*льский*; *веселиться* — при *ве*‹с'о›*лый* и *ве*‹с'э›*лье* и т. п. (ср. аналогичные затруднения при попытке писать всегда *о* после шипящих: не только *пчолы*, но и *пчолá*). Легче было бы ввести употребление *ё* в безударных флексиях: *кáмнём* — как *конём*, *плáтьём* — как *тряпьём*, *знáёт*, *рисýёт* — как *даёт*, *куёт*. (Не случайно сторонники «безударного *ё*» оперируют только примерами с ‹о› после мягких согласных в неударных флексиях).

Можно заключить, что орфографическое неразличение ‹о› и ‹э› после мягких согласных в неударных слогах, сложившееся в силу вполне понятных исторических причин и регулярно проводимое в русском письме, является неизбежным и практически непреодолимым отступлением от фонематического принципа. Поэтому употребление *ё* для обозначения ударного ‹о› после мягких согласных, практически осуществимое, не следует ставить в связь с возможным лишь теоретически «безударным *ё*».

■ **1г.** Возможно иное понимание требований фонематического принципа, из которого следует, что написание *е* вместо *ё* в безударном положении не должно квалифицироваться как отступление от этого принципа. «Предположим, две гласные фонемы нейтрализуются в безударных слогах, т. е. теряют свои различительные черты, совпадают в одном звуке. Предположим, далее, что в языке нет слов, разных по фонемному составу, которые из-за указанной нейтрализации совпадали бы в своем звучании. Нужно ли было бы в орфографической практике различать эти две фонемы в безударном положении? Никакой надобности в этом бы не было. И если обе фонемы изображались бы похоже, например одна фонема — буквой без диакритического значка, а другая — той же буквой с диакритическим значком, то практика письма непременно ввела бы упрощение: обе фонемы стали бы писаться одинаково, т. е. без диакритики. Не было бы стимула, чтобы усердствовать в их различении. Но именно так обстоит дело с фонемами ‹э› — ‹о› в безударных слогах после мягких согласных. Они в этой позиции нейтрализуются; и нет случаев, когда надо было бы раз-

личать омонимы с ‹э› — ‹о›. Поэтому наше письмо прекрасно обходится без *ё* в безударном положении.

Говорит ли это о том, что здесь безнадежно нарушается фонематический принцип? Говорит, если неверно формулировать этот принцип. Фонематическое письмо состоит не в том, чтобы передавать в с е различительные, непозиционные характеристики речи, а в том, чтобы передавать т о л ь к о их. Фонематическое письмо устанавливает «высший предел», сверх которого не нужно стремиться к точности в письменном изображении речи; но оно непосредственно не устанавливает нижнего предела. Поэтому можно не передавать словесное ударение (фонематическую единицу!), не разграничивать в некоторых случаях *е* и *ё* и т. д. При таком понимании фонематического принципа письма наличие написаний *вынес*, *несу* вовсе не нарушает фонемности нашей орфографии» (Дискуссия 1962°).

■ **2а.** Последовательное написание *ё* обеспечивало бы указание на правильное произношение слов с ‹о› после мягких согласных в ударном положении. Оно должно было бы способствовать сокращению числа таких отступлений от литературной нормы, как *афёра*, *атлёт*, *гренадёр*, *шлём*, *хребёт*, *опёка* и, с другой стороны, *белёсый*, *издёвка* (вместо правильных *афе́ра*, *атле́т*, *гренаде́р*, *шле́м*, *хребе́т*, *опе́ка* и *белёсый*, *издёвка*). Обеспечивалось бы указание на правильное произношение собственных имен (иноязычных и русских), например: *Кёльн*, *Гёте*, *Конёнков*, *Олёкма*, *Вёшенская*, *Але́хин* (не *Алёхин*) и т. п., а также малоизвестных слов (*фён*, *гёз*).

□ **2б.** Для случаев, перечисленных в предыдущем пункте, указание на правильное произношение обеспечивается и предложением II (см. ниже). Основную же массу слов с ‹о› после мягких согласных большинство читающих правильно произносит и при написаниях с *е* (а не с *ё*). Последовательное употребление *ё* как способ указания правильного произношения остро необходимо лишь для определенных категорий читающих — для тех, кто только овладевает навыками чтения, и для тех, кто изучает русский язык как неродной. В соответствующих учебных пособиях (в букварях, в учебниках для нерусских учащихся) буква *ё* употребляется последовательно, независимо от того, какие правила являются обязательными для основной массы выпускаемой печатной продукции.

□ **2в.** В тех случаях, когда произношение вызывает сомнение, требование последовательно употреблять *ё* привело бы к большим трудностям в практике печати. Так, очень нелегко (а в ряде случаев и невозможно) было бы решить вопрос о написании *ё* или *е* при издании текстов многих авторов XVIII—XIX вв. Р. Ф. Брандт сетовал, что «по вине нашего этимологического правописания»

можно в таких случаях «усумниться в намерениях автора. Как, спрашивается, Пушкин произносил 1-ю строфу своего знаменитого «Анчара», где при обыкновенном произношении не хватает одной рифмы? . . . Провинился ли поэт в этом месте мнимою, буквенною, рифмой или же он произносил *вселённая*, или, напротив того, — *раскаленной*?» (1901). В примере, который смутил Р. Ф. Брандта, пушкинское произношение, безусловно, можно установить (конечно, *раскалённой*, а не *вселённая*), но сколько найдется случаев, где оно неустановимо! (В частности, во всех его прозаических произведениях). И можно согласиться со следующим высказыванием Брандта: «Что орфография молчит относительно подобных вещей у Пушкина и других образцовых писателей — это отнюдь не заслуга» (1901).

Теперь уже невозможно восстановить то, о чем «орфография молчала» больше столетия. Очевидно, введение обязательного употребления *ё* в практике печати потребовало бы особых правил для изданий авторов XVIII—XIX вв. Но насколько можно было бы гарантировать их выполнение при массовости таких изданий?

■ **3а.** Обязательное употребление *ё* облегчало бы чтение и понимание текста, различение и узнавание слов по их письменному облику.

□ **3б.** Не следует все же слишком преувеличивать практическое значение последовательного употребления *ё*. «Терпимость орфографии к возникающим вследствие отсутствия буквы *ё* орфограммам объясняется тем, что таких орфограмм немного» (Н. С. Рождественский 1941). «Если число таких орфограмм, значение которых выявляется только из контекста, невелико, как это имеет место в данном случае в русском языке, то указанный недостаток графики мало ощутим. Неудивительно, что употребление буквы *ё* ограничено учебными пособиями» (Л. Р. Зиндер 1960). «Показательно, что, несмотря на всю обоснованность употребления *ё*, оно до сих пор не может завоевать себе места в нашей орфографии. Очевидно, практические требования не осложнять письмо берут верх над теоретическими мотивами относительно систематичности и последовательности письменного обозначения фонем» (А. Н. Гвоздев 1960).

■ **4а.** При последовательном употреблении *ё* письменный облик всех слов, включающих фонему ‹о› после мягких согласных в ударном слоге, содержал бы указание на место ударения. «Так, например, обозначение особой буквой гласного *о* в последнем слоге кратких причастий типа *перенесён*, *переведён*, *заплетён* указывало бы читателю, что. . . этот слог должен быть ударяемым (неправильное произношение таких причастных форм, как *перенёсен*, *перевёден* и т. п., приходится слышать довольно часто).

Наоборот, в формах женского и среднего рода и множественного числа написание в тех же причастиях буквы *е* указывало бы, что их следует произносить с гласным *э* неударяемым (ударение должно быть на окончании): *перенесена́*, *переведена́*, *переплетена́*, *перенесено́*, *перенесены́* и т. д. (диалектные *перенесёна*, *перевезёна*, *перенесёно*, *переведёно*, *перенесёны*, *переведёны* и т. п. также нередко переносятся в литературную речь)» (А. Б. Шапиро 1951).

□ **4б.** Однако в связи с этим возникли бы и затруднения. Система русского письма в целом не требует от пишущих фиксирования места ударения в словах. С введением обязательного употребления *ё* это требовалось бы при написании всех слов, в которых ударение падает на слог с ‹о› после мягких согласных. Слова и формы, имеющие двоякое ударение, могли бы и писаться двояко, и в этих случаях пишущие должны были бы привыкнуть производить выбор между двумя акцентными вариантами: *повторённый* или *повторенный*, *взвихрённый* или *взвихренный*, *раздроблённый* или *раздробленный*, *гравёр* или *гравер*, *планёр* или *планер*, *дрёма* или *дрема*, *окунёвый* или *окуневый*, *тополёвый* или *тополевый*, *пёстро* или *пестро*, *мёртвы* или *мертвы*, *твёрды* или *тверды* и мн. др. В отдельных случаях пишущим пришлось бы устанавливать, имеется ли в слове второе (побочное) ударение: *трёхэтажный* или *трехэтажный*, *мёртворождённый* или *мертворождённый*, *пёстротканый* или *пестротканый*, *тёмно-красный* или *темно-красный* и т. п.

□ **4в.** Распространено мнение, что написания, в которых оказывается сигнализированным место ударения (к ним принадлежат, например, все прилагательные на *-ой*: *валовой*, *языковой*, *подвижной*, некоторые суффиксальные прилагательные: *грошовый*, *парчовый* и др.), относятся к достоинствам русского письма. Но поскольку системой русского правописания в целом обозначение места ударения не предусмотрено, такие написания можно считать скорее недостатком: по отношению к закономерностям русского ударения совокупность этих написаний (и тем самым совокупность слов с обозначенным ударением) случайна, для пишущих же с ними связаны определенные трудности.

■ **5.** При обязательном употреблении *ё* можно счесть вполне реальными и практически приемлемыми некоторые частные орфографические предложения.

а) Неоднократно выдвигалось предложение употреблять для обозначения ‹о› после шипящих только *е*, совершенно устранив написания с *о*. Это предложение резко антифонематично (и поэтому совершенно неприемлемо) при факультативности *ё*. При обязательном употреблении *ё* все существенные недостатки этого предложения устраняются. Написания *щека — щёки*, *человечек — крючёк*, *грушей — душёй*, *вяжет — ржёт* и т. п. противоре-

чили бы фонематическому принципу не больше, чем написания, реализующие другое (также последовательное) предложение: *щека — щоки*, *человечек — крючок*, *грушей — душой*, *вяжет — ржот*. При этом написания с *ё* обеспечивали бы сохранение частичного тождества графического облика морфем.

б) Для передачи ‹jo› в заимствованных словах применяются орфограммы, никогда не используемые в русских словах: *йо* (*йод*, *майор*), *ьо* после согласной (*бульон*, *каньон*). Не раз выдвигалось предложение заменить эти специфические орфограммы обычными (*ёд*, *маёр*, *бульён*, *каньён*). Этим уменьшалось бы число частных правил. При обязательном употреблении *ё* предложение более осуществимо, чем при факультативности этой буквы (и, следовательно, при возможности написаний *ед*, *маер*, *бульен*, *каньен*).

□ **6а.** Обязательное употребление *ё* осложнило бы школьную практику: внимание учителей было бы постоянно направлено на проверку наличия «точек над *е*», непостановку точек приходилось бы считать за ошибку (или нужны были бы особые оговорки).

■ **6б.** Этого можно избежать, признав употребление *ё* абсолютно обязательным только в печати, а в рукописных текстах — лишь желательным (Р. И. Аванесов 1963°).

II. Употреблять букву *ё* при передаче слов, в которых представлена под ударением фонема ‹о› после мягких согласных или сочетание ‹jo›, только в необходимых случаях: а) для предупреждения неправильного понимания слова: *всё* в отличие от *все*, *нёбо* в отличие от *небо* и т. п.; б) для предупреждения неправильного произношения: *белёсый*, *издёвка* (а не *белéсый*, *издéвка*); в) для указания на правильное произношение малознакомого слова или собственного имени: *гёз*, *фён*, *Конёнков*, *Кёльн* и т. п. (Я. К. Грот 1876; Проекты свода 1936_2—1955; Дискуссия 1954; Свод 1956; Дискуссия 1962°; Проект 1964).

Примечание. Собственно, употребление буквы *ё* в практике при ее необязательности означает не что иное, как стремление следовать данному правилу.

□ **1.** Данное правило не обеспечивает проведения фонематического принципа (фонемы ‹о› и ‹э› в ударном положении различаются только в определенных случаях). Оно не проводит и никакого другого принципа правописания.

■ **2а.** При условии строгого соблюдения данного правила сохраняется почти все ценное, что дает предыдущее предложение (см. п. 2а и 3а), и не возникает трудностей, связанных с последовательным употреблением *ё* (см. п. 2в, 4б, 6а).

□ **2б.** Но дело как раз в том, что данное предложение практически трудно осуществимо. «. . .Рекомендованное „Правилами русской орфографии и пунктуации“ написание *ё* с целью установления

различий между словами и их формами не соблюдается даже в самых необходимых случаях. Проявляется сила инерции в орфографии: там, где буква *ё* не обозначается в силу необязательности, она не обозначается и вопреки явной необходимости» (А. А. Сиренко 1963).

□ **3а.** При обязательном употреблении *ё* повышается информация, которую несут написания с *е*; в этом случае написание *афера* не может иметь звуковое значение *а*[ф'о]*ра*. При данном правиле, даже если соблюдать его последовательно, любое написание с *е* может быть прочтено так же, как написание с *ё*.

Поэтому читатель не застрахован от неправильного прочтения отдельных слов в недостаточно ясных случаях. Это касается, например, *все* и *всё*. «Спасением из положения едва ли будет, если мы в „сомнительных" случаях будем писать *всё*. Этим способом мы можем заставить читателя прочесть *всё*, когда контекст подсказывает *все*; но никак не удастся заставить прочесть *все*, если по контексту вероятнее оказывается чтение *всё*. Глаз читателя, привыкший в начертании *все* видеть *всё*, здесь именно так и прочтет, и читатель не обязан догадываться, что в данном случае ему необходимо делать грамматический разбор и обнаруживать, что данное место „сомнительное", и потому начертание *все* в данном случае имеет дифференциальное значение» (Б. В. Томашевский 1927[1]).

■ **3б.** Недостаточная информация написаний с *е* при «необязательном *ё*» может быть восполнена в необходимых случаях дополнительными графическими средствами. См., например, как решена эта задача Г. А. Гуковским в изданиях басен Крылова 1936, 1938 и 1940 гг. (в Детгизе):

Велеть молчать — так власти нет,
Просил — так просьба не *берёт*.
Придумал наконец и за соседом *шлёт*.

(«Откупщик и сапожник»)

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не *пойдёт*

(«Лебедь, щука и рак»)

Если не обозначить графически «не-*ё*» современный читатель (несмотря на рифму!) может прочесть привычно для себя: *бе*[р'о́]*т*, *ш*[л'о́]*т*, *пой*[д'о́]*т*.

А вот другое графическое решение той же задачи:

Знать за все мои молитвы за *слёзные*,
Вить гнездо тебе, моя орлица *безгнёздная*!

(М. Цветаева. Царь-девица. М., 1922)

[1] См.: Б. В. Томашевский. Писатель и книга. М., 1959, стр. 213 (работа была впервые опубликована в 1927 г.).

Обозначение «не-ё» особенно необходимо в таких случаях, как смутившая Р. Ф. Брандта рифма из пушкинского «Анчара»:

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем *раскаленной*,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей *вселенной*.

Современный читатель, только дойдя до слова *вселенной*, понимает, что двумя строками выше надо было прочесть *раска*[л'э]*нной*, а не привычное *раска*[л'о]*нной*. Иное дело, если бы было напечатано *раскалённой* или *раскалённой*.

III. Совсем не употреблять букву *ё*; все слова, в которых представлена под ударением фонема ⟨о⟩ после мягких согласных или сочетание ⟨jo⟩, писать с буквой *е* (Г. П. Павский 1841; Дискуссия 1962, 1962*; Дискуссия 1964*).

■ **1.** «Если ставить две точки везде, где слышен выговор *ĵo*, то написание будет слишком пестро; если же ставить их только в немногих словах, то чем эти слова заслужили отличие перед прочими, в которых тот же звук слышен?... Для избежания многих несообразностей и обоюдностей не лучше ли принять за правило, чтобы правописание везде постоянно ставило гласную *е*? Пусть сам выговор по своим законам произносит ее то за *е*, то за *ĵo*, то за *о*. Если наше правописание во многих случаях не склоняется на сторону выговора, то и здесь нет ему нужды быть уступчивым. Будем писать: *ель*, *елка*, *щеть*, *щетка*, а произносить будем: *ель*, *ĵолка*, *щеть*, *щотка*» (Г. П. Павский 1841).

□ **2.** Все, что можно возразить на это, уже высказано при разборе предыдущих предложений.

ПЕРЕДАЧА ГЛАСНЫХ ПОСЛЕ ШИПЯЩИХ И ‹ц›

ФОНЕМЫ ‹и›, ‹а›, ‹у›, ‹э›

Историческая справка

В русском письме XVIII—XX вв. передача ‹а›, ‹у›, ‹э› после шипящих и ‹ц› и ‹и› после шипящих не связана ни с какими колебаниями и непоследовательностями. Орфограммы *жа*, *ша*, *ча*, *ща*, *ца*, *жу*, *шу*, *чу*, *щу*, *цу*, *же*, *ше*, *че*, *ще*, *це*, *жи*, *ши*, *чи*, *щи* на протяжении всего рассматриваемого периода употребляются устойчиво и последовательно (если исключить передачу некоторых заимствованных слов и собственных имен типа *жюри*, *брошюра*, *Жюль*, *Цюрих*, *Коцюбинский*, *Цявловский* и пр.). Орфограммы *жи*, *ши*, для древнерусского письма строго фонетические, в современном письме могут быть расценены как традиционные (этимологические, исторические), если рассматривать их с точки зрения происхождения. Если же подойти к ним синхронно, они, поддержанные другими орфограммами, в общей системе русской графики оказываются фонематическими (см. ниже в анализе предложений).

С передачей ‹и› после ‹ц› дело обстоит иначе. В русском письме рано сложилась последовательная передача ‹ци› как *цы* в тех случаях, когда ‹и› принадлежит окончанию или суффиксу: *огурцы*, *лисицы*, *бледнолицый*, *сестрицын* и пр. Написание *цы* в корнях утвердилось лишь в ранних заимствованиях; слова, которые заимствовались в более позднее время, писались с *ци*. Я. К. Грот утвердил эти написания: *цикорий*, *цилиндр*, *цитадель*, *медицина*, *капуцин*, но *цыбик*, *цыган*, *цыганка*, *цыфирь* (однако *цифра* и *циферблат*).

В дальнейшем написания с *ы* сохранялись в практике для небольшой группы корней (около 10). В своде 1956 г. число этих исключений было уменьшено до 4 (*цыган*, *цыпленок*, *на цыпочках*, *цыц*).

Предлагается следующее деление:

А. Передача фонемы ‹и› после ‹ц›.

Б. Передача фонемы ‹и› после ‹ж›, ‹ш›.

В. Передача фонем ‹а›, ‹у› после ‹ч›, ‹щ›.

Г. Передача фонемы ‹э› после ‹ц›, ‹ж›, ‹ш›.

Это означает, что во многих случаях реально выдвигавшиеся предложения расчленяются на два и более; например, предложение писать *жы*, *шы*, *цы* расчленяется на два, предложение писать *жы*, *шы*, *цы* и *чя*, *щя*, *чю*, *щу* — на три и т. д. Если рассматривать предложения в том виде, как они выдвигались отдельными авторами, получится примерно следующая картина.

1. Писать *цы*, *жы*, *шы* и *чя*, *щя*, *чю*, *щю* (при сохранении *чи*, *щи* и *жа*, *ша*, *жу*, *шу*). Сюда может входить также предложение писать *чё*, *щё* (при *жо*, *шо*). Некоторые варианты этого предложения содержат требование писать *жэ*, *шэ*, *цэ* (при *че*, *ще*).

Это предложение означает не что иное, как последовательное проведение фонетического принципа в выборе членов буквенных пар при передаче гласных после шипящих и ‹ц›. Варианты его определяются исключительно большей или меньшей последовательностью авторов в проведении этого принципа. Самые последовательные предлагают исходить из фонетического принципа и при написании ь после шипящих: *мечь*, *ночь*, *мощь*, *лещь*, *спрячь*, *тучь*, *рощь*, но *мыш*, *рож*, *нож*, *знаеш*, *настеж* и пр.

2. Писать *цы*, *жы*, *шы*. Это предложение проводит единый принцип только в отношении передачи ‹и› после шипящих и ‹ц›.

3. Предложения, касающиеся передачи ‹ци›: писать всегда *цы* или всегда *ци*; сохранив два написания, упорядочить соотношение между ними.

Из этого перечня можно установить, что в представленной выше схеме порядок следования пунктов учитывает соотношение реально выдвигавшихся предложений. Предложения о передаче ‹и› после ‹ц› являются самыми «независимыми», поскольку они могут исходить из стремления упорядочить лишь соотношение между орфограммами *цы* и *ци*; из того, что предложено, например, писать *цы*, еще не следует, что одновременно предлагается изменить передачу ‹и› после ‹ж›, ‹ш›. Между тем написания *жы*, *шы* как правило предлагаются одновременно с написанием *цы* [1]; никогда не предлагалось писать *чя*, *щя*, *чю*, *щю*, если одновременно не предлагалось *цы*, *жы*, *шы* и т. д. (абстрактная логическая схема в данном случае находится в полном соответствии с реальными фактами).

Приведенная выше схема представляется более удобным способом анализа лингвистического существа выдвигавшихся предложений, чем рассмотрение их в соответствии с тем, как они выделены и сформулированы у отдельных авторов (в этом случае пришлось бы объединить не только предложения, касающиеся передачи ‹о› и других гласных после шипящих и ‹ц›, но и присоединить к ним предложения, относящиеся к употреблению ь после шипящих). Намеченная схема не мешает учесть системные соотношения между отдельными предложениями.

Следует оговорить также, что в данный раздел не включены предложения, касающиеся орфограмм *шю*, *жю*.

---

[1] Это дает право считать, что Ф. Е. Корш предлагал писать *цы*, хотя в текстах, из которых взяты сведения о предлагавшихся им орфографических новшествах, встречаются только слова с *жы*, *шы*.

Предложения

А. Передача фонемы ‹и› после ‹ц›

I. Фонему ‹и› после ‹ц› всегда передавать как *ы*; писать: *цыкорий*, *цытадель*, *цытата*, *станцыя*, *лекцыя*, *соцыализм*, *революцыя*, *цырк* и т. п. (*А. И. Смирнов 1885*; *К. Г. Житомирский 1894*, Л. Ф. Воеводский 1898; Р. Ф. Брандт 1901; А. Г. Герасимов 1901, 1903; Проект Московского педагогического общества 1901; Ф. Е. Корш 1902; Предложения педагогического отделения русского литературного кружка в Риге 1902; Проект Казанского педагогического общества 1902; Дискуссия 1904°; К. А. Сорокин 1907; В. И. Попов 1916; А. М. Топоров 1929; Проект 1930; Предложения Ленинградского лингвистического общества 1931; С. О. Карцевский 1937; Дискуссия 1954; Дискуссия 1962, 1962*; Дискуссия 1964, 1964°, 1964*).

■ **1а.** Правило последовательно, оно дает полную унификацию, не оставляет исключений; по сравнению со всеми существовавшими правилами представляет собой облегчение для пишущих.

□ **1б.** Однако понадобились бы специальные указания для таких случаев, как *спецздание*, *канцзделия*, *кварцизлучение*; написание их по данному правилу (*спецыздание*, *канцызделия*) привело бы к изменению внешнего облика второй морфемы, что для образований такого типа необычно. Правда, таких слов очень немного.

□ **1в.** Кроме того, единое написание *цы* не дает возможности сформулировать общее правило передачи ‹и› после всех непарнотвердых согласных: оно вступает в противоречие с написаниями *ши*, *жи*. Написание *цы* не соответствует и принятой передаче ‹а›, ‹у› после ‹ч›, ‹щ› (см. подробнее в п. 2б).

■ **1г.** См. предложение II, п. 1в.

□ **1д.** См. предложение II, п. 1г.

■ **2а.** Предложение исходит из фонетического принципа в выборе члена буквенной пары для обозначения гласной после согласной, непарной по твердости—мягкости: предлагается писать *ы*, чтобы отразить реальную твердость ‹ц› (фонематически незначимую, так как нет соответствующей мягкой согласной).

□ **2б.** В русском письме в этих случаях господствует фонематический принцип: пишется последовательно *жи*, *ши*, *ча*, *ща*, *чу*, *щу*, во многих случаях *чо*, *що*, а не *чё*, *щё*. В перечисленных орфограммах после букв, передающих непарные по твердости—мягкости согласные, употреблены основные (немаркированные) члены буквенных пар для гласных: *и* (из пары *и*—*ы*), *а* (*а*—*я*), *у* (*у*—*ю*), *о* (*о*—*ё*) — те, которые употребляются при передаче этих гласных фонем в независимом положении — в начале слова (Н. Н. Дурново

1930; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров 1930). Таким образом, предлагаемые написания вступают в противоречие с принципом, преобладающим в русской графике.

■ **3а.** Считается, что написание *цы* особенно хорошо тем, что оно точно отражает произношение: многие думают, что написания, основанные на произношении, усваиваются без всяких правил и поэтому максимально облегчают положение пишущих.

Примечание. Следует учесть, что в начале XX в. одним из вариантов литературной нормы было произношение [ц'] (мягкого звука [ц]) в заимствованных словах на *-ция*: *лек*[ц'и]*я*, *Фран*[ц'и]*я* (Р. Ф. Брандт 1901; Дискуссия 1904°). Произношение с [ц'] слов на *-ция*, *-ционный*, *-циональный* указано у Л. В. Щербы (1942—1943). Именно поэтому предложение о написании *цы* в комиссии 1904 г. сопровождалось оговоркой: признать варианты написаний с *ци* в соответствии с произношением.

□ **3б.** Легкость усвоения той или иной орфограммы зависит от ее места в общей системе. Именно система в целом может быть причиной того, что «трудное окажется легким, а легкое трудным» (А. М. Пешковский 1930). Для русского письма фонетические орфограммы нехарактерны. Поэтому написание *цы* с точки зрения легкости усвоения преимуществами не обладает.

□ **4а.** Принятие рассматриваемого предложения привело бы к осложнению правил написания падежных флексий существительных (Дискуссия 1954). Сейчас в дат.-предл. п. ед. ч. существительных ж. р. на *-а*(*-я*) и в предл. п. ед. ч. существительных м. и ср. р. флексии передаются как *-и* при предшествующей букве *и*: *к* (*на*) *линии*, *к* (*о*) *революции*, *о гении*, *о патриции* и т. п. С введением единого написания *цы* появились бы слова на *-цыя*, *-цый*: *революцыя*, *станцыя*, *патрицый*, *кальцый* и т. п. (сейчас есть только одно существительное на *-ыя*: *выя*). Как следовало бы передавать флексии дат.-предл. и предл. п. ед. ч. после буквы *ы*, которая появилась бы вместо *и*? Писать по-прежнему *и*: *на станцыи*, *о кальцыи*? Тогда правило должно было бы быть сформулировано не так, как теперь, оно перестало бы быть механически простым. А если бы правило было сохранено (*и* во флексии пишется только после *и*) надо было бы писать: *о кальцые*, *о станцые* (ср. *о вые*). Это значило бы, что изменилось бы написание флексий большого числа существительных (слов на *-ция* в русском языке несколько сотен).

■ **4б.** Не раз предлагалось ликвидировать особое правило написания флексий существительных на *-ий*, *-ия*, *-ие*, т. е. писать: *на линие*, *о пролетарие*, *о здание* и т. д. При условии принятия этого предложения введение *цы* не привело бы к отмеченному осложнению: писалось бы по общему правилу: *на станцые*, *о кальцые* и пр.

■ **5а.** Для реализации предложения не пришлось бы затронуть такие частотные написания, как флексии им.-вин. п. мн. ч. существительных на *-ец*: *огурцы*, *ленинградцы*, *комсомольцы* и т. п. Остались бы без изменения и написания ряда флексий и суффикса *-ын*

прилагательных: *бледнолицый*, *бледнолицых*, *куцыми*, *сестрицын*, *лисицын* и др.

□ **5б.** Но надо изменить написание почти всех корней, а также аффиксального элемента *-ция*, оформляющего многочисленные иноязычные заимствования: *цывилизацыя*, *революцыя*, *электрификацыя* и т. п. Общее число подлежащих изменению написаний очень значительно.

□ **5в.** А если стремиться к последовательности в общей системе, надо изменить множество других орфограмм; писать: *шы*, *жы*, *чя*, *щя*, *чю*, *щю* и т. д. (см. выше).

Iа. Фонему ‹и› после ‹ц› передавать как *ы*, сделав исключение для слов на *-ия*, *-ий*; писать: *птицы*, *сестрицын*, *цыган*, *цыфра*, *соцыализм*, но *лекция*, *революция*, *сестерций* (О. Н. Леонидов 1955; Б. В. Горнунг 1963°).

□ **1а.** В отличие от предыдущего, это правило непоследовательно.

■ **1б.** Правда, оно немного легче действующего, так как не требует запоминания отдельных исключений.

□ **2.** Правило не проводит никакого единого принципа — ни фонетического, ни фонематического.

■ **3.** В этом случае не возникло бы осложнения, о котором говорилось в п. 4а предыдущего предложения.

■ **4.** Для реализации этого предложения по сравнению с предыдущим требуется изменить меньше написаний.

II. Фонему ‹и› после ‹ц› всегда передавать как *и*; писать: *цыган*, *цыпленок*, *цыц*, *лисицин*, *сестрицин*, *длиннолицый*, *птици*, *огурци* и т. п. (*А. И. Смирнов 1885*; Н. Ф. Яковлев 1928; Н. Н. Дурново 1930; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров 1930; *А. Б. Шапиро 1951*; Дискуссия 1954, 1954*; Предложения Института русского языка 1962; *Предложения Академии педагогических наук 1962*°; Дискуссия 1962, 1962*; Проект 1964; Дискуссия 1964*).

■ **1а.** Правило так же последовательно, как и правило I (причем не возникает осложнений, о которых сказано в п. 1б).

■ **1б.** При этом появляется возможность сформулировать общее правило передачи ‹и› после ‹ж›, ‹ш›, ‹ц› и — еще шире — общее правило передачи гласных ‹и›, ‹а›, ‹у› после ‹ж›, ‹ш›, ‹ц›, ‹ч›, ‹щ› («после букв *ж*, *ш*, *ц*, *ч*, *щ* пишутся *и*, *а*, *у*, а не *ы*, *я*, *ю*»).

□ **1в.** Но почему следует в этом случае стремиться к единству? Достаточны ли основания для объединения ‹ц› с твердыми шипящими ‹ж›, ‹ш›? Между этими согласными есть не только сходство, но и различия. Существительные м. р. с основами на ‹ц› имеют в род. п. мн. ч. окончание *-ов* (*отцов*, *огурцов*), а существи-

тельные на ‹ж›, ‹ш› — окончание *-ей* (*ножей*, *шалашей*). Если писать *отци*, *огурци*, появляется соотношение флексий *-и* — *-ов* вместо привычного *-ы* — *-ов*, представленного в существительных с твердыми основами: *столы* — *столов* и пр. А чтобы сохранить привычное письменное соотношение, надо принять новую форму род. п. мн. ч. существительных с вновь появившимся *ци* на конце: *огурци* — *огурцей* (Дискуссия 1964, 1964°, 1964*).

Есть и другие различия. В русском языке нет существительных III склонения с основами на ‹ц›, тогда как основы на ‹ж›, ‹ш› в этой категории представлены (*рожь*, *мышь*). Нет и глагольных форм на ‹ц›, аналогичных *отрежь*, *намажь*, *потешь* и т. п. (Дискуссия 1964*).

■ **1г.** Все это верно. Приведены факты, убедительно показывающие, что ‹ц›, с одной стороны, и ‹ж›, ‹ш› — с другой, м о р ф о н о л о г и ч е с к и неравноценны. Действительно, их место в системе чередований различно: ‹ц› сближается с задненебными согласными ‹к›, ‹г›, ‹х› (ср. *заяц* — *зайчонок* и *волк* — *волчонок*, *пастух* — *пастушонок*; *ресница* — *ресничка* и *рука* — *ручка*, *нога* — *ножка*, *муха* — *мушка*), тогда как ‹ж›, ‹ш› выступают в одних разрядах с фонемой ‹ч›, «сменяющей» ‹к›, ‹ц› (это видно из приведенных примеров).

Но ф о н о л о г и ч е с к и ‹ц› и ‹ж›, ‹ш› равноценны: все три согласные фонемы являются непарно-твердыми. В орфографии же, построенной на фонемной основе, существенно отражать именно фонологическое сходство, а не морфонологические различия.

Что же касается письменного соотношения *-и* (им.-вин. п. мн. ч.) — *-ов* (род. п. мн. ч.), появляющегося с введением написаний *отци*, *огурци*, то оно отнюдь не ново: такое соотношение представлено в написаниях форм существительных с основами на ‹к›, ‹г›, ‹х›: *колхозники* — *колхозников*, *пироги* — *пирогов*, *орехи* — *орехов*. Так как конечное ‹к› имеют существительные нескольких продуктивных суффиксальных разрядов (*-ик*, *-ник*, *-чик*, *-щик* и их производные), соотношение *-и* — *-ов* очень частотно.

Конечно, совершенно неосновательно предположение, что чисто орфографическое изменение — написание *и* вместо *ы* в формах им. п. мн. ч. существительных с основами на *ц* — должно повлечь за собой в род. п. мн. ч. этих существительных замену флексии *-ов* флексией *-ей* (*огурцей* вместо *огурцов*), т. е. изменение уже не орфографическое, а языковое (Дискуссия 1964°).

■ **2.** При выборе члена буквенной пары данное предложение исходит из преобладающего в русской графической системе фонематического принципа.

□ **3а.** Распространено мнение, что введение *ци* там, где привычно *цы* (особенно в формах мн. ч. существительных: *отци*, *птици* вместо *отцы*, *птицы*), не пройдет бесследно для русского литературного произношения, тем более, что [ц'] (мягкий звук [ц]) не совсем чужд ему: и сейчас еще встречается у людей, вполне владеющих литературным языком, произношение *лек*[ц']*ия*, *революю*[ц']*ия*, которое в начале XIX в. было в пределах литературной нормы (см. примечание к предложению I, п. 3а). Кроме того, звук [ц'] встречается в русских говорах и представлен в близкородственном украинском языке. При наличии таких серьезных предпосылок для распространения [ц'] в литературном языке введение написания *ци* может оказаться толчком, который приведет к языковым изменениям. Ссылаются также на то, что при едином написании *ци* нерусским, изучающим русский язык, было бы труднее, чем сейчас, усвоить правильное произношение звука [ц] (Дискуссия 1964, 1964°, 1964*).

■ **3б.** Эти опасения лишены оснований. Орфограмма *ци* не является новой для русского письма. Характерно, что колебания между написаниями с *цы* и *ци* отдельных слов никогда не сопровождались колебаниями в их произношении. Переход в 1956 г. от *цы* к *ци* в написании нескольких корней, как известно, не привел к произношению соответствующих слов с [ц'].

Устарелое литературное произношение с [ц'] не было обусловлено орфографией: так произносились не все слова с *ци*, а лишь заимствования с суффиксальными элементами, находившими параллель в суффиксах других языков. Произносили *лек*[ц']*ия*, *революю*[ц']*ионный*, *эмо*[ц']*иональный* и т. п. главным образом те, кто хорошо владел иностранными языками: очевидно, они ясно представляли себе при этом звучание суффикса *-tion* (с [с'] во французском языке, с [ц'] — в немецком).

Надо учесть еще следующее. Письменное противопоставление *цы* — *ци* позволяет «заподозрить», что за этими орфограммами скрываются языковые различия; требуются некоторые усилия, чтобы удостовериться в чисто орфографическом характере этого противопоставления. При едином написании этой трудности не остается; изучающему русский язык как иностранный в этом случае легче воспринять указание, что русское [ц] всегда твердо, чем при разнобое *цы* — *ци*. А поскольку на фоне общей системы русской графики не требуется, чтобы это единое написание содержало специальное указание на твердость [ц], написание *ци* оказывается наилучшим из решений вопроса.

Можно сослаться еще на тот факт, что последовательное написание *и* после *ж*, *ш* не помешало отвердению звуков [ж], [ш] в литературном языке, и в настоящее время никто не высказывает опасения, что эти написания могут «помочь» проникновению

в литературное произношение диалектных мягких [ж'], [ш']. (Дискуссия 1964°).

□ **4а.** Для реализации предложения требуется изменить частотные написания флексий существительных (не затрагиваемые предыдущим предложением), а также написания флексий и суффиксов прилагательных: *комсомольци*, *длиннолицими*, *лисицин* и т. п.

■ **4б.** Но написания подавляющего большинства корней, а также элемента *-ция* иноязычных заимствований остаются без изменений.

■ **5.** С принятием этого предложения не возникает необходимости в целях последовательности изменять другие написания. В предлагаемом правиле осуществляется тот же принцип, что и в действующих правилах о написании *и*, *а*, *о*, *у* после *ж*, *ш*, *ч*, *щ*.

III. Фонему ‹и› после ‹ц› передавать в корнях как *и*, во флексиях существительных и прилагательных — как *ы*; писать: *панцирь*, *цинга*, *циновка*, *циган*, *циц*, *ципленок*, *ципочки*, но: *сестрицы*, *отцы*, *концы*, *бледнолицый* (Дискуссия 1954, 1954*; *А. Б. Шапиро 1956*; Дискуссия 1962; 1962*; Дискуссия 1964, 1964°, 1964*).

Примечания. 1. Так как данное предложение отличается от правила 1956 г. написанием всего четырех корней, оно сформулировано у многих как предложение ликвидировать исключения *цыган*, *цыпленок*, *на цыпочках*, *цыц*.

2. Формулировка этого предложения не учитывает разных рекомендаций для суффикса притяжательных прилагательных; одни авторы предлагают писать *сестрицын*, другие — *сестрицин*.

■ **1.** Предлагаемое правило имеет преимущество перед действующим и тем более перед тем, которое действовало до 1956 г., так как оно более логично.

□ **2.** В выборе члена буквенной пары правило не проводит никакого принципа.

■ **3.** Для реализации предложения требуется изменить написания всего четырех корней (если писать *сестрицин* и т. п., изменению подлежит несколько большее число написаний).

Б. Передача фонемы ‹и› после ‹ж›, ‹ш›

I. Фонему ‹и› после ‹ж›, ‹ш› передавать как *ы*; писать: *жыр*, *жыть*, *жыла*, *сушыть*, *шыть*, *нашы* и т. п.; но после буквенных сочетаний *зж*, *жж*, передающих ‹ж̧›, писать *и*: *приезжий*, *дрожжи*, *жужжит*; ср., однако, *разжырел*, *разжылся*, где *зж* не передает ‹ж̧› (Р. Ф. Брандт 1901; А. Г. Герасимов 1901, 1903; Проект Московского педагогического общества 1901; Ф. Е. Корш 1902; Предложения педагогического отделения русского литературного кружка в Риге 1902; Проект Казанского педагогического общества 1902; Дискуссия 1904°; К. А. Сорокин 1907; А. В. Мир-

тов 1927; А. М. Топоров 1929; Проект 1930; Предложения Ленинградского лингвистического общества 1931; С. О. Карцевский 1937; Дискуссия 1954, 1954*; Дискуссия 1962, 1962*; Б. В. Горнунг 1963°; Дискуссия 1964, 1964*).

Примечание. Написание *и* после *зж*, *жж*, передающих ‹жˇ›, оговорено лишь в немногих предложениях. Отсутствие такой оговорки может быть отнесено за счет недостаточно детальной формулировки предложения, но может означать и то, что авторы предполагают написания *вожжы*, *приезжый* и пр. При анализе учтена эта возможность.

■ **1а.** Правило последовательно охватывает все написания.

□ **1б.** Однако если писать *и* после *зж*, *жж*, притом не всяких, а только таких, которые передают ‹жˇ› (*приезжий*, *дрожжи*, но *разжырел*, *кожжыртрест*), последовательного правила не получается.

□ **1в.** Кроме того, «это предложение разрушает другую последовательность — одинакового написания *и* после всех шипящих — и притом без особой надобности» (Н. Н. Дурново 1930).

□ **1г.** Непоследовательность вводимого правила усугубляется еще тем, что потребовались бы специальные оговорки для таких случаев, как *межинститутский*, *межирригационный*, *кожизделия*, *кожимитация*, *кожимит* и т. п. (ср. предложение А I, п. 1б). Правда, таких слов (как и с *ц*) немного.

□ **1д.** В то же время данным правилом предлагается заменить правило действительно последовательное. «Вместо существующего единообразного написания буквы *и* после шипящих предлагается писать *ы* в одних случаях, *и* в других. Поэтому введение этого правила не только не облегчит правописания, но и внесет новые затруднения» (Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров 1930).

□ **2.** Предлагаемые написания, исходящие из фонетического принципа в выборе члена буквенной пары, вступают в противоречие с преобладающим в русской графике фонематическим принципом (ср. предложение А I, п. 2б).

■ **3а.** В пользу данного правила выдвигалось соображение, что оно непосредственно основывается на произношении и поэтому должно усваиваться легче, чем правило о написании *и* после *ж*, *ш*. Оно представляется даже вообще «не правилом»: «Очень просто. . . правило после *ж* и *ш* никогда не употреблять *ы*. . ., но еще проще ставить всегда *ы*. . ., ибо тогда будут писать по слуху, не усвояя никакого, хотя бы и легкого, правила» (Р. Ф. Брандт 1902). «. . . Если на усвоение этого правила [о написании *и* после *ж*, *ш*] тратится время, то зачем тратить и это немногое время на усвоение исторического, противоречащего произношению приема письма» (Проект 1930).

□ **3б.** См. предложение А I, п. 3б.

□ **3в.** К тому же при опоре на произношение существенное осложнение вносят случаи с *зж*, *жж*, так как есть два типа произношения в соответствии этим буквенным сочетаниям: традиционное московское [ж'] и более новое [ж]. «Вряд ли является общераспространенным в языке современного культурного слоя мягкое произношение протяжного *ж*, ради которого оставлено написание *и* (*вожжи*, но *жыр*)» (М. В. Ушаков 1930). Для тех, кому свойственно твердое произношение [ж], «тут создается для ряда слов просто исключение из общего правила о написании *жы*. Само по себе это было бы не страшно, потому что этих слов крайне мало. Но мы боимся, что закон „ложной аналогии" и тут возымеет свое действие, что по образцу *проезжий* станут писать *ножи* и т. д., и вместо упрощения получится усложнение» (А. М. Пешковский 1930).

Последовательное написание *ы* во всех случаях (*вожжы*, *дрожжы*, *приежжый*) означало бы несоответствие произношению тех лиц, которые произносят эти слова с мягким звуком [ж'].

□ **4а.** Предложение потребовало бы значительной ломки традиций: изменению подлежали бы все написания, относящиеся к данному правилу.

□ **4б.** А в целях последовательности следовало бы изменить множество других орфограмм (см. предложение А I, п. 5в).

II. Сохранить передачу фонемы ‹и› после ‹ж›, ‹ш› как *и*; писать по-прежнему: *жир*, *жить*, *жила*, *сушить*, *шить*, *наши* (А. И. Томсон 1903; Проект Одесского педагогического общества 1903; Дискуссия 1904°; Р. Ф. Брандт 1908; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров 1930; Н. Н. Дурново 1930; А. М. Пешковский 1930; М. В. Ушаков 1930).

См. аргументы против предыдущего предложения, которые являются одновременно аргументами за это предложение.

В. Передача фонем ‹а›, ‹у› после ‹ч›, ‹щ›

I. Фонемы ‹а›, ‹у› после ‹ч›, ‹щ› передавать как *я*, *ю*; писать; *чяй*, *чюдо*, *щявель*, *щюка* и т. п. (*К. Г. Житомирский 1894*; Проект Казанского педагогического общества 1902; Дискуссия 1904°: А. М. Топоров 1929; Дискуссия 1929; С. О. Карцевский 1937; Дискуссия 1954; Дискуссия 1962, 1962*; Дискуссия 1964*).

■ **1а.** Правило последовательно охватывает все написания.

□ **1б.** Но оно предлагается взамен другого последовательного правила: писать всегда *ча*, *ща*, *чу*, *щу*.

□ **2.** При одновременном принятии данного предложения и предложений А I и Б I (а обычно они выдвигаются вместе; см. разъ-

яснение в исторической справке) в русской графике был бы последовательно проведен фонетический принцип выбора члена буквенной пары. Это бы противоречило общему характеру русского письма (которое в других случаях продолжало бы следовать фонематическому принципу).

■ **3а.** Считают, что данное правило легче действующего, так как написания *чя*, *щя*, *чю*, *щю* непосредственно определяются произношением.

□ **3б.** См. предложение А I, п. 3б.

□ **4.** Предложение ведет к значительной ломке принятых написаний.

II. Сохранить передачу фонем ‹а›, ‹у› после ‹ч›, ‹щ› как *а*, *у*; писать по-прежнему: *чай*, *чудо*, *щавель*, *щука* (Дискуссия 1904°; Дискуссия 1929; Проект 1930).

См. доводы против предыдущего предложения, являющиеся одновременно доводами за это предложение.

Г. Передача фонемы ‹э› после ‹ц›, ‹ж›, ‹ш›

I. Фонему ‹э› после ‹ц›, ‹ж›, ‹ш› передавать как *э*: писать: *цэна*, *цэпь*, *цэль*, *цэл*, *процэнт*, *жэсть*, *жэст*, *жэмчуг*, *шэптать*, *шэрсть*, *шэст* и т. п. (*Л. В. Щерба 1931*; Дискуссия 1954*, Дискуссия 1962, 1962*; Дискуссия 1964*).

□ **1.** Предлагается использовать букву *э* так, как будто *э—е* составляют буквенную пару, аналогичную *а—я*, *у—ю*. Но *э—е* такой пары не образует. Хотя *э* используется для обозначения ‹э› в начале слова (*е* в начале слова передает ‹jэ›), эта буква не может рассматриваться в полной мере как немаркированный член к *е*. В положении после согласных *э*, как правило, не используется, и относительно редкие в русском языке фонемные сочетания «твердая согласная +‹э›» передаются через *е* (впрочем, фонематическая твердость—мягкость согласных перед ‹э› вообще трудно определима).

□ **2.** Если бы буква *э* была «настоящей» парой к *е*, предложенное ее употребление означало бы проведение фонетического принципа в выборе члена буквенной пары. Данная выше оценка такого использования букв *ы*, *я*, *ю* может быть распространена и на этот случай.

ФОНЕМА ‹о›

ФОНЕМА ‹о› ПОСЛЕ ШИПЯЩИХ

Историческая справка

Уже в XVIII в. для обозначения ‹о› под ударением после шипящих *ш*, *ж*, *щ*, *ч* иногда использовали букву *о* (такие написания есть уже у М. В. Ломоносова), хотя преобладали исторически оправданные написания с буквой *е*. В известной степени они были оправданы и языковой практикой XVIII в., так как в высоком стиле господствовало произношение *обреченный*, *пращей* (тв. п. ед. ч.), *лжет* с [е] под ударением.

Но постепенно написания с буквой *о* после шипящих становились обычными для многих суффиксов и окончаний, особенно в тех случаях, когда эти морфемы писались с буквой *о* и после других согласных, нешипящих (ср. *плечо—окно*, *свежо—умно*, *пращой—стеной* и пр.). Однако разнобой в написаниях продолжался и в начале XIX в. Иногда с разными написаниями (типа *пращей — пращой*) связывались разные стилистические оттенки письменной речи (хотя читаться оба написания, по-видимому, могли уже одинаково). Неоднократно делались индивидуальные попытки ввести единообразие в эти написания. Например, И. И. Лажечников в первом издании романа «Басурман» (1838) достаточно последовательно обозначил ‹о› после шипящих под ударением буквой *о*: *чорный*, *шолковый*, *в чом*, *вошол*, *отягчонный*.

Я. К. Грот впервые дал регламентацию таких написаний (*ше*, *же*, *ще*, *че — шо*, *жо*, *що*, *чо*), которая получила широкое практическое применение. Он узаконил написание *о* во многих аффиксах; несмотря на запрещения грамматистов, эти написания стихийно распространялись в течение XIX в.

Правила, действовавшие после Я. К. Грота, постепенно уменьшали возможность вариантных написаний; однако такие написания существовали вплоть до 50-х годов нашего века (*жёлудь—жолудь*, *жолоб—жёлоб*, *жорнов—жёрнов*, *шопот—шёпот* и пр.). Сами правила представляли собой перечни плохо связанных между собой, лишенных единства указаний, с массой исключений и оговорок. Свод 1956 г. уменьшил число этих исключений и свел число колеблющихся, вариативных написаний к нулю; но правило, данное в своде, по-прежнему оказалось лишенным внутренней целостности (см. ниже).

Предложения

I. После шипящих согласных для обозначения ‹о› писать всегда *е*(*ё*): *шёрох*, *шёпот*, *чёрт*, *трущёба*, *вечёр*, *чёрный*, *ежёвый*, *ручёнка*, *медвежёнок*; *плечё*, *плечём*, *Кузьмичём*, *о чём*, *душёй*, *хорошё*, *свежё*, *обречённый*, *поражённый*, *лжёт*, *печёт*, *ушёл*, *чужёй*, *большёй*; *шептать*, *страшилище*, *Степановичем*, *плюшевый*, *ни к чему*, *назначенный*, *скачет*, *режет* (Г. П. Павский 1841; В. А. Васильев 1845; Н. Киров 1846; В. Головин 1862; В. Я. Стоюнин 1862; Комиссия 1862; А. Степович 1885; П. А. Селиванов 1904; Г. С. Михайлов-Мучкин 1905; А. Д. Ухов 1954; Дискуссия 1962, 1962°, 1962*; В. И. Орехов 1963; Дискуссия 1964, 1964*).

■ **1.** Предлагаемое правило изживает все исключения, дает полную унификацию; вместо многих правил (например, 14, введенных сводом 1956 г.) позволяет пользоваться одним правилом.

■ **2.** Такие написания отвечают морфологическому принципу русской орфографии, так как обеспечивают единообразное написание каждой морфемы.

■ **3.** Они также соответствуют историческому началу нашего письма: в русском языке старшей поры после шипящих могло следовать только *е* (не *о*); эти исторически обусловленные орфограммы в большинстве своем оказались очень устойчивыми и распространенными (Комиссия 1862, Я. К. Грот 1873).

Написание *е* после шипящих помогает уяснить систему исторических чередований русского языка: ср. *старик-старичек*, *пастух-пастушек*, *лгать-лжешь*, *обрекать-обреченный* и т. д. (П. А. Адамов 1892). Написание подсказывает условия, при которых исторически заднеязычные [к], [г], [х] были заменены шипящими (переднеязычными) [ч], [ж], [ш].

□ **4.** Предлагаемые написания нефонематичны. Поскольку русское письмо основано на фонемном принципе, то такие написания вступают в противоречие с другими написаниями, например с последовательным, устойчивым (и фонематически обоснованным) правописанием *цо* для обозначения ударных слогов.

■ **5а.** Если последовательно, всегда писать *ё* (не *е*) для передачи ‹о› под ударением после шипящих, то написание будет ясно указывать произношение.

□ **5б.** Однако маловероятно введение буквы *ё* в качестве обязательной; следовательно, написания типа *трущеба*, *ручeнка*, *шерох* и т. д. могут вызвать ошибки чтения.

«. . . Написания *ручeнка*, *ноженка*, *девченка*, *вечер* [вместо *вечор*] возбуждали бы мысль об ударении на первом слоге» (Л. В. Щерба 1911).

■ **5в.** Практическое неудобство подобных написаний, может быть, все же преувеличено. «Когда в бесчисленном множестве случаев этот обычай не мешает правильному произношению, то, естественно, что и после шипящих нет необходимости всякий раз означать на письме выговор, изменяющий *е* в *ё*» (Я. К. Грот 1876), т. е. написаниям *лед*, *нес*, *лен* вполне соответствуют написания *шел*, *крючек*, *шепот* и т. д.

Буквенное чередование *ё — е* (*лёд — ледяной*, *нёс — вынес* и т. п.) является очень частым в русском письме и привычным для пишущих; такое же чередование предлагается и для слов *шёпот — шептать*, *чёрт — чертей*, *вечер — вечёр* и пр. Введение этих написаний подготовлено, следовательно, уже существующими буквенными чередованиями (А. Д. Ухов 1954).

□ **6.** Это правило неудобно тем, что «создает целый ряд „ребусов“, например: *вечер*, *ты помнишь*, *вьюга злилась* (надо читать *вечор*), *уже я приду* (надо читать *ужо*), *чек*, *чехом*, *шев* (надо читать *чок*,

чохом, *шов*) и т. п.» (А. А. Реформатский 1937). Такие неразграниченные написания окажутся неизбежными при необязательности буквы *ё*.

□ **7.** «Если в корнях необычные написания с *е* охватят не свыше 10 случаев, то в суффиксах и окончаниях придется пишущим коренным образом переучиваться. . .» (А. А. Реформатский 1937). Например, придется «начать писать: *плечё*, *хорошё*, *большёй*, *чужёй*, на что, конечно, никто бы не согласился» (Я. К. Грот 1876).

Пришлось бы писать с буквой *е* слова *обжера*, *жех*, *чекнуться*, *зажера* и т. п., «т. е. такие, где всегда было устойчивым *о*» (С. П. Обнорский 1939).

□ **8.** Как видно из сказанного, предлагаемое правило предполагает использование буквы *ё* (см. п. 5а, 6). Но если считать в написаниях типа *чёрт*, *шёв*, *дружёк* обязательной букву *ё*, «тогда пришлось бы и после других согласных всякий раз отмечать измененное *е* двоеточием, что неудобно» (Я. К. Грот 1876).

Iа. После шипящих для обозначения ‹о› писать *ё*(*е*) во всех случаях, когда написание с *о* не установилось (В. И. Новаковский 1872; Я. К. Грот 1873).

□ **1.** Это предложение усиливает непоследовательность написаний для ‹о› после шипящих, увеличивает число исключений, так как применение правила прихотливо и непоследовательно ограничивается традицией.

□ **2.** Поскольку предлагаемое правило непоследовательно, оно не проводит ни фонематического, ни морфологического принципа.

□ **3.** Правило только отчасти сохраняет исторически обусловленные орфограммы.

■ **4.** «Ребусов» при указанном использовании правила не возникает, потому что слова, которые могут вызвать неверное понимание при письме их с буквой *е*, издавна устойчиво пишутся с *о* (*чохом*, *ужо* и пр.).

■ **5.** Не предполагается никакой ломки традиционных написаний.

Iб. После шипящих для обозначения ‹о› писать в корнях *ё*(*е*), когда написание с *о* не установилось (С. П. Обнорский 1944).

□ **1.** Правило непоследовательно: оно не вводит единого принципа написания *о*—*е* в корнях, суффиксах и окончаниях.

□ **2.** См. предложение Iа, п. 2.

□ **3.** См. предложение Iа, п. 3.

■ **4.** См. предложение Iа, п. 4.

■ **5.** Необычных написаний это предложение не предлагает. С буквой *о*, по мнению С. П. Обнорского, стали бы писаться такие слова, как *жох*, *шорох*, *чокаться*, *чохом*, но их немного; в большинстве слов написание *о—е* после шипящих в последние десятилетия часто менялось, и написания таких слов с *е* не будут казаться очень непривычными.

II. После шипящих согласных для обозначения ‹о› всегда (и под ударением, и без ударения) писать *о*: *шорох*, *шопот*, *чорт*, *трущоба*, *вечор*, *чорный*; *ежовый*, *ручонка*, *медвежонок*; *плечо*, *плечом*, *Кузьмичом*, *о чом*, *душой*, *хорошо*, *свежо*, *обречонный*, *поражонный*, *лжот*, *печот*, *ушол*, *шоптать*, *страшилищо*, *Степановичом*, *плюшовой*, *ни к чому*, *назначонный*, *скачот*, *режом* (Н. Н. Дурново 1930; М. В. Ушаков 1930; Дискуссия 1962°).

■ **1.** Это предложение также дает полную унификацию всех написаний.

■ **2.** Оно последовательно фонематично: фонему ‹о› в ударном и безударном положении предлагается передавать одной и той же буквой *о* (немаркированным членом буквенной пары *о—ё*).

■ **3.** При этом все написания отвечали бы морфологическому принципу русского письма.

□ **4а.** Обычный орфографический прием «пиши в неударяемом слоге после шипящего *о*, если в том же слоге под ударением произносится *о*», не может быть применен, так как «в ряде случаев неударяемый вариант корня может быть соотнесен не с одним, а в равной мере с двумя ударяемыми вариантами, например: *вы́жечь* — *с жёг* и с *жечь*; *жена́* — с *жёны* и с *же́нский*, *же́нщина*; *шепта́ть* — с *шо́пот* и с *ше́пчет*; *вы́шел* — с *шёл* и с *ушёдший*; *чертя́м* — с *чёрт* и с *че́рти* и т. п.» (А. Б. Шапиро 1951).

■ **4б.** Правописание этих слов тем не менее могло бы устанавливаться по ближайшему образованию (*чертей*, так как в том же мн. ч. *черти*; *жона*, так как в том же существительном *жоны* и т. д.).

□ **5.** При этом придется вырабатывать новые привычки чтения сочетаний *шо*, *жо* и под. До сих пор эти сочетания в безударных слогах читались только как [шо], [жо]: *шоссе*, *жокей*; чтение их как [шы^{э}], [жы^{э}] явилось бы полным новшеством.

□ **6.** Однако новых орфограмм при введении этого правила окажется очень большое число; оно предполагает серьезную ломку сложившегося письма.

III. После шипящих согласных для обозначения ‹о› всегда писать под ударением *о*, без ударения — *е*: *шорох*, *шопот*, *чорт*, *трущоба*, *вечор*, *чорный*, *ежовый*, *ручонка*, *медвежонок*, *плечо*, *плечом*, *Кузьмичом*, *о чом*, *душой*, *хорошо*, *свежо*, *обречонный*, *поражонный*, *лжот*, *печот*, *ушол*; *шептать*, *страшилище*, *Сте-*

пановичем, *плюшевый*, *ни к чему*, *назначенный*, *скачет*, *режем* (И. И. Лажечников 1838; П. Доброхотов 1842; *Д. П. Соколов 1851*; Н. М. Тимаев 1856; М. Михайлов 1859; Дискуссия 1862; «Голос» 1866—1884; *М. Малорошвилов 1886*; В. П. Шереметевский 1891; *К. Г. Житомирский 1894*; Л. Ф. Воеводский 1898; Р. Ф. Брандт 1901, 1904, 1908; В. Куницкий 1901; А. Г. Герасимов 1901, 1903; Проект Московского педагогического общества 1901; Предложения педагогического отделения русского литературного кружка в Риге 1902; Проект Одесского педагогического общества 1903; И. А. Бодуэн де Куртенэ 1903, 1912; П. Г. Сорочинский 1903; Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904; К. А. Сорокин 1907; Постановления Орфографической подкомиссии 1912; В. И. Попов 1916; С. А. Есенин 1922; А. В. Миртов 1927; Н. Н. Фатов 1927; А. М. Пешковский 1930; Проект 1930; Предложения Ленинградского лингвистического общества 1931; Дискуссия 1934°; *А. М. Сухотин 1935*°; А. А. Реформатский 1937; *А. Б. Шапиро 1951*; Дискуссия 1954; Р. О. Якобсон 1962; Предложения Института русского языка 1962; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1962, 1962*; Проект 1964; Дискуссия 1964*).

■ **1.** Этот способ изживает все исключения и дает полную унификацию. При этом написание *о — е* после шипящих становится таким же, как прочно установившееся написание *о — е* после *ц*.

■ **2а.** В аффиксах буква *о* (если писать ее в соответствии с предложенным правилом) часто не приводит к не принятым после других, нешипящих согласных, необычным написаниям суффиксов и окончаний: *кусок — крючок*, *дружок—листок*, *бросок — скачок*, *душой — стеной*, *ножом — столом*, *большой — молодой* и т. д. Здесь написание по предложенному правилу не создает новых графических обликов аффиксальных морфем.

□ **2б.** Но в большинстве случаев это правило ведет к разрыву с морфологическим принципом орфографии; одна и та же морфема изображается на письме по-разному, иногда даже в пределах одной словоизменительной парадигмы (В. Я. Стоюнин 1862; Я. К. Грот 1873; П. А. Адамов 1892; Р. О. Шор 1935°; А. Б. Шапиро 1951; Дискуссия 1964°).

■ **3а.** Предложенные орфограммы отвечают фонематическому принципу нашего письма. Если после непарных по твердости—мягкости согласных пишутся фонематически обоснованно буквы *и*, *у*, *а* (а не *ы*, *ю*, *я*), то следует после этих согласных писать не *ё*, а *о*.

□ **3б.** Но в безударном положении написания нефонематичны, так как фонема ‹о› передается не соответствующей ей буквой *е*.

■ **4.** Предложенный способ передачи ‹о› после шипящих «не нарушает основного правила русской орфографии о том, что под уда-

рением пишется та гласная, которая слышится. . .» (А. А. Реформатский 1937).

□ **5а.** При этом, к сожалению, устраняются дифференцировочные написания *ожог — ожег*, *поджог — поджег*.

■ **5б.** Разграничения эти, однако, не очень существенны, так как контекст обычно делает ненужным это графическое противопоставление. Напротив, предложенное правило позволит разграничить другие орфограммы, например *совершенный — совершонный*, *отреченный — обречонный* и под. Это разграничение может быть в некоторых случаях очень существенно (например, в стихах).

■ **6а.** Многие частотные орфограммы (суффиксы и окончания имен) остаются при традиционном написании: поэтому ломка орфографических привычек предполагается небольшая. Изменения коснутся только 10—15 корней.

□ **6б.** Однако среди них есть такие, написание которых прочно установилось (*счет*, *пришел*; по-новому их пришлось бы писать: *счот*, *пришол*) (С. П. Обнорский 1939).

□ **7.** Особенно непривычными были бы написания *лжот*, *течот*, *бережот* и пр. Графическая передача окончаний глаголов сейчас имеет две разновидности: *-ишь — -ешь*, *-ит — -ет*, *-им — -ем*, *-ите — -ете* (*сидишь – идешь* и пр.). По предложенному правилу пришлось бы ввести еще третью: *-ошь*, *-от*, *-ом*, *-оте* (В. Я. Стоюнин 1862; А. И. Томсон 1903; Дискуссия 1962; Дискуссия 1964, 1964°, 1964*). Также новыми являются и написания суффиксов в причастиях: *обречонный*, *искажонный* и под.

□ **8а.** В некоторых случаях возможны колебания в произношении: *заслу́женный — заслужённый*; данное правило приведет в написании таких слов к разнобою (Дискуссия 1904°). Ср. еще *щёками* и *щеками* (А. Е. Адалис 1964).

В сложных словах типа *черносмородинный* первая часто может произноситься с побочным ударением (при этом сохраняется звук [о]) и, в других контекстах, без него.

Также и слово *еще* может быть ударным и безударным. «В *еще* *е* на конце, заметим мы, в некоторых случаях имеет свое основание: именно, когда слово это в речи употребляется без ударения. Сравним: Предложу *ещо* вопрос. Это *еще* вопрос: придет ли. *Ещо* одно последнее сказанье. *Еще* в полях белеет снег, а воды уж весной шумят» (В. И. Чернышев 1904).

■ **8б.** В некоторых из перечисленных случаев передачу вариантов слова, имеющих разные ударения, надо считать достоинством, а не недостатком: они помогут отразить на письме то, что реально присутствует в языке. Наше письмо в нескольких (правда, немногих) случаях передает различные по ударению варианты слова,

ср. *роздал* и *раздал*. Ни к каким затруднениям это не приводит ни пишущего, ни читающего.

□ **8в.** Все это вызвало бы колебания в написании.

□ **9а.** Правило требует «постоянного прислушивания к тому, как произносится соответствующее слово, т. е. на какой слог в нем падает ударение. . .» (А. Б. Шапиро 1954; Дискуссия 1964°).

■ **9б.** Но поскольку все русское правописание построено на выделении и сопоставлении ударных и безударных гласных, то такая необходимость и в данном случае не может затруднить пишущего; напротив, этим создается единство навыков при письме гласных (Дискуссия 1962°).

■ **10.** Это предложение «последовательно доводит до завершения ту тенденцию русского письма, которая в течение столетия укреплялась, несмотря на „непоследовательную" позицию Грота, и ничего не возвращает вспять» (А. А. Реформатский 1937).

IIIа. После шипящих согласных для обозначения ‹о› писать под ударением *о*, без ударения — *е*, за исключением личных окончаний глаголов (*печешь*, *печет*, *лжешь*, *лжете* и пр.) и суффиксов причастий (*обреченный*, *искаженный*): в них пишется *е* (*М. Малорошвилов 1886*; *Р. Ф. Брандт 1904*; Дискуссия 1934°; Проект свода 1936_2; Дискуссия 1962; И. П. Мучник 1964°; В. Н. Сидоров 1964°; Дискуссия 1964*).

□ **1а.** Наличие исключений усложняет использование этого правила; как дань традиции в нем допущен ряд исключений.

■ **1б.** Однако по сравнению со всеми действовавшими правилами оно более последовательно; при этом исключения касаются целостных, хорошо выделяемых групп грамматических единиц.

■ **2а.** См. предложение III, п. 2а.

□ **2б.** См. предложение III, п. 2б.

□ **3.** Фонематический принцип последовательно не выдерживается даже под ударением (так как в глагольных аффиксах должно писаться *е*).

□ **4.** Под ударением в ряде случаев (у глаголов и причастий) будет писаться *е* для обозначения ‹о›, ударный гласный будет передаваться «не своей» буквой. При последовательной передаче ударного ‹о› после шипящих буквой *о* во всех остальных случаях этот контраст, эта непоследовательность будет особенно резкой (сейчас ее маскирует непоследовательность нашего письма).

□ **5а.** См. предложение III, п. 5а.

□ **5б.** Разграничительные написания, возможные при реализации предыдущего предложения (см. п. 5б), здесь окажутся в большинстве случаев невозможны.

■ **6а.** Правило это предполагает минимальное изменение существующих орфограмм, оно не изменяет наиболее привычного правописания глагольных флексий, не вводит новых видов орфограмм. Написания *лжёшь*, *течёт*, *печёте*, *искажённый* и под. остаются традиционными.

□ **6б.** Но в корнях ряд изменений предполагается (см. предложение III, п. 6б).

□ **7а.** Предложение привело бы к тому, что некоторые акцентные варианты слов по-разному выглядели бы на письме (см. предложение III, п. 8а).

■ **7б.** Но таких случаев оказывается меньше: сохраняются написания типа *заслуженный* (с *е*, независимо от ударения).

IV. После шипящих согласных *ж*, *ш* для обозначения ‹о› под ударением писать всегда *о*, после же шипящих *ч*, *щ* — *ё* (*е*): *шопот*, *жолудь*, *чёрт*, *щёки*, *шептать*, *желудей*, *чертей*, *щеки*; *ножом*, *плющём*, *о чем*, *сторожем*, *товарищем*; *ежовый*, *парчёвый* (В. Г. Белинский 1845; Ф. Наливкин 1849; И. И. Вальков 1875; Проект Казанского педагогического общества 1902; Дискуссия 1929; С. О. Карцевский 1937; Дискуссия 1954; Дискуссия 1962, 1962*; Дискуссия 1964, 1964*).

Примечание. В безударных позициях авторами этого правила предлагалось писать: *о* после *ш*, *ж* и *е* после *ч*, *щ* (во всех морфемах или только в корневых); *е* во всех случаях и т. д. Следовательно, предложение для безударных слогов представляет собой разные «гибриды» данного предложения с некоторыми другими (см. предложения I, II, III). Плюсы и минусы этих «гибридов» обусловлены достоинствами и недостатками основных, «скрещиваемых» предложений.

■ **1.** Правило единообразно подчиняет себе все написания ударных слогов.

□ **2.** Оно неморфологично для значительного числа написаний; ср. *шопот—шептать*, *ежовый—парчёвый* и пр.

■ **3.** Предполагаемые написания фонетичны в том отношении, что они отражают реальную мягкость и твердость шипящих согласных.

□ **4.** Правило резко антифонематично. Поэтому оно противоречит принятым и последовательно фонемным орфограммам *ча*, *ща*, *чу*, *щу*, *ши*, *жи* (не *чя*, *щя*, *чю*, *щю*, *шы*, *жы*).

□ **5.** Если *ё* не является обязательной буквой, то применение этого правила даст совпадение (и ошибочное чтение) ряда слов: *чехом* — *чёхом*, *чек* — *чёк* и т. д., в том числе многих имен собственных (А. А. Реформатский 1937).

V. После шипящих согласных для обозначения ‹о› писать: 1) в корнях букву *о* только тогда, когда ‹о› не чередуется в том же

корне с другим звуком, который передан буквой *е*: *шок*, *трущоба*, *чопорный*, *чокнуться*, *жом* (ср. *сжимать*), *шов* (ср. *сшивать*); но *желтый* (ср. *желтеть*), *жернов* (ср. *жернова*), *шелк* (ср. *шелка*), *щеголь* (ср. *щеголять*), *черт* (ср. *черти*, *чертей*), *челн* (ср. *челнок*); 2) в именных суффиксах и окончаниях писать под ударением букву *о*; во всех остальных случаях в аффиксах писать букву *е*: *ежом — сторожем*, *душой — кашей*, *горячо — зряче*, *кружок — горошек*; но *лжет*, *печет*, *обреченный*, *пораженный* (Дискуссия 1954; Дискуссия 1962°).

□ **1.** Правило непоследовательно, оно требует, чтобы корни писались по одному принципу, именные аффиксы — по другому (см. предложение III), глагольные аффиксы — по третьему (см. предложение I).

■ **2а.** Написание корней и окончаний глаголов соответствует морфологическому принципу.

□ **2б.** Правописание именных аффиксов противоречит требованиям орфографического единства каждой морфемы.

□ **3.** Способы обозначения гласных в корнях по этому правилу, во-первых, противоречат всем другим правилам обозначения гласных. Обычно безударный гласный при письме проверяется ударным, здесь же, наоборот, написание ударного проверяется безударным.

Во-вторых, для проверки гласного обычно достаточно привести одно слово (чтобы написать *головы*, достаточно сопоставления со словом *голов*; нет необходимости вспоминать *головушка*, *головонька*, *головка* и пр.). Данное же правило требует, чтобы пишущий был уверен: нет других слов с тем же корнем, где был бы звук не [о]. Поэтому для проверки, что́ писать, он должен перебрать все слова с данным корнем. Слово *четкий* проверяется «только при помощи малоупотребительной краткой формы (*четка́*); для проверки прилагательного *чётный* необходимо существительное *нечет* и т. д.» (М. В. Ушаков 1957).

В-третьих, пишущему надо знать, что этот звук, чередующийся с [о], передается буквой *е*; ср. *сжимать* — поэтому *жом*, *сшивать* — поэтому *шов*, *пожирать* — поэтому — *обжора*, но *чертовски*, *чертей*, *чертовка* — поэтому *чёрт*. Ученик может «ошибочно написать *жилтеть* вместо *желтеть*, *чалноки* вместо *челноки* и сделать отсюда вывод, что ударный звук после шипящих не чередуется с *е*, а это может повлечь за собой ошибку и в корне (*жолтый*, *чолн*)» (М. В. Ушаков 1957).

□ **4.** Фонематически данное правило бессодержательно. Оно рекомендует по-разному обозначать одну и ту же фонему ‹о› в зависимости от условий, фонематически совершенно несущественных: представлен ли в данной морфеме слабый член фонемы ‹о› (притом учитывается, какой буквой передается этот слабый член!):

чертей, следовательно, *черт*; и чередуется ли данная фонема с другой фонемой: *черти*, следовательно, *черт*.

□ **5.** «. . . Оставить *е* только в тех корнях, в которых этот слог может быть то ударным, то неударным, — тоже не выход, так как в связи с наличием сложных слов каждый корень может попадать в безударное положение (*жох — жеховат*, *чорт — чертогон*, *шолк — шелкопряд* и т. п.» (А. А. Реформатский 1937).

Va. После шипящих для обозначения ‹о› писать *о*: 1) под ударением в корнях, если [о] не чередуется в той же морфеме со звуком, который обозначается буквой *е*; 2) в суффиксах имен, когда *о* находится под ударением (кроме суффиксов *-ёвк-* и *-ёр-*); 3) в существительных *ожог*, *поджог*, *вечор*, *кишок*; 4) в безударных положениях в заимствованных словах, если произносится [о] (*жокей*, *шоссе* и пр.); писать *е*: 1) под ударением в корнях, если [о] чередуется в той же морфеме со звуком, который обозначается буквой *е*; 2) в корнях при отсутствии ударения на [о]; 3) в суффиксах и окончаниях глаголов и причастий; 4) в суффиксах и окончаниях имен, когда [о] безударно; 5) в словах *чечетка*, *челка*, *о чем*, *причем*, *почем*, *непочем*; 6) в именных суффиксах *-ёвк-*, *-ёр-* (Свод 1956).

□ **1.** Правило Va отличается еще большей непоследовательностью, чем правило V. Ряд предложений состоит в том, чтобы правило Va свести к правилу V: писать *чечотка*, *чолка*, так как в современном русском языке нет соотносительных слов с ‹о› безударным (Н. М. Шанский 1954).

ФОНЕМА ‹о› ПОСЛЕ ‹ц›

Историческая справка

Правописание *о* после *ц* стабилизировалось гораздо раньше, чем орфограммы *жо*, *шо*, *цо*, *чо*. Причина этого, возможно, заключалась в том, что корней с сочетанием *цо* в русском языке крайне мало (*цоколь*, *цокот*, *цокотать*); в большинстве случаев ‹о› в этом сочетании принадлежит уже аффиксальной части слова. А это положение, как показывает и история написания *о* после шипящих, оказалось наиболее проницаемым для написаний с буквой *о* (после согласных, непарных по твердости—мягкости). Поэтому уже Я. К. Грот мог узаконить сложившуюся орфографическую практику: писать после *ц* под ударением *о*, без ударения — *е*.

Колебания обнаруживались только в словах *танц$\frac{е}{о}$вать*, *гарц$\frac{е}{о}$вать*, *спринц$\frac{е}{о}$вать*, *глянц$\frac{е}{о}$витый*. Эти колебания связаны, очевидно, с произносительными вариациями: произношению *тан[ца]вать* соответствует написание *танцовать*, произношению *тан[цы^{э}]вать* — *танцевать*. В 1934 г. Д. Н. Ушаков ввел в орфографический словарь написание *спринцевать*; позднее были введены единообразные написания *танцевать*, *гарцевать*, *глянцевитый*.

Предложения

I. После *ц* для обозначения ‹о› всегда писать под ударением *о*, без ударения — *е*: *цоколь*, *танцор*, *перцовка*, *отцов*, *лицо*, *купцом*, *пять купцов*; *сердце*, *пальцем*, *лицемер*, *лицевой*, *гарцевать*, *молодцеватый* (В. И. Новаковский 1872; И. И. Вальков 1875; *Я. К. Грот 1873*; Проект 1930; Свод 1956).

См. «Фонема ‹о› после шипящих» (предложение III): данное правило имеет в основном те же достоинства и недостатки.

II. После *ц* для обозначения ‹о› всегда (и под ударением и без ударения) писать *о*: *цоколь*, *танцор*, *перцовка*, *отцова*, *лицо*, *купцом*, *пять купцов*; *полотенцо*, *пальцом*, *лицомер*, *лицовой*, *гарцовать*, *молодцоватый* (Проект Казанского педагогического общества 1902; Н. Н. Дурново 1930; М. В. Ушаков 1930; *А. Б. Шапиро 1951*; Дискуссия 1964*).

■ **1.** При одновременной реализации данного предложения и предложения II об ‹о› после шипящих было бы создано единое правило для передачи ‹о› после всех согласных, непарных по твердости—мягкости, охватывающее все слова и грамматические формы независимо от положения под ударением или без ударения.

□ **2.** Но правило это требует значительной ломки нашей орфографии (А. Б. Шапиро 1951).

ПЕРЕДАЧА ФОНЕМЫ «и» ПОСЛЕ ТВЕРДОЙ СОГЛАСНОЙ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ МОРФЕМЫ

Историческая справка

В орфографической практике XIX в. фонема ‹и› после твердой согласной приставки передавалась двояко: как *ъи* и как *ы*; ср. *предъидущий* и *сыскать*. В некоторых орфографических пособиях того времени отдавалось предпочтение одному из написаний, но только рекомендация Я. К. Грота (1873) оказала воздействие на орфографическую практику и привела к постепенному вытеснению буквенного сочетания *ъи* и распространению написаний с *ы*. Однако «гротовские» написания с *ы* прочно утвердились лишь в образованиях от русских корней и притом в употребительных словах (например, во многих словах с корнями *-игр-* и *-иск-*: *разыграть*, *отыграться*, *подыскать* и т. п.). В образованиях от корней иноязычного происхождения, среди которых многие являются терминами, а также в редких и специальных словах с русскими корнями тенденция сохранять без изменения внешний вид морфемы приводила к появлению написаний с *и*. Как отмечает С. П. Обнорский (1934), некоторые орфографические справочники 30-х годов рекомендовали написания типа *безинициативный*, *предиюльский*, *безиндукционный*, *обизвествленный*, *предистория*, *безидейный*, *безинтересный*, *обиостраниться*. Эта тенденция нашла отражение в проектах орфографического свода (1936—1955), где предполагалось узаконить двоякие написания — с *ы* и с *и* — с учетом характера слова (в этих проектах представлено несколько вариантов правил). В окончательном тексте свода пришли к единому правилу о написании *ы* во всех образованиях с русскими приставками (кроме *меж-* и *сверх-*). Эта вторая унификация рассматриваемых написаний (с тем же общим направлением, что и у Грота, но с ориентацией на более широкий круг образований [1]) не привела до сих пор к полному единству в орфографической практике, так как в редких и специальных словах написания с *ы*, меняющие внешний вид морфемы, прививаются с трудом.

Написания с *ы* совсем не распространились на слова с приставками *меж-* и *сверх-* [2] и с так называемыми иноязычными приставками *пан-*, *контр-*,

---

[1] Я. К. Грот специально не оговаривает, следует ли распространять написания с *ы* на образования от корней иноязычного происхождения, так как ему практически не пришлось столкнуться с большим числом таких слов. Как редактор первых выпусков академического словаря (1891) он дал в написании с *ы* лишь одно слово такого типа: *безынтересный*, но «иноязычие» этого корня ощущается мало.

[2] Написание *и* после *меж-* объясняется графическим правилом (*жы* никогда не пишется), после *сверх-* — тем, что в русском языке почти не представлено сочетание [хы].

суб-, *супер-* и др. В образованиях последнего типа Я. К. Грот считал возможным сохранить *ъи*[3], но, поскольку это буквенное сочетание после проведенной им унификации стало фактом очень редким, их стали писать с *и*: *панисламизм*, *контригра*, *субинспектор* и т. п. С *и* стали писать в 20-е годы и сложносокращенные слова: *пединститут*, *горисполком*, *госиздат*.

Принимается следующее членение:

А. Предложения, относящиеся к образованиям с русскими приставками, кроме *меж-*, *сверх-* (т. е. с приставками *без-*, *воз-*, *над-*, *об-*, *от-*, *под-*, *пред-*, *раз-/роз-*, *с-*).

Б. Предложения, относящиеся к образованиям с приставками *меж-*, *сверх-* и иноязычными приставками, к сложным и сложносокращенным словам.

В последний раздел включаются как предложения, относящиеся ко всем перечисленным образованиям, так и те, которые учитывают лишь часть их (только приставочные образования или только сложносокращенные слова).

Предложения

А. Образования с русскими приставками (кроме *меж-*, *сверх-*)

I. Образования, в которых представлена фонема ‹и› после твердой согласной приставки, всегда передавать на письме с *ы*: *безыменный*, *безызвестно*, *предыдущий*, *розыгрыш*, *сыскной*, *взыскивать*, *обыск*, *отыскать*, *безыглый*, *безынтересно*, *безыдейный*, *безынициативный*, *сымпровизировать*, *надындивидуальный*, *предыстория* (Российская грамматика 1802; Я. Деминский 1816; Н. Киров 1846; В. Я. Стоюнин 1862; Комиссия 1862; Я. К. Грот 1873; И. И. Вальков 1875; Н. В. Успенский 1875; А. Б. Шапиро 1933; А. М. Сухотин 1935°; Л. А. Булаховский 1954; Дискуссия 1954, 1954*; Свод 1956; Дискуссия 1964*).

Примечание. Следует учесть различие в реальном содержании предложений, относящихся к XIX в. и к нашему времени. В. Я. Стоюнин, Я. К. Грот и др. имели в виду выбор между *ъи* и *ы* преимущественно в русских словах; предложения 1950-х годов были направлены на устранение написаний с *и* для образований от корней иноязычного происхождения. Необходимо учитывать поэтому, что некоторые из приводимых ниже доводов не в одинаковой степени относятся к предложениям разного времени.

■ **1а.** Для данной группы образований вводится единое правило, устраняющее разнобой в орфографической практике.

□ **1б.** Но это предложение создает единые написания только для образований с русскими приставками (кроме *меж-*, *сверх-*). Оно не предполагает одинакового обозначения фонемных сочетаний «твердая согласная + ‹и›» на морфологических стыках в образо-

[3] Грот не оговаривает это в своих трудах, но в справочный указатель к «Русскому правописанию» включены слова *субъинспектор*, *суперъинтендент*.

ваниях с русскими приставками, с одной стороны, и в образованиях с иноязычными приставками и сложносокращенных словах — с другой. Поэтому оказывается узаконенной двоякая графическая передача названных фонемных сочетаний на стыке морфем; ср. *обыскать*, *предыстория*, но *постимпрессионизм*, *спортинвентарь*.

■ **1в.** Однако характер морфологического стыка в тех и других образованиях различен. В образованиях с иноязычными приставками и в сложносокращенных словах наблюдаются явления, не свойственные обычным приставочным образованиям (побочное ударение: *пòстимпрессиони́зм*, *спòртигра́*, иной слогораздел: [òбл/ыс]*полко́м*, [кòнтр/ыг]*ра́*; ср. *ра*[зы]*скать*). Это оправдывает различное письменное отражение тех и других образований.

■ **2.** Предлагаемые написания точно передают произношение: *сыграть* — [сы]*грать*, *предыстория* — *пре*[ды]*стория*, *безыдейный* — *бе*[зы]*дейный*. «Итак пишите смело: *безыменный*, *безызвестно*, *предыдущий*, *розыгрыш*, *сыскной*. . . Этого требуют и логика и произношение» (Я. К. Грот 1873).

■ **3.** Следует подчеркнуть, что рассматриваемые написания в полной мере соответствуют фонематическому принципу. Как известно, в русской графической системе твердость—мягкость согласной в положении перед гласной обозначается буквой, передающей гласную фонему, в силу чего для передачи каждой гласной существует не одна буква, а буквенная пара. В число буквенных пар входят и *ы* — *и*. Буква *ы* всегда применяется при передаче сочетаний «твердая согласная + ‹и›» в середине морфемы (*мыло*, *рыба*) и на стыке корня с суффиксом, основы с флексией (*рабыня*, *сбрасывать*, *воды*, *сады*, *седым* и т. п.). Предлагается последовательно использовать эту букву и при передаче таких фонемных сочетаний на стыке приставки со следующей морфемой — корнем или другой приставкой: *сыграть*, *безысходный*.

□ **4.** Написания с *ы* не соответствуют морфологическому принципу, так как они не обеспечивают единства графического облика морфем с начальным ‹и›; ср. *играть* — *разыграть*, *исход* — *безысходный*, *интеграл* — *подынтегральный* и т. п. Поэтому они с трудом распространяются на новообразования, на специальные термины, на редкие слова (особенно если ‹и› принадлежит корням иноязычного происхождения). В этих случаях вразрез с правилом прибегают к написаниям с *и* (*предимпрессионистский*, *прединфарктный*, *безинтерфиксный*, *обиностранивание* и т. п.).

■ **5.** Предложения о введении единых написаний с *ы* опирались на устойчивую традицию таких написаний для части приставочных образований (это, хотя и не в одинаковой степени, относится ко всем предложениям). Поэтому они предполагали относительно

небольшое вмешательство в орфографическую практику соответствующего времени.

II. Образования, в которых представлена фонема ‹и› после твердой согласной приставки, всегда передавать на письме с *и*: *разиграть*, *отиграть*, *подискать*, *разискать*, *розыгрыш*, *безымянный*, *безисходный*, *предидущий*, *безидейный*, *предистория*, *симпровизировать* и т. п. (Дискуссия 1954; 1954*; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1962, 1962°, 1962*; Дискуссия 1964*).

■ **1а.** Этим правилом также вводятся единые написания для данной группы образований.

■ **1б.** Кроме того, написания с *и* обеспечивают одинаковую передачу фонемных сочетаний «твердая согласная + ‹и›» на стыке морфем в образованиях с русскими приставками, с одной стороны, и в образованиях с иноязычными приставками и сложносокращенных словах — с другой; ср. *разиграть* и *постимпрессионизм*, *мединститут*.

□ **1в.** См. предложение I, п. 1в.

□ **2.** Написания с *и* не соответствуют произношению, на что указывал еще Я. К. Грот: «. . . Некоторые стали писать: *безименный*, но это не может быть одобрено, так как оно не согласно с выговором» (1885). А. Б. Шапиро отмечал, что написания типа *безидейный*, *предистория* «вызывают в устной речи смягчение конечного согласного звука приставки; произносят в точности так, как написано: не *безыдейный* (с твердым *з* и *ы* после него), а *безидейный* (с мягким *з* и *и* после него). . .» (1951).

□ **3.** Предлагаемые написания не соответствуют фонематическому принципу, так как фонематически значимая твердость согласных приставок остается в них графически не обозначенной; ср. *подискать* и *подивиться*, написанные одинаково, хотя в первом случае имеем ‹д›, а во втором — ‹д'›.

■ **4.** Данное правило соответствует морфологическому принципу, так как оно обеспечивает единство графического облика морфем с начальным ‹и›: *играть* — *разиграть*, *исход* — *безисходный* и т. п. Поэтому новообразования, редкие и специальные слова легко пишутся «по правилу»: *надиндивидуальный*, *подинтегральный*, *прединфарктный*, *предимпрессионистский*, *обинтеллигентиться*, *безинтерфиксный* и т. п.

□ **5.** При введении написаний с *и* пришлось бы изменить много прочно укоренившихся, привычных написаний широко употребительных слов (например, с корнями *-игр-* и *-иск-*, передача которых после приставок на согласные, как *-ыгр-* и *-ыск-*, твердо установилась), возникли бы затруднения при изменении на-

писания слов, в которых приставка слабо вычленяется (типа *сыск*).

III. Образования, в которых представлена фонема ‹и› после твердой согласной приставки, передавать на письме в одних случаях с *ы*, в других — с *и*; писать: *отыграться*, *предыдущий*, *изыскать*, *розыск*, *сызнова*, но *надиндивидуальный*, *подинтегральный*, *безиндукционный* и т. п. (Практика газетной корректуры 1932; Дискуссия 1934°; Д. Н. Ушаков 1936°; Проекты свода 1936—1955; Дискуссия 1962°; Проект 1964; Дискуссия 1964*).

Примечание. При рекомендации писать *ы* во всех употребительных словах с русскими корневыми морфемами проекты свода дают следующие основные варианты правила:

а) писать последовательно *и* во всех образованиях от корней иноязычного происхождения: *безидейный*, *безынициативный*, *безынтересный*, *симпровизировать*, *надиндивидуальный*, *предистория* (Проекты свода 1940, 1947, 1948, 1951);

б) допускать написание *и* (наряду с *ы*) в терминах с корнями иноязычного происхождения (Проект свода 1955; Проект 1964);

в) рекомендуя написание *и*, учитывать, кроме происхождения корня, употребление слова (термин или не термин), дифференцировать образования с разными приставками, допускать написания, устанавливаемые в словарном порядке (Проекты свода 1936, 1939). Например: исключения для терминов с русскими корнями: *безиглый*, *обизвествление* (Проект свода 1936_2; Проект свода 1939_1); разные написания для образований с разными приставками: *обынтеллигентиться*, но *надиндивидуальный*, *подинтегральный*, *симитировать* (Проект свода 1936_1), *безыдейный*, *безынициативный*, но *симпровизировать* (Проект свода 1939_2); написания, устанавливаемые в словарном порядке: *безиндукционный*, но *безыдейный*, *безынтересный* (Проект свода 1936_1).

□ **1а.** Данное правило (во всех его вариантах) не устанавливает единых написаний для рассматриваемой категории образований; оно трудно для усвоения: «Свое значение имеет для общего развития учащихся умение различать слова свои и заимствованные, но этого умения нельзя требовать от всех пишущих, и нет, думаю, никаких сколько-нибудь серьезных оснований узаконять исключение из общего правила. Одни отвлеченно филологические соображения в данном случае имеют очень сомнительную цену» (Л. А. Булаховский 1954). Практически при всех вариантах данного правила пишущему пришлось бы постоянно обращаться к словарю.

■ **1б.** Однако это правило в передаче образований от корней иноязычного происхождения идет навстречу стихийной тенденции орфографической практики, поддерживая «стремление сохранить в словах этого типа без изменений внешний вид корня» (А. Б. Шапиро 1951).

■ **1в.** При данном правиле облегчается орфографическая передача новообразований.

□ **2.** Для части слов предлагается ввести написания, не отражающие их правильного произношения. К этим случаям относится

все то, что сказано в п. 2 предложения II. Правда, поскольку написания с *и* узакониваются не для всех слов, опасность возникновения неправильного (мягкого) произношения конечных согласных приставок не так велика, как при введении предыдущего предложения.

□ **3.** Данное правило в целом не проводит фонематического принципа: часть написаний (с *ы*) соответствует этому принципу, другая часть (с *и*) ему противоречит.

□ **4а.** Оно не проводит и морфологического принципа: единство графического облика морфем с начальным ‹и› рассматриваемым правилом обеспечивается не для всех слов.

■ **4б.** Однако это единство обеспечивается как раз в тех случаях, где оно особенно желательно: для редкоупотребляемых слов, для терминов, для образований от корней иноязычного происхождения (разные варианты данного правила по-разному решают вопрос, в каких случаях особенно желательно сохранение единого облика морфемы).

■ **5.** Предложение не предполагает никакой ломки традиций. Все твердо установившиеся и прочно вошедшие в практику написания остаются в неприкосновенности.

IV. Образования, в которых представлена фонема ‹и› после твердой согласной приставки, передавать на письме с *ъи*: *изъискать*, *объиск*, *розыгрыш*, *предъидущий*, *съищу*, *съизнова*, *отъиграть*, *съиграть*, *предъинфарктный*, *объизвествление* и т. п. (А. Х. Востоков 1831; Г. П. Павский 1841; П. М. Перевлесский 1842; Д. Н. Соколов 1851; А. В. Семенов 1862; Дискуссия 1862; Л. Ф. Воеводский 1898; *А. И. Гвоздев 1947;* Дискуссия 1954; Дискуссия 1962°; Л. Г. Барлас 1963; Дискуссия 1964*).

Примечание. Объединение этих авторов в какой-то мере условно, так как реальное содержание догротовских предложений и предложений нашего времени различно. В XIX в. имели в виду выбор одного из существовавших в то время написаний (*ъи* и *ы*). Предложения нашего времени не исходят из «догротовского» сочетания *ъи* (предлагающие его могут даже не знать, что такое написание когда-то употреблялось).

■ **1а.** Данное предложение, как и предложения I и II, обеспечивало бы единые написания для рассматриваемой группы образований.

■ **1б.** Кроме того, предлагаемые написания легко могли бы быть применены при передаче образований с иноязычными приставками и сложносокращенных слов, что означало бы одинаковую передачу фонемных сочетаний «твердая согласная + ‹и›» на стыках морфем во всех приставочных и сложных словах: *подъискать* и *контръигра*, *горъисполком*.

□ **1в.** См. предложение I, п. 1в.

■ **2.** Написания с *ъи* обеспечивают указание на правильное произношение: ясно, что последний согласный приставки должен произноситься твердо.

■ **3.** Эти написания соответствуют фонематическому принципу, так как фонематически значимая твердость согласной приставки находит в них отражение.

■ **4.** Предложение соответствует и морфологическому принципу, так как обеспечивает единство графического облика морфемы: *играть — съиграть*, *извещение — предъизвещение* и т. п. Это значит, что данные написания должны легко распространяться на все те категории слов, в которые с трудом «проникает» *ы*: *надъиндивидуальный*, *подъинтегральный*, *объизвествление*, *предъинфарктный*, *объинтеллигентиться*, *съимпровизировать* и т. п.

□ **5.** В настоящее время принятие рассматриваемого предложения потребовало бы большой ломки, так как изменению подлежали бы все написания, относящиеся к данному правилу. Пришлось бы изменить написания многих слов, издавна и устойчиво писавшихся с *ы*; возникли бы затруднения при изменении написаний слов, в которых приставка слабо вычленяется (типа *сыск*).

□ **6.** По отношению к современной графической системе данное предложение вводит новое буквенное сочетание *ъи*, в котором использование *ъ* существенно отличается от его использования в разделительной функции (*разъехаться*, *объяснение*).

□ **7.** Предложение расширяет использование буквы *ъ*; между тем есть серьезные основания изъять эту букву из алфавита (см. раздел о разделительных знаках). С изъятием разделительного *ъ* данное предложение вообще исключается, так как использование *ъ* только в сочетании *ъи* было бы совершенно нецелесообразно.

□ **8.** В то же время данное предложение не согласовалось бы и с другим (теоретически возможным) вариантом решения судьбы *ъ*: использованием его как единственного разделительного знака (см. соответствующий раздел, предложение А II). При этом появились бы, в частности, написания *воробъи*, *семъи* и т. п., где *ъ* сигнализировал бы прочтение *и* как [ји]. Было бы невозможно одновременно использовать *ъи* при передаче сочетаний «твердая согласная + ‹и›», реализуемых как «твердый согласный + [ы]»: *подъискать — по*[ды]*скать* и т. п.

Данное предложение согласуется только с одним из предложений о разделительных знаках (см. предложение Б III соответствующего раздела).

Б. Образования с приставками *меж-*, *сверх-* и иноязычными приставками, сложные и сложносокращенные слова

I. Образования от морфем с начальным ‹и› с приставками *меж-*, *сверх-* и иноязычными приставками *пан-*, *контр-* и др. передавать на письме с *ы*, как и образования с приставками *без-*, *воз-*, *из-* и пр.; писать: *сверхызысканный*, *межырригационный*, *панысламизм*, *контрыгра*, *субынспектор* (*И. М. Шанский 1954*; Т. С. Ворошилова 1962; Л. Н. Санжаров 1963; П. Д. Богданов 1963*; Т. А. Сергеев 1963*; Дискуссия 1964).

Примечания. 1. В предложении Н. М. Шанского фигурируют только слова с приставками *меж-*, *сверх-*.

2. Ни у одного из авторов не фигурируют среди примеров сложносокращенные слова, что и отражено в формулировке предложения.

3. У некоторых авторов написание *ы* после *меж-* согласуется с предлагаемыми ими графическими изменениями (они предлагают последовательно писать *жы*, *шы*, *цы*).

■ **1а.** Предлагается установить единые написания для всех приставочных образований от морфем с начальным ‹и›.

□ **1б.** См. предложение А I, п. 1в.

□ **1в.** Предлагаемое «единство» привело бы к тому, что стихийно установившееся в данной категории написаний ограничение в применении слогового принципа графики, правильно отражающее определенные языковые явления, было бы отменено (см. подробнее в разделе о разделительных знаках, предложение А I, п. 7б, 7в).

■ **2а.** Предлагаемые написания обеспечивали бы правильное произношение слов, входящих в рассматриваемую группу.

□ **2б.** Однако поскольку для этих образований характерны некоторые явления, не свойственные «обычным» приставочным образованиям (см. предложение А I, п. 1в), они и «читаются» по-другому: *кòнтригрá*, *пàнисламúзм*, *свèрхизыскáнный*, имеющие побочное ударение на первом слоге, вряд ли могут быть прочтены со «слиянием» согласного с последующим *и*; поэтому написания с *и* для этих образований не так «опасны», как для обычных приставочных образований.

■ **3а.** Написание *ы* обеспечивает обозначение фонематически значимой твердости согласной.

□ **3б.** Однако, поскольку эти образования отличаются от «обычных» образований с приставками, здесь был бы уместен другой способ обозначения твердости согласной (для этого было бы достаточно тем или иным способом обозначить стык морфем).

□ **3в.** Особое возражение вызывает написание *ы* после приставки *меж-*: оно возможно только в системе, где приняты сочетания

жы, *шы*, *цы*, которые не соответствуют фонематическому принципу.

□ **4.** Поскольку написания с *ы* не обеспечивают сохранение единого графического облика морфемы (*ислам* — *панысламизм*), их было бы чрезвычайно трудно распространить на данную группу образований. Как уже говорилось, эти написания плохо «прививаются» и во многих образованиях с «обычными» приставками (см. историческую справку, а также предложение А I, п. 4). Для образований рассматриваемой группы, морфологически от них отличающихся, написания с *ы* тем более не закрепились бы, и орфографическая практика им бы настойчиво сопротивлялась.

□ **5.** Потребовалось бы изменить все написания, относящиеся к данному правилу. Предложение совершенно не опирается на существующие написания: в практике образования рассматриваемой группы представлены в написаниях с *и* (реже — с *ъи*); написания типа *сверхызысканный*, *панысламизм* вряд ли когда-либо встречались даже в виде индивидуальных попыток.

II. При передаче с *ы* образований с русскими приставками (кроме *меж-*, *сверх-*) остальные образования, в которых представлено ‹и› после твердой согласной предшествующей морфемы, передавать на письме с *ъи*: *субъинспектор*, *суперъинтендант*, *сверхъизысканный*, *панъисламизм*, *контръигра*, *четырехъимпульсный*, *педъинститут*, *Госъюриздат* (Я. К. Грот 1887; П. Шипов 1954; Дискуссия 1962°).

Примечание. Предложение Я. К. Грота устанавливается на основании двух написаний, рекомендуемых в азбучном указателе к «Русскому правописанию» (*субъинспектор*, *суперъинтендент*). Примеры остальных авторов также не дают полного набора образований, на которые может быть распространено написание *ъи* (при условии сохранения *ы* в образованиях группы А). Ниже анализируется теоретически возможный последовательный вариант предложения.

□ **1а.** Узаконивается двоякая письменная передача фонемных сочетаний «твердая согласная + ‹и›» на морфологических стыках.

■ **1б.** См. предложение А I, п. 1в.

■ **2.** Написания с *ъи* обеспечивают указание на правильное твердое произношение согласных перед ‹и›.

■ **3.** В этих написаниях правильно отражен и фонемный состав этих слов (обозначена фонематически значимая твердость согласных перед ‹и›).

■ **4.** Предлагаемые написания обеспечивают также сохранение единства графического облика морфем с начальным ‹и›.

■ **5.** Реализация предложения не связана с большой ломкой традиции. Прочно утвердившиеся и частотные написания не были бы затронуты.

□ **6.** См. предложение А IV, п. 6.

□ **7а.** К сказанному в предложении А IV, п. 7 можно прибавить, что с изъятием ъ в разделительной функции рассматриваемое предложение было бы еще менее целесообразно, чем предложение А IV (поскольку ъ сохранился бы только в сочетании *ъи*, используемом в гораздо меньшем числе слов, чем при реализации предложения А IV).

□ **7б.** Данное предложение сопровождалось предложением использовать разделительный ъ в сложносокращенных словах: *детъясли*, *комъячейка* (что возможно также при одновременной замене ъ через ь в приставочных образованиях: *съезд*, но *детъясли*). Этим вариантом также не достигается целесообразность в использовании ъ.

□ 8. См. предложение А IV, п. 8.

III. При передаче с *ы* образований с русскими приставками (кроме *меж-*, *сверх-*) принять для остальных образований с ‹и› после твердой согласной предшествующей морфемы дефисные написания; писать: *сверх-изысканный*, *пост-импрессионизм*, *контр-игра*, *пед-институт*, *гос-издат* и т. п. (Дискуссия 1962°).

Примечание. Предложение выдвигается одновременно с предложением использовать дефис в качестве сигнала йота после согласных перед гласными: *двух-ярусный*, *ком-ячейка* и пр.

□ **1а.** См. предложение II, п. 1а.

■ **1б.** См. предложение А I, п. 1в.

■ **2.** Дефисные написания, поскольку ими обозначается граница морфем, обеспечивают указание на правильное произношение. Твердое произношение конечной согласной первой морфемы следует из этих написаний так же, как и из написаний типа *под ивой* (*по*[ды]*вой*), где обозначена граница слов.

■ **3.** При дефисных написаниях обеспечивается и указание на фонематически значимую твердость согласной перед ‹и›.

■ **4.** Сохраняется единство графического облика морфем с начальным ‹и›.

□ **5а.** Реализация предложения связана с довольно значительной ломкой орфографических навыков. Дело даже не в числе подлежащих изменению написаний (оно не так уж велико), а в том, что вводится новый способ обозначения фонемных сочетаний «твердая согласная + ‹и›» на морфологических стыках. При этом дефис предлагается использовать как своего рода графический знак.

■ **5б.** Однако использование дефиса в функции, близкой к графическому знаку, — не абсолютное новшество. Почти так он используется в образованиях с *пол-* (см. такие написания, как *пол-избы*, ср. *пол-яблока*; правда, наряду с этим — и *пол-арбуза*).

■ **5в.** Некоторую «опору» для написаний *контр-игра*, *супер-интендант*, *пед-институт* и др. можно найти в написаниях вроде *экс-император*, *обер-интендант*.

□ **5г.** Но все это случайные факты. Для выяснения того, насколько рационально данное предложение, необходимо рассмотреть всю совокупность дефисных написаний, выяснить функцию дефиса в современной орфографической системе. Если принять данное предложение, необходимо установить, следует ли употреблять дефис только для предупреждения возможного неверного прочтения определенных сочетаний букв (в случаях типа *пост-импрессионизм*, *спорт-игра*, *глав-ювелир*) или во всех словах тех морфологических разрядов, где такие сочетания могут быть представлены (т. е. и *пост-эмбриональный*, *спорт-совет*, *глав-вино* и т. п.).

ПЕРЕДАЧА ДВОЙНЫХ СОГЛАСНЫХ

Историческая справка

Написания двойных и одиночных согласных относятся к числу самых трудных в русском письме. Ни реформа 1918 г., ни упорядочение 1956 г. этот вопрос не решили.

Известно, что Я. К. Грот лишь констатировал, какие написания заимствованных слов утвердились к концу XIX в.: «В иностранных словах, заимствованных в более или менее отдаленные времена, даже еще в петровскую эпоху, удвоение согласных большею частью пропало: слова *панихида*, *грамота*, *арест*, *офицер*, *батарея*, *атака*, *карета*, *команда*, *комендант*, *камергер*, *канцелярия* всеми бесспорно пишутся так, вместо *граммата*, *аррест*, *оффицер* и т. д. Но с другой стороны, иногда и в старинных заимствованиях сохраняется удвоение, например пишут: *коллегия*, *аттестат*» (1876). Почти через 40 лет другой автор, критикуя правила Я. К. Грота, писал: «А с удвоением согласных в иностранных словах! Тут творится нечто невообразимое. Не надо удваивать в старинных (принятых в петровскую эпоху) словах: *арест*, *офицер*, *команда* и пр. Но все-таки надо писать: *коллегия*, *аттестат*. В новозаимствованных надо соблюдать иностранное правописание: *профессор*, *Пруссия*, *сумма*, *труппа* (хотя по-французски troupe), но в *комиссия* *м* не следует удваивать, а *с* следует. . . Надо писать *металл*, *балл*, *класс*, *кристалл*, но не надо писать там, г д е о н о и с ч е з л о, например *адрес*, *протокол* и пр. Но так как исчезло удвоение не в иностранных языках, а у нас, то правило сводится к тому, что в иностранных словах не удваивается согласный там, где его не принято удваивать» (К. Г. Житомирский 1915).

Через 47 лет менее темпераментно, но не менее убедительно третий автор показывает, что такой же разнобой в написаниях двойных согласных в заимствованных словах существует и в настоящее время: «Можно ли установить, какой принцип (какое правило) лежит в основе написания слов этого типа? Нужно со всей ответственностью сказать: такого принципа н е с у щ е с т в у е т, таких правил, которые охватывали бы все типы слов, н е т, все сводится к традиции, а следовательно, написание каждого слова нужно з а у ч и т ь. На каком основании *афиша* нужно писать с одним *ф*, а *дифференциация* с двумя, *рапорт* с одним *п*, а *аппарат* с двумя, *грамота* с одним *м*, а *грамматика* с двумя? Ведь многие из слов, пишущихся сейчас с одним согласным, раньше писались с двойными согласными, а другие до сих пор сохраняют написание с двумя согласными. Не зависит ли здесь написание от произношения (долгота—недолгота)? Но произношение в заимствованных словах очень часто изменяется по сравнению с языком-источником. Мы так же не произносим долгих согласных в словах *конфетти*, *шиллинг*, *террор*, *пассажир*, пишущихся с двойными согласными, как и в словах *батарея*,

галерея, *коридор*, *десерт*, пишущихся в настоящее время с одной согласной, а ранее писавшихся с двумя согласными» (А. Б. Шапиро 1962).

В то же время в течение последних 100—150 лет медленно, но неуклонно происходил процесс освобождения от удвоенных согласных в написаниях заимствованных слов. «Общее направление эволюции правописания иностранных слов в русском письме — от двойной буквы к одной, что стоит в связи с произношением: по мере обрусения иностранного слова мы перестаем произносить двойную согласную (точнее, долгую согласную). Такова история произношения и правописания слов: *литература*, *атака*, *адрес* и мн. др. старых слов. Таково появляющееся на наших глазах произношение одной согласной в словах, где мы еще пишем две: *коллектив*, *коммуна* и мн. др.» (Проект 1930). Это можно считать одним из проявлений общей тенденции, действующей во всех славянских языках по отношению к заимствованным словам неславянского происхождения. «Во всех славянских языках проявляется тенденция подчинять написание этих слов правилам правописания заимствующего языка. Эта тенденция тем сильнее, чем более слово входит в общее употребление» (С. Жажа 1963).

Несколько раз предпринимались индивидуальные попытки решительно упростить написание слов с двойными согласными. Опытом такого рода был словарь В. И. Даля. Даль «принял за общее правило не сдваивать букв, т. е. не писать рядом двух *с*, двух *н*. . . Поэтому он пишет: *клас* (вместо *класс*), *каса*, *маса*, *шосе* и даже *Росия; руский*, *француский*, *бесвязно*, *бестыдно*, *растаплять*. Он не сдваивает обыкновенно и буквы *н* в причастиях страдательных, исключая случаев, „где этого неуступчиво требует произношение“; так, он пишет: *определеный*, *деланый*, *своевременый* и — *данный*, *бездыханный*, *деревянный*, *совершенный*, *сокращенный*. . .» (Я. К. Грот 1870). Более многочисленными были попытки упростить написания двойных согласных в заимствованных словах. В их числе опыт И. А. Бодуэна де Куртенэ, у которого в книге «Об отношении русского письма к русскому языку» (1912) находим: *колектив*, *група*, *процес*, *галюцинация*, *територия*, *асоциация* и т. п. С 1913 по 1917 г. в журнале «Аполлон» заимствованные слова давались без удвоенных согласных «там, где они не звучат в живом произношении» (но это не распространялось на собственные имена, в том числе на название журнала). Начиная с 1916 г. более 10 лет упразднителем удвоения согласных в словах иностранного происхождения выступал Г. Г. Шпет. Он последовательно проводил такие написания в своих книгах по эстетике и истории философии. Этот его опыт известен под ироническим названием «шпетография». Интересно, что Г. Г. Шпет затронул и написания собственных имен, в том числе своей фамилии, которая ранее передавалась как *Шпетт* (см., например, его книгу «Проблема причинности у Юма и Канта», вышедшую в Киеве в 1907 г.).

В 1933 г. вышло первое издание словаря иностранных слов К. С. Кузьминского, М. М. Каушанского, Я. А. Рохлина и С. С. Бровкина, где двойные согласные сохранены «лишь в случаях интервокальности при ударении на первой гласной и в производных от таких слов: *ка́сса* — *кассир*, *профе́ссия* — *профессиона́льный*. . .»

Все эти попытки успеха не имели (характерно, что при переиздании словаря иностранных слов в 1937 г. двойные согласные были восстановлены).

Принимается следующее членение:

А. Предложения, относящиеся к передаче двойных согласных во всех категориях слов.

Б. Предложения, относящиеся к передаче двойных согласных в русских словах.

а. Предложения, относящиеся к передаче всех двойных согласных.

б. Предложения, относящиеся к написаниям *нн* — *н*.

α. Написания *нн* — *н* во всех категориях слов.

β. Написания *нн* — *н* в суффиксах страдательных причастий и отпричастных прилагательных.

γ. Написания *нн* — *н* в суффиксах прилагательных.

В. Предложения, относящиеся к передаче двойных согласных в заимствованных словах.

а. Общие предложения.

б. Частные предложения.

Не рассматриваются предложения, касающиеся отдельных слов (*ветреный*, *желанный*, *священный* и т. п.). Опущено все относящееся к написанию *жж*, передающему фонему ‹ж̄› (см. раздел «Передача долгих шипящих»).

Предложения

А. Передача двойных согласных во всех категориях слов

I. Уничтожить на письме всякое удвоение согласных; писать: *расадить*, *отянуть*, *спася*, *срося*, *матроский*, *коный*, *карманый*, *революционый*, *стекляный*, *изданый*, *возвращеный*; *метал*, *фин*, *гама*, *каса*, *вана*, *комисия*, *класовый* и т. п. (К. Г. Житомирский 1915; Р. Теверовская 1926).

■ **1.** Такое предложение заменяет все многочисленные правила, касающиеся написания двойных и одиночных согласных, с различными исключениями, и дает вместо них одно. Положение пишущего этим серьезно облегчается.

□ **2а.** «Но вряд ли допустимо для облегчения пишущего не отмечать на письме те различия, какие существуют в живом языке. Писать *Ана*, *вана*, *деревяный*, *оловяный* значит не считаться с живым языком» (Н. Н. Дурново 1930).

■ **2б.** Действительно, предлагаемые написания вступают в конфликт с произношением. Но разве нет случаев несоответствия между написанием и произношением двойных и одиночных согласных при современных правилах? Ведь огромное число удвоенных согласных букв соответствует неудвоенному (краткому) произношению согласных звуков.

□ **2в.** Но данное предложение вводит принципиально новый тип несоответствия между правописанием и произношением по сравнению с тем, что принято сейчас и что является привычным для пишущих и говорящих по-русски. Если мы привыкли к тому, что удвоенному написанию соответствует недолгое произношение, то для нас не является обычным обратное: написание одной согласной при долгом произношении. Можно привести лишь редкие случаи, когда при написании *н* появляется в произношении [н̄] (т. е. долгий звук): *ю*[н̄]*ый*, *конопля*[н̄]*ый* (Дискуссия 1962°).

□ **2г.** Именно в силу непривычности такого соотношения предлагаемые написания могут оказать влияние на произношение. Слова *стеклянный*, *оловянный*, *деревянный*, *изможденный*, *конный*, *весенний* и т. д. под влиянием этого правила могут изменить свое произношение. Реформа же письма не должна провоцировать языковые изменения.

■ **2д.** Но, с другой стороны, высказывалось мнение, что «отсутствие удвоенной буквы на письме не помешает читающему произносить, где это нужно, двойной звук так же, как он на месте буквы *о* в слове *вода* произносит звук *а*» (Проект 1930). Нет ли основания думать, что и это нововведение не затронет произношения?

□ **2е.** Очевидно, параллель, приведенная выше, ненадежна. Написание *вода* не может повлиять на произношение, так как произношение безударного [о] необычно для русских слов, противоречит нашим произносительным привычкам. Произношение же *ва*[н]*а*, *деревя*[н]*ый* и т. д. не противоречит произносительным привычкам: в позиции после ударного гласного возможен и долгий, и краткий согласный. Следовательно, произношение может измениться, если писать такие слова без удвоения согласных.

□ **3а.** Написания с одной согласной на стыке морфем будут противоречить морфологическому принципу. В одних случаях морфемы будут иметь полное буквенное выражение, а в других — неполное, и морфологическое строение слова окажется затемненным; ср. *отереть* (вместо *оттереть*), *отянуть* (вместо *оттянуть*), но *отсесть*; *расадник* (вместо *рассадник*); *растелить* (вместо *расстелить*), но *растащить* и т. п.

■ **3б.** Впрочем, такие написания будут ничуть не более условны, чем написания по действующему правилу «не писать рядом более двух одинаковых согласных», например: *рассорить* (вместо *рас*+*ссорить*), *одесский* (вместо *одесс*+*ский*).

□ **3в.** Эти редкие случаи никак не могут оправдать введение большой категории написаний, затемняющих морфологический состав слов.

□ **4а.** Вводится немало нефонематических написаний. Таковы все неморфологические написания (случаи необозначения на письме двойных согласных на стыках морфем). Нефонематичны также вновь вводимые написания всех слов, в которых можно с уверенностью констатировать наличие долгого звучания согласных; оно может быть установлено в сильной произносительной позиции: в интервокальном положении после ударного гласного. Не отвечают фонематическому принципу написания одной согласной в соответствие долгим звукам в сильных позициях и в слабых, которые могут быть соотнесены с этими сильными. Например, если установлено наличие долготы *н* в суффиксе причастий на осно-

вании произношения слов с ударным суффиксом: *возрождё*[н̄]*ый*, *принесё*[н̄]*ый*, то нефонематичны все написания форм причастий с *н*: *возрожденый*, *принесёный*, *выделеный*, *заказаный* и пр.).

■ **4б.** Однако выделение сильной позиции для двойных согласных внутри морфемы не является достаточно отчетливым. Можно «пренебречь особым обозначением для некоторых малозначащих оттенков произношения, лишь бы не было оснований для выбора на письме для данного оттенка различных написаний. Этой точкой зрения должно быть оправдано устранение двойных написаний согласных даже в тех случаях, когда они передают протяжное произношение (*Анна*). Дело в том, что оттенок протяжности согласных имеет очень небольшое значение, не являясь единственным основанием для смыслового различения слов и отличаясь в русском языке малой устойчивостью (сокращение долгих согласных в иностранных словах, переживающих процесс обрусения)» (М. В. Ушаков 1930).

□ **5.** Реализация данного предложения создаст многочисленные омографы: написание *сорить* будет означать «сорить» и «ссорить», *поделать* — «поделать» и «подделать», *отереть* — «отереть» и «оттереть», *вести* — «вести» и «ввести» и т. д.

□ **6а.** Предложение целиком устраняет дифференцировочные написания (*бал — балл*, *воспитана — воспитанна*, *раненный — раненый* и т. п.).

■ **6б.** Устранение дифференцировочных написаний — одна из ярко выраженных тенденций русского письма. Ценность же приведенных письменных разграничений далеко не очевидна.

■ **7.** «. . . Устранение лишних согласных повлечет за собой большое облегчение для печатников (наборщиков, корректоров) и немалую экономию бумаги и шрифта» (А. М. Либерман 1955).

□ **8.** Предложение потребует изменения очень большого числа написаний, значительной ломки сложившихся правописных навыков.

II. Уничтожать на письме удвоение согласных там, где нет долгого произношения; писать, например: *расказать*, *распросить*, *комисия*, *субота*, *професор*, но *оттенок*, *поддержать*, *деревянный*, *изображенный*, *масса*, *ванна* (В. Я. Стоюнин 1862; Дискуссия 1862; В. И. Даль 1863; *Р. Ф. Брандт 1901*; К. А. Сорокин 1907; *И. И. Дурново 1930*; Дискуссия 1962).

■ **1а.** Предложение снимает многочисленные правила о написании двойных и одиночных согласных и заменяет их одним.

□ **1б.** Однако предлагаемое правило очень трудно применять, так как во многих словах нелегко определить, что же произносится — одиночная или двойная согласная, тем более, что определенное

число людей в каком-либо слове произносит двойную согласную, тогда как другие в этом же слове произносят одиночную согласную. Поэтому данное правило неизбежно привело бы к разнобою в написаниях многих слов.

Примечание. В частности, это предложение трудно проиллюстрировать примерами, так как подбор их у каждого автора, очевидно, должен оказаться свой, индивидуальный. Выше приведены лишь самые бесспорные из примеров, фигурирующих у отдельных авторов.

■ **2а.** Правило основано на едином принципе правописания: фонетическом.

■ **2б.** Значит, оно не должно вести к несоответствиям между правописанием и произношением: ни к тому несоответствию, которое уже есть в принятых написаниях (удвоение букв на письме при недолгом произношении), ни к несоответствию «нового» типа, вводимому предыдущим предложением (см. п. 2в).

□ **2в.** Но данное предложение обладает всеми недостатками, которые свойственны проводимому им принципу правописания,

□ **2г.** тем более, что фонетические написания вводятся лишь для одной категории случаев, на фоне системы правописания, построенной на ином принципе.

□ **3.** Предлагаемые написания будут противоречить морфологическому принципу; если писать одну согласную на стыке морфем в тех случаях, когда двойные согласные не произносятся, произойдет «графическое стушевывание» ряда морфем: *расказать*, *арзамаский* и т. д. В разных фонетических позициях одни и те же морфемы будут выглядеть по-разному: *обновленный*, но *вылепленый*, *принесенный*, но *вынесеный*.

□ **4.** Естественно, что данное предложение противоречит требованиям фонематического принципа. Если придерживаться предлагаемого правила абсолютно последовательно, надо писать: *ванна* но *пять ван*, *гамма* — *гам* и т. п., а это то же самое, что писать: *молода* — *молот*, *лодочка* — *лотка* и пр. (Следует, однако, отметить, что приводимые авторами примеры не дают возможности установить, был ли кто-нибудь из них настолько последователен в проведении предлагаемого принципа).

□ **5а.** См. предложение I, п. 6а.

■ **5б.** См. предложение I, п. 6б.

□ **6.** Реализация предложения требует отказа от многих давно принятых устойчивых написаний.

Б. Передача двойных согласных в русских словах

а. Передача всех двойных согласных

I. Уничтожить на письме удвоение согласных внутри морфемы, сохранив его на всех морфемных стыках (приставки и корня, корня и суффикса, основы глагола и частицы *-ся*, а также частей сложносокращенных слов); писать: *деревяный*, *соломеный*, *общественый*, *широченый*, *революционый*, *возвращёный*, но *оттянуть*, *рассказать*; *конный*, *весенний*; *осинник*, *хозяйственник*; *матросский*, *искусство*; *несся*, *спасся; главвино*, *кожжиртрест* (Проект $1930_{ж}$; Дискуссия 1962, 1962°, 1962*).

■ **1а.** Предложение упрощает правила написания двойных и одиночных согласных.

□ **1б.** Но оно не снимает всех трудностей: отграничить стык морфем от положения внутри морфемы не всегда легко; в определенных случаях для этого требуется углубленный морфологический анализ, доступный не всякому пишущему. (Поскольку это больше всего касается написания *нн*, об этом подробнее сказано дальше; см. предложение I раздела Б б α).

□ **2.** Данное предложение вводит тот тип несоответствия между написанием и произношением слов, о котором сказано в п. 2в предложения А I, но в меньшем числе случаев (только внутри морфемы).

■ **3.** Это предложение не вводит написаний, противоречащих морфологическому принципу.

■ **4а.** В той части, в какой оно касается двойных согласных на стыке морфем, это правило соответствует фонемному принципу письма ровно столько же, сколько и действующие ныне правила, так как оно оставляет эту часть правил без изменений.

□ **4б.** Но этого соответствия нет в той части правил, которая касается написания суффиксальных элементов, имеющих в своем составе двойные согласные: *революционный*, *устремленный*, *данный*.

■ **4в.** См. предложение А I, п. 4б.

■ **5.** Предложение не вводит омографов: сохраняется письменное противопоставление: *подделать* — *поделать* и пр.

□ **6а.** См. предложение А I, п. 6а.

■ **6б.** См. предложение А I, п. 6б.

□ **7.** Это предложение означает ломку целого ряда исторически сложившихся и ставших традиционными написаний суффиксов прилагательных и причастий.

II. Уничтожить на письме удвоение согласных внутри морфемы и на некоторых морфемных стыках (Дискуссия 1929°; Проект 1930; Дискуссия 1962, 1962*).

Примечание. В этой обобщенной формулировке объединено несколько предложений. Например:

а) писать: *деревяный*, *соломеный*, *взволнованый*, *руский*, но *поддержка*, *оттепель*, *рассказ*, *спасся*, *сросся* (Проект 1930);

б) писать: *деревяный*, *революционый*, *матроский*, но *поддержать*, *оттереть*, *главврач*, *длинный*, *несся* (Д. С. Ищенко 1964);

в) писать: *деревяный*, *обиженый*, *туманый*, *руский*, *расказ*, *возвание*, *отуда*, но *главврач*, *газзавод*, *госстрах* (И. И. Колесников 1963*).

Далее предложение оценивается в обобщенной форме с выделением в необходимых случаях разных его вариантов.

□ **1.** Это правило (во всех его вариантах) труднее правила I, так как пишущий должен не только различать случаи внутри морфемы и на стыке морфем, но и дифференцированно подходить к разным морфемным стыкам.

□ **2.** Предложение вводит случаи несоответствия произношению, о которых говорится в п. 2в предложения А I.

□ **3а.** Предложение отменяет часть принятых в настоящее время морфологических написаний. Можно считать его в целом не соответствующим морфологическому принципу.

■ **3б.** Предлагаемое различие в письменной передаче разных морфемных стыков имеет некоторые языковые основания. Общая идея данного предложения (во всех его вариантах) — отграничение более агглютинативных стыков морфем, для которых предлагается сохранить написание двойных согласных, от стыков менее агглютинативных. Наиболее лингвистически обоснованным можно считать орфографическое противопоставление стыка корня и суффикса как наименее агглютинативного всем остальным (писать: *коный*, *руский*, но *поддержать*, *спасся*, *главвино*). Один из вариантов рассматриваемого предложения орфографически выделяет, наоборот, лишь наиболее агглютинативный стык — частей сложносокращенных слов (*главврач*, *но возвание*, *руский*).

□ **3в.** Необходимость орфографического выражения большей или меньшей агглютинативности морфемных стыков весьма сомнительна.

□ **4.** Предложение вводит немало написаний, противоречащих фонематическому принципу.

□ **5.** Предлагается довольно значительная ломка сложившихся написаний.

б. Написания нн — н

а. Написания *нн — н* во всех категориях слов

I. Писать *н* внутри морфемы и *нн* на морфемных стыках: *организованый*, *остриженый*, *развеяный*, *сеяный*, *засеяный*, *соломеный*, *безветреный*, *стекляный*, *революционый*, но *сонный*, *обманный* (Дискуссия 1962, 1962*).

Примечание. Так как в русских словах внутри морфемы почти нет случаев удвоения иных согласных, кроме *н*, это предложение по результатам почти совпадает с предложением Б, а, I.

См. оценку предложения Б а I, которая может быть в основном распространена на это предложение (с учетом различия в объеме материала).

□ 1. Сказанное в п. 1б предложения Б а I в основном относится к написаниям *нн—н*. Разграничить среди принятых написаний *нн* на стыке корня и суффикса и *нн* «внутри» суффикса далеко не всегда легко. Пишущий должен заниматься морфологическим анализом, чтобы, руководствуясь предлагаемым правилом, написать: *флогистонный* (от *флогистон* с суффиксом *-н-*), но *революционый* (с суффиксом *-он-*), *башенный*, *пашенный* (от *башня*, *пашня* с беглым *е* в основе и суффиксом *-н-*), но *мысленый*, *шахтеный* (с суффиксом *-ен-*) (Дискуссия 1962). Есть и случаи, спорные по существу: писать ли *временный*, *письменный* (от основ *времен-*, *письмен-* с суффиксом *-н-*) или *временый*, *письменый* (от основ *врем-*, *письм-* с суффиксом *-ен-*)? «В употреблении двойного (а в произношении — долгого) *н* здесь совершенно определенно сказалось влияние словообразовательных моделей с суффиксальным *н*, присоединенным к основе на *н*; нарушение этих тесно связанных произносительных и словообразовательных аналогий может не только не принести облегчения, но, напротив, вызовет еще большие затруднения» (Дискуссия 1962).

II. Писать *нн* или *н*, руководствуясь произношением, например: *деревянный*, *странный*, но *соломеный*, *поношеный* (В. И. Даль 1863; Я. К. Грот 1876; Л. Ф. Воеводский 1898; Проект Казанского педагогического общества 1903; Дискуссия 1904°; Дискуссия 1962, 1962*).

На данное предложение может быть в основном распространена оценка предложения А II.

в. Написания *нн — н* в суффиксах страдательных причастий и образовавшихся из них прилагательных

I. Орфографически разграничивать следующие две категории форм страдательных причастий и образовавшихся из них прилагательных: а) полные формы причастий без приставок и суф-

фикса *-ова-* передавать с *нн*, а формы соответствующих прилагательных — с *н*; но все полные формы причастий и соответствующих прилагательных с приставками, а также бесприставочные с суффиксом *-ова-* передавать с *нн*; писать: *раненный в руку боец* и *раненый боец*, *писанные маслом картины* и *писаная красавица*, *груженная кирпичом машина* и *груженые повозки*, но с *трудом изысканные средства* и *изысканные манеры*, *согласованное* с *коллективом решение* и *согласованные действия*; б) краткие формы страдательных причастий передавать с *н*, краткие формы образовавшихся из них прилагательных — с *нн*; писать: *образована новая комиссия* и *она умна* и *образованна*, *подсудимые оправданы* и *сомнения вполне оправданны* (Проекты свода 1936—1955; Свод 1956).

Примечания. 1. Еще до того, как было сформулировано приведенное детальное правило, некоторые авторы поддерживали наметившееся в практике разграничение случаев типа *писанные маслом картины — писаная красавица* (Я. К. Грот 1876, 1885; П. А. Адамов 1897 и др.).

2. Почти во всех проектах свода и в самом своде к данному правилу даются исключения: адъективированные формы без приставок, пишущиеся с *нн*: *желанный*, *нежданный*, *невиданный* и др. (Свод 1956 и ряд проектов свода), адъективированные формы с приставками, пишущиеся с *н*: *подержаный*, *поношеный* (Проекты свода 1936_2, 1939_1).

□ **1.** Правило очень сложно: надо дифференцированно подходить к приставочным и бесприставочным формам, к формам, содержащим и не содержащим суффикс *-ова-*. В одних случаях формы причастий и образовавшихся из них прилагательных орфографически противопоставлены (*волосы*, *стриженные под машинку — стриженые волосы*; *подсудимые оправданы — сомнения оправданны*), в других случаях грамматическое различие причастий и прилагательных не находит орфографического выражения (*комиссия*, *образованная недавно — образованный человек*). Пишущий выбирает правильное написание, лишь «предварительно установив грамматическую принадлежность слова» (П. А. Лекант 1963), в чем ему не всегда может помочь наличие или отсутствие так называемых пояснительных слов; как известно, это критерий, недостаточно надежный лингвистически; к тому же он не дает легкого правила. Очень трудно для пишущих разграничение кратких форм типа *взволнована — взволнованна*, требующее тонкого лингвистического анализа.

Правило, трудное само по себе, осложняется, кроме того, рядом исключений: написания *желанный*, *невиданный*, *нечаянный* и др. К не оговоренным в правиле, но регулярно соблюдаемым в практике исключениям относятся написания с *нн* причастий от бесприставочных и не содержащих суффикса *-ова-* глаголов совершенного вида, употребленных в роли прилагательных (*брошенные дети*, *конченная работа*, *прощенная вина*).

□ **2а.** В большом числе случаев предлагаемые разграничения *нн—н* приходятся на слабые произносительные позиции и, следова-

тельно, не находят опоры в произношении; например: *раненный в руку солдат — раненый солдат*; *жаренные в масле котлеты — жареные котлеты*.

■ **2б.** Но написание *нн* в суффиксе причастий с ударным гласным (*увлечённый*, *оживлённый*, *принесённый*) приходится на сильную произносительную позицию, в которой звучит [н̄]. То же надо сказать о написании *н* в формах типа *мочёный*, *варёный*, *учёный*, *золочёный* (где звучит [н]).

□ **2в.** Однако пары вроде *гружённые досками повозки* и *гружёные повозки* вряд ли противопоставлены в произношении (и в первом случае скорее всего произносится [н]).

□ **3.** Предлагаемое разграничение не может быть оправдано с позиций морфологического принципа: одна и та же суффиксальная морфе́ма в одних случаях передается одинаково в причастиях и их адъективированных формах (*взволнованный*, *оживленный*, независимо от употребления), в других — по-разному (*раненный в руку — раненый*).

□ **4.** Это разграничение не оправдывается и с позиций фонематического принципа.

■ **5а.** Правило проводит дифференцировочный принцип.

□ **5б.** Но он проводится непоследовательно; ср. *раненный — раненый*, *взволнована — взволнованна* и *взволнованный* (в любом употреблении).

□ **5в.** К тому же сама необходимость такой орфографической дифференциации сомнительна.

□ **6.** Хотя речь идет о действующем правиле, реальная орфографическая практика от него в ряде случаев отступает, и даже в практике центральной печати это правило нередко нарушается. С одной стороны, передают с *нн* несомненно адъективированные бесприставочные формы; так, регулярно пишут *деланный* (*деланная улыбка*), *считанный* (*считанные минуты*). С другой стороны, пишут с *н* бесприставочные формы причастий: *волосы*, *стриженые ежиком* (Дискуссия 1962°).

II. Отказавшись от орфографического разграничения полных форм страдательных причастий и образовавшихся из них прилагательных, распространить на все случаи написания *нн*; писать: *раненный солдат*, *писанная красавица*, *груженные повозки* как *раненный в руку солдат*, *писанная маслом* картина, *груженная кирпичом машина* и как *израненный*, *нагруженный*, *написанный* (Дискуссия 1954; Предложения Института русского языка 1962; Дискуссия 1962, 1962*; *Л. П. Калакуцкая 1963*; Дискуссия 1964*).

■ **1а.** Очень трудное правило о написании полных форм страдательных причастий и образовавшихся из них прилагательных заменяется более простым.

□ **1б.** Но не менее трудное правило написания кратких форм (*взволнована — взволнованна*) этим предложением не затрагивается.

■ **2а.** Предложение не вносит ничего нового в сложившиеся соотношения между написанием и произношением в тех случаях, когда *н* заменяется через *нн* в слабых произносительных позициях (после неударного гласного): *стриженные волосы*, *жаренные котлеты* вместо *стриженые* волосы, *жареные котлеты*.

□ **2б.** Однако написания *нн—н* в сильной позиции (после ударного гласного) в большинстве случаев соответствуют произношению. Поэтому с принятием данного предложения «изменится соответствующее произношению написание широко распространенных слов на написание, резко не соответствующее произношению: *варенный картофель*, *соленный огурец*, *вощенная бумага*, *гашенная известь*, *жженная пробка*, *копченные колбасы*, *крученный шелк* и т. д. Слишком резкое несоответствие письма и произношения может привести к ошибочным написаниям *нн* в других случаях: *единный*, *совинный*, *лошадинный* и т. д.» (Дискуссия 1962).

■ **2в.** Не преувеличены ли эти опасения? Так ли уж точно соответствуют произношению принятые сейчас написания? Ведь пишут *гружённая досками машина*, *толчённый в ступке миндаль*, *печённая в печке картошка*; а эти формы причастий вряд ли отличаются в произношении от своих адъективированных пар: *гружёная машина*, *толчёный миндаль*, *печёный хлеб*.

□ **2г.** Такие формы причастий употребляются очень редко; случаи эти представляются даже искусственными. К тому же и сами по себе пары такого типа немногочисленны, так как в ряде случаев бесприставочные причастия и их адъективированные формы неодинаковы по месту ударения. Поэтому получается, «что написание *н* и *нн* тесно связано и с ударением: *га́шенный*, но *гашёный*, *да́ренный*, но *дарёный*, *пи́ленный*, но *пилёный* и т. д.» (Дискуссия 1962).

■ **3.** Устранение различной передачи суффикса в причастиях и их адъективированных формах соответствует морфологическому принципу.

■ **4а.** Одинаковая передача причастного суффикса в собственно причастиях и адъективированных формах соответствует и фонематическому принципу. Фонематичны написания *угнетённый — усиленный*, так как в сильной произносительной позиции (после ударного гласного) наличествует [н̄].

□ **1б.** Но в формах, передаваемых сейчас как *мочёный*, *варёный*, *точёный*, нет [н] в сильной позиции. Можно ли оправдать фонематически передачу их как *мочённый*, *точённый*?

□ **5а.** Предложение отменяет дифференцировочные написания *раненный — раненый*, *груженный — груженый*.

■ **5б.** Но грамматическое различие прилагательных и причастий «и сейчас строго орфографически не выражается (см. *воспитанный* в двух значениях). Грамматическое противопоставление прилагательных и причастий осознается и выражается в предложении с помощью управляемых или примыкающих слов» (П. А. Лекант 1963). Нужно ли вообще выражать его орфографически?

■ **6.** Реализация предложения не ведет к серьезной ломке правописных навыков. Число слов, написание которых подлежит изменению, сравнительно невелико (только бесприставочные адъективированные формы, среди которых не так уж много широко употребительных). Кроме того, многочисленные отступления от принятых правил в практике современной печати — это как раз написания с *нн* вместо «правильных» с *н* (Дискуссия 1962°).

III. Отказавшись от орфографического разграничения форм страдательных причастий и образовавшихся из них прилагательных, распространить на все случаи написание *н*; писать: *принесёный*, *израненый*, *написаный*, *нагруженый* и *раненый в руку солдат*, *писаная маслом картина*, *груженая кирпичом телега* как *раненый солдат*, *писаная красавица*, *груженая телега* (А. М. Топоров 1929; Дискуссия 1954; А. Б. Шапиро 1962; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1962, 1962°, 1962*; С. Жажа 1963; Дискуссия 1964, 1964*),

■ **1а.** Этим предложением отменяются все случаи орфографического разграничения форм причастий и соответствующих прилагательных: так как везде предлагается писать *н*, не остается места и для проводимого сейчас разграничения в написании кратких форм (типа *подсудимые оправданы — сомнения оправданны*). Тем самым совокупность принятых сейчас правил (осложненных исключениями) заменяется одним простым правилом.

■ **1б.** При одновременном принятии предложения о написании *н* (а не *нн*) во всех суффиксах прилагательных (см. дальше) получилось бы, что *нн* писали бы только на стыке морфем, а внутри морфемы всегда писалось бы *н*.

□ **1в.** Но при этом остается трудность, о которой уже говорилось: отграничить положение на стыке морфем от положения внутри морфемы не всегда легко (см. подробнее в разборе предложения I раздела Б б α).

□ **2а.** Во многих вводимых этим предложением написаниях осуществляется тот тип несоответствия произношению, о котором говорилось выше (см. предложение А I, п. 2в): написание одного согласного при долгом произношении; таковы все случаи передачи с *н* суффикса причастий в положении под ударением: *принесёный*, *привезёный*, *озарёный*; таковы и написания кратких форм отпричастных прилагательных типа *оживлёна*, *определёна* («Она весела и *оживлёна*»).

■ **2б.** Но сохраняются написания *мочёный*, *пилёный*, *варёный* и т. п., и, следовательно, не возникает трудности, о которой говорилось в п. 2б предыдущего предложения.

■ **3.** Предложение так же соответствует морфологическому принципу, как и предыдущее.

□ **4а.** Фонематическому принципу передача суффикса причастий с *н* не соответствует, так как в сильной позиции звучит [н̄].

■ **4б.** Но сохраняются написания прилагательных *мочёный*, *толчёный* и пр., соответствующие произношению [н] в сильной позиции.

□ **5а.** См. предложение II, п. 5а.

■ **5б.** См. предложение II, п. 5б.

□ **6.** Это предложение ведет к очень большой ломке сложившихся написаний.

■ **7.** Но оно позволило бы «достичь полного соответствия русской орфографии с орфографией других славянских народов» (С. Жажа 1963).

IV. Отказавшись от орфографического разграничения полных форм страдательных причастий и образовавшихся из них прилагательных, принять: а) написания *нн* для приставочных форм; б) написание *н* для бесприставочных форм; писать: *израненный*, *написанный*, *перегруженный*, но *раненый в руку солдат* и *раненый солдат*, *писаные маслом картины* и *писаная красавица*, *груженая кирпичом машина* и *груженые повозки*, *конченая мной работа* — *конченый человек* (Предложение Московской орфографической комиссии 1934°; А. Б. Шапиро 1936°; *А. М. Сухотин 1936*°; Дискуссия 1962, 1962°, 1962*; Д. Э. Розенталь 1964; Проект 1964; Дискуссия 1964, 1964*).

Примечание. В предложении 1934 г. сделано исключение для форм на *-ованный*, которые и при отсутствии приставки предлагается писать с *нн*: *организованный*, *мобилизованный* и т. п.; делаются исключения также для отдельных слов (*желанный*, *виденный* и *поношеный*, *подержаный* и др.).

■ **1а.** Это предложение заменяет очень трудное действующее правило (см. предложение I, п. 1).

□ **1б.** Но так ли уж легко предлагаемое правило? При этом новом правиле «станет весьма затруднительным выбор одного или двух *н*

в тех причастиях (и соответственно — прилагательных), которые образовались от глаголов со связанными или только этимологически выделяемыми приставками: *спасенный* или *спасеный*?, *искушенный* или *искушеный*?, *воскрешенный* или *воскрешеный*?, *уличенный* или *уличеный*? и т. д.» (Дискуссия 1962).

□ **1в.** Осложняют это правило и причастия на *-ованный*, как ни решить их судьбу. Если сделать их исключениями и писать всегда с *нн*, правило не будет единым; но вряд ли легки для усвоения и соотношения *фиксированый — зафиксированный*, *именованый — поименованный*, которые в отличие от пар типа *писаный — записанный* не опираются на уже существующие на письме соотношения.

□ **1г.** Предложение не затрагивает вопроса о написании кратких форм причастий и отпричастных прилагательных (*взволнована — взволнованна* и пр.).

■ **2а.** Большинство предлагаемых написаний не вносит ничего нового в сложившиеся соотношения между письменным обликом слов и их произношением. Написания *жареный*, *раненый*, *стриженый* вместо *жаренный*, *раненный*, *стриженный* приходятся на слабые произносительные позиции. Так как случаи типа *толчённый в ступке миндаль — толчёный миндаль*, *гружённые досками повозки — гружёные повозки* скорее всего не противопоставлены в произношении, написание в обоих случаях *н* должно пройти безболезненно.

□ **2б.** Но должны измениться написания нескольких бесприставочных форм от глаголов совершенного вида, где сейчас пишется *нн*, соответствующее [н̄] в сильной произносительной позиции: *казнённый*, *лишённый*, *пленённый*, *прощённый*, *рождённый*, *данный*.

□ **3.** Различная передача суффикса причастий в приставочных и бесприставочных образованиях не соответствует морфологическому принципу.

□ **4а.** Это различие как будто нельзя оправдать и с позиций фонематического принципа.

■ **4б.** Но и в таких случаях, как *угнетённый*, *оживлённый*, *изощрённый*, и в таких, как *мочёный*, *варёный*, *пилёный*, *учёный*, мы имеем сильные произносительные позиции. Если можно с уверенностью констатировать устойчивое произношение в одной категории форм [н̄], а в другой — [н], следует сделать вывод, что и фонематически в одной категории форм выступает ‹нн›, а в другой ‹н›, т. е. следует признать, что суффикс, выступающий в формах типа *мочёный*, *варёный*, не тождествен суффиксу причастий. Известная обособленность форм типа *варёный* (они почти не выступают в роли причастий) делает подобное объяснение вполне вероятным.

Если принять это толкование, можно считать, что написания *нн* и *н* в слабых позициях — *полученный*, *изжаренный*, с одной стороны, и *сеяный*, *моченый*, *кошеный*, *давленый* и т. п. — с другой, ориентируются каждое на «свою» сильную позицию.

□ **5а.** См. предложение II, п. 5а.

■ **5б.** См. предложение II, п. 5б.

■ **6а.** Если не применять правила к формам на *-ованный*, ломка принятых написаний окажется незначительной: она сведется лишь к замене *нн* через *н* в бесприставочных формах, употребленных как причастия (а такие случаи не часты: эти формы чаще употребляются как прилагательные).

□ **6б.** Ломка принятых написаний окажется гораздо значительнее, если писать с *н* бесприставочные формы с суффиксом *-ова-*: *квалифицированый*, *мобилизованый*, *регистрированый* и т. п.

IVа. Отказавшись от орфографического разграничения полных форм страдательных причастий и образовавшихся из них прилагательных, принять: а) написание *нн* для всех форм, содержащих суффикс *-ова-*, независимо от вида глагола и наличия приставки, и для всех форм без суффикса *-ова-* от глаголов совершенного вида, приставочных и бесприставочных; б) написание *н* для всех форм без суффикса *-ова-* от глаголов несовершенного вида (они могут быть только бесприставочными); писать: *регистрированный*, *зарегистрированный*, *организованный*, *взволнованный*, *принесённый*, *изжаренный*, *остриженный*, *спасённый*, *посвящённый*, *брошенный*, *купленный*, *лишённый*, *пленённый*; *раненный в руку солдат* и *раненный солдат*, *конченная мной работа* и *конченный человек*, но *писаные маслом картины* и *писаная красавица*, *груженая кирпичом машина* и *груженые повозки* (*К. И. Былинский 1954*; Дискуссия 1964[5]).

Примечание. К. И. Былинский не прибегает к предложенной формулировке; но рекомендуемые им написания (если не учитывать исключения типа *желанный*, *виданный* и др., которые он сохраняет) могут быть обобщены в той формулировке, которая здесь дается.

■ **1а.** Это предложение, как и предыдущее, заменяет очень трудное действующее правило.

■ **1б.** В отличие от предыдущего данное правило не требует, чтобы пишущий выделял приставку: следует писать *спасённый*, *искушённый*, *воскрешённый*, *уличённый* и т. п. (с *нн*), так как все эти формы образованы от глаголов совершенного вида.

□ **1в.** Как и один из вариантов предыдущего предложения, настоящее правило выделяет причастия на *-ованный*.

■ **1г.** Однако при данной формулировке выделение форм на *-ованный* вполне оправдывается: среди глаголов на *-овать* (*-ировать*)

немало двувидовых (*мобилизовать*, *организовать*, *парализовать*, *централизовать*, *активизировать*, *механизировать* и т. п.); для образованных от них причастий естественно принять те же написания, что и для форм причастий совершенного вида; целесообразно уравнять с ними и написания причастий на *-ованный* несовершенного вида (*балованный*, *линованный* и т. п.).

□ **1д.** Данное правило не избавляет пишущих от необходимости производить грамматический анализ, чтобы установить написание причастных форм.

■ **1е.** Но в отличие от предыдущего оно основывает анализ на таком признаке, который не оставляет никаких «промежуточных» случаев, так как видовая принадлежность глагола всегда определима; представляющие же особую трудность формы на *-ованный* предлагается писать единообразно по формальному признаку (наличию суффикса).

□ **1ж.** Предложение, как и предыдущее, не затрагивает вопроса о написании кратких форм причастий и отпричастных прилагательных (*взволнована — взволнованна*).

■ **2.** Предложение еще меньше, чем предыдущее, меняет сложившиеся соотношения между написанием и произношением слов, так как оставляет в неприкосновенности написания *лишённый*, *рождённый*, *прощённый*, *казнённый*, *пленённый*, где произносится [ӣ]. (В конфликт с произношением вступят лишь такие написания, как *желаный*, *нежданый*, если распространить предлагаемое правило абсолютно на все случаи, не оставляя исключений; как известно, при действующем правиле написания *желанный*, *нежданный* являются исключениями).

□ **3.** Как и предыдущее, предложение не соответствует морфологическому принципу.

□ **4а.** См. п. 4а предыдущего предложения.

■ **4б.** Сказанное в п. 4б предыдущего предложения относится и к данному предложению. При этом написания *лишённый*, *рождённый*, *казнённый* и пр., отличающие данное предложение от предыдущего, лучше согласуются с этим рассуждением, чем *лишёный*, *рождёный* и пр.

■ **5а.** См. предложение II, п. 5а.

□ **5б.** См. предложение II, п. 5б.

■ **6.** Ломка сложившихся написаний оказывается еще меньше, чем при принятии предложения IV, так как сохраняются написания форм на *-ованный* и бесприставочных форм от глаголов совершенного вида (*брошенный*, *данный*, *лишённый*, *купленный* и др.). В принятые сейчас написания вносится лишь одно изменение: формы, образованные от глаголов несовершенного вида,

в тех случаях, когда они употреблены как причастия, предлагается орфографически передавать так же, как эти же формы в роли прилагательных: *стриженые под машинку волосы*, *жареные на масле котлеты* как *стриженые волосы*, *жареные котлеты*. Это минимальное вмешательство в действующие правила, тем более, что подобные формы гораздо чаще употребляются в функции прилагательных, чем причастий.

Примечание. Формулировка действующего правила могла бы тоже основываться не на наличии или отсутствии приставки, а на установлении вида глагола; это правило могло бы быть сформулировано примерно так: причастия от глаголов совершенного вида и причастия на *-ованный* (независимо от вида глагола) орфографически не отграничиваются от соответствующих прилагательных (*оживленный*, *мобилизованный*); причастия от глаголов несовершенного вида пишутся иначе, чем соответствующие прилагательные (*жаренный на масле — жареный*). Тогда под это правило подпали бы принятые написания *купленный*, *лишённый*, *решённый*, которые сейчас оказываются неоговоренными исключениями. Таким образом, рассмотренное предложение фактически исходит из более точного (по сравнению с правилом свода 1956 г.) обобщения принятых сейчас написаний, внося в них лишь одно изменение: написание форм причастий от глаголов несовершенного вида по типу соответствующих форм прилагательных.

V. Страдательные причастия прошедшего времени и образовавшиеся из них прилагательные передавать с *нн* или *н* в соответствии с произношением (И. И. Вальков 1875; Дискуссия 1904°).

Примечание. И. И. Вальков иллюстрирует свое предложение примерами: *слышанный*, *осужденный*, *виденный*, но *сожжоный*, *испечоный*.

На данное предложение в основном может быть распространена оценка предложения А II.

□ 1. «Но опереться на произношение — это значило бы создать новые трудности: если *вареная* (колбаса), *гашеная* (известь), *ученый* (труд) и мн. под. никто не произносит с долгим *н*, то *подержанные* (книги), *заплаканное* (лицо), *рискованный* (шаг), *балованный* (ребенок) и мн. др. одни произносят с долгим, другие с недолгим *н*. То же по существу относится и к самим причастиям: имеющие приставку *вы-*, на которую всегда перетягивается ударение, а также имеющие ударение на суффиксе произносятся с долгим *н* (*вызванный*, *выкрашенный*, *выделенный*, *устремленный*, *разделенный*), остальные звучат у одних с долгим, у других с недолгим *н* (*составленный*, *накрашенный*, *кованный*, *причесанный*)» (А. Б. Шапиро 1962).

γ. Написания *нн — н* в суффиксах прилагательных

I. Все суффиксы прилагательных передавать с *н*; оставить написание *нн* в прилагательных только на стыке конечного *н* основы с суффиксом *-н-*; писать: *оловяный*, *стекляный*, *деревяный*, *клюквеный*, *свойственый*, *тяжеленый*, *революционый* как *серебряный*, *кожаный*, *платяной*, *гусиный*, но *конный*, *длинный*, *туманный*

(*А. Степович 1885*; *П. А. Адамов 1897*; Дискуссия 1954*; *А. Б. Шапиро 1962*; Дискуссия 1962, 1962°, 1962*).

Примечания. 1. Некоторые авторы (их фамилии даны курсивом) сформулировали свои предложения недостаточно детально: поэтому нет полной уверенности, что ими учтены все суффиксы прилагательных, на которые можно распространить написание *н*; в то же время их формулировки не противоречат формулировке, приведенной здесь.

2. Это предложение часто сочетается с предложением передавать с *н* суффикс страдательных причастий (см. предложение III раздела Б б β).

■ **1а.** Предлагается единое правило написания *н* — *нн* в прилагательных вместо ряда правил с исключениями.

■ **1б.** При одновременном принятии правила III о написании суффиксов причастий можно было бы сформулировать общее правило: «внутри морфемы *нн* никогда не пишется, а пишется только на стыке морфем».

□ **1в.** Но это не избавляет полностью от трудностей: как уже говорилось, разграничить положение на стыке морфем и внутри морфемы не всегда легко.

□ **2.** Предложение в ряде случаев вводит написания, представляющие отмеченный выше (см. предложение А I, п. 2в) тип несоответствия произношению — написание одной буквы при долгом произношении: *деревяный*, *оловяный*, *революционый*, *тяжеленый*.

□ **3а.** При написаниях *революционый*, *свойственый* трудно объяснить появление второго *н* в кратких формах м. р.: *революционен*, *свойственен* (с беглым гласным «между» двумя *н*). Этим затрудняется понимание морфологических соотношений.

■ **3б.** Можно, однако, считать, что *-ен* в *революционен*, *сенсационен*, *свойственен*, *торжественен* «есть интерфикс, надставка того же типа, что *-ен-* в словах *время* — *времени*, *времён* и под.» (Дискуссия 1962°).

■ **4а.** При таком толковании морфологического соотношения между полными и краткими формами можно признать, что написания *свойственый*, *торжественый* правильно отражают фонемный состав этих слов.

□ **4б.** Однако суффикс, передаваемый сейчас как *-онн-*, содержит ударный гласный; при этом «долгота *-нн-*, по крайней мере в полном стиле произношения, совершенно очевидна. . .» (Дискуссия 1962°). Это ставит под сомнение то объяснение, которое изложено в п. 3б и, следовательно, фонематичность написаний *революционый*, *свойственый*.

□ **5.** Предлагается довольно значительная ломка сложившихся написаний.

Iа. Передавать с *н* все суффиксы прилагательных, кроме *-онн-*; писать: *оловяный*, *стекляный*, *деревяный*, *тяжеленый*, *свойственый*

как *серебряный*, *кожаный*, *платяной*, *гусиный*, но *революционный*, *сенсационный* (Дискуссия 1962, 1962*).

□ **1.** Предложение не дает возможности сформулировать единое правило написания *нн — н* в суффиксах прилагательных и тем более — общее правило для суффиксов причастий и прилагательных.

□ **2.** Несоответствие произношению охарактеризованного выше типа вводится в таких случаях, как *деревяный*, *тяжеленый* (но этих случаев меньше, чем при предыдущем правиле: сохраняются написания *революционный*, *сенсационный*).

□ **3а.** Вводятся написания, затрудняющие понимание морфологических соотношений: *торжественый — торжественен* (но их меньше, чем в предыдущем случае).

■ **3б.** См. предложение I, п. 3б.

■ **4.** Данное предложение не вводит таких неоправданных с точки зрения фонематического принципа написаний, как *революционый*.

■ **5.** Ломка сложившихся написаний была бы не так значительна, как при реализации предложения I.

1б. Суффикс прилагательных *-ан-*, *-ян(н)-* всегда передавать с *н*; писать: *стекляный*, *оловяный*, *деревяный* как *конопляный*, *овсяный* (Проекты свода 1939_2, 1940; Дискуссия 1954, 1954*; Предложения Института русского языка 1962; Дискуссия 1962, 1962*; Д. Э. Розенталь 1964; Проект 1964; Дискуссия 1964, 1964*).

Примечания. 1. У очень многих авторов это предложение формулируется как предложение ликвидировать исключения *стеклянный*, *оловянный*, *деревянный*.

2. Данное предложение иногда сопровождается предложением распространить написание *-ян-* на прилагательные, сейчас пишущиеся с *-енн-*; писать: *тыквяный*, *соломяный*, *клюквяный*. Оно рассмотрено особо (см. раздел «Суффиксы существительных и прилагательных»).

■ **1.** Предлагается ввести единое написание для данного суффикса, устранив исключения, очень мешающие усвоению правил написания суффиксов прилагательных. Исключения *стеклянный*, *оловянный*, *деревянный* опасны тем, что по аналогии с этими словами пишутся ошибочно другие прилагательные, которые должны были бы писаться с суффиксом *-ан-* (*-ян-*) (Дискуссия 1954).

□ **2а.** Но единообразие достигается за счет введения написания одного согласного в соответствие долгому произношению.

□ **2б.** В силу непривычности такого соотношения (см. предложение А I, п. 2в) произношение этих трех слов может измениться (Дискуссия 1954; Дискуссия 1962).

■ **2в.** Высказывалось мнение, что такое изменение не заключает в себе никакой опасности для языка (Дискуссия 1954; Дискуссия 1962).

■ **3.** Предложение способствует более последовательному проведению морфологического принципа: данный суффикс предлагается передавать всегда единообразно — с *н*.

□ **4а.** Поскольку в *стеклянный*, *оловянный*, *деревянный* звучит [н̄] в сильной позиции, можно заключить, что фонематически он содержит ‹нн›; предлагается же передавать его с *н*.

■ **4б.** В словах *жестяной*, *костяной*, *вощаной* и т. п. «тоже сильная позиция для ‹н› и суффикс ‹-ан-›. Однако два суффикса, тождественные по значению и очень близкие по фонемному составу, влияют друг на друга, создают вариативность в произношении каждого из них. Поэтому целесообразно ввести одно написание для обоих суффиксов. Таким образом, здесь в одном написании объединяются две разные фонемные последовательности; необходимость их объединения вытекает именно из их фонемного строя» (Дискуссия 1962).

II. Все суффиксы прилагательных передавать с *нн*; писать: *кожанный*, *глинянный*, *конопляный*, *вощанной*, *гусинный* как *деревянный*, *клюквенный*, *революционный* (Дискуссия 1954; Дискуссия 1962°).

■ **1а.** Предлагается единое написание *нн* (вместо *н* — *нн*) в суффиксах прилагательных.

■ **1б.** При одновременном принятии предложения последовательно передавать с *нн* суффиксы страдательных причастий (см. предложение II предыдущего раздела), получилось бы, что перед окончанием прилагательных и причастий после гласных почти всегда писалось бы *нн*: *глинянный*, *серебрянный*, *вощанной*, *гусинный*, *свойственный*, *революционный*, *временный*, *странный*, *конный*, *обманный*, *дерзновенный*, *взволнованный*, *мочённый*, *стриженный*. При этом не надо было бы разграничивать положение на стыке морфем и внутри морфемы.

□ **1в.** Но пришлось бы перечислить в правиле все случаи с *н*: *зеленый*, *багряный*, *пьяный*, *рьяный*, *поганый*, *единый*, *солёный*; надо было бы оговорить случаи типа *олений*: хотя *ий* здесь — часть основы (ср. *оле*‹н'j›*его*), форма им. п. ед. ч. не дает об этом ясного представления. Таким образом, правило не получилось бы легким и простым.

■ **2а.** Предложение, естественно, сохраняет написание *нн* во всех случаях, когда оно соответствует произношению [н̄].

□ **2б.** Но оно вводит *нн* в соответствие [н] в сильной позиции: *гусинный*, *вощанной*.

■ **3.** Морфологическому принципу данное предложение не противоречит. В частности, во всех случаях сохраняется «нормальное»

письменное соотношение между полными формами прилагательных и краткой формой м. р. (*революционный — революционен*).

□ **4.** Предложение противоречит фонематическому принципу во всех случаях, когда вводится написание *нн* в соответствие [н] в сильной произносительной позиции и, следовательно, в соответствие ‹и›.

■ **5.** Предлагается относительно небольшая ломка принятых написаний (меняются написания не очень многочисленных разрядов прилагательных с суффиксами *-ин-*, *-ан-*, *-ян-ян-*).

IIа. Суффикс прилагательных *-ан-*, *-ян(н)-* всегда передавать с *нн*; писать: *кожанный*, *серебрянный*, *конопляннный*, *земляннной*, *вощанной* (Дискуссия 1962°, 1962*).

□ **1.** Предложение не сводит к единству написания *н — нн* в суффиксах прилагательных. Оно тем более не дает предпосылки для создания единого правила для суффиксов прилагательных и страдательных причастий.

■ **2а.** См. п. 2а предыдущего предложения.

□ **2б.** Написание *нн* в соответствие [н] в сильной позиции вводится и этим предложением: *песчанный*, *вощанной*, но таких случаев меньше, чем в предложении II.

■ **3.** См. п. 3 предыдущего предложения.

□ **4.** Предложение тоже вводит нефонематические написания, но в меньшем числе, чем предыдущее.

■ **5.** Ломка принятых написаний была бы еще меньше, чем при реализации предложения II.

В. Передача двойных согласных в заимствованных словах

а. Общие предложения

I. Уничтожить удвоение согласных на письме во всех заимствованных словах; писать: *диференциальный*, *пасажир*, *компромис*, *фин*, *кристал*, *вана*, *тона*, *вила*, *нето*, *бруто*, *гама* и т. п. (В. И. Даль. 1863; «Голос» 1863—1884; *К. Г. Житомирский 1894*; Л. Ф. Воеводский 1898; И. А. Бодуэн де Куртенэ 1912; К. Г. Житомирский 1915; Г. Г. Шпет 1916—1927; Р. Теверовская 1926; А. М. Топоров 1929; Проект 1930; Г. А. Патынко 1940; *Л. А. Булаховский 1954*; Дискуссия 1954, 1954*; Дискуссия 1962, 1962°, 1962*; С. Жажа 1963; М. Я. Гловинская 1964; Дискуссия 1964, 1964*).

■ **1.** Предложение подчиняет единому правилу категорию написаний, которые сейчас фактически не регулируются правилами: написание двойных согласных в заимствованных словах в своде 1956 г., как известно, определяется «в словарном порядке».

■ **2а.** В большом числе случаев данное предложение приводит к соответствию между написанием и произношением слов; «право, нет основания страшиться перехода к написанию с одним согласным таких слов, как *конгресс*, *эссенция*, *аккуратный*, *аббревиатура*, *коррозия*, *дифференциация*, *группа*, *программа*, *хлорофилл*, *класс*, *оперетта*, *колонна*. . . В данном случае целесообразно ориентироваться на произношение: во всех словах этого типа (заимствованных), за редкими исключениями, произносится недолгий согласный. . .» (А. Б. Шапиро 1962).

□ **2б.** Однако, поскольку данное предложение совсем не оставляет места для написания двойных согласных в заимствованных словах, есть основания опасаться в определенных случаях того несоответствия между написанием и произношением, о котором уже не раз говорилось: написания одного согласного при долгом произношении.

□ **2в.** Такие написания могут провоцировать изменения в языке. Высказывалось мнение, что полное уничтожение двойных согласных в заимствованных словах «явилось бы реформой, касающейся не только письма, но в значительной степени и языка, так как оно повело бы к изменению в произношении многих слов, как, например: *масса* (ср. *маса*), *месса* (ср. *меса*), *ванна* (ср. *вана*), *Анна* (ср. *Ана*), *вилла* (ср. *вила*) и др.» (Дискуссия 1954).

■ **2г.** Но может быть, этого не следует бояться? «Лучше, по нашему мнению, способствовать достижению последовательного соответствия правописания с произношением (хотя бы измененным), чем мириться с разнобоем в правописании и в произношении» (С. Жажа 1963).

■ **3а.** Разбираемое предложение в основном не противоречит морфологическому принципу, так как в заимствованных словах двойные согласные встречаются главным образом в корнях, а не на стыках морфем.

□ **3б.** Но есть слова типа *иллогичный*, *имматериальный*, *иррегулярный*, *диссимиляция*, *ассимиляция* и т. п. В языке-источнике, в них вычленяются приставки. В русском языке морфологическая членимость таких слов не вполне утрачена. Не будет ли противоречить морфологическому принципу написание их с одной согласной: *илогичный*, *дисимиляция* и пр.?

Примечание. Очевидно, слова с морфемой *контр-* (*контрреволюция*, *контрреформация*, *контррельс*) не должны рассматриваться в данной связи. Эта иноязычная по происхождению морфема используется для образования новых слов в русском языке (и может присоединяться к русским корням: *контрига*, *контрудар*). Ни у одного из авторов данного предложения не фигурируют написания типа *контреволюция*, *контрельс*, и можно думать, что они их не имели в виду.

■ **3в.** Есть основания считать, что написания *илогичный*, *иматериальный*, *иррегулярный*, *асимиляция*, *дисимиляция* могут быть

безболезненно приняты. «Приставки *ил-*, *им-*, *ир-* являются позиционными вариантами одной морфемы. Каждая из них морфологически не самостоятельна. Отмена двойного написания в этих словах не исказит их морфологическую структуру. Напротив, если во всех этих словах будет общая приставка *и-* (вместо трех разных), ее значение станет яснее, она будет синонимична приставке *а-* с тем же значением (*аморализм — иморализм*, *алогичный — илогичный*)». Приставка *ас-* «семантически не осмысляется (о чем свидетельствует, например, возникновение слова *дизассоциация*)». Приставка *дис-* синонимична с *ди-*. «Поэтому отмена двойного *с* в словах *диссимиляция* и *диссоциация* не исказит значения префикса» (М. Я. Гловинская 1964).

■ **4а.** Морфологические сопоставления, таким образом, не выявляют в заимствованных словах двойных согласных фонем.

Если ориентироваться на произношение, обнаруживается, что во многих заимствованных словах удвоенные согласные буквы соответствуют согласным звукам, находящимся в слабых произносительных позициях, несоотносимых с сильными; написание в таких случаях одной согласной не вступает в противоречие с фонематическим принципом.

□ **4б.** Но при наличии устойчивого долгого произношения согласного в сильной позиции (в интервокальном положении по соседству с ударным гласным) написание одной согласной должно быть признано не соответствующим фонематическому принципу.

■ **4в.** Написаний удвоенных букв, соответствующих согласным звукам, находящимся в интервокальном положении по соседству с ударным гласным, немало: *депрессия*, *зуммер*, *брависсимо*, *либретто*, *агрессор*, *миссия*, *мокко*, *ванна*, *гамма*, *тонна* и т. п. Но оказывается, что лишь в незначительном числе таких слов устойчиво произносятся долгие согласные звуки. Специальный эксперимент, проведенный в Институте русского языка, показывает, что «произношение долгих согласных действительно имеет место (в основном в сильной позиции в словах определенного типа), но что оно факультативно, характерно для определенного стиля или манеры речи, не соблюдается статистическим большинством прослушанных информантов» (М. Я. Гловинская 1964). Из этого следует, что полная отмена удвоенных согласных в заимствованных словах ведет к появлению очень небольшого числа написаний, не соответствующих фонематическому принципу (к ним относятся, например, *вана*, *гама*, *тона*).

□ **5а.** Предложение устраняет дифференцировочные написания, такие, как *балл — бал*, *металл — метал* (форма глагола), *колосс — колос* и т. п.

■ **5б.** Ценность их сомнительна, а тенденция русского письма состоит в постоянном уничтожении дифференцировочных написаний.

□ **6а.** Данное предложение нарушает этимологический принцип письма: пишется одна согласная вопреки наличию двойных согласных в языке-источнике. Это представляется особенно существенным для слов, относящихся к международной терминологии, так как может помешать «опознаванию» международного термина по его письменному облику.

■ **6б.** Но этимологический принцип весьма непоследовательно выдерживается в утвердившихся к настоящему времени написаниях.

■ **7.** В то же время данное предложение ставит русскую орфографию в один ряд с другими славянскими орфографиями: болгарской, чешской, польской, сербской, украинской. «Когда мы обратимся к родственному семейству наиболее развитых и богатых славянских языков, то увидим, что чужие удвоения приняты там весьма негостеприимно. Сербский язык даже вовсе их не признает, как абсолютно не признает удвоений и в своих родных словах. Этого звукового явления в иностранных словах едва ли не в большинстве случаев чуждается также польская и чешская фонетика. . . Вообще должно сказать, что славянские языки по самой натуре своей вовсе не расположены быть хранителями чужих удвоений» (М. Малорошвилов 1886). «Итак, мы думаем, что. . . в целях унификации со всеми остальными славянскими языками, в которых двойные согласные за немногими исключениями были уже раньше устранены (ср. укр. *ілюстрація*, *кореспондент*, *програма*; белорусск. *ілюстрацыя*, *карэспандэнт*, *праграма*; слов. *ilustrácia*, *korešpondent*, *program*; чешск. *ilustrace*, *korespondent*, *program*; польск. *korespondencja*, *progresywny*, *iluzja*; сербскохорв. и словен. *ilustracija*, *korespondent*, *program*; болг. *илюстрация*, *кореспондент*, *програма*), можно было бы и в русском окончательно отказаться от двойных согласных в заимствованных словах» (С. Жажа 1963).

■ **8.** Это предложение полностью соответствует общей тенденции, действующей во всех славянских языках по отношению к заимствованным словам, — тенденции «подчинять написание этих слов правилам правописания заимствующего языка» (С. Жажа 1963).

□ **9а.** Предлагается достаточно значительная ломка сложившихся написаний. Правда, многие слова, написание которых подлежит изменению, относятся к периферии языка.

■ **9б.** В то же время предлагаемые изменения соответствуют стихийной тенденции русского письма; как известно, на протяжении последних 100—150 лет происходил процесс медленного, постепенного освобождения от лишних удвоений согласных при передаче заимствованных слов.

II. Уничтожить в заимствованных словах удвоение согласных на письме там, где ему не соответствует долгое звучание согласных;

писать, например: *субота*, *процес*, *паралельный*, *акуратный*, но *ванна*, *гамма*, *сумма* (В. А. Васильев 1842; Комиссия 1862; В. И. Новаковский 1872, 1873, 1874; Я. К. Грот 1873, 1876; И. И. Вальков 1875; В. П. Геннинг 1879; М. Малорошвилов 1885; А. Г. Герасимов 1901; 1903; А. И. Соболевский 1904; «Аполлон» 1913—1917; Д. Н. Ушаков 1926; А. В. Миртов 1927; Технико-орфографические правила 1927; П. Южный 1928; Л. В. Щерба 1931; Дискуссия 1934°, Дискуссия 1954, 1954*; А. Б. Шапиро 1962; Предложения Института русского языка 1962; Дискуссия 1962, 1962°, 1962*; Проект 1964; Дискуссия 1964*).

Примечание. В большинстве формулировок данного предложения говорится о соответствии произношению. Предложение Института русского языка сформулировано так: «В заимствованных словах не писать удвоенных согласных, если они не передают двойных фонем в составе слова». Есть основания считать, что мы имеем здесь дело лишь с разными формулировками (менее точной и более точной), а не с разными предложениями (это обосновывается дальше, при анализе предложения).

□ **1а.** Предложение само по себе не является правилом, которым может руководствоваться пишущий. Оно ни в какой мере не должно отожествляться с рекомендацией: «пиши двойные или одиночные согласные в заимствованных словах в соответствии с произношением». Предложение выдвигает определенное основание для изменения принятых написаний, а правило-руководство для пишущих может быть создано лишь как результат обобщения этих вновь принятых измененных написаний. Таким основанием должно быть не то или иное индивидуальное произношение, а устойчивое и типичное произношение, которое можно установить лишь в результате массового экспериментального обследования.

■ **1б.** Предложение, как его ни реализовать, серьезно облегчит положение пишущих. Оно значительно сокращает число написаний двойных согласных в заимствованных словах: устойчивое недолгое звучание согласных в большом числе слов, пишущихся с двумя согласными, улавливается и «невооруженным ухом». Кроме того, с реализацией данного предложения возникает известная мотивированность написания двойных согласных долгим произношением. Оказывается справедливым хотя бы такое «правило»: «если долгий согласный наверняка не произносится, должна писаться одна согласная буква».

При сложившихся же написаниях ни о какой мотивированности написания произношением не может быть и речи. Характерно, что сейчас даже в практике печати возможно написание «не с теми» двойными согласными, которые узаконены в данном слове, например: *аттол* (вместо *атолл*), *пиччикатто* (вместо *пиччикато*) и пр. Пишущий знает, что «где-то» в слове должно быть удвоение согласных, но каких именно — он не может определить исходя из звучания слова, поэтому он может написать две согласные не там, где нужно.

□ **1в.** Данное предложение в принципе не меняет того положения, что написание двойных согласных в заимствованных словах определяется «в словарном порядке».

■ **1г.** Однако массовое экспериментальное обследование показало, что устойчивое произношение долгих согласных наблюдается лишь в немногих словах. Тогда правило, основанное на данном предложении, может быть сформулировано как правило I (см. выше) с приведением небольшого списка исключений. Именно так выглядит правило, включенное в проект 1964 г., которое отражает результаты эксперимента, проведенного в Институте русского языка (см. предыдущее предложение, п. 4в).

■ **2.** Предложение не ведет к таким расхождениям с произношением, которые могут возникнуть при реализации предыдущего предложения (см. п. 2б).

■ **3.** Морфологический принцип письма данным предложением не нарушается.

Примечание. Написание двойных согласных в заимствованных словах «по произношению» привело бы в ряде случаев к несоответствию морфологическому принципу, так как в этом случае надо было бы писать: *гамма*, но *гам*, *ванна*, но *ван*. Но данное предложение, как уже сказано, не означает написания «по произношению», хотя неточность большинства формулировок может натолкнуть на такое понимание. Важно, что ни один из авторов, объединенных в разбираемом предложении, не оперирует примерами, аналогичными только что приведенным. Я. К. Грот дает для таких случаев абсолютно точные рекомендации: «В начертании пришлых слов всего естественнее держаться произношения и не избегать двойных согласных, когда такое удвоение ясно для слуха. . . Разумеется, однакож, что когда удвоение слышно в косвенных падежах, то оно нужно и в именительном» (1873); «. . . Наоборот, когда оно в окончании женских имен находится в прямой форме слова, то не может быть исключаемо и в родительном множественного; следовательно, должно писать: *программ*, *сумм*, *колонн*, *труппп*, *групп*» (1876).

■ **4.** Рассматриваемое предложение означает точное следование фонематическому принципу (в явной форме это выражено в формулировке лишь одного источника, включенного в данное предложение; см. примечание к предложению).

К данному предложению в основном могут быть отнесены также п. 5, 6, 7, 8, 9 предыдущего предложения.

IIа. Оставить в заимствованных словах удвоенные согласные буквы лишь там, где они соответствуют согласным звукам в интервокальном положении после ударного гласного; передавать с двойными согласными и все производные от таких слов; писать: *касса*, *кассир*, *комиссия*, *комиссионный*, *ванна*, *гамма*, *брутто*, *нетто*, но *субота*, *акуратный*, *диференциальный* и т. п. (Дискуссия 1929; Словарь иностранных слов 1933; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1962).

■ **1а.** Предложение подводит написание двойных согласных в заимствованных словах под определенное правило.

□ **1б.** Однако этим правилом можно воспользоваться только при переходе от принятых сейчас написаний к новым, руководством же для пишущего, который не знает современных правил, оно не может служить. Есть немало заимствованных слов, где в обозначенном положении никогда не писались (и этимологически не могли писаться) двойные согласные, например: *феникс*, *эмблема*, *реклама*, *хаки*, *гондола*. Если принять данное предложение за правило для пишущих, должны появиться написания *эмблемма*, *гондолла* и пр.

□ **2.** Предложение в ряде случаев не обеспечивает соответствия произношению, так как на основании этого правила «следует писать удвоенную согласную не только в словах типа *ванна*, *манна*, где и слышится удвоенная согласная, но и в словах типа *комиссия*, *профессия*, *концессия* и в целом ряде других, где удвоенные согласные не слышатся или мало слышатся» (Дискуссия 1929).

■ **3.** Морфологическому принципу данное предложение соответствует.

□ **4.** Соответствия фонематическому принципу в ряде случаев не получается.

□ **5а.** Рассматриваемое предложение также устраняет ряд дифференцировочных написаний.

■ **5б.** См. предложение I, п. 5б.

К данному предложению может быть также отнесено, с некоторыми поправками, сказанное в п. 6, 7, 8, 9 предложения I.

III. Сохранять в заимствованных словах удвоение согласных на письме там, где этого требует этимологическое начало; писать: *аппелляция*, *коммиссия*, *ассессор* и т. п. (П. А. Адамов 1892; *К. Г. Житомирский 1894*; Дискуссия 1964 *).

□ **1.** Рассматриваемое предложение ориентируется на язык-источник. Но с точки зрения заимствующего языка это правило не дает никакой упорядоченности: для каждого пишущего, не знающего, откуда заимствуется слово, оно означает лишь запоминание написания слова с двойной или одиночной согласной, без опоры на какие-либо закономерности, определяемые строем русского языка. Таким образом, с точки зрения орфографической практики это предложение не облегчает существующего положения вещей.

□ **2.** Ни о каком соответствии предлагаемых написаний морфологическому, фонемному и фонетическому принципам письма не может быть и речи, так как по этому предложению слова с двойными и одиночными согласными должны писаться в соответствии с требованиями морфологии и фонетики не русского языка, а других языков. Отсутствие каких-либо принципов при написании двойных согласных в заимствованных словах предложение заменяет

одним, но весьма зыбким принципом: искать обоснование орфограмм в языке-источнике. «Главное же, необходимо помнить, что в состав нашего языка вошли слова как из древнеклассических, так и из современных европейских языков, так что для правильного решения вопроса об уместности или неуместности в известном слове двойной согласной каждому пишущему нужно было бы знать этимологический состав по крайней мере 6—8 языков! Впрочем, бывает случай, что и это не может помочь: в нашем языке есть такие слова, которые в одних языках пишутся с двумя согласными, а в других — с одной. Решить же, из какого именно языка вошло к нам такое слово, мы часто бываем не в состоянии» (М. Малорошвилов 1886).

■ **3.** Рассматриваемое предложение означает верность этимологическому принципу письма.

□ **4.** Но принятие этого предложения ведет к резкому разрыву в написаниях заимствованных слов в русском языке и в других славянских языках (украинском, сербском, болгарском, польском, чешском), не следующих в этом вопросе этимологическому принципу письма.

□ **5.** Это предложение находится в резком противоречии с упомянутой выше тенденцией, так как оно означает отказ от ассимиляции слов языка-источника заимствующим языком, отказ от выражения этой ассимиляции средствами письма.

□ **6.** Если последовательно изменить в соответствии с этим предложением написание всех заимствованных слов в русском языке, это приведет к довольно значительной ломке написаний, закрепленных современными орфографическими правилами (современные написания, как известно, сплошь и рядом отходят от образца в языке-источнике). «Если. . . восстановить везде двойные согласные в соответствии с происхождением, то придется писать *адресс*, *аффиша*, *арранжировка*, *аррьергард*, *аррест*, *баттарея*, *каммергер*, *канцеллярия* и т. д. и т. д.» (Орфографический справочник 1936).

IV. Допустить в заимствованных словах свободное написание двойных и одиночных согласных; писать: *террасса*, *терасса* и *тераса*, *гамма* и *гама*, *ванна* и *вана*, *дифференциал* и *диференциал*, *процесс* и *процес*, *класс* и *клас*, *финн* и *фин* и т. д. (В. Куницкий 1901; В. И. Попов 1916; Дискуссия 1954*).

■ **1а.** Такое предложение, разумеется, значительно упростит орфографическую практику.

□ **1б.** Но оно возможно лишь как временная мера для выявления наиболее устойчивых написаний, чтобы затем перейти к какому-либо закрепленному, орфографически узаконенному написанию.

□ **1в.** Однако с принятием этого предложения волна свободных написаний скорее всего захватит случаи, в которых издавна без ко-

лебаний писалась одиночная или двойная согласная; вероятно, появятся написания двойных согласных и в словах, которые в языке-источнике пишутся с одной согласной.

□ **2.** Теоретически это предложение вопроса не решает.

б. Частные предложения

I. Сохранять в заимствованных словах удвоение согласных на письме в тех случаях, когда это способствует различению слов или морфем; писать: *вилла*, *металл*, *балл*, *колосс*, *-филл* (*хлорофилл*) для отличия от *вила*, *метал* (форма глагола), *бал*, *колос*, *-фил* (*славянофил*, *библиофил*) (Я. К. Грот 1873; В. П. Геннинг 1879; Дискуссия 1934°; Дискуссия 1962, 1962°; Дискуссия 1964*).

□ **1.** Если полностью устранить написания двойных согласных в заимствованных словах или оставить их в ограниченном числе слов (см. предложения I и II раздела а), предлагаемые написания будут выглядеть исключениями.

■ **2а.** Эти написания способствуют дифференциации письменных обликов слов.

□ **2б.** Но в этом нет необходимости. «Нет. . . совершенно никакой надобности оставлять удвоенную орфограмму и в таких словах, как *балл* (в значении 'отметка'), *киттт* (в значении 'замазка') и подобных им, чтобы. . . различить их от аналогичных по звучанию. . . *бал* (в значении 'гулянье'), *кит* (млекопитающее морское животное) и т. п. Трудность эту нам безболезненно поможет разрешить контекст» (Г. А. Патынко 1940).

□ **3.** Предложение противоречит ярко выраженной тенденции русского письма устранять дифференцировочные написания.

II. Ликвидировать исключения в передаче слов, образованных от основ, оканчивающихся на письме двойными согласными; писать: *колоннка*, *пятитоннка*, *опереттка*, *финнка*, *кристалльный* (Дискуссия 1954; Дискуссия 1962).

■ **1.** Ликвидация этих исключений диктуется морфологическим принципом.

□ **2.** Однако при условии принятия предложений I или II (раздела а) вопрос об этих исключениях или большинстве их отпадает, так как эти предложения вводят написания *колона*, *оперета*, *кристал*, *фин*.

ПЕРЕДАЧА НЕКОТОРЫХ СОЧЕТАНИЙ СОГЛАСНЫХ

ФОНЕМНОЕ СОЧЕТАНИЕ ‹чч›

Историческая справка

В звуке [ч̄] в большинстве случаев реализуются фонемные сочетания ‹дч›, ‹тч›, которые передаются на письме буквосочетаниями *дч*, *тч*: *редчайший*, *солдатчина*, *переплетчик*. В этих словах ‹д›, ‹т› принадлежат корню (ср. *редок*, *солдат*, *переплет* и т. д.), а ‹ч› — суффиксу (*-чин-*, *-чик-*, *-чат-*). Но иногда [ч] соответствует фонемному сочетанию ‹чч›; это бывает в тех случаях, когда суффикс, начинающийся с ‹ч›[1], присоединяется к основам на ‹ч› и на ‹к›, ‹ц›, которые чередуются с ‹ч›: *добыча — добытчик*, *кабак—кабатчик*, *немец—неметчина*, *крупица—крупитчатый*, *черепица—черепитчатый*, *картотека—картотетчик*, *ресница—реснитчатый* и др. В практике сложилась передача фонемного сочетания ‹чч› тем же буквосочетанием *тч*, которое используется для передачи ‹тч›. Но в XIX—начале XX в. были известны написания с одним *ч*: *добычик*, *потачик*, *крупичатый*, *черепичатый* (наряду с *добытчик*, *потатчик*, *крупитчатый*, *черепитчатый*). Только с *ч* пишется слово *поручик*, которое в XVIII—начале XIX в. писали и с буквой *т* (*порутчик*). Г. П. Павский считал, что «новейшее правописание *поручик* принято вопреки грамматическим законам» (1842). Правила написания слов с фонемным сочетанием ‹чч› в основном сохранились в том виде, как они были сформулированы Я. К. Гротом (1876). Свод 1956 г. лишь устранил колебания в написании слов *крупитчатый*, *черепитчатый*, и только слово *поручик* сохраняется с одним *ч*.

Предложения

I. Ввести для передачи фонемного сочетания ‹чч› написание *чч*: *кабаччик*, *потаччик*, *немеччина*, *крупиччатый*, *черепиччатый*, *добыччик*, *раздаччик*, *картотеччик* (*Г. П. Павский 1842*; Дискуссия 1962°).

■ **1.** Написание *чч* соответствует произношению.

■ **2.** Оно соответствует и фонематическому принципу: фонемное сочетание ‹чч› вполне закономерно будет передаваться буквами *чч*.

□ **3а.** Буквосочетание *чч* было бы совершенно новым для русского письма.

[1] Здесь не учитывается та точка зрения, в соответствии с которой суффиксы, орфографически передаваемые как *-чик* и *-чина*, фонематически интерпретируются как ‹щик›, ‹щина›.

■ **3б.** Однако в целом наше письмо «терпит удвоение букв» (Г. П. Павский 1842).

■ **4.** Слов с фонемным сочетанием ‹чч› немного, поэтому не произойдет серьезной ломки орфографических навыков.

II. Сохранив передачу фонемного сочетания ‹чч› как *тч*, ликвидировать отдельные исключения; писать: *поручик*, *потачик* (*Г. П. Павский 1842*); *крупитчатый*, *порутчик* (А. Г. Герасимов 1901); *крупитчатый*, *черепитчатый* (Проект свода 1939_1; Н. М. Шанский 1954; Проект свода 1955; Свод 1956).

■ **1.** Устраняются написания, представляющие собой неоправданные исключения.

□ **2.** Но сохраняется нефонематическая передача ‹чч› буквосочетанием *тч*; значит, соответствующие орфограммы надо запоминать особо.

НЕПРОИЗНОСИМЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Историческая справка

Наличие на письме так называемых непроизносимых согласных определяется фонетическими особенностями русского языка: при стечении между гласными нескольких согласных в сочетаниях *стн*, *здн*, *ндск*, *вств*, *лнц* и др. один из согласных не произносится, например: *че*[сн]*ый*, *пра*[з'н']*ик*, *голла*[иск]*ий*, *здра*[ств]*уй*, *со*[нц]*е* и т. д. Обозначение на письме отсутствующих в произношении звуков [т], [д], [в], [л] объясняется общим характером русского правописания: написание слова определяется его фонемным составом. Фонемный состав устанавливается при сопоставлении слова, где есть непроизносимый согласный, с однокоренными словами, у которых данные согласные находятся в сильной позиции: *местность* — *место*, *звездный* — *звезда*, *солнце* — *солнечный* и т. д. В некоторых случаях отыскивание проверочного слова представляет значительные трудности; например, для слова *праздник* нелегко найти форму, из которой выясняется наличие ‹д› — *празден*, так как связь между этими словами разорвана. В тех случаях, когда языковые соотношения полностью утрачивались, переставали осознаваться, изменилось и написание слов (*склянка*, хотя *стекло*). Только в двух словах — *лестница* и *чувствовать* — до сих пор сохраняется традиционное написание.

Не раз выдвигалось предложение отказаться от написания непроизносимых согласных; например, писать *чесный*, *серце*, *сонце*, *празник* и т. д. Но такое предложение имело бы смысл в том случае, если бы вся русская орфография перешла на фонетические написания. Ниже разбираются только те предложения, которые учитывают особенности системы русской орфографии.

Предложения

I. Не писать непроизносимых согласных в тех словах, где их наличие не может быть установлено из сопоставления с однокоренными словами; писать: *лесница*, *чуство*, *чуствовать* (*Я. К. Грот 1876*; Н. Н. Бахтин 1886; Р. Ф. Брандт 1901; А. М. Пешковский 1930; Предложения Ленинградского лингвистического общества 1931; Дискуссия 1954*; Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964*).

■ 1. Хотя это предложение касается изменения написания только нескольких слов, его введение привело бы к облегчению усвоения правописания непроизносимых согласных. Правило написания непроизносимых согласных само по себе трудное; оно зачастую вызывает написание лишних согласных в тех словах, где нет непроизносимых согласных. Например, по аналогии с *местный*, *честный* возникают написания *опастный*, *ужастный* и т. д. Наличие же таких неоправданных написаний, как *лестница* и *чувствовать*, усложняет правило и приводит к таким ошибочным написаниям, как *учавствовать*, *шевствовать*. Особенно трудным становится правописание слов, для которых нельзя или нелегко найти проверочное слово, например *ресницы*, *яства*.

■ 2. Написания *лесница* и *чуствовать* соответствуют произношению, так как согласные [т] и [в] в них не произносятся.

■ 3. Согласные не произносятся и в таких словах, как *местность*, *солнце*, *звездный*, но это строго фонематичные написания: *местность*, ср. *место*, следовательно, налицо фонема ‹т›; *солнце*, ср. *солнечный*, следовательно, налицо фонема ‹л›. В слове же *лестница* написание антифонематично, так как проверочным словом является слово *лесенка*. «Разумно ли настаивать на сохранении в слове *лестница* буквы *т*, когда уменьшительное *лесенка* произошло от *лесница* с выпущением *т*, так как иначе говорили бы *лестенка*?» (Р. Ф. Брандт 1901).

В слове *чувствовать* нельзя установить наличие ‹в›. «. . . Насущно необходимо и не требует никаких подсчетов уничтожение единственной во всем русском письме непроизносимой и не имеющей аналогий графемы в слове *чувствовать*. . .» (А. М. Пешковский 1930).

■ 4. Исключение *т* из слова *лестница* приведет к соответствию этого написания морфологическому принципу. Написание *чувствовать* без *в* также не вступит в противоречие с этим принципом, просто изменится графический облик морфемы.

II. Всегда писать непроизносимые согласные там, где их наличие подтверждается проверочным словом; писать *блестнуть* (Дискуссия 1962*; С. М. Потапов 1963).

■ 1. Слово *блестнуть*, согласно этому предложению, не рассматривается как исключение. Оно пишется так же, как *свистеть — свистнуть*, *хвастать — прихвастнуть*, *хлестать — хлестнуть*.

■ 2. Предлагаемое написание соответствует фонематическому принципу; ср. *блестеть*, следовательно, налицо фонема ‹т›, редуцированная до нуля,

■ 3. и морфологическому, так как сохраняет в написании единство морфемы.

ПЕРЕДАЧА НЕПРОВЕРЯЕМЫХ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ

НЕПРОВЕРЯЕМЫЕ ГЛАСНЫЕ

Историческая справка

В русском языке имеется группа слов с безударными непроверяемыми гласными корня: *каравай*, *паром*, *ватрушка*, *кавычка*, *казак*, *махровый*, *сапог*, *стакан*, *топор*, *кочан*, *бечева*, *мачеха*, *пескарь*, *снегирь* и др. По подсчетам А. М. Пешковского (1930), таких непроверяемых случаев приблизительно столько же, сколько и проверяемых. Правописание этих слов представляет большие трудности: в литературном произношении эти гласные нейтрализованы, ‹о› совпадает с ‹а›, ‹э› — с ‹и›. Их нельзя проверить в позиции под ударением. Более того, при их написании нельзя ориентироваться и на этимологию, так как процессы, происходившие в языке, наложили свой отпечаток на правописание этих слов. Например, с развитием аканья многие слова на письме изменили свое исконное, этимологическое *о* на *а* (*калач*, *каравай*, *паром*, *забота* и др.). Поэтому в написании таких слов существовал полный разнобой. Как отмечает Г. О. Винокур (1947), в «Словаре Академии Российской» (1789—1794) наблюдаются колебания в написании безударных *а*, *о*: *каблук* и *коблук*, *тавар* и *товар*, *стакан* и *стокан*. В словаре В. И. Даля многие из подобных слов повторены в двух местах, например *каравай* и *коровай*, *касатка* и *косатка*. Я. К. Грот попытался установить единое написание некоторых слов (*мачеха*, *колач*), отвергнув существовавшие в то время варианты, но и эта попытка вызвала большие споры и возражения. Разнобой регламентировался издательской практикой. Например, ленинградский словарь-справочник под ред. Н. П. Филиппова (1933) давал нормы написаний с *о* и *е* (*колач*, *коропуз*, *коурый*, *мохровый*, *снегирь* и др.), а московский справочник А. Б. Шапиро и М. И. Уарова (1933) проводил написания с *а* и *и*: *калач*, *карапуз*, *каурый*, *махровый*, *снигирь* и др. Так или иначе, правописание этих слов приходится определять только в словарном порядке.

Попытки унифицировать написание безударных гласных сделаны в рассмотренных ниже предложениях.

Принимается следующее деление:

А. Непроверяемые гласные ‹а/о›.

Б. Непроверяемые гласные ‹и/э›.

Предложения

А. Непроверяемые гласные ‹а/о›

I. В словах с непроверяемыми гласными ‹а/о› всегда писать *а*: *баран*, *сапог*, *калач*, *капуста*, *карман*, *качан*, *салома*, *марковь*, *казак*, *махровый*, *забота*, *ватрушка*, *аляповатый* и др. (Дискуссия 1929; М. В. Ушаков 1930; *А. М. Пешковский 1930*; Дискуссия 1962, 1962*; Ю. А. Фигаровская 1963; М. М. Власенко 1964; Дискуссия 1964 *).

■ **1.** Это правило унифицирует правописание всех слов с безударными непроверяемыми гласными ‹а/о›. Оно не выделяет никаких исключений, освобождает от необходимости постоянно обращаться к орфографическому словарю, снимает множество спорных вопросов о правописании таких слов, как *колач* — *калач*, *ковычки* — *кавычки*, *козак* — *казак* и др.

■ **2а.** Написание *а* в корнях с непроверяемыми гласными ‹а/о› не противоречит литературному произношению.

□ **2б.** Однако в окающих говорах безударные ‹о› и ‹а› различаются, там поэтому нет непроверяемых гласных, и использование только буквы *а* не будет соответствовать окающему произношению. «В тех случаях, когда для говорящего на одном из русских говоров все равно, какую написать букву, а для говорящего на другом говоре не все равно, желательно отдавать предпочтение последнему. Так как безударное *а* в акающих говорах одинаково ассоциируется и с ударяемым *а*, и с ударяемым *о*, а в окающих говорах безударные *а* и *о* различаются, то акающему пишущему одинаково легко или трудно написать и *горит*, и *гарит*, равно как и акающий читатель прочтет оба написания одинаково легко; между тем для окающего читателя или пишущего написание *гарит* представит затруднения. С этим приходится считаться уже хотя бы потому, что окающего населения в РСФСР не меньше, чем акающего» (Н. Н. Дурново 1930).

■ **3.** Но зато написание буквы *а* даст возможность узаконить в письме литературное акающее произношение (С. С. Рукавишников 1962), повлиять на его распространение и утверждение в местностях, где еще господствует оканье.

■ **4.** Предлагаемое правило соответствует фонематическому принципу. «Так как в таких словах нельзя определить, вариантом какой фонемы, ‹а› или ‹о›, является предударное [а], то с точки зрения фонематического письма это предударное [а] может быть передано как буквой *а*, так и буквой *о*, т. е. любым из тех написаний, которыми передаются на письме фонемы ‹а› и ‹о›» (И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров 1953). Принятые в настоящее время написания *ватрушка*, *сапог*, *собака*, *колено* нельзя считать полным во-

лощением фонематического принципа. В них одна и та же величина — гиперфонема ‹а/о› — передается то буквой *а*, то буквой *о*. Фонематический принцип испытывает в этих написаниях вторжение традиционного. Только с введением орфограмм *ватрушка*, *сапог*, *сабака*, *калено*, *марковь* и прочих русская орфография становится последовательно фонемной: для гиперфонемы ‹а/о› последовательно используется один и тот же знак — буква *а*. (Фонематически тождественный результат был бы в том случае, если бы для обозначения ‹а/о› была введена буква *о*; см. следующее предложение). Достижение последовательности в применении фонематического принципа, естественно, очень облегчило бы письмо. Не надо было бы заучивать правописание каких бы то ни было слов; каждое слово писалось бы на основании сопоставлений его с другими словами (в случаях *ватрушка*, *сапог*, *сабака*, *калено*, *марковь* — на основании невозможности сделать такие сопоставления). «Установив единую букву *а* в тех случаях, когда ударением не подтверждается необходимость *о*, мы бы подняли авторитет основного правила (правописание гласных, проверяемых ударением) и сделали бы его надежным компасом для пишущего» (М. М. Власенко 1964).

□ **5а.** Если допустить употребление в корнях с непроверяемыми ‹а/о› только одну букву (*а* или *о*), то правописание целого ряда слов будет противоречить этимологическому или традиционному письму, например: *марковь*, *качан* и др.

■ **5б.** Однако в истории нашего письма многие слова под влиянием аканья изменили свое исконное, этимологическое *о* на *а*, например: *баран*, *забота*, *ватрушка*, *кавычка*, *каравай*, *карман* (др.-русск. *боран*, *зобота*, *вотрушка*, *ковычка*, *коровай*, *корман*) и др.

□ **6а.** При употреблении только одной буквы уничтожаются дифференцировочные написания, например: *компания* (*компания друзей*, *экспортная компания*) и *кампания* (*избирательная кампания*, *русско-японская кампания* и т. д.).

■ **6б.** Но разграничения такого рода не очень важны, так как контекст помогает правильно понять значение написанного слова и без дополнительного орфографического сигнала.

□ **7.** Чтобы решить вопрос об употреблении только *а* или только *о* вместо непроверяемых ‹а/о› в корнях, надо подсчитать, в скольких случаях сейчас пишется *о* и *а* и какой из вариантов меньше ломает наши орфографические навыки (А. М. Пешковский 1930, В. Н. Сидоров 1963°). Даже не опираясь на точные подсчеты, можно сказать, что написание *а* на месте непроверяемых ‹а/о› потребует изменения значительного числа орфограмм.

II. В словах с непроверяемыми гласными ‹а/о› всегда писать *о*: *боран*, *сопог*, *колач*, *копуста*, *кочан*, *мохровый*, *оляповатый*, *вотрушка* (*А. М. Пешковский 1930*; В. Н. Сидоров 1963°).

■ **1.** См. предложение I, п. 1.

■ **2.** Для акающих говоров (и литературного языка) написание *о* на месте непроверяемых ‹а/о› не приведет к нарушению произносительных норм, так как и *морковь*, и *сапог* произносятся акальщиками с одинаковым [ʌ]: *м*[ʌ] *рковь*, *с*[ʌ]*пог*. Во многих окающих говорах безударное [о] произносится не только в тех словах, где пишется *о*, но и в тех, где сейчас пишется *а*, например: *б*[о]*ран*, *ст*[о]*кан*, *с*[о]*пог*, *з*[о]*бор*. Иногда в этом произношении сохраняется этимологическое *о*: *пором*, *стокан*, *кочан* и мн. др. В других случаях оно возможно в результате заимствования слова из литературного языка и «фонетического перевода» его: «В городе говорят *вада*, а мы — *вода*; в городе — *тарелка*, а по-нашему — *торелка*». Если в этих словах ввести написание *о*, то оно будет соответствовать произношению окальщиков.

Таким образом, данное предложение учитывает и интересы носителей окающего произношения.

■ **3.** Фонема ‹о› встречается чаще, чем фонема ‹а› (В. Н. Сидоров 1963°). Правило «согласно явно выраженному у народа стремлению» произносить и употреблять эту букву, например: *грамота*, *козак*, *колач*, *коровай*, *олтарь*, *тоскать* (народное он *тбщит*), *польто* (народное *пбльта*) (К. Г. Житомирский 1915). Кроме того, опыты показывают, что в сомнительных случаях пишущие чаще выбирают *о*, а не *а* (подобный опыт был проведен А. М. Сухотиным в 30-е годы).

■ **4.** См. предложение I, п. 4.

□ **5а.** См. предложение I, п. 5а.

■ **5б.** См. предложение I, п. 5б.

□ **6а.** См. предложение I, п. 6а.

■ **6б.** См. предложение I, п. 6б.

□ **7.** Написание буквы *о* на месте ‹а/о› приведет к значительной ломке орфографических навыков.

III. При написании слов с непроверяемыми гласными ‹а/о› в случае затруднения допустить вариативные написания, например: *собака* и *сабака*, *корабль* и *карабль* (Р. Ф. Брандт 1904; *В. И. Попов 1916*).

■ **1а.** Вариативность облегчает написание слов с непроверяемыми гласными. «Двоякое написание некоторых слов не особенно затруднит чтение — и теперь ведь не раз пишут двояко. Обучение же письму оно только облегчит» (Р. Ф. Брандт 1904).

□ **1б.** Однако варианты на письме для читающего нежелательны. «Правописание, чтобы быть общим, не может допускать писания „как угодно“» (Д. Н. Ушаков 1911).

■ **2.** Введение этого правила не противоречит произношению.

■ **3.** Это предложение нельзя считать антифонематичным. Гиперфонема ‹а/о› в словах *собака*, *корабль*, *стакан* и под. может быть выражена и буквой *а*, и буквой *о*, а поэтому одинаково допустимы написания *корабль*, *собака*, *стокан* и *карабль*, *сабака*, *стакан*.

IIIа. «В сомнительных случаях в корне предпочитать букву *о* букве *а*. . .: *грамота*, *козак*, *колач*, *коровай*, *олтарь*, *тоскать*, *польто*. Но уверенные в происхождении слова могут писать согласно их сведениям о происхождении, например *алтарь*, *тащить*, *пальто*, *грамата*» (К. Г. Житомирский 1915).

■ **1а.** См. предложение III, п. 1а.

□ **1б.** См. предложение III, п. 1б.

■ **2.** См. предложение III, п. 2.

■ **3.** См. предложение III, п. 3.

■ **4а.** Выдвинутое предложение позволяет людям, знающим историю языка и иностранные языки, отразить свои знания на письме, т. е. сохраняет этимологические и традиционные написания.

□ **4б.** Но так как не все пишущие знакомы с происхождением слов, свободу выбора, несомненно, станут распространять на все слова.

Б. Непроверяемые гласные ‹и/э›

I. В словах с непроверяемыми гласными ‹и/э› всегда писать *и*: *писок*, *пискарь*, *снигирь*, *биллитристика*, *винигрет* и др. (Дискуссия 1929; *А. М. Пешковский 1930*).

■ **1.** Предложение, как и предложения А I и А II, подводит под определенное правило написания, сейчас никакому правилу не подчиняющиеся.

■ **2а.** Написание *и* вместо ‹и/э› соответствует литературному произношению.

□ **2б.** Но создаст трудности для написания в тех говорах, где безударные *и* и *е* различаются.

■ **3.** Предложение фонематично (ср. предложения А I и А II).

□ **4.** Если гиперфонему ‹и/э› передавать через *и*, то для ‹а/о› следует ввести написание *а* (так же, как введение *е* на месте ‹и/э› требует написания *о* для передачи ‹а/о›). Следовательно, предстоит серьезная ломка сложившихся орфографических навыков.

II. В словах с непроверяемыми ‹и/э› всегда писать *е*: *песок*, *снегирь*, *беллетристика*, *венегрет* и др. (*А. М. Пешковский 1930*; В. Н. Сидоров 1963°).

См. разбор предыдущего предложения.

НЕПРОВЕРЯЕМЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Историческая справка

В русском языке есть согласные, у которых часть фонематических признаков неустановима. Согласные, выступающие на конце неизменяемых слов или на конце аффиксальных морфем (например, *лишь*, *домов*, *пишешь*, *ходят*), непроверяемы с точки зрения фонематической глухости — звонкости. Непроверяемы фонематически глухость — звонкость и твердость — мягкость согласных в тех случаях, когда первый согласный звук групп «глухой+глухой», «звонкий+звонкий», «мягкий+мягкий» ни при каких изменениях слова не попадает в иное фонетическое окружение.

Мягкость согласных в таких случаях никогда не получает обозначения на письме, как и бесспорно «благоприобретенная» ассимилятивная мягкость, ср. *стена*, *здесь*, *снег*, *казнить* (фонематически твердость—мягкость [с'], [з'] неопределима), *нести*, *мазня* ([с'], [з'] реализуют ‹с›, ‹з›). Предложения ввести для этих случаев написания с ь исходили только от сторонников проведения фонетического принципа в правописании.

Согласные с фонематически непроверяемой глухостью—звонкостью не получают единообразного письменного отражения. Звуковые сочетания «глухой+глухой» могут передаваться на письме как «глухая+глухая» и «звонкая+глухая» (ср. *капкан* и *карабкаться*), «звонкий+звонкий» — как «звонкая+звонкая» и «глухая+звонкая» (ср. *зигзаг* и *экзамен*). На конце слов непроверяемые глухие — звонкие согласные передаются буквами и звонких, и глухих согласных (*столов*, но *читают*).

По отношению к деэтимологизировавшимся словам издавна существовала тенденция замены этимологических написаний написаниями с «однородными» по глухости—звонкости буквенными сочетаниями, ср. *везде*, *ноздри* вместо этимологически правильных *весде*, *носдри* и *пчела*, *затхлый* вместо *бчела*, *задхлый*. Для непроверяемых согласных на конце слов в русском письме последовательно сохраняются этимологические написания.

Принимается следующее деление:

А. Предложения, относящиеся к передаче непроверяемых глухих—звонких согласных в середине слова перед шумными согласными.

Б. Предложение, относящееся к передаче непроверяемых глухих — звонких согласных на конце слов.

Предложения

А. Непроверяемые глухие — звонкие согласные в середине слова перед шумными согласными

Iа. Ввести единообразную письменную передачу непроверяемых согласных; последовательно писать на месте первого согласного в группах «глухой + глухой» букву, обозначающую глухой согласный, в группах «звонкий + звонкий» — букву, обозначающую звонкий согласный: *аптека*, *оптовый*, *апсолют*, *карапкаться*, *капкан*, *Кафказ*, *кафтан*, *кастрюля*, *пёстрый*, *афтомобиль*, *фторой*, *нафталин*, *сталактит*, *актуальный* и: *вогзал*, *эгзамен*, *зигзаг*, *эгзарх*, *эгзотика*, *Авдотья*, *вдова*, *здание*, *здесь*, *здоровый*, *здобный* (*А. М. Пешковский 1930*; *М. В. Ушаков 1930*; *Р. И. Аванесов 1964*).

■ **1а.** Предлагается ввести правило, которое объединило бы определенную совокупность написаний, в современном письме ни под какое правило не подводимых и потому требующих запоминания, — тех, которые А. М. Пешковский определяет как «абсолютно трудные».

□ **1б.** Но предлагаемые написания не могут быть зачислены в разряд тех, которые А. М. Пешковский квалифицирует как «абсолютно легкие» (хотя на первый взгляд кажется, что они «непосредственно определяются» произношением). Установление того, что написание слова подчиняется предлагаемому правилу, требует предварительного анализа: следует убедиться в том, что выбор буквы в этом случае не может быть мотивирован исходя из современных языковых соотношений.

□ **1в.** С непроверяемыми согласными связано гораздо меньше практических затруднений, чем с непроверяемыми гласными (особенно ‹а/о›). В исконно русских словах нет (или почти нет) непроверяемых сочетаний глухих — звонких согласных, передаваемых на письме как *зт*, *зк*, *сд*, *сг* и т. п. «Те из этих сочетаний, которые исторически возникли в более позднее время, могут встретиться только при соединении двух морфем между собой, благодаря чему они являются легко проверяемыми. Ср. *лезть* при ясном *лезешь*, *везти* при *везешь*, *сказка* при *сказать*, *сгореть* при *срезать* и т. п. Именно этим объясняется то, что учащиеся не колеблются в написании тех случаев, когда им попадаются непроверяемые сочетания *ст*, *ск*, *зд*, *зг* (например, в ученических тетрадях не встретишь ошибок типа *изкра*, *грузть*, *лазка*, *козти*). Сочетания *зт*, *зк*, *сд* и *сг* в русском языке всегда легко поддаются проверке, так как встречаются на стыках морфем, которые легко осознаются, благодаря чему они свободно могут быть изменены таким образом, чтобы согласный в них попал в положение, нужное для проверки» (В. Г. Орлова 1942). Сочетания букв «глухая + звонкая» и «звонкая + глухая» встречаются, таким образом, преимущественно в не столь уже многочисленных иноязычных заимствованиях (*экзамен*, *вокзал*, *анекдот* и т. п.). Поэтому практическая значимость данного предложения невелика.

■ **2.** Предлагаемые написания находятся в полном соответствии со следующей фонологической интерпретацией внутриморфемных сочетаний глухих—звонких согласных. Эти сочетания «с фонологической точки зрения характеризуются общей глухостью — звонкостью для всего сочетания... В соответствии с этой фонологической особенностью основным правилом передачи на письме внутриморфемных глухих или звонких сочетаний согласных является передача всего сочетания при помощи букв только глухих или — соответственно — только звонких согласных, т. е. при помощи букв *ск*, *сп*, *ст*, *шт*, *шк* и т. д. или *зг*, *зб*, *зд*, *жд*, *жг* и т. д.: *скот*, *спорт*, *стол*,

штука, *школа* и т. д., *зги* (*ни зги*), *изба*, *звезда*, *нужда* и т. д. В этих случаях, т. е. при написании одной морфемы, в принципе не могут быть рядом буквы *з* и *к*, *з* и *п*, *з* и *т*, *ж* и *т* и т. д. или *с* и *г*, *с* и *б*, *с* и *д*, *ш* и *д* и т. д.» (Р. И. Аванесов 1964).

□ **3а.** Реализация предложения требует известной ломки традиций, нарушения правописных навыков.

■ **3б.** Однако предложение опирается на довольно значительное число уже существующих написаний; особенно это касается сочетаний «глухой + глухой»: «. . . И без подсчетов ясна мощная тенденция современного письма писать два глухих (взять хотя бы очень частое сочетание *ст*, кажется, никогда не встречающееся в виде *зт*)» (А. М. Пешковский 1930). Предложение находится в русле тех изменений, которые стихийно происходят в русском письме. «Тенденция передавать становящиеся с определенной эпохи фонологически неоправданными написания букв согласных, отличающихся друг от друга звонкостью—глухостью, буквами согласных, одинаковых по этому признаку, действует в русском правописании с древних эпох и действительна в наше время; ср. написания: *здесь*, *где*, *когда*, *тогда*, *трижды*, *дважды*, *здоровый*, *ни зги*, *пчела*, *жбан* и др.» (Р. И. Аванесов 1964).

■ **4.** Реализация данного предложения сблизила бы русскую орфографию с орфографиями некоторых других славянских языков, например польского, где пишется: egzaltacja, egzamin, egzekucja, egzema, egzotyczny и т. д. (Р. И. Аванесов 1964).

Iб. Ввести единообразную письменную передачу непроверяемых согласных; последовательно писать на месте первого согласного в группах «глухой + глухой» букву, обозначающую звонкий согласный, в группах «звонкий + звонкий» — букву, обозначающую глухой согласный: *абтека*, *обтовый*, *абсолют*, *карабкаться*, *кабкан*, *Кавказ*, *кавтан*, *каэтрюля*, *пёэтрый*, *автомобиль*, *второй*, *навталин*, *сталагтит*, *агтуальный*, *вокзал*, *экзамен*, *зикзаг*, *экзарх*, *экзотика*, *Аффотья*, *Аффей*, *ффова*, *сдание*, *сдесь*, *сдоровый*, *сдобный* (*А. М. Пешковский 1930*).

■ **1а.** См. предложение Iа, п. 1а.

□ **1б.** Написания, вводимые данным предложением, также не являются «абсолютно легкими». Применение рассматриваемого правила требует такого же предварительного анализа, как и применение правила Iа. Но данные написания не создают иллюзии «непосредственной определяемости» произношением, поскольку в них регулярно представлена буква, «обратная» той, которая подсказывается произношением.

□ **1в.** См. предложение Iа, п. 1в.

□ **2.** Предлагаемые написания противоречат изложенной выше фонологической интерпретации внутриморфемных сочетаний глухих—звонких согласных (см. предложение Iа, п. 2).

□ **3.** Для реализации данного варианта предложения требуется, несомненно, гораздо бóльшая ломка традиций, чем для реализации предыдущего варианта. Этот вариант идет вразрез и со стихийной тенденцией русского письма.

Б. Непроверяемые глухие — звонкие согласные на конце слов

I. Непроверяемые глухие — звонкие согласные на конце слов последовательно передавать буквами, обозначающими глухие согласные: *невтерпеш*, *начаф*, *отцоф* (М. В. Ушаков 1930).

■ **1а.** Это предложение (как и предложения А, Iа и Iб) подводит под определенное общее правило написания, подлежащие сейчас отдельному запоминанию.

□ **1б.** Но непроверяемые глухие—звонкие на конце слов встречаются главным образом в аффиксальных морфемах (флексия *-ов* существительных, суффикс *-в* деепричастий, флексии *-ешь*, *-ишь*, *-ет*, *-ит*, *-ут*, *-ют*, *-ат*, *-ят* глаголов и т. п.); написания их легко усваиваются, так как эти языковые единицы часто повторяются. Поэтому практическая целесообразность данного предложения сомнительна.

■ **2.** Передача гиперфонем ‹ф/в›, ‹т/д› и т. п. буквами только глухих согласных способствует более последовательному проведению фонематического принципа, чем принятые написания: каждая гиперфонема (например, ‹ф/в›, ‹п/б› и т. д.) на конце слова будет передаваться единообразно.

■ **3а.** Приняв написание флексии род. п. мн. ч. существительных как *-оф*, «мы вместе с тем создадим ценную дифференциацию между исторически родственными, но уже разошедшимися по значению формами родительного множественного существительных и именительного падежа притяжательного прилагательного (*нет наших отцоф*, *отцов дом*)» (М. В. Ушаков 1930).

□ **3б.** Однако необходимость такой дифференциации вызывает сомнение (ср. общую судьбу дифференцировочных написаний).

НЕКОТОРЫЕ СЛУЧАИ УПОТРЕБЛЕНИЯ БУКВЫ ъ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БУКВЫ ъ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ МЯГКОГО ЗВУЧАНИЯ СОГЛАСНЫХ

Историческая справка

Не обусловленная фонетическим положением и, следовательно, фонематически значимая мягкость согласного перед другим согласным как правило обозначается в русском письме буквой ь в отличие от позиционной, ассимилятивной мягкости; пишется: *письменность*, *бросьте*, *киньте* (мягкость [с'], [н'] не обусловлена позицией, ср. *письмо*, *брось*, *кинь)* и *кости*, *бантик* (мягкость позиционна, ср. *косточка*, *бант*). Но существуют отдельные отступления от этого; см. хотя бы: *затмить*, *затмение* при *тьма*, *лентяй* при *лень* (ср., впрочем, *леность*).

Регулярное необозначение фонематически значимой мягкости согласных представлено в орфограммах *нч* и *нщ*. Фонетически перед [ч], [щ] возможен только звук [н'], который в одних словах реализует ‹н'›, в других — ‹н› (ср. *ба*‹п'а› — *ба*‹п'›*щик*, *ня*‹н'а› — *ня*‹н'›*чить* и *обма*‹н› — *обма*‹н›*щик*, *стака*‹н› — *стака*‹н›*чик*). Поскольку мягкость [н'] перед [ч], [щ] носит регулярный характер, она не получает письменного отражения; при этом оказываются не обозначенными на письме те случаи, когда [н'] соответствует ‹н'›. В орфографической практике XIX в. наблюдались отступления от этого правила; отмечены, например, написания *ныньче*, *баньщик*, *деньщик*, *ступеньчатый* наряду с *нынче*, *банщик*, *денщик*, *ступенчатый* (В. И. Разыграев 1887). Довольно широко распространено было вплоть до недавнего времени колебание *нянчить* — *няньчить*. В начале XX в. вопрос был решен в пользу *няньчить* по аналогии с *нянька* (Дискуссия 1904°). В 30-е годы Д. Н. Ушаков рекомендовал написание *нянчить*, окончательно утвержденное сводом 1956 г. Иногда встречаются написания с ь перед *ч*, *щ* в окказиональных образованиях (например, *киньщик* от *кино*, *пеньщики* от *пень*).

Предложения изменить сложившиеся в практике написания с ь—знаком мягкости — немногочисленны. Некоторые из них связаны с общей установкой их авторов на фонетические написания. Ниже анализируется наиболее интересное предложение о написании ь после *н* перед *ч*, *щ*.

Предложения

I. «Перед звуками *ч*, *щ* производного окончания следует различать твердость и мягкость произношения звука *н* (а произношение в данном случае само себе подсказывает и проверяется сопоставлением

производного слова с первообразным; поэтому в правописании мягкое *н* должно иметь после себя ь, а твердое прямо сочетаться с ч или *щ*: *сбитеньщик* (сбитень), *каменьщик* (камень), *зеленьщик* (зелень), *баньщик* (баня), *барабаньщик* (барабанить), *ныньче* (ныне), *задонщина* (Дон), *солончак* (соленый, солон); также: *поденщик* (поденный), *деньщик* (день), *погонщик* (погоны), *погоньщик* (погонять), *починщик* (почин), *починьщик* (починять), *таранщик* (таран), *тараньщик* (тарань), *простенщик* (простенок), *простеньщик* от *простень* и пр.» (А. Г. Герасимов 1901, 1903).

Примечание. Можно упомянуть также предложение Н. Ф. Чуриловского различать *н* и *нь* только перед суффиксом *-щик*: *баньщик*, *деньщик*, *каменьщик*, *обманьщик* (1912).

■ 1. Вопреки формулировке предлагается не что иное, как различать на письме фонемы ‹н› и ‹н'› в положении перед ‹ч›, ‹щ›. Об этом свидетельствует используемый автором критерий: не слишком полагаясь на то, что произношение «само себе подсказывает», он предлагает проверять его «сопоставлением производного слова с первообразным»; это прием, всегда применяемый для установления фонематических написаний. Предложение, таким образом, несмотря на весьма неудачную формулировку, по сути своей строго фонематично.

□ 2. Вопреки мнению автора, полагавшего, что написание «по Гроту» *каменщик* вызывает произношение *камен*(ъ)*щик* («явление порчи языка»), предлагаемые изменения не должны оказать никакого влияния на произношение (см. разъяснение в исторической справке).

□ 3. Предложение практически трудно реализуемо; в ряде случаев нелегко решить, по какому «первообразному» слову следует устанавливать написание того или иного производного (из приведенных автором см. хотя бы *барабаньщик*: почему от *барабанить*, а не от *барабан*?). Поскольку соотношения парных твердых и мягких фонем в системе современного литературного языка достаточно сложны (широко представлены морфонологические чередования тех и других, которые не всегда легко отграничиваются от фонетически закономерных соотношений твердых и мягких звуков в пределах одной фонемы), последовательное письменное отражение всех случаев фонематически значимой мягкости согласных (к чему русское письмо в принципе стремится) практически неосуществимо. Письменное разграничение фонем ‹н› и ‹н'› перед ‹ч›, ‹щ› практического значения явно не имеет. Поэтому тенденция русского письма заключалась в устранении единичных случаев обозначения ‹н'› в этом положении (*няньчить*).

БУКВА *ь* В НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ СЛОВ

БУКВА *ь* В ФОРМАХ ИНФИНИТИВА НА *-ться*

Историческая справка

В написании форм инфинитива *купаться*, *учиться*, *заниматься* и т. п. в орфографической практике никогда не наблюдалось колебаний.

Предложения

I. Не писать *ь* в неопределенной форме глаголов на *-ться*: *сомневатся*, *улыбатся*; *хотел учится*, *занимatся* и т. д. (Проект Московского педагогического общества 1901; Проект Казанского педагогического общества 1902; В. И. Попов 1916; А. В. Миртов 1927; Дискуссия 1929; А. М. Топоров 1929; Проект 1930; Дискуссия 1962*; Л. Е. Филиппова 1962; В. И. Орехов 1963; Дискуссия 1964, 1964*).

■ **1а.** Введение этого правила значительно облегчит усвоение правил правописания: «. . . С точки зрения легкости усвоения правописания, этот мягкий знак следовало бы выкинуть в первую голову» (А. М. Пешковский 1930).

□ **1б.** Но то облегчение, какое дает пишущим правило не писать *ь* в инфинитиве, не оправдывается теми трудностями, какие создало бы это правило для читающих, так как *ь* является сигналом, позволяющим быстро различить при чтении инфинитив и 3-е л. ед. или мн. ч., например: *проститься* и *простится*, *состояться* и *состоятся* (А. С. Белкин 1902; Н. Н. Дурново 1930; А. М. Пешковский 1930).

«Письменный язык. . . есть. . . особый язык, особая система знаков, аналогичная системе устного языка, но не дублирующая ее» (А. М. Пешковский 1930). Поэтому то, что не важно для устной речи, приобретает большое значение для письма. «. . . Само стремление какими-то внешними способами отмечать разницу в значениях слов и форм, совпавших в произношении вследствие фонетической эволюции, следует признать вполне резонным» (Н. С. Рождественский 1941). Разграничение форм на письме значительно облегчает восприятие текста читающими. На эту особенность указывал Д. Н. Ушаков: «Грамотным при чтении. . . помогают пониманию очень многие неточности, непоследовательности и искусственности, которые затрудняют усвоение письма. . .» (1911).

■ **1в.** «На это обыкновенно отвечают, что контекст всегда покажет разницу смысла: *здание строится* и *здание будет строится* понятны в своей разнице и без мягкого знака.

□ **1г.** Но на это есть и контрвозражения: 1) не всегда контекст так прозрачен, как в данном случае: в изолированных, например, инфинитивных предложениях может оказаться одинаково возможным и инфинитивное, и третьеличное понимание (например, в раздраженной реплике такого рода: «*Нечего сказать, милая женушка! Целый день злится и бранится! Я ж тебе покажу!*»); 2) есть ближний контекст и дальний контекст, причем последний иногда бывает крайне отдаленным; если не читать текста, а просматривать, то глаз может как раз не попасть на то место, которым уясняется данное» (А. М. Пешковский 1930).

■ **2а.** В неопределенной форме возвратных глаголов произносится [ᵀцъ] или [т͡съ]: *собира*[ᵀцъ], *надея*[ᵀцъ] и т. д. «Вставка *ь* в окончании *-ться* в неопределенном наклонении не оттеняет выговора этого окончания от созвучного *-тся* в изъявительном наклонении...» (А. М. Топоров 1929). Поэтому написание *-тся* не противоречило бы произношению; оно, подобно правописанию приставок на *-з(с)*, было бы примером «относительно фонетических» написаний.

□ **2б.** Но русское письмо является в основном фонематическим, фонетические написания воспринимаются как исключительные, а поэтому и нежелательные.

■ **3а.** Буква *ь* в инфинитиве на *-ться* не нужна, так как она должна писаться лишь в случаях, «в которых действительно произносится мягкий звук и в которых, при опущении еря, получилось бы искажение слова (*гнать*, *нянька*, *весьма*, *крестьянин*)» (Проект Московского педагогического общества 1901).

□ **3б.** «Искажения» слова, если не писать *ь* в инфинитиве на *-ться*, не произойдет, но будет нарушен фонематический принцип: в неопределенной форме на *-ться* выделяется фонема ‹т'›, например: *учить — учиться*, *собирать — собираться*; согласно фонематическому принципу, эта фонема должна быть обозначена буквами *ть*. Написание без *ь* не соответствует фонематическому принципу.

□ **4.** Оно не отвечает и морфологическому принципу, так как устранение *ь* разобьет последовательность в соотношении форм на *-ся* (*-сь*) с формами без *-ся*: *мою — моюсь*, *моет — моется*, *мыл — мылся*, *мыть — мыться* (Проект 1930).

□ **5.** Введение этого правила ведет к значительной ломке; оно потребовало бы изменения правописания всех глаголов в неопределенной форме на *-ться*.

II. В неопределенной форме на *-ться* писать *-ца*: *смеяца*, *учица*, *строица* (Р. Теверовская 1926; Дискуссия 1929; Дискуссия 1964*) или *-цца*: *смеяцца*, *учицца*, *строицца* (Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964*).

■ 1а. Предлагаемые написания не противоречат произношению.

□ 1б. См. предложение I, п. 2б.

□ 2. Но такое написание резко противоречит фонематическому принципу. В глаголах неопределенной формы на *-ться* выделяется фонема ‹т'›: *учиться — учить*, *строиться — строить*. Написание с *-ца* или *-цца* не передает этой фонемы.

□ 3. Это правило противоречит также и морфологическому принципу: *считать — считаца*, *учить — учица*. Не только нарушается соотношение неопределенной формы глаголов без *-ся* с формами на *-ся*, но и сама частица *-ся* в инфинитиве возвратных глаголов (а по некоторым предложениям, и в 3-м л. ед. и мн. ч.) не будет выделяться, хотя она и сохраняется в других формах: *учица*, по *учишься*, *учился*, *учимся*, *учившийся*, *учись* и т. д. Морфологический состав слова становится неясным, затемненным.

□ 4. Если ввести *-ца* только в возвратных глаголах неопределенной формы, а в 3-м л. оставить *-тся*, то неопределенная форма и 3-е л. ед. и мн. ч. будут на письме различаться. Но эти формы произносятся совершенно одинаково. Значит, это правило не уничтожает для пишущего необходимости опознавать неопределенную форму на *-ться* и 3-е л. на *-тся*, т. е. не снимаются трудности действующего в наше время правила. Если же и в 3-м л. ввести написание *-ца*, то исчезнет разграничение на письме, и при чтении трудно будет различить неопределенную форму и 3-е л. ед. и мн. ч.

■ 5а. Различать 3-е л. и неопределенную форму глагола поможет контекст.

□ 5б. См. предложение I, п. 1г. «Если ученику «выгодно» писать два слова *курится* и *курица* одинаково — *курица*, то для читающего такое «правописание» — настоящее бедствие: оно мешает быстро и легко различать по внешнему виду (а не только по контексту) два разных по морфологическому составу и по значению слова» (С. Г. Бархударов 1963).

□ 6. Введение этого правила потребует большой ломки орфографических навыков.

III. Сохранить написание ь в неопределенной форме глаголов на *-ться*: *делаться*, *учиться*, *считаться* (Дискуссия 1904°; Н. Н. Дурново 1930; А. М. Пешковский 1930; Дискуссия 1962*).

□ 1. См. предложение I, п. 1а.

□ 2. Написание *-ться* не поддерживается произношением.

■ 3. Но написание с ь соответствует фонематическому принципу: ‹т'› передается буквосочетанием *ть*: *учить — учиться*, *считать — считаться* и т. д

■ 4. Употребление ь отвечает морфологическому принципу, так как сохраняется единство в передаче морфемы, не нарушается связь форм без *-ся* (*-сь*) с формами на *-ся*.

■ 5. Буква ь дает возможность различать на письме разные формы глагола. Она «является сигналом, позволяющим быстро различить инфинитив и 3-е л. ед. или мн. ч. (*проститься* и *простится*, *состояться* и *состоятся*, *гнуться* и *гнутся*). Такое различение очень важно для читающего. Оно позволяет быстро читать и понимать текст, создавать и использовать сложные чисто литературные конструкции» (А. М. Пешковский 1930).

□ **6а.** См. предложение I, п. 1в.

■ **6б.** См. предложение I, п. 1г.

■ 7. Это правило не требует никаких изменений в существующих написаниях. Хотя оно является одним из трудных правил нашего правописания, однако упрощение было бы возможно, «если бы было доказано, что трудность эта не искупается удобствами пользования, т. е. что письменный язык не нуждается или не столь нуждается в этого рода различиях. Процент двусмысленностей на общее число употребления этих орфограмм должен был быть подсчитан. . .» (А. М. Пешковский 1930).

БУКВА ь В ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ *-ск-*

Историческая справка

При образовании прилагательных с суффиксом *-ск-* от существительных с основами на мягкие согласные, кроме ‹л'›, как правило происходит чередование мягкой согласной с твердой: *гава*‹н'› — *гава*‹н›*ский*; см. также: *конский*, *свинский*, *рязанский*, *астраханский*, *царский*, *морской*, *зверский*, *сибирский*, *обский*, *омский* и др. При основах на ‹л'› чередования нет, конечное же ‹л› основы чередуется с ‹л'›: *писатель* — *писательский*, *село* — *сельский*, *ангел* — *ангельский* и т. п.

Эта морфонологическая закономерность не распространяется лишь на немногие слова — на прилагательные от названий месяцев (*июньский*, *сентябрьский*, *октябрьский*, *ноябрьский*, *декабрьский*) и изолированное образование *день-деньской*, в которых перед *-ск-* сохраняются ‹н'› и ‹р'› основы существительных.

Кроме того, существует тенденция к нарушению отмеченного морфонологического чередования в прилагательных с суффиксом *-ск-* от иноязычных географических названий; см. образования с ‹н'› от китайских, вьетнамских, венгерских, польских названий: *тайваньский*, *тяньшаньский*, *саньский*, *пномпеньский*, *познаньский*; образования с ‹л› (а не ‹л'›) от некоторых тюркских названий: *джамбулский*, *кагулский*.

Употребление буквы ь перед *-ск-* находится в полном соответствии с фонематическим качеством конечных согласных производящей основы таких образований (и одновременно с их реальным произношением). Но с точки зрения письменных соотношений случаи с ь после *н*, *р* перед *-ск-* выглядят «исключениями» по отношению к основной массе написаний, и довольно широко распространена пллюзия, что в этих случаях возможна орфографическая унификация. С другой стороны, если рассмотреть отдельно все обра-

зования от названий месяцев, написания с ь воспринимаются как некое частное «правило» для этой группы, и исключением выглядит написание *январский*, узаконенное, в частности, сводом 1956 г. В написании этого слова наблюдались колебания; интересно, что Я. К. Грот в разных изданиях своих «Спорных вопросов» давал для этого слова разные рекомендации: *январьский* (1873), *январский* (1876, 1885). Колебание *январский — январьский* отмечено также в проекте 1930 г.

Далее рассмотрены только предложения, относящиеся к образованиям от названий месяцев. Предложения, касающиеся передачи прилагательных от иноязычных географических названий, не рассматриваются, так как это особый вопрос, связанный с общей проблемой передачи заимствований.

Предложения

I. Прилагательные, образованные от названий месяцев на *-нь*, *-рь*, передавать на письме без ь перед суффиксом *-ск-*; писать: *июнский*, *сентябрский*, *октябрский*, *ноябрский*, *декабрский* как *январский* (И. И. Вальков 1875; Я. К. Грот 1876; М. Малорошвилов 1886; *К. Г. Житомирский 1915*; Дискуссия 1954, 1954*; Дискуссия 1962, 1962*; Дискуссия 1964*).

Примечание. И. И. Вальков не предлагал отменить написание ь в *июньский*.

■ **1.** На письме было бы установлено единообразие: писалось бы *июнский* как *конский*, *сентябрский* как *царский* и пр.

□ **2.** Но это письменное единообразие не отвечало бы фактам языка: в рассматриваемых словах [н'], [р'] явно наличествуют в произношении; мнение, что «большинство произносит эти слова без смягчения *р*» (С. М. Потапов 1963), явно ошибочно.

□ **3.** В рассматриваемых словах [н'], [р'] соответствуют фонемам ‹н'›, ‹р'›. Значит, принятые написания фонематичны, а предлагаемые — антифонематичны.

□ **4.** Совершенно очевидно, что разбираемое предложение, вторгающееся в языковые закономерности, не является орфографическим.

II. Все прилагательные, образованные от названий месяцев, передавать на письме с ь перед суффиксом *-ск-*; писать: *январьский* как *сентябрьский*, *октябрьский*, *ноябрьский*, *декабрьский*, *июньский*, *июльский* и др. (Я. К. Грот 1873; Дискуссия 1929; Проект 1930; Дискуссия 1934°; Проекты свода 1936—1940; Орфографический справочник 1936; Дискуссия 1954, 1954*; Дискуссия 1962, 1962*; Дискуссия 1964*).

■ **1.** С принятием этого предложения было бы установлено письменное единообразие в передаче прилагательных с суффиксом *-ск-* от названий месяцев: все они писались бы с ь.

□ **2а.** Однако написание *январский* (без ь) соответствует произношению и фонемному составу этого слова.

■ **2б.** Впрочем, произношение *янва*[р']*ский* не исключается (оно могло появиться под влиянием *октяб*[р']*ский* и пр.). Наличие этого произносительного варианта оправдывает предлагаемое написание.

■ **3.** Написание *январьский* отмечено в практике (см. историческую справку).

БУКВА ь В СОСТАВНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Историческая справка

Наличие и отсутствие ь после первой части составных числительных на *-дцать*, *-десят*, *-сот*, образуемых от *пять*, *шесть*, *семь*, *восемь*, *девять* (*пятнадцать*, но *пятьдесят*, *пятьсот*; *шестнадцать*, но *шестьдесят*, *шестьсот* и т. д.), в современном языке «не определяется ни прямо, ни косвенно произношением» (М. В. Ушаков 1961). Это различие, объясняемое историей образования составных числительных, с точки зрения современных отношений получает лишь относительную мотивировку. «В именах числительных сложных то употребляется ь в середине, то не употребляется — основание для такого различия лежит не в области семантической, а в области формально-конструктивной: в числительных 50—80, 500—900 изменяются обе части, входящие в их состав (*пятьюдесятью*, *пятьюстами*), в числительных 15—19 изменяется лишь последняя часть (*пятнадцатью*)» (Н. С. Рождественский 1941). «Написание ь в середине сложных числительных может быть названо морфологическим, но в большей степени оно является написанием этимологическим» (М. В. Ушаков 1961).

Известная трудность усвоения правила написания ь в составных числительных, заставляющая прибегать к мнемоническому приему (ь пишется в середине, когда его нет на конце, и наоборот), вызвала к жизни предложения унифицировать их написания.

Предложения

I. Установить написания с ь составных числительных на *-дцать*; писать: *пятьнадцать*, *шестьнадцать*, *семьнадцать*, *восемьнадцать*, *девятьнадцать* (К. Г. Житомирский 1915; Дискуссия 1929; Дискуссия 1954*; Дискуссия 1962, 1962*; Дискуссия 1964*).

■ **1.** Устанавливается единообразная письменная передача первой части всех составных числительных от *пять*, *шесть*, *семь*, *восемь*, *девять*: *пятьнадцать* — *пятьдесят* — *пятьсот*, *семьнадцать* — *семьдесят* — *семьсот* и т. п. Отпадает необходимость заучивать специальное правило.

■ **2.** Поскольку сочетания [т'н], [м'н] не свойственны русской фонетике, предлагаемое изменение не должно было бы повлиять на произношение этих слов: написаниям *пятьнадцать*, *семьнадцать* соответствовало бы произношение *пя*[тн]*адцать*, *се*[мн]*адцать* (ср. написание *-ться* в инфинитиве, которому соответствует то же звучание, что и написанию *-тся* в 3-м л. ед. ч.: *садиться* и *садится* звучат одинаково: как *сади*[ц̄]*а*).

□ **3а.** Фонематически предлагаемые написания не могут быть мотивированы. В основах всех этих числительных представлено морфонологическое чередование мягких согласных с твердыми; последние выступают в соотносительных порядковых прилагательных: *пя*‹т'› — *пя*‹т›*ый*, *восе*‹м'› — *вось*‹м›*ой* и т. п. Поскольку морфологический состав числительных на *-дцать* не представляется ясным с точки зрения современных отношений, нельзя с уверенностью установить, какой вариант основы (*пя*‹т'›- или *пя*‹т›-, *восе*‹м'›- или *восе*‹м›-) в них выступает.

■ **3б.** Но по этой же причине оказываются немотивированными и принятые написания.

□ **4а.** Предлагаемое изменение затруднило бы объяснение происхождения этих составных числительных (в них исторически выступают краткие формы *пят*, *шест* и пр., которым соответствуют полные *пятый*, *шестой* и пр.).

■ **4б.** Однако эта отсылка к истории данных слов вряд ли может помочь усвоить принятые написания. Стоит ли сохранять написания, имеющие лишь историческую ценность?

II. Установить написания без ь составных числительных на *-десят* и *-сот*; писать: *пятдесят*, *шестдесят*, *семдесят*, *восемдесят*, *пятсот*, *шестсот*, *семсот*, *восемсот*, *девятсот* (Д. Н. Соколов 1851; А. Г. Герасимов 1901; Дискуссия 1929; Дискуссия 1954, 1954*; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1962, 1962*; Дискуссия 1964*).

■ **1.** Это изменение также дает возможность создать единое правило написания всех составных числительных от *пять* — *девять*: *пятнадцать* — *пятдесят* — *пятсот*, *восемнадцать* — *восемдесят* — *восемсот* и т. п.

■ **2а.** Произношение большинства рассматриваемых слов не вступило бы в противоречие с новыми написаниями: *пятдесят* нельзя произнести иначе, чем *пя*[д'д']*есят* (ср. *отделить* — *о*[д'д']*елить*); произношению *пя*[д̄]*от*, *ше*[с̄]*от* написания *пятсот*, *шестсот* соответствовали бы нисколько не меньше, чем *пятьсот*, *шестьсот*; поскольку *семьсот*, *восемьсот* произносятся как *се*[м]*сот*, *восе*[м]*сот*, новые написания не могли бы ничего изменить в произношении этих слов.

□ **2б.** Но написания *семдесят*, *восемдесят*, безусловно, способствовали бы распространению произношения *се*[м]*десят*, *восе*[м]*десят*, которое существует и при написаниях с ь, но не признается орфоэпическим [1].

---

[1] См.: Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1954, стр. 73.

□ 3. Данное предложение антифонематично. Соотношения *пятьдесят — пятидесяти*, *пятьюдесятью*, *пятидесятый*, *семьсот — семисот*, *семьюстами*, *семисотый* достаточны для установления того, что первая часть числительных на *-десят*, *-сот* кончается мягкими фонемами ‹т'›, ‹м'›: *пя*‹т'›*десят*, *пя*‹т'›*сот*, *се*‹м'›*десят*, *се*‹м'›*сот* и т. д.

□ 4. Те же факты показывают, что написания *пятдесят*, *семсот* и пр. были бы и морфологически немотивированными (ср. при современных написаниях: *пять — пяти* и *пятьсот — пятидесяти*; с принятием данного предложения было бы *пятсот — пятидесяти*).

БУКВА ь В ФОРМАХ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА *-ня*

Историческая справка

Есть ряд существительных ж. р. (с флексией ‹а› и им. п. ед. ч.), в парадигме которых представлено чередование ‹н› — ‹н'› конца основы: в род. п. мн. ч. выступает ‹н›, которому предшествует беглая гласная, во всех остальных формах — ‹н'› после согласной (*спа*‹л'эн› — *спа*‹л'н'а›, *спа*‹л'н'› и т. д.). Лишь в немногих существительных такого типа чередования ‹п'›—‹п› не представлено; они имеют форму род. п. мн. ч. с ‹п'›: *деревень*, *барышень*, *кухонь*; ряд других имеет вариативные формы: *вишен* и *вишень*, *черешен* и *черешень* и т. п., из которых соответствующими современной норме признаются лишь первые.

Интересно, что наличие или отсутствие чередования ‹п'›—‹п› в парадигме существительных на *-ня* определяет характер основы в уменьшительных образованиях, ср. *банъ—банька*, *банек*; *кухонь*, *деревень — кухонька*, *деревенька*, *кухонек*, *деревенек*; *спален*, *песен—спаленка*, *песенка*, *спаленок*, *песенок* и т. п.

В грамматиках и руководствах по правописанию обычно фигурирует правило о написании ь в род. п. мн. ч. таких существительных, и формы *деревень*, *барышень*, *кухонь* предстают как некие орфографические исключения; так они даются уже у Я. К. Грота (1885). Существует иллюзия, что в этом случае возможна орфографическая унификация.

Предложения

I. Всегда писать ь в формах род. п. мн. ч. существительных на *-ня*: *басень*, *вишень*, *спаленъ*, *сотень*, *боень* как *дынь*, *яблонь*, *деревень*, *кухонь* (К. Г. Житомирский 1894; В. Куницкий 1901; Проект 1930; Дискуссия 1954, 1954*; Дискуссия 1962, 1962*; Дискуссия 1964*).

■ 1. На письме было бы достигнуто полное единообразие: написанию с *-ня* в форме им. п. ед. ч. всегда соответствовало бы написание с *-нь* в род. п. мн. ч.; при этом существительные на *-ня* оказались бы уравненными со всеми остальными существительными, имеющими основы на мягкие согласные: *кастрюля — кастрюль*, *потеря — потерь*, *тетя — теть* и т. п.

□ **2.** Но это единообразие было бы достигнуто за счет бесцеремонного вторжения в сферу языковых закономерностей. Предлагается, собственно, путем изменения написания отменить бесспорно существующее в языке морфонологическое чередование. Поскольку такие чередования как правило отражаются на письме, изменение написаний в этих случаях должно провоцировать языковые изменения. Предлагаемое орфографическое вмешательство, «отменяя» чередование ‹н'› — ‹н› в парадигме существительных типа *басня*, *песня*, нарушило бы соответствие между формой род. п. мн. ч. и уменьшительными образованиями (*басень — басенка*, *басенок*).

II. Никогда не писать ь в формах род. п. мн. ч. существительных на *-ня* с беглой гласной перед конечной согласной основы; писать: *барышен*, *деревен*, *кухон* как *вишен*, *пашен*, *басен*, *боен*, *купален* и т. п. (Дискуссия 1962*; В. С. Варухин 1962; Л. Г. Барлас 1963; М. В. Ионина 1964).

Примечание. Зафиксировано предложение изменить написание только одного слова; писать: *кухонь*, *деревень*, но *барышен* (Дискуссия 1934°).

■ **1.** С принятием этого предложения единообразие было бы достигнуто в написании существительных на *-ня* с беглой гласной перед конечной согласной основы (при наличии перед *-ня* небеглой гласной сохранялись бы написания с ь: *бань*, *тихонь*, *яблонь* и т. п.).

□ **2а.** Это тоже вторжение в сферу языка, правда, менее дерзкое, потому что оно касается лишь трех слов. Этим предложением делается попытка, наоборот, ввести чередование ‹н'› — ‹н› в парадигмы трех существительных, которые сейчас последовательно сохраняют ‹н'› в конце основы. При этом тоже была бы нарушена соотносительность с уменьшительными образованиями: *деревен — деревенька*.

■ **2б.** Для одной формы — от существительного *барышня* — написание без ь отчасти оправдывается колебаниями в произношении. «Уже сейчас часто можно слышать произношение *барышень* с твердым *н*» (В. С. Варухин 1962).

ПЕРЕДАЧА ЗНАЧАЩИХ ЧАСТЕЙ СЛОВА

ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ В КОРНЯХ

ЧЕРЕДОВАНИЕ *о — а*

Историческая справка

Многие корни с чередованием гласных восходят к лексическим дублетам древнерусской и старославянской лексики (*рост- — раст-*, *зор- — зар-*) или отражают прежнюю принадлежность глагольных основ к различным видам и подвидам (*полагать* при *положить*, *загарать* при *загореть* и пр.). Древнерусский язык имел издавна весьма последовательные чередования корневых гласных *а — о* преимущественно в глаголах с окончанием *-ать* несовершенного вида и *-ить* совершенного вида. В современном русском языке эти чередования уже не связываются с видовыми различиями. Значение вида передается не корневым чередованием *о — а*, а только постфиксами *-ить* и *-ать* и чередованием согласных корня (*поглотить — поглощать*).

На протяжении XIX и XX вв. традиционная орфографическая передача корней в целом сохранялась, но в отдельных словах постепенно заменялась написаниями, оправданными фонематически и морфологически. Так, вместо написаний типа *загарать — загореть*, *покланяться — поклониться*, *поглащать — поглотить* возникли еще в XIX в. морфологически единообразные написания *загорать — загореть* и под. В современных новообразованиях *изгарь*, *выгарки* вместо *о*, традиционного для написания этого корня в безударном положении, появляется *а*, фонематически оправданное (в этом корне под ударением всегда *а*: *гарь*, *загар*, *нагар* и пр.). Не раз осуществлялись индивидуальные попытки в корне *рост-—рос-* писать только *о* (т. е. *ростение*, *ростет*, *выростает*, но, конечно, *взращивать*, *взращивание*). В 1956 г. пришлось узаконить написание *плавучий*, фонематически оправданное (ср. *плавать*), вместо традиционного нефонематического написания *пловучий*. Таким образом, традиционные, нефонемные написания в корнях постепенно устраняются, но путь устранения мучителен и замедлен.

До сих пор в написаниях многих корней сохраняются традиционные буквенные чередования, не оправданные живыми языковыми отношениями. Например, корень *рас(т)-* пишется в глаголах *расти*, *растить*, *вырастать* и т. п. и во всех образованных от них словах; например: *растение*, *произрастание*, *ращение*, *сращение*, *возраст* и т. п., а также в слове *отрасль*; корень *рос(т)-* пишется в прошедшем времени от *расти*, например: *росла*, *росло*, *росший*, *вырос*, *выросший* и т. п., а также в словах *заросли*, *поросль*, *водоросль*, *недоросль*, *росток* и в образованных от них словах (Свод 1956).

Принимается следующее членение:

А. Предложения, относящиеся к написанию всех корней (или большинства их).

Б. Предложения, относящиеся к написанию отдельных корней.

Предложения

А. Предложения, относящиеся к написанию всех корней (или большинства их)

I. Устранить на письме чередование *о—а* в корнях слов в тех случаях, когда оно является чисто буквенным, не отражающим никаких живых языковых явлений, и передавать каждый корень в безударном положении в соответствии с его написанием под ударением; писать: *зоря*, *зорница*, *зоревой*, *озорить*; *рости*, *ростение*, *возрост*, *отрость*, *рощение*; *предлогать*, *предпологать*, *излогать*; *мокать*, *обмокнуть*, *гареть*, *загарать*, *загарелый*; *плавец*, *плавчиха* (Дискуссия 1929; А. М. Пешковский 1930; Дискуссия 1954; Предложения Института русского языка 1962; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1962, 1962*; Проект 1964).

■ **1а.** Предложение позволяет снять ряд частных правил, требующих запоминания конкретных единичных написаний. Действующие правила не могут в некоторых случаях четко определить круг слов, пишущихся с *о* и *а*, и это приводит к разнобою в печати и в рекомендациях словарей.

Предлагаемое правило вводит полную унификацию, оно сливается с общим правилом о правописании безударных гласных и тем самым «самоликвидируется» как отдельное правило.

□ **1б.** Но оно не может быть распространено на те случаи, когда под ударением представлены в разных образцах разные варианты корня — с *о* и *а* (*клон-* — *клан-*, *скок-* — *скак-*, *ровн-* — *равн-*, отчасти *зор-* — *зар-*), так как остается вопрос о том, с каким из этих вариантов следует соотносить тот или другой неударный вариант. Речь идет о «двояко определяемых написаниях». Предложение не решает и вопроса о том, как следует передавать корень с чередованием *о—а*, не представленный под ударением (*кос-* — *кас-*). «. . .Мы должны упомянуть об одной небольшой группе совершенно иррациональных написаний, формально подходящих под нашу рубрику *б* («косвенно определяемые произношением»), но по существу являющихся абсолютно трудными. Это такие написания безударных гласных, которые. . . д в о я к о определяются ударными фактами (например, *скакать* при *скок* и *вскачь*). . . и при этом. . . не могут быть подведены н и п о д к а к у ю г р а м м а т и ч е с к у ю к а т е г о р и ю. Эта рубрика «двояко определяемых» написаний является, очевидно, с точки зрения легкости усвоения, самым зловредным из всего, что есть в нашем правописании. . . Фактов тут, как уже сказано, немного. . . но факты как раз о ч е н ь у п о т р е б и т е л ь н ы е и очень богатые производными (обширные «семьи»). Подсчеты ошибок показывают, что это — одно из самых «узких мест» нашего правописания» (А. М. Пешковский 1930).

■ **2.** Предложение логически вытекает из требований фонематического принципа: написание проверяется фонемой, представленной в сильной позиции.

■ **3.** Оно соответствует и морфологическому принципу.

■ **4.** Предлагаемые написания не вступают в противоречие с литературным произношением.

□ **5а.** Большинство предлагаемых написаний антиэтимологично во многих случаях это неизбежно приведет к отказу от передачи исторических чередований; например, написание с *а* корня *плав-* разрушает этимологически традиционную передачу (др.-русск. *плову*, *пловучий* и пр.).

■ **5б.** Но соответствие этимологии вовсе не необходимо. Исторические традиционные написания трудны для изучения и усвоения; русская орфография постоянно освобождается от них, заменяя такие написания фонематическими.

■ **6а.** Осуществление предложения требует для одних корней очень незначительных изменений; следовательно, оно не вызовет сколько-нибудь серьезной ломки привычных написаний, а только снимет существующие неоправданные исключения (например, в корне *плав-* это связано с изменением написания только двух слов: *пловец*, *пловчиха*).

□ **6б.** Для других корней изменения довольно значительны (например, в большом числе слов придется писать *рост-* вместо *раст-*). См. подробнее в анализе предложений раздела Б.

II. Корни, в которых представлено чередование букв *о* — *а*, писать под ударением в соответствии с реальным произношением, в безударном же положении всегда передавать их с *а*; в частности, писать: *вырас*, *расток*, *зарасль*; *предлажение*, *излажение*; *промакашка*, *промакнуть*; *гареть*, *загарать*, *загарелый*; *плавец*, *плавчиха*; *вскачить*, *выскачить*; *накланиться*, *прекланяться*; *сравнять*, *подравнять*, *уравень*, *равнее*; *прикаснуться*, *прикасновение* (Дискуссия 1962, 1962*).

■ **1а.** Предлагаемое правило легче, чем совокупность правил, определяющих действующие написания.

□ **1б.** Однако написания всех этих корней не перестают быть исключениями, если рассматривать их по отношению к русскому письму в целом — к тому, как передаются в нем безударные гласные корня. Так как формулировка правила выделяет эти корни, то их правописание необходимо будет заучивать.

■ **1в.** Данное правило в отличие от предыдущего позволяет единообразно унифицировать написание всех корней с чередованием *о* — *а*: представленных под ударением одним вариантом (*рост-* —

раст-, *гор- — гар-*, *плов- — плав*), двумя вариантами (*клон- — клан-*, *скок- — скак-*, *ровн- — равн-*) и не представленных под ударением (*кос- — кас-*).

■ **1г.** Однако ввиду сказанного в п. 1б придется все равно заучивать список этих «единообразно унифицированных» корней, так как они унифицированы не по тому принципу, на котором основано правописание всех остальных корней в русском письме.

□ **2а.** Существо данного предложения противоречит фонематическому и морфологическому принципам. Оно не только сохраняет ряд фонематически неоправданных написаний, но и увеличивает их число: вводит написание безударного *а* (при наличии ударного *о*) даже в тех случаях, где по действующим правилам пишется *о*, например: *вырасший*, *зарасль*, *порасль*, *расток*, *выраток*, *растовщик*; *предлажить*, *облажение* и др.

■ **2б.** Правда, некоторые из предлагаемых написаний оказываются фонематически мотивированными (это относится к корням, имеющим ударный «образец» с *а*, т. е. к корням *гар-* и *плав-*, к тем случаям, когда имеются два «образца», где в корне наблюдается чередование фонем ‹а› — ‹о›, например в корне *клан- — клон-*).

□ **2в.** Но это не следует из сущности данного предложения, а является случайным совпадением предлагаемых написаний и фонематически оправданных.

■ **3.** Предлагаемые написания не вступают в противоречие с литературным произношением.

□ **4а.** Некоторые из предлагаемых написаний антиэтимологичны. Например, корень *плов-* правильно этимологически должен писаться с *о*.

■ **4б.** Другие, наоборот, представляют как бы «восстановление» этимологически правильных написаний; например, написание *загарать*, написания с *раст-* слов книжного (старославянского) происхождения.

□ **4в.** Но это не следует из существа предложения, а также является случайным фактом, охватывающим немногие написания.

■ **5а.** Некоторые корни уже пишутся в соответствии с этим предложением (например, *зар- — зор-*); написание других требует сравнительно небольших изменений (корни *кас- — кос-*, *лаг- — лог-*).

□ **5б.** Для написаний некоторых корней изменения были бы значительны: для корня *клон- — клан-*, в котором без ударения всегда пишется *о*; для корня *раст- — рост-* и др.

III. «Предоставить полную свободу писать *о* или *а* в глаголах и производных от них именах в тех случаях, когда усиление коренного *о* в *а* не определяется ударением, т. е. *касаться* и *ко-*

саться, *полагать* и *пологать*, *расти* и *рости*, *разгореться* и *разгареться*» (В. Куницкий 1901).

■ **1а.** Это предложение облегчает положение пишущего.

□ **1б.** Однако предложение касается гласных корня, «когда усиление *о* в *а* не определяется ударением»; следовательно, придется при письме для каждого корня устанавливать, относится он к этой группе или нет. Практически это означает, что такие корни надо заучить.

□ **2а.** Оценка предложения целиком определяется тем, как оценивать вариантность в орфографической системе. В данном случае вариантность вряд ли может быть оправдана.

■ **2б.** В тех случаях, когда есть два «эталона», образца, допущение вариантных написаний может показаться желательным. Поскольку есть слова *скачет*, *скок*, не страшно позволить писать и *поскокал*, и *поскакал*; обе орфограммы не будут резать глаз, уже привыкший к разному изображению этого корня.

□ **2в.** Но пишущие станут распространять это вариантное написание и на другие корни, где оно уже вовсе не оправдано, и пожар вариантности распространится на все корни. Вряд ли это желательно.

IV. Сохранить все сложившиеся в русском письме буквенные чередования гласных в корнях (Дискуссия 1962 *; Дискуссия 1964 *).

■ **1.** Сохраняется прочно установившаяся традиция, ничего не меняется.

□ **2.** Однако есть серьезные основания отказаться от ряда традиционных написаний с чередованиями в корнях (см. анализ предыдущих предложений).

Б. Предложения, относящиеся к написанию отдельных корней

а. Корень зор- — зар-

I. Установить единое написание этого корня с *о*; писать: *зоря*, *зорница*, *озорять* как *зори*, *зорька* (С. И. Барановский 1848; Кравченко 1853; А. Г. Герасимов 1901, 1903; В. И. Попов 1916; Н. Н. Фатов 1927; Дискуссия 1934°; А. М. Сухотин 1935°, Д. Н. Ушаков 1936°; Проекты свода 1936—1939; Дискуссия 1954; Дискуссия 1962, 1962 *).

Примечание. Это предложение поддерживается и авторами предложения А I.

■ **1.** Аргументы за это частное предложение в основном те же, что и за общее предложение А I.

□ **2а.** Однако существуют факты, осложняющие картину. В словах *зарево*, *лучезарный*, *светозарный* *а* пишется в строгом соответствии с произношением ударного гласного. Поэтому возникает сомнение, является ли чередование *зар-* — *зор-* чисто буквенным. Наличие этих слов делает, в частности, спорным написание безударного гласного в слове *зарница* (Дискуссия 1934°; Дискуссия 1954; Дискуссия 1962; Дискуссия 1964, 1964°, 1964 *).

■ **2б.** Но связь между *заря* и *зарево*, *лучезарный* вряд ли осознается в живом языке. «Я думаю, что не ученики сами соединяют эти слова, а мы их соединяем, а затем внушаем им. . . Почти во всех случаях буква *о* (не *а*) находится под ударением, и все *зарева* не должны смущать нас» (Д. Н. Ушаков 1936°).

□ **3.** Реализация предложения требует небольших изменений.

б. Корень раст- — рост-

I. Установить единое написание этого корня с *о*; писать: *расти*, *растение*, *возраст*, *отрасль* как *росток*, *росла*, *поросль* (Кравченко 1853; Р. Ф. Брандт 1901; А. Г. Герасимов 1901, 1903; П. Г. Сорочинский 1903; Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904; К. Г. Житомирский 1915; В. И. Попов 1916; Н. Н. Фатов 1927; Дискуссия 1929°; Дискуссия 1934°; А. М. Сухотин 1935°; Д. Н. Ушаков 1936°, А. Б. Шапиро 1951; Дискуссия 1954; Дискуссия 1962, 1962 *).

Примечание. Это предложение поддерживается и авторами предложения А I.

■ **1.** Аргументация за это предложение совпадает с аргументацией за предложение А I.

□ **2а.** Иногда написание *а* в этом корне соответствует произношению [а] под ударением: ср. *великовозра́стный* (Дискуссия 1964°).

■ **2б.** Этот единственный случай так же не может помешать писать *расти* и пр., как, например, слово *сесть* не мешает писать *сидит*, *сидящий* (ср. *сиде́ть*).

■ **3.** Многие написания, предлагаемые этим правилом, восстанавливали бы более глубокую традицию, чем та, на которую опирается современная орфография. «Если следовать обычаю, то почему не сохранить *расти*, как многие писали» (К. Г. Житомирский 1915).

□ **4.** Общее число подлежащих изменению написаний с этим корнем довольно значительно.

в. Корень плав- — плов-

I. Установить единое написание этого корня с *а*; писать: *плавучий*, *плавец*, *плавчиха* (А. Г. Герасимов 1901, 1903; Дискуссия 1962, 1962 *).

Примечание. Это предложение поддерживается и авторами предложений А I и А II.

■ 1. Аргументы в пользу принятия предложения А I являются и аргументами за это предложение.

■ 2. Предложение находится в русле тех стихийных изменений, которые происходили в русском языке и письме. «В аббревиатурах *плавсредства*, *плавсостав*, *плавдок* и т. д. под влиянием «языкового чутья говорящих» проявилась под ударением фонема ‹а›; но *плав-* — лишь вариант прилагательного *пловучий*; поэтому, естественно, пришлось изменить [в своде 1956 г.] правописание прилагательного: *плавучий*» (М. В. Панов 1962). В настоящее время для реализации предложения требуется изменить написание всего двух слов — писать: *плавец* и *плавчиха*.

г. Корень гар- — гор-

I. Установить единое написание этого корня с *а*; писать: *гареть*, *гарячий*, *загарать*, *обгарать*, *возгарание* и т. д. (Дискуссия 1954; Дискуссия 1962, 1962*).

Примечание. Это предложение поддерживается и авторами предложений А I и А II.

■ 1. Аргументами за предложение являются аргументы за предложение А I.

■ 2а. С введением единого написания *гар-* была бы достигнута письменная дифференциация корней, выделяемых в словах *горе*, *горький*, с одной стороны, и *гореть*, *горячий* — с другой. Исторически здесь корень один и тот же, но в современном языке они далеко разошлись. Предлагаемые написания подчеркивали бы это орфографическими средствами.

□ 2б. Но в отдельных случаях это как раз нежелательно. Например, есть слово *горючий*, в семантике которого до сих пор обнаруживается историческая общность этих корней. С принятием данного предложения обеднились бы ассоциации, возникающие теперь при восприятии слова *горючий* в его письменном облике. Ср. у Пушкина в «Анчаре»:

С его ветвей уж ядовит
Стекает дождь в песок *горючий*.

Если установить написание *гарючий*, разрывается связь с *горе*, *горький* (Дискуссия 1962°).

«Становясь на место *гор-*, корень *гар-* отрубит живые нити ассоциаций и аллитераций, ведущие от слова, скажем, *горю* (*горючий*) к *гóрю*, к *гóречи*, к *горé*, к *горнему*» (А. А. Якобсон 1964).

□ 3а. Реализация предложения потребовала бы изменения написаний большей части слов с этим корнем. (Иногда это было бы

«вторичное» изменение: этимологически правильные написания *загарать*, *возгараться* в свое время были заменены *загорать*, *возгораться* по аналогии с *гореть* и др.).

■ **3б.** Но некоторые написания с *гар-* уже стихийно утвердились в русском письме: *выгарки*, *изгарь*.

д. Корень лог- — лаг-

I. Установить единое написание этого корня с *о*; писать: *предлогать*, *предполагать*, *полагать* как *предложить*, *наложить* (*Р. Ф. Брандт 1901*; К. Г. Житомирский 1915; Дискуссия 1954*; Дискуссия 1962, 1962*).

Примечание. Это предложение поддерживается и авторами предложения А I.

■ **1.** Аргументация за это предложение совпадает с аргументацией за предложение А I.

■ **2.** Предлагается изменить написание корня *лог-* — *лаг-* в том же направлении, в каком уже было стихийно изменено написание ряда корней; в свое время стали писать *рождать* вместо *раждать*, *помогать* вместо *помагать* и др. (см. историческую справку). Поскольку пишется *помогать*, то нелогично одновременно писать *предлагать* (Р. Ф. Брандт 1901).

□ **3.** Реализация предложения требует довольно значительных изменений.

е. Корень мок- — мак-

I. Установить единое написание этого корня с *о*; писать: *мокать*, *обмокну́ть* как *промокну́ть*, *промокательный*, *промокашка* (*Р. Ф. Брандт 1901*; К. Г. Житомирский 1915; Д. Н. Ушаков 1934; А. М. Земский 1941; Дискуссия 1954; Дискуссия 1962, 1962*).

Примечание. Это предложение поддерживается и авторами предложения А I.

■ **1.** Основная аргументация за это предложение та же, что и за предложение А I.

□ **2а.** Высказывалось мнение, что полезно разграничить в написании слов с этим корнем тонкие семантические оттенки. «Корень *мак-* пишется в словах со значением «опускать что-либо в жидкость с целью напитать это жидкостью» (в совершенном виде — со значением «опустить»): *макать хлеб в молоко*, *обмакнуть перо в чернила*. Корень *мок-* пишется в словах со значением «пропускать влагу», «становиться влажным»: сапоги *промокают*, *непромокаемый плащ*» (С. Е. Крючков 1952).

□ **2б.** Эти искусственные разграничения трудны для пишущих. Недаром возник разнобой *промакашка* и *промокашка*; каждое из

написаний основывается на своем объяснении. «*Промокательная бумага* (*промокашка*) — это бумага, которая легко пропускает влагу, легко пропитывается влагой. . . Написание *промакательная бумага* (с корнем *мак-*) пытаются объяснить тем, что это бумага, которую опускают в чернила с целью напитать ее чернилами» (С. Е. Крючков 1952). Нет необходимости выражать орфографически эти навязанные языку семантические различия (Дискуссия 1962).

■ 3. Этимологически оба корня восходят к одному. Попытка разграничить два его варианта, приписав каждому особое значение, принадлежит недавнему времени. Традиция принятых сейчас написаний неглубока и отказаться от нее нетрудно.

□ 4а. В некоторых образованиях от слов с корнем *мак-* «проясняется» [а] под ударением. См., например:

. . . мы тоже в леса *обма́кнуты*,
мы зерна в зеленой мякоти. . .

(А. Вознесенский. Возвращение в Сигулду).

■ 4б. Употребленная поэтом форма не нормативна (норма — *обмакну́тый*). Такие окказиональные факты могут не приниматься во внимание.

■ 5. Требуется изменить написание немногих слов: *макать*, *обмакну́ть* и производных от них.

ж. Корень скок- — скак-

I. Этот корень в безударном положении передавать всегда с *о*, сохранив для ударных случаев написания, соответствующие произношению; писать: *скокать*, *скокалка*, *на скоку*, *скоковой*, *скокун* и др., но *скачет* и *вскочет*, *проскачет* и *проскочит* и т. п. (*Д. Н. Ушаков 1936*°; Дискуссия 1954*; Дискуссия 1962, 1962*).

■ 1а. Правило избавляет от необходимости при выборе написания анализировать значения слов. Этот анализ иногда сложен; например, как писать: *скокнуть* или *скакнуть*, *на скоку* или *на скаку*? (ср. *скок*, но *скачет*). Таким образом, предлагается облегчение для пишущего.

□ 1б. Однако такие написания, как *скакать*, *скачу*, *проскакать*, *проскачу*, и, с другой стороны, *проскочить*, *проскочу*, однозначно определяются теми случаями, где корень выступает под ударением; ср. *скачет*, *проскачет* — *проскочит*. Данное предложение привело бы к появлению буквенного чередования *а—о* в пределах одной парадигмы: *скокать* — *скачет*, *проскокать* — *проскачет*. Поэтому облегчение могло бы оказаться мнимым.

■ 2а. Письменные соотношения, аналогичные тем, которые сложились бы с принятием данного предложения, уже существуют

для слов с корнем *клон- — клан-*: под ударением написание соответствует произношению, без ударения же пишется только *о* (*кланяться*, *наклон*, *поклонишься — наклониться*, *поклоняться*).

□ **2б.** Но в написаниях с корнем *клон- — клан-* не возникает буквенного чередования *а—о* в пределах одной парадигмы (в парадигме глагола *кланяться* гласная никогда не попадает в безударное положение).

□ **3.** Правило требует отказа от различия в написаниях: *быстро проскочу в дверь — проскачу на коне*. Это может привести к смысловым неясностям (*Я быстро проскочу перед ним*).

II. Этот корень в безударном положении передавать всегда с *а*, сохранив для ударных случаев написания, соответствующие произношению; писать: *проскачить*, *отскачить*, *выскачка*; но *проскачет* и *проскочет* и пр. (Дискуссия 1962, 1962*).

Примечание. Это предложение поддерживается и авторами предложения А II.

■ **1а.** См. предыдущее предложение, п. 1а.

□ **1б.** Данное предложение привело бы тоже к появлению буквенного чередования в пределах одной парадигмы, но в иных случаях: *проскачить — проскочит*, *вскачить — вскочит* и пр.

□ **2.** См. предыдущее предложение, п. 3.

з. ***Корни*** **равн- и ровн-**

I. Корень *ровн-* в безударном положении передавать всегда с *а*, сохранив для ударных случаев написания, соответствующие произношению; писать: *заравнять*, *уравнять*, *равна* (и от *равный*, и от *ровный*), *сравнять* (и 'сделать ровным', и 'сделать равным') и т. п., но *ровный* и *равный*, *ровня* и *равенство* и пр. (Дискуссия 1954*; Дискуссия 1962, 1962*).

Примечание. Это предложение поддерживается и авторами предложения А II.

■ **1а.** Создается механическое правило; пишущий избавлен от необходимости анализировать значение слова, чтобы установить его написание.

□ **1б.** Однако это механическое правило противоречит особенностям русского письма. Поэтому оно может не оказаться легким.

□ **2.** Данное предложение совершенно игнорирует наличие в русском языке двух разных корней: *ровн-* (исконно русского происхождения) и *равн-* (старославянского происхождения). В некоторых случаях их значения довольно близко соприкасаются, поэтому смысловой анализ иногда затруднителен. Но эта языковая трудность не может быть искусственно устранена введением

механического орфографического правила. Если даже и можно упростить написания слов с корнями *ровн-* и *равн-*, «то не в тех словах, смысловое значение которых выражается именно орфографически: *равнять* (балки) и *ровнять* (балки), *равнять* (куски кожи) и *ровнять* (поверхность кожи), *равнять* (фитили) и *ровнять* (фитили) и т. д.» (С. А. Фессалоницкий 1956).

□ **3.** Отражение на письме разницы в фонемном составе корней ‹*равн*› и ‹*ровн*› во всех положениях — не только в ударном, но и в безударном — настоятельно диктуется фонематическим принципом. Соответствует оно и морфологическому принципу.

II. Сохранив сложившуюся письменную передачу корней *равн-* и *ровн-*, изменить отдельные написания, представляющиеся недостаточно мотивированными; писать, в частности: *ровнина*, *равесник* (Дискуссия 1962, 1962°, 1962*).

■ **1.** Предлагаются более мотивированные написания: *ровнина* ‘ровное, гладкое место’, *равесник* ‘равный по возрасту’.

□ **2.** Однако значение слова *равнина* может быть объяснено иначе. Это плоское место, все точки которого находятся на равном расстоянии от уровня моря. Такое толкование (более точное) позволяет остаться при традиционном написании.

□ **3.** В словах *равнина*, *ровесник* корни вряд ли выделяются для современного языкового сознания: произошло опрощение этих основ (Дискуссия 1962°).

и. *Корень* кос- — кас-

I. Установить единое написание этого корня с *о*; писать: *касаться*, *касательная*, *касательство*, *прикасаться* и т. п. (*Р. Ф. Брандт 1901*; К. Г. Житомирский 1915; *Д. Н. Ушаков 1936*°; Дискуссия 1954*; Дискуссия 1962, 1962°, 1962*).

■ **1а.** Передача данного корня в одних случаях как *кас-* (*касаться*) в других — как *кос-* (*коснуться*) неоправданна ни фонематически, ни морфологически. Единая передача отвечает и тому, и другому принципам.

□ **1б.** Поскольку данная морфема не употребляется так, чтобы входящая в ее состав гласная фонема оказывалась под ударением, выбор именно данного варианта не может быть фонематически мотивирован.

■ **1в.** Но предлагаемая передача не противоречит фонематическому принципу, так как выбор другого варианта — *кас-* (см. следующее предложение) — тоже нельзя мотивировать.

□ **2.** Предложение ведет к изменению ряда привычных, традиционных написаний. Решая вопрос о выборе варианта: *кос-* или *кас-*

(см. следующее предложение), следует установить, какое из написаний потребует меньшего числа изменений.

II. Установить единое написание этого корня с *а*; писать: *каснуться*, *прикасновение*, *прикасновенный*, *прикаснуться* (Дискуссия 1962, 1962*).

Примечание. Это предложение поддерживается и авторами предложения А II.

См. анализ предыдущего предложения.

ЧЕРЕДОВАНИЕ *е — и*

Историческая справка

Чередование *е — и* в большинстве случаев связано с видовым разграничением глагольных основ. Еще в конце XIX — начале XX в., когда в литературном языке господствовало еканье (т. е. различение ⟨э⟩ — ⟨и⟩ в безударных слогах), это чередование было языковым, существовало в живой произносимой речи. Произносилось *прот*[э^{II}]*реть* — *прот*[и^{э}]*рать*, *соб*[э^{II}]*ру* — *соб*[и^{э}]*раю* и пр. Правда, уже в это время в связи с влиянием одних глагольных основ на другие, их контаминации, возникали трудности в их написании. Но эти трудности преодолевались усвоением широко распространенного тогда экающего литературного произношения, в ту эпоху позволявшего различать эти формы.

Положение сильно изменилось с распространением иканья, при котором ⟨э⟩ — ⟨и⟩ в безударных позициях не различаются: произносится *прот*[и^{э}]*реть* — *прот*[и^{э}]*рать*, *соб*[и^{э}]*ру* — *соб*[и^{э}]*раю* и пр. Обучение правописанию этих глаголов стало одной из трудных задач для школы, так как буквенные различия оказались мертвым сигналом, они не соответствовали никаким различиям в живом произносимом языке.

Однако длительная и прочная традиция этих орфограмм обеспечила им прочность и устойчивость в практике; таких отступлений, как *выгарки*, *изгарь*, *плавучий* (характерных для чередований *о—а*), здесь не наблюдается.

Предложения

I. В глагольных корнях и радиксоидах (т. е. корнях, сращенных с приставкой) *пер-*, *бер-*, *мер-*, *тер-*, *дер-*, *блест-*, *жег-*, *стел-*, *чет-*, *жед-*, *жем-*, (*н*)*ем-* без ударения писать только *е*: *упереться*, *умерать*, *протерать*, *блестать*, *сжегать*, *расстелать*, *прочетать*, *ожедать*, *поженать*, *пожематъ*, *поднематъ*, *вземать* (Дискуссия 1929; Дискуссия 1962, 1962°, 1962*; Предложения Института русского языка 1962; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1964*).

1а. Видовые различия сигнализируются аффиксами *-а-* и *-е-* (*растирать — растереть*) или *-а-* и «ноль» (*растираю — разотру*); чередование ⟨э⟩ — ⟨и⟩ у этих глаголов отсутствует (при господствующем сейчас икающем произношении). Следовательно, написание одной и той же морфемы в виде *бер- — бир-*, *пер- — пир-* и пр. нарушает морфологический принцип.

□ **1б.** Высказывается мнение, что господствующим сейчас является экающее произношение, поэтому разграничение *собирать — соберу* и пр. нетрудно (Кафедра русского языка ЛГУ 1963˘).

■ **1в.** Мнение о господстве эканья в литературном языке совершенно не подтверждается массовым фонетическим обследованием (Дискуссия 1962°).

□ **1г.** Предполагается, что аффиксы *-а-* и *-е-* или *-а-* и «ноль» не могут здесь быть полноценными передатчиками видовых значений, так как эти же чередования есть в формах одного и того же вида: *лететь — летать*, где *-е-* и *-а-* показывают категорию однократной направленности и ненаправленности действия (В. Ф. Иванова 1963˘).

■ **1д.** Однако в *укорить — укорять*, *распространиться — распространяться* и под. видовые различия передаются только суффиксами, и это оказывается вполне достаточным разграничением. Так же дело обстоит и с глаголами типа *протереть — протирать* (при икающем произношении, которое сейчас преобладает в литературном языке). Вообще наличие омонимии аффиксов не колеблет их роли как полноценных грамматических показателей; так что соотношение *лететь — летать* ни при чем (Дискуссия 1962°).

■ **2.** Данное предложение можно расчленить на два правила: а) в корне без ударения пишется то же, что и под ударением (ср. корни *пер-*, *бер-*, *мер-*), или избирается одно из двух написаний, возможных под ударением (ср. корни *тер-*, *дер-*); б) беглый гласный в корне всегда обозначается буквами *е* или *о* (редкими исключениями являются корни с беглыми *а*, *у*, *и*, такие чередования не грамматикализованы: *кочан — кочны*, *семга — семужьи*, *одна — один*). Оба правила фонематически оправданы. При чередовании «гласный — нуль звука», если гласный встречается под ударением, то это или ‹о›, или ‹э›; в некоторых случаях этому чередованию еще сопутствует появление ‹и› под ударением (*тру — тёр — протирка*), но такое выявление ненулевой ступени чередования необязательно; при чередовании «нуль звука — ‹и›» всегда есть в той же морфеме и чередование «нуль звука — ‹э› или ‹о›». Следовательно, обязательным выявлением гласного, чередующегося с нулем, оказываются именно ‹э›, ‹о›. Они и должны быть обозначены в безударных позициях. После мягких согласных в безударном положении ‹э› и ‹о› одинаково передаются буквой *е*; следовательно, оправдано написание *протерать*, *уберать* и пр. (Дискуссия 1962°).

□ **3а.** «. . .При обобщенно схематическом применении фонематического принципа могут возникнуть в тех рекомендациях, которые выдвигаются на его основе, серьезные противоречия и даже столкновения с требованиями морфологического принципа. . . Если считать универсальным приемом фонематического чередо-

вания в русском языке чередование нуля звука с *е* (или *о*). . ., то, естественно, может возникнуть предложение в глагольных корнях. . . *-пер-*, *-бер-*, *-мер-*, *-дер-* и т. п. писать только *е*. . . Однако такая универсализация беглого гласного *е* не только упрощает, но и нарушает сложившиеся морфологические соотношения основ. . .» (В. В. Виноградов 1964).

В частности против предлагаемого упрощения свидетельствуют такие соотношения. Есть парадигма *звать — зову — созывать*; фонемные чередования в этих формах очевидны: «нуль» — ‹о› — ‹и›. Этой модели точно соответствует ряд образований *брать — беру — собирать*, хотя благодаря нейтрализации ‹о› — ‹и› после мягких согласных это чередование не выявляется фонетически (А. А. Реформатский 1963°).

■ **3б.** Есть и другая модель: *гнать — гоню — прогонять*, где чередования в тех же формах таковы: «нуль» — ‹о› — ‹о›. «Отменив» чередования в глаголах типа *брать — беру — соберать*, мы переведем эти образования из одной модели в другую, тоже реально существующую в языке. Никаких нарушений морфологической системы русского языка не произойдет (Дискуссия 1962°).

□ **4.** Предлагаемое правило разрушит некоторые словообразовательные парадигмы; ср. *стерать — стираный — стирка* и др.

□ **5.** В случаях с колеблющимся ударением (*о́бжи́г*) придется одно и то же слово писать по-разному: *обжи́г* и *о́бжег*.

II. В глагольных корнях *бер- — бир-*, *дер- — дир-*, *мер- — мир-*, *пер- — пир-*, *тер- — тир-* без ударения писать только *и*: *собиру*, *задиру*, *умиреть*, *запиреть*, *стиреть* как *собирать*, *задирать* и пр. (Дискуссия 1962, 1962*; Дискуссия 1964*).

□ **1.** Предлагаемые написания фонетичны; они не соответствуют фонематическому принципу. Преобладающее число написаний в современном письме фонематично. Существующие фонетические написания вызывают трудности (см. правописание приставок на *з-*), и всякий раз при обсуждении вопросов орфографии ставится вопрос о замене их фонематическими и морфологическими написаниями. Поэтому нет смысла вводить новые написания, противоречащие ведущему принципу письма.

□ **2.** Предложение ведет к большой ломке установившихся написаний.

ПРИСТАВКИ, ОКАНЧИВАЮЩИЕСЯ НА СОГЛАСНЫЕ

Историческая справка

Конечные согласные приставок, кроме ‹з›, на письме всегда передаются одинаково, независимо от произношения; *подложить*, *подбежать* и *подтянуть*, *отложить*, *отбежать* и *оттянуть* и т. п. В русской орфографи-

ческой практике XVIII—XIX вв. не наблюдалось отступлений от этого правила.

Это общее правило никогда не распространялось на приставки с конечным ‹з›. «Предлоги, которые из согласных *з* и *с* составляются, из сего правила должно выключить, ибо древнее их употребление к тому принуждает» (М. В. Ломоносов 1755). «В отношении к букве *з* издревле допущено исключение. . .» (Я. К. Грот 1876). Сложность заключалась в том, что написание этих приставок не подчинялось единому (хотя бы и особому) правилу: часть их передавалась двояко (с *з* и *с*), часть всегда сохраняла единый письменный облик. Орфографическая практика XIX в. в отношении этих написаний испытывала значительные колебания. «Так, в петербургском издании сочинений Озерова 1817 г. (печат. в типографии Императорского театра) в I ч. в трагедии «Эдип в Афинах», при беглом просмотре только 4 действий, т. е. 52 страниц, нашли мы 14 слов, где предлоги *воз*, *из*, *раз* остаются во всей своей неприкосновенности. Укажем и на Пушкина, который в своей корреспонденции не любил стеснять себя даже издревле допущенными исключениями; так, в письмах к своей супруге, относящихся к первой половине 30-х годов, на 69 страницах насчитали мы 10 слов с предлогами *из* и *раз*, написанными по общему правилу, а не по исключению» (В. П. Шереметевский 1891).

Различны были и рекомендации грамматик. В грамматике А. Х. Востокова по произношению писались только три приставки: *воз-*, *из-*, *раз-* и только перед *к*, *п*, *т*, *х*. В дальнейшем круг приставок на ‹з›, пишущихся фонетически, расширялся. К трем приставкам, рекомендованным Востоковым, присоединилась приставка *низ-*. Во второй половине XIX в. установилось написание с буквой *с* перед глухими согласными, кроме *с*, четырех приставок: *вос-*, *ис-*, *нис-*, *рас-* (*исходить*, *ниспускать*, *растравлять*, но *изсохнуть*, *разсуждать*) и единообразная передача *без-* и *чрез-* (*через-*) всегда с *з* (*безпечность*, *черезчур*, *безпомощный*, *безталанный*, *чрезполосный*). Такие написания и были утверждены Я. К. Гротом (1876, 1885). Он был сторонником единообразного написания всех этих приставок: «Если бы предвиделась возможность изменить давно укоренившийся обычай, то лучше было бы установить, чтобы все предлоги без изъятия всегда писались по этимологии. . .» Но, не веря в возможность такого изменения, он считал, что «лучше не давать дальнейшего хода неправильности и ограничить исключение четырьмя предлогами. . .» (1876). О непоследовательности гротовского правила говорил К. Г. Житомирский: «Но может быть, мы соблюдаем фонетический принцип исключительно в приставках на *з*, как ни абсурдно делать отступление только для одной буквы? Так и этого нет. В приставках *без-* и *чрез-* мы соблюдаем этимологический принцип, например *безпечный* (но *испечь*), *чрезполосный* (но *исполосовать*). Может быть, наконец, мы делаем исключение только для определенных приставок, неупотребительных самостоятельно (в качестве предлогов)? Но и это не так. *Воз-*, *низ-*, *раз-* действительно отдельно не употребительны, но *из-*, разделяющее с этими тремя приставками общую судьбу, употребительно и отдельно (предлог *из*). Отчаявшись подвести правописание приставок под какое-нибудь обобщенное правило, мы вынуждены, как и заявляется без всяких объяснений в учебниках, помнить четыре исключения: *воз-*, *низ-*, *раз-* и *из-*, в которых, следовательно, соблюдается фонетический принцип» (К. Г. Житомирский 1915).

Создать последовательное правило написания приставок на ‹з› можно было двумя способами: или распространив мену *з* на *с* на все приставки перед всеми буквами, обозначающими глухие согласные (в том числе и перед *с*), или установив единообразную передачу этих приставок всегда с буквой *з*. Последнее решение означало бы и ликвидацию особого правила для этих приставок по сравнению со всеми остальными. Как известно, декретами 1917 и 1918 гг. было утверждено первое решение. Поэтому вопрос о том, чтобы подвести написание приставок на *з* под общее правило передачи значащих частей слова в русском письме, встает при каждом новом обсуждении путей упрощения и усовершенствования русской орфографии.

Кроме того, иногда предлагают распространить принцип, действующий в написании приставок на *з*, на приставку *с* или даже на все приставки, оканчивающиеся на согласные.

Принимается следующее деление:

А. Предложения, относящиеся к приставкам, оканчивающимся на ‹з›.

Б. Предложения, относящиеся к приставкам, оканчивающимся на согласные, кроме ‹з›.

Предложения

А. Приставки, оканчивающиеся на ‹з›

I. Приставки, оканчивающиеся на ‹з›, последовательно передавать с буквой *с* перед буквами, обозначающими глухие согласные, и с *з* — во всех остальных случаях; писать: *исправить*, *восходить*, *ниспослать*, *раскурить*, *бесценный*, *чресседельник* и *изгнать*, *воззвать*, *низвергнуть*, *разъехаться*, *бездомный*, *чрезмерный* и т. п. (*М. В. Ломоносов 1755*; В. Ф. Кеневич 1862; В. Я. Стоюнин 1862; Комиссия 1862; *Я. К. Грот 1873*; П. С. Козловский 1875; *А. Степович 1883*; *К. Г. Житомирский 1894*; В. Куницкий 1901; Проект Казанского педагогического общества 1902; *Проект Одесского педагогического общества 1903*; Дискуссия 1904°; Постановления Орфографической подкомиссии 1912; Декреты 1917 и 1918; Дискуссия 1954; Дискуссия 1962, 1962°, 1962*).

Примечание. Как сторонники такого написания приставок на ‹з› периода после декретов 1917 и 1918 гг. рассматриваются те лица, которые выставляли аргументы против пересмотра этих написаний. Источники, в которых эти написания даются как общепринятые (например, проекты свода и свод 1956 г.), не приводятся.

■ **1а.** Правило подчиняет написание приставок на ‹з› единому принципу; оно последовательно. При введении этого правила оно представляло облегчение для пишущих, так как оно шло на смену стихийно сложившимся произвольным и трудно запоминаемым написаниям, в которых не выдерживалось никакого принципа (см. историческую справку).

□ **1б.** Но это правило сохраняет особое орфографическое положение приставок на ‹з› по отношению ко всем остальным приставкам и — шире — по отношению к тому, как передаются в русском письме значащие части слов.

□ **2.** Правило устанавливает категорию написаний, основанных на фонетическом принципе, что означает противоречие господствующему в русской орфографии фонематическому принципу; противоречит оно и морфологическому принципу.

■ **3а.** Предлагаемые написания основываются на произношении; многим представляется, что такие написания должны легко усваиваться.

□ **3б.** Однако они не вполне соответствуют произношению: ср. *безвкусный — бе*[сфк]*усный*, *расщедриться — ра*[ш']*едриться*, *исчеркать — и*[ш'ч]*еркать*, *безжизненный — бе*[жы]*зненный*; «фонетизм написаний *с* в *искупив*, *раскует* только кажущийся, он ничуть не предохраняет здесь от ошибок, которые здесь очень многочисленны. . .; кстати сказать, многие из написаний с *с* в этих положениях вовсе и не соответствуют произношению (например, *бесшумный* и т. п.)» (М. В. Ушаков 1930). «По существу это правило основано только на искусственном учете положения приставки перед разными буквами» (И. А. Фигуровский 1962). Поэтому, чтобы написать согласную в этих приставках, нельзя пользоваться обычным фонетическим принципом: «что произношу, то и пишу».

□ **3в.** К тому же «обычно говорящий не слышит, что он произносит. . ., глухие согласные или звонкие, и должен руководиться правилом» (Н. Н. Дурново 1930). «Правило о написании приставок на *з* принадлежит к числу труднейших в современном правописании: 1) оно требует уменья быстро различать качество следующего за приставкой согласного (звонкий или глухой), что далеко не всем доступно — не только детям, но и взрослым; 2) лица, умеющие различать звонкие и глухие согласные в устной речи, часто смешивают их при письме, когда произносят соответствующие слова шопотом, вследствие чего звонкие согласные нередко кажутся им глухими; 3) от тех лиц, которые не умеют быстро различать звонкие и глухие согласные или которые не уверены в таком своем уменье, это правило требует механического запоминания по крайней мере глухих согласных (что, как известно, послужило поводом к изобретению всякого рода мнемонических приемов для определения качества согласного, кстати сказать, мало помогающих делу, а нередко даже сбивающих с толку пользующихся этими приемами). В результате всего этого написание приставок на *з* дает довольно высокий процент ошибок» (А. Б. Шапиро 1951).

□ **4а.** Легкость или трудность усвоения тех или иных написаний определяется их положением по отношению к другим написаниям. «С своей точки зрения я, понятное дело, приветствую всякую уступку выговору и отвергаю всякое усиление этимологии; но раз другие приставки пишут этимологически. . ., то мена конечной согласной в *воз-*, *из-*, *низ-*, *раз-* представляет исключение из общего правила и, несмотря на свою фонетичность, весьма сомнительное облегчение» (Р. Ф. Брандт 1902). Следует учесть, что «всякое о т д е л ь н о в з я т о е фонетическое написание, конечно, само по себе легче морфологического и является даже «абсолютно легким». Но на фоне определенной системы оно может оказаться труднее морфологического. Это и имеет место, по нашему глубокому убеждению, в случае с вышеупомянутыми

приставками. Дело в том, что: 1) основной закон нашего правописания, особенно после реформы 1917 г., — последовательное выявление современно-морфологических связей и устранение из письма чисто фонетических чередований; 2) приставки морфологически сознаются, как уже упоминалось, чрезвычайно ясно, яснее, чем суффиксы и флексии; 3) в с е приставки, в том числе и фонетически близкая к данным приставка *с*, пишутся морфологически (*подтянуть*, потому что *подобрать*, *отдирать*, потому что *отодрать*, *сбирать*, потому что *собрать*, и т. д.). Таким образом, мы имеем здесь резкое фонетическое пятно на наиболее морфологическом участке нашего правописания, выпирающее из системы и потому отнюдь не облегчающее дело, а требующее к себе у с и л е н н о г о в н и м а н и я» (А. М. Пешковский 1930).

□ **4б.** «Существующее написание насилует живое морфологическое чутье учащихся. Приходится преодолевать не только живые связи приставок перед глухими с приставками перед звонкими, сонорными и гласными, но и совершенно законные связи приставок с предлогами, поскольку в современном языке можно отметить многочисленные переходные случаи между ними (например, в наречиях). Отсюда ошибки — *безплатный* и *бес платы*» (Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров 1930).

□ **4в.** Это правило вносит затруднение в обучение, вызывает весьма часто ошибки: учащиеся распространяют это правило и на правописание приставки *с*, и на правописание всех приставок на согласный и пишут *зделать*, *поттвердить*. Приступающим к изучению русского языка приходится тратить много времени на изучение правил о приставках на ‹з› (Дискуссия 1954, Дискуссия 1962).

■ **5.** При введении данного правила требовались сравнительно небольшие изменения сложившихся написаний, так как «это последовательное проведение принципа, которым руководствовалась старая орфография» (Е. Д. Поливанов 1927). В настоящее время это означает сохранение традиции и действующих правил.

II. Приставки, оканчивающиеся на ‹з›, писать по общему правилу, передавая эту согласную всегда как *з*; писать: *бездельный*, *безплатный*, *разбежаться*, *разписаться*, *издавна*, *изстари*. Правило не распространяется на слова, в которых приставки настолько утратили свое значение, что для выделения их требуется этимологический анализ слова, как, например: *восток*, *воспитание*, *воскресение*, *источник*, *исчезать* (И. И. Ястребцов 1841; С. И. Барановский 1848; П. Гоствило-Карнилович 1853; Кравченко 1853; Дискуссия 1862; *Я. К. Грот 1876*; *А. Степович 1883*; В. П. Шереметевский 1891; *К. Г. Житомирский 1894*; Л. Ф. Воеводский 1898; Проект Московского педагогического общества 1901; А. Г. Герасимов 1901, 1903; *Проект Одесского педагогического общества*

1903; Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904; К. Г. Житомирский 1915, 1918; В. И. Попов 1916; *А. М. Суворовский 1927*; Дискуссия 1929; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров 1930; Н. Н. Дурново 1930; А. М. Пешковский 1930; М. В. Ушаков 1930; Дискуссия 1934°; А. А. Реформатский 1935°; *С. И. Обнорский 1939*; Я. В. Лоя 1940; *А. И. Гвоздев 1947*; *А. Б. Шапиро 1951, 1961*; Дискуссия 1954; Предложения Института русского языка 1962; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1962, 1962°, 1962*; Р. И. Аванесов 1964; А. А. Реформатский 1964°; Дискуссия 1964, 1964*, 1964°).

■ **1.** Правило вполне последовательно; оно даже не существует как особое правило, а просто вводит орфограммы приставок на ‹з› в число всех других орфограмм. Остается только общее правило: глухие и звонкие согласные проверяй положением перед гласными.

■ **2.** Правило отвечает господствующему в русском письме фонематическому принципу, соответствует оно и морфологическому принципу.

■ **3а.** Соответствие данного правила господствующему в русском правописании принципу должно обеспечить легкость усвоения соответствующих орфограмм. Отпадают все соображения, выдвигаемые против правила I (см. п. 1б, 2, 3б, 3в, 4а, 4б, 4в).

□ **3б.** Однако при введении данного правила возникли бы осложнения в связи со следующим обстоятельством. В русском языке немало слов с деэтимологизировавшимися приставками, которых предлагаемое изменение не должно коснуться. Но разграничение слов с еще живой и уже не выделяемой приставкой представляет трудность для пишущих. «Сама подкомиссия не находит возможным распространить свое правило на такие написания, как *восток*, где состав слова не ясен. Но где же граница этой ясности и к чему допускать отступления?» (Е. Ф. Карский 1904).

■ **3в.** «Против такого понимания этого вопроса обычно возражают указанием на те случаи, где приставка, как таковая, находится в предсмертном периоде своего существования и где возникало бы сомнение, что писать: *з* или *с* (*возток* или *восток* и т. д.). Что это не существенно, ясно уже из того, что то же относится и ко в с е м приставкам (ведь не только *восток*, но и *втулка*, не только *расторгнуть* и *исторгнуть*, но и *вторгнуться*, *отбавить*, *считать* и т. д.)» (А. М. Пешковский 1930).

«Противники введения морфологического написания приставок на *з* указывают на случаи вроде *восток*, *восторг*, *воскресение*, *роскошь*, *распятие*, *растяпа*, *расторгнуть*, *исчезать*, *исказить*, *исток*, *исконный*, *искусство*, *истязать*, *истребить*, *источник*. Однако такого рода случаи имеются и для любого другого правила, основанного на морфологическом принципе. И это естественно: морфологические стыки постепенно исчезают... Вопрос

о случаях типа *восток*, *роскошь* и т. д. будет решен в словарном порядке: в той мере, в какой будет установлено отсутствие морфологического стыка, будут писаться буквы одинаковых по глухости—звонкости согласных» (Р. И. Аванесов 1964).

■ **3г.** «Если вы будете все эти слова писать по-новому, то как вы их отделите от случаев вполне современно-морфологичных? Где тут граница? А если вы будете их писать по-старому, то не представят ли эти случаи тоже огромных трудностей для пишущего, поскольку здесь надо додумываться до морфологических связей, а не брать их готовыми? На это мы отвечаем так: отыскать границу между живым и умирающим, конечно, невозможно, но между умирающим и мертвым вполне возможно» (А. М. Пешковский 1930).

□ **4а.** Реализация данного предложения потребовала бы изменения большого числа написаний; письменный облик многих слов был бы новым и непривычным.

Примечание. Это не в одинаковой степени относится к предложениям, выдвигавшимся до реформы 1917—1918 гг., и современным предложениям: до реформы само правило не относилось ко всем приставкам на ‹з›, и, кроме того, в орфографической практике наблюдался разнобой; сейчас же действует одно общее правило для всех приставок на ‹з›; введение нового написания коснется всех приставок на ‹з›.

■ **4б.** «Против этого возражения трудно выставить какие-либо аргументы: если изменение написания большого количества слов невозможно, то невозможно и проведение морфологического принципа в написании приставок на ‹з›» (Р. И. Аванесов 1964). Но непривычность новых написаний была бы временным явлением: «Конечно, начертания *изтребить*, *снизходить*, *возкрес*, *вразплох*, когда бы глаз успел к ним привыкнуть, были бы вовсе не страшнее, чем *подслушивать*, *надпись*, *обставить* и т. п.» (Я. К. Грот 1876).

IIа. Приставки, оканчивающиеся на ‹з›, передавать на письме всегда с *з*; так же передавать созвучные им начальные сочетания, не являющиеся в современном языке приставками, т. е. писать не только *возпеть*, *изправить*, *безчестный*, *разходиться*, но и *возток*, *возкресенье*, *източник*, *изтина* и т. п. (Дискуссия 1962°; Дискуссия 1964*).

■ **1.** См. предложение II, п. 1.

■ **2.** См. предложение II, п. 2.

■ **3а.** Данное предложение снимает ту трудность, которая возникает при реализации предыдущего предложения: пишущие освобождаются от необходимости анализировать морфологический состав слов и устанавливать, имеют ли они дело с приставкой или частью корня, и могут руководствоваться механическим правилом: в начале слова всегда пишется *из*, *воз*, *низ*, *раз*, *без*, *чрез*.

□ **3б.** Однако это правило должно привести к изменению написания ряда корней. Если проводить его последовательно, надо писать: *история*, *искра*, *востpый* и т. п.

□ **3в.** К тому же правило не получается вполне механическим: начальные сочетания *из*, *воз*, *низ*, *раз*, *без*, *чрез*, *через* могут оказаться после приставки: *переизбрание*, *переиздание*, *первоисточник*, *доистория*.

□ 4. Предлагаемое правило нарушило бы важную особенность русского письма, отражающую зависимость фонологических свойств сочетаний глухих и звонких согласных от положения в слове. «Последняя заключается в том, что внутриморфемные сочетания с фонологической точки зрения характеризуются общей глухостью—звонкостью для всего сочетания, а сочетания, относящиеся к разным морфемам, т. е. находящиеся на стыке морфем, — индивидуальной глухостью или звонкостью для каждого его компонента. . . В соответствии с этой фонологической особенностью основным правилом передачи на письме внутриморфемных глухих или звонких сочетаний согласных является передача всего сочетания при помощи букв только глухих или — соответственно — только звонких согласных, т. е. при помощи букв *ск*, *сп*, *ст*, *шт*, *шк* и т. д. или *зг*, *зб*, *зд*, *жд*, *жг* и т. д.: *скот*, *спорт*, *стол*, *штука*, *школа* и т. д.; *зги* (*ни зги*), *изба*, *звезда*, *нужда* и т. п. В этих случаях, т. е. при написании одной морфемы, в принципе не могут быть рядом буквы *з* и *к*, *з* и *п*, *з* и *т*, *ж* и *т* и т. д. или *с* и *г*, *с* и *б*, *с* и *д*, *ш* и *д* и т. д.» (Р. И. Аванесов 1964).

Б. Приставки, оканчивающиеся на согласные, кроме ‹з›

I. Приставку *с-* передавать на письме как *з* в тех случаях, когда она выступает перед звонкими согласными; писать: *зделать*, *збить*, *згореть*, *зжигать* и т. п. (Дискуссия 1929; Дискуссия 1962, 1962*; Дискуссия 1964*).

■ **1.** Предложение приравнивает приставку *с-* к приставкам, оканчивающимся на ‹з›: создается единое правило для всех приставок, имеющих на конце ‹з› или ‹с›. Известно, что при освоении действующего правила написания приставок на ‹з› пишущие стихийно приравнивают к ним приставку *с-*. Данное предложение идет навстречу этой стихийной тенденции.

□ **2.** Однако это предложение, если рассматривать его по отношению к русскому письму в целом, увеличивает число отступлений от основного принципа русского правописания, так как узаконивает еще одну группу написаний, основанных на фонетическом принципе.

II. Распространить правило, действующее при написании приставок на ‹з›, на все приставки, оканчивающиеся на согласные;

писать не только *беспокойный*, *исходить*, *раскрыть* при *безбедный*, *изжить*, *раздать*, но и *фход*, *оддать*, *потпись*, *потпереть*, *преттеча*, *патставка*, *опстановка* при *вбить*, *отпереть*, *подбирать*, *обгонять* и т. д. (Л. В. Щерба 1905; *К. Г. Житомирский 1918*; *А. М. Суворовский 1927*; Дискуссия 1929; *С. П. Обнорский 1939*; Дискуссия 1954; Дискуссия 1962, 1962*; Дискуссия 1964*).

■ **1а.** Предлагается подчинить единому правилу написания конечных глухих и звонких согласных всех приставок.

□ **1б.** Однако это единое правило оставалось бы исключением по отношению к русскому письму в целом. Все, что сказано выше о написаниях с *з—с* приставок, оканчивающихся на ‹з›, относится и к данному правилу.

□ **2.** Правило нефонематично, противоречит оно и морфологическому принципу.

□ **3.** Предложение, значительно увеличивая число фонетических написаний, увеличивает тем самым и число отступлений от господствующего в русском письме принципа.

□ **4.** Это предложение требует изменения большого числа привычных написаний.

ПРИСТАВКА *раз- (рас-) — роз- (рос-)*

Историческая справка

Написание рассматриваемой приставки с *а* (как *раз-*, *рас-*) связано с наличием в русском письме элементов, идущих от церковнославянской традиции. Русская форма этой приставки *роз-* (*рос-*); это показывают случаи, когда она находится под ударением: *ро́зыгрыш*, *ро́зыск*, *ро́зданный*, *ро́спись*, *ро́спуск*. Ударное [а] встречается в двух словах, заимствованных из старославянского языка: *ра́зум* и *ра́спря* (в первом приставка слабо осознается, а во втором совсем не осознается); см. также краткие формы от *развито́й*: *ра́звит*, *ра́звито*, *ра́звиты*.

Благодаря литературному акающему произношению в неударной позиции (а такие случаи для рассматриваемой приставки решительно преобладают) ничто не мешало сохранению написаний с *а*; под ударением данная приставка передавалась в соответствии с произношением — с *о*. Если не учитывать реальных исторических причин утверждения написаний *раз-* (*рас-*), можно было бы сказать, что мы имеем здесь фонетические написания. Написания *роз-* (*рос-*) под ударением, *раз-* (*рас-*) в безударном положении устойчиво сохраняются в русском письме. Современными словарями узаконивается лишь одно написание с *роз-* в безударном положении: *розыскной* (от *розыск*).

Предложения

I. В приставке ‹роз› гласную в безударном положении, как и под ударением, передавать как *о*; писать: *роздать*, *розвязать*, *розгрузить*, *роспустить*, *росползтись* (С. И. Барановский 1848;

К. Г. Житомирский 1894, 1915; Л. Ф. Воеводский 1898; Проект Московского педагогического общества 1901, первоначальный вариант; Ф. Е. Корш 1902; Дискуссия 1904; Е. Ф. Карский 1904; А. М. Пешковский 1930; М. В. Ушаков 1930, Дискуссия 1954; Дискуссия 1962, 1962°, 1962*; Дискуссия 1964*).

■ **1.** Написание гласной в данной приставке перестает быть исключением по отношению к другим приставкам (*под-*, *от-* и др.) и к написанию вообще большинства морфем. А этим снимается необходимость особого правила для приставки ‹роз›.

■ **2а.** В предлагаемом правиле осуществляется принцип обозначения неударяемого гласного звука в соответствии с тем, какая гласная пишется, когда данный слог бывает под ударением. Следовательно, такое написание фонематически мотивировано (написание гласной приставки будет определяться через случаи типа *россказни*, *розвальни*, т. е. будет обозначаться по основному звучанию этой фонемы в положении под ударением).

□ **2б.** Однако изредка встречаются и случаи с ударным [а]: *разум*, *развит*.

■ **3а.** Будет обеспечена единообразная письменная передача данной морфемы; следовательно, предложение соответствует и морфологическому принципу.

□ **3б.** Если не принимать во внимание соотношения *розумный* — *разум*, *розвитой* — *развит*, которые появятся с принятием данного предложения.

□ **4а.** Принятые написания *роз-* (*рос-*) — *раз-* (*рас-*) показывают место ударения в словах (ср. *рóздал* — *раздáл*); с принятием нового предложения это бы уничтожилось.

■ **4б.** Но случаи, когда написание слов сигнализирует место ударения, составляют в русском письме исключения, не являются для него характерными.

□ **5а.** Введение единого написания с *о* противоречит устойчивой длительной традиции, противоречит написаниям, которые даются во всех ныне существующих словарях и справочниках. Потребуется изменить много написаний, так как слов с неударяемой приставкой большое число, а с ударной — считанное меньшинство, и по этим немногим словам надо изменять написание большого числа слов. Ср. в «Орфографическом словаре русского языка» под ред. С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова, А. Б. Шапиро (1963) 1600 слов с *раз-* (*рас-*) и всего около 20 слов с *роз-* (*рос-*) (*розбить*, *розваль*, *розвальни*, *розвязь*, *розговенье*, *розданный*, *роздых*, *розлив*, *роспашь*, *роспись*, *росплеск*, *росплывь*, *роспуск*, *россказни*, *росстань*, *россыпь*, *росчерк*, *росчисть*).

■ **5б.** Но все же изменение желательно, тем более, что даже в пределах форм одного слова встречается двоякая передача данной приставки: *раздáть — рóздал, рóзданный; рóздал* и *раздáл.*

□ **6.** Особенно большим неудобством было бы одно чисто техническое обстоятельство: менять нужно вторую букву в слове; а это может привести к значительным затруднениям в пользовании словарями и справочниками с алфавитным расположением материала (Дискуссия 1962°).

II. Сохранить двоякую передачу гласной в приставке ‹роз›; по-прежнему писать: *роздал, роспуск*, но *раздать, распустить* (Я. К. Грот 1873, 1876; В. И. Новаковский 1874; Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904; Дискуссия 1962°).

□ **1.** Сохраняется особое правило о приставке ‹роз›, являющееся исключением по отношению к общему правилу передачи значащих частей слова в русском письме.

□ **2.** Принятые написания не соответствуют фонематическому принципу.

□ **3.** Не соответствуют они и морфологическому принципу.

■ **4.** Однако сохранение этих написаний избавляет от ряда трудностей и сомнений (см. п. 2б, 3б, 4а, 5а, 6 предыдущего предложения).

■ **5.** «. . .Предлог *раз*, получив ударение в народной речи, обращается в *роз* или *рос*. . . Значит ли это, что и тогда, когда предлог *раз* в соединении со словами того же корня не носит ударения, он должен писаться с буквою *о*? Никак. Перенесение на него ударения с обращением *а* в *о* есть частный случай, в котором мы на письме соображаемся с произношением. Зачем это частное, исключительное правописание переносить на те случаи, где основание для такой перемены, особый выговор, исчезает?» (Я. К. Грот 1876).

ПРИСТАВКИ *пре-* и *при-*

Историческая справка

Приставки *пре-* и *при-* различны и по значению, и по происхождению: *при-* русская и старославянская приставка; *пре-*, старославянской по своему происхождению, соответствует русская приставка *пере-*. Трудность написания этих приставок состоит в том, что в безударном положении они не различаются в произношении. Для их различения в качестве критерия используются смысловые оттенки: приставка *при-* вносит в значение слова оттенок присоединения, прибавления (*приходить, прибавлять*) или оттенок неполноты действия (*прикрыть, привстать*); приставка *пре-* обозначает высшую степень качества или близка по значению к приставке *пере-* (*пре-*

интересный, *претерпеть*). В некоторых случаях выбор приставки определяется с помощью смыслового анализа, например в словах-омофонах *преступить — приступить*, *претворить — притворить*, *пребывать — прибывать*. В других случаях смысловой анализ не помогает при написании слова, поэтому правописание таких слов, как *применять*, *престарелый*, *прельщать*, *преследовать*, нужно определять по орфографическому словарю.

В ряде случаев желание передать все оттенки значений приводило к таким написаниям, как, например, *престарелый* 'очень старый' и *пристарелый* 'не очень старый'. Орфографический словарь 1956 г. включает слова *преумножить* и *приумножить*, *преуменьшить* и *приуменьшить*. Нечеткость и неоправданность семантического разграничения таких написаний очевидны.

В целом разграничение приставок *пре-* и *при-* носит в русском письме устойчивый характер.

Предложения

I. Без ударения всегда писать приставку *при-*: *прикрасный*, *прилестный*, *приукрасить*, *присследовать* (Л. Е. Филиппова 1962; Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесников 1963; Дискуссия 1962*, М. М. Власенко 1964).

■ **1.** Употребление приставки *при-* исключает необходимость выяснять значение слова, вводит единообразное написание для безударных приставок *пре-* и *при-*.

■ **2.** Такое написание соответствует фонетическому принципу (на нем оно и основано).

□ **3а.** Выбор какой-либо одной приставки для безударных *пре-* и *при-* приводит к нарушению фонематического принципа. Обе эти приставки встречаются под ударением: *прибрать — при́бранный — ‹и›*, *прервать — пре́рванный — ‹э›*; ср. *пре́дан — при́дан*. Если в обоих случаях ввести написание одной приставки *при-*, то в словах *прервать*, *предать* и др. фонема ‹э› будет передаваться буквой *и*, что не соответствует фонематическому принципу.

■ **3б.** Однако использование фонематического принципа в написании приставок *пре-* и *при-* затрудняется тем, что для проверки ударением почти каждый раз придется подбирать семантически очень различные слова. Слово *презрение* «учащийся может проверить и через *пре́лесть* и через *при́ступ*. Чтобы проверить только через *пре́лесть*, он должен осознавать сходство в значениях, привносимых приставкой в словах *презрение* и *прелесть*, и различие в значениях, привносимых приставками в словах *презрение* и *приступ*» (М. В. Ушаков 1937).

□ **4.** При употреблении в безударном положении приставки *при-* разбивается единство морфемного облика некоторых слов, например: *привратъ — пре́рванный*, *придать — пре́данный*, *прилестный — пре́лесть* и др.

□ **5а.** «Какое же, однако, мы имеем право, упрощая орфографию, объединять значения приставок, тем самым вторгаясь в область

семантики и словообразования?» (Дискуссия 1962*). Действительно, если ввести это правило, то слова *претворить — притворить*, *пребывать — прибывать*, *преступить — приступить* будут писаться одинаково с приставкой *при-*. При единообразном написании уменьшается та информация, которую дает письменный текст для читающего.

Например, А. П. Чехов использовал в рассказе «Новая дача» игру словами *презирать* и *призирать*. «. . .Инженер Кучеров, взволнованный неприязненным отношением к нему деревни, однажды заявил старику Родиону: «Кончится, вероятно, тем, что мы будем вас *презирать*». Родион, придя домой, передал жене слова инженера так: «А потом глядит на меня и говорит: я, говорит, с женой тебя *призирать* буду. Хотел я ему в ноги поклониться, да сробел. . . Дай бог здоровья. . . Пошли им, господи. . .» Ошибку Родиона читатель обнаруживает исключительно на основании орфографического дублета: *презирать* и *призирать*» (С. И. Абакумов 1937).

■ **5б.** Однако в большинстве случаев смысл слов с приставками *пре-* и *при-* легко понять (Дискуссия 1962). «Даже совершенно одинаковое написание слов *пребывать* и *прибывать*, *презрение* и *призрение*. . . не породило бы двусмысленности, потому что значение слов всегда уточняется контекстом» (М. М. Власенко 1964). В частности, и приведенный выше (п. 5а) рассказ А. П. Чехова был бы понятен не менее, чем сейчас, если бы не было графического различения слов *презирать — призирать* и оба эти омофона писались бы одинаково.

□ **6.** Приставка *пре-* встречается во многих словах. Замена приставки *пре-* приставкой *при-* потребовала бы значительной ломки принятых написаний.

СУФФИКСЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

СУФФИКС *-ево — -иво*

Историческая справка

Образования на *-иво*, *-ево*, *-ово*, соотносительные с глагольными основами, непродуктивны и немногочисленны: *месиво*, *сочиво*, *варево*, *курево*, *жарево*, *печево*, *крошево*, *точево*, *мелево*, *хлебово*. У других слов на *-ево*, *-иво* словообразовательные связи неясны (*кружево*, *зарево*, *марево*, *молозиво*, *топливо*, *огниво*, *пиво*, *жниво*). В написании этих слов в практике XIX в. не было полного единства. Отмечены колебания: *крошево — крошиво*, *кружево — круживо*, *мелево — меливо*, *сочево — сочиво*, *точево — точиво* (В. И. Разыграев 1887).

Предложения

I. Суффиксальные существительные среднего рода на *-во*, соотносительные с глаголами на *-ить*, писать с *-иво*: *вариво*, *крошиво*, *куриво*, *жариво* как *месиво*, *сочиво*, но *печево*, *мелево* и др. (З. З. Опоков 1901; Дискуссия 1934°; Проект свода 1936_1; Орфографический справочник 1936; Проект свода 1940).

■ 1. Предлагается установить несколько большее единообразие в написании рассматриваемых существительных; вводится несколько написаний, морфологически более мотивированных, чем принятые.

□ 2. Однако эта группа, при всей ее малочисленности, оказывается очень пестрой; словообразовательные связи многих слов недостаточно ясны.

СУФФИКСЫ *-(е)к* и *-ик*

Историческая справка

Уменьшительные суффиксы существительных м. р. орфографически передаются как *-ок*, *-ек* и *-ик*, *-чик*. Суффикс, передаваемый как *-ок*, *-ек*, содержит беглую гласную (*листок — листка*, *горошек — горошка*); в суффиксах, которые пишутся с *и*, гласная небеглая (*столик — столики*, *карманчик — карманчика*). Установление беглости или небеглости гласной уменьшительного суффикса давно стало использоваться как методический прием определения того, какую букву следует писать: «Для поверки написания таких слов стоит только образовать один из косвенных падежей их: исчезновение гласной перед *к* (например. *мешеч-е-ка*) будет несомненным признаком, что слово оканчивается на *ок* или *ек*, а не на *ик*, так как буква *и* никогда не бывает беглою: *кузнечик*, *кузнечика*» (Я. К. Грот 1876).

В практике XIX в. имело место в отдельных случаях орфографическое смешение разных уменьшительных суффиксов — в написаниях типа *человечик*, *кусочик* (Г. П. Павский 1842), *цветочик* (Я. К. Грот 1876).

Предложения

I. Уменьшительные суффиксы существительных мужского рода передавать на письме только с *о*, *е*; писать: *столек*, *мячек*, *кончек* (К. Г. Житомирский 1894, 1915).

■ 1. Было бы достигнуто единообразие в письменной передаче уменьшительных суффиксов существительных мужского рода. Пишущим не нужно было бы применять никакого правила для определения того, какую букву следует писать в каждом отдельном слове; следовало бы только помнить, что суффиксы, вносящие в существительные мужского рода значение уменьшительности, пишутся с *е* и *о* и никогда не пишутся с *и*.

■ 2а. Предложение не идет вразрез с фонематическим принципом правописания. Доказать из современных соотношений, что в русском языке существует уменьшительный суффикс, содержащий

фонему ‹и›, невозможно, так как этот суффикс никогда не выступает под ударением (ударный суффикс *-ик* имеет другое значение: *паровик*, *маховик* и т. п.). Фактом «небеглости» принадлежность гласного суффикса к фонеме ‹и› не может быть доказана. «Если *е* не обязано быть беглым в латинском языке, то, может быть, в русском нет небеглых *о* и *е*? Несомненно есть, и многие случаи признаются и орфографией. Если *мох*, *рот*, *бычек* и др. имеют беглое *е* и *о* (*мха*, *рта*, *бычка*), то *кот*, *пот*, *зачет*, *полет* и пр. имеют эти звуки и в косвенных падежах (*кота*, *зачета*, *полета* и др.). Отсюда следует, что все мудрствования о различии между суффиксами *-ек* и *-ик* построены на песце. На самом деле в русском языке есть только суффикс *-ок*, который в известных нам случаях должен перейти в *-ек*. . . Разница между *кусочек* и *кузнечик* такая же, как между *vester* и *alter* (ж. р. *vestra*, но *altera*), между *рот* и *кот*, т. е. в том, что в первых гласный беглый, а во вторых — устойчив. . . Значение этих двух суффиксов тождественно, а при таком условии признание двух суффиксов лишается всякого смысла, если признать необязательную беглость для *е*» (К. Г. Житомирский 1915).

□ **2б.** Но фонематическому принципу не противоречат и принятые написания, так как невозможно доказать и то, что гласная рассматриваемого суффикса — не ‹и›. Надо подчеркнуть, что фонематическим принципом не диктуется не только передача гласной суффикса в уменьшительном образовании, напр. от *стол*, как *е* (*столек*), но и сама по себе одинаковая передача суффиксов, сейчас пишущихся как *-ик* и *-ек* (*мячик* и *человечек*). То, что в одном случае гласная небеглая, а в другом — беглая, является достаточным показателем того, что это р а з н ы е суффиксы; значит, у них может быть различие и в качестве гласной фонемы (а не только в ее «поведении» при морфонологических чередованиях).

□ **3.** Реализация предложения потребовала бы изменения довольно большого числа написаний. Суффиксы *-ик*, *-чик* гораздо продуктивнее, чем *-ок* (*-ек*). Сто́ит ли менять орфографическую передачу более распространенных суффиксов, ориентируясь на написания менее распространенных? Тем более, что правило, для ликвидации которого предлагается данное изменение, очень четко и не доставляет пишущим особых мучений.

II. Уменьшительные суффиксы существительных м. р., передаваемые сейчас с *е*, писать с *и*: *горошик*, *орешик*, *овражик*, *кусочик*, *песочик*, *платочик*, сохранив написания с *о*: *листок*, *дружок* (И. Ф. Калайдович 1827; Дискуссия 1929; Дискуссия 1962*).

□ **1.** Единство в письменной передаче уменьшительных суффиксов с реализацией данного предложения не было бы достигнуто: наряду с *и* продолжали бы писать в них не только *о*, но и *ё* (*е*): *конёк*, *уголёк*.

□ **2.** Предложение противоречит фонематическому принципу. Если нельзя доказать, что небеглая гласная суффикса непременно ‹и›, то можно установить из современных отношений, что беглая гласная не может соответствовать ‹и›. В современной системе представлен едва ли не единственный случай беглого ‹и› (*один — одна*), который, именно потому, что он единичный, ничего не доказывает. В суффиксальных образованиях беглая гласная фонематически может быть квалифицирована в одних случаях как ‹э›: *бубенец — бубенца*, в других как ‹о›: *уголёк — уголька*; ‹и› нигде не представлено.

СУФФИКС *-ище — -ещо*

Историческая справка

В современной орфографической практике написания с *-иц- — -ец-* уменьшительных существительных ср. р. строго разграничены: пишут последовательно *-ище*, но *-ещо* (после ударного слога *-иц-*, перед ударным *-ец-*): *креслище, маслище, платьище, именьище* и *письмещо, копьещо, ружьещо, серебрещо, дуплещо, пальтещо.*

В практике XIX в. это разграничение не было таким устойчивым. «Что касается уменьшительных *именьице, чтеньице*, то правописание колеблется между *ище* и *еще*: *е* без ударения в произношении часто сближается с *и*. . .; различать формы *-ище* (в чтень*ище*) и *-еще* (в копь*ещо*) на основании ударения — произвольно; шаткость этого правила видим, между прочим, из того, что в академическом словаре помещено: *платьеще*, а не *платьице*, хотя там же читаем: *именьице, вареньице*» (Я. К. Грот 1873).

Предложения

I. Уменьшительный суффикс *-иц- — -ец-* в образованиях от существительных ср. р. всегда передавать как *-ец-*: *вареньеще, именьеще, платьеще, креслеще* как *копьещо, ружьещо* (В. П. Геннинг 1879; М. Малорошвилов 1885; К. Г. Житомирский 1894, 1915; Ф. Е. Корш 1902; Проект 1930; *Л. А. Булаховский 1935*; Дискуссия 1962°, 1962*; Г. Н. Санкина 1964; Проект 1964; Дискуссия 1964*).

■ **1а.** Предлагается единообразное написание уменьшительного суффикса, двоякая орфографическая передача которого, утвердившаяся в практике, не имеет достаточного основания.

□ **1б.** Но эта двоякая передача регулируется четким правилом и не представляет особой трудности для пишущих.

■ **2а.** Двоякая орфографическая передача данного суффикса фонематически не оправдана, поэтому предложение передавать этот суффикс на письме единообразно способствует более последовательному проведению фонематического принципа.

Выбор в качестве единого написания именно *-ец-* (а не *-иц-*) непосредственно основан на формах вроде род. п. мн. ч. *письмец*.

□ 2б. Однако «можно не согласиться с заменой близкого к произношению *и* в суффиксе *-иц-* (*платьице*), так как опорная форма (*письмец*) встречается ничтожно редко» (М. В. Ушаков 1930).

■ 2в. Поэтому следует прибегнуть к косвенным сопоставлениям.

Таким сопоставлением служит сопоставление с суффиксом *-це*, *-цо*. «Давно уже доказано, что перед *ц* в подобных начертаниях [типа *именьице*, *платьице*] должно быть *е* как опора (*пальтецо*, *письмецо*, *серебрецо*, *копьецо*). А опорною или вставною буквою только и может быть *е* или *о*. Что перед окончанием *ц* или *цо* должен быть звук вставной, беглый, это доказывают те формы, которые не нуждаются в опоре, в которых не вставляется *е*, например: *оконце*, *деревцо*, *дельце*, *тельце* и т. п.» (М. Малорошвилов 1885). Действительно, употребление рассматриваемого суффикса *-ице-* — *-ецо* находится в очень четком морфонологическом соотношении с употреблением суффикса *-це* — *-цо*: после основ существительных, оканчивающихся группой согласных, выступает *-ице* — *-ецо*, после основ на одну согласную — *-це* — *-цо*; ср. *маслице*, *креслице*, *пла*‹т'j›*ице*, *собра*‹н'j›*ице*, *письмецо*, *ру*‹жj›*ецо*, *дуплецо* и *болотце*, *зеркальце*, *поленце*, *словцо*, *озерцо* (можно, собственно, считать их вариантами одного суффикса). И это можно рассматривать как особый случай беглости гласных; ср. соотношения *седло* — *седельце* (беглая гласная появляется в производящей основе существительного) и *пальто* — *пальтецо*, *кресло* — *креслице* (беглая гласная появляется как «прокладка» между производящей основой существительного и суффиксом). Фонематически беглые гласные в русском языке могут быть квалифицированы только как ‹о› или ‹э›, а не ‹и› (см. раздел «Суффиксы *-(е)к* и *-ик*»). Таким образом, единое написание *-ец-* следует признать фонематически оправданным.

■ 3. Поскольку предложение обеспечивает единообразную письменную передачу данного суффикса, оно соответствует и морфологическому принципу.

□ 4а. Для реализации предложения надо изменить написания большей части существительных с данным двояко передаваемым суффиксом. Образования с ударными флексиями (пишущиеся с *-ецо*) непродуктивны и немногочисленны, образования с неударными флексиями (на *-ице*) обладают продуктивностью, их значительно больше. Предлагается распространить на продуктивный разряд слов написания, принятые для небольшой и практически непополняемой группы.

■ 4б. Однако общее число слов с суффиксом *-ице* — *-ецо* и их частотность не настолько велики, чтобы изменение их написания вызвало значительные затруднения.

II. Уменьшительный суффикс *-иц- — -ец-* в образованиях от существительных среднего рода всегда передавать как *-иц-*: *копьицо*, *ружьицо*, *письмицо*, *пальтицо* как *вареньице*, *именьице*, *креслице* (Дискуссия 1929°; Дискуссия 1954*; Дискуссия 1962°; Дискуссия 1964*).

■ **1а.** См. предложение I, п. 1а.

□ **1б.** См. предложение I, п. 1.б.

□ **2.** Соображения, высказанные в пользу единого написания *-ец-* (см. предложение I, п. 2а, 2в), одновременно являются аргументами против единого написания *-иц-*, которое нельзя признать фонематически оправданным.

■ **3.** Данное предложение так же отвечает морфологическому принципу, как и предложение I.

■ **4.** Для реализации данного предложения надо изменить меньше написаний, чем для реализации предложения I.

III. В передаче уменьшительного суффикса *-иц- — -ец-* в образованиях от существительных среднего рода допустить вариантность; писать: *платьице* и *платьеце*, *ружьицо* и *ружьецо* и т. п. (Е. Ф. Будде 1901; В. Куницкий 1901).

■ **1а.** Предложение исходит из предпосылки, что установить для данного суффикса единое бесспорное написание невозможно. «Предоставить произволу пишущего то, что еще трудно разрешить при современном состоянии науки» (Е. Ф. Будде 1901).

□ **1б.** Однако могут быть найдены серьезные доводы в пользу единого написания *-ец-* (см. предложение I, п. 2а, 2в).

□ **2.** Допущение вариантности в орфографической системе в принципе нежелательно, а оснований для принятия двояких написаний в данном конкретном случае нет.

СУФФИКСЫ *-ушк-* и *-ышк-*

Историческая справка

Трудности, связанные с разграничением суффиксов *-ушк-* и *-ышк-*, строго говоря, не имеют отношения к орфографии. Этот материал здесь рассматривается лишь как один из показательных случаев «мнимо орфографических» предложений.

Суффикс, выступающий в виде орфографических разновидностей *-ушк-* и *-юшк-* и соединяющийся с флексиями им. п. ед. ч. *-а*, *-о*, присоединяется к существительным всех трех родов, но продуктивны лишь образования с этим суффиксом от существительных ж. р., одушевленных и неодушевленных: *жёнушка*, *коровушка*, *нянюшка*, *головушка*, *думушка*, *волюшка*. Среди существительных м. р. образования с этим суффиксом — с флексией *-а* в им. п. ед. ч. — имеют одушевленные существительные, преимущественно обозначающие степени родства, а также собственные имена: *дедушка*, *дя-*

дюшка, *сватушка*, *Митрофанушка*, *Борюшка* и т. п.; единичны образования с оформлением им. п. ед. ч. при помощи флексии *-о*: *соловушко*, *сараюшко*, *хлебушко* (наряду с *хлебушек*). Образования на *-ушко*, *-юшко* от существительных среднего рода немногочисленны: *чадушко*, *небушко*, *морюшко*, *полюшко*, *горюшко*, *раздольюшко*.

Суффикс, орфографически передаваемый как *-ышк-*, в соединении с флексией *-о* в им. п. ед. ч. представлен в небольшой группе образований от существительных ср. р: *гнёздышко*, *сёдлышко*, *стёклышко*, *горлышко*, *крылышко*, *брёвнышко*, *судёнышко*, *солнышко*, *донышко*, *зёрнышко*, *пятнышко*, *рёбрышко*, *вёдрышко*, *ядрышко*, *пёрышко*. Стилистически они более нейтральны, чем образования с суффиксом *-ушк-*(*-а*, *-о*), *-юшк-*(*-а*, *-о*).

Кроме того, есть суффиксы *-уш(е)к-*, *-ыш(е)к-*, *-ш(е)к-*, дающие образования от существительных мужского рода с нулевой флексией в им. п. ед. ч. Слов с этими суффиксами немного, но среди них как раз представлены вариантные образования: *воробушек* и *воробышек*, *оладушек* и *оладышек*, *клинушек* и *клынышек*, *краюшек* и *краешек*, *камушек* и *камешек*; ср. образования, не имеющие вариантов с другим суффиксом: *хлебушек* (им. п. может быть оформлен и с флексией *-о*: *хлебушко*), *хлевушек* (*хлевушок*); *колышек*, *пупырышек*; *ставешек*, *кармашек*, *барашек*, *ремешок*, *корешок*, *гребешок* и др. В образованиях последней группы представлен суффикс *-шек* (*-шок*): он присоединяется к основам с конечным *н*, которое в производном утрачивается.

Требуют объяснения соотношения *камешек* — *камушек* и *краешек* — *краюшек*. В первом случае имеем образование типа *ставешек*, *кармашек*, *ремешок*; образование *камушек* возникло, очевидно, в результате переосмысления части основы с «заменой» ее суффиксом *-ушк-*. Пару *краюшек* — *краешек* орфографическая передача второго слова мешает поставить в тот же ряд, что и *клинушек* — *клинышек* и т. п. Оба случая станут в этот ряд, если заменить написания *-ешек* на *-ишек*: *камишек*, *краишек*; тогда мы имели бы в них орфографическую разновидность того же суффикса, что и в *колышек*, *воробышек* (в соответствии с положением после мягкой согласной).

Этим, собственно, ограничиваются возможные «орфографические вмешательства» в рассмотренную группу образований; то же, что реально предлагалось, представляет собой явное превышение «орфографической власти». (Неудачны и попытки создать видимость «орфографического правила», определяющего соотношения между рассмотренными суффиксами, в некоторых проектах свода).

Справедливо мнение, что «различие между суффиксами слов *воробышек* и *воробушек*, *камешек* и *камушек*, *краешек* и *краюшек* носит не орфографический, а словообразовательно-стилистический характер: первые слова в каждой паре являются литературными, вторые — разговорными или диалектными» (Д. Э. Розенталь 1962).

Предложения

I. В уменьшительных образованиях от существительных среднего рода вместо суффикса *-ышк-* писать *-ушк-*: *крылушко*, *зёрнушко*, *судёнушко*, *пёрушко*, *солнушко*, *гнёздушко* (К. Г. Житомирский 1894; А. Г. Герасимов 1901, 1903; Проект 1930).

□ **1.** Предлагается произвольная замена одного суффикса другим; при этом игнорируется стилистическая разница между такими образованиями, как *небушко*, *чадушко* и *крылышко*, *пёрышко*.

□ **2.** Данное изменение не внесло бы даже и внешней упорядоченности в употребление образования с *-ушк-* — *-ышк-*: оно не устра-

нило бы вариантности в таких случаях, как *камушек — камешек*, *воробушек — воробышек* и т. п.

II. Устранить колебания в написании существительных на *-ушек* и *-ышек* (Дискуссия 1954; А. Г. Руднев 1963); писать только с *-ушк-* слова *воробушек* и *камушек* (В. Никифоров 1954); писать только с *-ышк-* слово *воробышек* (Проект свода 1951) и др.

□ **1.** Под видом орфографических изменений предлагается вмешаться в употребление вариантных языковых форм, произвольно устранив один из вариантов.

СУФФИКС *-ечк-*

Историческая справка

Орфографическое сочетание *ечк* после мягких и шипящих согласных, соотносительное с *очк* после твердых согласных, может соответствовать суффиксу *-ечк-* — так называемой второй ступени уменьшительности (*нянечка*, *Катечка*, *семечко*, *Сонечка*, *Зоечка*, *душечка*, *печечка*, *Сашечка* и т. п., ср. *пилочка*, *стеночка*, *Верочка*, *Лидочка*); это сочетание имеем также, когда к существительным, в конце основы которых выступает *к* после согласных (не выделяемое как суффикс), присоединяется уменьшительный суффикс *-к-* (и первое *к* чередуется с *ч* с предшествующим беглым *е*): *полька — полечка*, *койка — коечка*, *кружка — кружечка*, *точка — точечка*, *лукошко — лукошечко* (ср. *полочка*, *баночка*).

Орфографическое сочетание *ичк* встречается в тех случаях, когда слова с элементом *иц* (как суффиксальным, так и не вычленяемым как суффикс) присоединяют уменьшительный суффикс *-к-*: *лестничка*, *уличка*, *частичка*.

В орфографической практике имело место написание *ичк* вместо *ечк* в образованиях от имен собственных (*Сонička*, *Ваничка*, *Оличка* и т. п.).

Предложения

I. Уменьшительный суффикс *-ечк-* передавать как *-ичк-*: *книжичка*, *няничка*, *Сонička*, *Оличка* и т. п. (Дискуссия 1929; Дискуссия 1954*; Дискуссия 1962*).

■ **1а.** Данное предложение мотивируется стремлением внести единообразие в написания с *ечк — ичк*.

□ **1б.** Но единообразие получилось бы мнимое; появились бы одинаковые орфографические сочетания в случаях типа *лестничка* и *няничка*, но нарушилось бы закономерное для русского письма соотношение *ечк — очк* (было бы *няничка — стеночка*, *Сонička — Леночка* и т. п.).

□ **2.** Предложение антифонематично. Хотя гласная в суффиксе *-ечк-* (а также в сочетании *ечк*, представляющем собой соединение части производящей основы с суффиксом *-к-*: *ложечка*) не бывает в сильном положении, факт ее беглости показывает, что она не

может соответствовать фонеме ‹и› (см. разделы о суффиксах *-(е)к* и *-ик*, *-ице* — *-ецо*).

II. Допустить вариантные написания с *ечк* — *ичк*: *Танечка* и *Таничка*, *гаечка* и *гаичка* (В. Куницкий 1901).

□ **1.** Предложение предполагает широкое допущение вариантности в орфографической системе; если же стремиться в принципе избегать вариантных написаний, данное предложение неприемлемо. Никаких особых аргументов, оправдывающих двоякие написания именно для данной категории случаев, не может быть выдвинуто.

СУФФИКС *-оньк- — -еньк-*

Историческая справка

В течение XIX в. в употреблении уменьшительно-ласкательных суффиксов существительных *-оньк-*, *-еньк-* наблюдался значительный разнобой. Об этом писали Н. И. Греч (1827), Г. П. Павский (1842), Я. К. Грот (1876) и др. Особенно сильным был разнобой в написаниях собственных имен с этими суффиксами. Греч отмечал: «Уменьшительные собственные имена пишутся различно, по прихоти употребления; например: *Лизанька*, *Катенька*, *Сашенька*, *Машенька*, *Олинька* и т. п.» (1827).

В классической русской литературе постоянно встречаются написания: *Марфинька* (И. А. Гончаров. Обрыв), *Любинька*, *Анниньк*а, *тятинька*, *маминька* и др. (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы) и др. Но уже Грот считал возможным делать отступление в написании этих суффиксов только для имени *Лизанька*; все ... прочие образования (в том числе и от имен собственных), по его мнению, должны были писаться с *оньк*, *еньк*: *Оленька*, *папенька*, *маменька*, *ученька* и т. п. (1876).

Однако рекомендации Я. К. Грота не устранили полностью разнобой в написании рассматриваемых суффиксальных образований. «До самого последнего времени в написании неударяемых суффиксов *-оньк-* — *-еньк-* не установилось еще полной последовательности. С одной стороны, встречаются написания *аньк* (*лисанька*, *Лизанька*) и даже *ыньк* (обычно в словах, носящих черты фольклорной лексики, например: *полосынька*, *косыньки*). С другой стороны, после мягких и после шипящих можно встретить написания *иньк*, например: *На́стинька*, *Лю́синька*, *Ма́рфинька*, *Зо́инька*, *Ма́шинька* и т. п.» (А. Б. Шапиро 1951). Лишь свод 1956 г. дал правило, ликвидирующее этот разнобой; рекомендуется: *Лизонька*, *лисонька*, *полосонька*, *волосоньки*, *Петенька*, *Марфенька*, *Зоенька* и т. п. Оставлены только три исключения с *иньк*: *заинька*, *паинька*, *баиньки*.

Для суффиксов прилагательных *-оньк-*, *-еньк-* в отличие от одинаково звучащих суффиксов существительных написание с *о*, *е* может быть установлено по формам, в которых эти гласные оказываются под ударением. Об этом писал еще М. В. Ломоносов: «*Е* и *и* полагаются одно вместо другого неправильно: 1) в уменьшительных *маленький* вместо *маленький*; *хорошинький* вместо *хорошенький*, ибо, что первое неправильно, явствует в перенесении ударения на оный склад в усеченных: *маленек*, а не *малинек*; *коротенька*, а не *коротинька*» (1755). На возможность такой проверки указывали также В. П. Светов (1773), Н. И. Греч (1827), Г. П. Павский (1841), Я. К. Грот (1876) и др. Тем не менее написания типа *тихинький* (И. И. Давыдов 1852), *тонинький* (Я. К. Грот 1876) были не редкостью в практике XIX в.

Предложения

I. Уменьшительный суффикс существительных *-еньк-* передавать как *-иньк-*: *папинька, маминька, ручинька, Олинька* (И. Ф. Калайдович 1827; Дискуссия 1929°, Дискуссия 1964*).

□ 1. Данное предложение не вносит облегчения в написание рассматриваемого разряда суффиксальных существительных. Встает вопрос о том, каков должен быть при написании *иньк* письменный вариант суффикса, выступающего после твердых согласных (вместо *Лизонька, лисонька*).

□ 2. Вряд ли целесообразно орфографически передавать данный суффикс существительных иначе, чем омонимичный суффикс прилагательных, для которого написание *еньк* обосновывается фонематически.

II. Ликвидировать исключения в орфографической передаче уменьшительных существительных, заменив единичные написания с *аньк, иньк* написаниями с *оньк, еньк*; писать: *Лизонька, лисонька* (Дискуссия 1934°; Орфографический справочник 1936; Дискуссия 1954; Свод 1956); *заенька, паенька, баеньки* (Дискуссия 1934°; Проекты свода 1939_2, 1940; Дискуссия 1954, 1954*; Дискуссия 1962°; С. М. Потапов 1963; Л. Н. Санжаров 1963; Проект 1964).

■ 1. Предлагается устранить неоправданные исключения и сделать правило абсолютно последовательным.

СУФФИКС *-инск- — -енск-*

Историческая справка

С помощью суффикса, орфографически передаваемого двояко (как *-инск-* и как *-енск-*), образуются прилагательные от географических названий: *Ялта — ялтинский, Керчь — керченский*. При разграничении этих двух написаний Я. К. Грот учитывал происхождение элемента *-ин-*: «Очевидно, что это двусложное окончание *-ин-ский* есть только распространение односложного женск. притяжательного: *Анн-ин, Екатерин-ин*» (1876); отсюда его рекомендация писать *инский* только в образованиях от имен на *-а, -я*, в соответствии с которой он признавал неправильными написания *пензенский, пресненский* (введенные «обычаем»). Для образований от имен не на *-а, -я* Грот рекомендует написание *енский*, ограничиваясь приведением лишь одного примера — *керченский*. Он оговаривает также написания с *енский* тех прилагательных, в которых *ен* не относится к суффиксу, а является частью основы существительных (с беглым *е*): *коломенский, ковенский, роменский, ливенский* и др.

Рекомендации Грота были недостаточно детальны для упорядочения таких написаний. «За период, прошедший со времен Грота, количество прилагательных, о которых идет речь, выросло во много раз, а следовательно, значительно увеличились и затруднения в их написании» (А. Б. Шапиро 1951).

Ликвидация разнобоя в рассматриваемых написаниях формально достигается правилами свода 1956 г.; но эти правила недостаточно просты и лингвистически не мотивированы; в нерешительности по отношению к утвер-

дившимся в практике, но теоретически необоснованным написаниям составители свода в этом случае превзошли Грота, оставив в неприкосновенности *енск* в *пензенский*, *пресненский*. Некоторые из вариантов правил о прилагательных на *-инский—-енский*, дававшиеся в проектах свода 1936—1951 гг., отличались еще большей сложностью; во всех проектах предлагалось по существу совершенно условное разграничение между написаниями *-инский—-енский* (но при этом рекомендации первых проектов — 1936 и 1939 гг. — имели то преимущество перед правилом 1956 г., что не так рабски следовали традиции; они узаконивали, например, написания *пензинский*, *преснинский*).

Предложения

I. Суффикс прилагательных *-инск- — -енск-* передавать всегда как *инск*, сохранив написание *енск* лишь для тех случаев, когда *ен* не относится к суффиксу; писать, в частности: *охтинский*, *пензинский*, *лопаснинский*, *керчинский*, *гроднинский*, *городищинский*, *заречьинский*, *устьинский*, *мытищинский*, *златоустинский*, *грознинский*, *прохладнинский*, *фрунзинский*; но *коломенский*, *роменский*, *ливенский*, *горшеченский* и т. п. (Л. Ф. Воеводский 1898; Дискуссия 1929; А. Б. Шапиро 1951, 1954, 1961; Дискуссия 1954, 1954*; Дискуссия 1962°; 1962*, И. А. Фигуровский 1962; А. Г. Руднев 1963; Проект 1964; Дискуссия 1964*).

■ **1а.** Устанавливается единое правило; существующая двоякая орфографическая передача суффикса заменяется единообразным написанием.

□ **1б.** Это правило не избавляет пишущих от необходимости разграничивать «буквенные комплексы» *инск — енск* перед флексией прилагательных *-ий*, поскольку оно предполагает сохранение написаний *коломенский*, *роменский*, *ливенский* и пр.

■ **1в.** Но в этих случаях *ен* не является частью суффикса; поэтому орфографическое разграничение *инск — енск* с принятием данного предложения требовало бы от пишущих правильного понимания морфологических соотношений между производящим и производным словом, а не запоминания чисто условных правил.

□ **1г.** См. предложение Iб, п. 2б.

■ **2.** Предложение находится в полном соответствии с фонематическим принципом правописания. В данном суффиксе в сильной позиции — под ударением — бывает представлена только фонема ‹и›: *алмаатинский*, *карагандинский*, *туапсинский*, *бакинский* и т. п.

■ **3.** Как следствие их фонематичности, предлагаемые написания были бы и «морфологичны». «Если бы при написании прилагательных рассматриваемого типа с неударяемым суффиксом строго соблюдался морфологический принцип нашей орфографии, то для суффикса *-енск-* места не оказалось бы вовсе. . .» (А. Б. Шапиро 1951).

□ **4а.** Принятие данного предложения «привело бы к необходимости отказаться от очень многих привычных написаний: пришлось бы писать *пензинский*, *преснинский*, *фрунзинский*, *керчинский*, *городищинский* и т. п.» (А. Б. Шапиро 1951).

■ **4б.** Однако в рассматриваемой группе написаний на протяжении многих лет существовал такой значительный разнобой, что отказ от некоторых прочно укоренившихся написаний с лихвой компенсировался бы установлением единства там, где долго не удавалось его достигнуть.

Iа. Суффикс прилагательных *-инск-* — *-енск-* передавать всегда как *инск* : *пензинский*, *преснинский*, *грознинский*, *городищинский*, *заречьинский*; но писать с *енск* (кроме слов типа *коломенский*) образования от несклоняемых названий на *-е*: *фрунзенский*, *орджоникидзенский*, *киквидзенский* (от *Киквидзе*), *лепсенский* (от *Лепсе*), *огренский* (от *Огре*) (Дискуссия 1954*; Дискуссия 1962°).

■ **1а.** См. предложение I, п. 1а, 1в.

□ **1б.** См. предложение I, п. 1б, предложение Iб, п. 2б.

■ **2а.** Предложение также находится в полном соответствии с фонематическим принципом, но исходит из несколько иного понимания морфологического состава прилагательных, образованных от несклоняемых названий на *-е*. Написания типа *фрунзенский* основаны на том, что фонема, передаваемая буквой *е*, понимается не как часть суффикса, а как последняя согласная неизменяемой основы существительного, целиком входящей в производное слово, а ‹н› рассматривается как элемент, оформляющий эту неизменяемую основу в производном слове (в силу того, что в русском языке производящей основе несвойственно кончаться гласной). Подтверждение такого понимания можно видеть в образованиях типа *улан-удэнский*.

□ **2б.** Но подобное понимание не является единственно возможным, см. например: *туапсинский* (от *Туапсе*), *душанбинский* (от *Душанбе*) а также *улан-удинский* (наряду с *улан-удэнский*), которые явно образованы посредством суффикса *-инск-* — при отсечении конечной гласной основы существительного. Поэтому при написании прилагательных, образованных от названий типа *Фрунзе*, можно ориентироваться именно на эти случаи и писать *фрунзинский*, *лепсинский* и т. д. Поскольку фонематически можно обосновать и *фрунзенский*, и *фрунзинский*, лучше принять то написание, которое обеспечивает большее письменное единообразие (т. е. *фрунзинский*).

См. также предложение I, п. 3, 4а, 4б.

Iб. Установить написание *инск* для всех случаев; писать не только *пензинский*, *грознинский*, *городищинский*, *фрунзинский*, но и

коломинский, *роминский*, *ливинский*, *горшечинский* (Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964, 1964°, 1964*).

■ **1.** Создается абсолютно единое механическое правило, избавляющее пишущих от необходимости разграничивать «буквенные комплексы» *инск — енск* перед флексией прилагательных *-ий*.

□ **2а.** Следует решить, как должны быть оценены с позиций фонематического принципа написания типа *коломинский*, *ливинский*, отличающие данное предложение от предложения I.

Выше говорилось, что в словах типа *коломенский ен* не входит в суффикс; это часть основы производящего существительного с беглой гласной; ср. *Коломн-а — коломен-ск-ий*. Отсюда следует, что написание *коломинский* нефонематично (беглая гласная фонематически может соответствовать ‹о› или ‹э›, но не ‹и›).

■ **2б.** Может быть, однако, предложено иное морфологическое объяснение этих случаев, из которого следует и иная фонематическая интерпретация их. При соединении словообразовательных морфем в русском языке отмечено явление, «которое можно было бы назвать явлением н а л о ж е н и я м о р ф е м. . . Оно происходит в тех случаях, когда морфемы корня (или основы) и суффикса, подлежащие соединению, совпадают частично (или полностью) в своем фонемном составе» [1]. Это явление обнаруживается, например, в таких образованиях, как *лиловатый*, *розоватый* (*ов* — часть основы прилагательного *лилов-* и одновременно — часть суффикса *-оват-*). Но нельзя ли считать, что для «наложения морфем» достаточно о д и н а к о в о г о з в у ч а н и я определенных частей соприкасающихся морфем, даже если по составу фонем они не идентичны? Тогда к этому явлению могут быть отнесены и случаи типа *коломенский*; можно считать, что в таких образованиях суффикс *-инск-* частично «наложился» на сходно звучащий (хотя и не совпадающий по составу фонем!) конец производящей основы *ен*. Если принять это морфологическое толкование, написания *коломинский*, *ливинский*, *роминский* должны быть признаны отвечающими фонематическому принципу.

□ **3а.** Написания типа *коломинский* «неморфологичны», если придерживаться объяснения, изложенного в п. 2а,

■ **3б.** и «морфологичны», если исходить из того, о чем сказано в п. 2б.

□ **4а.** Для реализации данного предложения надо изменить еще больше привычных написаний, чем для реализации предложения I.

■ **4б.** См. предложение I, п. 4б.

---

[1] Е. А. З е м с к а я. Об одной особенности соединения словообразовательных морфем в русском языке. «Вопросы языкознания», 1961, № 2, стр. 84.

II. Из двух письменных вариантов суффикса *-инск- — -енск-* отдать предпочтение варианту *-енск-*; писать: *ялтенский, жиздренский, мытищенский, химкенский, соченский* и т. п. (Дискуссия 1954; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964*).

☐ **1а.** Письменное единообразие в передаче данного суффикса с принятием этого предложения не будет достигнуто: написание *-енск-* можно последовательно распространить только на неударные случаи, т. е. писали бы *ялтенский, керченский, соченский, мытищенский*, но *карагандинский, алмаатинский, туапсинский.*

■ **1б.** Но достигалось бы письменное единообразие для неударных случаев: *ялтенский, соченский* и *коломенский, ливенский*, независимо от того, является ли *ен* частью суффикса или нет.

☐ **1в.** Однако это внешнее единообразие шло бы вразрез с общим характером современного русского письма, требующего от пишущих осмысленного подхода к морфологическому составу слов.

☐ **2.** Предложение антифонематично, поскольку гласная суффикса в ударном и в неударном положении передавалась бы по-разному; *ялтенский*, но *карагандинский.*

☐ **3.** Предложение не соответствует и морфологическому принципу правописания.

☐ **4.** Пришлось бы изменить, вероятно, еще больше привычных написаний, чем для реализации предложения I.

СУФФИКСЫ *-ен(н)-* и *-ян(н)-*

Историческая справка

Во многих прилагательных, образованных от существительных, могут быть выделены суффиксы, состоящие из неударного гласного элемента и согласного [*н*] или [*н̄*] (долгота и краткость его не всегда может быть с достоверностью установлена). Принятая орфографическая передача их должна убеждать в существовании по крайней мере двух суффиксов: *-ан-, -ян-* и *-енн-* (*-ен-*) [1]: *кожаный, ржаной, глиняный, серебряный, нефтяной* и *жизненный, свойственный, клюквенный, соломенный, лиственный, тыквенный, ветреный.*

Принятое разграничение «орфографических суффиксов» *-енн-* и *-ян(н)-* явно недостаточно мотивировано. Почему следует, например, писать *тыквенный, клюквенный, соломенный*, но *кожаный, глиняный, серебряный*? Насколько обоснованна зависящая от значения прилагательного дифференциация *ветрен(н)ый* и *ветряный* (*ветряной*), *маслен(н)ый* и *масляный*? «Окончание *-яный*, когда на *я* нет ударения, произносится так близко к окончанию *-еный* или *-енный* (без ударения на *е*), что часто можно усомниться, которое из обоих правильнее, тем более, что они иногда смешиваются и в значении,

[1] Представляющее особую орфографическую проблему соотношение *н—нн* в таких образованиях здесь не затрагивается (см. соответствующий раздел).

т. е. для образования вещественного прилагательного в некоторых случаях употребляется суффикс *-енный* предпочтительно перед *-яный*, например: *соломенный*, *клюквенный*. От имен *ветер* и *масло* могут образоваться прилагательные двояко, с различными оттенками значения: *ветряный* и *ветреный*, *масляный* и *масленый*. . .» (Я. К. Грот 1876). Попытка основать разграничение между *-ян-* — *-енн-* на том, кончается ли основа производящего существительного одним согласным или группой согласных (А. Б. Шапиро 1951), не избавляет от необходимости отмечать исключения: *соломенный*, *обеденный* и *серебряный*, *масляный*, *ветряный*.

В орфографической практике наблюдались колебания в написании отдельных прилагательных с *-ян-* и *-енн-*: *серебренный* (наряду с *серебряный*), *коженный* (наряду с *кожаный*), *лиственый* (наряду с *лиственный*).

Недостаточная разграниченность в языке суффиксов *-енн-* и *-ян-* приводит к многочисленным ошибкам в школе. Ученики «пишут *леденными тропами*, *коженную куртку*, *жестенная лампа*. Иногда учащиеся пишут и *тыквяная каша*, *соломяная крыша*, *лиственый ковер*, *клюквяный кисель*, объясняя это следующим образом: „*тыквяная* — суффикс *-ян-*, каша сварена из тыквы“; „в прилагательном *соломяная* пишется суффикс *-ян-*, потому что это слово показывает, из чего сделана крыша, крыша сделана из соломы“. . .» (Н. Н. Алгазина 1961).

Дело не только в недостаточной мотивированности разграничения между *-ан-*, *-ян(н)-* и *-ен(н)-*: по существу нет достаточных оснований для выделения здесь двух суффиксов. Под ударением встречается только суффикс *-ан-*, *-ян(н)-*: *песчаный*, *конопляный*, *стеклянный*, *оловянный*, *деревянный*; нет отсубстантивных прилагательных, которые имели бы в суффиксе [э] под ударением + [н] или [н]. Прилагательные, орфографически передаваемые с *-енн-*, как правило, обладают более абстрактным значением, чем прилагательные с *-ан-*, *-ян(н)-*; но является ли это достаточным основанием для выделения двух материально различных аффиксов? И не будет ли более оправданным фактами языка единое написание *-ан(н)-*, *-ян(н)-* (в том числе *болезнян(н)ый*, *родствян(н)ый*, *мыслян(н)ый*)? (Предложение это, как реально не выдвигавшееся, дальше не анализируется).

Существуют отдельные предложения, ставившие целью изменить распределение прилагательных между «орфографическими суффиксами» *-ан-*, *-ян(н)-* и *-ен(н)-*; ниже рассмотрены те из них, которые носят более или менее общий характер (предложения об изменении написаний отдельных слов опущены). Некоторые из этих предложений выдвигались одновременно с решением вопроса о написании одного или двух *н* в суффиксах прилагательных.

Предложения

I. Все неударные суффиксы прилагательных, образованных от существительных, передавать с *е*; писать: *коженый*, *глиненый*, *нефтеной* как *клюквеный*, *обеденый* (А. Б. Шапиро 1962).

Примечание. Предложение выдвинуто вместе с другим предложением: писать все суффиксы прилагательных с одним *н* (см. раздел «Передача двойных согласных»).

■ **1а.** Это предложение избавляет пишущих от необходимости выбирать одну из двух возможностей — *-ан-*, *-ян-* или *-ен(н)-* — при написании неударных суффиксов прилагательных.

□ **1б.** Однако поскольку есть отпричастные прилагательные с неударными суффиксами, передаваемыми как *-ан-*, *-ян-* (*мешаный*, *валяный*, *стреляный*), пишущие не были бы избавлены полностью от грамматического анализа при установлении написания неударных суффиксов прилагательных.

□ **1в.** К тому же в русском письме определяющими являются написания, требующие сопоставления того, как передаются морфологические элементы слова под ударением и в безударном положении; данное же правило этому противоречит. Поэтому оно могло бы и не оказаться легким для пишущих.

□ **1г.** Возникли бы осложнения при передаче прилагательных, имеющих акцентные варианты; эти варианты орфографически оказались бы представленными как образования с разными суффиксами: *берёстеный — берестяный — берестенóй*, *овсяный — овсенóй*, *жестяный — жестенóй* и др.

□ **2.** Предложение не отвечает фонематическому принципу.

□ **3.** Оно не соответствует также и морфологическому принципу.

■ **4.** Требуется внести не так уж много изменений в принятые написания, так как число прилагательных с неударными суффиксами, передаваемыми как *-ан-*, *-ян-*, невелико.

1а. В прилагательных, образованных от существительных, писать *-енн-* вместо *-ан-*, *-ян-*, если ударение предшествует суффиксу: *глиненный*, *коженный*, *серебренный* как *клюквенный*, *соломенный*; но *земляной*, *нефтяной* и т. п. (А. М. Сухотин 1935°).

■ **1а.** Вносится несколько большая четкость в соотношение между *-ан-*, *-ян-* и *-енн-*, чем при принятых сейчас написаниях.

□ **1б.** Но это достигается, как и в предыдущем случае, за счет введения написаний, не соответствующих общему характеру русского письма.

□ **1в.** Осложнения при передаче слов, имеющих акцентные варианты, возникли бы и здесь: колебания *берёстяный — берестянóй*, *вéрфяный — верфянóй* данное предложение тоже заставляет представить орфографически как образования с разными суффиксами: *берёстенный — берестянóй* и т. п. (но таких случаев было бы меньше, чем в предыдущем варианте).

□ **2.** Обосновать данное предложение с позиций фонематического принципа невозможно.

□ **3.** Оно не соответствует и морфологическому принципу.

■ **4.** Число написаний, которые пришлось бы изменить, незначительно.

II. Прилагательные с суффиксом *-енн-*, имеющие значение 'сделанный, состоящий из того, что указано производящей основой прилагательного', писать с *-ян-*: *клюквяный*, *соломяный*, *тыквяный* (*Я. К. Грот 1873*; Дискуссия 1954*, Г. М. Лев 1955; Предложения Института русского языка 1962; Д. Э. Розенталь 1964).

Примечание. У Я. К. Грота фигурирует только написание *соломяный*.

■ **1а.** Принятие этих написаний сделало бы более мотивированным со стороны значения соотношение между прилагательными, суффиксы которых пишутся как *-енн-* и *-ян-*. Это несколько облегчило бы выбор одного из этих написаний.

□ **1б.** Все же вполне четких соотношений в значении между образованиями, орфографически передаваемыми с *-енн-* и *-ян-*, не удалось бы достигнуть (см., например, такие прилагательные, как *избяной*, *платяной*, не имеющие значения 'сделанный из. . .'). Осложнение вносили бы также переносные значения. Например, *почвенный* может значить не только 'состоящий из почвы', но и 'относящийся к почве' (*почвенный факультет*). Надо ли было бы принять написание *почвяный*?

□ **2.** Принятие этого предложения не сделало бы соотношение *-ян(н)-* — *-ен(н)-* более оправданным фонематически. По-прежнему оставалось бы немотивированной передача гласной суффикса *-енн-* как *е*.

■ **3.** Предложение требует внесения небольших изменений в принятые написания; кроме перечисленных, пришлось бы, очевидно, принять написания: *листвяный*, *полбяный*, *брюквяный* и др.

СУФФИКСЫ ГЛАГОЛОВ

СУФФИКСЫ *-ыва-(-ива-)* и *-ова-(-ева-)*

Историческая справка

Одним из сложных вопросов орфографии является правописание глагольных суффиксов *-ыва-(-ива-)* и *-ова-(-ева-)*. Суффиксы *-ыва-*, *-ова-* в произношении очень близки и поэтому часто смешиваются на письме. Но это разные суффиксы: *-ыва-(-ива-)* присоединяется к глагольным основам, указывает на несовершенный вид, на многократность действия (*рассказать — рассказывать*, *вытолкнуть — выталкивать*, *сидеть — сиживать*, *говорить — говаривать*). Суффикс *-ова-(-ева-)* присоединяется к основам существительных (*беседа — беседовать*, *совет — советовать*, *голос — голосовать*).

Отметив эту закономерность, Я. К. Грот сформулировал правило употребления этих суффиксов в зависимости от производящей основы и рекомендовал писать *веровать*, *командовать*, *советовать* и *обманывать*, *наказывать*. Но ввиду исторического родства суффиксов *-ыва-*, *-ова-* они иногда могли встречаться в одном и том же глаголе, например: *проповедывать — проповедовать*, *заведывать — заведовать*. Такое явление свойственно и совре-

менной письменной практике. Оно объясняется тем, что более старые формы смешиваются с более новыми.

Правило, которым мы пользуемся в настоящее время, сложилось на основе учета соотношений основ прошедшего и настоящего времени: суффикс *-ова-(-ева-)* в формах прошедшего времени соответствует суффиксу *‹-уj-›* в формах настоящего (*советовал — советую*, *беседовал — беседую*); суффикс *-ыва-* (*-ива-*) в формах прошедшего времени соответствует суффиксу *-ывай* в формах настоящего (*рассказывал — рассказываю*, *развертывал — развертываю*). После *ц* пишется *-ева-*. Это правило осложняется тем, что суффиксы *-ыва-*, *-ова-* надо отличать от *-ва́-* (*одолева́ть*, *полива́ть*).

Предложения

I. Вместо суффиксов *-ыва-* (*-ива-*) и *-ова-* (*-ева-*) всегда писать *-ова-* (*-ева-*): *раскаеваться*, *отчаеваться*, *осмеевать*, *разговаревать*, *рассказовать*, *образововать*, *следовать*, *проповедовать*, *обнародовать*, *отчаеваюсь* и т. д. (К. Г. Житомирский 1915; В. Н. Сидоров 1963°).

■ **1.** **Предлагаемое** правило унифицирует правописание глаголов с суффиксами *-ыва-* (*-ива-*), *-ова-* (*-ева-*). Вместо этих двух суффиксов во всех глаголах предлагается употреблять только один *-ова-* (*-ева-*): *образововать*, *следовать*, *отчаеваться*.

■ **2а.** Такое написание не вступает в противоречие с произношением. Произносимый в глагольных формах на *-ывал*, *-ываю* очень краткий гласный на месте *ы* совпадает с тем звуком, который произносится в неударяемом слоге на месте *о*: *отга́д*[ъ]*вал — отга́д*[ъ]*ваю*, *сбра́с*[ъ]*вал — сбрас*[ъ]*ваю*. «. . .Нередко **краткость** этого гласного в разговорной речи приближается к полному его отсутствию (*отгадвал — отгадваю*)» (А. Б. Шапиро 1951).

□ **2б.** Но если вместо *-ыва-* (*-ива-*) всегда писать *-ова-* (*-ева-*), то некоторые затруднения вызовут глаголы на *-ивать* после *г*, *к*, *х*. По старой московской норме согласные *г*, *к*, *х* произносились твердо: *вытас*[къ]*вать*, *выпры*[гъ]*вать*, *разма*[хъ]*вать*. Значит, чтобы не нарушить старомосковского произношения, следует писать *вытасковать*, *выпрыговать*, *размаховать* и т. п. Современному литературному произношению под влиянием орфографии свойственно произношение [г'], [к'], [х']: *посту*[к'и]*вать*, *ната*[г'и]*вать*, *разма*[х'и]*вать*, а следовательно, нужно будет писать *постукевать*, *натягевать*, *размахевать* и т. п.

■ **2в.** Но и принятые написания *постукивать* и т. д. соответствуют только одной из двух произносительных норм (новой).

■ **3.** Это предложение не противоречит фонематическому принципу: в суффиксе *-ыва-* (*-ива-*) первая гласная не встречается под ударением, поэтому его можно писать и с гласной *ы* (*и*), и с гласной *е* (*о*).

□ **4а.** Но указанное правило вводит одинаковое написание для суффиксов, один из которых (*-ыва-*) служит для образования глаголов несовершенного вида от глаголов совершенного вида, а другой (*-ова-*) — для образования глаголов от существительных.

■ **4б.** Но это различие (связь с разными производящими образованиями) совершенно не обязательно должно отражаться на письме. Последовательное отражение этих связей привело бы в орфографии к засилию дифференцировочных написаний.

□ **5а.** Суффикс *-ова-* соответствует суффиксу <*-уj-*> (*торговать — торгуют*) в формах настоящего и будущего времени; суффикс же *-ива-* (*-ыва-*) сохраняется и в этих формах.

■ **5б.** По предлагаемому правилу написаниям с *-ова-* в инфинитиве будут соответствовать в 1-м лице настоящего времени написания с *-ую-* у одних глаголов и написания с *-оваю* — у других. Ни к каким затруднениям это не приведет, никаких языковых закономерностей не исказит.

□ **6.** Так как суффикс *-ыва-* очень продуктивен в русском языке, то замена его суффиксом *-ова-* приведет к изменению большого числа орфограмм.

СУФФИКС *-ене-*

Историческая справка

С XVIII в. до 50-х годов XX в. не было установлено единообразное написание глаголов *деревенеть*, *стекленеть*, *леденеть* и под. Академический словарь 1847 г. предлагал написания *деревянеть*, *стеклянеть*, большинство других словарей рекомендовало написание с *-е-*. Иногда допускалось двойное написание: и *деревенеть*, и *деревянеть* (В. И. Даль 1863). Такие вариативные написания возникли благодаря тому, что эти глаголы сопоставлялись или с именами прилагательными (*деревянный*, *стеклянный*), или с глаголами на *-енеть*: *цепенеть*, *остолбенеть*.

В настоящее время принято написание с суффиксом *-ене-*: *деревенеть*, *леденеть*, *стекленеть* и *леденить*, *окровенить* и т. д.

Предложения

I. Писать суффикс *-яне-* в глаголах *деревянеть*, *костянеть*, *ледянеть*, *стеклянеть* (*Словарь 1847 г.; Я. К. Грот 1893*).

■ **1а.** Употребление суффикса *-яне-* поддерживается прилагательными *ледяной*, *костяной*, *деревянный*, *стеклянный*, основы которых (с суффиксом *-яне-*) переносятся в соответствующие глаголы (А. Б. Шапиро 1951).

□ **1б.** Но можно считать, что глаголы *деревенеть*, *костенеть*, *леденеть* и т. д. образованы непосредственно от существительных *дерево*, *кость*, *лед* и др., а не от прилагательных (С. Е. Крючков и Д. Э. Розенталь 1956).

□ 2. Если принять написание этих глаголов с суффиксом *-яне-*, то они будут выделяться по правописанию из ряда подобных же глаголов *остолбенеть*, *оцепенеть*, *остервенеть*, которые также обозначают переход в новое состояние, но никогда не пишутся с буквой *я* (А. Б. Шапиро 1951; В. В. Виноградов 1954).

□ 3. Наличие вариантов одного и того же суффикса (*остолбенеть* и *остеклянеть*) нежелательно.

II. Писать суффикс *-ене-* в глаголах *деревенеть*, *костенеть*, *леденеть*, *стекленеть* (Орфографический справочник 1936; Проекты свода 1936_2—1955; С. П. Обнорский 1944; А. Б. Шапиро 1951; С. Е. Крючков 1952; В. В. Виноградов 1954; М. Самбикина 1954; Свод 1956).

■ 1. Это правило приводит к единообразному написанию глаголов, которые обозначают переход в новое состояние: *цепенеть*, *остервенеть* и *деревенеть*, *леденеть* и т. д.

■ 2. Оно не изменяет произношения этих глаголов.

■ 3. И не нарушает требований фонематического принципа.

□ 4а. Предлагаемое написание нарушает соотношение глаголов *деревенеть*, *стекленеть* с прилагательными *деревянный*, *стеклянный*.

■ 4б. Но у нас нет оснований опираться при написании этих глаголов на правописание прилагательных. См. предложение I, п. 1б.

СУФФИКС *-ану-*

Историческая справка

В разговорном просторечии широко распространены образования с суффиксом *-ну-* от глагольных основ типа *толкать* — *толкануть*, *стегать* — *стегануть*. В тех случаях, когда глаголы не имеют соответствий с глаголами без *-ну-*, выделяется суффикс *-ану-*: *садануть*, *звездануть*. С буквой *о* пишутся только три глагола: *захолонуть*, где *о* перед *-ну-* не является суффиксальным элементом, *полосонуть* от *полосовать* и *колонуть*.

Предложения

I. Суффикс *-ану-* писать всегда с *а*: *звездануть*, *садануть*, *колануть*, *полосануть* (Предложения Института русского языка 1962; Дискуссия 1962°).

■ 1. Это предложение унифицирует правописание всех глаголов с суффиксом *-ану-*: *толкануть*, *садануть*, *полосануть*.

■ 2. Оно не влияет на правильное произношение этих слов.

■ 3. Введение этого правила коснется правописания только двух глаголов: *полосонуть*, *колонуть*.

ФЛЕКСИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

ФЛЕКСИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА *-ий, -ия, -ие*

Историческая справка

У существительных с основой на ‹j› сложилась для определенных случаев особая орфографическая передача флексий предл. п. м. и ср. р. и дат.-предл. п. ж. р., т. е. тех, которые у основной массы существительных в дореформенной орфографии передавались с *ѣ*. В этих флексиях пишется *и* в тех случаях, когда последняя гласная основы передается как *и*; отсюда пары: *Наталья — к Наталье, о Наталье* (в дореформенной орфографии *Натальѣ*) и *Наталия — к Наталии, о Наталии*; *мгновенье — о мгновенье* (*о мгновеньѣ*) и *мгновение — о мгновении*.

Возникновение этого орфографического правила связано с наличием в русском письме элементов, идущих от церковнославянской традиции (ср. церковнославянские *житие, бытие*, где имеем в предл. п. [и] под ударением: *о бытий, в житий*; ср. параллельные русские формы *житьё—бытьё, о житье—бытье*). Но распространилось оно на все существительные с *и* перед конечным ‹j› основы, в том числе на многочисленные заимствованные слова, как собственные, так и нарицательные: *о революции, о Сицилии, о пролетарии* и т. п. (ср. *об эскадрилье, о мавзолее, о пигмее*). Написания *ии, ьѣ* были поддержаны Я. К. Гротом (1876).

Отступления от правила об обязательном *ии* в дат.-предл. п. ж. р. и предл. п. м. р. наблюдались лишь в написании односложных существительных: *на Бии* и *на Бие, о Вии* и *о Вие*. Объясняется это тем, что в названных словах *и* входит в корень, в то время как в словах *армия, пролетарий* и относится к аффиксу. Однако правилами 1956 г. написание *ии* было принято для всех случаев, в том числе для односложных существительных.

Предложения

I. Форму пред. п. существительных м. р. на *-ий*, ср. р. на *-ие* и дат.-предл. п. ж. р. на *-ия* передавать с *-е*; писать: *о гение, о партие, о пролетарие, в армие, в Англие, о Марие, о молние, о знание* (В. П. Шереметевский 1891; К. Г. Житомирский 1894, 1915; Проект Казанского педагогического общества 1902; Проект Одесского педагогического общества 1903; М. В. Ушаков 1930; Предложения Института русского языка и Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1962°, 1962*; В. Н. Сидоров 1963°; К. И. Демидова 1963; В. П. Орехов 1963; Г. Н. Санкина 1964; Дискуссия 1964*).

1а. Отменяется особое правило передачи падежных флексий существительных, у которых на письме перед флексией выступает *и*.

1б. Но это традиционное правило легко усваивается, так как оно основано на отчетливом признаке: флексия *-и* пишется тогда, когда ей предшествует *и*. Поэтому и нет настоятельной необходимости его менять.

1в. И все же изучение в школе правила о написании *ии* требует выделения соответствующих существительных в особый тип. Это

правило осложняется тем, что со словами на *-ия* при письме легко смешиваются слова типа *аллея*, *соя*, что это правило может механически переноситься на вин. п. существительных ср. р., особенно после предлога *в*, управляющего как предл., так и вин. п.

■ **2а.** Предлагаемое изменение оправдано с точки зрения фонематического принципа: неударяемые флексии передаются по ударному варианту.

□ **2б.** Однако есть слова с ударным *и* во флексии: *о житии*, *о бытии*.

■ **2в.** Эти два изолированных случая не должны влиять на написание всех форм: форма им. п. этих существительных имеет флексию, не встречающуюся в других словах: *бытиé*, *житиé* (ср. *житьё-бытьё*, *копьё* и пр.). Эти два слова образуют особое склонение. Сами по себе эти написания не могут вызвать никаких трудностей, не требуют специального запоминания, так как гласная находится под ударением.

■ **3.** Это правило отвечает и морфологическому принципу (ср. *в воде — в армие*, *на весле — на здание*).

□ **4.** Реализация предложения потребует изменения написания очень многих слов (например, очень многочисленны иноязычные заимствования на *-ия*); внешний облик текстов значительно изменится и потребует новых навыков их восприятия при чтении. Следует экспериментально установить порог частотности изменения орфограмм и установить, не затруднено ли будет чтение старых текстов (Дискуссия 1962°).

II. В передаче форм предл. п. существительных м. р. на *-ий*, ср. р. на *-ие* и дат.-предл. п. существительных ж. р. на *-ия* допустить вариативность; писать: *о Василии*, *на линии*, *к линии*, *в этом здании* и *о Василие*, *на линие*, *к линие*, *в этом здание* (Проект Московского педагогического общества 1901; Предложения педагогического отделения русского литературного кружка в Риге 1902; Дискуссия 1962°; Проект 1964).

■ **1.** Предложение дает возможность пишущему передавать флексии рассматриваемых существительных по общему принципу, принятому в русском письме. Пишущему не придется усваивать особое правило.

■ **2а.** Это предложение вводит в практику написания, соответствующие фонематическому и морфологическому принципам.

□ **2б.** Но оно сохраняет и традиционные написания, противоречащие этим принципам.

□ **3а.** Предложение допускает вариативные написания. Но вариативность, не обоснованная самими фактами языка, в орфографии нежелательна.

■ **3б.** Однако в данном случае вариативность может рассматриваться как переходный этап к другому правилу. У пишущего будет возможность выбирать одно из двух написаний: старое, требующее применения особого правила, и новое, вводящее данный разряд существительных в число обычных орфограмм, передающих падежные флексии. Это может привести к победе последних написаний, а значит — и к отмене вариативности.

III. Сохранив сложившуюся в практике передачу форм предл. п. существительных м. р. на *-ий*, ср. р. на *-ие* и дат.-предл. п. существительных ж. р. на *-ия* для основной массы слов, сделать исключение для односложных существительных; писать: *о пролетарии*, *о здании*, *в Англии*, но *о кие*, *о Бие*, *о Вие* (А. Б. Шапиро 1951; К. И. Былинский 1954).

□ **1а.** Предлагаемое правило вводит исключения среди исключений: правило о написании *и* после *и* само является отступлением от передачи основной массы падежных флексий существительных, предлагается же это правило-исключение применять непоследовательно.

■ **1б.** Однако в практике стихийно осуществлялась тенденция писать *о Кие*, *на Бие* и пр. Для других слов такие отступления не наблюдались.

■ **2а.** Некоторыми основаниями для того, чтобы сделать эти слова исключениями, служит то, что в многосложных словах *ий* и *ия* входят в аффикс, в односложных же словах *и* — часть корня.

□ **2б.** Но если правило носит чисто внешний, механический характер, т. е. ориентируется на букву, которая пишется перед окончанием, то имеет ли значение, относится ли эта буква к корню или к аффиксу?

■ **3.** Написание с *е* формы слова *кий* оправдывается тем, что это слово может иметь варианты падежных форм с ударением на флексии: *кия́*, *киём*, *о кие́*. «Ясно, что в предложном падеже при безударном окончании должна писаться, как и под ударением, буква *е*» (А. Б. Шапиро 1951). А написание *е* в слове *кий* может влиять и на написание других односложных слов.

■ **4.** Односложные слова с *и* в корне трудно противопоставить словам типа *чай*, *край*, *клей*. Отсюда и желание писать одинаково флексии в этих словах.

ФЛЕКСИИ ПРЕДЛОЖНОГО ПАДЕЖА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОКАНЧИВАЮЩИХСЯ НА *-ъе*

Историческая справка

Я. К. Грот считал, что существительные ср. р. типа *безлюдье*, *здоровье* с ударением на основе могут иметь два письменных варианта флексии предл. п. ед. ч. — с *и* и *ѣ*: *на безлюдьи* и *на безлюдьѣ*, *о здоровьи* и *о здоровьѣ*, *в счастьи*

и *в счастьѣ*. Он писал: «В этом случае оба окончания равно законны: *и* есть остаток полного окончания (*ии*) при сокращении *и* в ерь, а *ѣ* есть обыкновенная форма предл. п. имен ср. р. на *о* или *е*: мы говорим *о копьѣ*, *при ружьѣ*, *в платьѣ*, *о житьѣ-бытьѣ*, *в забытьѣ*, но говорим также *в забытьи*, *на новосельи*, *в именьи*» (1876).

Написания с *-ьи* поддерживались наличием у многих существительных ср. р. параллельных вариантов (не только письменных, но и произносительных) на *-ие* и *-ье*: *сомнение* и *сомненье* и т. п. Форма предл. п. от *сомнение* — *в сомнении*, поэтому казалось возможным писать *в сомненьи* (наряду с *в сомненьѣ*).

После отмены *ѣ* и, следовательно, с заменой *-ьѣ* на *-ье* эти варианты форм предл. п. совпали с письменной передачей им.-вин. п. (ср. *поехал в именье — жил в именье*). Поэтому у вариантов на *-ьи* появилось преимущество — только они орфографически отграничивали формы предл. п. от других форм: *поехал в именье*, *жил в именьи* (ср. в дореформенной орфографии и при другой флексии: *поехал в именье*, *жил в именьѣ*). С этим связано то, что варианты на *-ьи* стойко держались в практике, несмотря на нередкие протесты против их употребления. Долгое время наблюдался разнобой: одновременно употреблялись обе флексии: *-ье* и *-ьи*. В разных справочниках, выходивших в 20—30-е годы, предлагались разные написания. Отсутствие строгого правила не удовлетворяло пишущих: участники дискуссии 1954—1955 гг. писали о необходимости ликвидировать двойственность в передаче рассматриваемой флексии. В практике к этому времени распространилось написание с *-ье*; оно и было утверждено правилами 1956 г.

Предложения

I. Форму предложного падежа единственного числа существительных на *-ье* всегда передавать с *-ье*; писать: *в Поволжье*, *в ущелье*, *в ученье* (В. П. Шереметевский 1891; Дискуссия 1929°; Проект 1930; Дискуссия 1934°; Проекты свода 1936—1955; А. Б. Шапиро 1951; Дискуссия 1954; Свод 1956).

Примечание. Следует учесть, что В. П. Шереметевский имел в виду написание *-ьѣ* (т. е. он производил выбор между *-ьѣ* и *-ьи*: *в ущельѣ* — *в ущельи* и т. п.).

■ **1.** Вводится единое написание, устраняется разнобой.

■ **2.** Такое написание соответствует фонематическому и морфологическому принципам: по общему положению безударные окончания пишутся так, как соответствующие им ударные (*о башне* как *о стене*, *о земле*), а в словах этого типа, имеющих ударные окончания, предл. п. оканчивается на *-ьё*: *о копьё*, *на ружьё*, *о житьё-бытьё* (исключение составляет только слово *забытьё*, которое имеет два варианта формы: *в забытьи* и *в забытье*).

□ **За.** Введение единого написания *-ье* (т. е. полное устранение *-ьи*) лишает возможности отграничить на письме формы предл. п. от форм им.-вин. п., приводит к регулярному орфографическому неразличению этих форм, которое особенно нежелательно для конструкций с предлогами *в* и *на*: *находиться в ущелье* и *пойти в ущелье*, *отдыхать на взморье* и *поехать на взморье*, *жить в Закавказье* и *послать книгу в Закавказье*. «Язык стремится к различению форм *в ущельи* (где) и *в ущелье* (куда) и др. под. Мне ка-

жется, эту здоровую тенденцию не надо затирать и не увлекаться аналогией к *в ружье* (где) и *в ружьё* (куда), так как в этой последней категории различение в устном языке осуществляется полностью (*е*/*ё*). Поэтому: *в счастьи*/*в счастье* и даже *в платьи*/*в платье*» (Л. В. Щерба 1936°).

■ **3б.** Однако в этой паре совпадающих на письме флексий (*ущелье*—*об ущелье*) вторая передается в соответствии с ее фонемным составом; причина совпадения в том, что первая флексия (им.-вин. п.) в силу особенностей русского письма передается фонематически неточно: это флексия ‹о› (ср. *копьё*, *ружьё* и пр.), которая, как и всякое ‹о› после ‹j› и мягких согласных в безударном положении, может быть передана только буквой *е*, т. е. так же, как и фонема ‹э› в том же положении. Если бы в русском письме существовал способ разграничить ‹о› и ‹э› после мягких согласных и ‹j› в безударном положении, совпадения флексии им.-вин. и предл. п. существительных на *-ье* не было бы (например, если б употреблялось «безударное *ё*», писали бы: *ущельё — об ущелье*).

При сложившихся соотношениях написание предл. п. как *ьи* означает введение для данной формы фонематически неоправданного написания для отграничения ее от другой формы, т. е. это означает искусственное письменное разграничение двух флексий.

■ **3в.** Совпадения, аналогичные тому, которое наблюдается в случаях *ущелье — об ущелье*, имеют место и в других случаях. Во-первых, в силу того, что *ё* не употребляется последовательно, на письме как правило совпадают формы им.-вин. и предл. п. существительных на *-ье* с ударными флексиями: *ружье — о ружье*, *копье — о копье* и пр. Во-вторых, совпадают те же формы у существительных ср. р. с основами на мягкие согласные, шипящие и *ц*: *поле — о поле*, *прозвище — о прозвище*, *сердце — о сердце* и т. п. В первом случае есть способ избежать совпадения форм (писать последовательно *ё*: *копьё — о копье*), но никто не настаивает на его применении; во втором случае в практике не представлено написаний, которые обеспечивали бы разграничение рассматриваемых флексий, и никто не предлагает ввести с этой целью в предл. п. написание *-и*: *прозвище — о прозвищи* и пр.

Поэтому введение единого написания *-ье* в предл. п. означает только то, что формы существительных на *-ье* уравниваются с остальными формами предл. п. ср. р., в которых имеется совпадение форм двух падежей; ср. *иду в поле* (вин. п.); *был в поле* (предл. п.).

II. Форму предл. п. ед. ч. существительных, оканчивающихся на *ье-*, всегда передавать с *-ьи* (В. И. Даль 1863; Н. В. Успенский 1875; Л. Ф. Воеводский 1898; С. И. Абакумов 1928).

■ **1.** Окончание *-ьи* тоже вводит единство и устраняет разнобой.

□ **2.** Предлагаемое написание не соответствует фонематическому и морфологическому принципам, так как нарушается единообразие в написании окончаний ударяемых и безударных. «Правописание неударяемых окончаний существительных на *-ье* нет основания подчинять особому правилу по сравнению с аналогичными ударяемыми окончаниями: *плáтье*, *ущéлье*, *взмóрье* и т. п. имеют такие же окончания, как и *питьё*, *бельё*, *сырьё* и т. п., у которых в предл. п. пишется *е*. . .» (А. Б. Шапиро 1951).

■ **3а.** Оправдание написания *-ьи* видят в наличии *-ии* у форм предл. п. существительных, оканчивающихся на *-ие*: пишут *веселие — о веселии*; поэтому считают возможным писать и *о весельи*. «Это окончание, как менее отступающее от полного, первоначального, многим кажется даже правильнее и потому вообще предпочитается (например, пишут *о здоровьи*, *о самовластьи*, *на новосельи*, *на жалованьи*)» (Я. К. Грот 1873).

□ **3б.** Но противопоставление *-ье — -ии* входит в систему:

-ья		*-ия*	
-ье	*-ье*	*-ие*	*-ии*
-ей		*-ий*	

(*эскадрилья — к*, *об эскадрилье*, но *флотилия — к*, *о флотилии*; *ущелье — об ущелье*, но *здание — о здании*; *улей — в улье*, но *пролетарий — о пролетарии*). Написание *-ьи* как раз нарушает это соотношение.

■ **4а.** Написание *-ьи* позволяет отличить форму предл. п. от формы вин., что особенно важно в тех случаях, когда существительному предшествует предлог, употребляющийся как с тем, так и с другим падежом (*в*, *на*). Эта дифференцирующая роль составляет преимущество варианта *-ьи* (Л. В. Щерба 1942—1943).

□ **4б.** См. предложение I, п. 3б, 3в.

ФЛЕКСИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

ФЛЕКСИИ ИМЕНИТЕЛЬНОГО-ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МУЖСКОГО РОДА

Историческая справка

Современное разграничение письменных вариантов *-ый* (*-ий*) — *-ой* флексий им.-вин. п. м. р. прилагательных в зависимости от ударения (ударные флексии передаются как *-ой*, неударные — как *-ый* у прилагательных с основами на твердые согласные, имеющие мягкие пары, и как *-ий* у прилагательных с основами на мягкие согласные, шипящие и *к*, *г*, *х*) сложилось сравнительно недавно.

Сосуществование письменных вариантов *-ый*, *-ий* — *-ой* связано с наличием в русском письме элементов, идущих от церковнославянской тра-

диции, и написаний, отражающих звуковой состав исконно русских форм. В орфографической практике XVIII в. письменный вариант *-ой* еще не был прикреплен к формам с ударными флексиями. Известно, что М. В. Ломоносов писал формы им.-вин. п. м. р. прилагательных почти исключительно с *-ой*, *-ей*: *скверной*, *точной*, *сильной*, *сладкой*, *кроткой*, *прежней* и т. п. Решительно предпочитал формы на *-ой* Карамзин: *милой*, *любезной*, *которой*, *великой*, *всякой*. С другой стороны, писались с *-ый* формы, имеющие ударные флексии: *шестый*, *хромый*. Такова, например, орфография Академического словаря 1847 г.

Были попытки стилистической дифференциации письменных вариантов *-ый*, *-ий* и *-ой*, *-ей*. «Кажется, что в высоком слоге высокие особливо слова лучше кончить на *-ый*, или на *-ий*, оставив окончания *-ой* и *-ей* просторечию и низкому, каков комический, роду сочинения» (В. П. Светов 1773). Однако в практике это стилистическое разграничение не проводилось сколько-нибудь последовательно. «В тексте Словаря [Академии Российской] находим множество примеров употребления обоих возможных здесь окончаний, именно *-ый* после *г*, *к*, *х*, *-ій* и *-ой* как в безударном, так и в подударном положении, а также и соответствующих окончаний мягкого различия *-ій* и *-ей*. Распределение этих окончаний в тексте Словаря свидетельствует о том, что стилистическая теория, отражавшаяся еще в некоторых руководствах XIX в., будто *-ый* есть окончание, свойственное высокому слогу, а *-ей* — простому, очень плохо оправдывается фактическим языковым употреблением» (Г. О. Винокур 1947).

Постепенно написание *-ый* перестало применяться в тех случаях, когда оно шло вразрез с произношением («Нынче почти все пишут: *святой*, *хромой*, *второй*, *роковой*, *какой*, *сухой*, а не *святый*, *какий* и пр. . .» — Я. К. Грот 1873) и закрепилось за безударными флексиями. Еще до Грота правило о соотношении *-ый*, *-ий* — *-ой*, определяющее современные написания, было сформулировано у Н. И. Греча (1827) и Г. П. Павского (1841).

Предложения

I. Неударяемые флексии им.-вин. п. м. р. у прилагательных с основами на парно-твердые согласные и ⟨к⟩, ⟨г⟩, ⟨х⟩ передавать как *-ой*, а у прилагательных с основами на парно-мягкие согласные, шипящие и ⟨ц⟩ — как *-ей*; писать: *белой*, *доброй*, *легкой*, *строгой*, *тихой*, но *синей*, *ранней*, *прежней*, *рыжей*, *хорошей*, *горячей*, *тощей*, *кущей* и т. п. Передавать как *-ей* также часть основы притяжательных прилагательных с суффиксальным йотом и беглой гласной перед ним: *лисей*, *козей*, *орлей*, *рыбей*, *птичей*, *овечей* (В. Г. Белинский 1845; *Н. Н. Бахтин 1886*; К. Г. Житомирский 1894, 1915, 1918; Р. Ф. Брандт 1901; Ф. Е. Корш 1902; Проект Московского педагогического общества 1901, первоначальный вариант; Проект Казанского педагогического общества 1902; Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904; М. М. Великанов 1905; А. В. Миртов 1927; Дискуссия 1929; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров 1930; С. О. Карцевский 1937; Дискуссия 1962°, 1962*; Дискуссия 1964*).

Примечание. Предложение Н. Н. Бахтина только частично совпадает с рассматриваемым. Предлагавшаяся им реформа графики давала возможность передавать как *-ой* (у него *-oj*) безударные флексии им.-вин. п. м. р. также и после мягких и шипящих согласных: *синьoj*, *старшoj* и пр.

При этом Бахтин предлагал писать *лис$_{ь}$ej*, *трет$_{ь}$ej*, основываясь на морфологических различиях между формами типа *лисий* и типа *синий*.

■ **1.** Данным предложением устраняется правило, ставящее написание флексий им.-вин. п. м. р. в зависимость от места ударения. Написания, которые варьируются в зависимости от того, передают они ударную или безударную разновидность морфемы, вообще не характерны для русского письма в целом.

■ **2а.** Это предложение приводит написание рассматриваемых безударных флексий прилагательных в соответствие с традиционным (московским) литературным произношением: *бе*[лъй], *ти*[хъй], *стро*[гъй], *креп*[къй] (хотя в целом предложение не исходит из фонетического принципа, см. п. 3а).

□ **2б.** Но наряду с этим старым произношением существует более новое и уже широко распространившееся произношение *бе*[лый], *ти*[х'ьй], *стро*[г'ьй], *креп*[к'ьй], которому предлагаемые написания не соответствуют (это особенно очевидно для написаний прилагательных с основами на ‹к›, ‹г›, ‹х›).

■ **3а.** Предложение удовлетворяет фонематическому принципу: флексию в неударном положении предлагается передавать так же, как ударную. Написание *-ей* в прилагательных с основами на мягкие и шипящие согласные с неударными флексиями (*синей*, *горячей*, *свежей*) соответствует тому, как передается в русском письме фонема ‹о› в этом положении: исторически сложилось так, что в соответствие неударному ‹о› после мягких и шипящих согласных регулярно пишется буква *е*. Предлагаемые написания форм им.-вин. п. м. р. *синей*, *прежней*, *горячей* оказывается в таком же соотношении с *седой*, *доброй*, как уже существующие написания форм род.-дат.-твор. п. ж. р. (*синей кофты — доброй девочки* и т. п.); ср. также соотношения *чужой дом* и *свежей ветер*, аналогичные *чужой книги* и *свежей газеты*.

Примечание. В русском языке нет прилагательных с основами на мягкие согласные, имеющих ударные флексии. Поэтому нельзя найти ударную параллель для флексий форм типа *синий*, *прежний*. Д. Н. Ушаков, правда, считает, что она представлена в форме *сам-третей*: «В прилагательных м. р. в им. п. ед. ч. мы пишем *белый*, *синий*, между тем как в русском языке здесь окончания *-ой*, *-ей*, что видно под ударением: *злой*, *слепой*, *сам-третéй*» (1911). Однако в этой форме *-ей* — часть основы, а не флексия (*тре*‹т'эj› — *тре*‹т'j›*его* — с беглой гласной ‹э›). Но так как нет никаких оснований считать, что безударные флексии прилагательных с основами на мягкие согласные отличаются по фонемному составу от флексий, выступающих после твердых согласных, то можно исходить из того, что в форме *синей* представлена флексия ‹oj›, которую предлагается передавать как *-ей* на изложенных выше основаниях.

□ **3б.** Но признание того, что безударные флексии прилагательных им.-вин. п. м. р. по фонемному составу совпадают с ударными, основывается на произношении *бе*[лъй], *ти*[хъй], *стро*[гъй], *креп*[къй]. Если признать литературной нормой произношение

бе[лый], *ти*[х'ьй], *стро*[г'ьй], *креп*[к'ьй], нельзя не прийти к выводу, что фонемный состав безударной флексии не ‹oj›, а ‹ij›. (Различие в фонемном составе ударных и безударных флексий следует признать фактом, возможным в морфологической системе современного литературного языка; оно наблюдается, например, в системе глагольных флексий).

Если ударные и безударные флексии прилагательных им.-вин. п. м. р. не совпадают по фонемному составу, предлагаемое изменение не может быть мотивировано ссылкой на фонематический принцип правописания.

■ **4.** Можно считать предлагаемые написания особенно желательными как раз в связи с отмеченными изменениями в произношении (и тем самым в фонемном составе) рассматриваемых форм прилагательных. Эти написания могли бы способствовать сохранению и распространению традиционного произношения и «держащегося на нем» соответствия в фонемном составе ударных и безударных флексий. Новое произношение (типа *креп*[к'ьй]) возникло в значительной степени под влиянием написаний с *-ий*. Предлагаемые написания также не могли бы не повлиять на произношение. Поскольку они соответствуют старому произношению, они тем самым приостановили бы и «повернули вспять» процесс, происходящий в современном литературном языке (Р. И. Аванесов 1962°).

■ **5.** Предложение соответствует морфологическому принципу, так как для данной морфемы в основном устанавливается графически единообразная передача. (Отступления от единообразной передачи находят параллель в написаниях, уже представленных в русском письме; ср. *ручной*, *сильной* — *синей* и *стеной*, *раной* — *дыней*; *чужой* — *рыжей*, *большой* — *хорошей* и *свежо* — *пригоже*, *пушок*— *горошек* и т. п.).

■ **6.** Данное предложение выдвигалось обычно одновременно с предложением передавать во всех случаях одинаково (через *о*) первую гласную флексии род. п. м. и ср. р. (*-ого* или *-ово*, не *-аго*) и, следовательно, предполагало соответствие в передаче ударных и безударных вариантов флексий им.-вин. и род. п. м. р. (*седой* — *седого*, *белой* — *белого*, *синей* — *синего*).

□ **7а.** Предложение устраняет различие в написании безударных флексий им.-вин. п. м. р. и род.-дат.-твор. п. ж. р., что может привести к неясностям. «Профессор Л. М. Лопатин при обсуждении проекта в Педагогическом обществе указал целый ряд двусмысленностей, которые от этого произойдут. Напишем по новой орфографии выражение «полководец армии, знаменитой своими победами»,— и мы не будем знать, кто знаменит — полководец или армия» (А. С. Белкин 1902).

■ **7б.** На это возражение можно выдвинуть ряд контрвозражений. «П е р в о е, человек развитой всегда сумеет разобраться в написанном, что к чему и куда относится. Тут, между прочим, помогают сопутствующие или побочные обстоятельства, как то: тема сочинения и контекст речи, способствующий раздельности мысли. В т о р о е, само собой понятно, что пишущий нравственно обязан следить за содержанием своих мыслей; в его распоряжении выражать последние и главными и придаточными предложениями: *Полководец армии* N *знаменит своими победами — Полководец армии, которой знаменит. . . — Полководец армии, которая знаменита* и т. д. Т р е т ь е, подобные вышеприведенным фразы, нарочно придуманные, чтобы создать затруднение, большей частью отличаются деланностью, вычурностью. . . Ч е т в е р т о е, ведь и при старой системе правописания прилагательных можно изощриться в составлении затруднительных для уразумения одного определенного смысла искусственных фраз: *Сын этой матери, д о р о г о й для семьи, воспитан в строгих правилах.* Тут может последовать возражение, что если прежде, в рассматриваемом отношении, число недоуменных случаев могло быть, положим, α, то при осуществлении реформы их будет более: $\alpha+\beta+\gamma$. . . Но только что высказанными положениями для устранения могущих возникнуть в речи недоразумений предполагаемое возражение само собой теряет силу. В нашей печати классический склад русской речи (Пушкин, Тургенев и др.) постоянно нарушается, портится, наш синтаксис занимает страдальческое положение. Вот на что надо бы обратить внимание. При надлежащем знании синтаксиса всякие двусмысленности в понимании речи исчезнут» (М. М. Великанов 1905).

Можно сослаться также на то, что при передаче других падежных форм орфографическое различение омонимичных флексий не проводится в русском письме. «Есть у нас множество других случаев, где различные падежи выражаются сходными окончаниями, например в пяти склонениях имен существительных для 70 падежей (14×5) едва насчитывается 30 окончаний, но никому еще не приходило в мысль отличать в правописании сходные окончания различных падежей» (С. И. Барановский 1848).

□ **8а.** С реализацией данного предложения написания флексий как *-ой* перестали бы служить сигналом ударения (ср. принятые написания *подвижный* и *подвижной*).

■ **8б.** Но написания флексий косвенных падежей прилагательных почти никогда не служат сигналом места ударения (случаи типа *чужого — рыжего, чужому — рыжему* и т. п. редки). Предлагаемые написания только уравняли бы в этом отношении формы им.-вин. п. м. р. с основной массой падежных форм прилагательных.

■ **8в.** Поскольку системой русского правописания в целом обозначение места ударения не предусмотрено, можно вообще усомниться, относятся ли к достоинствам письма те отдельные случаи, когда в силу особенностей соотношения определенных орфограмм письменный облик слова содержит указание на место ударения. Скорее такие случайные указания можно считать недостатком: по отношению к закономерностям русского ударения совокупность таких написаний случайна, а для пишущих они создают определенные трудности, так как требуют развития навыков, которые в других случаях не находят применения.

□ **9.** Реализация данного предложения потребовала бы изменения большого числа частотных написаний. Это довольно значительная ломка традиций.

Iа. Неударяемые флексии им.-вин. п. м. р. прилагательных с основами на твердые согласные, в том числе на твердые шипящие (*ж*, *ш*) и *ц*, передавать как *-ой*, но для прилагательных с основами на мягкие согласные, в том числе на мягкие шипящие (*ч*, *щ*), сохранить написание *-ий*; писать: *доброй*, *сильной*, *сладкой*, *строгой*, *рыжой*, *мéньшой*, *божой*, *стáршой*, *княжой*, но *зимний*, *синий*, *лисий*, *ходячий*, *тощий*, *овечий* (Л. В. Щерба 1905).

■ **1а.** В основе предложения лежит чисто фонетическое противопоставление «среднеязычных» и «несреднеязычных» (т. е. мягких и твердых) согласных. Для прилагательных с основами на несреднеязычные согласные «всеми ясно чувствуемым (психически существующим) окончанием является *-ой*. Если бы какая-либо волшебная сила сделала все окончания имен прилагательных ударяемыми, то, конечно, мы все вместо *dobrъj* говорили бы *dobrój*, а не *dobrýj*. Но непонятными являются предложенные подкомиссией написания *зимней*, *синей*, *лисей* и т. д., так как никакого оправдания в фактах современного литературного наречия они не находят: ударяемого окончания *-éй* для им.-вин. п. ед. ч. м. р. имен прилагательных в нем вовсе не имеется, а неударяемое *е* в подобном положении по условиям фонетики в литературном наречии невозможно. . . Таким образом, предложенное подкомиссией окончание им.-вин. п. ед. ч. м. р. имен прилагательных с с р е д н е я з ы ч н о й основой *-ей* является чистейшим мифом. Таким окончанием следует считать, соответственно существующей орфографии, *-ий*, в фонетической транскрипции *-ьj*, где *ь* — неопределенный гласный среднеязычного уложения, близкий к *i*, которое и слышится при искусственном протяженном произношении: *s'ī-n'ījː*» (Л. В. Щерба 1905).

□ **1б.** Предложение Л. В. Щербы основано на его мнении, высказанном в 1905 г., что подлинную ценность в орфографии представляют фонетические написания. Но предлагаемые им орфограммы не последовательно фонетичны.

□ **2.** Предлагается значительная ломка принятых написаний.

ФЛЕКСИИ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МУЖСКОГО И СРЕДНЕГО РОДА

Историческая справка

Передача флексии род. п. м. и ср. р. прилагательных как *-аго*, *-яго* (*святаго*, *худаго*, *прямаго*, *живаго*, *добраго*, *синяго*, *прежняго* и т. п.), идущая от церковнославянской традиции в русском письме, прочно утвердилась в орфографической практике XVIII—XIX вв. Написания с *-ово* (*великово*, *доброво*), отражавшие звуковой состав флексий русских форм, «со времени Ломоносова стали считаться позволительными только в просторечии. . .» (Я. К. Грот 1876).

Написания с *-аго* в ударных флексиях, противоречащие произношению первого гласного (*слепаго*, *живаго*), оказались гораздо устойчивее написаний с *-ый* ударных флексий им.-вин. п. м. р. (*слепый*, *живый*). Я. К. Грот справедливо связывает это с тем, что в *-аго* наличествует и другое расхождение с произношением (общее для написаний ударных и неударных флексий): «Здесь и согласная, и ударяемая гласная пишутся не те, что слышатся, и мы видим в этом случае самую решительную победу этимологического письма над фонетическим» (1876).

В практике отдельных изданий середины XIX в. встречались написания с *-ого* типа *крутого*, *земного*, *пустого* (А. А. Хованский 1860), но преобладающей и в 70—80-е годы оставалась передача ударных флексий как *-аго*. Я. К. Грот в период создания трудов по орфографии имел дело примерно со следующим соотношением в написании флексий им.-вин. и род. п. м. р.:

слепой — слепаго и (реже) *слепого*	*— слепому*
белый — белаго	*— белому*
синий — синяго	*— синему*

Но на флексии большинства местоимений двоякая передача не распространялась. «Начертание *ого* имеет еще независимое от ударения применение в род. п. ед. ч. местоимений *тот*, *этот*, *сам* и числительного имени *один* (*того*, *этого*, *самого*, *одного*)» (Я. К. Грот 1876).

Орфографисты XIX в. спорили больше всего о том, как передавать первую гласную рассматриваемой флексии. Особенно оживленными сделались эти споры, когда орфографическую практику стало определять правило Я. К. Грота (*слепой — слепого* и *добрый — добраго*). Многие одновременно затрагивали вопрос о передаче согласной флексии (естественно, предложение писать *в* обычно не сочеталось с предложением передавать первую гласную флексии как *а*). Спор о передаче первой гласной флексии прекращен с выходом декретов 1917 и 1918 гг. Вопрос о передаче согласной не снят и до сих пор.

Ниже рассмотрены основные предложения о передаче первой гласной флексии, выдвигавшиеся в XIX—начале XX в. Анализ вариантов предложения о замене написаний с *г* написаниями с *в*, выдвигавшегося еще в XIX в. и актуального по сей день, проводится главным образом с позиций нашего времени (т. е. рассматривается, собственно, с чем связана для современного письма замена написания *-ого* написанием *-ово*).

Предложения

I. Флексии род. п. м. и ср. р. прилагательных в положении под ударением передавать как *-ого*, сохранив для неударяемых флексий написания *-аго*; *-яго*; писать: *слепого*, *хромого*, *худого*, *живого*, но *добраго*, *синяго* (*Г. П. Павский 1841*; Комиссия 1862; Я. К. Грот 1873).

□ **1а.** Предлагаемое правило ставит написание данной флексии в зависимость от места ударения в форме прилагательного; такие написания не характерны для русского письма в целом.

■ **1б.** Однако написание флексий род. п. приводится в соответствие с уже утвердившейся в практике двоякой передачей (в зависимости от места ударения) флексии им.-вин. п. м. р.: *худой*, но *добрый — худого*, но *добраго*. «Если, смотря по ударению, допускаем различное правописание в им. п., то для последовательности должны допускать такое же различие и в род.» (Я. К. Грот 1876).

□ **1в.** Но флексии других падежных форм прилагательных передаются одинаково (независимо от ударения): *худое — доброе*, *худому — доброму*, *о худом — о добром* и т. п.

■ **2а.** В передаче первой гласной флексии устраняется расхождение между написанием и произношением в тех случаях, когда эта гласная выступает под ударением. Сохранение старого написания в неударном положении не идет вразрез с произношением.

□ **2б.** Но с предлагаемым изменением не согласуется сохранение в написании этимологического *г*, которому в произношении соответствует [в]. Это «полусближение с произношением не имеет никакого смысла» (В. Я. Стоюнин 1862). Получается, что письменный облик флексии в целом не соответствует ни произношению, ни этимологии (М. Ф. Петропавловский 1888; П. А. Адамов 1892).

■ **3а.** С позиции фонематического принципа оправдывается передача первой гласной флексии в ударном положении как *о*.

□ **3б.** Но не оправдывается ее передача как *а* в неударном положении. Разумеется, расходится с этим принципом и передача ‹в› как *г*.

□ **4.** Данное предложение, не обеспечивающее графического единообразия в передаче морфемы, противоречит морфологическому принципу. «Допущение правописания *-ого* для окончаний под ударением с точки зрения «грамматического сигнала» . . . является излишним; в качестве такого сигнала для формы род. п. ед. ч. самым удобным было бы, конечно, единое окончание, безразлично какое, вместо трех: *-аго*, *-ого*, *-яго*» (Д. Н. Ушаков 1911).

□ **5а.** Данное правило приводит к двоякому написанию форм род. п. прилагательных, имеющих двоякое ударение: *мирнаго — мирного* при *мирный — мирной* и т. п. (И. А. Адамов 1892).

■ **5б.** Но это означает всего лишь распространение на формы род. п. того положения, которое уже сложилось для форм им. п. Считается даже, что сигнализация в отдельных написаниях места ударения в словах должна быть отнесена к достоинствам письма (что, впрочем, сомнительно; см. подробнее в разделе о флексиях им.-вин. п. м. р.).

■ **6.** Правило при его введении предполагало сравнительно небольшие изменения — только в написании ударных флексий (а большинство прилагательных имеет безударные флексии). К тому же предлагалось изменить написания, в которых не было единства (под ударением писалось и *-аго*, и *-ого*) и не затрагивались те, где отсутствовали колебания. «Притом прилагательные, не имеющие ударения на окончании, всеми пишутся в род. п. однообразно, следовательно, об них нечего и говорить: твердо установившегося правописания, если оно не противно законам языка, изменять не следует» (Я. К. Грот 1876).

II. Флексии род. п. м. и ср. р. прилагательных независимо от места ударения передавать как *-аго* (*-яго*); писать: *слепаго*, *хромаго*, *худаго*, *живаго* и *добраго*, *синяго* (П. М. Перевлесский 1842; В. Я. Стоюнин 1862; В. И. Новаковский 1874; М. А. Колосов 1879; А. И. Смирнов 1885; М. Е. Дописцев 1886; А. В. Годнев 1907; Н. Ф. Чуриловский 1912).

Примечание. Один из авторов предлагает распространить написание *-аго* и на формы местоимений: «Для однообразия лучше было бы и самые местоимения писать: *таго*, *каго*, *какаго*» (В. И. Новаковский 1874).

■ **1.** Данное правило, узаконивающее единое написание флексий род. п. ед. ч. м. и ср. р., с точки зрения легкости усвоения имеет преимущества перед предыдущим. «Если мы пишем в род. п. повсюду *-ого* или повсюду *-аго*, то вследствие того, что повсюду одинаковые значения связываются с одинаковым начертанием, мы совершенно забываем (без наводящих условий), что в звуковом отношении существует двоякое произношение этой морфологической части слов. Поэтому одно *-аго*, без сомнения, целесообразнее, чем введенное недавно дифференцированное двоякое написание» (А. И. Томсон 1903).

□ **2.** Написания ударных флексий находятся в резком противоречии с произношением первого гласного. Написание согласного противоречит произношению во всех случаях.

□ **3.** Ни о каком соответствии фонематическому принципу при таких написаниях не может быть и речи.

■ **4.** Это предложение соответствует морфологическому принципу постольку, поскольку оно обеспечивает одинаковую передачу ударных и безударных флексий. (При этом соотношение *-аго — -яго* представляет собой обычное для русского письма отступление от этого принципа, объясняемое особенностями русской графики).

■ **5.** Предложение соответствует традиционно-этимологическому принципу. Передача первой гласной флексии оказывается при этом в полном соответствии с передачей согласной.

■ **6.** Предложение опиралось на преобладавшие в то время написания, не требуя почти никаких изменений (лишь устранения разнобоя типа *худаго — худого*).

III. Флексии род. п. м. и ср. р. прилагательных с основами на парно-твердые согласные и ‹к›, ‹г›, ‹х› независимо от места ударения передавать как *-ого*; неударяемые флексии прилагательных с основами на парно-мягкие согласные, шипящие, ‹ц› и ‹j› передавать как *-его*; писать: *живого*, *глухого*, *доброго*, *белого*, *тихого* и *синего*, *прежнего*, *горючего*, *рыжего*, *тощего*, *куцего*, *лисьего* и т. п. (С. И. Барановский 1848; А. Степович 1883; *Я. К. Грот 1887*; К. Г. Житомирский 1894, 1915; Е. Ф. Будде 1901; Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904; Постановления Орфографической подкомиссии 1912; В. И. Попов 1916; Декреты 1917 и 1918).

■ **1.** Предлагается правило столь же единое, как и предыдущее.

■ **2а.** Передача первой гласной флексии обеспечивает правильное произношение.

□ **2б.** Но передача согласного [в] буквой *г* резко противоречит литературному произношению.

■ **3а.** Первая гласная флексии передается в соответствии с фонематическим принципом — с тем его нарушением, которое регулярно проводится в русском письме: в силу причин исторического порядка неударное ‹о› после мягких и шипящих согласных может быть передано только как *е* (ср. в разделе о флексиях им.-вин. п. предложение I, п. 3а).

□ **3б.** Но передача согласной ‹в› как *г* резко противоречит фонематическому принципу.

■ **4.** Предложение в той же мере соответствует морфологическому принципу, что и предыдущее. (Различная передача ударных и безударных флексий после шипящих: *чужого — рыжего*, а также различие в буквенной передаче флексий прилагательных с основами на твердые и мягкие согласные: *белого — синего* находят параллель в написании других аффиксов: *крючок — кусочек*, *свежо — пригоже* и *сливой — дыней*, *домом — камнем* и т. п.).

□ **5.** Реализация предложения означала изменение большого числа прочно установившихся частотных написаний (всех безударных флексий прилагательных, а также причастий). Я. К. Грот думал, что такая значительная ломка традиций неосуществима. «. . .Это слишком резко противоречило бы укоренившемуся обычаю и было бы одним из тех крутых изменений в правописании, которые к нему не прививаются, несмотря на теоретическую правильность» (1887).

IIIа. Флексии род. п. м. и ср. р. прилагательных с основами на твердые согласные, в том числе на твердые шипящие (*ш*, *ж*) и *ц*, независимо от места ударения передавать как *-ого*; неударяемые флексии прилагательных с основами на мягкие согласные, в том числе на мягкие шипящие (*ч*, *щ*), передавать как *-иго*; писать: *доброго*, *рыжого*, *лучшого*, *куцого*, но *синиго*, *зимниго*, *прочиго*, *тощиго*, *божьиго*, *овечьиго* (Л. В. Щерба 1905).

■ **1а.** В основе предлагаемой передачи первой гласной флексии лежит то же противопоставление «среднеязычных» и «несреднеязычных» основ, которым продиктованы написания *-ой* — *-ий* в им.-вин. п. м. р. (см. предложение Iа предыдущего раздела).

□ **1б.** Эти орфограммы не являются последовательно фонетическими.

□ **2.** Последовательность требует передавать так же и первую гласную флексии других падежей после основ на среднеязычные. «Мне можно, конечно, возразить, что раз допустить написание *синиго*, а не *синего*, то ради симметрии придется провести это и в остальных падежах, т. е. *синиму* вместо *синему*, *о синим* вместо *о синем* и т. д. Но отчего бы и не так? Это было бы вполне согласно с истиной. Но если бы даже подобная ломка и была признана по практическим соображениям неудобной, то, раз старое написание *синяго* отвергнуто, почему бы не заменить его правильным *синиго*, которое нашло бы себе поддержку в написании твор. п. *синим*, так что мы бы имели три падежа с основою *сини-*, а два — с основою *сине-*. В сущности, конечно, факты произносимого языка не дают нам права различать эти основы: основа одна для всего склонения и оканчивается на *и-*» (Л. В. Щерба 1905). Очевидно, Л. В. Щерба предполагал и написания *синия*, *синий*, *синию* (для ж. р.), *синие* (им.-вин. ср. р.; для им.-вин. мн. ч. он предлагает *-ии*). Только в этом случае после среднеязычных была бы во всей парадигме прилагательного представлена на письме основа на *и* (но после несреднеязычных согласных не было бы такого единообразия: *белой*, *белого*, *белому*, *белым*, *белая*, *белые*).

IV. Флексии род. п. м. и ср. р. прилагательных и местоимений передавать как *-ово*, *-ево*; писать: *живово*, *глухово*, *доброво*, *синево*, *рыжево*, *тощево*, *лисьево*, *ково*, *чево*, *всево*, *ево*, *моево* и т. п.

(*Г. П. Павский 1841*; *В. Г. Белинский 1845*; Н. Н. Бахтин 1886; Р. Ф. Брандт 1901, 1908; 1917; Проект Московского педагогического общества 1901; Ф. Е. Корш 1902; Проект Казанского педагогического общества 1902; Предложения Педагогического отделения русского литературного кружка в Риге 1902; Проект Одесского педагогического общества 1903; Р. Теверовская 1926; Проект 1930; Л. В. Щерба 1931; Дискуссия 1954, 1954*; Дискуссия 1962, 1962*; Н. А. Янко-Триницкая 1962°; Дискуссия 1964*).

Примечание. В. Г. Белинский предлагал писать: *большово*, *славново*, но *нижнева*, *третьева*.

■ **1а.** При написании *г* во флексиях род. п. м. и ср. р. прилагательных приходится заучивать особое правило написания этих флексий. Данное предложение его ликвидирует.

□ **1б.** Но это правило усваивается без труда. Надо ли стремиться к его ликвидации?

■ **1в.** «Написание может быть и весьма мало затруднительным, почти не давать повода к ошибкам, и все же может быть целесообразным устранение этого написания, если имеются основания ожидать, что вводимое взамен него новое написание будет еще менее затруднительным. . . Здесь . . . может помочь сопоставление затруднительности рассматриваемого написания с затруднительностью другого, реально существующего в системе правописания, написания, наиболее близкого по своим признакам тому написанию, которое мы стараемся ввести путем реформы. Так, например, сравнивая затруднительность написания *г* во флексии прилагательного (*красного*) с затруднительностью написания *м* в *красному* и устанавливая гораздо меньшую затруднительность именно последнего написания, мы имеем много оснований предполагать, что и написание *в* в *красново* (так же как и *м* в *красному*, обозначающее согласный перед гласным) даст несомненное снижение ошибочности, и можем отсюда заключить о целесообразности замены *г* через *в*, несмотря на то, что написание *г* отличается весьма малой затруднительностью» (М. В. Ушаков 1930). «Правило насчет написания *-го* вместо *-во*, правда, не особенно трудно; но все же это лишнее правило, тогда как при *в* никакого правила не потребуется. . . Притом теперешнее правило не так и просто. . . Можно забыть, что правило касается лишь одного падежа, и написать *г* в других, например *какогб*!» *положение было такогб*, *это не нбго*, *его покарали сурого* (Р. Ф. Брандт 1908). Ложная аналогия может привести к написаниям с *г* слов *логово*, *зарево* (А. М. Пешковский 1924), *снова*, *из Ростова* (Е. С. Истрина 1928).

■ **1г.** Отменяемые данным предложением написания с *г* в редких случаях могут представлять затруднение и для читающего. Это касается производных от форм род. п. местоимений. Если написа-

ния *сегодня*, *сегодняшний* не затрудняют в силу своей привычности, то окказиональные образования могут быть трудными для прочтения. См., например: «Отсебятина! — говорили редакторы в таких случаях. Как будто лучше была бы „*отъеготина*“» («Литературная газета», 1962). Читающий не сразу понимает, что надо прочесть: *отъе*[во]*тина*. Интересно в этой связи «узаконенное ‹г› в слове *итог* (из *и того*). И новое слово *сеголетка* (малек «сего лета») «не произносится *се*[в]*олетка*» (В. Ф. Иванова 1964).

■ **2а.** Написания соответствуют литературному произношению.

□ **2б.** Однако произношение с [в] свойственно не всем русским диалектам (А. И. Томсон 1903). «Имеем ли мы право сложить с себя тяжесть исторической орфографии и постановить писать форму род. п. *доброво*, *моево*, возложив на других, сохраняющих древнее окончание, необходимость мучиться с результатом нашего постановления?» (А. И. Соболевский 1904). «Узаконение этого предложения было бы жертвой московскому наречию в ущерб многим другим говорам великорусского языка» (А. М. Топоров 1929).

■ **2в.** Это можно рассматривать как лишний довод в пользу *-ово*: введение этого написания способствовало бы повсеместному распространению и утверждению литературного произношения (Дискуссия 1962).

■ **3.** Предлагаемая передача флексии род. п. м. и ср. р. прилагательных является последовательно фонематической — с поправкой на написание *е* на месте ‹о› (см. предложение III, п. 3а).

■ **4а.** Она не противоречит и морфологическому принципу,

□ **4б.** но не диктуется им: единое *-ого* столь же «морфологично», как и единое *-ово*. «А для усвоения безразлично, пишется ли здесь *г* или *в*, так как это окончание усваивается, как морфологическая часть, целиком. . .» (А. И. Томсон 1903).

□ **5.** Для реализации данного предложения надо изменить большое количество частотных написаний.

IVа. Флексии род. п. м. и ср. р. прилагательных и местоимений передавать как *-ова*, *-ева*, кроме случаев, когда последняя гласная флексии находится под ударением; писать: *большова*, *злова*, *второва*, *старова*, *вашева*, *дальнева*, *третьева*, но: *тово*, *моево*, *всево*, *одново* и т. п. (*В. Г. Белинский 1845*; И. И. Лажечников 1837, 1838; Ф. Наливкин 1849; *Н. М. Тимаев 1856*, *1860*; А. Г. Герасимов 1901; 1903; Предложения Педагогического отделения русского литературного кружка в Риге 1902; Г. С. Михайлов-Мучкин 1905; А. В. Миртов 1927; С. О. Карцевский 1937; Дискуссия 1954; Дискуссия 1962, 1962*; Дискуссия 1964*).

Примечание. Относительно предложения В. Г. Белинского см. примечание к предыдущему предложению. Н. М. Тимаев писал после

мягких и шипящих согласных *-аво*, *-яво*: *ближняво*, *величайшаво*, *третьяво* и т. п.

□ 1. Предлагаемая передача последней гласной флексии не может быть оправдана с позиций фонематического принципа.

□ 2. Но эти написания не являются и последовательно фонетическими (ср. предлагавшиеся иногда *краснава*, *синива* и т. п.).

ФЛЕКСИИ ИМЕНИТЕЛЬНОГО-ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

Историческая справка

Проводившееся дореволюционной орфографией разграничение флексий им.-вин. п. мн. ч. — *-ые*, *-ие* для м. р. (*новые дома*, *синие костюмы*), *-ыя*, *-ия* для ж. и ср. р. (*новыя улицы*, *здания*; *синия кофты*, *платья*) — не имело никакой опоры в языке. Оно не основывалось и на этимологии [1]. Это искусственное правило, введенное в практику академической типографии с 1733 г., сменило существовавший до этого разнобой: прилагательные «писались в этой форме как попало, то с *е*, то с *я* во всех родах» (Я. К. Грот 1873). Правило вызвало резкий протест Тредиаковского (1746), настаивавшего на еще более сложном разграничении: *-ыи* (*-ии*) для м. р., *-ые* (*-ие*) для ж. р., *-ыя*, *-ия* для ср. р., которое также не соответствовало этимологии. Несмотря на последовавшие тогда же возражения Ломоносова, Тредиаковский в своем «Разговоре» (1748) продолжал настаивать на предложенном им разграничении. Спор продолжался и после выхода грамматики Ломоносова (1755), причем не только в прозе, но и в стихах: на стихотворение Ломоносова «Искусные певцы всегда в напевах тщатся» Тредиаковский ответил стихотворным посланием и новым пространным прозаическим рассуждением.

Ломоносов поддерживал академическое правило 1733 г. не очень решительно: «*Е* и *я* нередко заедино употребляются, особливо во множественном числе прилагательных пишут: *святые* и *святыя*. Сие различие букв *е* и *я* в родах имен прилагательных никакого разделения чувствительно не производит, следовательно, обеих букв *е* и *я* во всех родах употребление позволяется, хотя мне и кажется, что *е* приличнее в мужеских, а *я* в женских и средних» (1755). Впрочем, он не отступал от этого правила в собственной практике. Известно, что это правило не поддерживал Сумароков, «который во всех трех родах постоянно писал *я*» (Я. К. Грот 1873).

Правило о разграничении *-ые*, *-ие* — *-ыя*, *-ия* давалось во всех грамматиках XIX в. и держалось в практике до декретов 1917 и 1918 гг. Трудности, связанные с его применением, остроумно описаны К. Г. Житомирским: «Если бы еще существительное неизменно стояло возле прилагательного и если бы его род легко было определить одним взглядом на слово, то с «правилом» можно было бы еще мириться. Но ведь этого часто не бывает. Вы где-то написали *пути*, а через несколько строк надо написать, положим, *исправные*, когда вы уже успели забыть, что было написано: *пути* или *дороги*. Мало того, иногда вы разыскиваете глазами существительное, с которым надо согласовать, долго не находите — оно, положим, оказывается на отложенном уже листке, — наконец, находите, и оказывается, что это какое-нибудь *нападки*, род которого приходится еще определить по его родительному падежу. А так как хорошенько не установлено, будет ли родительный падеж *нападок* или *нападков*, то у вас есть как раз достаточно

[1] До того, как были утрачены родовые различия в им.-вин. п. мн. ч. прилагательных (XIII—XIV вв.), существовали формы *добрии*, *синии* (м. р.), *добрыѣ*, *синѣѣ* (ж. р.), *добрая*, *синяя* (ср. р.).

времени, чтобы забыть и не быть в состоянии вспомнить мысль, удачно блеснувшую в вашем мозгу за несколько минут до возникновения орфографических мытарств» (1915).

Некоторые из сторонников введения единого написания флексии им.-вин. п. м. р. прилагательных не уточняют, какой именно письменный облик она должна иметь (К. С. Аксаков 1846; А. И. Смирнов 1885), но в большинстве предложений такое уточнение сделано.

При разборе предложений рассматриваются только доводы за и против каждого написания, так как введение одного общего написания вместо двух не нуждается в обосновании.

Предложения

I. Для флексий им.-вин. п. мн. ч. прилагательных ввести единые написания *-ыя*, *-ия*: *добрыя друзья*, *интересныя книги*, *синия платья* (А. П. Сумароков 1759; В. Я. Стоюнин 1862; Комиссия 1862; В. П. Шереметевский 1891; В. Куницкий 1901; Ф. Е. Корш 1902).

■ **1а.** Предлагаемые написания соответствуют одному из возможных типов произношения данных форм: *ста*[рыjа], *си*[н'иjа] и т. п.[1]

□ **1б.** Но они идут вразрез с другим типом произношения: *ста*[рыи], *си*[н'ии] [2].

□ **2а.** С точки зрения фонематического принципа данное написание не может быть мотивировано: доказать, что последняя фонема флексии — ‹а›, невозможно.

■ **2б.** Но и установить для этого случая фонематически бесспорное написание не представляется возможным.

□ **3.** С этимологической точки зрения это написание менее законно, чем *-ые*, *-ие* (см. предложение II, п. 3).

■ **4.** Данное предложение было связано с меньшими изменениями, чем любое другое возможное, поскольку на все случаи нужно было распространить одно из существующих написаний и, видимо, более часто встречающееся (применяющееся для передачи форм прилагательных, употребляемых при существительных двух родов — женского и среднего).

II. Для флексий им.-вин. п. мн. ч. прилагательных ввести единые написания *-ые*, *ие*: *добрые люди*, *тесные улицы*, *доблестные войска*, *глубокие моря* (*А. Степович 1883*; Проект Московского педагогического общества 1901, первоначальный вариант; Пред-

[1] Сейчас такое произношение признается устаревшим (см.: Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, изд. 2-е. М., 1954, стр. 116).

[2] Сейчас это произношение господствует.

ложения Педагогического отделения русского литературного кружка в Риге 1902; П. Г. Сорочинский 1903; Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904; Е. Ф. Карский 1904; А. И. Соболевский 1904; Г. С. Михайлов-Мучкин 1905; К. А. Сорокин 1907; Постановления Орфографической подкомиссии 1912; В. И. Попов 1916; Декреты 1917 и 1918).

■ **1.** Предлагаемые написания не противоречат наиболее распространенному типу произношения — *доб*[рыи], *си*[н'ии]; они, очевидно, не исключают и произношения *доб*[рыja], *си*[н'ija] (Е. Ф. Карский 1904).

□ **2а.** С позиций фонематического принципа эти написания также нельзя мотивировать.

■ **2б.** См. предложение I, п. 2б.

■ **3.** Этимологически эти написания более законны, чем *-ыя*, *-ия*, хотя и не соответствуют в точности ни одному из реально существовавших родовых окончаний (см. историческую справку). «Окончания *-ыя*, *-ия* никогда не были свойственны живой русской речи и явились под влиянием отчасти церковнославянских окончаний -ыѧ, -іѧ для им.-вин. п. мн. ч. ж. р., отчасти же окончаний -аѧ, -яѧ для им.-вин. п. мн. ч. ср. р. ... Подкомиссия, имея в виду существующие в современном правописании окончания *-ые*, *-ие* (восходящие к древнерусским окончаниям им.-вин. п. мн. ч. ж. р. и вин. п. мн. ч. м. р. *-ыѣ*, *-ѣ*, вытеснившим старые окончания им. п. мн. ч. м. р. и им.-вин. п. мн. ч. ср. р.), предположила сохранить их для м. р. и распространить. . . и на остальные роды. . .» (Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904).

■ **4.** Поскольку сохраняется одно из существующих написаний, ломка традиций не так уж велика. Как известно, данное предложение было успешно претворено в жизнь.

III. Для флексий им.-вин. п. мн. ч. прилагательных ввести единые написания *-ыи*, *-ии*: *добрыи люди*, *добрыи женщины*, *добрыи дела* (*В. Г. Белинский 1845*; *А. Степович 1883*; Н. Н. Бахтин 1886; К. Г. Житомирский 1894, 1915, 1918; Проект Московского педагогического общества 1901; Р. Ф. Брандт 1901; А. Г. Герасимов 1901, 1903; Проект Казанского педагогического общества 1902; Проект Одесского педагогического общества 1903; Л. В. Щерба 1905; Проект 1930; С. О. Карцевский 1937).

Примечание. В. Г. Белинский предлагал писать: *всякии*, но *синеи*.

■ **1а.** Предлагаемые написания близко передают наиболее распространенное произношение *доб*[рыи], *си*[н'ии] (Проект Московского педагогического общества 1901; Р. Ф. Брандт 1901; Л. В. Щерба 1905; К. Г. Житомирский 1915; Проект 1930).

□ **1б.** Они исключают произношение типа *доб*[рыja], *си*[нияа].

□ **2а.** Фонематически данные написания также спорны. Параллель между *добрыи*, *синии* и *волчьи* (Проект Московского педагогического общества 1901), *лисьи*, *вражьи* (А. Г. Герасимов 1901), *волчьи*, *наши*, *свои* (Проект 1930) недоказательна, так как в притяжательных прилагательных с суффиксом *-j-* и местоимениях другая флексия (*-и*).

■ **2б.** См. предложение I, п. 2б.

□ **3.** Этимологически данные написания не могут быть возведены ни к одному из действительно существовавших окончаний.

□ **4.** Предложение не опирается на существующие написания. Его реализация потребовала бы большой ломки. (На этом основании оно было отвергнуто, в частности, подкомиссией 1904 г.)

IV. Для флексий им.-вин. п. мн. ч. прилагательных допустить свободное сосуществование написаний *-ие*, *-ия* и *-ии*: *добрые*, *добрыя*, *добрыи друзья*; *добрые*, *добрыя*, *добрыи женщины*; *добрые*, *добрыя*, *добрыи чада*; *синие*, *синия*, *синии кафтаны* и т. п. (Р. Ф. Брандт 1917).

■ **1.** «Троякостью дорожу между прочим из-за стихов, для рифмы, желая бы выговорить стихотворцам право рифмовать, например: *гордая выя — злыя*, *на гордой вые — злые*, *с гордой выи — злыи*» (Р. Ф. Брандт 1917).

□ **2.** Но ради свободы рифмовки вряд ли могут быть допущены в таких широких размерах вариативные написания.

ФЛЕКСИИ ГЛАГОЛОВ

Историческая справка

В первой половине XIX в. безударные личные окончания глаголов I и II спряжений в формах 1-го и 2-го л. различались в произношении (по крайней мере в строгом стиле речи), например: *колеб*[л'э"]*шь*, но *лю*[б'и]*шь*. Поэтому правописание безударных личных окончаний глагола не представляло особых трудностей, кроме правописания форм 3-го л. мн. ч. глаголов I и II спряжений, где писали *-ут* (*-ют*) и *-ат* (*-ят*), произносили же (при безударности окончания) только [ут]. По правилам Я. К. Грота эти формы с «неясным произношением» следовало проверять или неопределенной формой глагола, или глагольными формами в ед. ч.

В конце XIX—начале XX в. безударные личные окончания глаголов из-за усиления редукции перестали различаться, и по слуху нельзя было установить, какую гласную следует писать в глаголах, например *колеблешь*, *колеблет* и *любишь*, *любит* и т. д. Чтобы избежать разнобоя при письме, были приняты правила определения глаголов I и II спряжений по неопределенной форме. При этом возникла необходимость запоминать, какие именно инфинитивы относятся к I и какие ко II спряжению. Правописание форм

3-го л. мн. ч. у глаголов II спряжения в XIX—начале XX в. не соответствовало их произношению и фонемному составу: писали *ходят*, *любят*, *видят*, *зависят*, *держат*, а произносили *хо*[д'ут], *лю*[б'ут], *ви*[д'ут], *зави*[с'ут], *дер*[жут].

В наше время распространилось произношение этих форм, соответствующее орфографии, однако запоминание глаголов (в форме инфинитива), относящихся к каждому спряжению, носит по-прежнему механический характер.

Предложения по правописанию безударных личных окончаний глаголов можно разделить на три группы:

А. Предложения об отмене традиционного деления глаголов с безударными личными окончаниями на I и II спряжения.

Б. Предложения, касающиеся глаголов-исключений (*гнать*, *держать*, *дышать*, *слышать*, *вертеть*, *видеть*, *зависеть*, *ненавидеть*, *обидеть*, *смотреть*, *терпеть*).

В. Предложение изменить формулировку существующего правила об отнесении глаголов к I и II спряжениям.

Предложения

А. Предложения об отмене традиционного деления глаголов с безударными личными окончаниями на I и II спряжения

I. Безударные личные окончания глаголов передавать единообразно: *-ишь*, *-ит*, *-им*, *-ите*, *-ут* (*-ют*); писать: *делаишь*, *делаит*, *делаим*, *делают*, *дышишь*, *дышит*, *дышим*, *дышут*, *боришься — борются*, *строишь — строют*, *роишь — роют*, *любишь — любют*; соответственно писать и причастия: *делающий*, *строющий*, *любющий*, *делаимый* и т. п. (Ф. Е. Корш 1902; Дискуссия 1929°; Проект 1930).

■ **1.** «С принятием этого предложения совершенно отпадает надобность заучивать приметы, по которым следует относить глаголы к I или II спряжению» (Проект 1930).

■ **2а.** Если ввести предлагаемые написания, то они не будут противоречить литературному произношению: неударяемое ⟨э⟩ в литературном произношении звучит ближе к [и], чем к [э].

Написание *-ут* в 3-м л. мн. ч. отвечает одной из норм литературного произношения. Эта норма, по подсчетам С. М. Кузьминой (1964), является достаточно устойчивой.

□ **2б.** Однако в настоящее время по более распространенной норме литературного произношения в 3-м л. мн. ч. различаются безударные окончания I и II спряжений: произносят *пи*[шут], но *лю*[б'ът]. Написание *-ут* вместо *-ат* будет противоречить этой произносительной норме.

Что касается форм 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го и 2-го л. мн. ч., то их написание с *и* противоречит произношению носителей тех говоров, где различаются безударные ⟨э⟩—⟨и⟩. Л. В. Щерба считал, что «при узаконении написаний *-ишь*, *-ит* в глаголах

I спряжения безграмотной станет целая половина Союза, которая произносит *знаешь*, *хочешь*, а не *знаишь*, *хочишь*, — это переворот в языке. . . Чтобы читатель мог оценить чреватость этого на первый взгляд невинного правила, я напомню из тургеневских «Певцов» фразу, которую Тургенев стилизовал под диалект: «А за тем, что тебя тятя высечь хочи—и—и—т». Теперь это орловское, курское и т. д. произношение предлагается сделать всесоюзным, а под диалект придется стилизовать так: *хоче-е-е-т*, *знае-е-е-т*» (1930).

□ **3.** Введение этого правила противоречит морфологическому принципу русской орфографии, так как безударные окончания не будут соотнесены с ударными: *войдёшь — вы́йдишь*, *принесёшь — вы́несишь* и т. д. «Необходимо все время помнить, что неударенные флексии ассоциируются с ударенными. Поэтому одинаковое написание ударенных и неударенных флексий чрезвычайно важно» (Р. А. Аванесов и В. Н. Сидоров 1930).

□ **4.** Большие затруднения вызывает вопрос об образовании действительных причастий настоящего времени. Они будут образовываться от всех глаголов с безударными окончаниями с помощью суффикса *-ущ-* (*-ющ-*): *учущий*, *любющий*, *строющий*. Написание *-ущ-* (*-ющ-*) будет требовать произношения [у] вместо [а] в подобных глаголах, а такое произношение «для современного русского языка либо представляет собой сознательную стилизацию под старое московское произношение, либо характеризует просторечный, нелитературный язык» [1].

□ **5.** Принятие этого предложения привело бы «к значительным изменениям в правописании глагольных окончаний без особой надобности» (Н. Н. Дурново 1930), в значительной степени нарушило бы наши орфографические привычки (А. М. Пешковский 1930), так как это изменение коснулось бы большого числа глаголов.

II. Безударные личные окончания всех глаголов передавать по II спряжению: *делаишь*, *делаит*, *делаим*, *делаите*, *делаят*, *дышишь — дышат*, *боришься — борятся*; соответственно писать и причастия: *делающий*, *дышащий*, *борящийся*, *делаимый* и т. п. (Дискуссия 1962°).

□ **1.** Это предложение не снимает тех трудностей, которые были рассмотрены в предложении I. Напротив, оно в большей степени, чем предложение I, противоречит орфоэпическим нормам современного языка. Написание *-ат* (*-ят*) в глаголах I спряжения (например, *работаят — работающий*) не отвечает ни одному из вариантов русского литературного произношения.

---

[1] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1954, стр. 108.

III. Все безударные личные окончания глаголов передавать по I спряжению — *-у* (*-ю*), *-ешь*, *-ет*, *-ем*, *-ете*, *-ут* (*-ют*): *читаю*, *читаешь*, *читает*, *читаем*, *читаете*, *читают* и *строю*, *строешь*, *строем*, *строете*, *строют*; соответственно писать и причастия: *читающий*, *строющий*, *дышущий*, *любющий*, *читаемый*, *ненавидемый* и т. п. (К. Г. Житомирский 1915; *Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров 1930*; К. Дергачев 1955; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1962°, 1962*).

■ **1.** См. предложение I, п. 1.

■ **2а.** По этому правилу в 3-м л. мн. ч. всегда надо писать *-ут* (*-ют*): *читают*, *строют*. Такое написание соответствует одной из норм литературного произношения.

□ **2б.** Однако в настоящее время по более распространенной норме литературного произношения в 3-м л. мн. ч. безударные окончания различаются, т. е. произносят *чит*[ájут], но *стр*[ójът]. Написание окончания *-ут* (*-ют*) вместо *-ат*(*-ят*), а также причастных форм с *-ущ-* (*-ющ-*) вместо *-ащ-* (*-ящ-*) вступит в противоречие с новой орфоэпической нормой.

□ **3.** Если изменить правописание глаголов, то придется изменить и правописание причастных форм. Их придется образовывать с помощью суффиксов *-ущ-* (*-ющ-*), *-ем-*: *учущий*, *любющий*, *зависющий*, *строемый*, *ненавидемый*, *зависемый*. Кроме того, при новом правописании надо оговорить некоторые случаи: *смóтрют — смотрящий*, *úчутся — учáщийся*. Что касается суффикса *-ем-*, то его введению противоречат ударные формы с *-им-*: *гонúмый*, *терпúмый*, *любúмый* и др. (В. Н. Сидоров 1964°). Очевидно, должно измениться и написание именных форм *видимость*, *зависимость*, *слышимость* и мн. др. (В. Ф. Иванова 1964).

□ **4.** Принятие этого предложения привело бы к очень большой ломке орфографических навыков.

IV. Все глаголы с безударными окончаниями на *-аю*, *-яю*, *-ую*, *-юю*, *-ою*, *-ею* (или, короче, все с гласными перед окончанием), а также все глаголы на *-ну* писать по I спряжению, а все остальные — по II: *читаю*, *читаешь*, *читают*, *тону*, *тонешь*, *тонут*, *пишу*, *пишишь*, *пишат*, *скажу*, *скажишь*, *скажат*; *читающий*, *пишащий*, *читаемый* и т. п. (А. М. Пешковский 1930).

■ **1.** Правило чрезвычайно легкое и четкое, отпадает необходимость опираться на неопределенную форму глагола.

□ **2.** Некоторые предлагаемые написания (*скажат*, *пишащий*) не соответствуют ни одной из норм литературного произношения.

□ **3.** Это предложение не оговаривает правописания приставочных глаголов. Неизвестно, как следует писать личные окончания глаголов *вы́нести* (от *нести*), *вы́бежать* (от *бежать*) и др.

□ **4.** Глаголы II спряжения характеризуются чередованиями ‹м'›—‹мл'› и под. в 1-м лице ед. числа. У глаголов I спряжения такое чередование охватывает всю парадигму настоящего-будущего времени (ср. *кормлю—кормишь* и т. д. и *дремлю—дремлешь* и т. д.). Предлагаемое правило приведет к тому, что такой же тип чередования будут иметь глаголы II спряжения, например, ср. предлагаемые *дремлишь*, *сыплишь*, *скажишь*.

■ **5а.** Изменение коснулось бы только 73 глаголов, которые перешли бы из I спряжения во II (А. М. Пешковский 1930).

□ **5б.** Но среди 73 глаголов, которые перешли бы из I спряжения во II, есть глаголы, часто употребляющиеся в языке (*плакать*, *сказать*, *писать* и др.), поэтому изменение их правописания нежелательно. Кроме того, изменение написания спрягаемых форм глагола потребовало бы и изменения причастных форм.

Б. Предложения, касающиеся глаголов-исключений

I. Оставить без изменения традиционное деление глаголов на I и II спряжения, но 11 глаголов-исключений (*гнать*, *держать*, *дышать*, *слышать*, *вертеть*, *видеть*, *зависеть*, *ненавидеть*, *обидеть*, *смотреть*, *терпеть*) изменять по I спряжению (*Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров 1930*; Дискуссия 1962, 1962*; *Н. Н. Алгазина и А. В. Текучев 1963*°; Дискуссия 1964*).

■ **1.** Это предложение облегчает правописание глаголов, так как не требует особого запоминания 11 глаголов, инфинитив которых оканчивается не на *-ить*.

■ **2а.** Изменение 11 глаголов-исключений по I спряжению соответствует одной из норм литературного произношения, при которой в 3-м л. мн. ч. у глаголов I и II спряжений произносится [ут].

□ **2б.** Однако это произношение в современном литературном языке не является господствующим.

□ **3а.** При написании глагола *терпеть* в 3-м л. мн. ч. появится сочетание «мягкий губной+[у]»: *терпют*. Это сочетание является крайне редким в современном русском языке.

■ **3б.** Но «проверка данных вопросников показала, что произношение [у] после мягких губных в глаголах дает ту же частоту, что и произношение [у] после мягких зубных. . . Сочетание же звука [у] с мягкими зубными довольно распространено и является привычным (ср. *дядю*, *тетю*, *бабусю*, *Витю*, *Володю* и т. п.). Следовательно, возражение против написания *терпют* отпадает» (С. М. Кузьмина 1964).

■ **4.** Предлагаемое написание не противоречит фонематическому принципу. «Звуку [ь], произносящемуся в безударных глагольных окончаниях (кроме окончаний 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч.), со

ответствует два ударных звука — [о́] и [и́]. . . Следовательно, звук [ь] в глагольных окончаниях представляет сразу две фонемы: ‹о› и ‹и›. По правилам русской графики безударная фонема ‹о› после мягких и шипящих передается буквой *е*, а фонема ‹и› — буквой *и*. Значит, в соответствии с фонематическим принципом русской орфографии в безударных глагольных окончаниях на месте звука [ь] можно писать и букву *е*, и букву *и*» (С. М. Кузьмина 1964).

□ **5а.** «При предлагаемом изменении спряжения глагола получаются значительные расхождения в координации образования глагольных форм. Новое спряжение будет выглядеть так: *смотреть, смотрю́т — смо́трем*. Однако будет расходиться с формой *смо́трю́т* форма *смотря́щий* (ср. нынешнее: *смо́трят — смотря́щий*). Новое спряжение: *терпеть — те́рпю́т — те́рпем*, а также *те́рпю́щий*. Но будет расходиться с формой *те́рпем* форма *терпи́мый* (ср. нынешнее: *те́рпим — терпи́мый*). Новое спряжение: *вертеть — ве́ртю́т — ве́ртем*. Но будет расходиться с формой *ве́ртю́т* форма *верця́щий* (ср. современное: *ве́ртят — верця́щий*). Новое спряжение: *гнать — го́нют — го́нем*, а также *го́нющий*. Но будет расходиться с формой *го́нем* форма *гони́мый* (ср. современное: *го́ним — гони́мый*).

Как известно, спряжение глагола «отражается» в суффиксах причастий: *гоним — гонимый, смотрят — смотрящий* и т. д. Если же искусственно перевести эти глаголы из II спряжения в I, то эти соответствия, как показано выше, разрушатся» (В. Ф. Иванова 1964).

■ **5б.** Наличие причастий *гони́мый, гоня́щий, смотря́щий* — «это недостаточно веская причина, чтобы считать невозможным писать спрягаемые формы этих глаголов по I спряжению. . ., написание спрягаемых форм не проверяется по причастиям» (Дискуссия 1962).

□ **6.** Изменение спряжения указанных глаголов противоречит системе чередований I и II спряжений (Р. И. Аванесов 1964°, А. А. Реформатский 1964°, А. А. Зализняк 1964). Только для глаголов II спряжения характерно чередование согласной в 1-м л. ед. ч. с иной согласной во всех остальных личных формах, например: *люблю — любишь — любят, вижу — видишь — видят* и т. д. Если глаголы *видеть, вертеть, зависеть, ненавидеть, обидеть* «перевести» в I спряжение, то система чередований будет нарушена.

II. Все глаголы на *-ить* относить ко II спряжению, в том числе и *видить, зависить, ненавидить, обидить*, в которых следует писать *-ить*; глаголы *вертеть, смотреть, терпеть, гнать, дышать, держать, слышать* изменять по I спряжению (*Предложения Института русского языка 1962*; Н. Н. Алгазина 1964).

Это предложение не требует самостоятельного рассмотрения, так как имеет те же доводы и контрдоводы, что и предложение I, когда речь идет о глаголах *вертеть*, *смотреть*, *терпеть*, *гнать*, *дышать*, *держать*, *слышать*. Предложение позволяет сохранить неизменной систему чередований и образование причастных форм от *видеть*, *зависеть*, *ненавидеть*, *обидеть* (см. предложение III).

III. Оставить без изменения распределение глаголов на I и II спряжения, но изменить написание инфинитива в глаголах *видеть*, *зависеть*, *ненавидеть*, *обидеть*, *слышать*; писать: *видить*, *зависить*, *ненавидить*, *обидить*, *слышить* (*А. А. Зализняк 1964*; И. П. Мучник 1964°; Дискуссия 1964*).

■ **1.** Это предложение подводит глаголы *видить*, *зависить*, *ненавидить*, *обидить*, *слышить* под общее правило: глаголы на *-ить* изменяются по II спряжению.

■ **2а.** Предлагаемое написание не противоречит нормам произношения.

□ **2б.** «Против написания *слышить* может быть выдвинуто, впрочем, возражение фонетического характера: для определенного типа литературного произношения написания *слышать* и *слышить* фонетически не равнозначны» (А. А. Зализняк 1964).

■ **3.** «К каким-либо внутренним нарушениям в системе спряжения или в морфологической классификации глаголов данное изменение не ведет» (А. А. Зализняк 1964).

□ **4.** Но это правило не позволяет разрешить всех сложных проблем в написании инфинитива, так как конечную гласную основы инфинитива придется определять только по словарю.

IV. Определять спряжение глаголов по характеру чередования. Ко II спряжению относятся все глаголы, у которых при помощи чередования согласных форма 1-го л. ед. ч. отличается от других личных форм. Остальные глаголы, в том числе *держать*, *дышать* и *слышать*, относятся к I спряжению (*Р. И. Аванесов 1964*°).

■ **1.** Перевод глаголов *держать*, *дышать*, *слышать* в I спряжение не вступит в противоречие с произношением. «. . .Поскольку произношение [у] после твердых шипящих и сонорных в глаголах распространено, написание *держут*, *дышут*, *слышут*. . . будет привычным и естественным» (С. М. Кузьмина 1964).

■ **2.** Изменение спряжения глаголов *держать*, *дышать*, *слышать* не ведет к нарушению системы чередований (ср. *слышу—слышешь—слышут*, *напишу—напишешь—напишут*).

■ **3а.** Образование причастных форм от глаголов *дышать* и *слышать—слышемый*, *слышущий*, *дышущий* — не вызовет никаких затруднений,

□ **3б.** но глагол *держать* имеет форму *держа́щий* (ср. также *одержи́мый*), которая вступит в противоречие с формами *держут*, *держем*.

□ **4.** Применение указанного правила требует от пишущего проверки системы чередований каждого глагола, что практически сложно.

В. Предложение изменить формулировку существующего правила об отнесении глаголов к I и II спряжениям

I. Не изменяя написания личных форм глаголов I и II спряжений, ввести новую формулировку правила об отнесении глаголов к I и II спряжениям: из числа глаголов с безударными личными окончаниями ко II спряжению относятся 1) все глаголы на *-ить*, кроме *брить* и *зиждиться*; 2) все усекаемые[1] глаголы на *-еть*, кроме *хотеть*; 3) все усекаемые глаголы на *-ать* после шипящей; 4) глагол *гнать*; прочие глаголы относятся к I спряжению (А. А. Зализняк 1964; Проект 1964).

■ **1.** Существующее в настоящее время правило написания безударных личных окончаний глаголов является трудным и практически неудобным. Оно позволяет определить правописание личных окончаний глаголов только на основе написания инфинитива, а конечную гласную основы инфинитива приходится проверять по словарю. Кроме того, действующее правило выделяет 11 глаголов-исключений, правописание которых следует запомнить механически.

Если принять предлагаемое правило и ввести понятие усекаемых и неусекаемых глаголов, то легко вырабатывается правило о правописании конечной гласной инфинитива. Это правило имеет еще и то преимущество, что уничтожает понятие глаголов-исключений. «Предлагаемое правило соответствует системе русского спряжения в целом именно в том смысле, что то, что не является по существу аномальным и не попадает здесь в списки исключений» (А. А. Зализняк 1964).

■ **2.** Правило не ведет ни к каким изменениям в традиционном делении глаголов на глаголы I и II спряжений. «. . . Фактически ни один глагол не удается перевести из одного спряжения в другое «безболезненно». Это легко понять, если учесть, что различие I и II спряжений в современном русском языке отнюдь не ограничивается личными окончаниями настоящего времени, а отчетливо проявляется также в системе чередований . . . в образовании неличных форм . . . и в словообразовании. . . . Получается, что любой

---

[1] Глагол с основой инфинитива на гласную называется у с е к а е м ы м, если в основе настоящего времени конечная гласная основы инфинитива отбрасывается (*кури-ть — кур-ю*), и н е у с е к а е м ы м, если она сохраняется (*чита-ть — чита-ю*) (А. А. Зализняк 1964).

глагол, выведенный из группы исключений переводом в другое спряжение, непременно окажется исключением из одного или даже из нескольких других правил, которые должен изучить школьник. . .» Очевидно, что реформа, в результате которой глаголы, являвшиеся исключением из одного правила, станут исключениями из другого правила, может дать лишь более чем сомнительный выигрыш (А. А. Зализняк 1964).

□ 3. Но правило требует от пишущего постоянной проверки «усекаемости» и «неусекаемости» глаголов. Такая проверка каждого глагола в тексте еще более затруднит пишущего (в первую очередь школьника), чем механическое запоминание 11 глаголов (Дискуссия 1964, 1964*).

ПЕРЕДАЧА БЕГЛЫХ ГЛАСНЫХ ПОСЛЕ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ И ‹j›

Историческая справка

Написания типа *сватий*, *гостий*, *шалуний*, *ущелий*, *кочевий*, *угодий*, но *ладей*, *семей*, *свиней*, *бадей*, *питей* связаны с наличием в русском письме орфограмм, идущих от церковнославянской традиции. Беглая гласная, выступающая перед конечным ‹j› основы существительных ж. и ср. р. в форме род. п. мн. ч. с нулевой флексией, лишь в ударном положении стала передаваться по произношению, в соответствии с теми изменениями, которые произошли в русском языке; в неударном положении сохранение написаний с *и* не шло вразрез с произношением.

Церковнославянизмом в русском письме является написание краткой формы *достоин* от *достойный* (ср. *спокойный — спокоен*, *буйный — буен*, *знойный — зноен* и т. п.).

Этимологически правильное написание *заяц* неоправданно с точки зрения современного соотношения форм им. п. ед. ч. и остальных падежей (*заяц — зайца*, *зайцы* и т. п.), так как передача беглой гласной как *я* не находит параллели в других случаях (это объясняется тем, что беглость гласной в слове *заяц* возникла по аналогии).

Следует выделить:

А. Предложения, касающиеся передачи беглых гласных перед конечным ‹j› основы существительных.

Б. Предложение, касающееся передачи беглых гласных в отдельных словах.

Предложения

А. Беглые гласные перед конечным ‹j› основы существительных

I. Беглые гласные, выступающие перед конечным ‹j› основы существительных в формах род. п. мн. ч. с нулевой флексией, передавать в безударном положении так же, как под ударением, т. е. как *е*: *шалуней*, *колдуней*, *сватей*, *гостей* (от *гостья*), *копей* (от *копьё*), *ущелей* и т. п. (Н. Н. Дурново 1930; М. В. Ушаков 1930; Дискуссия 1929; Предложения Института русского языка 1962; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1964°, 1964*).

Примечание. В предложении, выдвинутом во время дискуссии 1929 г., и в предложении М. В. Ушакова в числе примеров указывались только формы существительных ж. р. (*колдуней*).

■ **1.** Предлагается единообразная письменная передача данной категории форм вместо существующих двояких написаний в зависимости от места ударения: *семей*, но *келий*; *питей*, но *ущелий*. Действующее правило к тому же не вполне последовательно; оно предлагает ориентироваться на ударение формы не род. п. мн. ч., а им. п. ед. ч.: «В род. п. мн. ч. от существительных, оканчивающихся в ед. ч. на неударяемые *-ья* и *-ье*, пишется *-ий*, а от существительных, оканчивающихся на *-ья* и *-ье* под ударением, пишется *-ей*. . .» (Свод 1956). Отсюда написание *-ей* в неударном положении при подвижности ударения в формах существительного: *ружей* от *ружьё*, *судей* (независимо от ударения: *судéй* или *сýдей*) от *судья*; но этому правилу противоречит написание *копий* от *копьё*.

■ **2.** Предложение способствует более последовательному проведению фонематического принципа. Неударную беглую гласную предлагается передавать в соответствии с тем, как передаются в русском письме все безударные гласные, поддающиеся проверке путем сопоставления с ударным вариантом: *шалуней* как *свиней* и т. п.

□ **3.** Для реализации предложения требуется изменить большое число написаний. В подавляющем большинстве существительных рассматриваемого типа беглая гласная неударна, форм с ударной гласной ничтожно мало, и их число не пополняется (собирательные существительные на *-ьё*, обладающие известной продуктивностью, не образуют форм мн. ч.). Вряд ли целесообразно, меняя написания форм многочисленного и пополняющегося разряда слов, ориентироваться на написания небольшой группы форм (для ср. р. едва ли не единственный случай — малоупотребительная форма *питей*).

□ **4а.** С принятием данного предложения у существительных ср. р., имеющих письменные варианты на *-ье* и *-ие* (*мгновенье — мгновение*, *сиянье — сияние*, *рыданье — рыдание* и т. п.), появились бы два письменных варианта форм род. п. мн. ч.: *мгновеней* и *мгновений*, *сияней* и *сияний*, *рыданей* и *рыданий*. Как известно, использование вариантов на *-ье — -ие*, не являющихся только орфографическими, но не находящих прямой параллели в произносительных вариантах типа *рыда*[н'jъ] — *рыда*[н'ијъ], с трудом поддается упорядочению. Есть ли смысл увеличивать трудности, вводя еще письменные варианты род. п. мн. ч., соотносительные с вариантами на *-ье — -ие*?

■ **4б.** Однако противопоставление этих вариантов проходит по всей парадигме, кроме формы род. п. мн. ч.: *мгновенью — мгновению*, *мгновеньем — мгновением*, *мгновенья — мгновения*, *о мгно-*

веньях — о мгновениях, но *мгновений* для того и другого ряда форм. Не следует ли как раз уравнять эту форму с остальными?

□ **4в.** Но противопоставление *мгновеней — мгновений* существовало бы только на письме, тогда как для всех остальных форм письменные варианты могут быть соотнесены с произносительными.

II. Беглые гласные, выступающие перед конечным ‹j› основы существительных, в неударном положении передавать как *и* во всех случаях; писать: *судий, ружий, улий, чирий, жеребий* (Дискуссия 1962, 1962°; Дискуссия 1964*).

■ **1.** Изменение указанных написаний привело бы к созданию единого, не знающего исключений правила для всех категорий слов с ‹j› конца основы: беглая гласная после мягких согласных перед ‹j› (на письме перед *й*) в неударном положении передавалась бы только как *и* в соответствии с *е* в положении под ударением: *скамей, семей — шалуний, судий; питей — ущелий, ружий; репей, воробей — улий, чирий; сам-третей — лисий, рыбий.*

□ **2а.** Фонематически вновь вводимые написания не оправданы (ср. фонематически оправданные написания, вводимые предыдущим предложением, которое по своей направленности противоположно разбираемому).

■ **2б.** Однако рассматриваемое предложение лишь незначительно увеличивает число нефонематических написаний; в то же время оно ведет к последовательности, делая определенного типа отступления от фонематического принципа, издавна укоренившиеся в русском письме, регулярными. А последовательные и регулярные отступления с практической точки зрения имеют преимущество перед отступлениями, осложненными исключениями.

■ **3.** Предложение вносит очень небольшие изменения в сложившиеся написания.

Б. Беглые гласные в отдельных словах

I. Устранить отдельные исключения в передаче беглых гласных, заменив написаниями с *е* те написания, где беглая гласная передается другими буквами: а) писать *заец* вместо *заяц* (Г. П. Павский 1841; Н. И. Греч 1851; А. А. Реформатский 1960 [1]; Дискуссия 1962°; Проект 1964); б) писать *достоен* вместо *достоин* (А. Степович 1885; К. Г. Житомирский 1894, 1915; Л. Ф. Воеводский 1898; А. Г. Герасимов 1901, 1903; Дискуссия 1934°; А. М. Сухотин 1935°; Дискуссия 1954; Предложения Института русского языка 1962; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1962, 1962*; Проект 1964; Дискуссия 1964, 1964*).

[1] См.: А. А. Реформатский. Число и грамматика. — В кн.: «Вопросы грамматики». М.—Л., 1960, стр. 395, сноска.

■ **1.** Написания, которые предлагается заменить, не могут быть расценены иначе, как исключения:

а) беглая гласная, выступающая перед ‹ц› конца основы существительных м. р. (как имеющих суффикс *-ец*, так и нечленимых с точки зрения современных отношений, например, *отец*, *конец*), орфографически во всех случаях, кроме слова *заяц*, передается как *е*. «Имя *заяц* пишут с *я*, потому что оно так пишется в церковных книгах. Но если мы согласились выкинуть *я* и вместо сей буквы поставили беглую гласную *е*, то и писать должно *е*, а не *я*. Гласная *я* не может быть беглою и выпадать в склонении, а *заяц* в род. п. переменяется на *зайца*» (Г. П. Павский 1841); «. . .Несмотря на этимологию *заѧць*, ср. польск. *zając*, по-русски, синхронистически говоря, надо бы писать *заец*, так как беглого *а* русский язык не знает, а беглое *о/е* имеет в избытке» (А. А. Реформатский 1960);

б) соотношение *до*[сто́йнъй] — *до*[сто́ин] стоит в том же ряду, что и *спо*[ко́йнъй] — *спо*[ко́ин], а также *знойный* — *зноен*, *буйный* — *буен* и т. п. При написании *достоен* беглая гласная в этой форме передавалась бы так же, как во всех аналогичных.

Попытка Я. К. Грота обосновать написание *достоин* как способ отграничить орфографически форму прилагательного от формы причастия *удостоен* несостоятельна. «А приставка *у-* недостаточна для этого отличия? — спросил бы я. А если недостаточна, то отчего краткое прилагательное от *спокойный* не пишется *спокоин* для отличия от причастия *успокоен*?» (К. Г. Житомирский 1915).

■ **2.** Так как предлагаемые написания основываются на современных языковых соотношениях, они способствуют более последовательному проведению фонематического принципа:

а) написание *заец* бесспорно фонематично, так как в сильном положении перед ‹ц› конца основы существительных м. р. беглая гласная выступает только в виде [э]: *отец*, *конец*, *молодец* и т. п.;

б) написание *достоен* фонематически оправданно в той же мере, что *спокоен*, *зноен*, *буен* и т. п. Фонематически беглая гласная в краткой форме м. р. должна быть квалифицирована как ‹о› (ср. *силён*, *умён*, *смешон*). В силу особенностей русского письма безударное ‹о› после мягких согласных, а также сочетание ‹jo› в неударном положении регулярно передается буквой *е*; ср. *ёж*(‹jo›*ж*) — *ежовый* и т. п.

СЛИТНЫЕ, ДЕФИСНЫЕ И РАЗДЕЛЬНЫЕ НАПИСАНИЯ

Историческая справка

В древнейших русских текстах обычным было сплошное письмо (без пробелов между словами). С распространением книгопечатания (XVIв.) текст более или менее последовательно начинают расчленять на слова.

Регламентация слитного, раздельного и дефисного написания начинается в XVIII в.; первоначально внимание орфографистов было обращено на написание служебных слов, дающих на практике много колебаний. Первые на это обратили внимание В. К. Тредиаковский (1748) и М. В. Ломоносов (1755). У Я. К. Грота (1873) все вопросы о слитном, раздельном и дефисном написаний сводились в основном к написанию служебных слов (наречий, образованных от предложно-именных сочетаний, частиц *-либо*, *-нибудь*, отрицания и частицы *не* и т. п.).

В более систематических и дифференцированных формулировках высказанные предложения по отношению к написанию отдельных структурных типов сложных существительных и прилагательных появляются только в 30-е годы нашего века. Это объясняется самим развитием языка: в советский период бурный рост различных структурных типов сложных слов (например, появление сложных существительных, обозначающих единицы измерения типа *человеко-день*, большая продуктивность сложных прилагательных типа *машинно-тракторный*, *марксистско-ленинский* и т. п.) требует регламентации их орфографии.

В области слитных, дефисных и раздельных написаний можно заметить ту же борьбу фонетического, фонематического и традиционного принципов, какая свойственна и другим областям орфографии. Традиционный принцип часто выступает в виде требований писать раздельно такие сочетания, которые восходят к сочетанию слов, хотя в современном русском языке это сочетание стало уже, несомненно, целостным словесным единством. Это относится, например, к написанию наречий, восходящих к предложно-падежным конструкциям. Приставку у многих таких наречий предлагается писать отдельно, как будто она сохраняет функции предлога (*под мышкой*, *под спуд*, *в обнимку*, *на отлете*, *в тупик* и др.).

Фонетический принцип требует слитного написания полнозначных слов со служебными, так как они составляют единую фонетическую единицу — такт.

Наконец, фонематический принцип требует, чтобы была обозначена диэрема, разграничительный сигнал, отделяющий слово от слова. Однако в большинстве случаев диэрема и ее противоположность — показатель середины слова — нейтрализованы, находятся в слабой позиции. Чтобы выяснить, есть ли в каждом отдельном случае диэрема, надо прибегать к мор-

фологическому анализу, и в данном случае фонематический принцип может быть огрублено сближен с морфологическим. Именно анализ морфологических отношений и принимается во внимание большинством орфографистов при установлении слитных и раздельных написаний в современной русской орфографии.

В данном обзоре рассматривается написание не только сложных, но также и приставочных слов (наречий). Сюда включены также некоторые вопросы написания словосочетаний (конструкций, состоящих из определения и последующего однословного приложения). Выход за пределы написания собственно сложных слов диктовался желанием рассмотреть предложения, регламентирующие написание переходных случаев (между сложным словом и приставочным, с одной стороны, и между сложным словом и словосочетанием, с другой стороны). Именно эти переходные случаи представляют собой наибольшие орфографические трудности.

СЛИТНОЕ, РАЗДЕЛЬНОЕ И ДЕФИСНОЕ НАПИСАНИЕ СЛОВ, НЕЗАВИСИМО ОТ ИХ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ОПРЕДЕЛЕННОЙ ЧАСТИ РЕЧИ

Принимается следующее членение:

А. Предложения, не выдвигающие критериев выделения сложных слов.

Б. Предложения выдвигающие критерии выделения сложных слов.

а. Признак сложного слова — выражение одного понятия.

б. Признак сложного слова — невозможность самостоятельного употребления в языке его компонентов.

в. Предложения, основанные на фонетических признаках слова.

Предложения

А. Предложения, не выдвигающие критериев выделения сложных слов

I. Сложные слова писать всегда слитно: *жарптица*, *северовосток*, *человекодень*, *сельскохозяйственный*, *машиннотракторный*, *чтонибудь* (Дискуссия 1954; Л. Е. Филиппова 1962).

■ **1а.** Получается одно простое общее правило, относящееся ко всем частям речи.

□ **1б.** Однако это общее положение приемлемо только теоретически, практически его трудно применить, поскольку, по общему признанию лингвистов, понятие отдельного слова — одно из труд-

нейших для научного определения. Отсюда и затруднения в разграничении сложных слов и сочетаний слов. Так, трудно провести четкую грань между сложными прилагательными и сочетаниями наречий с прилагательными в таких примерах, как *тревожно грустный* и *тревожногрустный*. В отдельных случаях трудно отграничить наречия от предложно-именных сочетаний: см. такие примеры, как *в виде*, *в обрез*, *в ногу* (идти), *в меру*, *в разбивку*, *до смерти*, *на днях*, *в корне*. Не всегда легко установить, имеем ли мы дело со сложными словами или перед нами сочетание существительного с однословным приложением; например: *вагон-ресторан*, *инженер-капитан*, *дизель-мотор* и др.

□ **2.** Если быть последовательным, то, согласно данному предложению, пришлось бы писать слитно многие фразеологические обороты, признаваемые в современной русистике словами, ср. *спустярукава*, *вовесьдух*, *съестьсобаку* и т. п., что явно невозможно (Дискуссия 1962°).

□ **3.** При последовательном проведении этого принципа пришлось бы слитно писать такие слова, как *пан-Европа*, «*Анти-Дюринг*» и т. п.; это привело бы к непривычным написаниям, таким, как *панЕвропа*, *Паневропа*, *паневропа* и т. п.

□ **4.** Слитное написание сложных слов вообще, тем более длинных, способствует затушевыванию их морфологического состава, а это в свою очередь способствует процессу опрощения слова. Это небезразлично в словах, имеющих выразительную внутреннюю форму; в слитном написании таких слов, как *матьимачеха*, *перекатиполе*, *сорвиголова* и т. п., затемняется их образность (Дискуссия 1962°).

□ **5.** Заменив ныне существующее дефисное написание во всех случаях слитным, мы тем самым лишили бы себя возможности графически отражать ту переходную стадию в создании сложных слов, когда слова еще полностью не срослись в смысловое и цельнооформленное единое целое. Подчас мы лишили бы себя возможности графически отражать некоторый стилистический оттенок необычности или новизны слова: см. такие образования, как *смущенно-счастливое* (*лицо*), *сладко-снотворные* (*речи*), *холодно-равнодушный* (*взгляд*), *игриво-интимный* (*тон*) (Д. Э. Розенталь 1964).

□ **6а.** Отказываясь от дефисного написания в сложных словах вообще в пользу слитного написания, мы лишаем себя также возможности выражать различные соотношения между корнями сложных образований разного типа, ср. *красно-зеленый* (два цвета) и *яркозеленый* (один цвет с оттенком).

■ **6б.** Но необходимость обозначения этих различий на письме вызывает серьезные сомнения. Ведь не выражаются, например, раз-

личия в составе глаголов *заставить комнату шкафами* и *заставить выполнить задание* (один глагол имеет приставку *за*, так как соотносится с глаголом *ставить*, у другого — корень *застав-*); очевидно, можно некоторые различия в морфемном строении слова письменно не передавать. Это относится также к написанию сложных прилагательных, тем более, что крайне мало случаев, когда неразличение двух выше указанных типов привело бы к непониманию или неверному пониманию текста (Дискуссия 1962°).

□ **6в.** Все же такие случаи есть: *сине-зеленый* флаг (синяя и зеленая полоса) и *синезеленый флаг* (зеленый с синевой; написания даны по нормам до 1956 г.).

□ **7а.** Если писать слитно все, что является сложным словом, то получаются графически очень длинные, громоздкие, зрительно трудно воспринимаемые слова, например: *социалистреволюционер*, *экспериментальнопсихологический* и др.

■ **7б.** «Однако последнее обстоятельство [наличие графически громоздких слов] не может быть основанием для отступления от общего правила, тем более, что в русском языке довольно часто встречаются длинные сложные слова, которые традиционно пишутся слитно; ср. такие, как *человеконенавистничество*, *семидесятилетие*, *рабовладельчество*, *словорасположение*. . . и т. п. Слова этого типа, несмотря на их многосложность, воспринимаются зрительно без особого труда, благодаря отчетливости тех приемов, посредством которых осуществляется суффиксальное словообразование и словосложение в русском языке» (А. Б. Шапиро 1951).

□ **8а.** Нередко полагают, что слитное написание в отдельных случаях привело бы к излишнему увеличению словников в словарях (Я. К. Грот 1873; А. Б. Шапиро 1951).

■ **8б.** Однако современная лексикография успешно борется с возможной «перегрузкой» словников. Редко употребляемые слова (независимо от того, пишут ли их слитно или через дефис) в словари не помещаются.

□ **9.** Тотальное слитное написание всех сложных слов привело бы к значительной ломке прочных орфографических навыков.

Iа. Сложные слова всегда писать слитно за исключением тех, в состав которых входят собственные имена с прописной буквой: *жарптица*, *северовосток*, *человекодень*, *машиннотракторный*, но *пан-Европа* (Дискуссия 1954).

■ **1.** См. предложение I, п. 1а, 6б, 7б, 8б.

□ **2.** См. предложение I, п. 1б, 2, 4, 5, 6а, 6в, 7а, 8а, 9.

■ **3.** Получается привычное написание (без переноса прописной буквы на первый элемент слова и без прописной буквы внутри

слова); дефисное написание сохраняет признак имени собственного — прописную букву, например: *пан-Европа*, *псевдо-Фауст*, *лже-Дмитрий*; у этих слов сохраняется прозрачность морфологического состава слова, что в данной категории слов небезразлично (Дискуссия 1962°).

II. Сложные слова писать слитно или через дефис в зависимости от синтаксической связи их компонентов: при подчинительной связи — слитно, например: *сельскохозяйственный*, *пароход*, *кровопролитие*; при сочинительной связи—через дефис, например: *машинно-тракторный*, *овце-бык*, *железо-бетон* и т. п. (А. А. Реформатский 1937; Дискуссия 1954).

■ **1.** Данное предложение унифицирует написания имен существительных и имен прилагательных.

■ **2а.** Двоякое написание сложных имен (слитное и дефисное) не является механическим приемом; наоборот, оно оправдано языком, поскольку отражает существенные различия в отношениях слагаемых сложного слова (А. А. Реформатский 1937).

□ **2б.** Правда, при установлении взаимоотношения компонентов сложных слов нередко возникают затруднения: понятия «сочинительная» или «подчинительная» связь, «равноправность» и «неравноправность» компонентов и др. не дают ясного критерия в руки пишущего. Дефисное написание в сложных словах *бледно-розовый*, *золотисто-желтый* и др., принимаемых, как правило, за сочетания неравноправных понятий, «можно свести к сочетаниям равноправных понятий *бледный* и *розовый*» (В. А. Добромыслов 1954). См. другие трудные для анализа примеры: *горно-металлургический*, *геолого-поисковый*, *бетонно-растворный*, *военно-медицинский*, *научно-исследовательский* и др.

□ **2в.** Вряд ли можно считать лингвистически оправданной попытку проводить прямую аналогию между компонентами сложного слова и соответствующими словосочетаниями, поскольку компоненты сложного слова не сохраняют грамматических значений членов исходных словосочетаний [1].

■ **2г.** Строение каждой языковой единицы определяется отношениями синтагматическими — сочетанием каких частей она образована — и парадигматическими — с чем соотнесены эти части и вся единица целиком. Синтагматически единицы *железнодорожный* и *черно-белый*, конечно, тождественны, в обеих налицо сочетание первой части основы со второй с помощью соединительной

[1] Об этом см.: В. П. Григорьев. К вопросу о «грамматических отношениях» между компонентами сложного существительного. — «Русский язык в школе», 1958, № 5, стр. 23—29; Н. Н. Прокопович. О разграничении словосочетаний и сложных прилагательных. — «Русский язык в школе», 1961, № 4, стр. 6—11.

гласной. Но парадигматически они различны: одна соотносится с сочетанием «прилагательное+существительное» (*железная дорога*), другая — с сочетанием «прилагательное+прилагательное» (*черный и белый*). Эти отношения отнюдь не этимологические; они даны в современном русском языке; они характеризуют строение данных единиц и имеют законное право на отражение в написании слова (Дискуссия 1962[с]).

■ **3а.** Данное предложение во многих случаях помогает избежать графически длинных слов и сохранить прозрачность морфологического состава слова (например, *горно-металлургический*, *экспериментально-психологический* и т. п.), чем достигается более быстрое чтение и осмысление текста.

□ **3б.** Однако это предложение не исключает и даже не ограничивает появления длинных слов в принципе, так как оно не распространяется на сложные образования с подчинительной связью компонентов; см. такие громоздкие слова, как *внутреннеполитический*, *сельскохозяйственный* и т. п.

■ **4.** Данное предложение в основном соответствует существующей практике написания сложных слов и не требует ломки орфографических навыков.

Б. Предложения, выдвигающие критерии выделения сложных слов

а. Предложения, выдвигающие в качестве признака сложного слова выражение одного понятия

I. Языковые единицы, выражающие одно понятие, писать слитно (В. К. Тредиаковский 1748).

■ **1а.** Выражение одного целостного понятия является существенным признаком отдельного слова; написание, таким образом, отразит существенную черту языковой единицы.

□ **1б.** Однако «не всякое смысловое целое, полученное из двух смысловых единиц, образует в нашей графике новое сложное слово. Например, такие словосочетания, как *железная дорога*, *сельское хозяйство*, *Красная Армия*, выражают каждое значение одного понятия» (Н. С. Рождественский 1938).

□ **2.** Предложение не дает конкретного руководства для пишущего; определить, выражает ли соединение двух смысловых единиц одно или два понятия, пишущему часто не под силу.

□ **3.** Слитное написание всех тех словесных единиц, которые выражают одно понятие, потребует очень значительных изменений в существующей орфографической практике.

II. Языковые единицы, выражающие одно понятие, писать через дефис.

Примечание. Предложение не было точно сформулировано, наблюдалась только тенденция к такому написанию в изданиях XIX в. (правда, эта практика была далеко не последовательна). Например, И. И. Лажечников в романе «Басурман» (1838) слова, составляющие одно понятие, писал слитно или через дефис: *какбы*, *какбудто*, *можетбыть*, *в-самом-деле*, *на-этот-раз*, *Успенский-Собор*. В «Отечественных записках» (осн. в 1839 г.) используется дефис для соединения слов одного и того же речения, например, *в-самом-деле*, *в-следствие*, *потому-что*, *для-того*, *в-течение*, *должно-быть*, *как-можно-строже*. «Отступления „Библиотеки для чтения“, которая начала издаваться с 1834 г., заключаются главным образом. . . в стремлении обозначать черточками. . . совокупление двух или нескольких слов в наречие (locution adverbiale), так здесь пишутся слова: *может-быть*. . ., *по-крайней-мере*, *по-счастью*, *во-первых*, *по-видимому*, *между-тем*, *едва-ли*. . .» (Я. К. Грот 1873).

■ **1.** См. предложение I, п. 1а.

□ **2.** См. предложение I, п. 1б, 2.

□ **3.** Дефисное написание еще более резко, чем слитное, нарушило бы орфографические традиции русского языка.

б. Предложения, выдвигающие в качестве признака сложного слова невозможность самостоятельного употребления в языке его компонентов

I. Сочетания языковых единиц, компоненты которых существуют самостоятельно в языке, писать раздельно: *в миг*, *на миг*, *во круг*, *не редко*, *не пьющий человек*, *болезнь не опасна*, *сделал на зло мне*, *за смеяться*, *по читать*, *на грех попался*, *жар птица*, *изба читальня* (К. Г. Житомирский 1915; Дискуссия 1954).

■ **1.** Один из критериев, применяемый в настоящее время в написании отрицательной частицы *не* (например, с глаголами), был бы распространен на все морфологические единицы. Таким образом, было бы создано общее правило.

□ **2.** Последовательное проведение данного предложения привело бы к тому, что многие и притом несомненные части слов, например приставки, стали бы писаться отдельно: *за смеяться*, *по читать*, *с уметь*, *за кавказский*, *о круг* (Дискуссия 1962°).

□ **3.** В ряде случаев у пишущего могли бы возникнуть затруднения при решении вопроса: употребляются ли компоненты сложения самостоятельно, например: *без удержу*, *до упаду*, *без устали*, *из стари* и т. п. (Дискуссия 1962°).

□ **4.** Во многих случаях это предложение нарушило бы существующие орфографические навыки. Раздельно пришлось бы писать такие наречия, как *вместе*, *вокруг*, *подчас*, *сбоку*, *сразу*, *вверх*, *вниз*,

снизу; раздельно также пришлось бы писать такие существительные, как *горе-писатель*, *жар-птица*, *изба-читальня* и т. п.

II. Все сложные существительные и прилагательные, образованные при помощи соединительной гласной, писать слитно: *машинотракторный*, *синезеленый*, *железнодорожный*, *северовосток*, *трудодень*, *человекодень* (Дискуссия 1954; Я. И. Шубов 1963°; Н. М. Шанский 1963°).

■ **1.** Устанавливается единое правило для написания имен существительных и прилагательных (вместо существующих разных принципов, применяемых по отношению к этим частям речи).

■ **2.** Предлагаемое правило дает возможность сравнительно просто, по чисто внешним признакам устанавливать написание, не вникая в сущность смысловых соотношений компонентов сложного слова (подчинительная или сочинительная связь).

□ **3а.** Наличие или отсутствие соединительной гласной — внешний показатель. «Это чисто технический способ, не имеющий в настоящее время решающего смыслового значения и могущий одинаково служить для любых образований» (А. А. Реформатский 1937). Слитное написание в данных случаях лишает пишущего возможности отражать сущность языковых явлений — различия в соотношении основ сложных образований (например, *красно-зеленый* и *краснозеленый*).

■ **3б.** Отражение этих различий на письме не нужно; более того, попытка их различить — дань этимологии. В современном же языке образования *сельскохозяйственный*, *железнодорожный* ничем не отличаются от образований *зеленовато-синий* (см. предложение А II, п. 2в).

□ **3в.** См. предложение А II, п. 2г.

□ **4.** Элементы типа *глав-*, *проф-*, *парт-*, *радио-*, а также *хлебо-*, *лесо-*, *горе-*, *чудо-* и др. — аналитические прилагательные, так как они имеют все признаки слова [1]; слитное написание всех сложных образований, имеющих на конце первого элемента соединительные гласные *о* и *е*, этому противоречило бы.

□ **5.** При этом затемняется морфологический состав слова (подробнее см. предложение А I, п. 4).

□ **6.** Отказ от дефисного написания рассматриваемой категории слов лишает пишущего возможности графически отражать в отдельных случаях необычность и окказиональность сложных образований (подробнее см. предложение А I, п. 5).

---

[1] См.: А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1955, стр. 226.

□ 7. Получаются длинные графические слова, трудно читаемые и осмысляемые (см. предложение А I, п. 7а).

□ 8. Данное предложение привело бы к значительной ломке существующих орфографических навыков.

в. Предложения, основанные на фонетических признаках слова

I. Языковые единицы, произносимые с одним ударением, писать слитно, например: *ненадо*, *небыл*, *некрасивый*, *вмиг*, *сказатьбы*, *скажика*, *ктото* (К. Г. Житомирский 1915).

■ **1а.** Ударение является существенным признаком отдельного слова.

□ **1б.** Однако практически писать слитно все то, что объединено одним ударением, невозможно. «Существующие фонетические определения слова, как отрезка звучания, заключенного между паузами, или как речевого такта, т. е. группы звуков, объединенных одним ударением, — все такие определения либо строятся на смешении отдельного слова с его графическим изображением, либо упускают из виду существование проклитик и энклитик, которые часто нарушают границы слов, и, наконец, не учитывают смысловой стороны явления. . .» (Н. С. Рождественский 1938). Исходя из данного предложения, пришлось бы писать *тыбыл? даймне!* и т. п. и отдельно при ударении на каждом слове: *дай мне!* и т. п.

□ **2.** В многосложных словах, как известно, появляется добавочное ударение (кроме основного), отличать которое от основного ударения «невооруженным ухом» нелегко.

Наличие добавочного ударения могло бы привести пишущего к мысли писать раздельно или через дефис такие слова, как *человеконенавистничество*, *внешнеполитический* и т. п.

II. Энклитические сочетания предлогов и отрицания с последующим словом писать через дефис (В. К. Тредиаковский 1748).

■ **1.** «Глаголы отрицательные и многие другие слова, имеющие перед собой предлоги или какие другие части слова, так что будто б они сложные были, будучи однако несложные, пишу сим образом, тоесть, ставлю силу над отрицающею или другою какою частицею, а между частицами и самим словом провожу горизонтально коротенькую палочку, в изъявление того, что сии слова несложные, выговариваются как сложные, с одним ударением. Например: *нé-был*, *нá-избу*, *пóд-гору* вместо *не был*, *на избу*, *под гору*» (В. К. Тредиаковский 1748).

□ **2.** См. п. 1б в предыдущем предложении.

III. Все сложные слова писать слитно, за исключением тех, которые превышают 15—17 букв (Дискуссия 1954).

■ **1.** Предложение дает одно общее правило, охватывающее все части речи.

■ **2а.** Правило простое, не требующее вникать в сущность синтаксических отношений компонентов сложения, его можно применять чисто механически.

□ **2б.** Однако в этом именно и порочность предложения, так как оно не отражает структуры сложных слов.

□ **3.** Остаются все трудности, возникающие при отграничении сложных слов от сочетаний слов (предложение А I, п. 1б).

■ **4а.** Чрезмерный объем сложных слов ограничивается.

□ **4б.** Но критерий (15—17 букв) совершенно произволен.

□ **5.** Подсчет букв не является удобным приемом для определения написания, это непривычно и может занять много времени.

□ **6.** Во многих сложных словах, число букв в которых превышает норму (15—17 букв), закрепилось слитное написание, например *внутригосударственный* (21), *внешнеполитический* (18), *двухсотпятидесятилетие* (22), *вагоностроительный* (18), *женоненавистнический* (20), *ссудосберегательный* (19), *центростремительный* (19). Более того, максимальное число букв часто превышается и в несложных словах (если приставочные слова не считать сложными, как это и принято в современной грамматике русского языка), например: *междуведомственный* (18), *распространительный* (19), *попустительствовать* (19), *индивидуализировать* (19), *переквалифицироваться* (21) и др. Осуществление этого предложения привело бы к значительной ломке устойчивых орфографических навыков.

НАПИСАНИЕ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Принимается следующее деление:

А. Предложения, относящиеся ко всей категории сложных существительных.

Б. Предложения, относящиеся к отдельным словообразовательным типам сложных существительных.

а. Сложные существительные, образованные при помощи соединительных гласных.

α. Все сложные существительные с соединительными гласными.

β. Сложные существительные с несколькими составными частями.

б. Сложные существительные, состоящие из двух самостоятельно употребляющихся компонентов.

в. Сложные существительные, образованные соединением глагольной части на *и*, *й* и существительного [1].

В. Предложения, основанные на учете морфологической структуры и семантики сложных существительных.

а. Сложные названия растений, включающие в свой состав союз.

б. Сложные названия должностей, званий, титулов и др., начинающиеся иноязычным первым элементом.

в. Сложные названия политических партий и т. п., в которых первый компонент не образует самостоятельного слова.

Г. Предложения, относящиеся к написанию сочетаний определяемого слова с тесно примыкающим к нему однословным приложением [2].

Предложения

А. Предложения, относящиеся ко всей категории сложных существительных

I. Все сложные существительные писать через дефис: *сено-кос*, *носо-рог*, *англо-саксы*, *трудо-день*, *человеко-день*, *северо-восток* (Дискуссия 1954).

■ **1.** Получается одно общее простое правило, без исключений.

■ **2.** Отпадает трудность отграничения сложных слов типа *жар-птица* от словосочетаний, включающих в свой состав приложения типа *мать-старуха*, поскольку при настоящих правилах орфографии словосочетания с приложением пишутся также через дефис (Дискуссия 1962°).

□ **3.** Предлагаемый принцип написания, распространяемый только на имена существительные, противоречит написанию других частей речи, например имен прилагательных (имеются в виду существующие правила написания имен прилагательных, согласно которым прилагательные с подчинительной связью составных компонентов пишутся слитно).

□ **4.** Нарушаются прочные орфографические навыки. При последовательном проведении этого принципа пришлось бы писать через дефис прочно закрепившиеся в слитном написании и подвергшиеся процессу опрощения слова типа *солнце-пек*, *сено-кос*, *пуле-мет*, *пыле-сос*, *лето-пись*, *пчело-вод* и т. п.

---

[1] Предложения не относятся к написанию суффиксальных существительных типа *вертихвостка*.

[2] Правописание определяемого слова с однословным приложением, несомненно, находится за пределами написания сложных слов, однако, учитывая некоторые общие черты сложных имен существительных и синтаксических конструкций, содержащих однословное приложение, необходимо здесь рассмотреть предложения, касающиеся этого вопроса.

II. Все сложные существительные писать слитно: *сенокос*, *носорог*, *англосаксы*, *трудодень*, *человекодень*, *северовосток* (Дискуссия 1954; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1962*).

■ 1. Получается одно простое правило.

□ 2. При последовательном проведении данного предложения перед пишущим вставал бы вопрос об отграничении сложных существительных, пишущихся слитно, например: *жарптица*, *генералмайор*, *социалдемократ*, *диванкровать*, *избачитальня* и др., от сочетаний определяемого слова с приложением, например: *инженер-механик*, *учитель-словесник*, *мать-старуха* и т. п. Четкой границы между этими двумя категориями не существует [1].

□ 3. Нарушаются прочные орфографические навыки. При последовательном проведении этого принципа пришлось бы слитно писать сложные слова таких типов, как *северо-восток*, *человеко-день*, *социал-демократ*, *жар-птица*, *генерал-майор* и др., дефисные написания которых весьма прочно укоренились в современной орфографии.

Б. Предложения, относящиеся к отдельным словообразовательным типам сложных существительных

а. Сложные существительные, образованные при помощи соединительных гласных

α. Все сложные существительные с соединительными гласными

I. Существительные с соединительными гласными писать слитно, за исключением отдельных лексико-семантических групп слов (названия сложных единиц измерения, промежуточных стран света, политических партий, течений и их приверженцев): *лесосад*, *овцебык*, *пароход*, *пулемет*; но *человеко-день*, *северо-восток*, *анархо-синдикализм* (Дискуссия 1934°; Проекты свода 1936—1955: Свод 1956).

■ 1. Слитное написание устанавливается сравнительно просто по чисто внешнему признаку — наличию или отсутствию соединительных гласных.

■ 2. Отпадает необходимость отграничивать слова, имеющие в своем составе соединительную гласную *о*, от сложных слов, имеющих в своем составе иноязычные элементы: *аэро-*, *авто-*, *мото-*, *вело-*, *кино-*, *стерео-*, *гидро-*, *электро-*, *зоо-*, *био-*, *микро-*, *макро-*, *нео-*

---

[1] См. также: Т. А. Бертагаев. Отграничение сочетаний с приложением от сходных сочетаний. — «Русский язык в школе», 1957, № 1, стр. 17.

и др. Эти образования имеют не только внешнее сходство (в гласном *о* на конце первого элемента, совпадающем с соединительным гласным *о* в русских словах). Эти иноязычные элементы представляют собой такие же «обрубки» слов, как компоненты сложных слов, оканчивающиеся на соединительные гласные. Поэтому единое их написание целесообразно (Дискуссия 1962°).

□ **3а.** Получается разрыв с написанием имен прилагательных, написание которых в основном определяется синтаксически-смысловыми взаимоотношениями (наличием сочинения или подчинения) между компонентами сложного слова, в то время как слитное написание имен существительных обусловлено чисто внешней структурой слова — наличием соединительного гласного (предполагается, что настоящие правила написания имен прилагательных остаются без изменений) (Дискуссия 1962°).

■ **3б.** Но эта трудность исчезает, если предлагается одновременно прилагательные с соединительными гласными писать слитно.

□ **4а.** Вследствие существования двух различных критериев при установлении написаний имен существительных и имен прилагательных получается несоответствие в написании имен прилагательных, производных от имен существительных, и прилагательных, образованных самостоятельно. Например, существительное *финноугры* должно писаться слитно (наличие соединительной гласной *о*); прилагательное *финноугорский* следовало бы писать через дефис (наличие сочинительной связи между компонентами сложного слова), если исходить только из данной структуры прилагательного и не соотносить его с существительным *финноугры*. Выявление соотносящихся сложных существительных в процессе написания сложных имен прилагательных и сопоставление написания этих двух частей речи осложняют правила орфографии сложных слов (Дискуссия 1962°).

■ **4б.** Эта трудность исчезает в случае, указанном в п. 3б.

□ **5.** Наличие отдельных лексико-семантических групп слов (трех типов: *человеко-день*, *северо-восток*, *анархо-синдикализм*), допускающих в виде исключения дефисное написание, нарушает стройность общего правила, затрудняет его усвоение.

□ **6.** Получаются длинные, громоздкие, трудно читаемые и трудно воспринимаемые слова типа *световодолечебница*, *автовеломотогонки* и т. п.; хотя в принципе длинные слова не чужды русскому языку (А. Б. Шапиро 1951).

II. Существительные с соединительными гласными писать без исключения слитно: *лесосад*, *овцебык*, *человекодень*, *северовосток*, *анархосиндикализм* (Дискуссия 1934°; Дискуссия 1954; Дискуссия 1962; Я. И. Шубов 1963°; Н. М. Шанский 1963°).

■ 1. Создается правило без исключений для сложных слов разного типа с внешне сходными и трудно различимыми первыми элементами на *о* (*паровоз* — наличие соединительной гласной; *автотранспорт* — основа иноязычного слова) (Дискуссия 1962°).

□ 2а. Узаконивается применение разных принципов в написании существительных и прилагательных (предполагается, что правила написания прилагательных остаются без изменений). Вследствие этого в сложных прилагательных приходится писать слитно слова с сочинительной связью компонентов, если эти слова образованы от сложных существительных с соединительными гласными, например *финноугорский*.

■ 2б. Если же выдвигается предложение и сложные прилагательные писать всегда слитно (при наличии соединительных гласных), то это возражение отпадает.

□ 3. «Полуслитное написание [сложных названий промежуточных стран света] целесообразнее, так как оно способствует более отчетливому восприятию двойственного характера этих слов, обе составные части которых одинаково существенны для значения слова в целом» (А. Б. Шапиро 1951). Сказанное полностью можно отнести к названиям сложных частиц измерения и частично — к названиям политических партий и направлений (*анархо-синдикализм*).

□ 4. Нарушаются устойчивые орфографические навыки писать через дефис названия сложных единиц измерения, промежуточных стран света и политических партий (имеющие в своем составе соединительную гласную).

III. Образования, построенные по способу сочинения, писать через дефис, образования, построенные по способу подчинения, — слитно: *лесо-сад*, *англо-саксы*, *станко-день*, *человеко-день*, но *хлебосдача*, *шлакоблоки* (блоки из шлака) (Дискуссия 1934°; А. А. Реформатский 1937; Дискуссия 1954; А. Н. Кожин 1955).

■ 1. Устанавливается единый принцип написания как для прилагательных, так и для существительных (предполагается, что правила написания прилагательных остаются без изменений).

■ 2. Ликвидируется противоречие в написании сложных прилагательных, производных от существительных (*финно-угры* и *финноугорский*). Отпадает необходимость сравнивать написание сложных прилагательных с написанием соответствующих существительных (Дискуссия 1962°).

■ 3. Дефисные написания отдельных слов (*человеко-день*, *северо-восток*, *анархо-синдикализм*) перестают быть исключениями, поскольку подпадают под общее правило писать через дефис сложные существительные с сочинительной связью компонентов.

□ 4. Однако критерий, основанный на установлении сочинительной или подчинительной связи между компонентами сложного слова, весьма неточен, допускает разнотолкования и требует изучения сущности самих реалий, обозначаемых словами (ср. слово *лесо-сад*).

□ 5. Появляется затруднение в написании сложных существительных с первым элементом: *аэро-*, *авто-*, *био-*, *фото-*, *мото-*, *вело-*, *кино-* и др. Если определять их написание по общему принципу, то могут возникнуть затруднения (в силу их иноязычности) при установлении способа связи компонентов. Если же оговорить, что эти сложные слова с иноязычными элементами пишутся всегда слитно, то появятся исключения, требующие специального заучивания.

β. Сложные существительные с несколькими составными частями

I. Существительные этого типа писать через дефис: *светo-водо-лечебница*, *грязе-водо-лечебница*, *мясо-хладо-бойня* (Дискуссия 1934°; Проекты свода 1936, 1939_1, 1955; А. В. Миртов 1954).

■ 1. «Педагогически нецелесообразна «слитная» подача многобуквенных слов, четко членимых в своих элементах. Сжатость и одновременная расчлененность написания — путь 1) к более правильному произношению, 2) к равномерному вниманию (осознанию) к каждому слагаемому в сложном слове, 3) к наиболее легкому зрительному запоминанию правописания и т. п.» (А. В. Миртов 1954).

□ 2. Создается лишнее исключение из общего правила о слитном написании существительных, образованных при помощи соединительных гласных.

□ 3. Если последовательно придерживаться данного предложения, то через дефис пришлось бы писать и такие слова, как *пароходо-строение*, *самолетостроение*, *паровозоремонт* и др. (формально слово *паро-ходо-строение*, так же как и *светo-водо-лечебница*, имеет три компонента, два первых из которых оканчиваются на соединительную гласную). Это привело бы к ломке прочных орфографических навыков.

■ 4. Используется возможность избегать длинных графических слов.

□ 5. Рассматриваемые образования малочастотны, поэтому их безболезненно можно было бы подвести под общее правило о слитном написании сложных слов с соединительными гласными.

II. Существительные этого типа писать слитно: *грязеводолечебница*, *световодолечебница*, *мясохладобойня* (Проекты свода 1939_2, 1940, 1947, 1948, 1951; Н. М. Шанский 1954; Свод 1956).

■ **1.** Предложение соответствует общему правилу о слитном написании сложных существительных с соединительными гласными. «Слитное написание графически вводит эти слова в круг аналогических по образованию слов (ср. *паровозостроение*, *самолетостроение*), целиком соответствует морфологическому принципу» (Н. М. Шанский 1954).

■ **2.** Рассматриваемые слова малочастотны, их написание безболезненно можно унифицировать.

б. Сложные существительные, состоящие из двух самостоятельно употребляющихся компонентов

I. Образования этого типа писать через дефис, независимо от того, склоняется ли только второй компонент или оба компонента: *жар-птица*, *бой-баба*, *изба-читальня*, *горе-писатель*, *генерал-лейтенант* (И. И. Давыдов 1852; Ф. И. Буслаев 1858; Проект 1930; Проекты свода 1936—1955; Свод 1956; Дискуссия 1962°).

■ **1.** Получается одно простое правило для всех случаев. Пишущему не нужно отличать сложные слова от словосочетаний, включающих в свой состав приложение: как одни, так и другие пишутся через дефис. Это удобно, так как разграничение названных двух категорий не всегда легко осуществимо (ср. *инженер-механик* и *учитель-словесник*) [1].

■ **2.** Учитываются устойчивые орфографические традиции и навыки.

II. Те образования, в которых первый компонент не склоняется, писать слитно; те, в которых склоняются оба компонента, писать через дефис, например: *гореписатель*, *жарптица*, *бойбаба*, *генераллейтенант*, но *изба-читальня*, *вагон-ресторан* (Дискуссия 1954; Т. С. Ворошилова 1962).

■ **1.** Различное написание отражало бы существенное грамматическое различие рассматриваемых образований (а не различия в самих реалиях, обозначаемых словами). Цельнооформленность сложных слов, выражающаяся в потере склоняемости первого компонента, поддерживалась бы слитным написанием.

В письме отграничивались бы сложные слова типа *жарптица* от образований типа *изба-читальня*; в принадлежности последних к сложным словам можно сомневаться.

Если сложения типа *изба-читальня* все же признать сложными словами (как это принято в существующих правилах орфографии), на письме были бы отграничены одни типы сложных слов от других (*жарптица* и *изба-читальня*).

---

[1] См.: Т. А. Бертагаев. Отграничение сочетаний с приложением от сходных сочетаний. — «Русский язык в школе», 1957, № 1, стр. 17.

■ **2.** Во многих технических терминах трудно установить, является ли первый компонент самостоятельным словом (особенно если дело имеем с иноязычными словами) или же представляет собой первый элемент сложного слова, например: *фильтр-пресс*, *вакуум-аппарат*, *вакуум-сушилка*, *шприц-машина*. Предлагаемое правило облегчает письмо, требуя слитного написания обоих морфологических типов (Дискуссия 1962°).

□ **3.** Рассматриваемый словообразовательный тип в современном языке продуктивен. Многие образования этого типа нередко находятся на стадии колебания между склоняемостью и несклоняемостью первого компонента. Итак, в случаях, когда мы не можем с полной уверенностью ответить, склоняется ли первый компонент сложения, согласно данному предложению, неизвестное (написание) приходилось бы объяснять неизвестным (наличием или отсутствием склонения).

□ **4.** Нарушаются традиционные орфографические навыки.

III. Образования этого типа писать раздельно, независимо от того, склоняется или не склоняется их первый компонент, например: *горе писатель*, *жар птица*, *бой баба*, *генерал лейтенант*, *изба читальня*, *вагон ресторан* (Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесников 1963; А. Б. Шапиро 1963°; М. М. Копыленко и Я. И. Шубов 1964).

■ **1а.** Проводится один формальный принцип: самостоятельно оформленные слова писать отдельно в отличие от «обрубков» слов, не имеющих самостоятельного морфологического оформления (компонентов сложных слов, образованных при помощи соединительных гласных, компонентов сложносокращенных слов и др.) (Дискуссия 1962°).

□ **1б.** Многие слова, принадлежащие по форме к склоняемым словам, но утерявшие склоняемость в определенных словосочетаниях, вряд ли можно считать грамматически самостоятельно оформленными. В флективных языках такие несклоняемые элементы приближаются к тем «обрубкам» слов, которые принято писать то через дефис, то слитно.

■ **2.** Такие написания не являются беспрецедентными. В русском языке раздельно пишутся сочетания имени и отчества, которые в разговорной речи нередко теряют склоняемость первого компонента (имени) (ср. *Я встретил Сергей Ивановича*) (Дискуссия 1962°).

□ **3.** Получается значительная ломка прочных орфографических навыков.

в. Сложные существительные, образованные соединением глагольной части на и, й и существительного

I. Существительные этого типа как правило писать через дефис: *перекати-поле*, *сорви-голова*, *гуляй-город* (Дискуссия 1934°; Проекты свода 1936—1947).

■ **1.** Цельнооформленность рассматриваемых слов, о чем говорит склоняемость второго компонента (например, *перекати-поле*, род. п. *перекати-поля*), исключает возможность раздельного написания; следовательно, выбор может быть только между дефисным и слитным написанием. В пользу дефисного написания говорит то, что тенденция цельнооформленности в этих словах выдержана не до конца: в некоторых словах сохраняются два ударения (или наблюдаются колебания между одним и двумя ударениями), например: *перекати́-по́ле*, но *сорви́голова́* и *сорви́голова*.

■ **2а.** «Написание через дефис зрительно подчеркивает их условный характер» (А. Б. Шапиро 1951).

□ **2б.** Наличие элементов условности нельзя считать основанием для дефисного написания, поскольку этот принцип в целом не выдержан в русской орфографии. С известной условностью наименований (когда слова употребляются не в своем основном значении) мы встречаемся сплошь и рядом, однако не отражаем этих семантических особенностей дефисным написанием, например: *белый гриб*, названия растений *медвежье ухо*, *вороний глаз* и т. п. (Дискуссия 1962°).

■ **3.** При дефисном написании сохраняется наглядность морфологического состава слова, что для слов, имеющих столь выразительную внутреннюю форму, не безразлично (Дискуссия 1962°).

□ **4.** Рассматриваемые слова образованы по моделям, непродуктивным в современном языке. В настоящее время между компонентами этих слов не существует живых синтаксических связей. Это создает настолько тесную связь компонентов сложного слова, что можно допустить не только дефисное, но и слитное написание.

□ **5.** Дефисное написание противоречит тенденции писать данные образования слитно, так как многие раньше писавшиеся через дефис слова пишутся теперь по-другому: *скопидом*, *горицвет*, *держидерево*. В таких условиях сохранившееся дефисное написание в настоящее время носит характер исключения.

II. Существительные этого типа без исключения писать слитно: *сорвиголова*, *скопидом*, *гуляйгород*, *перекатиполе* (Дискуссия 1962; А. Б. Шапиро 1963°; Я. И. Шубов 1963°; Д. Э. Розенталь 1964).

■ 1. Создается общее правило написания для всех склоняемых существительных с глагольной первой частью на *и*, *й* (одинаково предлагается писать слова *сорвиголова* и *вершишейка*).

■ 2. Унифицируется слитное написание имен собственных и имен нарицательных (ср. *Вершигора* и *сорвиголова*).

■ 3. Слитное написание поддерживается отсутствием живых синтаксических связей между компонентами сложных слов.

□ 4. Слитное написание способствует опрощению структуры этих слов, ведет к потускнению их внутренней формы и образности. Все это в какой-то мере обедняет язык.

□ 5. Наличие двух ударений (или колебания между одним или двумя ударениями) в некоторых из рассматриваемых слов (например, *сорвиголова́*) делает нежелательным их слитное написание, что могло бы повлечь за собой неверное чтение: *сорвиголова* [сърв'ьгълава́].

■ 6. Слитное написание соответствует сложившейся тенденции развития орфографии.

В настоящее время большинство слов данной модели пишется уже слитно (например, Орфографический словарь 1956: *держиморда*, *держидерево*, *сорвиголова*, *горицвет*, *скопидом*). Такие написания, как *перекати-поле*, *гуляй-город*, по сути дела, стали исключениями в ряду слитно пишущихся слов.

В. Предложения, основанные на учете морфологической структуры и семантики сложных существительных

а. Сложные названия растений, включающие в свой состав союз

I. Существительные этого типа писать через дефис: *иван-да-марья*, *мать-и-мачеха* (А. Х. Востоков 1831; И. И. Давыдов 1852; Ф. И. Буслаев 1858; Свод 1956; Дискуссия 1962°).

■ 1а. Компоненты таких названий имеют терминологический характер, они как будто бы заменяют одно слово, семантически они нечленимы, их общее значение не выводится из значений их компонентов. «Написание через дефис подчеркивает их условный характер» (А. Б. Шапиро 1951).

□ 1б. Однако из того, что словосочетание выполняет функцию одного слова и выражает одно понятие, еще не следует, что его надо писать через дефис; например, раздельно пишутся многие словосочетания, выражающие одно понятие.

□ **2а.** Рассматриваемые названия внешне напоминают аналогичные свободные словосочетания типа *брат и сестра*, всегда пишущиеся раздельно (Дискуссия 1962°).

■ **2б.** Однако это сходство чисто внешнее. На самом же деле они цельнооформленные единицы, поскольку в них склоняется только последний компонент названия, ср. свободные словосочетания *брат и сестра*, *к брату и сестре*, но *здесь нет иван-да-марьи*. Между компонентами рассматриваемых названий нет живых синтаксических связей. Графически эту цельнооформленность хорошо передает дефисное написание (Дискуссия 1962°).

□ **3.** Непродуктивность данной словообразовательной модели говорит против сохранения дефисного написания в рассматриваемых словах. Правила, созданные для единичных случаев, по сути дела, имеют характер исключений. Такие написания лучше подвести под общее правило.

II. Существительные этого типа писать раздельно: *мать и мачеха*, *иван да марья* (Дискуссия 1954).

■ **1.** Раздельное написание соответствовало бы раздельному написанию других словосочетаний, имеющих значение одного слова, ср. *вороний глаз*, *медвежье ухо*.

■ **2а.** Раздельное написание соответствовало бы раздельному написанию условных названий типа «*Серп и молот*».

□ **2б.** Однако целостность этих названий выражается кавычками, а существительные типа *иван-да-марья* без дефиса не будут иметь знака их единства.

■ **3а.** «Совершенно отдельные слова следует писать без дефиса»: *мать и мачеха*, *иван да марья* (В. С. Габо 1955).

□ **3б.** Несклоняемость первой части названия ставит под сомнение самостоятельность компонентов этих сочетаний (Дискуссия 1962°).

■ **4а.** Непродуктивность рассматриваемой словообразовательной модели говорит, может быть, в пользу унификации написаний внешне сходных синтаксических конструкций, ср. *мать и мачеха*, *брат и сестра*, завод «*Серп и молот*».

□ **4б.** См. предложение I, п. 2б.

б. Сложные названия должностей, званий, титулов и др., начинающиеся иноязычным первым элементом

Следует оговорить, что число и состав иноязычных элементов, в соединении с которыми сложные слова предлагается писать через дефис, в различных справочных и учебных пособиях не совпадают. Например, И. И. Давыдов (1852) приводит три слова: *вице-губернатор*, *контр-адмирал*, *штаб-офицер*. А. А. Хованский требует дефис писать в словах: *обер-офицер*, *унтер-офицер*, *штаб-офицер*, *штаб-лекарь* и *штабс-капитан* (1860). В справочнике

В. А. Зелинского (1886) приведены слова *обер-гофмаршал*, *обер-офицер*, *обер-кондуктор*, *унтер-офицер*, *штаб-лекарь*, *штаб-офицер*. В дискуссии 1934° было сформулировано общее предложение писать через дефис иноязычные приставки *обер-*, *унтер-*, *суб-*, *вице-*, *экс-* и слово *контр-адмирал*. В справочнике К. И. Былинского и Н. Н. Никольского 1947 г. даны элементы *обер-*, *унтер-*, *вице-*, *экс-*, *суб-* и слово *контр-адмирал* (здесь же впервые указывается на общность семантики этих слов, а именно обозначение должностей, чинов, званий). В этом же справочнике 1952 г. издания приведены только элементы *обер-*, *унтер-*, *вице-*, *экс-* и слово *контр-адмирал*. В своде 1956 г. указаны иноязычные элементы: *обер-*, *унтер-*, *вице-*, *экс-*, *лейб-*, *штаб-* и слово *контр-адмирал* (без указания на семантику этих сложных слов). В таком же виде эти элементы даны и у Д. Э. Розенталя (1962).

На самом же деле перед нами имеется группа по традиции через дефис пишущихся разных слов, трудно подводимых под какое-либо одно правило. Правила, указывающие на семантику рассматриваемых сложных слов, не охватывают написания таких слов, как *штаб-квартира*, *лейб-гвардия* и др. Правила, ограничивающиеся только перечнем возможных иноязычных первых элементов (без указания на семантику всего сложного слова), не отграничивают такие слова, как *экс-чемпион*, от слитно пишущихся слов *экспонат*, *экспорт* и т. п. По сути дела, написание этих слов определялось всегда в словарном порядке.

Iа. Слова с иноязычными первыми элементами *обер-*, *унтер-*, *вице-*, *экс-*, *штаб-*, *лейб-*, обозначающие должности, чины, звания, титулы, писать через дефис: *обер-мастер*, *унтер-офицер*, *вице-президент*, *экс-министр*, *штаб-капитан*, *лейб-лекарь* (К. И. Былинский и Н. Н. Никольский 1947; Дискуссия 1964, 1964*).

□ **1.** Установление правил правописания для отдельных лексико-семантических групп слов противоречит формально-морфологическому принципу, применяемому в основном в написании сложных существительных (Дискуссия 1962°).

□ **2.** Данное предложение не дает ответа на вопрос, как писать слова, содержащие в своем составе рассматриваемые иноязычные элементы, но не являющиеся обозначениями чинов, должностей и званий, например: *лейб-гвардия*, *штаб-квартира*, *штаб-полк* (по традиции и эти образования пишутся через дефис).

■ **3.** В словах, образованных по указанной модели, второй компонент может употребляться в русском языке самостоятельно, например: *обер-мастер*, *унтер-офицер*, *вице-президент*, *экс-чемпион*. Дефис подчеркивает их самостоятельность (Дискуссия 1962°).

■ **4а.** Дефисное написание перечисленных слов дает возможность отражать полисемию или омонимию первого элемента сложения; ср. *экс-чемпион и экспонент*. Исконно латинская приставка *ex-* здесь употребляется в весьма различных значениях. Также и *контр-* в слове *контр-адмирал* «имеет не то значение, при котором оно пишется слитно» (Свод 1956).

□ **4б.** Принцип различать на письме семантически различные вещи в русской орфографии в целом не соблюдается (ср. одинаковое написание многозначной приставки *архи-* в словах *архиепископ и*

архиреакционный). При таких условиях графическое разграничение написаний *контр-адмирал* и *контратака* является исключением из общего закона.

■ 5а. В одной части рассматриваемых слов, а именно в словах с приставками *вице-*, *экс-* (и в слове *контр-адмирал*), дефисное написание соответствует их написанию во французском языке, из которого (или через который) они заимствованы; следовательно, эти орфограммы обоснованы исторически; не следует пренебрегать этой близостью (пусть частной) двух орфографических систем (Дискуссия 1962°).

□ 5б. Но вообще дефисное написание рассматриваемой группы сложных слов не отражает последовательно оригинального написания калькированных (или транскрибированных) иноязычных слов (ср. нем. *Unteroffizier — унтер-офицер*; *Obermeister — обер-мастер*) и др.

■ 6а. Данное предложение поддерживается длительной традицией писать через дефис рассматриваемые слова.

□ 6б. Однако следует заметить, что число иноязычных элементов, в соединении с которыми сложные слова (обозначающие чины, звания и должности) предлагается писать через дефис, не является строго определенным, а состав этих элементов весьма разнообразен и пестр.

■ 7. «Образования данного типа относятся к числу непродуктивных, в связи с чем приведенное правило [о дефисном написании рассматриваемых сложных слов] не имеет существенного значения» (А. Б. Шапиро 1951).

Iб. Слова с иноязычными первыми элементами *обер-*, *унтер-*, *вице-*, *экс-* *штаб-*, *лейб-* (независимо от их семантики), а также слово *контр-адмирал* писать через дефис: *обер-мастер*, *унтер-офицер*, *экс-чемпион*, *вице-президент*, *штаб-квартира*, *лейб-гвардия* (Дискуссия 1934°; Проекты свода 1936—1955; Свод 1956).

■ 1. См. предложение Iа, п. 3, 5а, 6а.

□ 2. См. предложение Iа, п. 5б, 6б.

■ 3а. Независимо от семантики, унифицируется написание сложных слов, имеющих в первой части одни и те же иноязычные элементы, например: *штаб-офицер* и *штаб-квартира*, *лейб-медик* и *лейб-гвардия*.

□ 3б. Распространение дефисного написания на все сложные слова с перечисленными иноязычными элементами (без связи этого правила только со словами, обозначающими чины, звания и должности) привело бы к таким написаниям, как *экс-понат*, *экс-порт*, *обер-тон*, *унтер-тон* и т. п., что противоречит общему

правилу о слитном написании приставок и нарушает устойчивые орфографические навыки (Дискуссия 1962°).

II. Слова с иноязычными первыми элементами *обер-*, *унтер-*, *вице-*, *экс-*, *штаб-*, *лейб-*, а также слово *контр-адмирал* писать слитно: *обермастер*, *унтерофицер*, *экчемпион*, *вицепрезидент*, *штабквартира*, *лейбгвардия* (А. Б. Шапиро 1933; Дискуссия 1934°; Дискуссия 1954; Дискуссия 1962*; *Д. Э. Розенталь 1964*; Я. И. Шубов 1963°; Проект 1964; Дискуссия 1964*).

■ 1. Слитное написание слов с элементами *экс-*, *суб-*, *контр-*, *вице-* соответствует общему правилу о слитном написании слов с приставками (как русскими, так и иноязычными) и «полупрефиксами», например: *контрадмирал* так же, как *контратака*, *субинспектор* так же, как *субтропики* и т. п. (Дискуссия 1962°).

■ 2а. Слитное написание слов с первой частью *лейб- обер-*, *унтер-* подчиняется общему правилу о слитном написании слов, один из элементов которых не употребляется самостоятельно в русском языке (*обермастер* писать так же, как *фельдмаршал*).

□ 2б. Элементы *унтер*, *обер* хотя и оказионально, все же употребляются иногда самостоятельно (А. А. Реформатский 1963°).

□ 3. Под вопросом остается написание сложных слов с первым элементом *штаб-* (*штаб-офицер*, *штаб-квартира*). С точки зрения русского языка они имеют такую же структуру (сочетание двух существительных), как *генерал-майор*, которые пишутся обычно через дефис.

□ 4а. Теряется возможность графически отражать полисемию (или омонимию) первого элемента сложного слова, ср. *контр-адмирал* и *контрудар* (*контр-* имеет весьма различные значения).

■ 4б. В русской орфографии в целом не соблюдается принцип графически отражать семантические различия слов. При таких условиях графически различное написание приставки *контр-* является исключением из общего закона.

■ 5. См. предложение I, п. 7.

в. Сложные названия политических партий и т. п., в которых первый компонент не образует самостоятельного слова

I. Сложные названия этого типа писать через дефис: *социал-демократ*, *национал-демократ*, *национал-социализм* (Дискуссия 1934°; Проекты свода 1936_2, 1940, 1951; Свод 1956).

■ 1. Устанавливается единообразное написание семантически аналогичных образований *социалист-революционер*, *марксизм-ленинизм*,

состоящих из двух самостоятельно употребляющихся слов, и таких, как *социал-революционер*, *национал-демократия*.

□ **2.** В принципе русская орфография базируется на учете особенностей структуры слова; семантика слов (в данном случае принадлежность слов к определенной лексико-семантической группе) как правило мало принимается во внимание; следовательно, данное предложение носит характер исключения из общего правила, поскольку противоречит общим принципам.

■ **3а.** Наглядно выявляется морфологический состав слова. Это важно, поскольку оба компонента названия здесь как правило имеют определенную семантическую нагрузку (Дискуссия 1962°).

□ **3б.** В русской орфографии в целом не соблюдается принцип отражать при помощи дефиса значимость компонентов сложного слова, ср. слитное написание сложносокращенных слов: *пединститут*, *медсестра* и т. п.

■ **4.** Предложение соответствует существующей орфографической практике.

II. Слова этого типа писать слитно: *социалдемократ*, *социалреволюционер*, *националдемократия* и т. п. (А. Б. Шапиро 1933; Дискуссия 1954; Т. С. Ворошилова 1962; Д. Э. Розенталь 1963°; М. М. Копыленко и Я. И. Шубов 1964).

■ **1.** Написание названий политических партий перестает быть исключением из общего правила о слитном написании сложных слов, имеющих в своем составе элементы, не употребляющиеся самостоятельно в языке.

□ **2а.** По этому предложению получился бы разнобой в написании семантически аналогичных образований *социалист-революционер* и *социалреволюционер*.

■ **2б.** Правда, в принципе русская орфография базируется на учете особенностей структуры слова; семантика слов (в данном случае их принадлежность к определенной лексико-семантической группе) как правило мало принимается во внимание при создании норм орфографии.

□ **3а.** Но при этом затемняется морфологический состав сложных слов, в которых оба компонента названия имеют определенную семантическую нагрузку.

■ **3б.** Поскольку затемнение морфологического состава происходит в бесчисленном числе слитно пишущихся слов, слитное написание в данном случае оказалось бы в русле общей тенденции.

□ **4.** Нарушаются прочные орфографические навыки и традиции.

г. Предложения, относящиеся к написанию сочетаний определяемого слова с тесно примыкающим к нему однословным приложением

I. Такие сочетания писать через дефис: *учитель-словесник*, *кумалиса*, *волшебница-зима*, *мать-старуха* (И. И. Вальков 1875; Проект 1930; Дискуссия 1934°; Свод 1956; Дискуссия 1962°).

■ 1. Дефисное написание практически удобно, поскольку пишущим не придется отличать сложные слова типа *инженер-механик* от словосочетаний типа *мать-старуха*, что иногда не под силу даже лингвисту (Дискуссия 1962°).

■ 2а. Сочетание определяемого слова с последующим однословным приложением образует одно интонационное единство, этим оно отличается от многословного определения.

□ 2б. Однако этим создается разнобой в написании однословных и многословных приложений, представляющих одну грамматическую категорию.

□ 3а. Дефис при этом получает две взаимоисключающие функции: 1) быть показателем цельнооформленности одного слова, например: *юго-западный ветер*, *жар-птица*; 2) быть показателем синтаксических отношений двух самостоятельных слов, например: *учитель-словесник*, *мать-старуха*. Освободиться от этой противоречивой многофункциональности дефиса было бы полезно, например, убрав его в конструкциях с приложением.

■ 3б. Указанные функции в русской орфографии и без этого противопоставлены нечетко; см. синтаксическую функцию дефиса в таких парных сочетаниях, как *тоненький-тоненький*, *купля-продажа*, *путь-дорога* и т. п. Наличие дефиса во многих разнородных конструкциях, вероятно, является проявлением омографии (Дискуссия 1962°).

■ 4. Сохраняется устойчивая орфографическая традиция.

II. Такие сочетания писать раздельно: *мать старуха*, *учитель словесник* (Дискуссия 1954; Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесников 1963; А. Б. Шапиро 1963°; М. М. Копыленко и Я. И. Шубов 1964).

■ 1. Устанавливается единообразное раздельное написание для приложения как единой синтаксической категории независимо от того, выражено ли приложение одним или несколькими словами.

■ 2а. Данное предложение способствует специализации функций дефиса: дефис остается для графического обозначения связей компонентов сложного слова, в то время как определяемое слово с приложением пишется раздельно (Дискуссия 1962°).

□ 2б. Полному разграничению функций дефиса препятствует употребление дефиса в написании парных сочетаний слов, например:

толстый-претолстый, *один-единственный*, *правда-истина*, *приход-расход*, *грибы-ягоды* и др. В данных примерах дефис объединяет отдельные слова в одно сочетание, а не части слов в одно слово.

■ **3а.** Грамматически отличаются сложные слова типа *жар-птица* от словосочетаний определяемого слова с приложением типа *мать-старуха*.

□ **3б.** Разграничить эти категории на практике очень трудно. Пишущему (освобожденному от таких раздумий при существующих правилах орфографии) в случае принятия данного предложения пришлось бы в каждом отдельном случае самостоятельно решать вопрос, как отграничить сложное слово от словосочетания, состоящего из определяемого слова и приложения (Дискуссия 1962°).

□ **4.** Последовательное проведение данного предложения повлекло бы за собой значительную ломку прочных орфографических навыков.

НАПИСАНИЕ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Принимается следующее деление:

А. Предложения, относящиеся ко всей категории сложных прилагательных.

Б. Предложения, основанные на учете связи между компонентами сложных прилагательных.

В. Предложения, основанные на учете структурных особенностей сложных прилагательных.

а. Сложные прилагательные, образованные при помощи соединительных гласных.

б. Сложные образования, состоящие из наречия и прилагательного (а также причастия).

Г. Предложения, основанные на учете структуры и семантики сложных прилагательных.

а. Сложные прилагательные с соединительными гласными, обозначающие качество с дополнительным оттенком.

б. Сложные прилагательные, образованные из двух основ прилагательных, обозначающие оттенки цветов.

Предложения

А. Предложения, относящиеся ко всей категории сложных прилагательных

I. Сложные прилагательные всегда писать слитно: *машиностроительный*, *сельскохозяйственный*, *машиннотракторный*, *вечнозеленый*, *высокоуважаемый*, *горькосоленый*, *синезеленый*, *иссинячерный*, *серебристосерый*, *северовосточный*, *круглолицый*, *англорусский*

(Проект 1930; Дискуссия 1934°; Дискуссия 1954; В. С. Габо 1955; Дискуссия 1962; Предложения Академии педагогических наук 1962°, П. А. Лекант 1963; Дискуссия 1964*).

■ **1а.** Устанавливается одно общее простое правило, охватывающее написание всех прилагательных.

□ **1б.** Трудность остается в отграничении сложных прилагательных от словосочетаний, состоящих из наречия и прилагательного, например: *мужественно суровый вид* и *мужественносуровый вид*, *мещански провинциальные манеры* и *мещанскипровинциальные манеры*.

□ **1в.** Получается разнобой в написании прилагательных и существительных (имеется в виду, что правописание сложных существительных остается прежнее, допускающее полуслитные написания), например: *северо-восток*, *социал-демократ*, но *северовосточный*, *социалдемократический*.

■ **2.** Чисто механическое правило освобождает пишущего от необходимости определять написание производных прилагательных по написанию соответствующих существительных (как это делается согласно существующим правилам орфографии: *дизельмоторный* через дефис, потому что *дизель-мотор*, *северо-восточный*, потому что *северо-восток*, и т. п.) (Дискуссия 1962°).

■ **3.** Предложение освобождает пишущего от необходимости вникать в сущность синтаксических отношений компонентов сложного прилагательного.

□ **4.** Однако это лишает его возможности выражать смысловые различия в соотношении основ сложного образования, ср. *сине-зеленый* (два цвета) и *синезеленый* (один цвет с оттенком) (А. А. Реформатский 1937).

■ **5а.** В современном русском языке «все сложные прилагательные стали обозначением одного признака, независимо от характера и соотношения производных основ» (П. А. Лекант 1963). И как все слова, выражающие одно понятие, их желательно писать слитно.

□ **5б.** Однако выражение одного понятия не является достаточным аргументом для слитного написания (см. предложение Б а I, п. 1б, 2 — стр. 301).

□ **6.** При слитном написании всех прилагательных в отдельных случаях получаются чрезмерно длинные слова, трудно читаемые и воспринимаемые.

□ **7.** Реализация этого предложения повлекла бы за собой значительную ломку устойчивых орфографических навыков (см. такие непривычные написания, как *изжелтасиний*, *машиннотракторный*, *серебристосерый*, *северовосточный*, *раскатистогромкий* и т. п.)

II. Сложные прилагательные всегда писать через дефис: *сельско-хозяйственный*, *машино-строительный*, *машинно-тракторный*, *вечно-зеленый*, *высоко-уважаемый*, *горько-соленый*, *сине-зеленый*, *иссиня-черный*, *серебристо-серый*, *северо-восточный*, *кругло-лицый* (Дискуссия 1954; Д. П. Кувичко 1955; Дискуссия 1962°, 1962*; Дискуссия 1964*).

■ **1а.** Согласно данному предложению, установилось бы одно простое общее правило, унифицирующее написание всех сложных прилагательных.

□ **1б.** Хотя и не было бы унифицировано написание всех сложных имен (существительных и прилагательных), если написание существительных остается прежним: слитное и дефисное.

□ **2.** При осуществлении данного предложения остается непреодоленной трудность, возникающая при разграничении сложных прилагательных и словосочетаний, состоящих из наречия и прилагательного, например: *мало-посещаемые* (лекции), но *свободно падающее* (тело) (Д. Э. Розенталь 1963°).

□ **3.** При дефисном написании затемняется словообразовательная база прилагательных (ср. *водо-проводный*, но *водопровод*, *паровозный*, но *паровоз*; *благо-дарный*, но *благодарность*, *крово-смесительный*, но *кровосмешение* (Дискуссия 1962°).

□ **4.** При дефисном написании всех прилагательных, так же как и при слитном написании, отпадает возможность выражать различия в соотношении основ сложного образования, ср. *сине-зеленый* и *синезеленый* (А. А. Реформатский 1937).

■ **5.** Это радикальное средство избежать громоздких, графически длинных слов. Дефисное написание членит длинные буквосочетания на смысловые части, что облегчает осмысление и ускоряет чтение текста (Дискуссия 1962°).

□ **6.** Нарушаются устойчивые орфографические навыки: через дефис пришлось бы писать прочно сросшиеся и подвергшиеся процессам опрощения прилагательные, например: *кругло-лицый*, *целе-сообразный*, *целе-устремленный*, *дально-зоркий*, *просто-душный*, *прямо-линейный*, *полно-кровный*, *просто-волосый*, *благо-родный*, *благо-дарный*, *паро-ходный*, *паро-возный*, *хладно-кровный* и др.

Б. Предложения, основанные на учете связи между компонентами сложных прилагательных

I. Сложные прилагательные с равноправными компонентами писать через дефис, с неравноправными компонентами — слитно: *машинно-тракторный*, *северо-восточный*, *сине-зеленый* (флаг), но *машиностроительный*, *сельскохозяйственный*, *вечнозеленый*, *высоко-*

уважаемый, *горькосоленый*, *синезеленый* (зеленый с синим оттенком), *иссинячерный* (Дискуссия 1934°; А. А. Реформатский 1937; Проекты свода 1936—1955; Свод 1956; Дискуссия 1962°).

Примечание. Это предложение не всеми инициаторами проводится последовательно. В ряде предложений, основанных на рассматриваемом принципе, в отдельных случаях предлагается писать через дефис неравноправные слагаемые: *бледно-розовый*, *темно-голубой*, *изжелта-красный* (Проект свода 1936_1; Свод 1956) и слитно—равноправные: *грудобрюшная* (преграда), *индоевропейские* (языки) (Проект свода 1940; Свод 1956). Исключение из общего правила представляет также дефисное написание сложных прилагательных, образованных из сочетания прилагательного с существительным, в случаях перестановки компонентов (*литературно-художественный*), а также при наличии суффикса *-ико-* (*историко-филологический*, *политико-массовый*) в первом компоненте сложного слова (Проект свода 1939). В прилагательных, производных от существительных, сохраняется исходное написание (*пароход — пароходный*, *краевед — краеведческий*, но *северо-восток — северо-восточный*, *унтер-офицер — унтер-офицерский*). Таковы были предложения (Проекты свода 1939—1955; Свод 1956), так складывалась практика. Однако в некоторых случаях сохранение исходного написания в производных прилагательных противоречит рассматриваемому предложению: слитно приходится писать прилагательные с равноправными компонентами, например *англосаксонский* (*англосакс*).

□ 1. Это предложение не согласовано с написанием существительных (имеются в виду существующие правила написания существительных), так как существительные, первый компонент которых имеет соединительную гласную, пишутся слитно и при наличии сочинительной связи (Дискуссия 1962°).

□ 2. Остается трудность отграничения сложных прилагательных от словосочетаний, состоящих из наречий, оканчивающихся на *о*, *е*, и прилагательного или причастия, ср. *мелкобитые льды* и *мелко битое стекло* (Д. Э. Розенталь 1964).

□ 3. Сочинение и подчинение не охватывает всех многообразных взаимоотношений компонентов, входящих в состав сложных прилагательных. В современном русском языке весьма продуктивен способ образования сложных прилагательных из компонентов, не связанных между собой ни по способу подчинения, ни по способу сочинения; например сложное прилагательное *военнополевой* (суд) образовано из словосочетания *полевой военный* (суд), в котором прилагательное *полевой* непосредственно не связано с другим прилагательным *военный*, а определяет сочетание *военный суд* (Я. И. Шубов 1959).

■ 4а. Используется возможность выражать языковые различия в соотношении основ сложного образования. «Слитность и раздельность написания должна определяться, исходя из изучения лексико-грамматической стороны языка. Более чем где-нибудь в этом вопросе господствует неверное убеждение, что выбор того или иного способа написания есть чистая условность, так как и все письмо в целом есть только внешний «костюм» языка. Орфографические правила должны отражать языковые отношения и

быть удобным и гибким выразительным средством наряду с другими языковыми приемами. . . Орфография — не произвольный «костюм» языка, а именно система норм письменной речи как особой формы языка» (А. А. Реформатский 1937).

□ **4б.** Прилагательные типа *железнодорожный* и *агитационно-пропагандистский* в современном русском языке по своей структуре, как языковые единицы, тождественны, и проводить прямую аналогию между компонентами сложного прилагательного и соответствующими словосочетаниями невозможно, поскольку компоненты сложного слова не сохраняют грамматических значений членов исходных словосочетаний [1]. Сочинение или подчинение в данном случае никак не выражено ни грамматически, ни акцентологически (В. Н. Сидоров 1964°).

■ **4в.** Строение каждой языковой единицы определяется отношениями синтагматическими и парадигматическими. Синтагматически единицы *железнодорожный* и *черно-белый*, конечно, тождественны, в обеих налицо сочетание первой части основы со второй с помощью соединительной гласной. Но парадигматически они различны: одна соотносится с сочетанием «прилагательное+существительное» (*железная дорога*), другое — с сочетанием «прилагательное+прилагательное» (*черный и белый*). Эти отношения отнюдь не этимологические; они даны в современном русском языке; они характеризуют строение данных единиц и имеют законное право на отражение в написании слова (Дискуссия 1962°).

□ **5а.** Не всегда ясен тип словообразования сложных прилагательных (Д. Э. Розенталь 1964). Разрешение вопроса о смысловом взаимоотношении между составными частями прилагательного часто требует от пишущего сложного анализа, сопоставления прилагательного с определенным словосочетанием; в ряде случаев возможны сопоставления и с сочетанием сочинительным, и с сочетанием подчинительным. «Не все прилагательные, являющиеся сложными по своему составу, поддаются ясному истолкованию с точки зрения смысловых взаимоотношений между их составными элементами. . ., например *серенько-счастливая жизнь* (от *серенькое счастье* или *счастливая, однако серенькая*?)» (А. Б. Шапиро 1951).

□ **5б.** Сами понятия «сочинительная» или «подчинительная» связь, «равноправность» и «неравноправность» компонентов — общи, абстрактны, а подчас и неточны. Они не дают ясного критерия пишущему. Высказывалось мнение, что дефисное написание

---

[1] См.: В. П. Григорьев. К вопросу о «грамматических отношениях» между компонентами сложного существительного. — «Русский язык в школе», 1959, № 5, с. 23—29; Н. И. Прокопович. О разграничении словосочетаний и сложных прилагательных. — «Русский язык в школе», 1961, № 4, стр. 6—11.

в сложных словах типа *бледно-розовый*, *золотисто-желтый* и др. «можно свести к сочетаниям равноправных понятий: *бледный и розовый*, *золотистый и желтый*» (В. А. Добромыслов 1954).

□ **6.** Двоякое написание (*народнохозяйственный*, *малоупотребительный* и *беспроцентно-выигрышный*, *светло-зеленый*) фонематически ни на чем не основано: диэремные явления в обоих случаях одинаковы (Дискуссия 1962°).

■ **7а.** Дефисное написание, предусматриваемое данным предложением, в некоторой мере сокращает число графически длинных слов.

□ **7б.** Однако не радикально, поскольку длинные слова могут возникать и при наличии подчинительной связи компонентов (ср. *словообразовательный*, *человеконенавистнический* и др.) (Дискуссия 1962°).

■ **8.** Данное предложение не требует ломки прочных орфографических навыков.

■ **9а.** Предлагаемый принцип применяется и в других славянских языках. Так, в основном через дефис пишутся прилагательные с сочинительной связью компонентов, например: русск. *англо-японский*, чешск. *marxisticko-leninský*, *žluto-zelený* (желтый и зеленый флаг), польск. *lexykalno-semantyczny*, укр. *машинно-тракторний*, слитное же написание отражает подчинительную связь составных частей, например: русск. *народнохозяйственный*, чешск. *občanskoprávní*, *žlutozelený* (желтый с зеленым оттенком), польск. *śródziemnomorski*, укр. *сільськогосподарський* и т. п.

□ **9б.** Но это правило модифицируется и усложняется в разных языках исключениями, которые нередко противоречат основному принципу. В польском написании, например, дефис употребляется довольно свободно, ср. *południowo-rosyjski*, *wielko-morawski* и т. п. (С. Жажа 1963).

Iа. Сложные прилагательные при наличии подчинительной связи компонентов писать слитно, а при наличии сочинительной связи — через дефис: *сельскохозяйственная продукция*, но *мясо-молочная промышленность*. Прилагательные, образованные от географических названий, названий народов, языков и языковых групп (или обозначающие народы, языки и языковые группы), писать двояко: 1) через дефис, если эти прилагательные употребляются с существительными *отношения*, *связь*, *дружба*, *конфликт*, *война*, *граница*, *переговоры*, *родство*, *контакт*, *словарь* и их синонимами, при которых возможны только сложные (не простые) прилагательные (прилагательные «обязательной сложности») и если эти прилагательные равнозначны сочетаниям существительных со словами *между . . . и . . .*, *с . . . на . . .* и *от . . . к . . .*: *англо-японские отношения*, *аргентино-бразильская дружба*, *немец-*

ко-русский словарь, *русско-сербскохорватский словарь*, *немецко-французская граница*, *индоевропейско-семитохамитская гипотеза*, *славяно-балтийские связи*, *греко-персидские войны*, *англо-советское соглашение;* 2) слитно все прочие прилагательные, принадлежащие к указанной лексико-семантической группе, но употребляемые с существительными, при которых возможны как сложные, так и простые прилагательные: *индоевропейские языки*, *семитохамитские языки*, *индоафганская раса*, *негроавстралоидный антропологический тип*, *англосаксонское завоевание* (А. Б. Долгопольский 1964°).

□ **1а.** Исключения осложняют общее правило.

□ **1б.** Предлагаемые исключения сложны тем, что необходимо запомнить: 1) лексико-семантическую группу слов, не подчиняющуюся общему правилу, 2) синтаксические условия (сочетание с существительными определенной семантики), при которых слова этой группы пишутся слитно или через дефис, 3) необходимые трансформационные условия (возможность трансформировать рассматриваемые прилагательные в определенные сочетания существительных).

■ **2а.** Смысловые отношения между компонентами прилагательных «обязательной сложности» (*англо-японские отношения*) и между компонентами прочих прилагательных этой семантической группы (*индоевропейские языки*), несомненно, различны. Если вторые прилагательные выражают одно понятие (нередко терминологического характера), то в первых такого тесного слияния компонентов в одно целое не происходит. Слитное и раздельное написание в данном случае подчеркивает это смысловое различие, что в научной и общественно-политической письменной речи очень важно (А. Б. Долгопольский 1964°).

□ **2б.** Однако семантический критерий (выражение одного понятия) для установления правил орфографии весьма неточен, тем более, что в рассматриваемом предложении этот принцип не выдерживается последовательно, поскольку дефисное написание распространяется также на все прилагательные (с сочинительной связью компонентов), не являющиеся исключениями; например, одинаково через дефис предлагается писать *итало-абиссинская война* и *машинно-тракторная станция*, но слитно *италогерманская интервенция*.

■ **3а.** Предложение содержит в себе указание на некоторые структурные признаки словосочетания, помогающие пишущему разобраться в семантических отношениях компонентов прилагательного (наличие в контексте существительных, требующих при себе сложных прилагательных), а также на трансформационные условия.

□ **3б.** Однако и это не всегда помогает. Возможны затруднения пишущего при написании таких словосочетаний, как *грекоримская борьба* (греков и римлян с кем-нибудь или между ними?), *италогерманская военная интервенция*, *польско-литовская уния*, но *польсколитовское государство*, *польсколитовский сейм* (слитно, поскольку слова *государство* и *сейм* не требуют сложных прилагательных).

■ **4.** Однако практически предлагаемое исключение мало затруднит пишущего, поскольку такие написания имеют весьма узкую сферу употребления (в основном в специальных научных текстах и частично в публицистике). Для бытовой и разговорной речи и в художественной литературе роль таких написаний незначительна (А. Б. Долгопольский 1964°).

□ **5.** Данное предложение не исключает полностью двоякого написания одних и тех же лексических единиц, например: *франко-итальянская граница*, но *франкоитальянский фильм* и выше приведенный пример *польско-литовская уния*, но *польсколитовский сейм*.

□ **6.** Предложение дает некоторое число новых орфограмм и расшатывает общий принцип слитного и дефисного написания.

Iб. В трех- и четырехчленных прилагательных графически различать иерархию членов, т. е. разделять при помощи дефиса такие прилагательные на два основных комплекса (даже если их составляющие компоненты равноправны), если в данном контексте они так членимы по смыслу, или писать в таких прилагательных все части через дефис, если эти части в данном контексте по смыслу равноправны: *русско-остякосамоедский словарь* (словарь двух языков) и *русско-остяко-самоедский словарь* (словарь трех языков) (Дискуссия 1962°).

□ **1а.** Общее правило, предлагающее писать дефис в прилагательных с сочинительной связью компонентов, осложняется еще одним исключением: слитно писать равноправные компоненты сложного прилагательного в тех случаях, если этот сложный комплекс по смыслу представляет собой составную часть сложного прилагательного; например, *семито-хамитские* (языки) пишется через дефис, но в составе сложного прилагательного *индоевропейско-семитохамитская* (гипотеза) — слитно.

■ **1б.** См. предложение Iа, п. 4.

■ **2.** Различие дефисного и слитного написания, согласно предлагаемому принципу, играет важную смыслоразличительную роль, этим увеличивается количество информации письменной речи, например: *русско-сербскохорватский словарь* (словарь двух языков) и *русско-сербско-хорватский словарь* (словарь трех языков), *урало-чукотокамчатская гипотеза* (т. е. гипотеза о родстве

уральских и чукотокамчатских языков) и *урало-чукото-камчатское родство* (родство трех, а не двух семей), *англофранко-китайские войны*, но *англо-французский договор* (Дискуссия 1962°).

■ **3.** Предлагаемое правило практически дало бы незначительное число новых орфограмм.

В. Предложения, основанные на учете структурных особенностей сложных прилагательных

а. Сложные прилагательные, образованные при помощи соединительных гласных

I. Сложные прилагательные этого типа писать всегда слитно: *сельскохозяйственный*, *машиннотракторный*, *синежелтый*, *горькосоленый* (Дискуссия 1954; Н. М. Шанский 1954; Дискуссия 1962°; Дискуссия 1964*).

■ **1.** Устанавливается одно общее простое формальное правило написания прилагательных.

■ **2а.** Устраняется разнобой в принципах написания существительных и прилагательных (Дискуссия 1962°).

■ **2б.** Устраняется необходимость сопоставлять написание производных прилагательных данного типа с написанием соответствующих существительных, поскольку правило общее; например, слитное написание слова *финноугорский* устанавливается исходя из данной формы, а не выводится из формы существительного *финноугры*.

□ **3.** В ряде случаев невозможно отграничить первый компонент — прилагательное (в этом случае *о*, *е* — соединительные гласные) от первого компонента — наречия (в этом случае *о*, *е* — не соединительные гласные).

□ **4.** Правило не охватывает написания таких типов словосложения, как *иссиня-черные* (волосы) (Дискуссия 1962°).

■ **5.** По чисто формальному признаку разграничиваются словосочетания типа *металлически звонкий*, *детски наивный* и слова типа *бледноголубой*.

■ **6а.** Отпадает необходимость устанавливать синтаксически-смысловые взаимоотношения между основами сложного слова.

□ **6б.** Однако, с другой стороны, это лишает пишущего возможности выражать различия в соотношении основ сложного образования (ср. *сине-зеленый* и *синезеленый*) (А. А. Реформатский 1937).

□ **7.** Предложение приведет к увеличению числа графически длинных слов.

□ 8. Осуществление этого предложения потребовало бы значительной ломки установившихся орфографических навыков.

II. Сложные прилагательные этого типа всегда писать через дефис: *сельско-хозяйственный*, *машинно-тракторный*, *вечно-зеленый*, *кругло-лицый*, *благо-дарный*, *паро-ходный* и др. (Дискуссия 1954; Дискуссия 1962; Дискуссия 1964).

■ 1. Устанавливается простое правило: писать все прилагательные с соединительными гласными через дефис.

□ 2. См. предложение А II, п. 3, 4, 6.

■ 3. См. предложение А II, п. 5.

IIа. Сложные прилагательные этого типа писать через дефис: *сельско-хозяйственный*, *машинно-тракторный*, *сине-зеленый*. Исключения составляют: 1) прилагательные, образованные от слитно пишущихся существительных (*железобетонный*); 2) прилагательные, вторая часть которых не употребляется самостоятельно (*узкогрудый*); 3) прилагательные, образованные из сочетания наречия с прилагательным (*мелкобитый*) (Д. Э. Розенталь 1963°).

□ 1. Предлагаемое правило осложнено исключениями.

■ 2а. Эти исключения в некоторых случаях дают возможность сохранить установившиеся слитные написания, например: *кругло-лицый*, *целесообразный*, *полнокровный*, *пароходный*, *паровозный*, *многократный*, *глубокоуважаемый* и др.

□ 2б. Однако за пределами предусматриваемых исключений остаются такие по традиции слитно пишущиеся слова, как *целеустремленный*, *дальнозоркий*, *простодушный* и др.

□ 3. Трудно отграничить прилагательные с первым компонентом, оканчивающимся на соединительную гласную (которые предлагается писать через дефис), от прилагательных, образованных из сочетаний наречий с прилагательными (которые предлагается писать слитно); см. такие примеры, как *холодно-сдержанный* (человек), *морально-бытовой* и др.

□ 4. Данное предложение требует значительной ломки установившихся орфографических навыков.

б. Сложные образования, состоящие из наречия и прилагательного (а также причастия)

I. Сложные прилагательные писать слитно, а сочетания наречия с прилагательным (или причастием) — раздельно: *малоупотребительный*, *глубокоуважаемый*, *малозаметный*, *вышеуказанный*, *вечно-зеленый*, *гладкоокрашенный*, *многократный*, но *классово чуждый*, *стихийно бунтарский*, *абсолютно ясный*, *жизненно важный*,

крайне правый, последовательно социалистический (Проекты свода 1936—1955; Свод 1956; Д. Э. Розенталь 1963°; Я. И. Шубов 1963°).

■ **1а.** Данное предложение лингвистически бесспорно.

□ **1б.** Однако оно бесполезно для практического применения, поскольку вся сложность заключается именно в том, что нет никаких структурных признаков для разграничения сложного прилагательного с первым наречным элементом и словосочетания наречий с прилагательными; ср. *скоропортящиеся* (продукты), *высокообразованный, высоковитаминный, низкооплачиваемый, малопосещаемый, нормальнозамкнутый* и *свободно падающее* (тело), *непрерывно действующий* (аппарат), *взаимно выгодные* (условия), *умеренно теплый* (климат), *жизненно важное* (решение), *прямо пропорциональные* (величины) и т. п.

Трудно отличить также слитно пишущиеся сложные имена прилагательные с первым наречным элементом от полуслитно пишущихся прилагательных, обозначающих качество с дополнительным оттенком, например: *нормальнозамкнутый, свежескошенный*, но *грубо-провокационный, искусственно-напыщенная* (фраза) и т. п.

□ **2.** Данное предложение допускает появление графически длинных слов.

■ **3.** Предложение соответствует современной орфографической практике.

II. Допустить факультативность слитного или раздельного написания сложных образований, состоящих из наречия и прилагательного: *слабозагипсованный* и *слабо загипсованный* (Дискуссия 1954; Дискуссия 1962; И. Г. Овчинникова 1963°).

■ **1.** Создается соответствие между языком и орфографией: орфография не пытается четко разграничивать то, что не имеет четкого (ни формального, ни смыслового) разграничения в самом языке. Орфографические трудности в рассматриваемом случае «имеют языковые основания и поэтому чисто орфографическим путем преодолены быть не могут» (Д. Э. Розенталь 1964). Отпали бы трудности, связанные с разграничением сложных прилагательных и сочетаний наречий с прилагательными типа *слаборазвитый, тяжело раненный* и др. (Дискуссия 1962°).

□ **2а.** Допущение двоякого написания (слитного и раздельного) не свойственно русской орфографии вообще, поскольку этим усиливается орфографический разнобой (А. Б. Шапиро 1962).

■ **2б.** Но факультативность написаний допустима, если она отражает подвижность, переходный характер языковых явлений (см. п. 1).

□ **3.** Однако факультативность написания не решает всех сложных вопросов, связанных с орфографией рассматриваемой категории слов. Дело в том, что основу прилагательного, оканчивающуюся на соединительную гласную, трудно отличить от наречия; ср. сложные прилагательные, обозначающие качество с дополнительным оттенком *горько-соленая* (вода), *добродушно-хитрая* (улыбка), *раскатисто-громкий* (голос), *робко-ласковый* (голос). Первый элемент в приведенных прилагательных может быть принят за наречие. Таким образом, факультативность слитного и раздельного написания может быть распространена по ошибке и на полуслитно пишущиеся (в настоящее время) слова, образованные из двух основ прилагательных (Дискуссия 1962°).

■ **4.** Осуществление предложения в принципе не должно вызвать появления новых орфограмм (Дискуссия 1962°).

III. Сложные образования, состоящие из наречия и прилагательного, писать слитно, если они являются терминами в специальных отраслях знания или производства, а также если они являются эпитетами с ограниченной сферой употребления: *дикорастущий*, *густонаселенный*, *разносклоняемый*, *скоропортящийся*, *многоуважаемый*, *праздношатающийся* (А. Б. Шапиро 1933).

■ **1.** В терминологическом употреблении сложные прилагательные нередко получают специфические оттенки значения (которых они не имеют, будучи общеупотребительными), это предполагает более тесную связь компонентов, чему орфографически соответствует слитное написание (Дискуссия 1962°).

□ **2.** Последовательному осуществлению данного принципа препятствует трудность разграничения терминологической и общеупотребительной лексики; многие термины широко употребительны и в обиходной речи, ср. *скоропортящийся*, *умеренно-теплый* и пр.

□ **3.** Согласно данному предложению, терминологическая лексика стала бы изобиловать графически длинными словами.

□ **4а.** Предложение писать слитно слова, имеющие терминологический характер, противоречит существующей орфографической практике писать через дефис прилагательные, образованные из полуслитно пишущихся существительных (*дизель-моторный*), а также состоящие из равноправных компонентов (*плодо-овощные культуры*) или обозначающие качество с дополнительным оттенком (*гнойно-воспалительный*, *огненно-жидкий*, *щелочно-кислотный*) и т. п.

□ **4б.** Последовательное осуществление данного предложения потребовало бы ломки установившихся орфографических навыков.

Г. Предложения, основанные на учете структуры и семантики сложных прилагательных

а. Сложные прилагательные с соединительными гласными, обозначающие качество с дополнительным оттенком

I. Сложные прилагательные этого типа писать через дефис: *горько-соленый*, *грубо-насмешливый* (взгляд), *гордо-благородный*, *желчно-раздражительный* (голос), *нежно-чистый* (взор), *раскатисто-громкий* (голос) (Проекты свода 1947—1955; А. Б. Шапиро 1951; Свод 1956).

□ **1.** Правила, созданные на основании данного предложения, не соответствуют общему принципу о слитном написании неравноправных и дефисном написании равноправных элементов сложных прилагательных (имеются в виду существующие правила орфографии).

□ **2.** Практически это правило трудно применимо. Причина трудности в том, что слова типа *горько-соленый* можно рассматривать как состоящие из неравноправных компонентов, а именно «соленый с горьким привкусом», *раскатисто-громкий* (голос) 'громкий, переходящий в раскаты' и т. п., и с одинаковым основанием — как указывающие на два связанных друг с другом признака *горько-соленый* 'соленый и горький', *раскатисто-громкий* 'громкий и раскатистый'.

□ **3.** Рассматриваемые слова не представляют собой (ни семантически, ни формально) замкнутую, легко выделяющуюся группу слов. Наоборот, под понятие «качество с дополнительным оттенком» можно подвести многое. Сюда можно отнести, например, оттенки цветов (*темно-коричневый*) или признак, свойственный предмету, который обозначен первой основой данного сложения (*мышино-серый* 'серый как мышь', *снежно-белый* 'белый как снег'), сюда же по смыслу могли бы быть отнесены такие раздельно пишущиеся словосочетания, как *детски доверчивые* (глаза), *фанатически преданный* (человек), *рабски покорный* (взгляд), *изнурительно долгий* (путь), *подчеркнуто контрастное* (сопоставление). По смыслу данное предложение может быть распространено и на такие слитно пишущиеся (в настоящее время) слова, как *заразнобольной*, *вечнозеленый*, *свежескошенный* и т. п. (Дискуссия 1962°).

■ **4.** По рассматриваемой модели (сочетание двух основ прилагательных, обозначающих качество с дополнительным оттенком) в наше время часто образуются слова-однодневки, постоянно встречающиеся в художественной литературе, например: *смущенно-счастливое* (лицо), *болезненно-отрадное* (чувство), *игриво-интимный* (тон), *болезненно-тревожная* (дремота) и т. п. Такие образования исчезают нередко из употребления прежде, чем стать

достоянием словарей. Дефисное написание лучше, чем слитное, соответствует однодневному, окказиональному характеру этих образований (Дискуссия 1962°).

■ 5. При дефисном написании графический облик рассматриваемых образований хорошо соответствует большой семантической самостоятельности компонентов, образующих эти сложения.

■ 6. Данное предложение способствует сокращению числа графически длинных слов.

■ 7. Рассматриваемое предложение в основном соответствует существующей орфографической практике.

II. Сложные прилагательные этого типа писать слитно: *горькосоленый*, *грубонасмешливый*, *гордоблагородный*, *желчнораздражительный*, *нежночистый*, *раскатистогромкий* (Т. С. Ворошилова 1962; С. М. Потапов 1963).

Примечание. Данное предложение автоматически поддерживается всеми инициаторами предложений A I и B a I.

■ 1. Рассматриваемая группа образований подводится под общее правило о слитном написании сложных прилагательных с подчинительной связью компонентов.

□ 2. Однако наличие подчинительной связи в образованиях рассматриваемого типа не проявляется наглядно, в силу чего последовательное проведение принципа слитного написания сложных прилагательных с подчинительной связью компонентов применительно к данной группе слов встречает известные препятствия (например, считать ли *горькосоленый* сочинением «горький и соленый» или же подчинением «соленый с горьковатым привкусом») (Д. Э. Розенталь 1964).

□ 3. Затемняется морфологический состав слова, тем более, что компоненты этих образований обладают большой самостоятельностью.

□ 4. Слитное написание противоречит окказиональному характеру многих этих образований (Дискуссия 1962°).

□ 5. Осуществление этого предложения значительно увеличило бы число графически длинных слов.

□ 6. Осуществление данного предложения дало бы значительное число новых орфограмм (рассматриваемая словообразовательная модель в современном русском языке очень продуктивна), тем более, что слитно в таком случае пришлось бы писать и прилагательные, обозначающие оттенки цветов. См. слитное написание таких слов, как *грубонасмешливый*, *желчнораздраженный*, *раскатистогромкий*, *бутылочнозеленый*, *лимонножелтый* и т. п.

6. Сложные прилагательные, образованные из двух основ, обозначающие оттенки цветов

I. Сложные прилагательные этого типа писать через дефис: *темно-голубой*, *серебристо-серый*, *бледно-розовый*, *пепельно-седой*, *голубовато-зеленый*, *лимонно-желтый* (Дискуссия 1934°; Проекты свода 1936, 1955; Дискуссия 1954; Свод 1956 Д. Э. Розенталь 1963°).

■ 1. Создается общее правило о дефисном написании прилагательных, обозначающих качество с дополнительным оттенком, ср. *горько-соленый* и *серо-розовый* (предполагается, что остается без изменений существующее правило о дефисном написании сложных прилагательных, обозначающих качество с дополнительным оттенком).

■■ 2. Одновременно устанавливается общее правило писать через дефис все сложные прилагательные, обозначающие цвет, независимо от того, обозначены ли два цвета (*красно-зеленый*) или один цвет с оттенком (*темно-зеленый*).

■□■ 3а. Однако этим нарушается общий принцип написания сложных прилагательных: писать через дефис равноправные и слитно — неравноправные элементы (имеется в виду в настоящее время существующий принцип написания прилагательных).

■ 3б. Но неравноправность компонентов в этих словах ощущается неотчетливо.

■ 4. Устраняется необходимость выяснять в процессе написания сущность самих реалий; например, предмет, определяемый прилагательным *серозеленый*, может быть окрашен в два цвета: серый и зеленый (налицо сочинительная связь компонентов), но он может быть и зеленым с серым оттенком (подчинительная связь). В данном предложении это различие в реалиях не учитывается, что облегчает письмо (Дискуссия 1962°).

■ 5. Используется возможность избегать графически длинных слов.

■ 6. Данное предложение не требует ломки прочных орфографических навыков.

II. Сложные прилагательные этого типа писать слитно: *темноголубой*, *серебристосерый*, *бледнорозовый*, *пепельноседой*, *голубоватозеленый*, *лимонножелтый*, но *красно-белый* (флаг) (А. Б. Шапиро 1933; Проекты свода 1939, 1940; Дискуссия 1954; Дискуссия 1962*).

■ 1. Предложение соответствует основному принципу написания сложных прилагательных: писать через дефис равноправные и слитно — неравноправные элементы сложного прилагательного.

□ **2а.** Создается несоответствие между слитным написанием прилагательных, обозначающих оттенки цветов, и полуслитным написанием других прилагательных, обозначающих качество с дополнительным оттенком (ср. *горько-соленый*, *раскатисто-громкий*, *официально-деловой*, но *темнорозовый*, *пепельноседой*, *лимонножелтый*).

□ **2б.** При этом получается разнописание прилагательных, имеющих одну форму и весьма близкую семантику (ср. *красно-зеленый* (флаг) и *бледнорозовый*) (Дискуссия 1954).

□ **3.** Правилами, созданными на основании данного предложения, трудно пользоваться, так как для установления написания нередко приходится вникать в сущность самих реалий: например, приходится выяснять, является ли предмет, определяемый прилагательным *серозеленый*, окрашенным в два цвета (серый и зеленый), или же этот предмет зеленый с серым оттенком (Дискуссия 1962°).

□ **4.** Затемняется морфологическая структура слова и, следовательно, затрудняется осмысление слова.

□ **5.** В результате слитного написания увеличивается число графически длинных слов, например: *серебристосерый*, *бледноватозозовый* и т. п.

□ **6.** Осуществление данного предложения дало бы значительное число новых орфограмм.

III. Сложные прилагательные этого типа писать слитно, за исключением случаев, когда первая часть их имеет суффикс *-оват-* (*-еват-*), *-ист-*, *-ов-* (*-ев-*) или приставку *из-* (*-ис-*) или образована от имени существительного: *темноголубой*, *серозеленый*, *бледнорозовый*, но *бледновато-розовый*, *серебристо-серый*, *иссиня-черный*, *лимонно-желтый*, *горохово-желтый* (Проекты свода 1947, 1948, 1951).

□ **1.** Правила орфографии, созданные на основе данного предложения, получаются сложными, трудно усваиваемыми. Дефисное написание сложных прилагательных, содержащих в своем составе перечисленные форманты, представляет собой исключение из общего закона о слитном написании оттенков цветов.

□ **2.** Согласно данному предложению, правописание прилагательных подчиняется разным принципам. «. . . Слитное написание сложных прилагательных основано на смысловом признаке (оттенок цвета), а написание через черточку основано на грамматическом признаке — наличии суффиксов (*зеленовато-голубой*) или приставок (*изжелта-красный*)» (К. Н. Ядвиршис 1955).

■ **3.** Дефисное написание наглядно отражает членение сложения, что в образованиях рассматриваемого типа, сохранивших боль-

щую смысловую самостоятельность компонентов (см. *серебристо-серый*), не безразлично.

■ **4.** Осуществление этого предложения дало бы небольшое число новых орфограмм.

НАПИСАНИЕ НАРЕЧИЙ

Принимается следующее деление:

А. Предложения, относящиеся ко всей категории наречий и наречных образований, происходящих из предложно-именных сочетаний.

Б. Предложения, относящиеся к предложно-именным сочетаниям, находящимся в стадии перехода в наречия.

В. Предложения, относящиеся к отдельным структурным типам наречий и наречных образований.

а. Наречия с *по-*, оканчивающиеся на *-ски*, *-ьи*, *-ому* (*-ему*).

б. Наречия типа *во-первых*, *во-вторых*.

в. Наречные образования, состоящие из предлога-приставки, оканчивающегося на согласную, и именной основы, начинающейся с гласной.

г. Наречные образования, начинающиеся предлогами-приставками *без*, *до* и др.

д. Наречные фразеологические единицы.

е. Наречия, образованные путем соединения одинаковых или близких по значению основ.

Предложения

А. Предложения, относящиеся ко всей категории наречий и наречных образований, происходящих из предложно-именных сочетаний

I. Наречия этого типа писать слитно: *вмиг*, *доупаду*, *сразу*, *вместе*, *назад*, *безудержу*, *воткрытую*, *порусски*, *навытяжку* и др. (Дискуссия 1934°; И. Д. Дмитриев-Кельда 1954; Л. Е. Филиппова 1962; Дискуссия 1962*; А. И. Ефимов 1963; Дискуссия 1964*).

■ **1а.** Получается простое общее правило, не дающее исключений.

□ **1б.** Однако без целого ряда уточнений, расшифровок и указания приемов, как отграничить наречия от предложно-именных сочетаний (не сросшихся в одно слово), это предложение практически бесполезно, поскольку процесс онаречивания предложно-именных сочетаний не является замкнутым; он продолжается и в наши дни, к тому же весьма неравномерно по отношению к различным структурным типам и к отдельным наречным образованиям.

В результате этого сложность заключается вовсе не в формулировке общего правила, а в том, что в ряде случаев трудно установить, имеем ли мы дело с наречием или с предложно-именным сочетанием, завершился ли процесс адвербиализации или этот процесс только начинается. В силу своей неконкретности это предложение практически неприменимо и приводит к установлению написания в словарном порядке.

■ **2.** Предложение соответствует общим принципам русской орфографии — отдельные слова писать слитно. Это соответствует также исторически выявляющейся тенденции к слитному написанию наречий, образовавшихся из сочетаний предлогов с косвенными падежами (А. Б. Шапиро 1962).

■ **3а.** Этот принцип способствует унификации написания наречий, изживая дефисные написания, а также раздельные написания образований, несомненно являющихся наречиями; см. такие примеры, как *в сердцах*, *на днях*, *наугад*, *натощак*, *без умолку*, *до зарезу* и др. Согласно существующим приемам «распознавания» наречий, такие образования, как *в сердцах*, *на днях*, *наугад* и др., подходят под правило, предлагающее писать слитно те предложно-именные сочетания, между составными частями которых невозможно без изменения смысла вставить определение; образования типа *натощак*, *без умолку* и т. п. подходят под правило, рекомендующее слитное написание в тех случаях, когда предложно-именные образования имеют в своем составе такие существительные, которые в современном языке самостоятельно не употребляются.

□ **3б.** Однако последовательное применение данного предложения привело бы к слитному написанию многочисленных сочетаний типа *бок о бок*, *время от времени*, *раз от разу*, а также фразеологических единиц *вверх дном*, *во всю Ивановскую*, *на босу ногу*, подводимых современной лингвистикой под категорию наречий[1].

□ **4.** Слитное написание этих фразеологических единиц, а также наречий, пишущихся в настоящее время через дефис, привело бы к значительной ломке укоренившихся орфографических навыков.

Iа. Все предложно-именные сочетания писать слитно: *устола*, *поновому*, *вМоскве* (А. Г. Герасимов 1901; Д. А. Соколова 1963*).

■ **1.** Согласно данному предложению, была бы достигнута унификация: одинаково слитно писались бы все приставки и предлоги.

□ **2.** Осуществление данного предложения привело бы «к вовлечению в разряд слитно пишущихся слов громадного числа предложно-падежных форм, представляющих собою обстоятельства, но не являющихся наречиями. . . Не говоря уже о том, что благо-

[1] «Грамматика русского языка», т. I. М., 1960, стр. 623.

даря таким написаниям значительно увеличился бы объем словников в словарях, это привело бы к полному отождествлению морфологического разряда наречий с синтаксической категорией обстоятельственных слов (а заодно и с категорией дополнений, не всегда легко отличаемых от обстоятельств), что запутало бы вопрос о взаимоотношениях между частями речи и членами предложения» (А. Б. Шапиро 1951).

□ **3.** Пришлось бы писать слитно сочетания служебных слов с полнозначными (*устола*, *кнему* и пр.); это резко противоречит общему принципу русского письма: слова писать отдельно друг от друга. Предложение не дает основания для передачи таких частых сочетаний, как *у письменного стола*, *на самом верху*. Если писать предлог слитно с прилагательным, то соединяются единицы (*уписьменного*, *насамом*), не составляющие смыслового целого; раздельные написания противоречат написаниям *устола* и пр.

□ **4.** Осуществление данного предложения привело бы к значительной ломке существующих орфографических навыков.

II. Все предложно-именные сочетания писать раздельно: *без удержу*, *на верх*, *по русски*, *в доль*, *в верх*, *с нова*, *в крутую*, *во первых*, *в месте* и др. (Дискуссия 1954; Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964*).

■ **1а.** Получается сравнительно простое правило: все наречия, образованные более чем из одного компонента, писать раздельно.

■ **1б.** Прецедент такого написания уже имеется: многие наречия и наречные сочетания в настоящее время пишутся раздельно, например: *в сердцах*, *за глаза*, *на редкость*, *время от времени*, *на скорую руку* и др.

■ **1в.** Это освободило бы пишущего от необходимости задумываться над тем, какие из предложно-именных сочетаний превратились в наречия, а какие еще можно считать сочетанием существительного с предлогом. Следовательно, отпала бы необходимость заучивать множество сложных и противоречивых правил и приемов разграничения наречий и предложно-именных сочетаний.

□ **2.** Однако последовательное осуществление этого принципа привело бы к таким написаниям, как *машина на конец двинулась с места*, *жить в месте уже три года*, *под час он забывал об этом*, *на зад к Островскому* и пр., что затемняет смысл высказывания (Дискуссия 1962°).

□ **3.** Раздельное написание привело бы к созданию на письме невозможных в русском языке сочетаний слов, например: *из далека*, *с нова*, *на скоро* и пр. (предлог обычно не управляет прилагательным, тем более краткой формой прилагательного).

□ 4. Пришлось бы писать раздельно слова и формы слов, не употребляемые самостоятельно в современном языке (ср. наречия *впотьмах*, *невзначай*, *впросак*, *навзничь*, *наизусть*, *невдомек*, *истари*, *изредка*, *сдуру*, *снова*). Это отбросило бы нашу орфографию назад на целые столетия (Дискуссия 1962°).

□ 5. Предложение противоречит тенденции писать наречия слитно, о чем говорит история русской орфографии за последние два века.

□ 6. Это предложение дало бы большое число новых орфограмм.

IIа. Все предложно-именные сочетания писать раздельно: *без удержу*, *на верх*, *по русски*, *в доль*, *в верх*, за исключением тех, которые сформировались давно и содержат в своем составе именные основы не употребляющихся в настоящее время существительных: *навзничь*, *сдуру*, *впросак* и др. (Дискуссия 1954).

□ 1. Предложение потребует от пишущего решить нелегкую задачу: определить, принадлежит ли данное образование к числу давно сформировавшихся и употребляется ли в настоящее время его именная основа самостоятельно (ср. такие наречия, как *без оглядки*, *до упаду*, *наповал*, *навынос*, *навыкат* и др.) (Дискуссия 1962°).

□ 2. Предложение, запрещающее увеличивать число слитно пишущихся наречий, противоречит русской орфографической тенденции к увеличению слитных написаний наречий.

Б. Предложения, относящиеся к предложно-именным сочетаниям, находящимся в стадии перехода в наречия

I. Такие сочетания писать раздельно: *в миг*, *без удержу*, *на вынос*, *на прямик*, *без толку*, *до упаду* (В. В. Воробьева и В. Е. Кувичко 1963; Дискуссия 1964).

■ **1а.** Получается простое общее правило: в случаях, когда пишущий не сомневается, что перед ним имеется «отстоявшееся» наречие, писать предложно-именные сочетания слитно, в остальных случаях — раздельно.

□ **1б.** Однако на самом деле это правило далеко не простое, поскольку пишущий сам должен разобраться в том, что он считает наречием и в каких случаях процесс онаречивания ему представляется еще не завершившимся. При этом не исключено субъективное восприятие фактов языка. Использование этого правила привело бы к ошибочным написаниям и к установлению написания в словарном порядке.

■ **2.** При данном предложении такие раздельные написания наречий, как *в сердцах*, *на днях*, *на босу ногу* и др., теряют характер исключений из общего правила (требующего все наречия писать

слитно): они подходят под правило, рекомендующее переходные явления писать раздельно.

■ **3.** Осуществление данного предложения не потребует значительной ломки существующих орфографических навыков.

II. Такие образования писать раздельно в случаях, если осознается предметное значение существительных, и слитно, если предметное значение пишущим не осознается: *в дали голубой*, но *вобрез* (И. А. Фигуровский 1962).

Практически предложение совпадает с предложением А I (см. анализ этого предложения).

III. Такие образования писать слитно: *вмиг*, *безудержу*, *безтолку*, *доупаду*, *навынос*, *напрямик* (Дискуссия 1954; Т. С. Ворошилова 1962).

■ **1а.** Предлагается одно простое правило: предложно-именные сочетания, подвергшиеся процессу адвербиализации, всегда писать слитно, за исключением тех случаев, когда у пишущего нет сомнения, что перед ним сочетание предлога с существительным, сохранившим свое предметное значение.

□ **1б.** Однако в практическом применении этого правила (если нет более развернутых правил написания наречий) появляются затруднения. Имеем ли мы дело с предложно-именной конструкцией, не тронутой процессом онаречивания, или же перед нами начавшийся процесс адвербиализации — это очень трудно решить пишущему, даже если он филолог.

□ **2.** Данное предложение не изживает разнобоя в написании наречных образований в целом. Слитное написание предложно-именных конструкций переходного характера оказывается несогласованным с раздельным написанием конструкций, включающих в свой состав более одного именного элемента (см. такие наречные образования, как *время от времени*, *бок о бок*, *на босу ногу*, *средь бела дня* и др.).

■ **3.** Предложение соответствует русской орфографической тенденции к увеличению слитных написаний наречий.

□ **4.** Осуществление этого предложения дало бы некоторое число новых орфограмм.

IV. Такие образования писать через дефис: *в-миг*, *без-толку*, *до-упаду*, *по-временам* и др. (В. П. Шереметевский 1891; Дискуссия 1954; Дискуссия 1962*).

■ **1а.** Получается одно общее правило.

□ **1б.** Но практически вряд ли удобно ими пользоваться, так как для выделения полуслитно пишущихся адвербиализующихся образований необходимо провести две грани: первую — грань между прочно установившимися слитно пишущимися наречиями и переходным состоянием в образовании данной части речи; вторую — грань между конструкциями, находящимися в стадии перехода, и такими предложно-именными сочетаниями, которых процесс онаречивания не коснулся. Результаты этой классификации, проводимой разными пишущими, неизбежно окажутся различными, что приведет к разнобою в написании.

■ **2.** Правило дает унификацию: наречия типа *по-русски*, *во-первых* перестали бы быть исключением, так как подошли под более общее новое правило о дефисном написании переходных образований (Дискуссия 1962°).

■ **3.** Дефисное написание в данном случае соответствует той функции дефиса, которую ему как правило приписывают. «Тот факт, что наряду со слитным и раздельным написанием существуют написания полуслитные (через дефис), говорит о существовании в русском языке переходных явлений» (А. Б. Шапиро 1951). «Когда. . . сочетания до известной степени походят на наречия, можно прибегать к помощи тире[1] («душеспасительного», как называю его в шутку, намекая на пригодность его в этих именно случаях колебания руки пишущего, мало знакомого с орфографическими тонкостями), например: *по-временам*, *в-пору*, *по-новому*, *по-свойски* и т. п.» (В. П. Шереметевский 1891).

■ **4.** Дефисное написание хорошо соответствует сущности рассматриваемого явления: «Одновременно черточка разделяет составные части, в то же время соединяет их в одно целое» (В. П. Шереметевский 1891).

■ **5.** Следовательно, и такие сочетания наравне со слитными сложными словами имеют право на помещение в словарь. «Без них недоставало бы словарю полноты, необходимой для справок не только о значении, но и о начертании затруднительных слов» (В. П. Шереметевский 1891).

□ **6.** Данное предложение требует значительной ломки существующих орфографических навыков.

V. В написании таких образований допустить факультативность: *вглаза*, *вброд*, *вправду*, *втупик*, *вслух* и *в глаза*, *в брод*, *в правду*, *в тупик*, *в слух* и т. п. (Дискуссия 1904°, Декрет 1917; Е. Д. Поливанов 1927; М. В. Панов 1954; Дискуссия 1962°; К. И. Демидова 1964; Проект 1964; Дискуссия 1964*).

---

[1] Слово «тире» Шереметевский явно употребляет в значении дефиса.

■ **1а.** Получается одно простое правило: наречия писать слитно, сочетания предлогов с именами — раздельно, но те предложно-именные образования, которые пишущий затрудняется отнести к первой или ко второй группе, писать по усмотрению самого пишущего.

□ **1б.** Однако вряд ли все пишущие будут одинаково воспринимать одни и те же наречные образования. То, что у одного не будет вызывать сомнения, другому может показаться сомнительным. Вследствие субъективности подхода неизбежен разнобой в написании наречий.

■ **1в.** Неопределенность написания соответствует неопределенности данного языкового явления. Орфография не загоняет в прокрустово ложе то, что в самом языке еще не прочно и находится в стадии становления (Дискуссия 1962°).

■ **2.** Предложение «гуманно» в том смысле, что не требует от пишущего решать то, о чем подчас спорят лингвисты (Дискуссия 1962°).

■ **3.** Предложение удобно для школы, поскольку ненормированное написание трудных случаев наречий дает возможность колебания написаний не считать ошибками (Дискуссия 1962°).

■ **4.** В некоторых контекстах (например, поэтических) при помощи раздельного написания может быть подновлено метафорическое значение (Дискуссия 1962°).

□ **5.** Предложение изолировано от написания других частей речи, где факультативность написания как правило не допускается.

□ **6.** «Такая факультативность привела бы к разнобою и способствовала бы не укреплению, а расшатыванию орфографической дисциплины» (А. Б. Шапиро 1962).

■ **7.** Осуществление этого предложения дало бы незначительное число новых орфограмм.

В. Предложения, относящиеся к отдельным структурным типам наречий и наречных образований

а. Наречия с по-*, оканчивающиеся на* -ски, -ьи, -ому (-ему)

I. Такие наречия писать раздельно: *по старому*, *по нашему*, *по волчьи*, *по русски* (А. А. Данилов 1963).

□ **1.** Раздельное написание рассматриваемой группы наречий нежелательно тем, что увеличивает число исключений из общего правила о слитном написании наречий.

■ **2а.** «Приставки *по-* и *в-* (*во-*) [в случаях типа *во-вторых*],.. строго говоря, не создают в нашем языке самостоятельных слов, сво-

бодно сочетаясь с любыми словами данного типа в процессе словоупотребления, а не словообразования, т. е. образуют своеобразные сочетания двух взаимосвязанных слов, далеко не всегда способных слиться в единое целое» (А. А. Данилов 1963).

□ **2б.** Против этого имеется чисто теоретическое возражение: второй компонент в сочетаниях типа *по-волчьи* — наречие, а «перед. . . наречием предлога быть не может, может быть лишь приставка» (Н. С. Рождественский 1938).

□ **3.** Осуществление данного предложения привело бы к значительной ломке прочных орфографических навыков, так как затрагивается написание наречных образований, относящихся к продуктивной модели.

Iа. Наречия с *по-*, оканчивающиеся на *-ому* (*-ему*), писать раздельно; наречия, оканчивающиеся на *-ки*, *-ски*, писать через дефис: *по старому*, *по нынешнему*, *по моему*, но *по-русски*, *по-молодецки* (Я. К. Грот 1873).

■ **1а.** Разграничение написаний обосновано различием синтаксической природы этих образований. «Так как подобное полное прилагательное среднего рода может и само по себе без предлога быть употребляемо как существительное, например, *кто старое вспомянет*, то нет причины писать его слитно с предлогами, например *по старому*, *по прежнему*, *по нынешнему*, *по дорожному*, *по трактирному*, *по праздничному*, *по книжному*, *по домашнему*, *по будничному*. Другое дело, когда при таком соединении настоящее значение прилагательного как будто бы забывается, например *повидимому*» (Я. К. Грот 1873).

Написание через дефис наречий типа *по-русски*, *по-молодецки*, следовательно, основано на том, что их именной элемент сам по себе не может быть принят за субстантивированное прилагательное.

□ **1б.** Однако это деление нельзя признать вполне убедительным потому, что не во всех случаях именной элемент может быть самостоятельно употреблен, если иметь в виду такие наречия, как *по-дорожному*, *по-трактирному*, *по-книжному*. Субстантивированные прилагательные типа *дорожное*, *трактирное*, *книжное* и др. потенциально возможны, однако реально они встречаются крайне редко и ощущаются как искусственные, окказиональные образования.

II. Все наречия указанного типа писать через дефис: *по-русски*, *по-волчьи*, *по-человечески*, *по-лошадиному*, *по-своему*, *по-хорошему* (Н. И. Греч 1827; А. Б. Шапиро 1933; Проекты свода 1936—1955; Свод 1956; Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964*).

□ **1.** «Дефис во всех этих случаях — признак некоторой нерешительности и колебаний, а не строго обдуманного решения и со вре-

менем отпадет как ненужный придаток» (Н. С. Рождественский 1938).

■ **2.** С другой стороны, получается унификация написания наречий с приставкой *по-*, имеющих близкую семантику (в сравнении с гротовским расчленением правил).

■ **3.** Наречия рассматриваемого типа весьма продуктивны в современном русском языке. Легкость их образования (чуть ли не от любого прилагательного) и живая их связь с соотносительными формами прилагательных (*марксистский — по-марксистски*) придают наречиям рассматриваемого типа некоторый оттенок несформировавшихся, несросшихся слов. Этому переходному состоянию хорошо соответствует дефисное написание (Дискуссия 1962°).

■ **4.** Рассматриваемое предложение не требует ломки прочных орфографических навыков, так как предлагаемые написания соответствуют современной орфографической практике.

III. Такие образования писать слитно: *порусски*, *поволчьи*, *почеловечески*, *полошадиному*, *посвоему*, *похорошему* (Ф. И. Буслаев 1858; З. З. Опоков 1901; Технико-орфографические правила 1927; Проект 1930; Дискуссия 1954; Дискуссия 1962, 1962°, 1962*; *А. Б. Шапиро 1962*; Д. Э. Розенталь 1964; Н. Н. Алгазина 1964; Н. М. Шанский 1964; М. М. Копыленко и Я. И. Шубов 1964; Проект 1964; Дискуссия 1964*).

Примечание. А. Б. Шапиро (1933) указывает, что в конце 20-х — начале 30-х годов в отдельных издательствах слова типа *по-новому*, *по-немецки* писались слитно.

■ **1.** Получается одно простое правило — писать все наречия слитно (только в том случае, если написания наречий рассматриваемого типа и наречий типа *во-вторых*, *в-третьих* унифицируются) (Дискуссия 1962°).

□ **2.** См. предложение I, п. 2а.

□ **3а.** Поскольку рассматриваемые наречия с *по-* представляют собой продуктивный словообразовательный тип, то при слитном их написании пришлось бы значительно расширить объем словников в словарях. «Некоторые пишут эти слова слитно, но без надобности и к напрасному обременению словаря» (Я. К. Грот 1876).

■ **3б.** Однако современная лексикография не помещает в словари образованные по продуктивным моделям, но редко употребляемые слова.

■ **4.** Сокращение числа слов с дефисом облегчило бы письмо: удобнее было бы писать, «потому что менее придется прерывать процесс писания» (З. З. Опоков 1901).

□ **5.** Осуществление данного предложения привело бы к значительной ломке прочных орфографических навыков.

6. Наречия типа во-первых, во-вторых

I. Такие образования писать раздельно: *во вторых*, *в третьих* (А. А. Данилов 1963).

■ **1.** См. предложение а I, п. 2а.

□ **2.** См. предложение а I, п. 1, 3.

II. Такие образования писать через дефис: *во-первых*, *во-вторых*, *в-третьих* (Ф. И. Буслаев 1858; Я. К. Грот 1873; А. Б. Шапиро 1933; Дискуссия 1934°; Проекты свода 1936—1955; А. А. Реформатский 1937; Свод 1956; Дискуссия 1964*).

□ **1.** Предлагаемое дефисное написание (так же как и для наречий с приставкой *по-*) представляет исключение из общего правила, требующего наречия писать слитно.

■ **2а.** «В словах *во-первых*, *во-вторых* и т. д. соединение предлога с числительным означается только черточкой, так как при слиянии их в одно слово пришлось бы занести в словарь все порядковые числительные до самых высоких цифр вторично в этом виде» (Я. К. Грот 1885).

□ **2б.** Однако опасность перегрузки словников в словарях в данном случае несколько преувеличена. Потенциально по этой модели можно образовать неограниченное число слов, однако слов реально употребляющихся вряд ли насчитается больше десяти (Дискуссия 1962°).

■ **3.** Предложение соответствует существующим нормам орфографии и не требует ломки орфографических навыков.

III. Такие образования писать слитно: *вопервых*, *вовторых*, *втретьих* (И. И. Вальков 1875; Проект 1930; Дискуссия 1954; *А. Б. Шапиро 1962*; Дискуссия 1962°; Н. М. Шанский 1964; Д. Э. Розенталь 1964; Н. Н. Алгазина 1964; Проект 1964).

■ **1.** Предложение изживает исключения из общего правила, требующего все наречия писать слитно (если одновременно принимается предложение а III).

■ **2.** Слитное написание лингвистически вполне правомерно. Рассматриваемые образования, несомненно, представляют собой категорию наречий, поскольку предлог обычно не управляет порядковым числительным. Если *во* здесь не предлог, то он может быть только приставкой, а приставки всегда пишутся слитно.

■ **3.** См. предложение а III, п. 4.

□ 4а. Рассматриваемое предложение противоречит современной орфографической практике.

■ 4б. Однако осуществление его на деле дало бы весьма незначительное число новых орфограмм, поскольку активно в современном русском языке употребляется незначительное число наречий рассматриваемой модели (в то время как потенциально их можно образовать в большом числе) (Дискуссия 1962°).

в. Наречные образования, состоящие из предлога-приставки, оканчивающегося на согласную, и именной основы, начинающейся с гласной

I. Такие образования писать раздельно: *в открытую*, *в обнимку*, *в обрез*, *в упор* (Дискуссия 1934°; А. Б. Шапиро 1935°; Проекты свода 1936—1955; Свод 1956).

□ 1. Данное предложение увеличивает число исключений из общего правила о слитном написании наречий и тем самым усложняет правила написания отдельных структурных типов наречий (например, все наречия с предлогами в сочетании с прилагательными ж. р., согласно существующим правилам, пишутся слитно, например: *вкрутую*, *вплотную*, *зачастую*, *неудалую*, за исключением тех, в которых основа прилагательного начинается с гласной, например *в открытую*) (Дискуссия 1962°).

□ 2. Данное предложение изолировано от предложений и правил для всех других частей речи. Так, существительные *подосиновик*, *подоконник*, *подопечный* и др. пишутся слитно, так же как и глаголы, например: *разукрасить*, *разузнать*, *сузить* и др. (Дискуссия 1962°).

□ 3. На данное правило ученики делают много ошибок, поскольку оно противоречит одному из методических приемов определения наречий (слово является наречием, если оно в своем составе имеет такое слово или такую именную форму, которая в современном литературном языке не употребляется). Поэтому учащиеся пишут слитно такие образования, как *в обрез*, *в обнимку*, *в отместку*, *в охотку*, *без оглядки* и др. (Н. Н. Алгазина 1964).

■ 4. Данное предложение соответствует существующей орфографической практике.

II. Такие образования писать слитно: *воткрытую*, *вобнимку*, *вобрез*, *вупор*, *подуклон* (Дискуссия 1954; *А. Б. Шапиро 1962*; Дискуссия 1962; Н. М. Шанский 1964; Н. Н. Алгазина 1964; М. М. Копыленко и Я. И. Шубов 1964; Д. Э. Розенталь 1964; Проект 1964).

■ 1. Уменьшается число исключений из общего правила, требующего слитно писать все наречия.

■ **2.** Слитное написание наречий данного типа соответствует слитному написанию приставок с другими частями речи (Дискуссия 1962°).

■ **3.** Осуществление данного предложения дало бы незначительное число новых орфограмм.

г. Наречные образования, начинающиеся предлогами-приставками без, до *и др.*

I. Такие образования писать раздельно: *без удержу*, *без устали*, *без просыпу*, *до зарезу*, *до упаду*, *на ходу*, *на пролет*, *с ходу*, *с размаху* (Орфографический справочник 1936; С. Е. Крючков 1954; Проекты свода 1951, 1955; Свод 1956).

Примечание. Число «предлогов» (и приставок), подводимых под данное правило, в различных предложениях и комментариях к ним различно. Так, А. Б. Шапиро (1934°) упоминает только *без*, об этом же говорит и С. Е. Крючков (1954); Н. М. Шанский (1954) приводит *без* и *до*, о чем говорится и в проекте свода 1951 г., но в своде 1956 г. в качестве исключений выделены предлоги *без*, *до*, *на*, *с*. А. Б. Шапиро и Д. Э. Розенталь (1963°) выделяют предлоги *без*, *до*, *под*, *с*.

■ **1.** «Учителя высказывают пожелания большей формальной регламентации написаний. В связи с этим они с удовольствием принимают правило, согласно которому все сочетания наречного характера, образовавшиеся из существительного и предлога *без*, пишутся раздельно, например: *без пользы*, *без удержу* и др.» (С. К. Крючков 1954).

□ **2.** Однако это формальное правило противоречит другим правилам написания наречий, основанным на учете степени адвербализации предложно-именных сочетаний.

«Одно правило рекомендует наречия с предлогами *без*, *до* писать раздельно (*до зарезу*). Это противоречит другому правилу, согласно которому слитно следует писать все наречные слова, вторая часть которых в современном языке самостоятельно не употребляется: *без умолку*, *без просыпу* (слов *умолк* и *просып* нет в современном языке)» (Н. М. Шанский 1954).

■ **3.** «Слишком ясно проступающая конкретность содержания или образность выражения не допускает слитного их написания» (Орфографический справочник 1936).

■ **4а.** Раздельное написание таких наречий, как *до зарезу*, (пришел) *на взводе* и др., желательно тем, что оно подновит метафору (Дискуссия 1954).

□ **4б.** Нужно ли ее подновлять? Более того, если развитие данных слов привело к тому, что метафора стерлась, в силах ли мы с помощью орфографии вернуться вспять и воскресить умершее? (Дискуссия 1962°).

■ **5.** Рассматриваемое предложение не требует ломки существующих орфографических навыков.

II. Такие образования писать слитно: *безудержу*, *дозарезу*, *доупаду*, *безумолку*, *безустали*, *сразмаху*, *напролет* (А. Б. Шапиро 1933; Проект свода 1936_1; В. П. Громыко 1954; Н. М. Шанский 1954; Дискуссия 1962°, 1962*; Н. Н. Алгазина 1964).

■ **1а.** Данное предложение подводит написание наречий с *до*, *без* и др. под общее правило. Этим уменьшается противоречивость правил написания наречий и изживаются лишние исключения из общего правила, требующего все наречия писать слитно.

■ **1б.** «Слова *без удержу*, *до зарезу*, *до упаду*, *безумолку* писать слитно на том основании, что от былых значений таких существительных, как *умолк*, *зарез*, *упад*, *удерж*, не осталось ни следа, они давно превратились в наречия» (В. П. Громыко 1954).

□ **2а.** Предложение ломает существующую норму написания.

■ **2б.** Но оно не дает большого числа новых орфограмм.

д. Наречные фразеологические единицы

I. Такие образования писать раздельно: *бок о бок*, *честь честью*, *в конце концов*, *во всю Ивановскую*, *как пить дать*, *на босу ногу* и т. п. (А. Б. Шапиро 1933; Дискуссия 1934°; Проекты свода 1936_1, 1939_2; Д. Э. Розенталь 1962; Н. М. Шанский 1964; Н. Н. Алгазина 1964).

□ **1.** Раздельное написание рассматриваемых образований (признаваемых современной лингвистикой наречиями, а следовательно, воспринимаемых как одно слово), по сути дела, является исключением из общего правила о слитном написании отдельных слов, а всякое исключение, как известно, делает правила более сложными, труднее усваиваемыми.

■ **2.** Однако раздельное написание этих образований предпочтительнее тем, что сохраняет метафоричность данных образований, отражает их внутреннюю форму, которая затемняется при их слитном написании (см. такие написания, как *средьбеладня*, *набосуногу* и т. п.).

■ **3.** Раздельное написание предостерегает от появления графически длинных, трудно читаемых и трудно осмысляемых слов, таких, как *времяотвремени*, *какнивчемнебывало* и т. п.

■ **4.** Раздельное написание рассматриваемых образований соответствует традиции и не связано с ломкой существующих орфографических навыков.

II. Такие сочетания писать через дефис: *бок-о-бок*, *в-конце-концов*, *с-глазу-на-глаз*, *средь-бела-дня*, *во-всю-Ивановскую* и т. п. (Н. Л. Касимов 1954).

■ **1а.** Дефисное написание в данном случае соответствует основной функции дефиса в русском языке — отражать переходное состояние сочетаний слов, превращающихся в одно слово.

□ **1б.** Однако если быть последовательным, то, согласно данному предложению, дефисное написание можно было бы распространить на все фразеологические сочетания, выполняющие в предложении функцию обстоятельств, например: *спустя-рукава*, *у-черта-на-куличках*, *не-взирая-на-лица*, *на-чем-свет-стоит*, *скрепя-сердце* и т. п.

□ **2.** Данное предложение не поддерживается дефисным написанием фразеологических сочетаний, выступающих в функции других частей речи, например *собаку съел* не пишем через дефис (Дискуссия 1962°).

□ **3.** Осуществление данного предложения привело бы к значительной ломке установившихся орфографических навыков.

III. Такие сочетания писать слитно: *бокобок*, *вочтобытонистало*, *вконцеконцов*, *времяотвремени*, *какнивчемнибывало* и т. п. (А. Р. Синдицкий 1963).

■ **1.** Получается одно общее правило: все наречия, независимо от их формы, писать слитно.

□ **2.** Слитное написание фразеологизмов только одного типа, а именно единиц, подводимых под категорию наречий, является, по сути дела, исключением, которое не поддерживается написанием различных фразеологических единиц, представляющих другие части речи.

□ **3а.** Это привело бы к образованию большого числа графически длинных слов.

□ **3б.** При слитном написании рассматриваемых образований затемняется их метафоричность (Дискуссия 1962°).

□ **4.** При последовательном проведении данного принципа пришлось бы в значительной мере ломать устойчивые орфографические навыки.

с. Наречия, образованные путем соединения одинаковых или близких по значению основ

I. Такие наречия писать через дефис: *чуть-чуть*, *еле-еле*, *долго-долго*, *мало-помалу*, *крепко-накрепко*, *молодо-зелено* и т. п. (Ф. И. Буслаев 1858; Я. К. Грот 1873; Проект 1930; А. Б. Шапиро 1933; Проекты свода 1936—1955; Свод 1956; Н. М. Шанский 1964).

■ **1.** Создается одно общее правило о дефисном написании всех частей речи в случаях повторения одного и того же слова или

той же основы (с интонацией, указывающей на усиление признака, действия и т. п.), например: *тоненький-тоненький*, *большой-пребольшой*, *просил-просил*. В этот же ряд попадают и наречия *еле-еле*, *долго-долго* и т. п.

□ 2. Дефисное написание наречий, образованных путем повторения (вместе с дефисным написанием наречий такого типа, как *по-русски*, *во-вторых* и т. п.), является исключением из общего правила.

■ 3. Данное предложение не требует ломки прочных орфографических навыков, соответствует современной практике.

II. Такие наречия писать слитно: *чутьчуть*, *елеле*, *долгодолго*, *малопомалу*, *крепконакрепко*, *молодозелено* и т. п. (А. Р. Синдицкий 1963).

□ 1. Слитное написание данного структурного типа наречий противоречит общему правилу русской орфографии: интонационно объединенные в одно целое удвоения основ писать через дефис (получилось бы: *тоненький-тоненький*, но *долгодолго*).

□ 2. Осуществление данного предложения потребовало бы ломки прочных орфографических навыков; число новых орфограмм могло бы оказаться значительным, учитывая потенциальную возможность образования таких наречий, как *низконизко*, *далекодалеко*, *ласковоласково* и т. п.

НАПИСАНИЕ ПРЕДЛОГОВ, ОБРАЗОВАННЫХ ИЗ ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ

Историческая справка

Вопрос о слитном или раздельном написании предлогов, образованных из предложно-именных сочетаний, представляет прямую аналогию с правописанием наречий, имеющих сходную структуру. Сходство этих образований поддерживается наличием так называемых наречных предлогов, выступающих как в функции наречия, так и в функции предлога, например: *вокруг*, *впереди*, *позади* и др. Все это послужило причиной того, что в словарях и грамматических трудах XIX в. составные предлоги нередко смешивались с наречиями. Например, Ф. И. Буслаев (1858) как наречия рассматривает *поперек*, *прежде*, *около*, *позади*, *впереди* и др.

Однако уже Я. К. Грот (1873) выделил три предлога (*вокруг*, *вместо*, *сверх*) и предлагал писать их слитно, мотивируя это «издавна утвержденным обычаем». Одновременно он возражает против «искусственного образования новых предлогов», т. е. слитного написания таких слов, как *втечение*, *впродолжение*, *взамен*, *вследствие* (однако он сам в 90-е годы предлог *вследствие* писал уже слитно). Свои возражения Грот обосновывает тем, что в приводимых им примерах между предлогом и существительным иногда вставляется определение, например *во всё продолжение*, следовательно, эти образования не являются предлогами.

Более четко и последовательно предложение о рассматриваемом типе предлогов сформулировано А. Б. Шапиро (1933): «Предлоги, образованные от падежных форм существительных с предшествующим предлогом, пишутся, как и наречия соответствующего типа, в одно слово, например: *наряду*, *наманер*, *ввиду*, *всилу*, *втечение*, *впродолжение*, *вроде*».

В последующих предложениях принципиально нового нет. Имеются только расхождения в отношении написания отдельных слов. Так, проекты свода 1939 и 1940 гг. предлагают писать раздельно *в течение*, *на подобие*, *в продолжение*, *в виду*, *в роде*; в своде 1956 г. предлагается писать *вроде*, *наподобие*, *в виде*, *в продолжение*, *в течение* и т. п.

Эти колебания объяснимы тем, что процесс «опредложивания» предложно-именных сочетаний (в одних случаях), так же как и процесс их адвербиализации (в других случаях), является незамкнутым процессом, продолжающимся и в наши дни. Отсюда затруднения в отграничении формирующихся предлогов от уже сформировавшихся.

НАПИСАНИЕ СОЧЕТАНИЙ С ПЕРВОЙ ЧАСТЬЮ *пол-* ('половина')

Регламентируя написание сочетаний с первым элементом *пол-*, обычно имеют в виду конструкции *пол-* с родительным падежом существительного. В ряде случаев формулировки предложений распространяются помимо того и на производные от этих сочетаний. В последнее время сформулировано предложение, подводящее под одно общее правило написание сочетаний *пол-* с родительным падежом существительного, а также сочетаний *пол-* с родительным падежом порядкового числительного (счетного прилагательного).

Принимается следующее деление:

А. Сочетания *пол-* с род. п. существительного.

Б. Сочетания *пол-* с род. п. существительного и производные от этих сочетаний.

В. Сочетания *пол-* с род. п. существительного и порядкового числительного, обозначающего час, время.

Предложения

А. Сочетания *пол-* с родительным падежом существительного

I. Такие сочетания писать раздельно: *пол ведра*, *пол лимона*, *пол яблока*, *пол Москвы* (Л. А. Булаховский 1954; Дискуссия 1962°; И. А. Фигуровский 1962; Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесников 1963; Дискуссия 1964*).

□ **1а.** Получается разнобой в написании сложных слов разных категорий с одним и тем же элементом *пол-* в первой части, ср. *поллитровый*, *поллитровка*, *полдень*, *полночь*, *полвосьмого* (имеется в виду, что правила о слитном написании перечисленных слов остаются без изменения) и *пол литра*, *пол метра* и др.

■ **1б.** Однако это действительно морфологически различные образования, и «разнобой» здесь неизбежен.

■ **2а.** *Пол-* в позиции им.-вин. п. управляет род. п. существительного, в остальных падежах согласуется с существительным. Числительное *пол-* имеет две падежные формы: им.-вин. *пол-* и род.-дат.-твор.-предл. *полу-*; в разговорной речи вместо *полу-* употребляют *пол-* (Дискуссия 1962°).

■ **2б.** *Пол-* можно считать отдельным словом, числительным, таким же, как *два*, *три* и т. д. Ср. синтаксические связи этого слова: *дал пол-яблока* (*дал два яблока*), *прервал на полуслове* (*сказать в двух словах*) и пр.

В пользу признания *пол-* самостоятельным словом говорит также его употребление в таких случаях, как *пол чайной ложки*, *пол лимонной дольки*, *объехал пол земного шара*, *пол конского корпуса*, *пол шоколадной конфеты*.

■ **3.** Такие сочетания, как *полведра*, *полокна* и др., иногда считают свободными синтаксическими конструкциями (*пол-* управляет род. п. так же, как слова *половина*, *много*, *мало* и др.) (Дискуссия 1962°).

■ **4.** В пользу раздельного написания говорит также сохранение двух ударений; см. следующее предложение, п. 6.

□ **5.** При раздельном написании *пол-* возникает опасность омонимичности *пол* с другими словами; ср. *застеклили пол комнаты — настелили пол комнаты* (Дискуссия 1962°).

□ **6.** Нарушаются орфографические навыки (слова типа *пол-яблока*, *пол-литра* и др. в настоящее время пишутся через дефис).

II. Эти сочетания писать всегда слитно: *полведра*, *поллимона*, *поляблока*, *полМосквы* (Дискуссия 1934°; П. А. Лекант 1963; Дискуссия 1964*).

■ **1а.** Получилось бы простое общее правило: слова с *пол-* писались бы всегда слитно — *полметра*, так же как *полметровый*, *полвосьмого*, *полдень*, *вполголоса* и т. п.

□ **1б.** Однако предлагаемое правило не является абсолютно безысключительным: в таких сочетаниях, как *пол чайной ложки*, элемент *пол*, по-видимому, все же будет писаться раздельно.

■ **2а.** Эти образования представляют собой новые слова, обозначающие единое целостное понятие (П. А. Лекант 1963).

□ **2б.** Однако понятия могут обозначаться и словосочетаниями; следовательно, данный семантический критерий допускает субъ-

ективный подход и поэтому практически бесполезен (Дискуссия 1962°).

□ **3а.** Слияние *пол-* со словами, начинающимися буквами *и*, *я*, *е*, *ю*, вызвало бы неправильное чтение, т. е. в словах такого типа, как *полизбы*, *поляблока*, стало бы возможно произношение [*л'*]: *по*[л'и]*збы* (ср. *полип*), *по*[л'а]*блока* (ср. *поляна*) (А. Б. Шапиро 1951).

■ **3б.** «. . . Русский человек прочтет слова типа *полящика* правильно, а при обучении русскому языку нетрудно объяснить произношение, сопоставив со словами *ящик* и т. д.» (П. А. Лекант 1963).

■ **3в.** Прецедент такого написания в русской орфографии имеется, ср. *комячейка*.

□ **4.** «. . . Слияние *пол* со словом, начинающимся буквой *л*, привело бы к двойной согласной (*лл*), что может вызвать произношение этого буквосочетания как *л* долгого вместо двух *л* (каждое с самостоятельным затвором в начале) (ср. *пол-лу́га* и *по*[л̄]*у́га*, *пол-листа* и *по*[л']*ста́* и т. п.)» (А. Б. Шапиро 1951).

□ **5.** Слитному написанию противоречит самостоятельность элемента *пол* (см. предложение I, п. 2б, 3).

□ **6.** Против слитного написания говорит сохранение двух ударений, о чем свидетельствует отсутствие редукции гласного *о* в предударном слоге, например: *по́л-ме́тра*, *по́л-ведра́*, а не [пал]*ме́тра*, [пэл]*ведра́* (А. А. Реформатский 1937). «Здесь два ударения, что не может быть в одном слове» (Я. К. Грот 1873).

□ **7а.** Слитное написание неудачно, поскольку при слиянии *пол* со словом, начинающимся с прописной буквы, прописная буква оказалась бы внутри слова (*полМосквы*) (А. Б. Шапиро 1951).

■ **7б.** Однако некоторые это необычное написание защищают, находя, что в написании *полМосквы* «в сущности нет ничего невероятного: оно и обозначает новое единое слово, и сохраняет специфику собственного имени. Черточка здесь явно лишняя» (П. А. Лекант 1963).

□ **8.** Предложение нарушает устойчивые орфографические навыки.

IIа. Писать такие сочетания слитно (*полведра*, *полметра*), за исключением тех случаев, когда существительное начинается с гласной буквы или согласной *л*, а также тех, когда *пол-* присоединяется к имени собственному; например: *полведра*, *пол-метра*; *пол-оборота*, *пол-яблока*, *пол-литра*, *пол-Москвы* (Я. К. Грот 1885; Проекты свода 1940—1951; А. Б. Шапиро 1951; Свод 1956).

□ **1.** Предлагаемое правило осложнено многими исключениями. «Исключений получается больше, чем правильных написаний» (А. А. Реформатский 1937).

□ **2.** См. предложение II, п. 6.

■ **3а.** Предусматривается в виде исключения написание дефиса: в некоторых случаях он играет роль разделительного знака (*пол-яблока* и пр.). Таким образом, написание приведено в соответствие с произношением этих слов и предостерегает от неправильного чтения их (см. предложение II, п. 3а, 4).

□ **3б.** Однако в принципе нежелательно употреблять дефис в роли разделительного знака: для этой цели употребляются **ь** и **ъ**.

□ **3в.** Нежелательно определять выбор написания следующей буквой.

□ **4.** Ср. также слитное написание производных слов *поллитровый*, *поллитровка* и т. п.

■ **5.** В тех случаях, когда существительное является именем собственным, «дефис нужен, чтобы сохранить признак имени собственного — прописную букву» (А. А. Реформатский 1937).

□ **6.** Двоякое написание слов с *пол-* является чисто условным, грубым правилом, не отражающим различий во взаимоотношениях компонентов сложного слова (Дискуссия 1962°).

■ **7.** Предложение не требует ломки существующих орфографических навыков.

IIб. Сочетания с *пол-* писать слитно, за исключением тех случаев, когда *пол-* присоединяется к именам собственным: *полведра*, *поллитра*, *поляблока*, но *пол-Москвы* (Дискуссия 1954; Я. И. Шубов 1963°; Г. Н. Санкина 1964).

■ **1а.** Снимается один из недостатков предложения II (п. 7а),

□ **1б.** но не снимаются другие его недостатки (п. 1б, 3а, 4, 5, 6).

IIв. Сочетания с *пол-* писать слитно; в случаях, когда существительное начинается с гласных *я*, *ю*, *е*, *ё*, после *пол-* писать знак **ъ**: *полведра*, *полметра*, но *полъяблока* (Дискуссия 1962*).

■ **1а.** Снимается один из недостатков предложения II (п. 3а),

□ **1б.** но не снимаются другие его недостатки (п. 4, 6, 7а).

■ **2.** Данное предложение унифицирует существующее правило об употреблении **ъ** в качестве разделительного знака, распространяя его и на сочетания с *пол-*.

□ **3.** Предложение исключается при замене разделительного **ъ** через **ь** (см. соответствующий раздел).

IIг. Писать сочетания с *пол-* всегда слитно, перед йотированными буквами употреблять апостроф (С. М. Потапов 1963).

□ **1.** Оценка данного предложения отличается от предыдущего только тем возражением, что апостроф в качестве разделительного знака в современной орфографии не употребляется. Аргументацию за и против употребления апострофа в качестве разделительного знака см. в разделе о разделительных знаках.

III. Сочетания с *пол-* всегда писать через дефис: *пол-ведра*, *пол-литра*, *пол-яблока*, *пол-Москвы* (Я. К. Грот 1873; Проект 1930; Проекты свода 1936, 1939; А. А. Реформатский 1937; Проект свода 1955; Дискуссия 1962; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Д. Э. Розенталь 1964; Проект 1964; Дискуссия 1964*).

■ **1а.** Создается единое правило по отношению к сложным словам, состоящим из *пол-* и последующего род. п. существительного.

□ **1б.** Однако неунифицированным остается слитное написание *пол-* с производными прилагательными и существительными, а также с порядковыми числительными (например, *полметровый*, *поллитровка*, *полвосьмого* и др.).

■ **1в.** См. ниже, предложение Б I.

■ **2.** Дефисное написание обеспечивает правильное прочтение этих слов (см. предложение II, п. 3а, 4, 6).

■ **3.** Дефисное написание дает возможность сохранить прописную букву, если *пол-* присоединяется к имени собственному (см. предложение II, п. 7а).

□ **4.** Против дефисного и в пользу раздельного написания говорит то, что рассматриваемые образования с элементом *пол-* имеют некоторые свойства свободных синтаксических конструкций (см. предложение I, п. 2а, 2б, 3).

■ **5.** За дефисное написание говорит длительная традиция. Существующее правило о слитном написании слов с *пол-* предусматривает так много исключений (см. предложение IIа), что число новых орфограмм практически окажется незначительным (Дискуссия 1962°).

Б. Сочетания *пол-* с родительным падежом существительного и производные от этих сочетаний

I. Все такие сочетания писать через дефис: *пол-метра*, *пол-метровый*, *пол-литра*, *пол-литровый*, *пол-литровка* (Проект свода 1939_2).

■ **1а.** Данное предложение соответствует существующему общему правилу: в прилагательных, образованных от полуслитно пишущихся существительных, дефисное написание сохраняется, ср. *Алма-Ата — алма-атинский*, *генерал-лейтенант — генерал-лейтенантский* (Дискуссия 1962°).

□ **1б.** Однако правило о написании сложных слов с первым элементом *пол-* не унифицируется полностью. Наоборот, оно осложняется, так как через дефис предлагается писать слова различных категорий (требующих запоминания): 1) существительные в род. п. с первым элементом *пол-* (*пол-ведра*); 2) производные от них прилагательные (*пол-ведерный*); 3) производные суффиксальные существительные (*пол-литровка*). Наряду с этим остаются слитные написания *полдень* и др. (Дискуссия 1962*).

■ **2.** Дефисное написание способствует правильному произношению этих слов (см. предложение А II, п. 3а, 4, 6).

□ **3.** Образования типа *поллитровый*, *поллитровка* встречаются в разговорной речи; в письменной речи они малочастотны, чаще вместо них встречаются всегда слитно пишущиеся слова с *полу-* (вместо *полведерный*, *полгодовой* — *полуведерный*, *полугодовой*; вместо *полбутылка*, *полсапожки* — *полубутылка*, *полусапожки* и т. п.). Поэтому нет необходимости создавать для этих производных прилагательных и существительных свои особые правила правописания.

II. Такие сочетания писать слитно: *полметра*, *полметровый*, *поллитра*, *поллитровый*, *поллитровка* (Дискуссия 1934*; П. А. Лекант 1963; Дискуссия 1964*).

■ **1.** См. предложение А II, п. 1а.

□ **2.** Слитное написание не соответствует произношению таких слов, как *поллитровый*, *поллитровка*, оно может повлечь за собой неправильное чтение (со смягчением первого *л*).

■ **3.** Слитное написание слов типа *поллитровый*, *поллитровка* соответствует прочным орфографическим навыкам.

В. Сочетания *пол-* с родительным падежом существительного и порядкового числительного, обозначающего час, время

I. Такие сочетания писать через дефис или слитно, в зависимости от первой буквы последующего слова в род. п.: *полпятого*, *полвосьмого*, но *пол-одиннадцатого* (Орфографические словари 1956, 1963).

Примечание. Впервые предложение о написании *пол-* с порядковыми числительными (типа *полвосьмого*) сформулировано Д. Э. Розенталем (1964): их написание унифицируется с написанием (через дефис) *пол-* в сочетании с род. п. существительного. Несмотря на отсутствие четкой регламентации написания *пол-* с порядковыми числительными, на практике их написание было согласовано с написанием *пол-* в сочетании с род. п. существительного.

■ **1.** Создается одно общее правило о написании *пол-* с последующим род. п. (существительного или порядкового числительного; см. предложение А IIа).

□ **2.** Но сохраняются все недостатки предложения А IIа.

II. Такие сочетания писать через дефис: *пол-метра*, *пол-восьмого*, *пол-яблока*, *пол-одиннадцатого* (Д. Э. Розенталь 1964; Проект 1964).

■ **1.** Создается одно общее правило о написании *пол-* с последующим род. п. (существительного или порядкового числительного; см. предложение А_III).

НАПИСАНИЯ С ЧАСТИЦАМИ

Принимается следующее деление:
А. Написания со всеми частицами.
Б. Написания с отдельными разрядами и группами частиц.

Предложения

А. Написания со всеми частицами

I. Все частицы писать раздельно: *ведь*, *вот*, *лишь*, *бы*, *ли*, *же*, *кто нибудь*, *где либо*, *скажи ка*, *кто то* и т. п. (Дискуссия 1934°; Дискуссия 1954; Дискуссия 1962; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Проект 1964; Дискуссия 1964*).

■ **1.** Создается общее правило написания всех частиц (Дискуссия 1962°).

□ **2а.** Против объединения в одну орфографическую группу словообразующих частиц *кое-* (*кой-*), *-то*, *-нибудь*, *-либо* и таких частиц, как *бы*, *ли*, *же*, *вот*, *ведь* и др., можно возразить, что последние частицы в предложении очень подвижны, способны стоять после любого слова, в то время как первые более прочно связаны со словом, к которому они относятся (Дискуссия 1962°).

■ **2б.** Но некоторые частицы, в настоящее время пишущиеся через дефис (например: *-де*, *-с*, *-таки*, *-то*) имеют много общего с раздельно пишущимися частицами *ли*, *же*, *бы*. Все эти частицы в предложении очень подвижны и вносят добавочный оттенок в значение всего предложения.

■ **2в.** Одинаковое раздельное написание таких частиц, как *бы* и *-ка*, можно было бы объяснить тем, что частица *-ка*, так же как частица *бы*, участвует в образовании модальных форм глагола (*бы* — показатель сослагательного наклонения, *-ка* — показатель дополнительного оттенка повелительного наклонения).

□ **2г.** Однако частица *бы* в предложении более подвижна, чем частица *-ка*.

□ **3.** Относительно частиц *то* и *с* необходима проверка, не вызовет ли раздельное их написание частых омонимических столкновений с предлогом *с* и местоимением *то* (Дискуссия 1962°).

□ **4.** Осуществление данного предложения привело бы к известной ломке прочных орфографических навыков.

II. Все частицы писать слитно (Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964*).

□ **1а.** Создается единое правило написания частиц.

□ **1б.** Однако оно противоречит общему принципу русской орфографии отделять друг от друга слова, в том числе и служебные (например, предлоги и союзы) (Дискуссия 1962°).

□ **2.** Данное предложение оказывается бессмысленным в применении к отдельным разрядам частиц. Так, непонятным остается, с чем на письме соединять частицы, вносящие оттенки значения в целое предложение и не имеющие в предложении постоянного места (см. такие примеры, как *Он ведь так и думает*, *Вот и пришли домой*) (Дискуссия 1962°).

□ **3.** Осуществление данного предложения вызвало бы значительную ломку прочных орфографических навыков.

Б. Написания с отдельными разрядами и группами частиц

I. Частицы, которые служат для образования новых слов, писать слитно: *чтото*, *гдето*, *коекак* и др. (Л. Е. Филиппова 1962; Дискуссия 1962*; М. М. Копыленко и Я. И. Шубов 1964).

■ **1а.** Данное предложение в известной степени поддерживает основную тенденцию русского правописания раздельно писать отдельные слова, а слитно — части слов (частицы в словах *что-то*, *где-то*, *кое-как* выполняют слово- и формообразующую функцию и приближаются к морфемам) (Дискуссия 1962°).

□ **1б.** Однако этот принцип не имеет всеобщего распространения в русской орфографии, так как не все, что лингвистами принимается за одно слово, принято писать слитно (см. раздельно пишущиеся фразеологические сочетания *собаку съел*, *во что бы то ни стало*, *средь бела дня* и т. п., принимаемые в некоторых лингвистических концепциях за одно слово).

□ **1в.** Еще важнее то обстоятельство, что эти частицы можно считать отдельными служебными словами, а не морфемами.

□ **2.** Частицы (по крайней мере словообразовательные) обладают большей степенью выделяемости, чем морфемы, так как они орга-

нически не включаются в состав слова. Это наглядно проявляется при склонении слов, например: *кто-нибудь, кого-нибудь, с кем-нибудь* и т. п. Агглютинативному характеру частиц более соответствует дефисное или раздельное написание, чем слитное.

□ **3.** Полному слиянию отдельных частиц с местоимением препятствует также постановка предлога между частицей и местоимением в косвенных падежах, напр.: *кое о ком, кое в чем, кое у кого* и т. п.

□ **4.** Предлагаемое слитное написание словообразующих частиц потребовало бы существенной ломки орфографических навыков.

II. Частицы *кое-, кой-, -ка, -либо, -нибудь, -то, -таки, -с, -де* писать через дефис; частицы *бы, же, ли* писать раздельно, например: *кое-кто, где-либо, когда-нибудь, скажи-ка, кто-то, да-с, он-де*; но *видал ли, хотел бы, он же молчал* (Н. И. Греч 1827; А. Х. Востоков 1831; Ф. И. Буслаев 1858; Я. К. Грот 1873; А. Б. Шапиро 1933; Дискуссия 1934°; Проект свода 1936_1; Свод 1956; Дискуссия 1964*).

Примечания. 1. По формулировке это предложение отличается от предыдущего (устанавливающего написание отдельного разряда частиц) тем, что дает просто перечень отдельных частиц, пишущихся через дефис. По существу, второе предложение отличается от первого тем, что выходит за пределы словообразовательных (и формообразующих) частиц (см. такие частицы, как *-то* (*он-то*), *-таки, -с, -де*).

2. Число и состав частиц, которые предлагалось писать через дефис, на протяжении XIX и XX вв. значительно менялись. Так, А. Х. Востоков (1831) приводит всего две частицы, пишущиеся через дефис: *-то* и *-либо*. Ф. И. Буслаев (1858) предлагает писать через дефис частицы *-то, -ка, -ста* и факультативно (через дефис или раздельно) частицы *-либо* и *-нибудь*. Я. К. Грот (1873) предлагает писать через дефис *-либо, -нибудь, -таки*. А. В. Зелинский (1886) выделяет полуслитно пишущиеся частицы *-ка, -с, -ста, -то, -те, -таки, -де*. В дискуссии 1934° через дефис предлагалось писать частицы *-кое, -нибудь, -либо*. А. Б. Шапиро (1933) значительно увеличил число полуслитно пишущихся частиц: *-то, -ка, -кась, -нибудь, -либо, -таки, -кое* (*-кой*), что в принципе мало отличается от предложений Свода 1956 г. писать через дефис частицы *-кое, -кой, -либо, -нибудь, -то, -таки, -с, -де*. Из приведенных выше примеров видно, что предложения Я. К. Грота (1873) и предложения, выдвинутые в Своде 1956 г., хотя в принципе и сходны, но не тождественны.

□ **1.** Согласно данному предложению, получается разнобой в написании частиц разных категорий (частицы *бы, же, ли* и др. пишутся раздельно, а частицы *-кое, -либо, -нибудь* и др. — через дефис).

■ **2.** Однако дефисное написание каждой из рассматриваемых частиц имеет свое определенное основание. Так, частицы *-кое, -кой, -либо, -нибудь, -то* выступают в языке в качестве словообразующих формантов, с их помощью образуются неопределенные местоимения и наречия. В предложении они занимают относительно постоянное место (препозиция или постпозиция по отношению к слову, к которому они относятся). Однако приравнивать их к таким морфемам, как префиксы и суффиксы, нельзя, поскольку

они присоединяются к разным частям речи и обладают значительной степенью агглютинативности (см. предложение I, п. 2, 3).

Частица *-ка(-тка, -тко)* вносит в речь модальные или модально-волевые оттенки; в предложении она имеет свое постоянное место: следует за глаголом или частицей (*смотри-ка, дай-ка, ну-тка* и т. п.). Однако способность ее присоединяться не только к глаголам, но и к частицам говорит о ее выделимости из текста; таким образом, она тяготеет к отдельному слову. Этому переходному состоянию между отдельным словом и морфемой хорошо соответствует дефисное написание.

Частицы *-с, -де, -то, -таки* выполняют весьма различные семантические функции, общее у них то, что они всегда постпозитивны, т. е. всегда следуют за словом, к которому они и по смыслу примыкают, например: *да-с, он-де пришел, а мы-то думали, я-таки пойду* и т. п. С другой стороны, эти частицы обладают высокой степенью выделимости, так как могут присоединяться к словам любой части речи. Эта двойственность их характера обосновывает дефисное написание.

□ **3.** Выделение всей группы частиц, пишущихся через дефис, основано на разных принципах, поэтому их перечень является чисто механическим и трудно запоминается.

■ **4.** Данное предложение соответствует современным нормам орфографии и не требует ломки прочных орфографических навыков.

IIа. Частицы *бы, ли же*, так же как частицы *то, нибудь, кое, таки, ка, либо* и др., писать через дефис: *кто-либо, дай-ка, кое-кто, что-нибудь, видал-ли, хотел-бы, он-же молчал, что-бы ты ответил*? (Проект 1930; Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964).

■ **1а.** Согласно данному предложению, достигается некоторая унификация написания частиц.

□ **1б.** Однако это предложение носит частный характер, поскольку не охватывает правописания всей категории частиц (сохраняется раздельное написание частиц *разве, ведь, вот, вон, лишь* и т. п.). Следовательно, вместо отдельного подпункта правил о том, что частицы *бы, ли, же* пишутся раздельно, пришлось бы увеличить число запоминаемых частиц, пишущихся через дефис, на три единицы: *бы, ли, же* (Дискуссия 1962°).

□ **2.** Дефисное написание таких частиц, как *ли, же, бы*, нежелательно тем, что связывает в одно целое свободно функционирующие в языке единицы и придает им внешность цельнооформленности; например, в предложении *Я этого не хотел* частица *бы* может занять чуть ли не любое место: *Я бы этого не хотел; Я этого бы не хотел* и *Я этого не хотел бы* (хотя как показатель

условного наклонения она во всех случаях относится к глаголу).

■ 3. Осуществление данного предложения дало бы незначительное число новых орфограмм.

НАПИСАНИЯ С ЧАСТИЦЕЙ *не* И ПРИСТАВКОЙ *не-*

Все существующие и предлагаемые правила можно рассматривать как сочетание (и в некоторых случаях как истолкование) трех основных правил: 1) писать *не* слитно, если данное слово не употребляется без *не*; 2) писать частицу *не* раздельно, приставку *не-* — слитно; 3) с данной грамматической группой слов или форм слов писать *не* слитно (вариант: раздельно). Различная иерархия этих правил и создает все существующие и предлагаемые нормы написаний; при этом первое правило всегда оказывается главенствующим: оно никогда не вступает в противоречие со вторым и всегда сильнее третьего.

Для глаголов и кратких причастий иерархия такова: 1, 3.

Все полные причастия, употребляющиеся без *не*, пишутся раздельно с *не*, если есть пояснительные слова (т. е. если выявляются в тексте глагольные синтаксические связи и тем самым причастие квалифицируется как глагольное слово); иерархия та же. Если нет пояснительных слов, то они пишутся слитно, как грамматически особый класс с чертами глагола и прилагательного; иерархия та же. Иерархия правил для имен — иная: 1, 2.

Принимается следующее деление:

А. Предложения, относящиеся ко всем словам, независимо от их грамматической характеристики.

Б. Предложения, касающиеся нескольких частей речи в их взаимосвязи и взаимозависимости (при этом причастия приравниваются к особой части речи).

В. Предложения, определяющие написание *не* с отдельной частью речи или группой слов в пределах одной части речи.

Дальше предложения рассматриваются в каждой из указанных выше трех групп в таком порядке: правила более общие перед более частными (правила о правописании всех прилагательных, например, раньше правил о правописании отдельных групп прилагательных); правила истолковывающие — после правил с основным положением, подлежащим истолкованию (например, правило: писать частицу *не* всегда отдельно — раньше, чем правила, в которых дается попытка указать, какие конкретные приметы частиц надо учитывать, чтобы писать их раздельно).

А. Предложения, относящиеся ко всем словам, независимо от их грамматической характеристики

I. Со всеми частями речи (в том числе и с глаголами) писать частицу *не* отдельно, приставку *не-* — слитно (Дискуссия 1962, 1962°, 1962*).

■ 1. Правило последовательно: оно охватывает все части речи.

■ 2. Оно строго обосновано лингвистически. Части слова (в том числе все приставки) пишутся слитно; отдельные слова отграничиваются от других слов пробелами. Предлагаемое правило естественно распространяет это разграничение на частицу (отдельное слово) *не* и приставку (часть слова) *не-*.

□ 3. Это предложение потребует большой ломки орфографических навыков: придется отказаться от очень устойчивого и простого правила о том, что глаголы с *не* всегда пишутся раздельно (если употребляются без *не*). В действительности *не* при глаголах может быть и частицей и (в редких случаях) приставкой. Ср. *Он ведь велел тебе сегодня вернуть ему книгу? — Нет, не велел*; *Ненависти к нему у меня нет, но я его и не люблю*. Здесь *не* частица. Напротив, *не* является приставкой в таких случаях: *Я уже несколько раз не велел тебе этого делать*; *С детства не люблю такую музыку* и под. Главное даже не в том, что разграничение приставки *не-* и частицы *не* очень непривычно для пишущих, а в том, что письмо, пренебрегающее этим разграничением, вполне оправдало себя и отказ от него в пользу более сложного был бы для всех нежелателен. Пишущий проигрывает сейчас в том отношении, что для глаголов налицо особое правило, отличное от правил для других частей речи; следовательно, при письме надо все время отличать глаголы от других частей речи. Но это затруднение оправдано тем, что особое, частное правило легче общего, по которому пишутся другие части речи.

□ 4. При введении этого правила изменения коснулись бы очень немногих конкретных написаний (например, *невелел*, *нелюбил* вместо современного *не велел*, *не любил*). Но, как сказано, орфографические привычки пишущих должны быть при этом коренным образом изменены; вместо простого анализа: глагол или нет? потребовался бы другой, более сложный: отрицательное или положительное значение имеет сочетание с *не* (неважно, что оно глагольное)? Результат в огромном большинстве случаев был бы тот же, что и сейчас, и *не* писалось бы отдельно от глаголов, но путь к этому результату при новом правиле был бы иным и более трудным.

II. Писать *не* слитно в тех случаях, когда данное слово не употребляется без *не*.

Примечание. Это правило — одно из наиболее давних и наиболее устойчивых правил русского письма, оно стихийно сложилось еще в XVI—XVII вв. Однако в ходе орфографических дискуссий не раз возникали попытки отказаться от этого правила. Возражения против этих новаций надо рассматривать как предложение остаться при традиционном написании. Необоснованным было бы, однако, указание авторов этих возражений в качестве инициаторов издавна неколебимого правила.

■ **1.** Слова *невзгода*, *негодяй*, *невидаль*, *недотрога*, *неразбериха*, *ненавидеть*, *нельзя*, *несуразный*, *небрежный* и др. не употребляются без *не-*, так как не существует слов *взгода*, *годяй*, *видаль*, *дотрога* и др. Значение этих частей, искусственно отделенных от *не-*, не может быть точно определено, поэтому и отрицательное значение *не-* не может быть установлено. Следовательно, отрезок *не-* в начале слова не может рассматриваться как отрицательная частица.

III. Писать *не* отдельно, если есть противопоставление данному слову (с союзом *а* и его синонимами).

См. примечание к предыдущему предложению.

■ **1.** В русском письме слова пишутся всегда отдельно от частиц (служебных слов). В данном же случае *не* входит в синтаксическую конструкцию, созданную частицами: *не. . . а* (или синонимической с ней).

IV. Писать *не* отдельно, если есть «двойное отрицание» (т. е. при наличии усилительных слов с частицей *ни*) или если есть частицы *вовсе не*, *ничуть не*, *нимало не* и их синонимы (Я. К. Грот 1873).

■ **1.** Лексическое единство образуют сочетания *вовсе не*, *ничуть не* и т. д. Ср. невозможность конструкций: *вовсе смел*, *он ничуть здоров* и пр. Правописание *не* слитно со следующим словом разрушит на письме это единство.

■ **2.** В этих конструкциях *не* действительно бывает частицей (строго стандартизованной по значению), но не приставкой. Ср. невозможность образований *Приезд этот ничуть не гаданный*, или: *Он вовсе не уклюжий*, или: *Это нимало не взгода*.

■ **3.** В этих оборотах всегда подразумевается противопоставление; следовательно, это правило — только частный случай применения правила, изложенного в предложении III.

V. Писать *не* слитно со всеми словами (кроме глаголов), если к сочетанию *не* со следующим словом относятся частицы *крайне*, *абсолютно* и их синонимы: *абсолютно непохожий*, *крайне неактивен*, *совершенно неумный* и под. (Дискуссия 1962*).

■ **1а.** Эти частицы подчеркивают утвердительное значение тех слов, к которым относятся: *крайне неактивен=крайне пассивен* и т.д. Если у сочетания имени с *не* есть синоним без *не* (*неактивен=пассивен*), то при этих частицах оказывается как правило возможной замена одного выражения другим. Это и показывает, что данные частицы присоединяются к образованиям, в которых отрицательное значение частицы *не* лексически преобразовано, она выступает в роли приставки (слово в целом стало передавать положительное понятие). Ср. невозможность сочетаний: *В последнее время он очень не ходит к нам, Это крайне не железный стержень* и т. д. (хотя возможны: *Он очень не любил меня, Это крайне непрочный стержень*, где *не* является (в обоих случаях) приставкой.

□ **1б.** Но именно то, что слова *крайне* и под. присоединяются к именным образованиям, имеющим всегда положительное значение, позволяет не обозначать эту «положительность» еще и слитным написанием. Наличие *крайне* уже говорит об этой семантической слитности. Именно поэтому теоретически не исключается возможность и отдельного написания *не* в сочетаниях с *крайне* и под., если это будет оправдано каким-либо более общим правилом. Например, если окажется введенным правило, что краткие прилагательные пишутся отдельно от *не*, то, может быть, не следовало бы это правило специально ограничивать напоминанием, что оно не действует, когда есть частица *крайне*, *очень* и их синонимы.

□ **2.** Есть несколько частиц с вариативным значением (Д. Э. Розенталь 1962). В одних контекстах они означают ‘ничуть, отнюдь’ (*Да нет, он совсем не активен*), в других — ‘крайне’ (*Был бойкий мальчик, а стал совсем вялым и неактивным*). Последовательное разграничение этих двух значений у той же частицы (одно из них требует слитного, другое — раздельного написания *не*) создает для пишущего ряд трудностей. На практике это разграничение и не проводится, и при частицах *совсем*, *совершенно* написание *не* с именами регулируется большей частью прихотью корректора.

■ **3.** Данное правило можно считать не особой рекомендацией, а только истолкованием более общего правила: всегда писать приставку *не* слитно; наличие частиц *крайне* и под. у сочетаний с *не* — только примета того, что это сочетание производящей основы с приставкой. Принятие общего правила (см. предложение I) неизбежно требует принятия и этого правила.

VI. Писать *не* слитно всегда, если нет противопоставления (Дискуссия 1954; Дискуссия 1962, 1962*).

■ **1.** Это предложение заменяет множество правил одним.

■ **2а.** О приемлемости этого предложения свидетельствует опыт некоторых национальных орфографий, например, латышской

(Я. В. Лоя и А. С. Любель 1955), чешской и др., в которых отрицательную частицу-приставку принято всегда писать слитно.

□ **2б.** Опыт других национальных орфографий может быть показателен только в том случае, если в данном случае такие же морфологические соотношения между частицей *не* и приставкой *не-*, как в русском языке. В частности, соотношение между аффиксальными образованиями в чешском языке более регулярны, чем в русском, членимость их на морфемы более резка, поэтому противопоставление «частица *не*/приставка *не-*» менее резко, чем в русском языке; функционирование приставки приближается к функционированию частицы. Противопоставление их не так настоятельно требует своего выражения на письме, как в соответствующих единицах русского языка.

□ **3.** Данное правило оставит без выражения такие противопоставления: *не богат — небогат*, *не удовлетворительный* (т. е. или плохой, или хороший) — *неудовлетворительный* и пр.

Б. Предложения, касающиеся нескольких частей речи в их взаимосвязи и взаимозависимости

I. Писать *не* слитно со всеми именами только в том случае, если слово с *не* заменяется синонимом, не имеющим этой приставки (Дискуссия 1954; Дискуссия 1962).

■ **1.** Этот способ, действительно, помогает обнаружить, что [*не* приставка, так как описанная замена может быть сделана только в том случае, если «*не*+именная основа» составляют одно целостное понятие.

□ **2.** В ряде случаев невозможно подобрать такие синонимы, которые заменили бы слово с приставкой *не-*; ср. *неграмотный*, *невозможный*, *неизвестный*, *недобросовестный*, *нежелательный*, *нелестный*, *недействительный*, *неудобный*, *незаконный*, (Н. Тимофеев 1902; С. И. Абакумов 1937; Дискуссия 1962*; В. Ф. Иванова 1964). Следовательно, в качестве единственного или основного руководства данное правило использоваться не может (Дискуссия 1962°).

II. Писать *не* со всеми именами слитно, если в данном тексте перед *не* можно вставить слова *очень*, *крайне* и их синонимы; писать раздельно, если можно вставить слова *ничуть*, *вовсе* и их синонимы (Дискуссия 1962*).

■ **1.** Указанные в правиле слова действительно являются хорошими индикаторами для *не*, определяющими, приставкой или частицей является эта форма.

□ **2.** Вставка этих слов в текст показательна при одном условии: если есть уверенность, что со вставкой их значение высказывания

не изменилось. А этой уверенности часто нет, смысловые соотношения предложений с усилительными частицами (или наречиями меры и степени) и без этих частиц очень сложны для анализа.

В качестве основного правила указанная рекомендация служить, очевидно, не может (Дискуссия 1962°, 1962*).

III. Писать *не* раздельно со спрягаемыми формами глаголов, краткими причастиями и деепричастиями.

См. примечание к предложению А II.

■ **1.** По сравнению с другим возможным правилом «писать *не* со спрягаемыми формами глагола, причастиями и деепричастиями так же, как с другими частями речи» данное правило обладает одним достоинством: оно не требует от пишущего анализировать, каковы смысловые соотношения между *не* и глаголом. Другие части речи пишутся по иным правилам; однако исключительность правила для написания *не* с глаголами вполне оправдана его простотой.

■ **2.** Длительная практика использования этого правила показывает, что смешения приставки *не-* (*С детства не любит эту музыку*) с частицей *не* (*Он его не любил и не презирая*), их смыслового неразличения в данном случае бояться нечего: контекст всегда подсказывает верное понимание.

■ **3.** Число приставочных сочетаний «*не*+глагол» по сравнению с числом сочетаний, где *не* — частица при глаголе, ничтожно. Таким образом, в огромном большинстве случаев данное правило верно отражает факты языка; условны только немногие написания типа *С детства не любит эту музыку*, где *не-* приставка (Дискуссия 1962°).

■ **4.** Среди сочетаний разных частей речи с *не* глагольные сочетания резко преобладают; их в 3—4 раза больше, чем всех остальных (т. е. сочетаний *не* с существительными, прилагательными, причастиями, наречиями, местоимениями, числительными). Отказ от существующего правила вызвал бы самую серьезную из всех возможных ломку орфографических навыков (Дискуссия 1962°).

■ **5.** Ряд других письменностей тоже не разграничивает сочетание глаголов с *не*-приставкой и *не*-частицей, в том числе — все славянские письменности. Среди них есть и такие, у которых морфологические соотношения образований с *не* и образований без этой частицы однотипны с теми, какие есть в русском языке (например, в польском языке). Поэтому аналогия здесь весьма показательна.

IV. Писать *не* раздельно со спрягаемыми формами глагола, деепричастиями и всеми причастиями, если они употребляются без этой частицы-приставки: *не скошенная трава*, *никем не скошенная*

трава, не скошенная крестьянами трава, не работающий двигатель, давно не работающий двигатель; не скошен (Дискуссия 1954; Дискуссия 1962, 1962°).

■ **1.** Правило объединяет написание глаголов и причастий. Причастия — особые глагольные формы, и писать их так же, как все другие глагольные формы, вполне обоснованно.

□ **2а.** Причастия без пояснительных слов часто в тексте функционируют как прилагательные (теряют временное и видовое грамматические значения). В сочетаниях *раненый солдат, жареная утка, закопченное стекло, организованное выступление, забитая девочка* значение процессуальности, временная и видовая характеристики признака-процесса в разной степени приглушены, а иногда и совсем отсутствуют. Если причастия писать с *не* как глаголы, а прилагательные типа *раненый, жареный, закопченный* и пр. по иным каким-либо правилам, то неизбежно возникнут серьезные трудности: пишущему надо будет постоянно думать о том, причастие в тексте или прилагательное, похожее по форме на причастие.

Нельзя считать выходом и предложение все слова, являющиеся по форме причастиями (т. е. с суффиксами *-ущ-, ащ-, -им-, -ем-, -нн-, -т-* и т. д.), писать с *не* раздельно. Тогда пришлось бы из прилагательных искусственно (по наличию суффиксов) исключать определенную группу слов и их писать не так, как остальные прилагательные.

■ **2б.** Но возражение полностью снимается, если предложено и прилагательные писать с *не* отдельно (об этом см. дальше). Тогда вся группа связанных между собой грамматических единиц: глаголы — причастия — прилагательные (*не зажигать — не зажигающий, не зажженный — не зажигательный; не сыпать — не сыплющий — не сыпучий; не отрывать — не оторвавший — не оторванный — не отрывной; не ранить — не раненый* и пр.) писались бы по единому правилу. Вопрос о том, «перешло» ли причастие в прилагательное, станет совершенно несущественным (Дискуссия 1962°).

□ **2в.** Выход дает и другое предложение (В VI).

■ **3.** Предлагаемое правило потребует немногих изменений в письменных текстах. Краткие причастия традиционно писались и пишутся с *не* раздельно. Действительные причастия обычно встречаются с пояснительными словами, следовательно, по существующим правилам, в большинстве случаев пишутся с *не* тоже раздельно. Только полные страдательные причастия пишутся сравнительно часто с *не* слитно (чаще, чем отдельно) — здесь только и будет заметное изменение привычных написаний (Дискуссия 1962°).

□ **4а.** Большой ломки потребуют орфографические навыки. Если предполагается, что причастия, «перешедшие» в прилагательные (*раненый солдат, закопченное стекло, забитая девочка* и пр.),

надо писать по правилам для прилагательных, например таким, какие сейчас приняты, то ломка орфографических навыков будет прямо болезненная. Более простое правило (проверь, есть ли поясните́льные слова у причастия, и пиши) будет заменено более сложным (установи, приставка здесь *не* или частица, как при письме других прилагательных). Еще важнее, что трудно различить, когда использовать «глагольно-причастное» правило и когда «прилагательное»; например, в сочетании *Это выступление неорганизованное* причастием или прилагательным является второе слово? Ср. *Этого выступления никто не организовал*, следовательно, *организованное* — глагольная форма (причастие); писать его с *не* по предложенному правилу надо раздельно. Но, может быть, верно другое сопоставление: *неорганизованное — хаотическое*, процессуальность в значении слова погашена; тогда надо писать с *не* слитно, по правилам для прилагательных. Сделать выбор между этими двумя сопоставлениями пишущему будет трудно, а иногда и невозможно. Таких трудных задач в текстах окажется немало.

■ **4б.** Но если прилагательные писать с *не* всегда раздельно, то ломка орфографических навыков для причастий будет минимальной.

□ **4в.** Она в этом случае окажется значительной для прилагательных (см. дальше).

□ **5.** Правописание *не* слитно с некоторыми словами, по форме причастными, прочно закреплено традицией. «Только раздельное написание *не* с причастиями. . . невозможно (ср. *недоеденное яблоко*, *незапертые ворота*, *необожженный кирпич*, *неодушевленный предмет*, *невостребованный груз*, *негнущаяся проволока*, *несжимающаяся жидкость* и т. п.)» (В. Ф. Иванова 1964). Очевидно, написание этих и ряда других слов раздельно с *не* противоречило бы традиции.

IVа. Писать *не* раздельно со всеми глагольными формами; прилагательные из причастий — слитно с *не* (Н. Тимофеев 1902).

□ **1.** См. предыдущее предложение, п. 2а.

V. Писать *не* слитно со всеми глаголами и причастиями, если нет противопоставления: *нескошенная трава, нескошенная крестьянами трава*, *необиженный насмешками добродушный парень*, *никем необиженный*, *невзволнованный этим известием*, *неработающий двигатель*, *неработающий на этом заводе человек*; *нескошен*, *необычен*, *невзволнован*; *нескосит*, *необидит*, *невзволновал* (Дискуссия 1962).

■ **1а.** Правило объединяет правописание глаголов и причастий.

□ **1б.** Но оно же отъединяет эти грамматические классы от прилагательных.

□ **2.** Следовательно, остаются все трудности, описанные выше (см. предложение IV).

□ **3.** При этом предложении неизбежна коренная ломка написаний *не* с глаголами.

VI. Писать *не* раздельно с глаголами, но слитно с причастиями (если нет противопоставления): *нескошенная трава, необиженный насмешками парень; нескошен, необижен; не скосит, не обидит* (Дискуссия 1929°; Проект 1930; А. Б. Шапиро 1962; П. А. Лекант 1963; Дискуссия 1962°).

□ **1.** Правило требует писать причастия по одному принципу (всегда вместе с *не*), глаголы — по другому (всегда раздельно с *не*); если правило для прилагательных остается старым, то они пишутся еще по третьему принципу.

Более того, вводится новый тип правил, ранее вообще не используемый в русском языке. Сейчас применяются такие типы правил: а) частица-приставка *не* пишется всегда раздельно с определенным кругом грамматических единиц (например, глаголов), б) частица-приставка *не* пишется вместе или врозь в зависимости от смысла слова. Теперь добавляется еще один тип: писать *не* с причастиями всегда вместе.

Эту дробность правил, их особенность для каждой части речи могут оправдать только большие выгоды, которые сулило бы предлагаемое правило. На самом деле таких выгод нет.

□ **2.** Как видно из предложения, причастия и прилагательные пишутся по разным правилам (если правописание прилагательных с *не* остается традиционным), вместе с тем остаются все трудности, связанные с этим (см. предложение IV).

□ **3.** Правило не позволяет отразить на письме реальные факты языка. В сочетаниях с причастиями *не* обычно бывает частицей; значение ее строго стандартизовано, всегда неизменно: она имеет чисто отрицательный характер. Эта стандартность значения и характерна для частиц, этим они и отличаются от приставок, значение которых широко варьируется, различно при разных основах. Следовательно, *не* у причастий — как правило частица; подобно всем частицам ее нельзя писать слитно с другими (полнозначными) словами.

□ 4. Как видно из сказанного, *не* у причастий имеет ту же функцию, что и у глаголов: «Очень неудобно слитное написание с *не* для полупредикативных обособленных причастий (особенно в постпозиции), ибо полупредикативность создает условия для подчеркнутости именно отрицания. Нельзя не учитывать и того, что именно обособленные полупредикативные причастия синонимичны придаточным предложениям с глаголом в центре... «И он, *никогда не любивший* говорить о денежных затруднениях,... просил сына быть

на этот раз поэкономнее (Л. Толстой. Война и мир). Характерно, что в печати нет нарушений (т. е. слитного написания *не*) в этом случае» (В. Ф. Иванова 1964).

Хорошо ли одну и ту же зависимость значимых единиц выражать по-разному у глаголов и причастий?

□ **5.** «Нужна будет особая оговорка для раздельного написания *не* с полными причастиями (имеющими при себе пояснительные слова) в тех случаях, когда „огрубленное" слитное написание абсолютно недопустимо по смыслу. Ср. в качестве примера формулировку из „Правил русской орфографии и пунктуации" 1956 г.: „*Не* пишется раздельно при неизменяемых словах, не образованных от прилагательных. . ."» (В. Ф. Иванова 1964).

□ **6.** Ломка правописных навыков предстоит бóльшая, чем по предыдущему предложению; ведь вводится совершенно новый тип правил. Надо научиться писать по прямо противоположным правилам спрягаемые формы глаголов и причастную форму тех же глаголов: *не знает об этом* и *незнающий об этом*; *не указали в справочнике* и *неуказанный в справочнике* и т. д.

■ **7.** Но в тексте новшеств будет немного: читатель не часто будет спотыкаться, видя непривычные сочетания.

VIa. Писать *не* раздельно с глаголами и краткими формами причастий, но слитно — со всеми причастиями в полной форме (если нет противопоставления) (Дискуссия 1962[c]).

□ **1.** Сохраняются основные недостатки предложения VI.

■ **2.** Но его реализация вызовет еще меньшую ломку традиционных написаний.

В. Предложения, определяющие написание *не* с отдельной частью речи или группой слов в пределах одной части речи

I. Писать *не* слитно с глаголами (если нет противопоставления) (А. А. Потебня 1875; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров 1930).

■ **1а.** Этимологически *не* является частью глагольного слова; оно «исстари могло сливаться с глаголом в одно слово: *нѣсмь*, *нѣсть*» (А. А. Потебня 1875).

□ **1б.** Независимо от того, верно или нет такое этимологическое заключение (это связано с тем, что считать «глагольным словом» и — шире — словом вообще), сейчас, применительно к фактам современного русского языка, оно не справедливо.

■ **2.** «Как часть слова оно [т. е. *не*] может изменять залог глагола» А. А. Потебня 1875).

■ **3а.** Глагол с *не* образует целостное понятие. «Я пишу *нехочу*, *незнаю* на том же основании, как *нехороший*» (А. А. Потебня 1875).

□ **3б.** Только в редких случаях *не* с глаголом действительно образует одно понятие и является приставкой; ср. *Я стараюсь его незамечать*, *Эта жизнь меня неудовлетворяет*, *Этот купец снова неплатит*, *Мой брат с юности некурит и непьет. . .* (К. Г. Житомирский 1915). В огромном же большинстве случаев *не* с глаголом не образует одного понятия и не является приставкой (см. выше). Параллель с *нехороший* требует не однообразно слитного написания, а дифференциации: *Да нет, я не хочу*, *откуда вы взяли, что мне хочется? — Я нехочу позора, я отвергаю его.*

□ **4а.** Придется в словарях каждый глагол давать дважды: в сочетании с *не* и без этой частицы (Я. К. Грот 1873).

■ **4б.** «Гротово опасение, что тогда придется загромождать словари такими словами, как *небыть*, *незнать*, *неходить*, нас не должно смущать, да оно и опровергнуто уже практикою чехов» (Р. Ф. Брандт 1901). Действительно, чешское письмо использует слитное написание глаголов с отрицательной частицей; в словарях же фиксируется только написание глагола без этой частицы.

■ **5.** Именно так, слитно, пишется *не-* в некоторых национальных орфографиях. Но опыт этих орфографий не всегда может быть показателен для нашего письма (см. выше, предложение А VI, п. 2б).

□ **6.** Предлагаемое правило приведет к решительной ломке орфографических навыков и потребует изменения навыков чтения.

II. Писать приставку *не-* слитно с глаголами, а частицу — отдельно: *невелел=запретил*, *не велел=не дал распоряжения*; *нелюбит — испытывает нелюбовь*; *не любит=нет чувства любви*; *нехочет чего-либо=противится чему-либо*, *не хочет=не имеет желания* и пр. (Н. М. Марков 1880; *К. Г. Житомирский 1915;* Дискуссия 1964*).

См. обсуждение предложения А I.

III. Полные страдательные причастия писать слитно с *не*, действительные — раздельно (С. И. Ожегов 1963°).

■ **1а.** Страдательные причастия обычно приобретают функцию прилагательных, действительные же сохраняют связь с глаголом.

□ **1б.** В отдельных случаях и действительные причастия становятся прилагательными; ср. *ликующий взгляд*, *ищущий ученый*, *знающий специалист* и пр. (Дискуссия 1962°).

■ **1б.** Большинство их, однако, не сочетается с частицей-приставкой *не*; и следовательно, они не колеблют предлагаемого правила.

IV. Писать *не* раздельно со всеми прилагательными, которые употребляются без *не* (Дискуссия 1954; Дискуссия 1962, 1962°, 1962*; Дискуссия 1964*).

Примечания. 1. Если выдвигается требование писать *не* отдельно от всех причастий, то во всех известных предложениях дается рекомендация раздельно писать *не* и с прилагательными (или же их правописание оставляется без изменений).

2. Очевидно, это правило должно распространяться и на наречия, образованные от прилагательных (с суффиксом *-о*). В некоторых предложениях это прямо указывается, в других, вероятно, такое указание дано в неявной форме. Те и другие предложения здесь не разграничиваются.

■ **1.** Единое правило объединяет правописание глаголов и прилагательных; если предлагается писать и причастия по этому правилу, то общность орфографии оказывается очень значительной.

■ **2а.** Правило требует, чтобы приставка *не-* и частица *не* так же не различались у прилагательных, как у глаголов. Предполагается, что такое написание *не* с глаголами — достаточный прецедент, оправдывающий такое новшество.

□ **2б.** Но *не* при глаголах бывает приставкой в исключительно редких случаях, и, отделяя ее от глагола, мы очень редко вступаем в конфликт с фактами языка (т. е. неверно изображаем приставку как частицу; см. выше, предложение А I). С прилагательными *не* гораздо чаще бывает приставкой, и, требуя во всех случаях отдельного написания *не*, мы гораздо чаще вступали бы в борьбу с языком. Писать прилагательные с приставкой *не-* раздельно — «все равно, что писать *без работный человек*, *анти государственный поступок*, *мало габаритная квартира*» (В. Ф. Иванова 1964).

□ **3.** Писать все прилагательные раздельно с *не* — значит поколебать основы правописания *не* с существительными (у которых приставка *не* устойчиво и постоянно пишется слитно). Это тем более верно, что многие существительные производны от прилагательных и многие прилагательные производны от существительных. Пожар сплошь раздельных написаний перекинется от одного края этой цепи к другому.

□ **4.** «Если вводить исключительно раздельное написание для прилагательных, оставляя различие слитных и раздельных написаний для существительных, то получится неоправданный разрыв между существительными и прилагательными. Нужно было бы писать так: *В нашей стране нет неграмотных*, но *Значит, вы своим умом решили девочку не грамотной оставить*? (К. Федин). Почему же переход прилагательных в существительные должен иметь здесь орфографическое отражение?» (В. Ф. Иванова 1964).

□ **5а.** Предлагаемое правило не позволит различать смысловые оттенки, связанные с разными конструкциями: *он не богат* —

он небогат (ср. в прошедшем времени: *он не был богат — он был небогат*), *погода не жаркая — погода нежаркая* и т. д.

■ **5б.** Эти смысловые оттенки необязательно обозначать орфографически: контекст всегда укажет, какое из значений имеется в виду. «Понимаем же мы, в каком случае *не любит* значит 'испытывает антипатию', а в каком — просто 'не испытывает чувства любви', хотя орфография нам этого и не подсказывает» (А. В. Калинин 1963).

□ **5в.** Однако краткие прилагательные часто выступают без пояснительных слов, без достаточного контекстного окружения, которое позволило бы определить оттенок значения: *Он не богат*, *Работа не трудная* и т. д. Правда, в устной речи такие конструкции (*Он не богат — Он небогат*) остаются без различения и поэтому, вероятно, избегаются (их различие может быть подчеркнуто частицами, ср. *Он очень небогат — Он вовсе не богат*, и многими другими способами). Но в письменной речи издавна существовала возможность использовать для различения этих конструкций графический сигнал; эта возможность постоянно использовалась в художественных текстах, в публицистике. Лишить пишущих права пользоваться этим различением было бы несправедливо (Дискуссия 1962°).

■ **6а.** Написание прилагательных *не женат — неженат*, *не последний — непоследний*, *не здоров — нездоров* тождественно по значению. Стремиться орфографически выразить разницу между ними — явный педантизм.

□ **6б.** В некоторых сочетаниях, действительно, это противопоставление несущественно, но есть и другие: те, у которых приставка *не-* вносит один смысловой оттенок в основу, а частица *не* связана с другим. Их-то и надо разграничивать, а предлагаемое новшество помешает это делать.

■ **7а.** Это правило облегчит письмо, так как не надо будет анализировать, играет ли *не* при каждом данном прилагательном роль приставки.

□ **7б.** Но это же правило вызывает другое затруднение и тоже смыслового характера. Ведь остается в силе общее установление: частица *не* пишется слитно с прилагательным, если оно употребляется только с *не-*. Поэтому надо писать слитно: *невольный* (восторг), *небывалый* (успех), *невинная* (шалость), *невероятная* (энергия), *непосредственная* (зависимость) и т. д. Слово *вольный* как антоним слова *невольный* неупотребительно: значение слова *невольный* совсем не сопоставимо со словом *вольный*; следовательно, прилагательное *невольный* не употребляется без *не-*. Оказывается, необходим анализ смысловых отношений между образованием с *не-* и без него, а он очень часто сложен; слов, подобно указанным,

среди прилагательных большое число. Выигрыш на упрощении одного смыслового анализа перекрывается проигрышем из-за неизбежного введения другого смыслового анализа (Дискуссия 1962°).

□ 8. Строго говоря, предлагаемое написание противоречит и фонематическому принципу. После частицы следует, как после отдельного слова, диэрема, фонетический сигнал словораздела; после приставки идет межморфемная диэрема. Это разные фонематические единицы. В отдельных случаях они могут нейтрализоваться, т. е. быть одинаково реализованными в речевом потоке. Именно так обстоит дело с частицей *не* и приставкой *не-*: после них обе диэремы нейтрализованы, не противопоставлены. Но передаваться в фонематической орфографии они должны различно, так как межсловная и межморфемная диэрема в некоторых позициях различаются (Дискуссия 1962°).

□ 9. Ломка привычных письменных навыков при введении обсуждаемого правила предстоит значительная: много изменений будет и в тексте, т. е. и навыки чтения надо будет серьезно перестраивать.

V. Писать *не* слитно со всеми прилагательными, если нет противопоставления (Проект 1930; Дискуссия 1962, 1962°).

Примечания. 1. Если выдвигается требование писать *не* слитно со всеми причастиями, то во всех известных предложениях дается рекомендация слитно писать *не* и с прилагательными (или же их правописание оставляется без изменений).

2. Как и в предыдущем предложении, это правило должно распространяться на отприлагательные наречия с суффиксом *-о*, независимо от того, оговаривается это или нет в явной форме самой формулировкой предложения.

3. Некоторые из сторонников этого нововведения указывают, что правило относится к неместоименным прилагательным; другие не делают этого ограничения. Если это правило отнести действительно ко всем прилагательным, возникает ряд новых затруднений: придется писать *нетвой*, *неваш* (*ответ*), но как писать *не их*, *не его*, *не ее* (*ответ*) (которые можно рассматривать в данном случае как несклоняемые притяжательные местоименные прилагательные)? Но принципиально оба предложения не отличаются одно от другого и в дальнейшем рассматриваются как одно.

■ **1а.** Предложение обеспечит значительное единство орфографических правил, если одновременно предлагается писать *не* слитно со всеми причастиями.

□ **1б.** Но при этом остается подчеркнутым разрыв с глаголом.

□ **2.** Возражения против предыдущего предложения действительны и для этого: оно также не противопоставляет две языковые конструкции (Дискуссия 1962°).

■ **3.** В отличие от предыдущего это правило не требует, чтобы пишущий определял, не используется ли основа без *не* в качестве самостоятельного слова (с тем же значением, что и в сочетании с *не*).

□ 4. Как и предыдущее, это правило не отражает фонемного строения сочетаний, т. е. наличия в них диэрем разного типа (Дискуссия 1962°).

■ 5. В текстах большинство прилагательных по действующим правилам пишется слитно с *не*. Таким образом, это правило потребует меньшего числа изменений в текстах, чем предыдущее (Дискуссия 1962°).

VI. Писать прилагательные слитно с приставкой *не-* и отдельно — с частицей *не*; но допустима замена всякого слитного написания *не* с прилагательным раздельным написанием: *а у него взгляд-то не добрый*; *тяжел его недобрый* (*не добрый*) *взгляд*; *разве он уже не здоров*; *он нездоров* (*не здоров*) (Дискуссия 1962°; Проект 1964).

■ 1. Правописание прилагательных по этому правилу будет единым с правописанием существительных и наречий. Предлагается писать: *неприятная весть — не приятная весть* как *неприятель* и *не приятель*, *неприятно* и *не приятно*, в зависимости от смысла.

■ 2. Но обеспечено и единство с глаголами и причастиями, так как в тех случаях, когда пишущему неважно различать два указанных оттенка значения (*не приятный — неприятный*, *не приятно — неприятно*), он всегда может в качестве нейтрального избрать раздельное написание. Возможность разграничения *Рудная разработка не богатая/небогатая* остается, но остается и право у пишущего «не задумываться над оттенками значения *не богатая/небогатая* и писать *не богатая*» (Дискуссия 1962). Если предлагается раздельное написание *не* с причастиями, то создается, таким образом, возможность всегда писать *не* раздельно с глаголами, причастиями и прилагательными и отклоняться от этого единства только в тех случаях, когда пишущему будет нужно подчеркнуть, что *не* со следующей основой составляет целостное единство.

□ 3. Правило предусматривает возможность вариативных написаний: «Один напишет *Речка не широкая*, но узкая, а другой в этом же контексте — *нешироκая*, и оба правы» (Дискуссия 1962). Но этой вариативности не соответствуют никакие разграничения в языке.

■ 4. Правило позволяет отражать на письме языковые противопоставления, разграничивать сочетания с приставкой *не-* и с частицей *не*. Но допускается в качестве минимума и неразличение, т. е. отказ от передачи этих разграничений. Этот отказ нельзя считать искажением языковых отношений на письме. Соотношение *не богат — небогат*, *не жаркая — нежаркая* является эквиполентным (по терминологии Н. С. Трубецкого), а эквиполентные противопоставления тем и характеризуются, что один из его членов способен замещаться другим (Дискуссия 1962°).

■ 5. Это предложение практически не требует ломки сложившихся орфографических навыков, так как позволяет писать так, как

принято. Навыки чтения потребуют незначительной перестройки (так как известное число лиц использует свободу, предоставленную этим правилом, и в некоторых случаях появятся раздельные написания *не* с прилагательным там, где ранее скорее ожидалось бы слитное).

VII. Писать прилагательные слитно с приставкой *не-* и отдельно от частицы *не*; в качестве нейтральных, когда есть основания для того и другого выбора, избрать слитные написания (В. Ф. Иванова 1964).

■ **1.** «В тех случаях, когда слово как будто бы может быть написано как со слитным, так и с раздельным *не*, выбор раздельного написания должен быть особенно мотивирован. Представляется целесообразным слитно написанные формы считать нейтральными. Ср. *Она нездорова*; *Выборы были признаны недействительными*; *Билеты недействительны* и т. п. Нейтральность слитного написания для кратких форм прилагательных особенно заметна при их препозиции. Ср. *Не хватает духу двинуться, не дождавшись отставших колонн. Знает — небоеспособны они; если предоставить их своим силам, казаки разнесут их вдребезги* (Серафимович. Железный поток). Лишь в таком контексте, который предполагает нечто вроде спора или раздумья, здорова она или нет, действительны билеты или нет, можно и нужно применить раздельное написание» (В. Ф. Иванова 1964).

■ **2а.** Как видно из формулировки, предложение не допускает вариативности. Ведь по этому правилу не допускается всякое раздельное написание заменять слитным (ср. рекомендации предыдущего предложения). Оно требует, чтобы слитное написание *не* использовалось в двух случаях: а) если *не* — приставка; б) если *не* в равной степени может рассматриваться как приставка и частица. Следовательно, данное правило требует обязательного разграничения трех случаев: а) *не* — частица, имеет чисто отрицательное значение: *Нет, он не смелый*; б) *не* — приставка: *Человек он несмелый и опасливый*; в) *не* в данном контексте может рассматриваться в равной мере как приставка и как частица: *Он оказался несмелым.*

□ **2б.** Существующие правила, если строго следовать им, позволяют в последнем случае писать *не* и слитно и раздельно. Предлагаемое правило обязывает к слитному написанию. Целесообразно ли такое стеснение свободы пишущего? (Дискуссия 1962°).

■ **3.** В текстах преобладающее число прилагательных пишется слитно с *не*; поэтому данное предложение не приведет к необычному облику написанного, новые написания не часто будут «задевать» глаз читателя.

VIII. Писать *не* отдельно от прилагательных в роли сказуемого, слитно — с прилагательными-определениями (Я. Богданович 1936).

■ **1.** Писать *не* отдельно от слов, выступающих в предикативной роли — достаточно определенная тенденция в нашем письме; она оправдана тем, что отрицательные суждения передаются с помощью предложений, имеющих *не* при сказуемом: это *не*, естественно, имеет в таких случаях чисто отрицательное значение; например, существительное с *не*, написанным отдельно, встречается почти исключительно в роли сказуемого. Как известно, глаголы в спрягаемых формах, краткие причастия пишутся раздельно с *не*. Предлагаемое правило обобщает эту тенденцию (Е. Платонов 1954); это тем более оправдано, что краткие прилагательные по существующей практике гораздо чаще пишутся раздельно с *не*, чем полные.

□ **2.** Такие написания противоречат правилу, по которому вообще пишутся имена; оно не позволяет передавать на письме оттенки значений, связанные с противопоставлением конструкций *не богат — небогат*, *не умен — неумен*; менее существенно это неразличение для полных прилагательных, где обычно одно значение у *не*: она выступает как приставка (см. выше).

Прилагательные-сказуемые предлагается передавать всегда раздельно с *не*; отсюда следуют многие минусы данного предложения (см. предложение В IV).

Прилагательные-определения предлагается передавать всегда слитно с *не*; отсюда следуют многие минусы данного предложения (см. предложение В V).

□ **3.** Полные прилагательные в разной синтаксической функции придется писать по прямо противоположным правилам: *Жизнь у них не счастливая*; *Несчастливая жизнь была у них*. Во многих случаях такое разграничение окажется излишним и поэтому тягостным для пишущих.

IX. Писать *не* раздельно с краткими прилагательными и слитно — с полными (Дискуссия 1954; А. И. Ефимов 1963).

■ **1.** Все предикативные морфологические формы писались бы по этому правилу единообразно.

□ **2.** Но оказались бы орфографически разграничены полные и краткие формы прилагательных; пришлось бы, например, писать: *Каждая несчастливая семья не счастлива по-своему*, что вряд ли облегчило бы письмо (В. Ф. Иванова 1964).

■ **3а.** Предложение идет навстречу стихийно складывающейся орфографической практике. «С краткими прилагательными отрицание *не* пишется в основном на основании тех же правил, что

и с полными. . . Однако то обстоятельство, что краткие прилагательные употребляются только в роли сказуемых, а полные — и в роли сказуемых, и в роли определения, способствует тому, что в первых отрицание *не* пишется раздельно чаще, чем при вторых» (Д. Э. Розенталь 1962).

□ 3б. Однако удовлетворить эту тенденцию, проявляющуюся в практике письма, могут и некоторые другие предложения (см. выше, предложение VI).

X. Писать *не* с прилагательными раздельно, если есть пояснительные слова (Дискуссия 1954; Дискуссия 1962*).

■ 1. Предложение помогает избежать некоторых орфографических трудностей. По одному правилу предлагается писать и причастия, и прилагательные, если у них есть пояснительные слова. По действующим правилам, причастие, «перешедшее» в прилагательное, пишется с *не* слитно, независимо от пояснительных слов: *Пыль, невиданная со времен царя Гороха*; *неподходящие для нас условия*; *по независящим от меня обстоятельствам*; но *рефлексы, не зависящие от воли человека* (Д. Э. Розенталь 1962). Установить, является ли данное слово в данном тексте причастием или прилагательным, не всегда легко. Предлагаемое правило позволит не анализировать эти трудные случаи.

□ 2. Однако окажется, что прилагательное пишется с *не* слитно и раздельно по иному правилу, чем все другие имена.

□ 3. Более того, прилагательные без пояснительных слов будут писаться по одним правилам (как все имена), а с пояснительными словами — по другим.

□ 4. Данное правило не позволит отразить смысловые оттенки, которые сейчас отражаются в письме. Правописание прилагательных будет подчинено совершенно механическому правилу. Придется писать: *Это — не трудная для нас задача*; *Это — не приятный для меня с детства человек* и пр. (С. И. Абакумов 1937). (У причастий такое правило имеет основание: реализация глагольного управления у причастия оживляет, усиливает его глагольность, и поэтому с пояснительными словами, обычно дополнениями, оно и должно писаться как глагол, т. е. раздельно с *не*. У прилагательных нет этой мотивировки раздельного написания с *не*).

□ 5. Преодоление указанных выше трудностей (п. 1) возможно и другими путями.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОПИСНЫХ И СТРОЧНЫХ БУКВ

Историческая справка

В практике многих народов, пользующихся буквенным письмом, сложилась традиция употребления прописных букв в двух совершенно различных функциях: а) для выделения начала определенных отрезков текста (эти правила с большим основанием, чем к орфографии, могли бы быть отнесены к пунктуации); б) для выделения отдельных слов независимо от строения текста (эти правила составляют совершенно специфический, построенный на особых, не применяемых в других случаях принципах раздел орфографии).

Выделение с помощью прописных букв отдельных слов, не зависящее от строения текста, если отбросить случаи подчеркивания особого стилистического употребления (*Вы* при обращении, написания с прописной буквы некоторых слов, выражающих «высокие» понятия), в основном касается разнообразных разрядов собственных имен и преследует цель подчеркнуть их десемантизацию. Об этой функции прописной буквы писал еще Н. А. Добролюбов: «Мне кажется, что основанием для прописных букв в собственных именах именно служит незнание и непонимание слова» (1856—1857). Десемантизирующая функция прописной буквы, которая в однословных собственных именах объединяется с выделяющей, особенно подчеркнуто выступает в собственных именах, состоящих из нескольких слов; см., например, написание вторых элементов таких названий, как *Красное Село*, *Кузнецкий Мост*, где прописная буква подчеркивает, что слова *Село*, *Мост* выступают не в своем прямом значении: Красное Село — на самом деле город, Кузнецкий Мост — улица. В неоднословных названиях учреждений, организаций и пр. десемантизирующая функция прописной буквы почти сведена к нулю; основное здесь — выделение группы слов, составляющей сложное название, с целью облегчить восприятие текста.

На протяжении последних полутора столетий достигнуто заметное упорядочение в употреблении прописных букв. Использование их значительно сократилось. Уже к середине XIX в. отказались от многих «излишеств», которые позволяли себе в конце XVIII—начале XIX в. «Было время, когда у нас всякое иностранное существительное имя отличали на письме большою буквой. Карамзин писал: *Автор*, *Литтература*. Так же писались, еще долее, имена званий, должностей, учреждений, наук, титулы, независимо от происхождения слов, например: *Генерал*, *Профессор*, *Председатель*, *Департамент*, *Землеописание*. Но вскоре после Карамзина старая привычка стала изменяться» (Я. К. Грот 1873).

Хотя Грот считал, что «относительно употребления больших букв установить совершенно точные правила невозможно», и хотя справедливо его мнение, что «за правилами все-таки еще многое останется решать такту и здравому смыслу», им самим в этом специфическом орфографическом вопросе многое намечено очень верно, и детальные правила, разработанные

в 30—50-е годы XX в. почти не идут вразрез с общими рекомендациями Грота. Сознательное вмешательство отдельных реформаторов правописания почти всегда было направлено на уменьшение числа прописных букв в тексте. Можно было бы привести немало высказываний на эту тему. Ограничимся лишь следующими. О. Сенковский писал, что «ничто так не пестрит, не обезображивает, не марает печати, как множество прописных букв. . .» (1835). Н. А. Добролюбов, отметив, что существует тенденция употреблять прописные буквы в «особенно важных словах», пишет: «Все это очень естественно и имеет свою разумную сторону; легче отыскать слово, отмеченное большою буквой. Но вот беда: если таковых слов слишком много, то между ними так же легко потеряться, как если бы они и все сплошь были написаны буквами маленькими». Отсюда вывод, что «идея отличия, единственное разумное основание для прописных букв, нисколько не достигается именно оттого, что слишком многое отличаем» (1856—1857). Р. Ф. Брандт, готовый совсем уничтожить прописные буквы, делает уступку традиции, но замечает, что «должно писать их как можно реже и в случае колебания всегда выбирать строчные» (1901). Такое же пожелание высказано им еще раз: «Следует по возможности уменьшить число прописных букв» (1908). А. И. Соболевский писал, что в случаях, когда неясно, является ли слово именем собственным или нарицательным, «можно принять за правило — решать сомнение в пользу нарицательного имени, т. е. в пользу употребления малой буквы» (1904).

Ниже рассмотрены, кроме общих предложений, представляющих «крайние» точки зрения, некоторые конкретные предложения, касающиеся категорий написаний, которые в большей степени, чем другие, поддаются регламентации.

Принимается следующее деление:

А. Общие предложения.

Б. Предложения, относящиеся к употреблению прописных и строчных букв в собственных именах и названиях, состоящих из нескольких слов.

а. В составных названиях органов власти, учреждений, организаций и т. п.

б. В составных официальных наименованиях государств и географических названиях [1].

В. Предложения об употреблении прописных и строчных букв в прилагательных, образованных от индивидуальных имен (людей, животных, мифологических существ).

Предложения

А. Общие предложения

I. Совсем отказаться от употребления прописных букв (*Р. Ф. Брандт 1901*; Рязанцевский 1925; Дискуссия 1929; В. Е. Львов 1930; Я. И. Перельман 1930; Дискуссия 1962*).

[1] Эти две категории представляются наиболее существенными среди неоднословных собственных имен и названий. Опущены предложения, касающиеся названий исторических эпох и событий, названий знаков отличия и др. Они не могут быть объединены ни с одной из выделенных рубрик; в то же время отдельное рассмотрение их не прибавило бы ничего существенного к той лингвистической аргументации, которая выдвинута в представленном ниже анализе предложений, касающихся этих двух основных рубрик.

■ **1а.** Прописные буквы в одной из своих функций — как средство выделения начала определенных отрезков текста — дублируют пунктуационные знаки. «Действительно, другим знаком логического раздела речи наряду с заглавной буквой является точка, с тем различием, что она служит знаком конца, а заглавная буква — знаком начала речи» (Рязанцевский 1925).

□ **1б.** Однако эта двойная сигнализация (обозначение одним способом конца предшествующего предложения и одновременно другим способом — начала следующего) имеет свои основания. «. . . В начале речи, как знак предшествующей паузы, не достаточно ясно обозначаемой мало заметною точкой, большие буквы находят себе разумное оправдание» (Р. Ф. Брандт 1901); «. . . Прописные буквы при чтении играют крупную роль облегчающих скольжение глаза по строкам факторов, и факторов серьезных. . . Удаление прописных букв приведет к затруднению процесса чтения. . .» (М. Щелкунов 1930). Если попробовать читать текст, напечатанный без прописных букв, «легко убедиться, что в местах окончания фраз, где стоит точка, строчные буквы, показывающие начало следующей фразы, недостаточны для психо-физиологической паузы» (М. Щелкунов 1930). «Особую важность постановка прописных букв получает внутри текста, взятого «в подбор», т. е. не расчлененного на абзацы. В этих случаях точка (самый «маленький» пунктуационный знак по форме и самый «большой» по значению) является слишком незаметной опорой для читающего, и прописная буква, следующая за точкой, является своего рода грамматическим «рупором» этой точки, ее «усилителем» и служит опорной вехой в процессе чтения» (А. А. Реформатский 1938).

Если бы были упразднены прописные буквы, «утомление при чтении резко возросло бы. Мы не одинаково, не в равной степени четко воспринимаем нижнюю и верхнюю половину строки. . . Глаз при чтении движется у нас по верхней половине строки; мы ее лучше схватываем и воспринимаем. Точка стоит внизу; большие буквы возвышаются над строкой. Стóит нам отказаться от больших букв, и чтение станет труднее: глаз невольно придется вести понизу, где точки. . .» (М. В. Панов 1964).

□ **1в.** И в рукописном тексте, и в печатном не исключены случаи пропуска точек. «Сейчас мы в ряде случаев не замечаем пропуски точек. . . Зрительным сигналом к перерыву мысли служит сейчас не столько точка, сколько прописная буква в начале следующей фразы. Что же получится при отмене прописных, если точка не будет добросовестно поставлена на своем месте?» (В. Ворченко 1930).

□ **1г.** Не вполне точно и само по себе положение, что сочетание «точка + прописная буква» избыточно для обозначения границ между предложениями. Точка используется не только как знак

конца предложения, но и как знак сокращения слова, например: *и т. д.*, *т. е.*, *им. пад.* С отменой прописных букв точка — знак конца предложения и точка — знак сокращения были бы неразличимы, и в ряде случаев это создавало бы неясности (В. Е. Львов 1930; В. Ворченко 1930). В то же время не употреблять точку как знак сокращения, т. е. писать, например, *и т п*, *нек др* (В. Е. Львов 1930), тоже было бы невозможно: это приводило бы к множеству недоразумений (В. Ворченко 1930). Отмена прописных букв создала бы трудности в употреблении других знаков препинания, например многоточия (В. Ворченко 1930).

■ **2а.** Употребление прописных букв для выделения в тексте отдельных слов не оправдано, так как неправомерно выделяет орфографически один класс слов — собственные имена, никак не выделяя другие классы слов (Рязанцевский 1925).

□ **2б.** Орфографическое выделение собственных имен имеет четкие лингвистические основания. Собственные имена противопоставляются всем другим словам в языке — именам нарицательным — как слова, не выражающие понятий. Прописная буква подчеркивает это. Ее функция в этих случаях может быть определена как десемантизирующая (Дискуссия 1962°).

□ **2в.** Неупотребление прописных букв для выделения собственных имен могло бы привести к недоразумениям в тех случаях, когда собственные имена омонимичны нарицательным, например: *Сковорода* (фамилия украинского философа) — *сковорода* (В. Ворченко 1930). Возникали бы недоразумения и с названиями, употребляемыми в кавычках, например, если бы писалось *большевистская «правда»* вместо *большевистская «Правда»* (В. Ворченко 1930).

■ **3а.** Отмена прописных букв значительно облегчила бы труд машинисток и типографских рабочих, удешевила бы стоимость набора, т. е. привела бы к значительной экономии (В. Е. Львов 1930; М. Щелкунов 1930). Значительно облегчился бы и процесс обучения грамоте (Рязанцевский 1925; М. Щелкунов 1930).

□ **3б.** Весомость этого довода определяется тем, как оценивать отмену прописных букв с других точек зрения — лингвистической, психологической и практической. «Пускай машины для набора обойдутся дороже, но если они облегчат массовому читателю понимание написанного, их назначение будет оправдано в полной мере» (Есканюк 1930).

□ **4.** Предложение резко порывает с тем, что прочно вошло в правописную практику.

II. Употреблять прописные буквы только в функции обозначения начала определенных отрезков текста, не используя их для вы-

деления отдельных слов (*Р. Ф. Брандт 1901*; А. Г. Герасимов 1901; Дискуссия 1929).

■ **1.** Прописные буквы сохраняются как пунктуационное средство, т. е. в тех случаях, где они несут важную нагрузку (см. предложение I, п. 1б, 1в, 1г).

■ **2а.** См. предложение I, п. 2а.

□ **2б.** См. предложение I, п. 2б.

□ **2в.** См. предложение I, п. 2в.

□ **3.** Данное предложение тоже порывает с правописной практикой (но отменяет меньше привычных написаний, чем предложение I).

Б. Прописные и строчные буквы в собственных именах и названиях, состоящих из нескольких слов

а. Составные названия органов власти, учреждений, организаций и т. п.

I. В официальных названиях органов власти, учреждений, организаций и т. п. писать с прописной буквы только первое слово и входящие в их состав имена собственные (или первое слово включаемых в них названий других учреждений и организаций): *Государственный совет*, *Академия наук*, *Совет народных комиссаров*, *Красная армия*, *Центральный исполнительный комитет*, *Верховный совет*, *Верховный суд*, *Народный комиссариат просвещения РСФСР*, *Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина*, *Московский городской педагогический институт*, *Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза*, *Совет министров СССР*, *Государственный Эрмитаж*, *Государственный Малый театр* и т. п. (Я. К. Грот 1873; Технико-орфографические правила 1927; Проект 1930; А. Б. Шапиро 1933; Проекты свода 1936, 1939_1; А. А. Реформатский 1938; Дискуссия 1954; И. А. Фигуровский 1962; С. Жака 1963; А. В. Калинин 1963; Проект 1964).

Примечание. В некоторых источниках (например, в Технико-орфографических правилах 1927 г.) к этой группе наименований приравниваются официальные названия государств (*Северо-американские соединенные штаты* и пр.).

■ **1.** Правило абсолютно последовательно. Для выделения в тексте составных названий, выступающих в целом как имена собственные, необходимо (и достаточно) писать с прописной буквы лишь первое слово. Разумеется, собственные имена в составе таких названий нет оснований писать иначе, чем в отдельном употреблении.

■ 2. Правило, таким образом, до конца осуществляет тенденцию к изъятию избыточных прописных букв.

■ 3. Практическое применение данного правила не сопряжено ни с какими трудностями.

Iа. В официальных названиях учреждений, организаций, органов власти и т. п. как правило писать с прописной буквы первое слово и входящие в их состав имена собственные и названия, но сделать исключение для ряда высших правительственных, партийных, профсоюзных учреждений, в которых следует писать с прописной буквы все слова (кроме служебных слов и слова *партия*); писать: *Академия наук СССР*, *Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени Ленина*, *Профессиональный союз работников высшей школы и научных учреждений*, *Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина*; но *Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза*, *Верховный Совет СССР*, *Верховный Суд СССР*, *Совет Министров СССР*, *Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов*, *Советская Армия* и др. (правило предполагает исчерпывающий список таких названий) (Проекты свода 1939_2—1955; А. Б. Шапиро 1951; Свод 1956).

□ 1. Наличие исключений, которыми данное предложение отличается от предложения I, не основывается на принципиальных соображениях. Узаконение этих исключений связано с очень прочно утвердившейся и трудно поддающейся искоренению иллюзией, что употребление прописной буквы способствует выражению большего уважения тому или иному лицу, учреждению, явлению. Такой способ выражать почтение высмеян сначала В. Г. Белинским (1835), затем — Н. А. Добролюбовым: «Грамотеи наши, ставя большую букву, думали, что придают этим какой-то почет тому лицу или предмету, который отличают таким образом, и потому писали *Апостол*, *Священник* и *жрец*, *дьявол*, *Монархия* и *республика*, *Христианство* и *язычество*, *Генерал* и *солдат*, полагая, что в этом выражают свои нравственные и догматические убеждения. Всякому мыслящему человеку ясна, конечно, вся нелепость и фантастичность подобного способа выражать свое почтение, и этого, конечно, никто не станет приводить в защиту прописных букв, тем более, что уничижительные Ваньки и Петрушки все-таки остаются с *В* и *П* большими и, следовательно, обличают почтительных грамотеев в непоследовательности» (1856—1857). «Выражать . . . посредством заглавных букв уважение лицам и учреждениям слишком наивно, чтобы сохранять этот обычай в правописании. . .» (К. Г. Житомирский 1915).

□ 2. Разумеется, применять данное правило труднее, чем правило I, поскольку предполагается постоянное обращение пишущего к точному и исчерпывающему списку исключений.

II. В составных названиях органов власти, учреждений, организаций писать с прописной буквы все слова, кроме служебных: *Правительствующий Сенат*, *Святейший Синод*, *Императорская Академия Наук*, *Министерство Народного Просвещения*, *Государственный Совет*, *Полтавский Государственный Педагогический Институт*, *Ивановское Общество Музыкантов*, *Общество Спасения на Водах* и т. п. (Н. И. Греч 1827, 1840; И. И. Давыдов 1852; А. А. Хованский 1872; Дискуссия 1934°; С. П. Обнорский 1936°; В. Лубенец 1955; В. Ф. Орлов 1955; Дискуссия 1962*).

■ **1.** Правило последовательно. Нельзя сказать, чтобы оно противоречило основному принципу употребления прописных букв для выделения в тексте собственных имен и названий.

□ **2.** Но такое употребление прописных букв представляет собой явное излишество. Предложение идет вразрез с общей тенденцией к уменьшению числа прописных букв.

□ **3.** Применение данного правила ослабило бы противопоставление выделяющей функции прописных букв, общей для составных названий и составных собственных имен, и десемантизирующей функции, очень существенной для последней категории (см. раздел б).

■ **4.** Практическое применение правила не представляет никаких трудностей.

б. Составные официальные наименования государств и географические названия

I. В состоящих из нескольких слов официальных названиях государств, в названиях географических объектов, в астрономических названиях, в названиях, относящихся к городской топонимике, писать с прописной буквы все слова, кроме служебных и родовых определяемых, т. е. узаконенных номенклатурных наименований (*река*, *город*, *остров*, *мыс*, *море*, *залив* и т. п.), если они употреблены в своем прямом значении: *Союз Советских Социалистических Республик*, *Китайская Народная Республика*, *Соединенные Штаты Америки*, *Новая Гвинея*, *Главный Кавказский хребет*, *Большое Соленое озеро*, *мыс Доброй Надежды*, *Большая Медведица*, *Большой Каменный мост*, *Боровицкие ворота*, *Большая Полянка*, *Великие Луки*, *Старая Руса* и т. п.; но *Красное Село* (город), *Новая Деревня* (район Ленинграда), *Чешский Лес* (горы), *Кузнецкий Мост* (улица), *Красные Ворота* (площадь), и т. п., где слова, совпадающие с номенклатурными наименованиями, употреблены не в прямом значении (*Я. К. Грот 1873*, *1885*; Технико-орфографические правила 1927; Дискуссия 1934°; Проекты свода 1936—1955; А. А. Реформатский 1938; Свод 1956; Проект 1964).

Примечания. 1. Рекомендации Я. К. Грота могут быть лишь в общей тенденции отождествлены с данной формулировкой. Можно считать,

что детальные правила, разработанные в процессе работы над проектами свода, реализовали ту общую идею, которая высказана у Грота.

2. При выделении данного предложения не приняты во внимание отдельные частности, в которых некоторые из приведенных источников расходятся; сюда относятся, например, написание слова *республика* в разных названиях, написания титулов, входящих в географические названия; ср. *острова королевы Шарлотты* (Проект свода 1936_1) и *острова Королевы Шарлотты* (Свод 1956) и т. п.

3. См. примечание к предложению Б I.

■ **1.** Правило предлагает последовательно проводить определенный лингвистический принцип; оно исходит из того, что в составных собственных именах (в отличие от составных названий учреждений и т. п.) прописная буква должна выполнять не только функцию выделения в тексте, но и десемантизирующую функцию.

□ **2а.** Правило в ряде случаев трудно применять; может представиться излишним осложнением разграничение таких случаев, как *Большой Каменный мост* и *Кузнецкий Мост*, *Боровицкие ворота* и *Красные Ворота* и т. п.

■ **2б.** Однако логическое основание для этого разграничения достаточно ясно. «Например, если мы пишем: *Кузнецкий Мост* и *Кузнецкий мост*, то в первом случае речь идет о чем угодно, но только не о мосте, а во втором — только о мосте, называемом Кузнецким» (М. Кочкин 1929).

■ **3.** Написания, проводящие предлагаемый принцип, устойчиво применяются в практике картографирования. Предложение сводится, собственно, к тому, чтобы ликвидировать относительно немногочисленные отступления от этого принципа, в частности в написании названий, относящихся к городской топонимике (например, писать *Кузнецкий Мост* вместо принятого сейчас *Кузнецкий мост* и др.). Оно, таким образом, не предполагает никакой ломки традиции.

II. В составных географических, астрономических и прочих названиях писать с прописной буквы только первое слово: *Старая руса*, *Новая ладога*, *Царское село*, *Красное село*, *Млечный путь*, *Северный ледовитый океан* (В. Я. Стоюнин 1862; В. И. Новаковский 1874; Дискуссия 1954*; Дискуссия 1962*).

□ **1.** Предложение совершенно игнорирует десемантизирующую функцию прописной буквы в тех случаях, когда она не совпадает с выделительной. «Принцип одной прописной буквы вполне применим к названиям второго рода [имеются в виду составные названия], но приходится решительно возражать, когда этот принцип применяется к названиям первого рода [составным собственным именам], так как, ставя строчную букву во втором слове такого названия, мы тем самым придаем этому слову внешнюю форму видового понятия, а это практически неудобно, так как

ведет к неясности, неточности, другими словами, получается то же самое, как если бы мы вообще перестали употреблять прописную букву. Мы считаем, что сама логика вещей обязывает в названиях первого рода писать все прописные буквы, иначе пропадает вообще смысл употребления прописной буквы» (М. Кочкин 1929).

■ **2а.** Предложение отвечает тенденции уменьшения числа прописных букв,

□ **2б.** но доводит ее до абсурда.

□ **3.** Предложение идет вразрез с устойчивой традицией употребления прописных букв в собственных именах, состоящих из двух и более слов.

IIа. В составных географических названиях писать с прописной буквы только первое слово, сделав исключение лишь для тех слов, которые отдельно могут выступать как собственное имя: *Белые столбы*, *Огненная земля*, *Союз советских социалистических республик*, *Российская советская федеративная социалистическая республика*, *Румынская народная республика*, *Площадь революции*, *Улица красных зорь*, *Красные ворота*, *Кузнецкий мост*, но *Соединенные штаты Северной Америки*, *Нижний Новгород*, *Малая Кисловка*, *Большие Грузины*, *Малая Вишера*, *Вышний Волочек* и т. п. (Орфографические правила для наборщиков и корректоров 1929; Проект 1930; А. Б. Шапиро 1933; Дискуссия 1954).

□ **1.** Это правило, как и предыдущее, игнорирует десемантизирующую функцию прописной буквы, когда она не совпадает с выделительной. Написание с прописной буквы второго слова в случаях типа *Нижний Новгород* объясняется лишь с о х р а н е н и е м его написания в отдельном употреблении.

□ **2.** Это означает, что в данном предложении делается попытка приравнять составные собственные имена к составным официальным названиям учреждений и организаций, для чего нет достаточных лингвистических оснований.

□ **3.** Практически применять данное правило отнюдь не легко. Для того чтобы решить, с какой буквы должно начинаться второе слово в двусловном географическом названии, пишущий обязан знать, может ли оно выступать отдельно как собственное имя. И если без труда можно установить, что по данному правилу следует писать *Черная грязь*, *Золотой рог*, *Ясная поляна* и т. п., то не так уж легко определить, писать ли *Великие Луки* или *Великие луки*, *Старая Руса* или *Старая руса* и т. п.

□ **4.** Это предложение тоже нарушает устойчивую традицию, хотя и в меньшей степени, чем предыдущее.

В. Прописные и строчные буквы в прилагательных, образованных от индивидуальных имен (людей, животных, мифологических существ)

I. Прилагательные на *-ов*, *-ин*, *-ский*, образованные от индивидуальных имен людей, животных, мифологических существ, писать с прописной буквы, когда они являются собственно притяжательными, и со строчной, когда они выступают не как притяжательные; писать: *Марксов «Капитал»*, *Далев словарь*, *Зевсовы перуны*, *Лизина кукла*, *Жучкины щенята*, *Пушкинская чернильница*, *Тургеневские «Записки охотника»*, но *коховы палочки*, *антонов огонь*, *адамово яблоко*, *авгиевы конюшни*, *базедова болезнь*, *кузькина мать*, где прилагательные на *-ов* и *-ин* входят в состав терминов или фразеологизмов, и *пушкинская простота*, *тургеневская девушка*, где прилагательные на *-ский* не обозначают принадлежности соответствующему лицу, а выражают качественные признаки (*Я. К. Грот 1873*; Орфографические правила для наборщиков и корректоров 1929; Дискуссия 1934°; Проекты свода 1936—1951; А. А. Реформатский 1938; Н. Н. Филиппов 1939; Дискуссия 1962*; Проект 1964).

■ 1. Предлагаемое разграничение последовательно вытекает из общего принципа употребления прописных букв для выделения в тексте имен собственных. Притяжательные прилагательные — это «те прилагательные, которые не выражают понятия, а передают лишь отношение одного предмета к другому, причем — это отношение принадлежности. . . Вот эта особенность. . . выделяет эту категорию в имена собственные. . .» (А. А. Реформатский 1938).

□ 2. Отграничение тех случаев, когда прилагательные на *-ский* выступают как притяжательные, от тех, где они выражают понятия (и должны, следовательно, писаться со строчной буквы), часто определяется значением существительного (см. примеры выше); но в некоторых сочетаниях прилагательные могут иметь то и другое значение. «Поэтому возможны двоякие написания: 1) *Работая над Пушкиным, я изучал Пушкинский стиль*, 2) *«Первое свидание» Андрея Белого написано в пушкинском стиле*» (А. А. Реформатский 1938). Необходимость различать такие случаи определяет трудность практического применения этого правила (Дискуссия 1964, 1964*).

II. Прилагательные на *-ов* и *-ин* писать с прописной буквы, если они не входят в состав терминов или фразеологизмов; прилагательные на *-ский* писать со строчной буквы, если они не входят в названия, равные по смыслу «имени», «памяти» такого-то; писать: *Марксов «Капитал»*, *Геракловы подвиги*, *Танина книга*, но *антонов огонь*, *сизифов труд*, *филькина грамота*; *пушкинская чернильница*, *пушкинский стиль*, но *Гонкуровская премия*, *Ломо-*

носовские чтения (Я. К. Грот 1885; А. Б. Шапиро 1951; Проект свода 1955; Свод 1956; Дискуссия 1962°).

□ **1а.** Это правило менее строго проводит принцип употребления прописных букв в собственных именах. Получается, что прилагательные, в равной мере выражающие принадлежность, пишутся по-разному, «в зависимости от суффикса прилагательных (ср. *Мы свято храним ленинские заветы* и *Нас раздражали Мишкины выходки*)» (И. А. Фигуровский 1962). Лингвистически это недостаточно обоснованно.

■ **1б.** «Но все же между прилагательными на *-ов* (*-ев*) и *-ин* (*-ын*), с одной стороны, и всех других типов — с другой, есть та безусловная разница, что первые всегда образуются от имен лиц и являются собственно притяжательными, а все другие, по существу, притяжательными не являются, а только м о г у т обозначать принадлежность в прямом смысле слова, например: *пушкинская* квартира, *тургеневская* усадьба, *рахманиновские* прелюдии. . .» (А. Б. Шапиро 1951).

■ **2.** Практически данное правило применять легче, чем предыдущее: пишущему не надо раздумывать над подчас очень тонкими различиями в значении прилагательных на *-ский* и в зависимости от этого решать, какую букву следует употребить.

III. Прилагательные на *-ов*, *-ин*, *-ский* от индивидуальных имен людей, животных, мифологических существ писать со строчной буквы: *гомерова эпоха*, *ванькино письмо*, *лизина шуба*, *пушкинские стихи*, *горьковское «На дне»* и т. п. (Технико-орфографические правила 1927; Проект 1930; Орфографические правила для наборщиков и корректоров 1931; А. Б. Шапиро 1933; К. И. Былинский и М. И. Уаров 1940; Дискуссия 1954; Дискуссия 1962, 1962*; Дискуссия 1964).

□ **1.** Принцип употребления прописных букв для выделения в тексте собственных имен данным правилом нарушается.

■ **2.** Для пишущих это правило никаких трудностей не представляет.

□ **3.** Но читающим оно «создаст затруднение для быстрого усвоения содержания текста» (А. Б. Шапиро 1951).

■ **4а.** Правило способствует осуществлению общей тенденции к уменьшению числа прописных букв.

□ **4б.** Но это достигается за счет тех случаев, где прописные буквы как раз не являются лишними,

ПРАВИЛА ПЕРЕНОСА

Историческая справка

Основной принцип правил переноса, действующих (с некоторыми изменениями) на протяжении последнего столетия, сформулирован Я. К. Гротом: «Основанием для переноса в новую строку частей слова, не умещающегося целиком в конце предыдущей, служит правильное разделение слов на слоги» (1885). Конечно, в применении к данному практическому вопросу «разделение на слоги» понимается упрощенно и с учетом некоторых условных моментов, определяемых особенностями русской графики; основные требования «переноса по слогам» — не переносить часть слова, не содержащую гласной (не *иску-сств*), не отделять согласную от следующей за ней гласной (не *гор-од*), не отделять ъ, ь, *й* от предшествующей буквы (не *ден-ьги*, *под-ъехать*, *во-йна*).

Гротовские правила переноса (насчитывавшие 17 пунктов) содержали немало «излишеств»; они требовали от пишущего в одних случаях обостренного чутья морфологического состава слов, в других — недоступных ему знаний (например, запрещение разбивать группы *бл*, *пл*, *вл*, *фл*, *мл*, *жд*, «представляющие смягчение губных и зубного *д*», а также «две буквы, отвечающие одной в иностранном слове», — *кс*, *кз*, *пс*, *дж*) или механического запоминания; без последнего вообще нельзя было обойтись при усвоении ряда совершенно условных ограничений в расчленении групп согласных букв.

Декреты 1917 и 1918 гг. значительно облегчили практику переноса. «Но традиция в письме, как и в произношении, чрезвычайно стойка, и пишущие не воспользовались той свободой, которую предоставляли им декретные правила переноса слов. Более того, в 30-е годы начали оглядываться на гротовские правила и мало-помалу стали их воскрешать» (Е. П. Щенников 1959). Это связано с тем, что декретные правила были изложены в слишком общей форме; недостаточность этих правил и необходимость «некоторых дополнительных правил давно уже приняты во внимание нашей орфографической практикой и без труда проводятся в жизнь» (А. Б. Шапиро 1951).

Новые детальные правила переноса были даны в своде 1956 г.; они намного проще гротовских, но все же довольно сложны (содержат 11 пунктов и 3 примечания, кроме 5 специальных пунктов для работников издательств).

Ниже рассмотрены основные предложения по упрощению правил переноса. При выделении их учитывалось в первую очередь отношение авторов к «слоговому принципу» (в изложенном выше упрощенно-условном понимании). При формулировке предложе-

ний берутся за основу высказывания тех авторов, которые излагали правила более детально; с ними объединяются более обобщенно изложенные предложения, если они в основном не противоречат этим детальным формулировкам.

Предложения

I. Сохранив перенос по слогам, не вводить никаких других ограничений, т. е. разрешить: а) произвольно разбивать группы согласных букв, передающих морфологические стыки, б) оставлять на строке и переносить одну букву; можно переносить: *по-дбежать*, *прек-расный*, *сог-ласный*, *отп-равил*; *А-зи-я*, *у-зна-ю*, *о-пять*, *здани-е*, *о-стров*, *семь-я*, но не допускается перенос: *остр-ов*, *с-емья* и т. п. (А. Г. Герасимов 1901, 1903; Проект Московского педагогического общества 1901; Проект Одесского педагогического общества 1903; К. А. Сорокин 1907; А. В. Затопляев 1931; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1962*; И. А. Фигуровский 1962; П. А. Лекант 1963; Д. С. Ищенко 1964).

■ **1.** Получается несложное правило; ограничение свободы переноса сведено к минимуму, в то же время оставлены те ограничения, отказ от которых затруднил бы чтение текста (см. предложение IV, п. 1б, 1г).

■ **2а.** Отменяется наиболее сложная часть действующих теперь правил — рекомендация учитывать в отдельных случаях морфологический состав слов.

□ **2б.** Однако частичный учет морфологического членения слов может представляться желательным (см. предложение III, п. 2а, 2в).

■ **3а.** Отменяется то ограничение в действующих правилах переноса, которое не связано с основным принципом. Может представиться, что оно не имеет ни малейшего разумного основания: «. . . Почему нельзя оставлять или переносить одну букву, например *и-мени-е*,— этого совершенно нельзя понять» (К. Г. Житомирский 1915).

□ **3б.** Понять, однако, можно: «Изо всех переносных правил разумным мне представляется только запрещение перепосить одну букву: последняя несомненно может уместиться, если умещается переносная черточка» (Р. Ф. Брандт 1901). «Разбивка типа *а-кация* и *акаци-я* не противоречит принципу деления на слоги, но она нецелесообразна по другим основаниям: а) одна гласная буква в конце строки и особенно в начале строки не вызывает никакой ассоциации с целым словом (*а* в начале строки скорее всего может быть принята за союз или междометие: *а*, *и*, *у*, *о*, *э*), что затрудняет восприятие смысла текста; б) зачем переносить одну букву — ведь ее же можно поместить на предшествующей

строке на том месте, которое занимает знак переноса. . .?» (А. Б. Шапиро 1951).

■ **3в.** «На самом деле это не совсем так. После конечной гласной, которую по современным правилам нельзя отделять от предшествующего слога, могут следовать знаки препинания, один, иногда и два: , —),):);). .) .» ». !» ?» !) ?) и т. д., три: . . . ! . . ? . . и пр., более трех: . . .») . . .) ». . . и пр. Собственно, для подобных случаев реально и должно существовать указанное правило» (Е. П. Щенников 1959).

«Что же касается смешения буквы с союзом или междометием, то такие опасения излишни: текст читается не по строкам, а строка за строкой, в конце строк имеется указание на перенос» (Е. П. Щенников 1959).

■ **3г.** Следует подчеркнуть, что оставлять на строке и переносить на другую строку одну букву — не одно и то же, хотя обычно в правилах эти случаи не разграничены. Оставлять на строке одну букву (разумеется, если при этом не нарушается слоговой принцип) целесообразно во всех случаях: «Второй слог не умещается, а если не писать на этой строке, то остается место на три знака (расстояние между словами, буква, черточка)» (Е. П. Щенников 1959). Принять же букву с переносной черточкой (*а-*, *о-*, *и-* и т. п.) за союз или междометие невозможно.

■ **4а.** Из предложения следует полная свобода обращения с двойными согласными; можно переносить *ко-нный*, *су-мма* и т. п., что запрещено правилами Я. К. Грота и 1956 г. Это ограничение, прочно вошедшее в практику, по существу, лишено серьезных оснований. «При сохранении переносных правил я отменил бы вызванный стремлением ко внешней симметрии обычай из двух одинаковых согласных одну оставлять, а другую переносить, например: *стран-ный*, *сум-ма*, *труп-па*; две согласные буквы, обозначающие один усиленный звук, напротив того, должны бы скорее быть неразрывными» (Р. Ф. Брандт 1901).

□ **4б.** Впрочем, некоторые доводы в пользу переноса *стран-ный*, *сум-ма* могут быть найдены. «Разбивка типа *со-нный* недопустима потому, что она приводит к разрушению зрительного образа корневой морфемы, которая была бы лучше воспринята со стороны значения, если бы она оставалась в своем полном виде. Допущение переноса двух одинаковых согласных в таких словах, как *ванна*, *программа*, *группа*, *вилла*, *касса*, нецелесообразна, если считать недопустимым перенос двух одинаковых согласных в таких словах, как *поддаваться*, *рассекать*, *сонный*, *спасся* и т. п.: пишущему пришлось бы запоминать, в каких случаях можно, а в каких нельзя разбивать двойные согласные» (А. Б. Шапиро 1951).

4в. Однако требование переносить *сон-ный*, *спас-ся* вовсе не вытекает из принципа учета морфологического членения слов, а представляет собой совершенно отдельное, чисто условное, ограничение свободы переноса. Действующие правила предлагают учитывать состав слова лишь в некоторых случаях, и стык корня с суффиксом к ним как раз не относится; этими правилами разрешаются, например, переносы *шу-мный*, *де-рзкий*, перенос же *со-нный*, при тех же морфологических соотношениях, запрещается.

II. Сохранив перенос по слогам, ввести следующее дополнительное ограничение: не оставлять на строке и не переносить одну букву; следовательно допускается любая разбивка сочетаний согласных букв, передающих морфологические стыки; можно переносить: *по-дбежать*, *прек-расный*, *сог-ласный*, но не допускается перенос: *метр-адь*, *под-ъезд*, *о-пять*, *семь-я* и т. п. (Дискуссия 1954*; Дискуссия 1962*, Л. Е. Филиппова 1962; Н. Макарова 1963; М. В. Ионина 1964; Дискуссия 1964*).

■ **1.** Предложение сохраняет ограничения свободы переноса, отмена которых затруднила бы чтение (см. предложение IV, п. 1б, 1г).

■ **2а.** См. предложение I, п. 2а.

□ **2б.** См. предложение I, п. 2б.

■ **3а.** Оставляется то ограничение в правилах переноса, не определяемое основным принципом, которое имеет некоторые разумные основания (см. предложение I, п. 3б),

□ **3б.** но при этом объединяются случаи, не вполне равноценные (см. предложение I, п. 3г).

См. также предложение I, п. 4а, 4б, 4в.

IIа. Сохранив перенос по слогам, ввести лишь одно дополнительное ограничение: не переносить одну букву; следовательно, допускается любая разбивка сочетаний согласных, передающих морфологические стыки; можно переносить: *под-нять*, *по-днять*, *прес-ле-до-вать*, *о-пять*, но не допускается перенос: *космона-вт*, *ст-арты*, *авиаци-я* и т. п. (Проект 1964).

■ **1.** См. предложение II, п. 1.

■ **2а.** См. предложение I, п. 2а.

□ **2б.** См. предложение I, п. 2б.

■ **3.** Данным правилом разграничиваются те два случая, которые обычно в правилах переноса неправомерно объединяются: оставление на предыдущей строке и перенос в следующую строку одной буквы. При этом отбрасывается то ограничение свободы переноса, не вытекающее из основного принципа, которое не имеет достаточных оснований (см. предложение I, п. 3г).

См. также предложение I, п. 4а, 4б, 4в.

www.ruslang.ru

III. Сохранив перенос по слогам, считать единственным дополнительным ограничением требование учитывать в некоторых случаях при разбивке сочетаний букв морфологический состав слов; следовательно, разрешается переносить и оставлять на строке одну букву; можно переносить: *ради-о*, *о-пять*, но не допускается перенос: *остр-ов*, *с-емья*, *метр-адь*, *под-ъезд* и т. п. (Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904; Постановления Орфографической подкомиссии 1912; Декреты 1917 и 1918; Е. П. Щенников 1959, 1963; Дискуссия 1962°).

Примечание. В отдельных предложениях рекомендуются разные ограничения при разбивке буквенных сочетаний, передающих морфологические стыки. Эти рекомендации не отличаются достаточной четкостью. Естественно, что членение слов на морфемы предлагается учитывать лишь в некоторых случаях. В «Предварительном сообщении Орфографической подкомиссии» сделано очень общее предупреждение: «При переносе сложных слов предположено иметь в виду этимологический их состав. . .» (1904). В «Постановлениях Орфографической подкомиссии» 1912 г. признано желательным, а в декретах 1917 и 1918 гг. — обязательным ограничение при переносе слов с сочетаниями согласных на стыке приставки и корня: *под-ходить*, а не *по-дходить*; *раз-вязать*, а не *ра-звязать*. В декретах не оговорены другие морфологические ограничения в свободе переноса: из их формулировок не следует, например, недопустимость переносов *подс-кочить*, *темнок-расный*, *мес-тком* (А. Б. Шапиро 1951). В предложениях во время дискуссии (1962°) допускается свобода переноса приставочных образований (*по-дписать* и *под-писать*), но высказано пожелание не нарушать морфологических границ сложных слов (не *спе-цодежда*, *новов-ведение*).

■ **1.** См. предложение II, п. 1.

■ **2а.** Учет морфологической структуры слов при переносе может рассматриваться как способ заставить обучающихся письму лишний раз заняться морфологическим анализом: «. . .Практическое требование постоянно иметь в виду состав слова для переноса уничтожило бы громадный ряд ошибок, основанных на невнимательном отношении именно к этому составу (например, *рещик* вместо *резчик* и т. д.), и таким образом косвенно послужило бы той задаче, которую ставила себе комиссия, т. е. улучшению грамотности» (Л. В. Щерба 1930).

□ **2б.** Но обучающийся грамоте имеет другие возможности упражняться в анализе морфологического состава слов, а для тех, кто уже владеет навыками письма, внимание к членению слова на морфемы при таком механическом процессе, как перенос части слова в другую строку, ненужно и обременительно.

■ **2в.** Разбивка слова при переносе в соответствии с его членением на морфемы облегчает процесс чтения.

□ **2г.** Но это не обязательно так. Если перенесенная часть совпадает с целым словом, может возникнуть недоразумение. «К сказанному я не прочь прибавить совет (решительно расходящийся

с теперешним обычаем) не переносить так, чтобы в начале строки получалось цельное слово, например: *Он вы спрашивает ее*; тут при беглом чтении легко перескочить через предлог и исказить оттенок речи. В других случаях может появиться неуместный комизм, если, например, *негодующие уста* по вине переноса превратятся в *дующие*. Подчас возможны и прямые недоразумения: я раз, при поспешной справке, чуть было не приписал одному ученому мнения, противоположного его действительному, вследствие того, что прочитал у него в начале строки *справедливо*, перед чем, однако, в предыдущей строке стояло отрицание *не-*» (Р. Ф. Брандт 1901).

То, о чем говорит Р. Ф. Брандт, учитывается в корректорской практике. «Нередко при переносе, даже правильном грамматически, получается новое слово, искажающее смысл фразы. Газетному корректору особенно приходится следить за такими переносами, имея в виду массового читателя газеты. Не всякий читатель умеет достаточно сосредоточить внимание на читаемом тексте. Из-за неудачного переноса текст может быть воспринят неправильно. Примеры искажающих смысл переносов: *бригада*, *высту-пал*, *де-нежный*, *из-бранный*, *зани-маются*, *на-зад*, *неот-ложный*, *но-вой*, *отды-хают*, *по-беды*, *по-длинный*, *потсдамский*, *разго-вор*. Нельзя отрывать переносом приставки *анти-*, *контр-*, когда они подчеркивают противопоставление, особенно в словах, имеющих политическое значение. Недопустимы переносы: *анти-фашистский*, *контр-революционный*. Не следует отделять отрицание *не* от остальной части слова: *не-желательный*, *не-постоянный*» (Б. А. Вяземский и Е. Н. Заморзаева 1953).

■ 2д. Но не следует придавать этим соображениям слишком большое значение: «. . .Никто никогда из читателей не затруднялся в понимании слов, перенесенных так, что одна их часть или даже обе составляют целые слова, например: *продол-жался*, *укре-пили*, *креп-кий*, *та-бак*, *крем-ля* (от *кремль*), *цап-ля*, *вол-чок*, *кол-пак*, *рот-ный* и т. д.» (Е. П. Щенников 1959). «А главное, что само-то слово от переноса его частей не изменяется и осознается не по частям, а сразу, глазом, объединяющим одновременно несколько слов и даже строк» (П. Южный 1928)

См. также предложение I, п. 3а, 3б, 3в, 3г, 4а, 4б, 4в.

IV. Отказавшись от переноса по слогам, считать единственным ограничением требование не переносить и не оставлять на строке одну букву; можно переносить: *ку-ст*, *во-зраст*, *возр-аст*, *возра-ст*, *во-йна*, *ст-роить*, *стро-ить*, *строи-ть*, но не разрешается перенос: *о-пять*, *семь-я* и т. п. (*Р. Ф. Брандт 1901*; Проект 1930$_ж$; Дискуссия 1962*; А. А. Данилов 1963; Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесников 1963; Дискуссия 1964*).

■ **1а.** Отказ от слогового принципа облегчает практику печати. Достигается значительная экономия. «Правила переноса слов наносят обществу и огромный материальный ущерб: из-за вынужденных излишних интервалов между словами, особенно в узких газетных колонках, в масштабах всей страны расходуются напрасно многие тонны бумаги» (А. А. Данилов 1963). Облегчится и положение пишущего.

□ **1б.** «Однако здесь в угоду пишущему забыт читатель. Дело в том, что грамотный не читает по складам, а сразу схватывает смысл целых слов, а часто и целых групп слов. Что же он будет делать с такими кусками слов, как *ку*, *возр*, и даже *возра*, *во*, или *аст*, *ст*, *йна* (все из примеров комиссии)? Не надо быть специалистом, чтобы понять, что чтение при этом будет значительно замедляться. . .» (Л. В. Щерба 1930). «Перенос по слогам облегчает чтение. Знакомство с разделением слова на слоги, уменье чувствовать эти слоги педагогически чрезвычайно важно. Свободный же перенос будет вредить этому» (Проект 1930). «Свободному переносу слов в русском письме мешает сама основа письма, графика. Нельзя переносить, например, *авг-уст*, *сестр-ин* и не только потому, что в русском языке нет такого слогоделения, но и по свойствам русской графики и орфографии: если переносить так свободно, то, например, слово *жестяный* при переносе *жестяный* можно прочитать как *жыстйáный*. . .» (Е. П. Щенников 1959).

■ **1в.** Но не следует слишком преувеличивать эти трудности. «Мы ведь переносим ввиду невозможности уписать в той же строке, а не с целью выказать свои грамматические познания. Неудобства от свободного переноса (кроме того, что он на первых порах будет непривычным) не произойдет никакого: умеющий порядочно читать не останавливается на переносных черточках, а прямо скачет на следующую строчку; читающий же плохо всяким переносом затруднится» (Р. Ф. Брандт 1901). «Хороший чтец прочитывает слово намного раньше его произнесения, так что в момент произношения слова он его уже видит, и для него все равно, как перенесено слово» (Е. П. Щенников 1959).

□ **1г.** Однако «в правилах переноса, как и в любых других правилах письма, нельзя ориентироваться только на людей, очень хорошо владеющих письмом и чтением. Необходимо учитывать интересы и обучающихся письму и чтению, и тех, кто слабо владеет письмом и чтением, находится на пути к овладению навыками того и другого» (Е. П. Щенников 1959).

См. также предложение I, п. 2а, 2б, 4а, 4б, 4в; предложение II, п. 3а, 3б.

V. Разрешить полную свободу переноса: *в-ода*, *во-да*, *вод-а*, *о-тец*, *от-ец*, *оте-ц* (К. Г. Житомирский 1894; В. Куницкий 1901;

Р. Теверовская 1926; Дискуссия 1954, 1954*, А. П. Бочкарев 1962; Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964*).

См. предложение IV, п. 1а, 1б, 1в, 1г; предложение I, п. 2а, 2б, 3а, 3б, 3в, 3г, 4а, 4б, 4в;

□ **1.** добавим еще одно высказывание: «Совершенно ничем не ограниченная свобода переноса (*с-тол*, *сто-л*) только тем и нехороша, что создавала бы неудобства для чтения» (Д. Н. Ушаков 1926).

НАПИСАНИЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ[1]

Историческая справка

Фонемный состав заимствованных слов (нарицательных и собственных имен) обусловливается их фонемным составом в языках-источниках. Однако в связи с возможностью различным образом передавать одни и те же иноязычные фонемы, а также в связи с тем, что по отношению к иноязычным словам издавна сосуществовали две тенденции: передавать их ближе к иноязычной графике или в соответствии с их произношением — многие иноязычные слова или морфемы попадали в русский язык в нескольких вариантах и имели непостоянный, колеблющийся фонемный состав. Все это создает особую специфику написания заимствованных слов (нарицательных и собственных имен) по отношению к написаниям исконных слов.

Заимствование иноязычных слов в русский язык отмечается на протяжении всей его истории. Но особенно интенсивным оно стало в Петровскую эпоху и в последующий период в связи с коренным изменением основ жизни, с развитием науки, техники, ростом культурных связей с зарубежными странами и т. п.[2] В XVIII в. наблюдаются и первые попытки сознательного упорядочения всей массы заимствований. В 30-е годы появляются первые словари иностранных слов, фиксирующие их написание и произношение. Вопросу о передаче заимствованных слов посвятил несколько страниц своего «Разговора об ортографии» В. К. Тредиаковский; он высказался за передачу их русскими буквами в соответствии с произношением, так как если следовать орфографиям других языков, то пишущему «необходимо должно знать все на свете языки» (1748). В 90-е годы начинается сознательная критика способов заимствования слов. В примечаниях к своим книгам «Описание хода купеческих и других караванов в степной Аравии. Перевод с *Английского* языка» (1790) и «Краткое известие о достопамятных приключениях капитана д'Сивилля» (1791) Ф. В. Каржавин, побывавший во многих зарубежных странах, писал о том, что намеренно изменил написание многих иностранных названий, которые в его время было принято по-русски передавать иначе, нежели они произносятся теми народами, которым принадлежат. Поскольку русские переводчики того времени были воспитаны на

[1] После рассмотрения общих вопросов передачи заимствований анализируются предложения, касающиеся отдельных орфограмм, характерных для заимствованных слов. Предложения, относящиеся к передаче двойных согласных в заимствованных словах, рассмотрены в соответствующем разделе.

[2] В дальнейшем речь будет идти о заимствованиях из западных языков в XVIII—XX вв. и из восточных языков в XX в.

новолатинских и немецких традициях, в передаваемых ими иноязычных словах они стремились следовать иноязычному написанию слов, а не их произношению. Ф. В. Каржавин, напротив, ратует за их передачу в соответствии с произношением, за приближение звукового состава заимствованных слов к их звуковому составу в языках-источниках [1].

Высказывания о необходимости следовать иноязычному произношению при передаче заимствованных слов находим у Н. И. Греча (1827) и И. И. Давыдова (1852). О том же писал Я. К. Грот, считавший, что «главным основанием в изображении по-русски иностранных слов и имен должен быть выговор. Мы при этом в другом положении, нежели те германские, романские и славянские народы, которые употребляют латинское письмо: они имеют возможность изображать заимствованные слова без всякого изменения, в их подлинных начертаниях; затем читателю предоставляется произносить их, как кто умеет, и тут, по фонетическим особенностям каждого языка, происходят, конечно, разного рода искажения. Мы, напротив, при совершенно своеобразной азбуке лишены средств сохранять на письме точную форму таких слов и принуждены изображать их по произношению, держась, сколько можно, иностранного выговора» (1876).

Однако для ряда слов, встречающихся в нескольких иностранных языках, этот «иностранный выговор» не может быть единым. Так, для грецизмов оказывается два возможных типа произношения: языка-источника и языка-посредника. «Слова греческие пишутся у нас двояким образом: вошедшие в церковнославянский язык непосредственно при переводе Библии и при введении в России христианской веры пишутся по новогреческому произношению, а перешедшие через языки латинский, польский, немецкий и т. п. по произношению оных, употребительному ныне в Западной Европе». «Имена лиц исторических и мифологических пишутся различно, по произношению греческому и латинскому: *Алкивиад* и *Алцибиад*, *Омир* и *Гомер*, *Фив* и *Феб*, *Вакх* и *Бахус* и т. п.» (Н. И. Греч 1827).

Неудачной оказалась попытка А. А. Иванова (1881) предложить новый способ передачи греческих и латинских заимствований. «Автор с большой энергией и настойчивостью восстает против употребительных ныне форм и начертаний слов древнеклассического мира и строит новую систему их произношения и письма. В теории г. Иванов, пожалуй, прав, но он не принял в расчет, что в языке теория должна быть извлекаема из практики, создавшейся веками, и что тот, кто безусловно идет против установившегося обычая, остается одиноким в своих нововведениях. Вот образчики тех странных изменений, которых требует г. Иванов. Он хочет, чтобы мы писали: *Θēсēй*, *hѵмн*, *hѵгіэна*, *hĒѵіод*, *hОрāцій*, *hОры*, *hексаметр*, *эксаминовать*, *Θёб*, *гѵмнасье* или *гѵмнасіе*, *семинарье*, *ѣресь*, *Псѵха* (вместо *Психея*), *весь* (вместо *тезис*), *бась* (вместо *базис*), *фразь* (вместо *фраза*), *Ювеналь*, *ӓсѳетика*, *эксемпларь*. О последнем слове он, впрочем, замечает: „было бы хорошо, да трудновато провести“. Удивительно, что это самое соображение не остановило г. Иванова и в прочих его требованиях. . .» (Я. К. Грот 1885). Еще раньше В. Боголюбов писал по поводу литографированного курса, где была впервые изложена теория А. А. Иванова: «Никакие крутые преобразования в языке, предпринятые по теории, не удаются, хотя бы имели за себя строго научный авторитет» (1880).

Следование произношению языка-источника или языка-посредника возможно лишь до определенной степени и не во всех случаях. «Слова иностранные. . ., принявшие русские окончания и приставки, должно писать согласно с нашим произношением. Те, которые в произношении успели подчиниться нашим законам, писать сообразно с ними, те же, которые еще не подчинились, хотя бы и подходили под один отдел с первыми, писать так, как привыкло

---

[1] См.: М. П. Алексеев. Филологические наблюдения Ф. В. Каржавина. — «Уч. зап. ЛГУ», 1961, № 299. Серия филологических наук, вып. 59, стр. 30 и сл.

к ним ухо» (В. Я. Стоюнин 1862). Таким образом, Стоюнин ратовал за написание заимствованных слов в соответствии с их «обруселым» произношением. В частности, он предлагал писать *голанец*, *голанский*, *лапланец*, *финлянец* (без *д*), хотя это стирает на письме связь с названиями *Голландия*, *Лапландия*, *Финляндия*. Стоюнин считал, что его предложение устраняет пестроту и разнобой в написании этих слов.

Сторонником написания заимствованных слов в соответствии с обруселым произношением был В. И. Даль. «В чужих словах мы не должны принимать правописания иноземного, а должны писать слово, как оно произносится русским, не знающим чужих языков; и если слово переиначено в говоре на русский лад, то тем и лучше, тем легче оно может быть усвоено. Требованье знать и соблюдать в русском языке правописанье испанское, итальянское, английское, немецкое, французское, турецкое — очевидно, нелепо. Там и самые буквы произносятся иначе, и в таком виде слово не может войти в обиход» (1863).

Отголоски этого спора о примате обруселого произношения или иноязычного выговора при написании заимствованных слов продолжаются и в XX в. Л. В. Щерба (1931) констатирует наличие двух тенденций: писать *Шекспир*, *Бэкон*, *Крузо*, *Чемберлен* (т. е. так, «как привыкло к ним русское ухо») и *Шейкспир*, *Бэйкон*, *Крузоу*, *Чеймберлейн* (в соответствии с произношением в языке-источнике).

Однако в XIX в. был нащупан и иной путь передачи иноязычных заимствований. В. В. Григорьев писал о том, что основой должно быть не написание и не произношение, а стремление к передаче слов как определенных целостных единиц. Превращение у местного населения названия *Шлиссельбург* в *Шлюшин*, *Херсонес* в *Корсунь* или слов *франки* во *фряги*, а *норманны* в *мурманы* или *урмяне* — «топорная работа», на первый взгляд, но работа, отражающая языковые процессы, отражающая восприятие непонятных чужеязычных комплексов и перестройку их в заимствующем языке, при этом — «работа всегда систематическая» (1850).

С этим замечанием Григорьева перекликается и высказывание И. И. Давыдова о заимствованных нарицательных именах: «Некоторые из иностранных слов изменились в произношении и в правописании; потому что каждый народ оставляет на заимствованных у других народов словах свой собственный выговор. Так изменилось произношение, вместе с тем и правописание, в словах: *мичман* (midshipman), *биржа* (Börse, bourse), *валторна* (Waldhorn), *кирка* (Kirche), *мачта* (Mast), *пластырь* (Pflaster), *тарелка* (Teller), *слесарь* (Schlösser), *футляр* (Futteral), *салфетка* (serviette), *табакерка* (tabatière), *шлюпка* (chaloupe). От этих слов образовались производные: *мачтовый*, *салфеточный*, *слесарный*, *шлюпочный*; а потому они уже не могут быть возвращены к произношению, более близкому к подлинникам» (1852).

Таким образом, в процессе освоения иноязычных заимствований в русском языке сложились определенные традиционные слова и типы слов, которые сейчас едва ли целесообразно ломать в угоду произношению в языке-источнике.

Некоторых реформаторов не устраивала та приблизительность, которой не избежать при передаче иноязычных слов средствами русского алфавита. С этим связаны попытки отдельных русских изданий применять для иноязычных заимствований латинописьменные вкрапления. «Так, в „Библиотеке для чтения“ вошло в обычай писать их иностранными буквами, а при склонении ставить апостроф между именем и падежным окончанием, например с Lagrange'ем, beau mond'а» (Я. К. Грот 1873). Это позволяло обойтись без транскрипции и ошибок, колебаний и неточностей, с ней связанных, но требовало от каждого русского умения читать на всех тех языках, из которых эти слова заимствованы, т. е., по сути дела, требовало невозможного. Критикуя проект К. М. Кадинского, предлагавшего новую русскую письменность на латинской основе, В. Г. Белинский показывал, что даже при общности алфавита сохранение для слов, заимствованных из европейских

языков, написаний языков-источников было бы плохим выходом из положения. «Понятно, что в этом случае г. Кодинский увлекается желанием сблизить нашу азбуку с европейскими. Он думает, что тогда мы по примеру французов можем писать собственные иностранные имена так же точно, т. е. теми же самыми буквами, как пишутся они на своем языке. Но это невозможно. Положим, что мы будем писать Descartes, Rabelais, Rousseau, Shakspeare, Soyouthi — что же из этого? Русский человек, не знающий ни французского, ни английского языка, все-таки будет читать эти имена совсем не так, как читают их французы и англичане, а так, как они написаны, т. е. *Дескартес*, *Рабелаис*, *Роуссеаю*, *Шакспеаре*, *Соіоутги*; следовательно, вместо того, чтобы приблизиться к подлинному туземному произношению этих имен, только отдалится от него. И поэтому писать русским иностранные имена так, как пишутся они на их языке, есть сущая нелепость, которая поведет к анархии произношения, — всякий молодец будет произносить на свой образец. И поэтому лучше стараться выражать эти имена сколько возможно ближе и вернее звуками русского языка» (1845).

Тем не менее и позднее раздавались голоса в пользу сохранения латинских написаний для иностранных фамилий. «Вопрос об их написании, может быть, является самым актуальным. Единственным рациональным способом его решения являлось бы принятие западноевропейского принципа: сохранение оригинального написания латинскими буквами» (Л. В. Щерба 1931). В изданиях Института научной и технической информации АН СССР иностранные фамилии до сих пор передаются именно таким образом. Для других типов заимствований (нарицательных имен и географических названий) этот способ письменной передачи в наше время не предлагался.

Другой способ добиться большей точности в передаче иноязычных заимствований — ввести в русский алфавит дополнительные знаки. Такие предложения выдвигались на протяжении всего рассматриваемого периода и продолжают выдвигаться до сих пор (см. ниже).

Были и обратные решения. Например, в комиссии 1862 г. приняли предложение Стоюнина «писать иностранные слова сообразно с нашим произношением, не вводя для них никаких новых знаков и букв, а пользуясь только средствами русского алфавита».

Своеобразный способ ввести в русский алфавит дополнительные буквы был предложен — не то в шутку, не то всерьез — О. И. Сенковским. «Вот одна всепокорнейшая мысль, которая мне иногда приходила в голову. Она могла бы сделаться полезною, если бы, несмотря на свое происхождение, удостоилась внимания и утверждения главнейших периодических изданий. Есть у нас одна оборотная буква: так называемое *э* оборотное. Основание системы положено; нельзя ли дать ей некоторое развитие. . . распространить круг оборотности? Почему бы оборотное *л* не могло выражать у нас латинского, немецкого и английского *h*? Почему оборотный ерик ч, постановленный после *н*, не указывал бы на французское носовое *n*? Или оборотное *т* на английское *th*? Французское *и* можно было бы удобно выразить посредством того же мягкого знака, поставленного после русского *у* так: *уь*. Глухое *h* хорошо выражается оборотным апострофом. Фамилия *Victor Hugo* приняла бы в русской печати вид *Виктор 'Уьго. . .*» (1857).

Но все эти попытки, серьезные или шуточные, так и остались попытками, потому что иноязычные слова не могут диктовать свои законы русскому языку и его орфографии. Введение любого нового знака в алфавит не остается частным фактом. Оно влечет за собой перераспределение функций остальных знаков алфавита, видоизменяя всю орфографическую систему. На всем протяжении XVIII—XX вв. в русский алфавит была введена лишь одна новая буква *э*, необходимая не только для записи иноязычных слов и собственных имен, но и для ряда своих слов: *это*, *эх*, *эй*, *эдакий* и т. п. (см. дальше).

Воспроизведение с известной степенью точности подлинного произношения заимствованных слов приводит к появлению орфографических

сочетаний, не встречающихся при передаче исконно русских слов. Г. П. Павский отмечает, что «для иноземных слов дозволительно сочетание, вовсе несродное нашему языку. Чтобы точнее выговорить чужие слова, мы ныне допускаем: *гь*, *кь*, *хь*, *гя*, *кя*, *хя*, *гю*, *кю*, *хю* и говорим *Пакье*, *Кяхта*, *Кюмень*, *Кювье* и т. п.» (1841). До сих пор не решено, в каких пределах допустимы такие сочетания (например, остается спорным вопрос о *йы*, *чы*, *лэ* и др.).

При параллельном заимствовании нескольких родственных слов, относящихся к разным частям речи, и при сохранении особенностей написания их в языке-источнике в русском языке возникают гнезда слов с несвойственными русскому языку чередованиями. Поскольку проблема идентификации морфем не возникала в XVIII в. и лишь начала намечаться в XIX в., она до сих пор еще не полностью обозначилась, и в литературе почти нет высказываний о том, как следовало бы поступить с подобными написаниями. Выражались лишь отдельные пожелания об изменении написаний, в которых отражаются чередования языка-источника. Так, Я. К. Грот считал, что лучше писать не *крейсировать*, а *крейсеровать* по аналогии с *крейсер* (1876). В ряде изданий его «Русского правописания» и в некоторых других руководствах по орфографии рекомендовались написания *абонимент*, *аккомпанимент*. Грот давал написания *брошировать*, *цензировать*; были предложения перейти к написаниям *брошюровать*, *цензуровать* (например, Н. Ф. Чуриловский 1912). Теперь приняты именно эти написания.

Вызывало возражения частичное сохранение латинских чередований в написании слов, родственных слову *экзамен*. «Мы пишем *экзамен* (правописание бесспорное), *экзаменовать* (вопреки латинскому examinare), но *экзаминатор* в соответствии давнему словопроизводству (examinator), как завел в свое время Я. К. Грот. Как писать: *экзаменационный* или *экзаминационный*, Грот не высказался (старому, латинскому, словопроизводству -inatio соответствовало бы *экзаминационный*). Пишут теперь, нарушая принцип верности словопроизводству языка-источника, *экзаменационный*. Не стоило ли бы, если так, устранить давнее затруднение и перейти к аналогичному написанию *экзаменатор*?» (Л. А. Булаховский 1954). Как известно, это написание было утверждено сводом 1956 г.

Предложения

I. Ввести в русский алфавит особую букву или употреблять дополнительные знаки (надстрочные или подстрочные) для отграничения письменной передачи звука [г] от передачи звука [h] заимствованных слов, а также звука [γ] исконно русских слов (В. Е. Адодуров 1731; В. К. Тредиаковский 1748; П. И. Кёппен 1826, 1827, 1837; И. И. Ястребцов 1831, 1833, 1841; Ф. Булгарин 1844, 1846, 1852[1]; В. Г. Белинский 1845; С. И. Барановский 1848; Дискуссия 1862; А. А. Иванов 1881; К. Г. Житомирский 1894, 1915; П. Филипов 1898; Проект Московского педагогического общества 1901, первоначальный вариант; Ф. Е. Корш 1902; Р. Ф. Брандт 1908; Дискуссия 1962, 1962*; Дискуссия 1964*)[2].

---

[1] Ф. Б. Tutti frutti. — «Сев. пчела», 1844, № 164; о н ж е. Журнальная всякая всячина. — Там же, 1846, № 16; 1852, № 251; о н ж е. Ливонские письма. — Там же, 1852, № 178.

[2] Отметим также случаи использования *г* с дополнительными значками как средства изображения [h] не при орфографической передаче русских слов. П. С. Паллас в «Сравнительных словарях всех языков и наречий» (1787) употреблял ɾ, передавая средствами русского алфавита слова других языков с [h]. И. И. Срезневский в статье 1845 г. применял *г'*, давая классификацию

Примечание. Сюда относятся, например, следующие конкретные предложения:

а) для передачи [h], [γ] употреблять *г*, введя для передачи [г] букву *г'* (голь) (В. Е. Адодуров 1731; В. К. Тредиаковский 1748);

б) для передачи [h] употреблять *г* с надстрочным значком — *ѓ* или *ѓ*: *ѓигиена*, *Гораций*, *Готѓард* и т. п. (П. И. Кёппен 1826, 1827, 1837; И. И. Ястребцов 1833; С. И. Барановский 1848; Дискуссия 1862; П. Филиппов 1898; Проект Московского педагогического общества 1901, первоначальный вариант; Р. Ф. Брандт 1908; Дискуссия 1962 *; Дискуссия 1964*);

в) для передачи [h] ввести букву *h* (В. Г. Белинский 1845; А. А. Иванов 1881; К. Г. Житомирский 1894, 1915; Ф. Е. Корш 1902; Дискуссия 1962, 1962*; Дискуссия 1964 *).

Последний вариант предложения требует изменения начертания прописного *н* (для отграничения от прописного *h*); у ряда авторов предлагалась замена *Н* через *N*.

■ **1а.** Употребление особого знака для [h], [γ] указывает правильное произношение слов.

□ **1б.** Однако произношение слов с [г] и [h], [γ] вариативно. «. . .Иной раз может возникнуть вопрос, писать ли *г* или *ѓ*, например: *богѓатый* или *богатый*.

■ **1в.** Но тем нужнее дать в этих случаях руководство провинциалам, желающим себе усвоить литературное произношение» (Р. Ф. Брандт 1908).

□ **2а.** Вводить особый знак для сравнительно немногочисленных слов вряд ли целесообразно. Это предложение — «мелочь, ненужная роскошь. Зачем, в самом деле, на письме отмечать особое произношение *г* в словах *бога*, *благо* и др. (очень малочисленных)» (Д. Н. Ушаков 1927).

■ **2б.** «Введение особой буквы для небольшого числа слов (впрочем, если посчитать группу *гд* и немецкие названия городов на *-бург* и др., как *Петербург*, *Лейпциг*, их будет не так уж мало) можно сравнить с установлением... также весьма редкой буквы *э*...» (Р. Ф. Брандт 1908).

□ **3.** Облегчая положение читающих, особый знак для [h] и [γ] создал бы затруднения для пишущих. Например, ученикам из южных и западных областей пришлось бы запоминать этот знак особо, как букву *ѣ* (И. А. Нигпарт 1877). «Сожалеть о том, что для звука «*г*^{x}» у нас нет отдельного знака, незачем: знак этот создал бы только новое орфографическое затруднение» (И. И. Паульсон 1892).

□ **4.** Если бы был введен особый знак для [h], можно было бы употреблять его последовательно в новых заимствованиях. В давно заимствованных словах дело обстоит сложнее. «Кажется, дело

звуков в славянских языках. М. Н. Катков в своей диссертации (1845), использовал при передаче санскритских слов *ѓ*. О. Н. Бетлинг (1851) в транскрипции русских слов применял для передачи слов типа *благо*, *бога* букву *ъ*.

звука *h* невозвратно проиграно в русском языке; ибо с давних пор уже он в одних словах отвердел в наше обыкновенное *г* (*Голландия*, *госпиталь*, *гусар*), в других совсем выпал (*история*, *Иракл*), в третьих составил с последующей гласной звук *е* (*Елена*)» (Я. К. Грот 1862).

II. Ввести в русский алфавит особую букву для передачи звука [д͡ж] заимствованных слов (С. И. Барановский 1848; Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964*).

III. Употреблять букву *ѳ* для передачи английского звука [th]: *Гаѳерли*, *Ѳеккерей*, *Сауѳгэмптон* (И. И. Ястребцов 1833; С. И. Барановский 1848; А. А. Иванов 1877, 1881; К. Г. Житомирский 1915).

Примечание. К. Г. Житомирский писал: «Было бы несравненно разумнее удержать ѳ не для правописания, а для передачи звука греческой ѳ и употреблять ее для *th* и в английских именах, например *Ѳеккерей*, что дало бы возможность умеющим произносить этот звук соблюдать произношение. Не умеющие его произносить могли бы этой буквой вовсе не пользоваться, а видя ее написанной, читать ее как угодно. Читая ее как *ф* (*Феккерей*), они были бы ближе к правильному произношению, чем читая ее как *т* (*Теккерей*)» (1915).

IV. Употреблять для передачи звука [*l*] европейских языков букву *л* с надстрочным знаком — *л*ь: *Паллас*, *Песталоцци*, *Буало* (И. И. Ястребцов 1831, 1833, 1841).

V. Ввести в русский алфавит особую букву для передачи звука [ў] (*у* неслогового) заимствованных слов (А. П. Сумароков 1771; Ф. Булгарин 1844, 1846, 1852; М. Михайлов 1859; Дискуссия 1962*).

VI. Использовать при передаче слов с носовыми гласными, заимствованных из французского языка, букву *н* с дополнительным значком — *н*г' или *н*г: *Ан'сильон'*, *Бюффон'*, *Вильмен'* или *Ансильон*г', *Бюффон*г', *Вильмен*г' (И. И. Ястребцов 1831, 1833).

Примечание. В книге, изданной в 1831 г., И. И. Ястребцов употреблял *н*'; во втором, значительно измененном издании этой книги (1833) он стал употреблять *н*г, воспользовавшись советом египтолога И. А. Гулянова.

VII. Ввести в русский алфавит особую букву для передачи звука [ü] (П. И. Кёппен 1837; С. И. Барановский 1848; Дискуссия 1862; А. А. Иванов 1881; Ф. Е. Корш 1902; К. Г. Житомирский 1915).

Примечание. С. И. Барановский, А. А. Иванов и К. Г. Житомирский предлагали употреблять для этой цели букву *ѵ*. К. Г. Житомирский от-

мечал, что написания *Ю́бервег*, *Ю́го* «читали бы правильно или неправильно, но никак уже не *Юбервег* и *Гюго*» (1915).

VIII. Ввести в русский алфавит особую букву для передачи звука [ö] (П. И. Кёппен 1837; А. А. Иванов 1877; Я. К. Грот 1885; Ф. Е. Корш 1902).

Примечание. Я. К. Грот узаконил уже употреблявшуюся букву *ӭ*. Отметив, что для передачи этого звука непригодна буква *ё* и потому лучше употреблять *е*, а не *ё* (*Шлецер*, *Тепфер*, а не *Шлёцер*, *Тёпфер*), он пишет далее: «Для большей же точности можно в таких случаях употреблять недавно появившуюся в московской печати букву *ӭ*, которая означает изменение нейотованного *э* с таким же правом, как *ё* — изменение йотованного *е*. Особенно пригодна она для изображения звука *ö* в начале слова: *Ӭлингер*, *Ӭжен*. Но издавна установившиеся начертания *Эдип*, *экономия* должны, конечно, оставаться без изменения» (1885).

■ **1.** «Выгода существования таких букв та, что они указывают на правописание слова на том языке, из которого оно заимствовано, и тем предохраняют от смешения имен» (С. И. Барановский 1848).

□ **2.** Однако «мы обязаны сохранять правописание чужого слова лишь настолько, насколько это позволяют средства нашей азбуки» (Я. К. Грот 1870). «. . .Для чужестранных выговоров вымышлять новые буквы весьма негодное дело, когда и для своих разных произношений нередко одною пронимаемся. . .; ежели для иностранных выговоров вымышлять новые буквы, то будет наша азбука с китайскую. . .» (М. В. Ломоносов 1755).

ОРФОГРАММЫ *жю, шю*

Историческая справка

После шипящих и *ц* в русской орфографии принято писать *а*, *у*, а не *я*, *ю*. Вопреки общему правилу гласные *я*, *ю* пишутся после шипящих и *ц* в иноязычных собственных именах: *Шяуляй*, *Гейджюнай*, *Цюрих* и др. После *ж* и *ш* пишется *ю* в некоторых нарицательных именах: *брошюра*, *брошюровать*, *брошюровщик*, *жюри*, *парашют*, *парашютировать*, *пшют* и др. Уже Я. К. Грот (1885) дает написание *брошюра*. Употребление *ю* после *ж* и *ш* в заимствованных словах прочно утвердилось в орфографии, так что появившееся в первой четверти XX в. слово *шюцкор* стало также писаться через *ю*.

Предложения

I. После *ж* и *ш* в заимствованных словах не писать *ю*, а писать, как в русских словах, *у*: *журы*, *брошура*, *парашут* (П. А. Адамов 1892; П. Шишов 1954; Дискуссия 1954; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1962, 1962°, 1962*; В. И. Орехов 1963; К. В. Басенко 1964; Г. Я. Колб 1964; Дискуссия 1964, 1964°, 1964*; Проект 1964).

■ **1а.** Это правило ликвидирует исключения в передаче гласных после шипящих.

□ **1б.** Но это правило не затрагивает написания слов *шюцкор*, *пшют*. Эти слова остаются исключениями, и их нужно запоминать в словарном порядке (Дискуссия 1964).

■ **2а.** Написания *брошура*, *парашут* отвечают современному литературному произношению.

□ **2б.** Но написание *жури* не соответствует орфоэпическим нормам. Произношение [жу]*ри* признается нелитературным (рекомендуется произносить это слово с полумягким [ж]).

■ **2в.** Однако полумягкость не может быть передана средствами русского алфавита.

■ **3.** Заимствованных слов, в которых после *ж* и *ш* пишется *ю*, очень мало, поэтому изменение их написания не приведет к ломке орфографических навыков.

ОРФОГРАММЫ *ьо, йо*

Историческая справка

В настоящее время для передачи ‹jo› в заимствованных словах используются орфограммы *йо* в начале слова и после гласных (*йод*, *йотация*, *майолика*, *майонез*, *майор*, *майоран*, *майорат*, *район* и др.) и *ьо* — после согласных (*батальон*, *бульон*, *медальон*, *павильон*, *почтальон*, *гильотина*, *компаньон*, *сеньор*, *каньон*, *фьорд* и др.). Буква *ё* пишется только в двух заимствованных словах: *курьёзный* и *серьёзный*.

Передача сочетания ‹jo› в заимствованных словах складывалась постепенно. Н. М. Карамзин в «Московском журнале» «писал сперва *почтиліон*, позднее же *почтильйон*, способ написания, который в 1840-х годах был принят „Отечественными записками“, а в 60-х — „Московскими ведомостями“ для слов подобного рода (*батальйон*)» (Я. К. Грот 1873). А. Х. Востоков отмечал написания *маіор*, *баталіон* (1831). Я. К. Грот в 1873 г. поддерживал написания с *і*, считая карамзинскую орфографию неудобной «тем, что она, для сокращения звука, прибегает к удлинению письма». Написания типа *батальон*, *почтильон*, *мильон* Грот сначала решительно отвергал, «потому что ь, означая только умягчение *л*, не достаточно йотирует гласную *о*, и эти слова в такой форме могут быть прочитаны не иначе, как если бы было написано: *баталён*, *почтилён*, *милён*» (1873). Однако в третьем издании «Спорных вопросов» (а также в «Русском правописании») он уже склоняется к этим написаниям: «Гораздо проще довольно употребительные нынче начертания: *батальон*, *мильон*, которые можно допустить, если принять, что *о* в подобных случаях произносится с йотацией, так же как гласная *и* выговаривается иногда в начале слова и после ь (*их*, *им*, *ручьи*)» (1885).

Ф. Е. Корш возражал против подобных написаний: «. . . Многие из нас, написав *почтальон*, *павильон*, *компаньон*, воображают, будто написали то же, что *почтальйон*, или *почтальён* и т. д.; но ведь после ь буква *о* в середине слова не может иметь иного значения, нежели в начале: *тень облака*=*тенёблъкъ*. . .» (1902). Возражая против написаний *ио* (*компанион*), в которых букве *и* навязывается произношение [j], К. Г. Житомирский (1915) отмечал равнозначность написаний с *ё* и с *ьо* (*компанён* и *компаньон* и др.).

Однако заимствованный характер этих слов, правила транскрипции собственных имен (*Йорк*, *Вильон* и др.) позволили словам типа *батальон*,

почтальон, *йод* сохранить особую передачу ‹jo› как *йо* и *ьо*, вытеснив написания *баталіон*, *почтальйон* и под.

Вариативное написание *йо* и *ио* в некоторых словах: *йод — иод*, *йодистый — иодистый* в шестом издании «Орфографического словаря» Д. Н. Ушакова и С. Е. Крючкова (1944) было заменено единообразным написанием *йод*, *йодистый*.

Предложения

I. При передаче ‹jo› в заимствованных словах всегда писать *ё* (*е*), заменив этой буквой: а) сочетание *йо*: *маёр*, *раён*, *ёд*, *маёнез* и др.; б) букву *о* в сочетаниях «согласная+*ьо*»: *бульён*, *павильён*, *почтальён*, *компаньён* и др. (Комиссия 1862; И. И. Вальков 1875; Л. Ф. Воеводский 1898; Р. Ф. Брандт 1901; П. Шишов 1954; Дискуссия 1954; Предложения Академии педагогических наук 1962°, Дискуссия 1962°, 1962*; Дискуссия 1964, 1964°, 1964*).

Примечание. В решениях комиссии 1862 г. фигурировал только пункт а; в предложениях Академии педагогических наук — только пункт б.

■ **1.** Сейчас существует два способа передачи ‹jo›: в русских словах пишется *ё* (*е*) (*еж*, *краев*, *заем*, *льет*), в заимствованных — *йо*, *ьо* (*майор*, *район*, *бульон*, *почтальон*). Замена *йо*, *ьо* буквой *ё* приведет к единообразному написанию русских и заимствованных слов, ликвидирует частное правило.

■ **2а.** Употребление *ё* для передачи ‹jo› способствовало бы устранению неправильного произношения со слогоразделом *май-ор*, *рай-он* (вместо *ма-јор*, *ра-јон*), которое вызвано необычным написанием.

□ **2б.** Однако при необязательном употреблении *ё* возникнут написания *сеньер*, *маер*, *бульен*, которые будут менее точно передавать звучание и фонемный состав этих слов, чем *майор*, *сеньор* и т. д., так как из них неясно, что в этих словах представлена фонема ‹о›, а не ‹э› после ‹j›.

■ **2в.** Но в двух заимствованных словах (*курьезный* и *серьезный*) пишется буква *е*, и такая передача не мешает правильному произношению этих слов.

□ **2г.** Буква *ё* употребляется только для передачи ‹jo› под ударением. Она не могла бы передавать неударное ‹jo› заимствованных слов, например: *гильётúна*, *маёрáн*, *маёрáновый*, *маёрáт*, *маёрáтный*. Произношение этих слов отличается от произношения русских слов: *гиль*[jʌ]*тúна*, *ма*[jʌ]*рáт* и др. Написание *гильетина* (с *е*) читалось бы *гиль*[jɪ̯ᵊ]*тина*. Особенностью произношения и оправдывается особая форма передачи ‹jo› как *йо*, *ьо* (Р. И. Аванесов 1963°).

■ **За.** Предлагаемое написание не приведет к большим изменениям, так как слов с *йо* и *ьо* немного,

□ **Зб.** но некоторые из них достаточно часто встречаются в тексте, например: *майор*, *почтальон*, *район*, *батальон* и др.

УПОТРЕБЛЕНИЕ БУКВЫ *э*

Историческая справка

Буква *э* утвердилась в русском алфавите в начале XVIII в., вскоре после установления гражданской азбуки. Она употреблялась в немногочисленных русских словах (*этот*, *поэтому*, *этакий*, *эк*, *эх* и т. п.), в неприкрытых слогах заимствованных слов (*экзамен*, *этаж*, *поэт*, *диэта*) и при транскрипции иноязычных собственных имен (*Эдисон*, *Суэц*, *Жервэ* и др.). Буква *э* долгое время была предметом незаслуженной вражды. Я. К. Грот писал: «. . . На нее единодушно ополчились три писателя, почти во всем другом стоявшие на ножах друг против друга, Тредьяковский, Ломоносов и Сумароков... Взгляд трех названных писателей относительно *э* держался долго и после них. . ., буквы этой не употребляли многие из известнейших писателей, например. . . Державин, Крылов. . .» (1876). Не видел необходимости в употреблении этой буквы и Г. П. Павский. Однако, несмотря на такие продолжительные гонения, буква *э* вошла в состав русского алфавита и удержалась в нашем письме.

В конце XVIII—начале XIX в. эта буква стала широко употребляться наряду с буквой *е* в заимствованных словах для передачи «э» в начале слова и после гласных (*энергия*, *поэт*, *диэта* и *енергия*, *поет*, *диета*). Употребление двух букв объяснялось не только пренебрежительным отношением к букве *э*. Многие слова были заимствованы еще до введения *э*, и их правописание с *е* стало традиционным. После введения *э* в азбуку при передаче иностранного слова русскими буквами учитывались произношение и написание слова в языке-источнике, например: *проект* — лат. *projectum*, буер — голл. *boojer*. Наконец, на правописание влияли живая разговорная речь, вариативность, неустойчивость произношения заимствованных слов в русском языке. Трудность учета всех этих факторов привела к орфографическому разнобою. Вплоть до середины XX в. можно было встретить вариативные написания: *проект* и *проэкт*, *диета* и *диэта*, *мителит* и *миэлит*. По правилам 1956 г. уничтожаются двойные написания иноязычных слов с *ие*; после *и* всегда пишется *е*: *диета*, *гигиена*, *мителит* и др. После гласных *а*, *о*, *у* выбор *э* или *е* по-прежнему определяется в словарном порядке (например, *маэстро*, *поэзия*, но *проект*, *траектория*).

После согласных предпочтение как правило отдавалось букве *е*. Употребление *э* в заимствованных словах было вызвано желанием более точно передать звучание слова, указать на несмягченное произношение согласных или особое произношение гласных. Я. К. Грот писал: «. . . Как бы в вознаграждение за стеснение прав буквы *э* в начале слогов в последние десятилетия стали более и более давать ей такое назначение, о котором первоначально вводившие ее вовсе и не думали, т. е. употреблять ее после согласных. Многие теперь пишут, например, *Бэкн*, *Блэр*, *Тэн*, *мэр*, *тэма*, *Жервэ*, *Богарнэ*. Правило такого употребления нигде не высказано, но из практики ясно, что так пишут для изображения иностранного открытого звука (франц. *è*, нем. *ä*, англ. *ai*, *ay*) и для обозначения, что предыдущая согласная должна произноситься без умягчения. Для более точной передачи иноязычных слов можно допустить это начертание в собственных именах, но в нарицательных оно не имеет основания, потому что каждый язык, естественно, пользуется правом применять к заимствованным словам свою фонетику» (1885). Употребление *э* после согласных продолжалось и в XX в.; известны написания *бэмоль*, *портмонэ*,

кафэ, *пэр*, *мэр*, *сэр*, *мэтр*, *бэкон*, *адэкватный*, *дэмпинг* и др. Но выбор между *э* и *е* после согласных решился в пользу *е*: в парах *бэмоль — бемоль*, *бэкон — бекон*, *адэкватный — адекватный* и др. победили вторые написания. По правилам 1956 г. буква *э*, кроме стыка морфем и сложносокращенных слов (*сэкономить*, *госэкзамены*, *двухэтажный*, *нэп* и др.), сохраняется только в трех словах: *пэр*, *мэр*, *сэр*.

Принимается следующее деление:

А. Предложения, относящиеся к употреблению буквы *э* после согласных и гласных.

Б. Предложения, относящиеся к употреблению буквы *э* после согласных.

В. Предложения, относящиеся к употреблению буквы *э* после гласных.

Предложения

А. Буква *э* после согласных и гласных

I. Исключив из алфавита букву *э*, употреблять вместо нее *е*; писать: *ера*, *екватор*, *електричество*, *поет*, *диета*, *маестро*, *сеномить*, *двухетажный*, *сер*, *тенденция*, *адекватный* и др. (М. В. Ломоносов 1755; А. П. Сумароков 1771; В. П. Светов 1773; М. Т. Каченовский 1811—1830; И. Ф. Калайдович 1825; П. Л. Яковлев 1828; *Г. П. Павский 1841*; Фурманн 1852; К. А. Сорокин 1903, 1907; Дискуссия 1929; Дискуссия 1962*; В. И. Орехов 1963; А. Г. Руднев 1963).

Примечание. Не учитывались те авторы, которые предлагали оставить неизменным соотношение *э—е*, но букву *э* заменить другим графическим знаком.

■ **1а.** Поскольку выбор *э* и *е* не всегда легко сделать и при написании целого ряда слов приходится обращаться к орфографическому словарю, то исключение *э* было бы облегчением для пишущих. «Ведь если. . . из русского алфавита устранить *э* и заменить его знаком *е*, именно пишущим и только пишущим станет легче» (М. Янакиев 1964).

□ **1б.** Но это создало бы трудности для читающих, так как *е* читалось бы и как [э], и как [jэ]. В частности, можно было бы ошибиться и неправильно прочитать слова *дует*, *поет* (*дуэт*, *поэт*) и др.

□ **2а.** При употреблении *е* вместо *э* не было бы соответствия произношению.

■ **2б.** Но и в современной орфографии не достигается полного соответствия произношению (например, в словах *диета*, *проект*, *тенденция* пишется *е*, а произносится: *ди*[э́]*та*, *про*[э́]*кт*, [тэндэ́]*нция*).

□ **2в.** Однако в большинстве слов (*дуэт*, *маэстро*, *поэт*, *электричество*, *этаж* и т. д.) написание *э* в настоящее время соответствует

произношению, и изменение написаний приведет к нарушению этого соответствия.

□ **3.** Исключение *э* означает одинаковую передачу ‹э› и фонемного сочетания ‹jэ›, т. е. нарушение фонематического принципа.

■ **4а.** Буква *э* иногда считается лишней буквой в русском алфавите, так как употребляется только в заимствованных словах и очень немногих русских. «Обратная *е* (*э*), допущенная в нынешнюю азбуку, нимало не дополняет ее. . » Не следовало бы принимать в азбуку букву *э*, потому что в тех немногих словах, для которых она допущена, легко заменить ее может и заменяет буква *е* (Г. П. Павский 1841). Исключение лишней буквы сократит алфавит, а это удобно и выгодно для полиграфии.

□ **4б.** Но букву *э* на самом деле нельзя считать лишней. Если буква *е* обозначает ‹э› после мягкой согласной (*бел*, *стена*) или сочетание ‹jэ› в начале слова и после гласной (*ель*, *поехать*, *гиена*), т. е. употребляется аналогично буквам *я*, *ё*, *ю*, то для передачи ‹э› в начале слова и после гласной или твердой согласной нужна особая буква. «Буква *э*. . . не может считаться излишнею, ибо выражает отдельный звук, действительно существующий в языке. Нужды нет, что число собственных наших слов, где она встречается, невелико: надобность буквы не может измеряться количеством случаев, в которых звук ее слышится. Та же буква *э* находится в множестве перешедших к нам иностранных слов, совершенно уже слившихся с нашим языком...» (Я. К. Грот 1876). Буква *э* «отвечает весьма положительному и неоспоримому условию полноты всякой азбуки. . . что одному и тому же начертанию не следует давать двойного звукового значения» (Я. К. Грот 1876).

■ **5а.** Предложение не употреблять *э* было вызвано и тем, что *э* считалась «некрасивой» буквой. В. К. Тредиаковский писал, что «она красоты не имеет», а А. П. Сумароков высказывался еще резче: «Противнейшая и мне и г. Ломоносову литера *э* недостойна, чтоб о ней и говорить. . . ввезли сдакова мы в нашу Азбуку урода». Недостаток этой буквы и в том, что при письме необходимо отрывать руку.

□ **5б.** Однако «красота» буквы — понятие субъективное. Отрывать руку при письме приходится и в других случаях (ср., *ж*, *ё*, *й*, прописные *Г*, *Т*, *Б*, *П*, *Р*, *З*). Даже если согласиться, что буква *э* «неудобна», то следует прийти к выводу о необходимости замены этой буквы, а не об исключении ее.

□ **6.** Если же принять выдвинутое предложение, то придется изменить написание большого числа широко употребляемых слов, которые в настоящее время пишутся с *э*: *экватор*, *электричество*, *этаж*, *поэт*, *сэкономить* и др. Употребление *е* вместо *э* явится

серьезной ломкой орфографических навыков, сложившихся на основе учета произношения, традиций, фонемного состава слов.

II. Употреблять *э* во всех случаях, когда этого требует произношение: *диэта*, *проэкт*, *адэкватный*, *мэтр* (П. Шишов 1954; В. Я. Булаев 1955; Л. Е. Филиппова 1962; Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964, 1964*).

К данному предложению относятся все доводы, высказанные при оценке предложений Б I и В II (см. дальше).

Б. Буква *э* после согласных

I. Употреблять *э* при обозначении сочетания «твердый согласный+[э]»; писать: *кашнэ*, *дэнди*, *адэкватный*, *кэб*, *мэтр*, *сэр*, *пэр*, *бэмоль*, *стэк*, *шоссэ* и т. д. (Дискуссия 1862; Дискуссия 1929°; Л. В. Щерба 1931; Дискуссия 1954; Дискуссия 1962*; А. А. Угрюмов 1963; Дискуссия 1964, 1964*).

См. также авторов предложений А II.

Примечание. Л. В. Щерба считал, что в иностранных словах необходимо писать *тэ*, *дэ*, *нэ*, *сэ*, *зэ*, *рэ*, а вопрос о *кэ*, *гэ*, *хэ*, *пэ*, *бэ*, *мэ*, *фэ*, *вэ* требует подробного обсуждения.

■ 1а. Употребление *э* после согласных должно указывать на твердость согласного перед [э], передавая, таким образом, точное звучание заимствованного слова. «. . . Раз в русском языке существуют твердые, *т*, *д*, *с* и т. д., то возможны и *тэ*, *дэ*, *сэ* и т. д. Но они не только возможны, но и существуют в литературном произношении: *от этого*, *под этим*, *с этим* и т. д. . . . Прямо преступно не пользоваться всеми возможными в русской графике средствами для указания правильного произношения» (Л. В. Щерба 1931).

□ 1б. Однако средствами русского алфавита все равно нельзя воспроизвести точное звучание иностранного слова. «Принимая во внимание совершенно различную систему произношения русского языка от иностранных в отношении гласных и согласных (редукция неударных, мягкость согласных), надо просто отказаться от попытки во что бы то ни стало приближаться в транскрипции к типу иностранной речи и писать всюду *э* вместо *е* только потому, что перед *е* согласный в русском языке произносится мягко. Все равно этим путем, не достигается абсолютная точность воспроизведения, а написание с *э* внутри слова противоречит всем приемам русской графики» (М. В. Сергиевский 1928). «. . . Ставить *э* после согласных бесполезно: кто знает иностранные языки, тот и *е* на этом месте сумеет произнести надлежащим образом, а кто незнаком с ними, того *э* не наведет на настоящее произношение чужой гласной» (Я. К. Грот 1876).

■ 2а. Однако при написании *э* после согласных в заимствованных словах можно вовсе не опираться на произношение в языке-

источнике, а ориентироваться на произношение в русском языке. Если писать *мэр*, *мэтр*, *адэкватный*, *тэндэнция* и т. п., то будет достигнуто соответствие фонетическому принципу.

□ **2б.** Но тогда, при существующих колебаниях в произношении заимствованных слов, «употребление *э* после согласных будет предоставлено произволу пишущего» (Я. К. Грот 1876), а это вызовет разнобой на письме. Например, отмечено твердое и мягкое произношение согласных перед [э]: *глинт*[вэ]*йн* и *глинт*[в'э]*йн*, *с*[пэ]*ктр* и *с*[п'э]*ктр*, *ки*[нэ]*ма* и *ки*[н'э]*ма*, [нэ]*одарвинизм* и [н'э]*одарвинизм*, *со*[нэ]*т* и *со*[н'э]*т*, [дэ]*мобилизация* и [д'э]*мобилизация* и др. Различное произношение этих слов должно привести к различному их написанию, если реализовать данное предложение.

Более того, «твердость согласного перед *э* наблюдается у некоторых лиц и в таких словах, в которых прочно устанавилось написание с *е*, например в существительных *депо*, *музей*, *тема*, *профессор*, *дебош*, *текст* и др. (произносят *дэпо*, *музэй*, *тэма*, *профэссор*, *дэбош*, *тэкст*). Несомненно, что подобное „манерное" произношение нет никакой надобности охранять» с помощью орфографического его отражения (А. Б. Шапиро 1961).

■ **2в.** Но ошибки при чтении возникают потому, что согласный перед *е* может соответствовать и мягкому, и твердому звуку (например, [т'э]*ма*, [д'э]*спот*, но [тэ]*н*[дэ]*нция*). Если же буква *е* будет означать только мягкость согласной, а буква *э* — твердость, то читающий будет правильно произносить слова. Таким образом, написание *э* после согласных как раз помогло бы изжить «манерное» произношение таких слов, как *пио*[нэ]*р*, [тэ]*ма*, [дэ]*по* и т. п., и уменьшить разнобой в произношении многих слов.

□ **2г.** Однако в таком случае, чтобы написать слово, надо знать, как его следует литературно произносить. Пишущий должен быть уверен в правильности своего произношения. Таким образом, «чтобы решать в данном случае орфографический вопрос, надо сперва решить вопрос орфоэпический. . .» (Л. В. Щерба 1931).

□ **3.** Введение этого правила потребовало бы изменения написания многих слов.

II. Не допускать написания *э* после согласных в нарицательных существительных даже в порядке исключения; писать: *пер*, *мер*, *сер* — как *темп*, *метр* и др. (И. И. Вальков 1875; Я. К. Грот 1876; М. В. Сергиевский 1928; А. Б. Шапиро 1951; Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964).

■ **1.** Это предложение уничтожает все исключения, они подводятся под общее правило. Сохранение хотя бы нескольких слов-исключений делает возможным появление *э* в других случаях, например,

часто встречающееся написание *мэтр* вместо *метр* (в значении 'учитель'), *сэт* (партия игры в теннис), *кэмпинг* (недавнее заимствование).

□ **2а.** Но написание слов *мэр*, *сэр*, *пэр* имеет устойчивую традицию. Употребление *э* создает разграничение на письме слов *мэр* — *мер* (от *мера*), *сэр* — *сер* (от серый).

■ **2б.** Однако в других случаях подобный способ разграничения не узаконен (например, *метр* — и 'учитель, наставник', и 'мера длины'; *стек* — и 'хлыст', и форма глагола *стекать*).

В. Буква *э* после гласных

I. После гласных передавать ‹jэ› как *е*, а ‹э› как *э*: *проэкт*, *проэктировать*, но *гигиена*, *гигиеничный* (Дискуссия 1962°; Предложения Академии педагогических наук 1962°; Дискуссия 1964, 1964°).

■ **1а.** Теоретически это правило безупречно, оно следует фонематическому принципу.

□ **1б.** Но практически установление фонемного состава заимствованных слов представляет большие трудности. Пишущий должен определить, есть ли ‹j› перед ‹э› или нет. Такое определение непосредственно возможно только в сильной позиции для ‹j›, т. е. в позиции перед ударным гласным. Произношение *ре*[jэ́]*стр*, *гиги*[jэ́]*на* указывает на наличие ‹j›: *ре*‹jэ́›*стр*, *гиги*‹jэ›*на*. В слабой позиции для ‹j›, т. е. в позиции не перед ударным гласным, нельзя непосредственно установить наличие или отсутствие ‹j›. Фонемный состав в безударном положении надо определять по ударному: *поэ́т* — *поэтический*, *гигие́на* — *гигиеничный* и т. п.

□ **1в.** Однако и в сильной позиции наблюдается колебание в произношении некоторых слов: произносят *про*[э́]*кт* и *про*[jэ́]*кт*, *ди*[э́]*та* и *ди*[jэ́]*та*. Произносительные варианты в сильной позиции означают и варианты фонемного состава: если произносят *про*[э]*кт* и *про*[jэ]*кт*, то это соответствует фонемным вариантам *про*‹э›*кт* и *про*‹jэ›*кт*. Следовательно, и на письме могут быть варианты *проэкт* и *проект* (а также *проэктировать*, *проэктировщик* и *проектировать*, *проектировщик*). Если не допускать орфографического разнобоя, написание этих слов пишущий все равно должен будет устанавливать по словарю. Необходимость словарных поисков еще более очевидна для тех слов, в которых ‹j› не бывает в сильной позиции. Фонемный состав таких слов практически неустановим, с фонематической точки зрения в них можно писать и *э*, и *е* (например, *траэктория* и *траектория*).

Итак, правило не получается простым и легким.

II. Писать *э* и *е* по произношению: *диэта*, *проэкт*, *поэт*, но *гигиена*, *клиент*, *аудиенция* (Проекты свода 1939_{1-2}; А. И. Ефимов 1963; Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964, 1964*).

См. также авторов предложения А II.

■ **1.** Это правило требует строгого следования произношению; оно отвечает фонетическому принципу.

□ **2.** Однако остаются трудности, отмеченные в анализе предыдущего предложения (п. 1в).

□ **3.** Это правило может привести к написаниям *гигиена*, но *гигиенический*, *клиент*, но *клиэнтура*, что нарушает морфологический и фонематический принципы.

III. Не употреблять *э* после гласных в середине слова, оставив эту букву только в начале слов и на стыке морфем; писать: *поет*, *проект*, *диета*, *диез*, *дует*, но *этаж*, *электричество*, *экзамен*, *сэкономить*, *проэкзаменовать* и др. (Дискуссия 1929°; Дискуссия 1962, 1962*; А. А. Данилов 1963).

■ **1.** Употребление *э* и *е* в начале слова не вызывает особых затруднений. Предлагаемое правило облегчает написание тех слов, где колеблется произношение и возникает много трудностей (например, *проект*, *диета*, *диез*, *гигиена* и др.).

□ **2а.** Но написание *е* вместо *э* в середине слова после гласных может привести к неправильному произношению некоторых слов, например: *по*[jэ]*т* (*поэт*), *ду*[jэ]*т* (*дуэт*) и под.

■ **2б.** Однако произношение многих из этих слов колеблется, и написания, существующие в настоящее время, также не отвечают произношению (например, *диета* — *ди*[э]*та* и др.).

□ **3.** Поскольку можно установить, что в заимствованных словах после гласных представлены ‹э› и ‹jэ› (*поэт* — ‹э›, *гиена* — ‹jэ›), употребление для того и другого одной буквы *е* не соответствует фонематическому принципу.

□ **4.** Нет даже того преимущества, которое отмечено в предложении А I: буква *э* остается в алфавите, но используется явно нецелесообразно — она сохраняется только в начале слова, хотя ‹э› без предшествующего ‹j› встречается и в середине слова.

□ **5.** Изменению подвергается написание значительного числа слов.

IV. При сохранении после гласных *а*, *о*, *у*, *е* написаний с *э* или *е*, после *и* всегда писать *е*: *авиетка*, *диета*, *диез*, *пиетет*, но *дуэт*, при *проект* и др. (Проекты свода 1936_1, 1940, 1951, 1955; Свод 1956; Дискуссия 1962; С. М. Потапов 1963).

■ **1а.** Это правило унифицирует правописание слов с *ие*. Единое, простое правило дает возможность не обращаться в каждом отдельном случае к орфографическому словарю.

□ **1б.** Но оно противоречит общему правилу употребления *э*, *е* после гласных *а*, *о*, *у*, создавая исключение из правила, например: *маэстро*, *поэт*, *дуэт*, но *диета*, *пиемия* и др., хотя во всех этих случаях перед гласным ‹э› нет ‹j›.

■ **2а.** При написании *ие* учитываются тенденции в развитии произношения слов этой категории. «В русском языке между *и* и *э* обычно развивается звук «йот», почему, по мере распространения слов с сочетанием *иэ*, в русской печати написание *ие* более соответствует их произношению» (А. Б. Шапиро 1961).

□ **2б.** Но в целом ряде давно усвоенных слов произношение [j] не отмечено; ср. *ди*[э]*та*.

□ **3.** Написание *е* после *и* не может полностью соответствовать фонематическому принципу, так как ‹э› и ‹jэ› предлагается передавать единообразно.

■ **4.** Буквосочетание *ие* является более привычным, чем *иэ*. Оно установилось в целом ряде слов: *гигиена*, *реквием*, *аудиенция*, *клиент*, *абитуриент*, *коэффициент* и т. д. Никакой значительной ломки последовательное написание *ие* (а не *иэ*) не требует.

IVа. При сохранении после гласных *а*, *о*, *у* написаний с *э* или *е* после *и* допустить варианты в написании (и *э*, и *е*), например: *поэт*, *дуэт*, *буер*, но *гигиэна* и *гигиена*, *диэта* и *диета* (Дискуссия 1904[c]).

■ **1а.** Для слов с ‹иэ› или ‹ијэ› это правило очень удобно. Опираясь на свое произношение, каждый пишущий выбирает написание *ие* или *иэ*.

□ **1б.** Но наличие орфографических вариантов нежелательно.

□ **2.** К тому же, если допускается возможность двоякого написания, *ие* и *иэ*, то могут возникнуть написания *проект* и *проэкт*, *буер* и *буэр* и под.

V. При выборе *э* или *е* опираться на язык-источник; писать: *поэт*, *диэта*, *гигиэна*, но *проект* (лат. *projectum*), *буер* (голл. *boojer*) и др. (*Н. И. Греч 1827; Я. К. Грот 1876;* Дискуссия 1962[c]).

Примечание. Авторы этого предложения устанавливали написание только отдельных слов. Ниже сделана попытка рассмотреть последовательную ориентацию на этимологию.

■ **1а.** Это предложение опирается на твердый и ясный принцип.

□ **1б.** Но он недоступен всем пишущим. Так как нельзя требовать от каждого знания иностранных языков, то практически придется постоянно обращаться к словарю.

■ **2а.** Предлагаемое написание будет сохранять связь с написанием слова в языке-источнике. «. . . Можно защищать сохранение их традиционного вида, имея в виду, что они представляют из себя

интернациональный багаж русского языка и облегчают изучение иностранных языков» (Л. В. Щерба 1931). На письме будет сохранена связь слов, единых по происхождению: *инъекция — проекция — проект — траектория* (А. А. Реформатский 1963°).

□ **2б.** Но большинство заимствованных слов прочно вошло в систему русского языка. «Прежде всего надо выделить слова нарицательные, которые в сущности зачастую или вовсе не являются больше иностранными словами, или являются ими лишь временно, впредь до полного обрусения. . .» (Л. В. Щерба 1931). Восстанавливать «иностранный облик» таких слов нет оснований.

□ **3.** Введение этого правила может не соответствовать уже укоренившемуся произношению (например, *гигиена*, *абитуриент* и т. д.).

□ **4.** Оно в ряде случаев не будет соответствовать фонемному составу заимствованных слов в русском языке.

□ **5.** Принятие этого правила потребовало бы проведения большой исследовательской работы для установления фонемного состава заимствованных слов в языках-источниках.

БИБЛИОГРАФИЯ

Библиография включает работы по орфографии за весь период существования русской гражданской печати (начиная с первой четверти XVIII в.). Включены работы и самого последнего времени (вышедшие из печати в начале 1965 г. — не позднее 1 мая). Все работы учтены при составлении обзора орфографических предложений.

В качестве приложения к библиографии дается список книг, периодических изданий и статей, напечатанных с отклонениями от принятой (в соответствующее время) орфографии. Эти «практические» предложения как правило тоже учтены в обзоре.

При включении работ в библиографию составители руководствовались следующими принципами отбора [1]. В первую очередь учитывались работы, в которых: а) рассматриваются и оцениваются принципы русской орфографии; б) выдвигаются предложения по изменению принятых написаний; в) критикуются или комментируются выдвинутые орфографические предложения; г) оцениваются действующие правила или сложившаяся орфографическая практика. При этом опущены некоторые мелкие заметки, посвященные написаниям отдельных слов, совершенно потерявшие актуальность в наше время (типа «*Свѣдѣние* или *сведение*?», «*Затмѣние* или *затмение*?» и пр.).

В библиографию включались работы, рассматривающие историю реформирования орфографии, а также статьи и заметки хроникального характера, информирующие о работе орфографических комиссий и совещаний. Учтены работы, комментировавшие реформу 1917—1918 гг. непосредственно после опубликования декретов, а также оценивавшие ее результаты (в частности, влияние на состояние грамотности) через несколько лет после реформы.

В библиографию включены немногочисленные работы, посвященные анализу и оценке орфографической практики писателей и отдельных изданий (газет, журналов, словарей).

Особо следует оговорить, как представлены в данной библиографии практические пособия по орфографии (справочного и учебного характера). Естественно, составители не ставили целью представить их исчерпывающе, а руководствовались изложенными выше принципами, т. е. включали лишь те пособия, которые в какой-то мере «вмешивались» в орфографическую практику своего времени. При этом в библиографии оказались неодинаково представленными книги, относящиеся к разному времени. С точки зрения задач данного обзора оказались более интересными практические пособия тех периодов, когда отсутствовали единые общепринятые руководства, на которые можно было опереться для ликвидации орфографического разнобоя: во-первых, до появления «Русского правописания» Я. К. Грота (1885 г.) и, во-

[1] Исходя из этих принципов были отобраны работы, включенные в «Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию 1825—1880» (вып. 1. М., 1954. Графика, орфография и пунктуация, стр. 150—188) и в указатель «Славянское языкознание» (М., 1963, ч. 1, стр. 201—208; ч. 2, стр. 269—271).

вторых, в 20—30-е годы XX в., когда гротовское пособие уже устарело, а новых авторитетных руководств еще не было создано. Справочники, появлявшиеся после 1885 до 1917 г., как правило мало интересны, так как они в основном повторяли гротовские рекомендации.

В библиографии выборочно представлены орфографические словари — те, которые в какой-то мере оказывали влияние на орфографическую практику своего времени (например, пользовавшийся в свое время авторитетом словарь Я. С. Хомутова, школьный словарь Д. Н. Ушакова и др.); учитывались также словари, в которых материал определенным образом отобран (словари «сомнительных» и «трудных» написаний и пр.).

Рецензии в настоящей библиографии учитываются как отдельные источники на общих основаниях. При книгах и статьях не дается указаний на имеющиеся рецензии.

Материалы газетных дискуссий представлены в библиографии выборочно. Как правило опускались статьи полемического характера, не содержащие серьезной научной аргументации. Полностью представлен материал лишь двух газетных дискуссий — в «Учительской газете» за 1954—1955 гг. (обсуждение проекта свода) и в центральных газетах за сентябрь—октябрь 1964 г. (обсуждение проекта 1964 г.). Все материалы, относящиеся к обсуждению проекта 1964 г. (газетные статьи, статьи в педагогических журналах и в «Вопросах языкознания»), даются в библиографии со знаком *.

В библиографии представлено некоторое число работ по методике правописания и по психологии усвоения орфографии. Отбирались лишь те работы, в которых эти вопросы связываются с оценкой принципов орфографии или с критикой действующих правил и сложившейся практики.

Так как вопросы орфографии не отделены непроходимой гранью от вопросов практической транскрипции, в данную библиографию включены некоторые работы по транскрипции — те, в которых затрагиваются вопросы орфографии.

В данной библиографии не дается сведений обо всех изданиях той или иной книги; учитываются лишь те переиздания, которые содержат существенные добавления и исправления (если дается раздел или глава книги, учитываются только те ее измененные издания, в которых менялась данная глава). Как правило при последнем измененном или дополненном издании книги дается указание на последнее стереотипное издание (см., например, № 204). В тех случаях, когда в списке было целесообразно дать не первую публикацию работы (статьи разных лет, включенные в «Филологические разыскания» Я. К. Грота, рецензии В. Г. Белинского, работы М. В. Ломоносова и др.), а также при работах, опубликованных посмертно, в квадратных скобках указывается дата ее написания или первой публикации (именно эта дата фигурирует в ссылках на соответствующую работу в тексте обзора). Лишь в немногих случаях — ввиду невозможности установить время написания работы — в тексте обзора фигурирует дата первой посмертной публикации (например, А. А. Барсов 1792; В. С. Подшивалов 1816).

Авторы работ, помещенных анонимно или под псевдонимами (если их удалось раскрыть), даются в квадратных скобках; псевдоним указывается после настоящей фамилии перед названием (см., например, № 193). Основания, на которых раскрыты псевдонимы или авторы анонимных работ, указаны лишь в немногих случаях — тогда, когда они раскрыты составителями данной библиографии.

В необходимых случаях даются краткие аннотации, имеющие целью не столько изложить содержание работы, сколько обосновать ее включение в данную библиографию.

Ссылочные указания (не включенные в нумерацию библиографии) имеют целью облегчить пользование библиографией тем, кто хочет соотнести с ней содержание обзора. Раскрываются условные названия, под которыми ряд источников фигурирует в тексте обзора (например, проекты комиссий, проекты свода и др.); даются отсылки от фамилий авторов, фигурирующих

в тексте книги, если сведения об их предложениях взяты из хроникальных заметок и обзорных статей; даются ссылки на приложение к библиографии, если авторы «практических» предложений учтены в обзоре (см., например, Н. М. Тимаев, Г. Г. Шпет и др.).

Названия работ передаются по современной орфографии с сохранением некоторых индивидуальных написаний (типа *руский*, *упросчонный* и пр.). Но такие отступления от дореволюционной орфографии, как употребление *е* вместо *ѣ*, *и* вместо *і*, опущение *ъ* на конце слов и пр., в данном списке оказываются невыявленными. Полное представление обо всех «вольностях», допускавшихся авторами орфографических работ, дает приложение к библиографии (см. предисловие к нему).

1. А. С. По вопросу об упрощении русской орфографии. — Библиотека для чтения, 1862, т. 170, апр., стр. 76—92.
2. А. С. Совет орфографическим собраниям. — Сев. пчела, 1862, № 108.
3. Абакумов С. И. К вопросу об отношении русского письма к русскому языку. — РЯШ, 1937, № 1, стр. 76—83.
4. Абакумов С. И. О букве *ё*. — Учит. газ., 23 дек. 1942.
5. Абакумов С. И. Современный русский литературный язык. М., 1942. III. Графика и орфография, стр. 48—53.
6. Абакумов С. И. Справочник по правописанию. Научно-педагогической секцией Государственного ученого совета допущено для школ II ступени. М.—Л., 1928, 148 стр.
7. Абдуллаев Х. С этим нельзя согласиться. — Учит. газ., 2 февр. 1955.

   Возражения некоторым участникам орфографической дискуссии.
8. Абрамович Д. И. К вопросу о реформе русского правописания. — Христианское чтение, 1906, февр., стр. 282—305.
9. Аванесов Р. И. О правописании приставок на *-з* в связи со смежными вопросами. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 117—120.
10. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка. — РЯШ, 1930, № 4, стр. 110—118.
11. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Русский язык. Учебник для педагогических техникумов. М., 1934. Орфография, стр. 25—29. Изд. 3—1936.
*12. Адалис. А. Е. Стихия речи. — Лит. Россия, 1964, № 41.
13. Адамов П. А. К вопросу о русском правописании. — ФЗ, 1892, вып. 3, стр. 1—12; 1893, вып. 4, стр. 1—8; 1897, вып. 4, стр. 5—10.
   Адодуров В. Е. 1737 — на основании № 252.
14. [Адодуров В. Е.] Anfangs-Gründe der Russischen Sprache. Das I Capitel. Von denen Buchstaben, derselben Prononciation, und was sonst noch dabei vorkommt. — В кн.: Deutsch-Lateinisch- und Russisches Lexicon, samt denen Anfangs-Gründen der Russischen Sprache. Zu allgemeinen Nutzen bey Kayserl. Academie der Wissenschafften zu Druck befördert. Немецко-латинский и руский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при Императорской Академии наук печатью издан. СПб., 1731, стр. 3—9 (разд. пагин.). Изд. 3—1799.
15. Аксаков. К. С. Несколько слов о нашем правописании [1846]. — Полн. собр. соч., т. 2, ч. 1. Соч. филологич. М., 1875, стр. 391—406.
16. Алгазина Н. Н. Правописание наречий. — В кн.: Вопросы русской орфографии. М., 1964, стр. 37—42.
17. Алгазина. Н. Н. Правописание неударяемых гласных в личных глагольных окончаниях. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 121—122.
18. Алгазина Н. Н. Трудности, связанные с освоением школьниками правописания *о* и *е* после шипящих. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 110—113.

19. Алгазина Н. Н. Трудные случаи правописания. (Из опыта работы). М., 1961, 84 стр.
20. Алексеев Д. И. Правописание сложносокращенных слов. — В кн.: Грамматический строй современного русского языка. Труды V—VI конференций кафедр русского языка педагогических институтов Поволжья (1961—1962). Куйбышев, 1964, стр. 50—58.
21. Алексеев Д. И. Прописные и строчные буквы в аббревиатурах. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 48—57.
22. Алферов А. Д. Быть или не быть новому правописанию. — Новая школа, 1918, № 1, стр. 12—21.
23. Анастасиев А. И. Отношение звуков русского языка к буквам русской азбуки. — ФЗ, 1879, вып. 4—5, стр. 1—5.
24. Андреев В. Ф. Значение и употребление частицы *ни* в русском языке. — ФЗ, 1891, вып. 4—5, стр. 1—10.
В статье затрагиваются вопросы правописания.
25. Андреев И. А. К дискуссии о русской орфографии. — РЯШ, 1963, № 3, стр. 87—88.
26. Андроссов Н. [Рец.]. Библиографическая заметка. Сборник правил русского правописания, составленный на основании филологических разысканий академика Я. К. Грота Иваном Вальковым. СПб., 1875. — ФЗ, 1875, вып. 6, стр. 1—8.
27. Аннинский Д. В. Несколько слов о русском правописании. — ФЗ, 1879, вып. 1, стр. 1—12.
*28. Антокольский П. Г. О коренном достоянии народа. — Лит. Россия, 1964, № 44.
29. Антошин Н. С. О реформе русского правописания. — РЯШ, 1963, № 6, стр. 79—81.
30. Антошин Н. С. О фонематическом принципе русской орфографии. — В кн.: Тезисы докладов шестой научно-теоретической конференции. Таганрог, 1962, стр. 44—46.
«Аполлон» 1913—1917 — см. приложение.
31. Арбатский Д. И. Принципы русского правописания и пути его упрощения. — РЯШ, 1963, № 4, стр. 74—76.
32. Ардентов Б. П. За радикальную реформу русской орфографии. — РЯШ, 1963, № 1, стр. 32—33.
33. Асланов Г. Н., Величук А. П. Русская графика и орфография (Седьмая статья по современному русскому языку). — Русск. яз. в нерусск. школе. Баку, 1956, № 7, стр. 33—48.
34. Астафьев А. Опыт работы по орфографии на основе принципов правописания. — РЯШ, 1939, № 2, стр. 82—84.
35. Афанасьев П. О. Грамматическая база орфографической работы. — РЯШ, 1936, № 2, стр. 19—27.
36. Афанасьев П. О. К вопросам обучения письму и орфографии в начальной школе. — ЖМНП, 1912, ч. 37, янв., отд. 2, стр. 62—84.
37. Афанасьев П. О. Методика русского языка в средней школе. Учебник для педагогических и учительских институтов. М., 1944. Гл. 6. Методика обучения правописанию, стр. 160—225.
То же. Изд. 2, исправленное. М., 1947, стр. 146—212.
38. Афанасьев П. О. Научные основы методики правописания. — В кн.: Вопросы преподавания русского языка в школах взрослых. Труды Всероссийской конференции преподавателей-словесников школ политпросвета. 1928 г. Под ред. И. В. Устинова. Вып. 1. [М.], 1928, стр. 38—44.
39. Афанасьев П. О. О морфологическом анализе слова как основе развития орфографических навыков. — В кн.: Вопросы орфографии в школе. Материалы научного совещания 13—17 декабря 1935 г. М., 1936, стр. 7—15 (доклад), 23—24 (заключительное слово).
40. Б. К вопросу о правописании. — ФЗ, 1898, вып. 6, стр. 1—2.

41. Баженов А. [Рец.]. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. Вып. 1 и 2 (от А до Втас-). Изд. Об-ва любителей российской словесности. — Московские ведомости, 1862, № 75.

Содержит материал по орфографии.

42. Баньковский И. И. Непродуктивность многописания. — Экономич. указатель, 1857, № 18, стр. 401—404.

43. Барановский С. И. О согласовании правописания с произношением. — Иллюстрация, 1848, т. 6, № 9, стр. 140—143.

44. Барановский Ф. Н. О морфологическом принципе русской орфографии. — Уч. зап. Кемеровского гос. пед. ин-та. Сб. трудов кафедр русск. яз., лит-ры и педагогики, 1962, вып. 5, стр. 138—156.

45. Барановский Ф. Н. Принципы методики орфографии в семилетней русской школе. 1954, 15 стр. (Автореферат канд. дисс. Научно-исследовательский ин-т методов обучения АПН РСФСР).

46. Барлас Л. Г. Надо упростить орфографию. — РЯШ, 1963, № 2, стр. 85—88.

Барсов А. А. 1792—см. приложение.

47. [Барсов А. А.] Азбука церковная и гражданская, с краткими примечаниями о правописании. М., 1768. Краткие примечания о правописании, стр. 38—58.

Раздел под тем же названием включен в кн.: Краткие правила российской грамматики, собранные из разных российских грамматик в пользу обучающегося юношества в гимназиях Императорского московского университета. М., 1773, стр. 83—96. Изд. 8 — 1797.

48. Бархин К. Б. Реформа правописания. — Изв., 10 янв. 1930.

49. Бархударов С. Г. Не ломка, а улучшение нашего письма. — РЯШ, 1963, № 1, стр. 15—19.

50. Басенко К. В. Пути повышения грамотности учащихся. — РЯШ, 1964, № 1, стр. 96—98.

51. Бауман Н. Научные основания правописной реформы. — Школа и жизнь Сибири, 1917, № 1 (сент.—окт.), стр. 22—29.

52. Бахтин Н. Н. Демократизация русского правописания. — Пед. сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. Пг., 1918, янв.—март, стр. 33—64; апр.—июнь, стр. 275—334.

53. Бахтин Н. Н. О передаче по-русски иностранных имен. — ЖМНП, 1911, ч. 32, март, отд. 2, стр. 15—21.

54. Бахтин Н. Н. Основы русского правописания. Правописание отдельных слов. Часть теоретическая. Варшава, 1892, 160 стр. (отд. отт. из РФВ).

55. Бахтин Н. Н. Проект новой системы азбуки и орфографии. Киев, 1886, 26 стр.

56. Без прогисных. — Журналист, 1930, № 16, стр. 11—12.

Отклики на статью В. Е. Львова (см. № 462); авторы: В. Ворченко, Есканюк, К. Б. (наборщик), Педагог, И. Парфенов.

*57. Бейкман Э., Инфантьев Б. Еще раз взвесить и обдумать. — РЯНШ, 1965, № 1, стр. 72—73.

58. Белинский В. Г. [Рец., 1845]. Грамматические разыскания В. А. Васильева. 1) О букве *ё*. 2) Об образовании имен уменьшительных рода мужеского и женского. СПб., 1845. — В кн.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 9. М., 1955, стр. 222—235.

Содержит предложение о написании *о* и *е* после шипящих.

59. Белинский В. Г. [Рец., 1835]. Грамматические уроки русского языка Димитрия Каширина, старшего учителя Пинского дворянского училища, нравственно-политических наук действительного студента. М., 1835. — В кн.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 1. М., 1953, стр. 337—338.

Содержит замечания об употреблении прописных букв.

60. Белинский В. Г. [Рец., 1835]. О жизни и произведениях сира

Вальтера Скотта. Сочинение Аллана Каннингама. СПб., 1835. — В кн.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 1. М., 1953, стр. 342—346.

Содержит рассуждение об употреблении прописных букв.

61. Белинский В. Г. [Рец., 1844]. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. Издание 6, исправленное. СПб., 1844. — В кн.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1955, стр. 252—256.

Содержит предложение о буквах *и* и *ѣ*.

62. Белинский В. Г. [Рец., 1845] Упрощение русской грамматики. Uproscenie ruscoi grammatichi. Сочинение К. М. Кодинского. СПб., 1842. — В кн.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 9. М., 1955, стр. 328—345.

Содержит ряд орфографических предложений и проект реформы алфавита.

63. Белкин А. С. Вопрос об упрощении русской орфографии в Московском педагогическом обществе. — ЖМНП, 1902, ч. 339, янв., отд. 4, стр. 32—49.

64. Белобородов М. Несколько слов об упрощении правописания. — Книжный вестник, 1862, № 5, стр. 116—117.

65. [Бенедиктов И. А.]. Справочный орфографический указатель спорных слов для руководства типографии при печатании изданий. Сост. и издал И. А. Б. СПб., 1898, 23 стр.

66. Берг С. Л. О чуждых русскому языку звукосочетаниях и буквосочетаниях в географических названиях при их передаче по-русски. — В кн.: Орфография собственных имен. М., 1965, стр. 104—116.

67. Бетлинг О. Н. Грамматические исследования о русском языке. (Читаны 1 августа 1851 г.). I. Сколько звуков в современном русском языке и какие именно? — Уч. зап. Императорской Академии наук по первому и третьему отделениям, 1852, т. 1, вып. 1, стр. 58—81. На немецком языке см.: Bulletin de la classe hist.-phil., 1852, т. 9, № 3—4 (под заголовком: Beiträge zur russischen Grammatik).

Содержит замечания о соотношениях между звуками русского языка и буквами русского алфавита.

68. Биргер Э. И. Давно назревшая задача. — РЯШ, 1962, № 4, стр. 100—104.

Благовещенский Н. 1903 — см. приложение.

69. Благовещенский Н. О необходимости уничтожения буквы «ять». — Русск. мысль, 1900, февр., отд. 2, стр. 131—138.

70. Богданович Я. Правописание отрицательной частицы *не*. — РЯШ, 1936, № 3, стр. 68—75.

71. Боголюбов В. К вопросу о начертании и произношении греческих и латинских слов в русском языке. — РФВ, 1880, т. 4, пед. отд., стр. 41—51.

72. Богородицкий В. А. Изучение малограмотных написаний. — ФЗ, 1881, вып. 3, стр. 1—32. Статья почти без изменений включена под тем же названием в кн.: Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. Пособие при изучении науки о языке. Казань, 1901, стр. 103—125.

То же [в значительно измененном виде]. — В кн.: Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. Изд. 2, исправленное и значительно дополненное. Казань, 1909, стр. 148—163.

То же [вновь переработанный вариант]. — В кн.: Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. Изд. 4, переработанное. М., 1939, стр. 83—90.

73. Богородицкий В. А. О русском правописании. — В кн.: Богородицкий В. А. Курс грамматики русского языка. Ч. 1. Фонетика. Варшава, 1887 (отд. отт. из РФВ). Гл. 3, стр. 40—71. Глава включена почти без изменений в кн.: Богородицкий В. А. Очерки по языковедению

и русскому языку. Пособие при изучении науки о языке. Казань, 1901, стр. 76—102.
То же [в измененном виде]. — В кн.: Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. Изд. 2, исправленное и значительно дополненное. Казань, 1909, стр. 133—147.
То же [измененный и сокращенный вариант]. — В кн.: Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. Изд. 4, переработанное. М., 1939, стр. 75—83.

74. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. (Из университетских чтений). Казань, 1904. Гл. 2. Принципы русского правописания, стр. 25—30.
То же. Изд. 2, исправленное и дополненное. Казань, 1907. Гл. 2, стр. 24—30.
То же. Изд. 3, значительно дополненное. Казань, 1911. Гл. 3, стр. 37—44.
То же. Изд. 4, дополненное. Казань, 1913. Гл. 3, стр. 42—51.
То же. Изд. 5, переработанное. М.—Л., 1935. Гл. 3, стр. 30—35.

75. Богородицкий В. А. Русская грамматика. Пособие для педагогических классов и при самообразовании. Казань, 1918. Гл. 2. Принципы русского правописания, стр. 25—32.
Текст очень близок к тексту соответствующей главы «Общего курса русской грамматики».

76. Богоявленский Д. Н. Очерки психологии усвоения орфографии. М.—Л., 1948. 128 стр.

77. Богоявленский Д. Н. Психология усвоения орфографии. М., 1957, 416 стр.

Бодуэн де Куртенэ И. А. 1875, 1912 — см. приложение.

78. Бодуэн де Куртенэ. Азбука. — Русская энциклопедия под ред. С. Д. Андрианова и др., Т. 1. СПб., [1911], стр. 117.

79. Бодуэн де Куртенэ И. А. [Из «Послесловия к 3-му, исправленному и дополненному, изданию словаря Даля»]. — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Изд. 3, исправленное и значительно дополненное. Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 4, С—V. СПб.—М., 1909, стр. III—IV.
Разъяснения по поводу принятой в словаре орфографии.

80. Бодуэн де Куртенэ И. А. [Из «Предисловия к 1-му выпуску»]. — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Изд. 3, исправленное и значительно дополненное. Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 1, А—З. СПб.—М., 1903, стр. VIII.
Замечания о правописании, принятом в словаре.

81. Бодуэн де Куртенэ И. А. [Рец.]. Несколько слов по поводу «Общеславянской азбуки». Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий. Сост. А. Гильфердинг. СПб., 1871. — ЖМНП, 1871, ч. 155, май, стр. 149—195.

82. Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912, 132 стр.
В сокращенном виде см. в кн.: Бодуэн де Куртенэ И. А. Избр. труды по общему языкознанию, т. 2. М., 1963, стр. 209—235.

83. Бодуэн де Куртенэ И. А. Подробная программа лекций в 1876—1877 учебном году. Казань—Варшава, 1878. Гл. 2. Отношения звуков русского языка к буквам русской азбуки, стр. 54—56.

84. Бодуэн де Куртенэ И. А. [Рец.]. Практические правила русского правописания и произношения, составленные Иваном Паплонским. Варшава, 1876. — ФЗ, 1876, вып. 5, стр. 26—31.

85. Бок И., Киселев Н. Упорядочить написание географических наименований. — Казахстанская правда, 2 июня 1956 г.
О неудовлетворительности географического раздела справочника К. И. Былинского и Н. П. Никольского (см. № 133).

86. Болховитянов Ю. В. К реформе русского правописания. — РЯШ, 1964, № 2, стр. 100—102.

87. Бондарук Г. П., Тюрин С. А. Правописание географических названий. — В кн.: Орфография собственных имен. М., 1965, стр. 11—20.
88. Боровский Я. М. [Рец.]. Орфография и вопросы языка. По поводу новых изданий «Правил русской орфографии и пунктуации» (М., 1957, 176 стр.) и «Орфографического словаря русского языка», 1957, 1260 стр. — Вестник ЛГУ, 1959, № 2. Серия истории, яз. и лит-ры, вып. 1, стр. 170—175.
89. Бочкарев А. П. Шесть предложений по орфографии. — РЯШ, 1962, № 4, стр. 107.
90. Брандт Р. Ф. Второй и последний ответ г. учителю. — Московские ведомости, 1901, № 289.
91. Брандт Р. Ф. Демократизация русской грамоты. М., 1917, 16 стр.
92. Брандт Р. Ф. Загробный голос о русском языке и письме. — ФЗ, 1904, вып. 5—6, стр. 1—22.
93. Брандт Р. Ф. К орфографической реформе. (Письмо в редакцию). — Русь, 1904, № 124.
94. Брандт Р. Ф. К школьной злобе дня. (Об упрощении русской грамоты). — Утро России, 1911, № 11.
95. Брандт Р. Ф. Мнение г. Тулова о русском правописании. — РФВ, 1881, т. 5, стр. 358—375.
96. Брандт Р. Ф. Мнения о русском правописании Игн. Викент. Ягича, Фед. Евген. Корша, Ант. Сем. Будиловича и Алдр. Ив. Томсона. — ФЗ, 1904, вып. 2, стр. 1—56.

Включает приложения: 1. Несколько слов в защиту звукового письма (стр. 32—42). 2. Открытое письмо академику Игнатию Викентьевичу Ягичу (стр. 43—51). Последнее напечатано после опубликования И. В. Ягичем немецкого перевода письма Р. Ф. Брандта: «Zur orthographischen Frage in Russland. Ein offenes Schreiben». — Archiv für slavische Philologie, 1902, Bd. 24, S. 314—319. Ср. № 995. (См. также приложение, № 60).
97. Брандт Р. Ф. Мнимонаучные возражения против правописной реформы. — В кн.: Первый Всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы в Москве 27 декабря 1916 г. — 4 января 1917 г. М., 1917, стр. 52.

Краткие тезисы доклада, прочитанного на съезде.
98. Брандт Р. Ф. Нечто о правописной реформе (ответ г. Ф. Ржиге). — РФВ 1905, т. 53, стр. 11—19.
99. Брандт Р. Ф. О лженаучности нашего правописания. (Публичная лекция). — ФЗ, 1901, вып. 1—2, стр. 1—58.

Включает приложения: Дополнительный экскурс о букве ѣ (стр. 51—56); Прибавление. Положения о правописании (стр. 57—58).
100. Брандт Р. Ф. О проекте упрощения русской орфографии. Ответ А. С. Белкину. — ЖМНП, 1902, ч. 342, авг., отд. 4, стр. 19—52.
101. Брандт Р. Ф. Об устранении ъ. Ответ на заметку редакции «Филологических записок». — РФВ, 1855, т. 14, стр. 347—352.
102. Брандт Р. Ф. Ответ Ант. Сем. Будиловичу на «Заметку по вопросу об упрощении русского правописания». — РФВ, 1905, т. 53, стр. 20—33.

Включает приложения: Несколько слов по адресу редакции «Вестника Европы» (стр. 30—31); Второе дополнение. Ответ критику «Вестника Европы» (стр. 31—33).
103. Брандт Р. Ф. Ответ г. учителю относительно упрощения русской грамоты — Московские ведомости, 1901, № 279.
104. Брандт Р. Ф. Открытое письмо экстраординарному профессору Московского университета князю Сергею Николаевичу Трубецкому по вопросу об упрощении орфографии. — Русск. ведомости, 1901, № 138.
105. Брандт Р. Ф. Петровская реформа азбуки. М., 1910, 8 стр.

106. Брандт Р. Ф. Письмо в редакцию. — Новости и биржевая газета, изд. 1, 1886, № 140.

Затрагивает вопрос о правописании без ъ на конце слов.

107. Брандт Р. Ф. Речь о правописании, произнесенная на заседании Орфографической комиссии Императорской Академии наук 12 апреля 1904 г. — Русь, 1904, № 130.

Входит в печатный текст протокола первого заседания комиссии (см. № 641).

108. Брандт Р. Ф. Удобочитаемость как желательный принцип правописной реформы. — РФВ, 1908, т. 60, стр. 37—49.

Включает приложения: Добавление о ё и о йоте (стр. 45—46). Второе добавление: о фонетическом ѣ (стр. 47—48). Третье добавление: несколько дезидерат (стр. 47—48). Четвертое добавление: против условностей (стр. 48—49).

109. Браун Ф. Новая орфография. — Руль. Берлин, 1921, № 143.

110. Брюсов В. Я. О правописании. — Вечерняя газета «Время», 1917, № 953.

*111. Будагов Р. А. К спорам вокруг русской орфографии. — РЯШ, 1964, № 6, стр. 4—7.

112. Будде Е. Ф. Очерк возникновения, развития и деятельности комиссии, образованной Казанским педагогическим обществом, состоящим при императорском Казанском университете, для рассмотрения вопроса о русской орфографии. — Труды и протоколы пед. об-ва, состоящего при имп. Казанском ун-те, т. I, вып. 4. Казань, 1904, 16 стр.

113. Будде Е. Ф. Предложения по вопросу о русском правописании. — Труды и протоколы пед. об-ва при имп. Казанском ун-те, т. I, вып. 3. Казань, 1901, стр. 127—131.

114. Будилович А. С. Академия наук и реформа русского правописания. — Русск. вестник, 1904, т. 292, июль, стр. 241—283.

115. Будилович А. С. О московском проекте упрощения русской орфографии. — Сборник учено-лит. об-ва при имп. Юрьевском ун-те, 1902, т. 5, стр. 170—196.

116. Будилович А. С. По вопросу об упрощении русского правописания. — Вестник Европы, 1904, май, стр. 419—422.

Входит в печатный текст протокола первого заседания комиссии (см. № 641, приложение).

117. Буков А. Введение в новейшую русскую грамматику. — Молва, 1831, ч. 1, № 19, стр. 1—9.

Написанное в духе фельетона рассуждение о лишних буквах.

118. Букчина Б. З. Чередования в корнях слов. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 88—97.

119. [Букчина Б. З., Максимова Л. К.] Б. Б. и Л. М. *Огурци* или *огурцы*? — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 158—159.

Обзор писем, полученных Институтом русского языка АН СССР.

120. [Букчина Б. З., Максимова Л. К.] Б. Б. и Л. М. Писать ли *мышь* без мягкого знака? — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 157—158.

Обзор писем, полученных Институтом русского языка АН СССР.

*121. Букчина Б. З., Максимова Л. К. Так работала комиссия. — Неделя, 1964, № 39.

122. Букчина Б. З., Протченко И. Ф. К обсуждению некоторых предложений по орфографии. (С заседаний Орфографической комиссии). — В кн. Вопросы русской орфографии. М., 1964, стр. 120—135. *Булаев В. Я. 1955 — на основании № 532.*

123. Булаховский Л. А. [Рец.]. Академия наук СССР. Институт языкознания. Орфографический словарь. 110 000 слов. Под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро. М., 1956.—РЯШ, 1957, № 5, стр. 110—114.

124. Булаховский Л. А. За целесообразное упрощение письма. — Учит. газ., 1 дек. 1954.
125. Булаховский Л. А. Замечания по вопросу об усовершенствовании русского правописания. — РЯШ, 1954, № 6, стр. 20—24.
126. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Харьков, 1935. Гл. 6. Правописание, стр. 193—212. Изд. 5 — 1952 (т. I, гл. 5, стр. 239—263).
Изд. 5 отличается от изд. 1 незначительными деталями.
127. [Булич С. К.] С. Б-ч. Правописание. — Энциклопедический словарь, изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон, т. 24а. СПб., 1898, стр. 923—924.
128. Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка. Учебное пособие для преподавателей. М., 1858. Ч. 1. Этимология. Гл. 1. Звуки и соответствующие им буквы, стр. 23—71. Ч. 2. Синтаксис. Гл. 1, III. 1. Расстановка и соединение слов на письме, стр. 106—111. Прибавление к § 173. О прописных буквах, стр. 116—118.
То же. Изд. 2, переделанное (под названием: Историческая грамматика русского языка). М., 1963, ч. 1, стр. 25—83; ч. 2, стр. 97—102, 106—108. Изд. 5 — 1881; переиздано в 1959 г.
129. Былинский К. И. Новые правила единой орфографии. — Сов. печать, 1956, № 9, стр. 37.
130. Былинский К. И. «Правила русской орфографии и пунктуации» в действии. — РЯШ, 1954, № 5, стр. 20—26.
131. Былинский К. И., Жилин А. Н. Справочная книга корректора. М., 1960. 15. Названия (употребление прописных букв), стр. 125—149. Орфографический словарь, стр. 439—521.
132. Былинский К. И., Крючков С. Е., Светлаев М. В. Употребление буквы ё. Справочник. Под ред. Н. Н. Никольского. М., 1943, 260 стр. (На правах рукописи). То же. М., 1945, 222 стр.
133. Былинский К. И., Никольский Н. Н. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. М.—Л., 1947, 116 стр.
Является, по существу, 3 изд. справочника «Трудные случаи орфографии и пунктуации» (см. № 134).
То же. Изд. 2, переработанное. М., 1952, 312 стр.
Издание включает «Орфографический словарь» (стр. 126—312).
То же. Изд. 3, переработанное. М., 1957, 336 стр. Исправлено и дополнено в соответствии с «Правилами русской орфографии и пунктуации» 1956 г.
134. Былинский К. И., Никольский Н. Н. Трудные случаи орфографии и пунктуации. Вып. 1. Трудные случаи орфографии. М., 1942, 64 стр.
135. Былинский К. И., Розенталь Д. Э. [Рец.]. Орфографический словарь русского языка. 110 000 слов. Под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро. М., 1956, 1261 стр. — ВЯ, 1957, № 5, стр. 141—145.
136. Былинский К. И., Служивов Л. И. Справочник корректора. Под общей ред. проф. К. И. Былинского. М., 1950. X. Технико-орфографические правила, применяемые при вычитке и корректуре, стр. 121—172.
137. Былинский К. И., Уаров М. И. О «Правилах единой орфографии и пунктуации». — Большевистская печать, 1940, № 3, стр. 35—38.
138. Былинский К. И., Уаров М. А. Справочник корректора. М.—Л., 1944. X. Основы орфографии и пунктуации. XI. Правила орфографические, стр. 43—87. Изд. 2 — 1945.
139. В. Б-в. Положение вопроса о русском правописании. — Вестник и библиотека самообразования, 1904, № 22, стб. 867—872.
140. В защиту буквы ё. — Учит. газ., 2 февр. 1955.
Подборка статей; авторы: З. Перкаль, Д. Мальцев.
141. В защиту буквы ѣ. (К издателю Северной пчелы). — Сев. пчела, 1862, № 95.

142. В. Кв. Новое русское правописание. Опыт рациональной орфографии. I. Введение. Орел, 1900, 20 стр.
143. В. С. О твердом знаке. (Письмо в редакцию). — Родн. яз. в школе, 1923, кн. 3, стр. 127—128.
*144. Валгина Н. С., Фомина М. И. Усовершенствование ли? — РЯШ, 1964, № 6, стр. 30—31.
145. Валимова Г. Назревший вопрос, 1. — Учит. газ., 17 ноября 1954.
146. Вальков И. И. Сборник правил русского правописания, составленный на основании филологических разысканий академика Я. К. Грота. СПб., 1875, 58 стр.
147. [Варнек К. А.] К. В. По поводу нового правописания. — Русск. инвалид, 1860, № 96.
148. Варухин В. С. О некоторых вопросах правописания и преподавания русского языка в школе. — РЯШ, 1962, № 4, стр. 104—105.
149. Васильев А. К вопросу об экономической борьбе с Германией. (Новый русский алфавит). Киев, 1916, 8 стр.
150. Васильев А. П. Еще к вопросу о русском правописании. — ФЗ, 1896, вып. 5—6, стр. 1—8.
151. [Васильев В. А.] В. В. Грамматическая заметка. О букве ё. — Маяк, 1845, т. 21, кн. 41-42, гл. 3, стр. 1—6.
152. Васильев В. А. Грамматические заметки, III. — Маяк, 1842, т. 6, кн. 12, гл. 5, стр. 45—47.
О написании двойных согласных в заимствованных словах.
153. Васильев В. А. Грамматические разыскания. 1) О букве ё. 2) Об образовании имен уменьшительных рода мужеского и женского. СПб., 1845, 66 стр.
154. Васильев В. А. [Рец.]. Филологические наблюдения над составом русского языка протоиерея Г. Павского. В трех рассуждениях. СПб., 1841. — Маяк, 1843, т. 8, кн. 16, гл. 4, стр. 49—80; 1844, т. 13, кн. 25, гл. 4, стр. 64—81.
Содержит рассуждения, относящиеся к орфографии.
155. Вахтеров В. П. Реформа правописания не закончена. — Вестник просвещения, 1923, № 7-8, стр. 12—18.
156. [Великанов М. М.] Архимандрит Мефодий. К вопросу о реформе русского правописания. СПб., 1905, 16 стр.
157. Великанов М. М. Объяснение правописания некоторых затруднительных слов. — ФЗ, 1880, вып. 6, стр. 9—15.
158. Вербицкий А. А. Краткая российская грамматика, содержащая в себе правила, руководствующие к познанию российского языка, в вопросах и ответах, изданная Андреем Вербицким. Харьков, 1813. Ч. 3. О правописании, стр. 127—141.
159. [Вербицкий А. А.] Начертание правил российского правописания. Харьков, 1812, 31 стр. Изд. 3 — 1823.
Автор установлен на основании ссылки в статье А. А. Хованского (см. № 898) и из сравнения с текстом книги, бесспорно принадлежащей А. А. Вербицкому (см. № 158).
160. Весский В., Сельцов Б., Боброва П., Кучерявая Г. За единое понимание принципов орфографии. — Учит. газ., 29 дек. 1954.
161. Ветвицкий В. Г. О рациональном построении русской орфографии. — В кн.: Проблемы современного русского правописания. М., 1964, стр. 158—175.
162. Виноградов В. В. К вопросу об упорядочении современного русского правописания. — РЯШ, 1954, № 4, стр. 33—37.
163. Виноградов В. В. Культура речи и орфография. — Лит. газ., 13 июня 1964.
164. Виноградов В. В. О необходимости усовершенствования нашего

правописания. — В кн.: Вопросы русской орфографии. М., 1964, стр. 5—22.
165. Виноградов В. В. О реформе и упорядочении русской орфографии. — Учит. газ., 21 авг. 1954.
166. Виноградов В. В. Русская орфография и ее реформа. — Изв., 1962, № 297.
167. Винокур Г. О. К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII века. (Словарь Академии Российской, 1789—1794). — Вестник МГУ, 1947, № 5, стр. 27—47. См. также в кн.: Винокур Г. О. Избр. работы по русск. яз. М., 1959, стр. 162—188.
168. Винокур Г. О. Орфографическая теория Тредиаковского. — ИАН ОЛЯ, 1948, т. 7, вып. 2, стр. 141—158. См. также в кн.: Винокур Г. О. Избр. работы по русск. яз. М., 1959, стр. 468—489.
169. Винокур Г. О. Орфография и язык Пушкина в академическом издании его сочинений. (Ответ В. И. Чернышеву). — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 6. М.—Л., 1941, стр. 462—494.
170. Винокур Г. О. Орфография как проблема истории языка [1945]. — Избр. работы по русск. яз. М., 1959, стр. 463—467.
171. Вишнепольская А. Г. Влияние соотношения некоторых орфограмм в русской лексике на усвоение правописания (психологическое исследование). М., 1955, 16 стр. Автореферат канд. дисс. (Ин-т психологии АПН РСФСР).
172. Власенко М. М. О некоторых случаях разнобоя и противоречий в правописании. — РЯШ, 1955, № 1, стр. 19—23.
173. Власенко М. М. О русском правописании. — РЯШ, 1964, № 3, стр. 105—106.
174. Вовчок П. Требования жизни. — Учит. газ., 13 окт. 1954.
175. Воеводский Л. Ф. Опыт упрощенья русского правописанья. Одеса, 1898, 22 стр. См. также: Зап. имп. Новороссийского ун-та, т. 76. Одесса, 1899, отд. 2, стр. 1—26.
*176. Войнова А. В. О правописании суффиксов *-н-* и *-нн-* в сложных прилагательных с формой страдательного причастия прошедшего времени во второй части. — РЯШ, 1964, № 6, стр. 33—35.
177. Вокруг реформы русского правописания. — РЯСШ, 1929, № 6, стр. 170—171.
Сообщение о работе комиссии Главнауки.
*178. Волков О. Управишься ли чинить? — Лит. Россия, 1964, № 42.
179. Вопрос об упрощении орфографии в Московском обществе грамотности. — Лит. вестник, 1901, т. 2, кн. 8, стр. 373.
Хроника. Об общем собрании московского общества в связи с предложением педагогического общества присоединиться к его ходатайству об упрощении правописания.
180. Вопрос об упрощении русской орфографии. — Лит. вестник, 1901, т. 1, кн. 4, стр. 530—531.
Хроника. О решении собрания педагогов при Московском педагогическом обществе присоединиться к проекту упрощения правописания. О докладе В. Куницкого в неофилологическом обществе и др.
*181. Воробьев П. Во власти ложных идей. — Лит. Россия, 1964, № 44.
182. Воробьева В. В., Кувичко В. Е. Разумная реформа правописания — дело всех словесников. — РЯШ, 1963, № 5, стр. 88—89.
183. Ворошилова Т. С. О некоторых вопросах правописания. — РЯШ, 1962, № 6, стр. 87—88.
Ворченко В. 1930 — см. № 56.
184. Воскресенский С. И. Несколько слов о русском правописании в русской школе. — ФЗ, 1889, вып. 1, стр. 1—3.
185. Востоков А. Х. [Примечания]. — В кн.: Борн И. М. Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808. Гл. 1. Некоторые примечания о правописании и словопроизношении, стр. 2—14.

А. Х. Востокову принадлежат примечания на стр. 3—6, 9—12.

186. Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложения. СПб., 1831. Ч. 3. О правописании, стр. 341—372. Изд. 12 — 1874.

Полностью совпадает с соответствующей главой «Сокращенной русской грамматики. . .» СПб., 1831, стр. 160—186. В последующих изданиях «Сокращенной грамматики» (начиная со 2-го. СПб., 1833) текст сокращался. Последнее, 16 изд. — 1877.

187. Второе совещание по вопросу об упрощении русской орфографии. — Учитель, т. 2, 1862, № 7, стр. 300—302.

188. [Второе совещание по вопросу об упрощении русской орфографии]. — Сев. почта, 1862, № 71.

189. Вяземский Б. А., Заморзаева Е. Н. Практика газетной корректуры. Л., 1953. Гл. 3. Основные технико-орфографические сведения, разд.: Прописные буквы. Написание слов слитное, раздельное и с дефисом. Частицы *не* и *ни*. Переносы, стр. 20—80.

*190. Габишев П. За реформу, но безболезненную. — Сов. Россия, 17 окт. 1964.

Габо В. С. 1955 — на основании № 532.

191. Гавронов Н. Ф. К вопросу о правописании иноязычных слов с удвоенными согласными. — В кн.: Проблемы современного русского правописания. М., 1964, стр. 116—130.

192. Газиев М. Стройность русской речи — прежде всего. — РЯШ, 1964, № 3, стр. 102.

193. [Галахов А. Д.] Абеседер. Мнение о новом правописании г. Лажечникова в романе его «Басурман». — Сын отечества, 1839, т. 7, отд. 4, стр. 131—140.

*194. Галиченский А. Д. Не *шопот*, а *шёрох*. — РЯШ, 1964, № 6, стр. 35.

195. Галкин Д. Интересы миллионов — на первом плане. — РЯШ, 1955, № 1, стр. 16—19.

196. Гвоздев А. Н. Вопросы современной орфографии и методика ее преподавания. — Изв. АПН РСФСР, 1951, вып. 39, стр. 96—109 (доклад), стр. 305—307 (заключительное слово). Текст доклада см. также в кн.: Материалы объединенной научной сессии ОЛЯ АН СССР и АПН РСФСР. . . (27—29 ноября 1950 г.). М., 1951, стр. 117—133.

Текст доклада включен в изд. 3 и 4 книги А. Н. Гвоздева «Основы русской орфографии».

197. Гвоздев А. Н. Динамика ошибок на проработанные и непроработанные орфограммы. — В кн.: Вопросы орфографии в школе. Материалы научного совещания 13—17 декабря 1935 г. М., 1936, стр. 25—34 (доклад), 41—44 (заключительное слово).

198. Гвоздев А. Н. К вопросу о реформе орфографии. — РЯСШ, 1931, № 1, стр. 102—106.

199. Гвоздев А. Н. К вопросу о роли чтения в усвоении орфографии. — Русск. яз. и лит-ра в ср. школе, 1934, № 4, стр. 4—19.

200. Гвоздев А. Н. К вопросу об основном принципе русской орфографии. — В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Труды второй научной конференции кафедр русского языка педагогических институтов Поволжья (20—24 мая 1958 г.). Куйбышев, 1961, стр. 5—21.

201. Гвоздев А. Н. О взаимоотношении разных элементов в орфографии. (На материале усвоения правописания гласных после шипящих).— РЯСШ, 1931, № 4, стр. 94—106.

202. Гвоздев А. Н. Об основах русского правописания. В защиту морфологического принципа русской орфографии. М., 1960, 64 стр. См. также в кн.: Гвоздев А. Н. Избр. работы по орфографии и фонетике. М., 1963, стр. 211—248.

203. Гвоздев А. Н. Орфография как система. — Лит-ра и яз. в политехнич. школе, 1932, № 4, стр. 60—74.
204. Гвоздев А. Н. Основы русской орфографии. М.—Л., 1947, 64 стр. То же. Изд. 2, дополненное и исправленное. М., 1950, 99 стр. Изд. 4 — 1954. См. также в кн.: Гвоздев А. Н. Избр. работы по орфографии и фонетике. М., 1963, стр. 25—86.
205. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1958. Орфография, стр. 76—97. Изд. 2— 1961.
206. Гвоздев А. Н., Гвоздева К. Н. Как отразится на ошибках учащихся реформа орфографии по проекту Главнауки? — РЯСШ, 1930, № 5, стр. 113—120.
207. Гензель П. Реформа правописания. — Русск. ведомости, 1917, № 139.
208. [Геннади Г. Н.] Григорий Книжник. Библиографические справки по предполагаемому изгнанию из азбуки буквы ъ. — Книжный вестник, 1862, № 11, стр. 253.
209. Геннинг В. П. Справочная книжка и указатель русского правописания. СПб., 1879. Отдел первый, заключающий в себе алфавитный список 300 более или менее затруднительных по правописанию слов, с толкованиями, со 130-ю примечаниями и с приложением алфавитного списка 400 суффиксов, приставок и глагольных примет, 94 стр.; Отдел второй (теоретический), 86 стр.
210. Георгиевский А. П. Без коренной ломки. — Учит. газ., 4 сент. 1954.
211. Георгиевский А. П. Коренная ломка орфографии или упорядочение? — РЯШ, 1955, № 1, стр. 27—28.
212. Гепнер Ю. Р. О принципах упорядочения русской орфографии и пунктуации. — РЯШ, 1955, № 1, стр. 39—41.
213. Герасимов А. Г. Подарок неизгнанного неба «рожок-сам-гудок», или новые песни, новые речи, новая грамота. М., 1901, 74 стр. Вступление, стр. 3—30.
Дается ряд орфографических предложений.
214. Герасимов А. Г. Правописание как научно обоснованный образ праворечия. (Проект реформы отечественного правописания взамен ранее предложенной мной «новой грамоты»). — ФЗ, 1903, вып. 3, стр. 1—24.
215. Гильтебрандт П. Князь Петр Андреевич Вяземский о букве ъ. — Древняя и новая Россия, 1880, т. 16, № 2, стр. 374—378.
216. Гильтебрандт П. Необходимость «Уложения о русском правописании». — Древняя и новая Россия, 1879, т. 1, № 2, стр. 159—160.
217. Гильтебрандт П. Ответ г. Колосову. — Древняя и новая Россия, 1879, т. 1, № 4, стр. 346—347.
218. Гильтебрандт П. По поводу изгнания буквы ъ. — Древняя и новая Россия, 1879, т. 1, № 2, стр. 165—166.
219. Гиляров-Платонов Н. П. Экскурсии в русскую грамматику. Издание К. П. Победоносцева. М., 1904, 63 стр.
Посмертная перепечатка из журнала «Радуга» за 1883 г. Письмо первое. Выговор письму не указ. — № 7, стр. 142—144; Письмо второе. Почитайте родителей. — № 22, стр. 498, 500, 502; Письмо третье. Совесть в русском языке. — № 25, стр. 564, 568—569; Письмо четвертое. Творящая этимология. — № 28, стр. 636—638. Помещено за подписью Н. Г-в. Работа содержит рассуждения о принципах русского правописания.
220. Гловинская М. Я. Написание двойных согласных в заимствованных словах. — В кн.: Проблемы современного русского правописания. М., 1964, стр. 101—115.
221. Глускина С. М., Жуковская З. В. Разделительные знаки в русском письме. — РЯШ, 1961, № 4, стр. 22.

*222. Глущенко А. Мнение тех, кто учится. — Сов. Россия, 9 окт. 1964.

223. Годнев А. В. Проект легко осуществимой реформы русского правописания. Доклад, читанный в Симбирском семейно-педагогическом кружке. Симбирск, 1907, 42 стр.[1]

224. Головин В. О неписании и непечатании буквы ъ на конце слов. (К издателю «Северной пчелы»). — Сев. пчела, 1862, № 237.

«Голос» 1863—1884 — см. приложение.

225. Горбунова А. А. Еще раз об орфографии и красноречии. — РЯШ, 1962, № 4, стр. 106—107.

226. Гордин Л. Научно обосновать нормы правописания. — Учит. газ., 18 сент. 1954.

227. Горланова В. П. К вопросу о реформе русской орфографии. — В кн.: Двенадцатая научная сессия. План работы и тезисы докладов. Телави, 1955, стр. 19.

228. Горланова В. П. Орфография «Ведомостей» эпохи Петра I. Тбилиси, 1954, 12 стр. (Автореферат канд. дисс. Тбилисский гос. ун-т).

229. Горохов А. Е. Пора исключить «ять» из русского алфавита. — ФЗ, 1899, вып. 3—4, стр. 1—8.

То же. Изд. 2, исправленное и дополненное. Изд. 1 было отпечатано в «Филологических записках». Орел, 1900, 12 стр.

230. Горшкова К. В. Графика и орфография. — В кн.: Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. М., 1957, стр. 161—171. [Изд. 3] — М., 1962 (Современный русский язык, ч. 1).

Гоствило-Карнилович П. 1853 — см. приложение.

231. Греч Н. И. Литературные замечания. — Сев. пчела, 1842, № 59. Содержит замечания о правописании.

232. Греч Н. И. Начальная русская грамматика. СПб., 1852. Гл. 15. Правописание, стр. 72—82.

233. Греч Н. И. Начальные правила русской грамматики. СПб., 1828. Ч. 4. Правописание. Гл. 1—4, стр. 126—146. Изд. 9. — 1842; изд. 10 и 11 (под названием: Краткая русская грамматика) — 1843—1858.

234. Греч Н. И. Нынешняя орфография. (Д. М. Княжевичу). — Сев. пчела, 1840, № 34, 35.

235. Греч Н. И. Практическая русская грамматика. СПб., 1827. Ч. 5. Орфография, или правописание. Гл. 1—3, стр. 505—561. Изд. 2 — 1834.

236. Греч Н. И. Пространная русская грамматика. Т. 1. СПб., 1827. Ч. 1. Гл. 1. О буквах. Гл. 2. О слогах, стр. 56—86. Изд. 2—1830.

237. Греч Н. И. Учебная русская грамматика (для учащихся). СПб., 1851. Ч. 4. Правописание, стр. 248—288.

238. Григорьев В. В. О правописании в деле русской номенклатуры чужеземных местностей и народов. — Географич. изв., 1850, вып. 2, стр. 175—201.

*239. Григорьев В. П. Обсуждение «Предложений по усовершенствованию русской орфографии». — ВЯ, 1965, № 1, стр. 69—75.

240. Гриценко В. Ф. Реформа необходима. — РЯШ, 1964, № 3, стр. 107.

241. Громова Н. М. К предполагаемой реформе русской орфографии. — РЯШ, 1963, № 3, стр. 88—89.

242. Громыко В. Ликвидировать разнобой в грамматиках и словарях. — Учит. газ., 11 сент. 1954.

243. Грот Я. К. Заметки о сущности некоторых звуков русского языка [1878]. — В кн.: Грот Я. К. Филологич. разыскания, т. 1, изд. 3. СПб., 1885, стр. 335—353. См. также: Филологич. разыскания. Изд.4. СПб., 1899. Содержит орфографический материал.

---

[1] Описано по экземпляру Библиотеки Академии наук (Ленинград).

244. Грот Я. К. Несколько орфографических разъяснений. — РФВ, 1886, т. 15, стр. 1—6.

245. Грот Я. К. Несколько разъяснений по поводу замечаний о книге «Русское правописание». Записка Я. К. Грота, читанная во втором отделении Императорской Академии наук. — Сб. ОРЯС, 1886, т. 40, № 1, стр. 1—55. См. также в кн.: Грот Я. К. Филологич. разыскания. Изд. 4. СПб., 1899, стр. 818—858.

246. Грот Я. К. О некоторых особенностях в системе звуков русского языка [1852]. — В кн.: Грот Я. К. Филологич. разыскания. СПб., 1873, стр. 282—310. См. также: Филологич. разыскания. Изд. 4. СПб., 1899.

Содержит орфографический материал.

247. Грот Я. К. О произношении букв *е*, *ѣ*, *э* [1847]. — В кн.: Грот Я. К. Филологич. разыскания. СПб., 1873, стр. 277—281. См. также: Филологич. разыскания. Изд. 4. СПб., 1899.

Содержит орфографический материал.

248. Грот Я. К. По поводу заметки об окончании *-ого* в склонении прилагательных имен. — ФЗ, 1887, вып. 6, стр. 1—2. См. также в кн.: Грот Я. К. Филологич. разыскания. Изд. 4. СПб., 1899, стр. 862—863.

249. Грот Я. К. По поводу орфографических вопросов. — Новости и биржевая газета, изд. 1, 1885, № 326.

250. Грот Я. К. По поводу толков о правописании. — Современная летопись, 1862, № 28.

В несколько сокращенном виде дается как приложение к работе: «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне».

251. Грот Я. К. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению второго отделения Императорской Академии наук академиком Я. К. Гротом — Сб. ОРЯС, 1885, т. 36, № 1, стр. 1—144.

То же. Изд. 5, пополненное с некоторыми изменениями. СПб., 1886, 120+XL стр. Изд. 22—1916.

В изд. 6—10 вносились незначительные изменения (главным образом в «Азбучный указатель», который все время пополнялся новыми словами).

252. Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. — В кн.: Грот Я. К. Филологич. разыскания. СПб., 1873, стр. 459—668.

То же. Изд. 2, значительно пополненное. — В кн.: Грот Я. К. Филологич. разыскания, т. 2, изд. 2. СПб., 1876, 460 стр.

То же. Изд. 3, с дополнениями и переменами. — В кн.: Грот Я. К. Филологич. разыскания, т. 2, изд. 3. СПб., 1885, 520 стр. См. также: Филологич. разыскания. Изд. 4. СПб., 1899.

253. Грот Я. К. [Рец., 1870]. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. — В кн.: Грот Я. К. Филологич. разыскания. СПб., 1873, стр. 1—60. См. также: Филологич. разыскания. Изд. 4. СПб., 1899.

Содержит орфографический материал.

254. Грунин И. О русском правописании. — РЯШ, 1963, № 2, стр. 94—95.

255. Грунский Н. К. Новое русское правописание. Киев, 1917, 11 стр.

256. Гухман М. М. *Ас* или *асс*? — Вопросы культуры речи, 1955, вып. 1, стр. 224—225.

257. [Давыдов И. И.] Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1852. Ч. 3. Правописание. Отд. 1. Правописание слов, стр. 380—420. Изд. 3—1854.

258. Даль В. И. Грамата. — Русский, 1868, № 25, 31, 39.

Содержит замечания о правописании.

259. Даль В. И. [Из «Напутного слова»]. — Толковый словарь живого великоруского языка, ч. 1, А—З. М., 1863, стр. XII—XIII.

О правописании, принятом в словаре.

260. Данилов А. А. Без крохоборства и насилия над языком. — РЯШ, 1963, № 6, стр. 81—85.

261. Данилов В. К вопросу об этиологии современной школьной безграмотности. — Родн. яз. в школе, 1927, кн. 1, стр. 156—161.

262. Данилов Г. К. В чем задача? — РЯСШ, 1930, № 3, стр. 116—119. Возражения А. М. Пешковскому (см. № 602) в связи с оценкой проекта Главнауки.

263. Два слова о правописании собственных имен. — Москвитянин, 1849, ч. 2, № 5, отд. 6, стр. 16.

264. Два слова от редакции в дополнение к рецензии на «Словарь» Орлова, печатающийся без еров. — ФЗ, 1885, вып. 2, стр. 19—20.

265. Декрет о введении нового правописания. — В кн.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства, № 12, 30 дек. 1917 г., отдел первый, ст. 176, стр. 185—186.
Подписи: Народный комиссар по просвещению А. В. Луначарский. Секретарь Дм. Лещенко. Распубликован в № 40 газеты Временного Рабочего и Крестьянского правительства от 23 дек. 1917 г.

266. Декрет Совета Народных Комиссаров. О введении новой орфографии. В кн.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства, № 74, 17 окт. 1918 г., отдел первый, ст. 804, стр. 909—910. Подписали: Заместитель Народного комиссара просвещения М. Покровский. Управляющий делами Совета Народных Комиссаров В. Бонч-Бруевич. 10 окт. 1918 г. Распубликован в № 223 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 13 окт. 1918 г.

267. Демидова К. И. О некоторых вопросах правописания. — РЯШ, 1963, № 4, стр. 87—88.

268. Демидова К. И. О правописании наречий и наречных выражений. — РЯШ, 1964, № 3, стр. 102—103.

269. Деминский Я. Российское правописание, для обучения юношества. СПб., 1816, 124 стр.

270. Денисов В. Старое и новое правописание. — В кн.: В защиту нового русского правописания. Томск, 1919, стр. 3—14.

271. Дергачев К. Устранить орфографические капканы. — РЯШ, 1955, № 1, стр. 34—36.

272. Державин Н. С. О языке и орфографии Пушкина. — Книга и революция, 1920, № 6, стр. 15—19.

273. Державин Н. С. Основы методики преподавания русского языка и литературы в средней школе. Курс лекций, читанных автором в Петроградском университете и на Педагогических курсах для подготовки преподавателей средней школы. С приложением библиографического указателя «Библиотека преподавателя». Пг., 1917. II. Орфография, стр. 94—153.

274. Державин Н. С. Основы методики преподавания русского языка и литературы в трудовой школе. Ч. 3. Русское правописание. Изд. 2, дополненное. М. — Пг., 1923, 110 стр. (Изд. 1 см. № 273).

Дискуссия 1862 — предложения, по которым на педагогических совещаниях 1862 г. не было принято согласованных решений (на основании № 187, 188, 589, 590, 605, 648, 649, 723, 816, 817, 927, 963, 964).

Дискуссия 1904 — предложения, обсуждавшиеся в комиссии 1904 г.; но не вошедшие в проекты 1904 и 1912 гг. (на основании № 632 и 618).

Дискуссия 1929 — предложения, обсуждавшиеся комиссией Главнауки, но не вошедшие в проект 1930 г. (на основании № 637).

Дискуссия 1954 — статьи в журнале «Русский язык в школе» и в «Учительской газете» 1954—1955 гг.

Дискуссия 1962 — статьи, помещенные в журналах в 1962—1964 гг. (до опубликования проекта 1964 г.).

Дискуссия 1964 — см. источники, отмеченные знаком *.

275. Дмитриев-Кельда И. Д. Об упорядочении русской орфографии. — РЯШ, 1954, № 6, стр. 30—33.
276. Дмитриев-Кельда И. Д. Упростить русское правописание. — РЯШ, 1964, № 2, стр. 93—94.
277. Добролюбов Н. А. Заметки о современном русском правописании [1856—1857]. — Собр. соч., т. 1. М.—Л., 1961, стр. 488—492.
278. Добромыслов В. А. О реформе правописания. — Наука и жизнь, 1964, № 1, стр. 146—147.
279. Добромыслов В. А. Облегчить изучение правописания в школе. — Учит. газ., 28 авг. 1954.
280. Добромыслов В. А. Облегчить усвоение правописания — основная задача его унификации. — РЯШ, 1954, № 5, стр. 27—33.
281. Добромыслов В. А., Розенталь Д. Э. Трудные вопросы грамматики и правописания. Пособие для учителей. Под ред. А. Б. Шапиро. М., 1955. Орфография, стр. 86—131.
То же. Изд. 2, переработанное, вып. 1. М., 1958, стр. 105—154; вып. 2. М., 1960, стр. 99—144.
282. Добросцев М. Е. Возможно ли применить русское правописание академика Я. К. Грота к практике? Разбор руководства, составленного академиком Я. К. Гротом. СПб., 1886, 45 стр.
283. Добротворский А. Заметка об исключении и замене некоторых букв в русском алфавите. — Вестник Юго-Западной и Западной России, 1863, т. 3, март, отд. 4, стр. 173—179.
284. Доброхотов П. О звукоизменении (Umlautung). Грамматическая апелляция к здравому смыслу и беспристрастию. Статья первая. — Отеч. зап., 1842, т. 21, апр., отд. 8, стр. 94—96.
Содержит орфографические предложения.
285. Доклад комиссии по упрощению русского правописания. Новороссийск, [б. г., предположительно 1903], 4 стр.[1]
*286. Долинина Н. Во имя чего? — Комс. правда, 29 окт. 1964.
Домашнев С. Г. 1781 — см. приложение.
287. Дудов Б. К. Только реформа! — РЯШ, 1963, № 4, стр. 90—91.
288. Дурново Н. Н. К вопросу о реформе русского правописания. — РЯСШ, 1930, № 3, стр. 110—116.
289. Евгеньев А. Новая орфография на практике. — Вестник лит-ры, 1919, № 4, стр. 4.
290. Егоров П. Научно-педагогическая жизнь. (Реформа правописания. Отзывы с мест. Заключение Всесоюзной академии наук). — РЯСШ, 1931, № 1, стр. 168—172.
Излагаются: 1) Отзыв АН о проекте 1930 г.; 2) Предложения Яфетического института Академии наук СССР, выдвинутые в связи с оценкой этого проекта; 3) Соображения Л. В. Щербы о транскрипции иностранных слов.
291. Езерский Ф. В. Народная русская азбука из 24 букв, как и в латинск., взамен 36. В трех частях: I. Для составителей правописания. II. Для учащих. III. Для учащихся. СПб.—М., 1914, 30+32 стр.
292. Емельченко И. Р. Несколько слов о разумном реформировании орфографии. — РЯШ, 1963, № 3, стр. 83—86.
Есенин С. А. 1922 — см. приложение.
Есканюк 1930 — см. № 56.
293. Еськова Н. А. Графическая передача фонемы ‹и› в начале морфемы, не являющейся флексией или суффиксом, после твердой согласной предшествующей морфемы. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 5—17.
294. Еськова Н. А. Можно ли совсем избежать употребления *э* после согласных в именах нарицательных? — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 45—47.

[1] Описано по экз. библиотеки Института русского языка АН СССР.

295. Е с ь к о в а Н. А. О разделительных знаках. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 18—27.

296. Е с ь к о в а Н. А. О слитном и раздельном написании *не*. — В кн.: Вопросы русской орфографии. М., 1964, стр. 80—99.

297. Е с ь к о в а Н. А. О случае «какографополизма» в современной орфографии. — Вопросы культуры речи, 1964, вып. 5, стр. 203—205.

298. Е с ь к о в а Н. А. О форме сравнительной степени от прилагательного *хлёсткий*. — Вопросы культуры речи, 1963, вып. 4, стр. 179—183.

Рассматривается соотношение орфографических вариантов *хлестче* и *хлеще*.

299. Е с ь к о в а Н. А. Передача фонемы ‹о› после шипящих и ‹ц›. — В кн.: Проблемы современного русского правописания. М., 1964, стр. 141—157.

*300. Е с ь к о в а Н. А. Почему *огурци*, а не *секцыя*? — Изв., 1964, № 241.

301. Е с ь к о в а Н. А. *Предана* или *преданна*? — Вопросы культуры речи, 1961, вып. 3, стр. 220—224.

*302. Е с ь к о в а Н. А. Язык не пострадает. . . — Семья и школа, 1964, № 12, стр. 47.

303. Е ф и м о в А. И. Красноречие и орфография. — Изв., 1962, № 71.

304. Е ф и м о в А. И. Культура речи и орфография. — РЯШ, 1963, № 1, стр. 6—15.

*305. Е ф р е м о в И. А. Надо слышать и чувствовать. — Лит. Россия, 1964, № 44.

306. Е ш к е Г. Письмо в редакцию. Перевод Д. А. Шефер. — РЯШ, 1963, № 3, стр. 91—92.

Критика некоторых предложений Л. Е. Филипповой (см. № 881).

307. Еще об употреблении иностранных слов. — Современные известия, 1869, № 25.

В ответ на письмо, полученное редакцией, рассуждение о необходимости достигнуть единства в передаче заимствованных собственных имен.

308. Ж а ж а С. Возможности координации правил правописания в славянских языках. — Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university, ročník 12, 1963. Řada jazykovědná (a), č. 11, стр. 63—71.

*309. Ж и р м у н с к и й В. М. К вопросу о русской орфографии. — Изв. АН СССР. Серия лит-ры и яз., 1965, т. 24, вып. 1, стр. 29—33.

310. Ж и т о м и р с к и й К. Г. К реформе правописания. — Пед. мысль, 1918, № 1—2, стр. 52—72.

311. Ж и т о м и р с к и й К. Г. Как же учить грамоте? М., 1915, 124 стр.

312. Ж и т о м и р с к и й К. Г. Краткий список полезных для русского языка орфограмм. — Пед. сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. 1894, февр., стр. 129—150. Продолжение статьи, помещенной под № 314.

313. Ж и т о м и р с к и й К. Г. Молох XX века. (Правописание). М., 1915, 258 стр.

314. Ж и т о м и р с к и й К. Г. Принципы правописания и их применение к русскому языку. — Пед. сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. 1894, янв., стр. 1—29. Продолжение статьи см. № 312.

*315. Ж о в т о б р ю х М. А., Р у с а н о в с к и й В. М. Обсуждение «Предложений по усовершенствованию русской орфографии», [2]. — ВЯ, 1964, № 6, стр. 21—25.

*316. З а д о р н о в Н. «Доч цигана сьела огурци». — Лит. газ., 26 сент. 1964.

317. З а л и з н я к А. А. К вопросу о правописании безударных гласных в глагольных окончаниях. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 132—139.

318. З а р е ц к и й А. И. Строение русской орфографии. — РЯШ, 1946, № 5—6, стр. 30—38.

319. Засядко Н. О русском алфавите. М., 1871, 73 стр.
320. Затопляев А. В. Реформа правописания как фактор культурной революции. — Рост. Свердловск—М., 1931, № 1, стр. 74—77.
*321. Заходер Б. Н. «Заец»? Почему? — Лит. Россия, 1964, № 41.
322. Зелинский В. А. Алфавитный справочник по русскому правописанию. Составлен по Гроту В. Зелинским. М., 1886. 100 стр. Изд. 10—1912.
Начиная с изд. 3, называется: Справочник по русскому правописанию. В изд. 10 подзаголовок: Вып. I. Правописание слов. Начиная с изд. 4 включает приложение: Справочный словарь буквы *ѣ*. Полный список коренных и производных слов, в которых пишется буква *ѣ*. Разные издания справочника несколько различаются по расположению материала.
323. Зелинский В. А. Подробный орфографический словарь. Заключает в себе: правильное начертание слов, указание ударений в словах и разделение каждого слова на части, для правильного переноса их из одной строки в другую. Предназначается для учащихся в учебных заведениях и вообще для самообразования и справок при письменных и корректурных работах. М., 1909, 488 стр.
То же. Изд. 2, исправленное и значительно увеличенное. М., 1914, 685 стр.
324. Зелинский Ф. О некоем «орфографическом усмотрении». — Русск. воля, 1917, № 232.
325. Земский А. М. К вопросу о правописании глагольных корней с чередованием гласных. — Уч. зап. Московского гос. пед. дефектологич. ин-та, 1941, т. 1, стр. 133—146.
*326. Земцов Ю. В. Нужна упорядоченность, а не ломка. (Об обсуждении предложений по усовершенствованию русской орфографии в Московском городском институте усовершенствования учителей). — РЯШ, 1964, № 6, стр. 45—47.
*327. Зимин П. Семь раз отмерь. . . — Лит. газ., 26 сент. 1964.
328. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Л., 1960. Гл. 7. Графика и орфография, стр. 306—316.
329. Зорин Н. И. Вопрос о переносе слов в школьной практике и методической литературе. — РЯШ, 1953, № 1, стр. 33—37.
330. [Зубатов Н. В.] Руководство для корректоров и наборщиков. М., 1925, 29 стр.
Отличается от № 331 некоторыми деталями.
331. [Зубатов Н. В.] Руководство для наборщиков и корректоров. Элементарные правила набора и корректуры. М., [1924], 32 стр.
Содержит правила употребления прописных букв, правила переноса слов и др.
Иванов А. А. 1877 — см. приложение.
332. Иванов А. А. О рациональной передаче греческих и латинских слов в русской речи и в письме. Киев, 1881, 56 стр.
333. Иванов В. В. К вопросу о правописании сложных слов. — РЯШ, 1954, № 3, стр. 51—56.
334. Иванов Вячеслав [Рец.]. К вопросу об орфографической реформе. Архимандрит Мефодий (Великанов), член Орфографич. комиссии. К вопросу о реформе русского правописания. СПб., 1905. — Вопросы жизни, 1905, № 9, стр. 254—256.
335. Иванов Н. И. Заметка о правописании. Русское правописание. Я. К. Грот. Изд. 2. СПб., 1885. — ФЗ, 1886, вып. 1, стр. 13—20.
336. Иванова В. Ф. О морфологическом принципе русского правописания. — РЯШ, 1964, № 3, стр. 6—13.
337. Иванова В. Ф. О русской орфографии и путях повышения грамотности. — РЯШ, 1963, № 1, стр. 19—26.
338. Иванова В. Ф. Об исключениях из правил. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 122—125.
339. Иванова В. Ф. Русское правописание и его новые правила. Л., 1958, 44 стр.

340. Иванова В. Ф. Теоретические основы действующих правил о слитном и раздельном написании *не* и возможные пути совершенствования и облегчения этих правил. — В кн.: Вопросы русской орфографии. М., 1964, стр. 51—79.

341. Иванова В. Ф. Трудные случаи употребления и правописания частиц *не* и *ни*. М., 1962, 108 стр.

342. Иванович И. Новые орфографические справочники. — Журналист, 1933, № 8, стр. 31—32.

О ленинградском «Технико-орфографическом справочнике» под ред. Н. Филиппова и московском справочнике А. Б. Шапиро и М. И. Уарова (см. № 799, 951).

343. Иеропольский К. А. К вопросу об упрощении русского правописания. Харьков, 1916, 9 стр.

344. Извлечение из протоколов второго отделения Императорской Академии наук за август 1853 г. — ИОРЯС, 1853, т. 2, стр. 267—272.

Стр. 268—269. Орфографические предложения учителя Сувалкской гимназии Кравченко.

345. Извлечение из протоколов Второго отделения императорской Академии наук за сентябрь 1853 г. — ИОРЯС, 1853, т. 2, стр. 305—310.

Стр. 308—309. Мнение А. Х. Востокова об орфографических предложениях учителя Кравченко.

346. Извлечения из протоколов заседаний Академии. Общее собрание. VII заседание, 13 мая 1917 г. — Изв. Российской Академии наук, 6-я серия, 1917, № 15, 1 нояб., стр. 1179—1182.

Стр. 1180—1182. Сообщение А. А. Шахматова о совещании 11 мая 1917 г. (Протокол совещания см. № 640).

347. Изменения и дополнения к тексту «Свода орфографических правил». [б. м., б. г.], 14 стр. Относится к проекту свода 1936_2 (см. № 720).

348. Изюмов А. Основы газетной корректуры. Практическое руководство для газетных корректоров и выпускающих. М., 1933. Орфография корректора, стр. 29—32.

349. Ильинская И. С., Сидоров В. Н. Современное русское правописание. — Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, 1953, т. 22, вып. 2, стр. 3—40.

*350. Инбер В. М. Давайте подумаем хорошенько. . . — Лит. газ., 8 окт. 1964.

351. Иоаннисян С. А. [Рец.]. О русском правописании и справочнике Шапиро. Шапиро А. Б., Уаров М. И. Орфография, пунктуация и техника корректуры. Справочник для работников печати. М., 1933. — Большевистская печать, 1936, № 12, стр. 69—70.

352. Иоаннисянц С. А. Пора установить единообразие в правописании. — Большевистская печать, 1935, № 19—20, стр. 38.

353. Ионина М. В. За разумное упрощение орфографии. — РЯШ, 1964, № 3, стр. 100—101.

*354. Исаковский М. В. Во имя чего? — Лит. газ., 22 окт. 1964.

355. Истрина Е. С. Грамматические основы методики правописания.— Изв. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1928, вып. 1, стр. 19—40.

356. Истрина Е. С. Методика орфографии и пунктуации. — В кн.: Бархин К. Б., Истрина Е. С. Методика русского языка в средней школе. Учебник для высших педагогических учебных заведений и пособие для преподавателей. М., 1934, стр. 80—109. Изд. 3—1937.

357. Истрина Е. С. О правописании предлогов. —РЯШ, 1936, № 2, стр. 34—36.

358. Истрина Е. С. Реформа правописания и школьная грамматика.— Родн. яз. в школе, 1917—1918, № 6—10, (янв.—май), стр. 181—187.

359. Ищенко Д. С. Упрощение правописания необходимо. — РЯШ, 1964, № 2, стр. 98—100.

360. К итогам дискуссии по вопросам правописания. — РЯШ, 1955, № 2, стр. 32—42.
361. К итогам обсуждения вопросов правописания. — Учит. газ., 9 апр. 1955.
362. К. Су-в. Непотребные буквы. (Из дневника корректора). — Время, 1862, т. 12, № 7, отд. 1, стр. 239—250.
363. К. Су-в. Орторафическая распря. — Время, 1862, т. 8, № 3, отд. 4, стр. 57—74.
364. К. Су-в. Плач коректора. — Время, 1861, т. 5, № 10, отд. 4, стр. 127—142.
365. Кавокин Г. Н. Справочник по орфографии и пунктуации для селькоров, рабкоров, корректоров и литературных работников, а также для учащихся совпартшкол, рабфаков, техникумов и школ второй ступени. М.—Л., 1930, 104 стр.
366. Кадинский К. М. Отрывок из грамматических заметок. — Маяк, 1842, т. 1, кн. 2. Замечатель, стр. 124—126.
367. Кадинский К. М. Преобразование и упрощение руского правописания. СПб., 1857, 32 стр.
368. Кадинский К. М. Упрощение руской грамматики. СПб., 1842, 56 стр.
369. Казанский И. П. Итоги опыта исследования грамотности в средних учебных заведениях. — Вопросы воспитания и обучения. Труды пед. об-ва, состоящего при имп. Московском ун-те, 1. М., 1901, стр. 68—80.
370. Кайдалова А. И. К вопросу о правописании сложных прилагательных. — РЯШ, 1963, № 1, стр. 27—31.
371. Калайдович И. Ф. [Из «Ответа на замечания на книжку: Краткое изложение правил для составления ручного словаря нынешнего языка русского»]. — Сын отечества, 1827, ч. 115, № 17, стр. 77—79.
Даются орфографические предложения.
372. Калайдович И. Ф. [Из «Ответа на критику замечаний о родах грамматических в языке русском»]. — Сын отечества, 1825, ч. 101, № 11, стр. 267—276.
Критика некоторых принятых написаний.
373. Калайдович И. Ф. [Из «Приложений» к статье: Замечания о родах грамматических в языке русском]. — Соч. в прозе и стихах. Труды об-ва любителей российской словесности при имп. Московском ун-те, 1824, ч. 5, стр. 196—197, 202—204.
Даются орфографические предложения.
374. Калакуцкая Л. П. Перешенные вопросы. (О правописании страдательных причастий прошедшего времени). — Вопросы культуры речи, 1963, вып. 4, стр. 128—136.
375. Калакуцкая Л. П. О правописании страдательных причастий прошедшего времени. — Изв. АН Латв. ССР, 1963, № 4, стр. 53—62.
376. Калакуцкая Л. П. Орфографическая передача долгих согласных в заимствованных именах собственных. — В кн.: Орфография собственных имен. М., 1965, стр. 90—103.
377. Калинин А. В. *Обессиливать* или *обессилевать*? — Вопросы культуры речи, 1964, вып. 5, стр. 184—188.
Автор подходит к соотношениям типа *обессиливать — обессилевать* как к орфографическим вариантам.
*378. Калинин А. В. Позвольте омрачить праздник. — Неделя, 1964, № 39.
379. Калинин А. В. Разумно упростить орфографию. — РЯШ, 1963, № 2, стр. 91—94.
380. Каллаш В. В. К реформе средней школы. II. Несколько слов о выработанном Московским педагогическим обществом проекте упро-

щения русского правописания. — Русск. мысль, 1901, кн. 8, стр. 178—182.

*381. Калугин В. Мои «за» и «против». — Сов. Россия, 9 окт. 1964.

382. [Канарский А.]. Орфография, или верный и самый легкий способ в короткое время узнать правописание русского языка. Сост. А. К. . .р . . .ий. М., 1849, 71 стр.

*383. Канкава М., Харазишвили Т., Белиошвили О. Наши соображения.—РЯНШ, 1965, № 1, стр. 73—74.

Карамзин Н. М. 1797 — см. приложение.

384. Карпинский М. Заметка о § 99 «Русского правописания» акад. Я. К. Грота (О переносе частей слова из строки в строку). — РФВ, 1892, т. 28, стр. 31—32.

385. Карский Е. Ф. К вопросу о реформе русской орфографии. — РФВ, 1904, т. 52, стр. 154—174.

386. [Карцевский С. О.] Karcevskij S. Sur la rationalisation de l'orthographe russe. — Mélanges linguistiques et philologiques offerts á M. Aleksandar Belić. Beograd, 1937, p. 31—38.

Касимов Н. Л. 1954 — на основании № 833.

Катков М. Н. 1862 — на основании № 252.

Каченовский М. Т. 1811—1830— см. приложение.

*387. Качкин М. Усовершенствование русской орфографии — назревший вопрос. — РЯШ, 1964, № 6, стр. 35—37.

Кеневич В. Ф. 1862 — на основании № 187, 188, 963, 964.

388. Кеневич В. Ф. Несколько замечаний по поводу статьи г. Грота в № 28 Современной летописи Русского вестника. — Сев. пчела, 1862, № 314.

Кёппен П. И. 1826, 1827, 1837 — см. приложение.

389. Киров Н. Замечания на словесные науки. Кн. 1. Замечания на русскую грамматику. М., 1846. Орфография, стр. 38—51.

*390. Кирпотин В. Я. Нужна ли полная унификация? — Изв., 1964, № 241.

*391. Кирсанов С. И. Вопреки букве и духу. . . — Лит. газ., 1 окт. 1964.

392. Киселева Н., Панфилов А. Против разнобоя в русской орфографии. — РЯШ, 1955, № 1, стр. 23—26.

393. Классовский В. И. Справочная книжка по русскому правописанию. СПб.—М., 1867, 145 стр., изд. 2 — 1872 и 1879.

394. Клюсов Г. К дискуссии о реформе русского правописания. — РЯШ, 1963, № 5, стр. 82—86.

*395. Ковалев В. П. Несколько замечаний о «Предложениях по усовершенствованию русской орфографии». — РЯШ, 1964, № 6, стр. 23—25.

396. Ковалев П. К. Категориальное и функциональное значение частицы *не*. — РЯШ, 1941, № 1, стр. 30—36.

*397. Коган Б. И так, и эдак? — Лит. газ., 26 сент. 1964.

Кодинский К. М. — см. Кадинский К. М.

398. Кожин А. Н. За морфолого-фонематическое правописание. — РЯШ, 1964, № 1, стр. 100—101.

399. Кожин А. Н. Несколько замечаний к проекту новых правил русской орфографии. — РЯШ, 1955, № 1, стр. 41—42.

400. Козловский П. С. Из записной книжки учителя. Один из пробелов в учебниках русской грамматики (по правописанию). — ФЗ, 1875, вып. 2, стр. 1—4.

401. Коларь О. Несколько замечаний по поводу русского правописания. СПб., 1905, 16 стр. (Оттиск из «Сборника в честь В. И. Ламанского»).

402. Колб Г. Я. Об упрощении русского правописания. — РЯШ, 1964, № 1, стр. 98—100.

403. Колосов М. А. Г. Гильтебрандту. — РФВ, 1879, т. 1, стр. 317—320.

Входит в серию заметок М. А. Колосова под общим заголовком: Разные известия и заметки.

404. [Колосов М. А.] М. К. Заметки о русском правописании. — РФВ, 1879, т. 1, пед. отд., стр. 52—57.

405. Колосов М. А. От редакции, II. — РФВ, 1879, т. 1, стр. III—VI.

Разъяснение по поводу того, что журнал решено печатать без конечного ъ.

406. Колтановский А. Д. Реформа русской азбуки. Вниманию народных учителей и лиц, интересующихся успехами народного образования. Второе измененное и дополненное издание автора. (Первое похищено неизвестным издателем). Винница, 1900, 67 стр.

407. Коляда Г. И. К вопросу о написании двойных согласных в иностранных словах. — РЯШ, 1964, № 3, стр. 103—104.

408. Комиссаров А. А. Необходимое пожелание. — РЯШ, 1964, № 3, стр. 104—105.

Комиссия 1862 — решения педагогических совещаний 1862 г. (на основании № 648, 649, 723, 816, 817, 927, 963, 964).

*409. Кондырев Л. Н. Едва ли это благотворно. — Лит. газ., 1 окт. 1964.

*410. Копорский С. А. К дискуссии об усовершенствовании русской орфографии. — РЯШ, 1964, № 6, стр. 7—10.

411. Копыленко М. М., Шубов Я. И. О правописании сложных слов в связи с общей проблемой разграничения графических единиц. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 139—145.

412. Корш Ф. Е. О русском правописании. — ИОРЯС, 1902, т. 7, кн. 1, стр. 39—94.

413. [Корш Ф. Е.] [Рец.] Я. К. Грот. Несколько разъяснений по поводу замечаний о книге «Русское правописание». СПб., 1886. — Газета А. Гатцука, 1886, т. 12, № 20.

414. Костин И. Т. Правописание и экспериментальная психология. М., 1912, 78 стр.

415. Котов С. Нужна коренная реформа. — РЯШ, 1964, № 3, стр. 104—105.

416. Кочкин М. Новые технико-орфографические правила. — Полиграфич. производство, 1929, № 2, стр. 25—26.

Кравченко 1853 — см. № 344.

417. Краткие правила российской грамматики, собранные и вновь дополненные из разных российских грамматик, в пользу обучающегося юношества в гимназиях императорского Московского университета. М., 1784. Ч. 1. О правописании, стр. 4—22.

418. Кремлев П. Мытарства одного юнца на письменных экзаменах по русскому языку. — Русск. школа, 1898, № 12, стр. 36—68.

Содержит критику ряда правил, утвержденных «Русским правописанием» Я. К. Грота.

419. Кривенко В. С. Точки над *и*. (Еще о новой орфографии). — Вестник лит-ры, 1919, № 5, стр. 9—10.

Крижанич Ю. 1661, 1665 — на основании № 1002.

420. Крючков С. Е. [Рец.]. А. Б. Шапиро. Русское правописание. Академия наук СССР. Институт языкознания. М., 1951. — Сов. книга, № 4, стр. 106—110.

421. Крючков С. Е. Актуальные вопросы современной русской орфографии. Нач. школа, 1951, № 8, стр. 15—28.

422. Крючков С. Е. Вопросы современной орфографии. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний в Москве. М., 1952, 32 стр.

423. Крючков С. Е. [Рец.]. Д. Н. Богоявленский. Психология усвоения орфографии. М., 1957. — РЯШ, 1958, № 4, стр. 103—107.

424. Крючков С. Е. Единый свод правил орфографии и пунктуации.— Учит. газ., 26 мая 1956.

425. Крючков С. Е. О спорных вопросах современной русской орфографии. М., 1952, 54 стр. Изд. 2—1954.

*426. Крючков С. Е. Об улучшении русского правописания. — РЯШ, 1964, № 6, стр. 10—14.

427. Крючков С. Е. Об унификации русской орфографии. — РЯНШ, 1957, № 3, стр. 1—10.

428. Крючков С. Е. Переход школ на унифицированную орфографию и пунктуацию. — РЯШ, 1957, № 4, стр. 51—59.

429. Крючков С. Е. Специальный курс «Современная русская орфография». — Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1958, т. 39. Историко-филологический факультет, вып. 1. Наш опыт. Сборник статей о работе на историко-филологическом факультете. Под общей ред. проф. И. В. Устинова, стр. 220—229.

430. Крючков С. Е. Спорные написания в современной русской орфографии. — РЯШ, 1952, № 1, стр. 31—44.

431. Крючков С. Е. Унификация орфографии и школа. — РЯШ, 1954, № 5, стр. 38—40.

432. Крючков С. Е., Розенталь Д. Э. Унификация современной русской орфографии и пунктуации. — Нач. школа, 1956, № 8, стр. 47—51.

433. Крючков С. Е., Розенталь Д. Э. Унификация современной русской орфографии и пунктуации. — РЯШ, 1956, № 4, стр. 36—48.

434. Кувичко Д. П. Проблемы современного русского правописания. — РЯШ, 1955, № 1, стр. 28—31.

435. Кузьмина С. М. О личных окончаниях глаголов. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 129—132.

436. Кулагин А. Ф. О частице *не* и приставке *не-*. — РЯШ, 1957, № 6, стр. 26—28.

Предлагается формулировка правила о слитном и раздельном написании *не*.

437. Кулагин А. Ф. Частица *не* и одноименная приставка в их отношении к степеням сравнения имен прилагательных. — РЯШ, 1956, № 1, стр. 12—16.

Сформулированы правила написания *не* с формами степеней сравнения.

438. Куницкий В. О возможных упрощениях русской орфографии. — Образование, 1901, № 11, стр. 33—43.

439. Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с седмью присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей. СПб., 1769. Ч. 3, гл. 2. О орфографии или правописании, отд. I—II, стр. 95—100. Изд. 6—1796 (под заглавием: Писмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезнозабавного вещесловия).

440. Л. О реформе правописания. — Родн. яз. в школе, 1917—1918, № 1 (авг.), стр. 18—21.

441. Лавин В. Правописание иностранных слов. — Учит. газ., 23 окт. 1954.

*442. Лавров Н. Из слова букву не выбросишь. — Сов. Россия, 17 окт. 1964.

*443. Ладыженская Т. А. Для учителя и ученика. — Изв., 1964, № 234.

Лажечников И. И. 1838 — см. приложение.

444. Лажечников И. И. Предложение новова правописания. — Лит. прибавления к «Русскому инвалиду», 1837, № 17.

Лев Г. М. 1955—на основании № 532.

445. Л е к а н т П. А. Орфография, графика, грамматика, произношение.— РЯШ, 1963, № 2, стр. 81—84.
Леонидов О. Н. 1955 — на основании № 532.
*446. Л е о н о в Л. М. Прошу слова. — Лит. газ., 3 окт. 1964.
447. Л е о н т ь е в А. А. О написании иностранных имен. — Вопросы культуры речи, 1963, вып. 4, стр. 154—156.
448. Л е т ч е н к о М. С. Трудности изучения русской орфографии. — РЯШ, 1962, № 6, стр. 91—92.
Либерман А. М. 1955 — на основании № 532.
*449. Л и з о г у б о в а И. А. Яснее и разумнее. — Изв., 1964, № 231.
450. Л и с т в и н о в Н. Г. Трудные вопросы русской орфографии и пунктуации. (В помощь слушателям высших партийных школ и советско-партийных школ). М., 1958, 48 стр.
То же. Изд. 2, дополненное. М., 1959, 69 стр.
451. Л и х о н и н М. О правописании иностранных собственных имен.— Москвитянин, 1849, ч. 4, № 13, кн. 1, отд. 3, стр. 33—38.
452. Л о й ф м а н Н. Я. За дальнейшее усовершенствование русской орфографии. — РЯШ, 1964, № 3, стр. 109—110.
453. Л о м о н о с о в М. В. Примечания на предложение о множественном окончании прилагательных имен [1746]. — Полн. собр. соч., т. 7. Труды по филологии. М.—Л., 1952, стр. 83—87.
454. Л о м о н о с о в М. В. Российская грамматика [1755]. Наставление второе. О чтении и правописании российском. — Полн. собр. соч., т. 7. Труды по филологии. М.—Л., 1952, стр. 421—437.
455 Л о м о н о с о в М. В. Суд российских письмен, перед разумом и обычаем от грамматики представленных [1750-е гг.]. — Полн. собр. соч., т. 7. Труды по филологии. М.—Л., 1952, стр. 379—388.
456. Л о п а ч е в с к и й А. И. Грамотность и грамота. Анализ усвоения грамоты. Условия, препятствующие широкому распространению грамотности. Критика русской грамоты и способов ее изучения. Возможно ли достигнуть, чтобы в России все были грамотны? Мысли о грамотном человечестве. Гомель, 1891, 82 стр.
457. Л о я Я. В. Основные вопросы письменности. — РЯШ, 1940, № 1, стр. 13—22.
Лоя Я. В. и Лювель А. С. 1955 — на основании № 530.
Лубенец В. 1955 — на основании № 532.
*458. Л у к и н М. Ф. В защиту некоторых старых написаний. — РЯШ, 1964, № 6, стр. 25—26.
459. Л у н а ч а р с к и й А. В. Латинизация русской письменности. — Красная газета, вечерний выпуск, 6 и 7 янв. 1930. См. также: Культура и письменность Востока, кн. 6. Баку, 1930, стр. 20—26.
Содержит сведения о том, как проводилась реформа 1917—1918 гг. А. В. Луначарский приводит высказывания В. И. Ленина о реформе орфографии.
460. Л у р ь е - Д е р с к и й А. За орфографию, обязательную для всех.— РЯШ, 1955, № 1, стр. 44—45.
461. Л ы с к о в И. П. К вопросу о реформе правописания. — Русск. школа, 1904, № 12, стр. 135—154.
462. Л ь в о в В. Е. Без прописных. В порядке обсуждения. — Журналист, 1930, № 7—8, стр. 20—21.
463. Л я м б е к Э. Педагогическое отделение Неофилологического общества. — Лит. вестник, 1902, т. 3, кн. 2, стр. 239—241.
На стр. 240—241 сообщается об обсуждении доклада Д. А. Сперанского «О букве ѣ и ъ. Значение этих букв в орфографическом и методическом отношениях».
464. М. В. Несколько слов по поводу совещаний об упрощении русского правописания. — С.-Петербургские ведомости, 1862, № 89.

465. М. С-ов. Об «укрощении строптивой». — Для народного учителя, 1907, кн. 9, стр. 9—15.

Статья содержит критику гротовской орфографии и возражения противникам реформы.

*466. Майоров Д. К. О предложениях по усовершенствованию русской орфографии. — РЯШ, 1964, № 6, стр. 37.

467. Макарова Н. К вопросу об унификации русского правописания. — РЯШ, 1963, № 5, стр. 86—88.

468. Максимов Л. Ю. Частица *не* и приставка *не-* с краткими прилагательными. — РЯШ, 1957, № 2, стр. 7—17.

Статья содержит орфографический материал.

469. Максимова Л. К. Некоторые трудные случаи употребления *э, е, ё, о* в иноязычных собственных именах. — В кн.: Орфография собственных имен. М., 1965, стр. 81—89.

470. Максимова Л. К. Общее собрание отделения литературы и языка. — Изв. АН СССР, серия лит-ры и яз., 1964, т. 23, вып. 6, стр. 555—557.

Сообщение об обсуждении проекта усовершенствования русского правописания. Изложение доклада акад. В. В. Виноградова об итогах работы Орфографической комиссии и выступлений по докладу.

471. Максимова Л. К. Употребление букв *э, е* после гласных в заимствованных словах. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 33—39.

*472. Максимова Л. К. Усваивать правила будет легче. — Лит. газ., 8 окт. 1964.

473. Малаховский В. А. Значение фонематического анализа в воспитании правописного навыка. — В кн.: Вопросы орфографии в школе. Материалы научного совещания, 13—17 дек. 1935. М., 1936, стр. 45—53 (доклад), 56—58 (заключительное слово).

474. Малаховский В. А. К вопросу о влиянии говора на орфографию школьника. — РЯШ, 1946, № 1, стр. 56—60.

475. Малаховский В. А. К вопросу об орфографической безграмотности. — Родн. яз. в школе, 1925, сб. 8, стр. 98—105.

476. Малаховский В. А. К вопросу об упрощении правописания. (По поводу статьи тов. Топорова «Долой балласт!»). — Просвещение Сибири. Новосибирск, 1929, № 11 (68), стр. 60—62.

477. Малаховский В. А. Причины орфографической безграмотности. — Русск. яз. и лит-ра в ср. школе, 1934, № 1, стр. 41—50.

478. Малаховский В. А. Проблема безударных гласных в методике правописания. — РЯШ, 1936, № 2, стр. 37—42.

479. Малаховский В. А. Произношение и орфография А. С. Пушкина. — РЯШ, 1937, № 2, стр. 3—12.

480. Малорошвилов М. Обязательное правописание. — Новости и биржевая газета, изд. 1, 1885, № 312.

481. Малорошвилов М. Орфографический собор. — Новости и биржевая газета, изд. 1, 1885, № 338.

482. Малорошвилов М. Что можно и чего нельзя. — Новости и биржевая газета, изд. 1, 1886, № 49, 79, 124, 319, 321.

По поводу «Русского правописания» Я. К. Грота; в № 49, 79, 124 рассматривается изд. 4; в № 319, 321 — изд. 5 (дается подзаголовок: Пятое издание «Русского правописания»).

483. Мальцев М. Д. О новом правописании. (В порядке обсуждения в связи с Всероссийским орфографическим съездом). — Молодая гвардия, 1930, № 21, стр. 88—91.

484. Мальцев М. Д. «Орѳографія» Главнауки. Белгород, 1930, 12 стр.

485. Мандельштам И. К вопросу об орфографии. — Пед. сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений, 1884, апр., стр. 403—413.

*486. Маркарян С. Здравый смысл победил. — РЯШ, 1964, № 6, стр. 37—38.

487. Марков Н. М. Об употреблении *не* слитно и отдельно при имени и глаголе. — ФЗ, 1880, вып. 6, стр. 5—8.

488. Марр Н. Я. К реформе письма и грамматики. — РЯШ, 1930, № 4, стр. 44—48.

489. Матвеева Е. В. Из истории русской грамматики. «Российская грамматика» Ломоносова. Орфоэпия и орфография. — Труды Горьковского гос. пед. ин-та, 1939, т. 2, стр. 45—59.

489а. Материалы по вопросу о латинизации русской письменности. — Культура и письменность Востока, кн. 6. Баку, 1930, стр. 208—219.

Включает тезисы проф. Н. Ф. Яковлева и материалы, относящиеся к деятельности комиссии Главнауки.

490. Матусевич М. И. Введение в общую фонетику. Л., 1941. Гл. 11. Письменная форма речи, стр. 89—106. Изд. 3 — 1959.

491. Мгеладзе Д. С., Колесников Н. П. Пора упростить русское правописание. — РЯШ, 1963, № 2, стр. 79—81.

492. Методические указания о применении буквы *ё* в русском правописании. Сост. М. В. Светлаев и П. М. Минин. [М.], 1943, 12 стр.

Мефодий, архимандрит — см. Великанов М. М.

493. Мироносицкий П. В защиту родной письменности. (По поводу мероприятий к упрощению русского правописания). — Народное образование, 1917, май—июнь, т. 1, кн. 5—6, стр. 308—321. Есть отдельный оттиск.

Миртов А. В. 1927 — см. № 511.

494. Миртов А. В. Академическое правописание. — РЯШ, 1954, № 5, стр. 34—38.

495. Миртов А. В. Можно ли писать «по Гроту»? К вопросу об искажении русской речи академиком Яковом Карловичем Гротом. Пг., 1916, 40 стр.

496. Миртов А. В. Наше правописание. Методы и способы изучения орфографии. [Харьков], 1923, 41 стр.

497. Миртов А. В. Новое правописание русского языка. Систематический указатель орфографии, составленный по принципам комиссии при Академии наук. Пг., 1918, 16 стр.

498. Миртов А. В. Русско-немецкое правописание академика Якова Карловича Грота. Пг., 1915, 40 стр.

499. Миссин Р. К. Меньше исключений. — РЯШ, 1963, № 6, стр. 90.

500. Михайлов А. В. Опыт введения в изучение русского литературного языка и письма. Варшава, 1911. Русское литературное письмо, стр. 222—252.

501. Михайлов М. Грамматические сомнения. — Русск. пед. вестник, 1859, № 1, стр. 18—42.

Содержит критику принятого правописания и предложения об его упрощении.

502. Михайлов-Мучкин Г. С. Совершенствование русской грамоты и правописания — в теоретическом обосновании и практическом решении вопроса. Одесса, 1905, 48 стр.

503. Моисеев А. И. Несколько предложений и одно возражение. — РЯШ, 1963, № 6, стр. 89.

504. Морозов А. А. Заметки о языке. 2. Упорядочение или реформа? — Нева, 1964, № 6, стр. 177—181.

505. Московкина Р. А. Написание непроизводных основ с непроверяемыми гласными в связи с их изучением в школе. — Уч. зап. Краснодарского гос. пед. ин-та, 1956, вып. 18. Филология, стр. 173—183.

506. Мусорные буквы. — Неделя, 1895, № 47, стб. 1494—1495. Заметка, полученная из Калуги за подписью целого ряда учителей (Прим. ред.).

О необходимости исключить *ѣ*, *і*, *ѳ*, *ѵ*, *ъ*.

507. Мы ждем большего. — Учит. газ., 2 февр. 1955.

Подборка статей; авторы: Л. Оголихин, А. Назаров, П. Петрушин, Г. Колб. О недостатках предложенных унифицированных правил орфографии.

508. Мы предлагаем. (Коллективное письмо группы учителей русского языка). — РЯШ, 1964, № 2, стр. 94—97.

509. Н. Н. [Рец.]. Новый русский словарь. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. Издание Общества любителей российской словесности. Вып. 1, 2 и 3. М., 1861 и 1862. — Русск. вестник, 1862, т. 39, июнь, стр. 811—825.

Стр. 818—822. О правописании Даля. Неодобрительная оценка готовящегося преобразования орфографии.

510. На какой основе проводить унификацию. Обзор писем читателей. — Учит. газ., 22 сент. 1954.

511. На 1-м краевом съезде словесников. Дальнейшее упрощение орфографии. — Сов. юг, 27 апр. 1927.

Излагается содержание доклада А. В. Миртова.

512. [Надеждин Н. И.] Н. Н. [Рец.]. Филологические наблюдения протоиерея Г. Павского над составом русского языка. СПб., 1841 и 1842. Три рассуждения, в трех книгах. Статья вторая. — Отеч. зап., 1844, т. 35, авг., отд. 5, стр. 17—32.

Разбор первого рассуждения Павского — о звуках и буквах. Соображения о возможной замене букв *е, ю, я* (стр. 24—26). Автор раскрыт на основании указания Я. К. Грота.

Наливкин Ф. 1849 — см. приложение.

*513. Невинская Л. Упорядочение или «революция»? — Учит. газ., 6 окт. 1964.

Неизвестный автор 1775 — см. № 558.

514. Нигпарт И. А. Опыт статистики затруднительных случаев правописания, показывающий, сколько раз и какие затруднительные случаи правописания попадаются на сто слов диктанта. Нижний Новгород, 1877, 110 стр.

515. Никифоров В. О правилах, потерявших практическое значение, 1. — Учит. газ., 30 окт. 1954.

516. Николаев Б. Н. В защиту русской письменной речи. (По поводу упрощения русского правописания). Пг., 1918, 42 стр.

517. Николаева Т. М. [Рец.]. М. В. Панов. И все-таки она хорошая. Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964. — РЯНШ, 1964, № 3, стр. 88—92.

518. Николич И. Выдержки из словаря В. И. Даля. — ФЗ, 1874, вып. 6, стр. 24—28; 1875, вып. 3, стр. 8—11; 1876, вып. 2, стр. 1—6.

Содержит критику принятого в словаре правописания.

519. Новаковский В. И. Высший курс русской грамматики. СПб., 1872. О членораздельных звуках или буквах и о разных их переменах в составе слов, стр. 15—26.

520. Новаковский В. И. Заметка о русском правописании. — ФЗ, 1872, вып. 1—2, стр. 1—18.

521. Новаковский В. И. Заметки по поводу «Филологических разысканий» академика Грота. — ЖМНП, 1874, ч. 172, апр., отд. 2, стр. 410—421.

522. Новаковский В. И. Орфографическая заметка. — ЖМНП, 1870, ч. 150, авг., отд. 3, стр. 249—251.

523. Новаковский В. И. Яркие факты насущной потребности. — ФЗ, 1873, вып. 1, стр. 1—5.

Содержит предложение о написании двойных согласных в заимствованных словах (стр. 2).

524. Новая тяжба о букве ъ. — Лит. газ., 1830, т. 1, № 22, стр. 174—177.

См. также: Маяк, 1842, т. 4, кн. 8, гл. 5, стр. 64—75.

525. Новое правописание и школа. — Родн. яз. в школе, 1917—1918, № 2—3 (сен.— окт.), стр. 97—103.

О ходе проведения реформы правописания, о случаях противодействия ей. Приводится ряд откликов на реформу из разных мест.

526. Новое руское писімо или упрошчонное правописаніе. [Пб., 1914], 4 стр. («К обновленіiу русково слова». Листок первоі. 1914. 1. 9).

Возможный автор — П. Е. Стоян (см. приложение, № 81).

527. Новые усовершенствованные литеры для русского алфавита, или удобнейшее средство учиться чтению и письму русскому, даже и иностранцам, приспособленное вместе к изучению всех европейских алфавитов, с приложением некоторых исторических замечаний о употреблении букв у древних и новых народов. М., 1833, 37+VI стр.

528. О мягком и твердом знаках. — Учит. газ., 2 февр. 1955.

Подборка статей; авторы: П. Ивченков, С. Ленченко.

529. О правописании двойных согласных. Обзор писем читателей. — Учит. газ., 16 февр. 1955.

530. О правописании частиц *не* и *ни*. Обзор писем читателей. — Учит. газ., 5 янв. 1955.

531. Об упрощении русского правописания. — Историч. вестник, 1902, май, стр. 792—793.

Сообщение о совещании об охране чистоты русской речи в «Русском собрании» 29 марта. Изложение замечаний А. С. Будиловича о проекте Московского педагогического общества об упрощении правописания.

532. Обзор поступивших в редакцию корреспонденций по вопросам правописания. — РЯШ, 1955, № 2, стр. 23—31.

533. Обзор статей и писем по вопросам правописания. — РЯШ, 1964, № 4, стр. 106—111.

534. Обнорский С. П. Вопросы современной русской орфографии.— Сов. педагогика, 1944, № 11—12, стр. 28—35.

535. Обнорский С. П. Задачи Орфографической комиссии. — РЯШ, 1954, № 5, стр. 17—19.

536. Обнорский С. П. Об установлении единой орфографии и пунктуации русского языка. — Учит. газ., 11 окт. 1939.

537. Обнорский С. П. [Рец.]. Орфографический словарь русского языка. М., 1956. — ИАН ОЛЯ, 1957, т. 16, вып. 4, стр. 366—369.

538. Обнорский С. П. Орфография и язык. — РЯШ, 1936, № 2, стр. 3—4.

539. Обнорский С. П. Основные принципы орфографической нормализации. — РЯШ, 1939, № 5-6, стр. 5—13.

540. Обнорский С. П. Правописание наречий и наречных сочетаний. — РЯШ, 1954, № 6, стр. 17—19.

541. Обнорский С. П. Русское правописание и язык в практике издательств. — Изв. АН СССР, 7-я серия, 1934, № 6, стр. 455—483.

*542. Обсуждение предложений по усовершенствованию орфографии. — Сов. педагогика, 1964, № 11, стр. 147—151.

Сообщение об обсуждении в Президиуме АПН РСФСР.

543. Объяснительная записка к сводам орфографических и пунктуационных правил. М., 1937 (?), 20 стр.

Относится к проекту свода 1936_2 (см. № 720). Сост. Д. Н. Ушаков и А. А. Реформатский. 1-я редакция. (Сведения сообщены А. А. Реформатским).

544. Объяснительная записка к сводам орфографических и пунктуационных правил. М., 1937, 16 стр.

Относится к проекту свода 1936_2 (см. № 720). Сост. Д. Н. Ушаков и А. А. Реформатский. 2-я (сокращенная) редакция. (Сведения сообщены А. А. Реформатским).

545. Обыденный М. Е. Употребление частиц *не* и *ни*. — ФЗ, 1896, вып. 5—6, стр. 1—12.

Содержит орфографический материал.

546. Огиенко И. И. Где писать два *н*, а где одно. Пособие для учащих, учащихся и самообразования. Киев, 1913, 115 стр.

*547. Одинокая Ц. Г., Дисская Н. А., Бухарина Д. А., Шехонина А. Д. Усовершенствование нужно, но... — Учит. газ., 10 окт. 1964.

548. Ожегов С. И. Об упорядочении русской орфографии. — РЯШ, 1954, № 5, стр. 41—43.

549. Ожегов С. И. Русская орфография. — Огонек, 1957, № 10, стр. 28—29.

550. Ожегов С. И. Упорядочение русской орфографии. — Вестник АН СССР, 1957, № 1, стр. 30—38.

551. Ольденбург Ф. Ф. Современное положение вопроса о реформе русского правописания. Тезисы к докладу, 2 стр. — Извещение о заседаниях Тверского общественно-педагогич. кружка 3 марта 1910[1].

552. [Опоков З. З.]. З. О-в. Несколько слов об «орфографических» словарях гг. Алексеева и Сеславина. — ФЗ, 1901, вып. 4—5, стр. 1—18.

553. [Опоков З. З.] З. О-в. По поводу некоторых неустановившихся случаев русского правописания. — ФЗ, 1900, вып. 1, стр. 1—12; 1901, вып. 6, стр. 1—20; 1902, вып. 1, стр. 21—33; 1903, вып. 3, стр. 1—16.

554. Опоков З. З. Несколько возражений рецензенту по поводу отзыва о «Русском орфографическом словаре» З. Опокова. Киев, 1907, 20 стр.

555. Опоков З. З. Несколько замечаний о существующих русских орфографических словарях. Киев, 1904, 27 стр.

Разбор орфографических словарей П. А. Ромашкевича, С. Н. Алексеева, Д. Н. Сеславина, «Словаря русского языка, составленного вторым отделением Императорской Академии наук», в орфографическом отношении (ср. № 552).

556. Опоков З. З. Орфографические заметки по поводу некоторых неустановившихся случаев русского правописания. Киев, 1904, 60 стр.

Незначительно измененная серия статей в ФЗ, 1900—1903 (см. № 553).

557. Опоков З. З. Русский орфографический словарь. Киев, 1903, 200 стр.

Включает лишь общеупотребительные слова, представляющие затруднение в правописании.

558. Опыт о языке вообще и о российском языке. — Собрание новостей, 1775, окт., стр. 58—79. (Перед заглавием: Следующее сочинение сообщено нам из Ярославля, от неизвестного сочинителя).

Стр. 74—76. О некоторых буквах и правописании.

559. Оральников Н. Опыт статистического анализа развития орфографических навыков у учащихся. — РЯСШ, 1929, № 1, стр. 102—118.

560. Оральников Н. Орфографическое правило и грамотность. (Экспериментальное исследование). — РЯСШ, 1931, № 1, стр. 90—102.

561. Оральников Н. Поверочные и бесповерочные написания в письме школьника. — РЯСШ, 1930, № 3, стр. 86—92.

562. Орехов В. И. Об упрощении русской орфографии. — РЯШ, 1963, № 2, стр. 89—90.

563. Орлов В. Ф. О желательных изменениях в орфографии и пунктуации. — РЯШ, 1955, № 1, стр. 43—44.

564. Орлова В. Г. Историческое освещение некоторых вопросов русской орфографии. — Уч. зап. Марийского гос. пед. ин-та за 1942 г., т. 3. Козьмодемьянск, 1943, стр. 241—267.

565. Орфографические правила для наборщиков и корректоров. С приложением словаря сомнительных и трудных слов. М.—Л., 1929, 30 стр.

---

[1] Описано по экземпляру, находящемуся в архиве Ф. Ф. Фортунатова (Архив АН СССР).

В конце дается предупреждение, что словарь в гранках будет разослан специалистам для проработки, а потом поступит в Наркомпрос на утверждение.

566. Орфографические правила для наборщиков и корректоров. М., 1931, 26 стр.

Добавлен раздел: Некоторые дополнения и разъяснения к «Технико-орфографическим правилам», принятым ГИЗом в 1927 г. (см. № 798).

567. Орфографический словарь русского языка. 110 000 слов. Под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро. М., 1956, 1260 стр.

То же. Изд. 5, исправленное и дополненное. Около 104 000 слов. Под ред. С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро. М., 1963, 1040 стр.

568. Орфографический справочник. Составлен Орфографической комиссией при Академии наук СССР. Проект. Корректура. М., 1936, 180 стр.

569. Орфографический технический справочник. Пособие для литературных правщиков, машинисток, наборщиков и корректоров издательства и типографии «Известий ЦИК СССР и ВЦИК». М., 1930, 40 стр.

570. [О с т о л о п о в Н. Ф.] Н. О. Письмо к издателю Благонамеренного. — Благонамеренный, 1822, ч. 18, № 18, стр. 190—194.

Против употребления буквы ѳ.

571. [О с т о л о п о в Н. Ф.] Фома А н т и ф и т и н. Письмо к издателю. — Благонамеренный, 1820, ч. 10, № 8, стр. 136—140.

Против употребления буквы ѳ.

Отзыв АН о проекте 1930 г. — см. № 290.

572. Отклики печати на орфографическую реформу. — Родн. яз. в школе, 1917—1918, № 4—5 (нояб.—дек.), стр. 143—150.

573. П. Г. О русском правописании. — Север, 1889, № 4.

574. П а в с к и й Г. П. Филологические наблюдения протоиерея Г. Павского над составом русского языка. Первое рассуждение. («О простых и сложных звуках, служащих основанием русскому слову, и о письменном их изображении»). СПб., 1841, 148 стр. Второе рассуждение. СПб., 1842, стр. 74—75, 216—217 (отдельные орфографические рекомендации). Изд. 2 — 1850.

Панов М. В. 1954 — на основании № 833.

575. [П а н о в М. В.]. Графика. Орфография. — В кн.: Бунина М. С., Василенко И. А., Кудрявцева И. А., Панов М. В. Современный русский язык. Сборник упражнений. М., 1956, стр. 86—109. Изд. 2—1961.

576. П а н о в М. В. И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964, 168 стр.

577. П а н о в М. В. О дефисных написаниях. (Замечания к предложениям проф. А. А. Реформатского). — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 150—154.

578. П а н о в М. В. О правописании глагольных окончаний. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 125—128.

*579. П а н о в М. В. О силе привычки. Изв., 1964, № 244, 246.

580. П а н о в М. В. О слитных и раздельных написаниях. — В кн.: Вопросы русской орфографии. М., 1964, стр. 100—119.

581. П а н о в М. В. Об усовершенствовании русской орфографии. — ВЯ, 1963, № 2, стр. 81—93.

На стр. 83—84 излагаются предложения Института русского языка.

582. П а н о в М. В. Письмо (графика, орфография). — В кн.: Русский язык и советское общество. Проспект. (Материалы Всесоюзной конференции, посвященной закономерностям развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху). Алма-Ата, 1962, стр. 91—94.

583. П а н ф и л о в В. М. О букве *ё*. — РЯШ, 1963, № 4, стр. 84—85.

584. П а т ы н к о Г. А. Правописание иностранных слов с удвоенными согласными в русском языке. — Научные зап. Днепропетровского гос. ун-та, 1940, т. 21. Сборник студенческих работ, вып. 1, стр. 171—193.

585. Паульсон И. И. Методика грамоты по историческим и теоретическим данным. Ч. 2. СПб. 1892., Письменное означение членораздельных звуков, буквы и их сочетания (графика). Орфография и орфоэпия и их взаимное отношение, стр. 158—192.
586. Первов П. Д. О переносе слов. — Родн. яз. в школе, 1915—1916, № 6 (янв.), стр. 241—250; № 7 (февр.), стр. 300—306.
587. Первов П. Д. Упрощение русского правописания. Издание редакции журнала «Педагогический листок». М., 1918, 24 стр.
588. Первов П. Д. Упрощение русского правописания. — Родн. яз. в школе, 1917—1918, № 2—3 (сент.—окт.), стр. 87—92.
589. Первое совещание по вопросу об упрощении русской орфографии. — Учитель, 1862, т. 2, № 6, стр. 265—269.
590. [Первое совещание по вопросу об упрощении русской орфографии]. — Сев. почта, 1862, № 65.
591. Переверзев И. А. Краткие правила российского правописания из разных грамматик выбранные; и по свойству украинского диалекта для употребления малороссиянам дополненные в Харькове. [М., 1782], 48 стр. Изд. 2 — 1787.
Перевлесский П. М. 1862 — на основании № 648.
592. Перевлесский П. М. Практическая орфография с предварительными к ней замечаниями, составленная Петром Перевлесским, старшим учителем Ярославской гимназии. М., 1842, 232 стр.
Перельман Я. И. 1930 — на основании № 462.
593. Песков В. Об упорядочении орфографии. — РЯШ, 1964, № 3, стр. 100.
594. Петерсон М. Н. К вопросу о рационализации методики обучения орфографии. — В кн.: Вопросы преподавания русского языка в школах взрослых. Труды Всероссийской конференции преподавателей-словесников школ политпросвета 1928 г. Под ред. И. В. Устинова. Вып. 1. [М.], 1928, стр. 45—49.
595. Петерсон М. Н. К вопросу о рациональной методике обучения орфографии. — Родн. яз. в школе, 1927, № 5, стр. 175—180.
596. Петерсон М. Н. Русский язык. Пособие для преподавателей. М.—Л., 1925. Фонетика, III. Главнейшие особенности русской орфографии, стр. 16—18.
597. Петерсон М. Н. Система русского правописания. М., 1955, 108 стр.
598. Петропавловский М. Ф. К вопросу правописания: *-аго* или *-ого*? — ФЗ, 1888, вып. 6, стр. 4—5.
599. Петрученко О. А. К вопросу о русском правописании. — РФВ, 1905, т. 54, пед. отд., стр. 37—39.
600. Пешковский А. М. Зачем нужен учет орфографических ошибок? — РЯСШ, 1929, № 4, стр. 78—95. См. также в кн.: Пешковский А. М. Избр. труды. М., 1959, стр. 192—214 (под названием: Цели и методы учета орфографических ошибок).
601. Пешковский А. М. Правописание и грамматика в их взаимоотношениях в школе. — Родн. яз. в школе, 1924, кн. 6, стр. 78—87. — См. также в кн.: Пешковский А. М. Избр. труды, М., 1959, стр. 63—73.
602. Пешковский А. М. Реформа или урегулирование? — РЯШ, 1930, № 3, стр. 93—110.
603. Платонов Е. Как писать сложные слова. — Учит. газ., 22 сент. 1954.
*604. Пленкин Н. Продуманно и обстоятельно.— Учит. газ., 1 окт. 1964.
605. По вопросу об упрощении орфографии. — Учитель, 1862, т. 2, № 17, стр. 885—892; № 18, стр. 936—944.
Публикация писем и статей, полученных редакцией. Содержание: 1. Ризников. Попытка не шутка, спрос не беда (перепечатка из № 30 «Кронштадтского вестника»); 2. В совещательное собрание по вопросу

об упрощении русской орфографии (без подписи); 3. Письмо за подписью: Федор Леднин; 4. Письмо без подписи; 5. О русской азбуке (без подписи); 6. Иосиф Сикачивский. Упрощение русской азбуки; 7. Карл Горегляд-Вылаский. Замечания на помесченную в Русском вестнике 1862 года в июле месяце статью Я. Грота под заглавием: По поводу толков о правописании; 8. Письмо за подписью: А. Шевляков.

606. Поварской Ю. Проста ли русская орфография? — Природа и люди, 1911, № 12, стр. 197—199.

607. [Подшивалов В. С.] Сокращенный курс российского слога, изданный Александром Скворцовым. М., 1796. Гл. 3. О правописании, стр. 13—22.

608. Подшивалов В. С. Чтение и письмо.— Труды об-ва любителей российской словесности при имп. Московском ун-те, 1816, ч. 5, стр. 82—112.

Посмертная публикация с предисловием и послесловием за подписью: А. Прокоп. Антонский.

609. Поливанов Е. Д. К вопросу о заглавных буквах. — Культура и письменность Востока. Сб. Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита. Кн. 1. М., 1928, стр. 91—95.

610. Поливанов Е. Д. К десятилетию орфографической реформы. — Родн. яз. в школе, 1927, № 5, стр. 180—189.

611. Поливанов Е. Д. О трех принципах построения орфографии. — Вопросы орфографии дунганского языка. Фрунзе, 1937, стр. 59—71.

612. Поливанов Е. Д. Своевременна ли реформа орфографии? — Новая жизнь, 1917, № 44.

613. [Поливанов Е. Д.] Удовлетворительно ли разрешен вопрос упрощения письма новой русской орфографией? — Учитель, 1917, № 2—3 (нояб.—дек.), стр. 16—21.

614. Полонский А. З., Ремез Г. А. В помощь газетному работнику. Пособие для литературных правщиков, машинисток, наборщиков и корректоров. М., 1929 или 1930, 48 стр.

615. Полья П. Письмо в редакцию. — РЯШ, 1962, № 6, стр. 94.

О трудностях, которые бы причинила иностранцам отмена ь после шипящих; о необходимости употреблять букву ё.

616 Попов В. И. Проект упрощения русского правописания. — Родн. яз. в школе, 1916—1917, № 2—3 (сент.—окт.), стр. 74—80.

*617. Поспелов Г. Н. Ложные принципы. — РЯШ, 1964, № 6, стр. 14—17.

618. Постановления Орфографической подкомиссии. СПб., 1912, 10 стр.

619. Постановления Совещания по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 г. — Изв. Российской Академии наук. 6-я серия, 1917, № 15, 1 нояб., стр. 1183—1187.

620. Потапов С. М. К вопросу об усовершенствовании русской орфографии. — РЯШ, 1963, № 5, стр. 80—82.

621. Потебня А. А. [О написании *не* с глаголами]. — В кн. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. II. Составные члены предложения и их замены в русском языке. Харьков, 1874, стр. 253. Изд. 2. — 1888. Переиздано в 1958 г.

622. Потебня А. А. Орфографическая заметка. — ФЗ, 1875, вып. 6, стр. 8—9.

Стр. 9—10 — примечание редакции.

623. Потерин И. И. Об упрощении русского правописания. — РЯШ, 1963, № 3, стр. 80—83.

624. Правила единой орфографии и пунктуации. С приложением краткого словаря. 2-я ред. Проект. М., 1939, 136 стр. (Составлено рабочей подкомиссией, выделенной из состава Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка, учрежденной постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 10 июля 1939 г.).

625. Правила единой орфографии и пунктуации. С приложением краткого словаря. Проект. М., 1940, 152 стр. (Составлено Комиссией по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка, учрежденной постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 10 июня 1939 г.).

626. Правила русской орфографии и пунктуации. [Проект]. На правах рукописи. М.—Л., 1947, 136 стр. (Академия наук Союза ССР. Министерство просвещения РСФСР).

627. Правила русской орфографии и пунктуации. [Проект]. На правах рукописи. М.—Л., 1948, 142 стр. (Институт русского языка Академии наук СССР. Министерство просвещения РСФСР).

628. Правила русской орфографии и пунктуации. [Проект]. На правах рукописи. М., 1951, 183 стр. (Институт языкознания Академии наук СССР. Министерство просвещения РСФСР).

629. Правила русской орфографии и пунктуации. Проект. М., 1955, 188 стр. (Институт языкознания Академии наук СССР. Министерство просвещения РСФСР).

630. Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956, 176 стр. Изд. 2 — 1962.

631. Практика газетной корректуры. В помощь газетному корректору, правщику и работникам фабрично-заводской и районной печати. Л., 1932. Технико-орфографические правила, стр. 53—74.

632. Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии. СПб., 1904, 16 стр.

Предложения Института русского языка 1962 — см № 581.

Предложения Ленинградского лингвистического общества 1931 — см. № 669.

Предложения Педагогического отделения русского литературного кружка в Риге 1902 — см. № 901.

633. Предложения по усовершенствованию русской орфографии. М., 1964, 64 стр. (Отделение литературы и языка АН СССР. Институт русского языка. Комиссия по усовершенствованию русской орфографии).

Перепечатаны с незначительными редакционными уточнениями: Изв., 1964, № 228, 229; Учит. газ., 24 сент. 1964; РЯНШ, 1964, № 6.

*634. Предложения по усовершенствованию русской орфографии. — Нач. школа, 1964, № 11, стр. 86—90.

Излагается проект 1964 г. с некоторыми комментариями.

Предложения Яфетического института 1931 — см. № 290.

Приказ наркома просвещения РСФСР 1942 — на основании № 132.

635. Продуманно решать вопросы правописания. (К итогам дискуссии). — РЯШ, 1964, № 5, стр. 106—110.

Проект 1930 — см. № 636, 637.

Проект $1930_{ж}$ — см. № 638.

Проект 1964 — см. № 633.

636. Проект Главнауки о новом правописании. Сборник. Статьи о принципах реформы орфографии и пунктуации. Постановления Комиссии Главнауки. Комментарии. Образцы текстов по новому правописанию. Библиография. С предисловием редакции «За коммунистическое просвещение». Сост. Н. Кременский и В. Мамонов. Под ред. Г. Данилова и Г. Костенко. М., 1930, 92 стр.

Проект Казанского педагогического общества 1902 — см. № 112.

Проект Московского педагогического общества 1901 — см. № 699 (отдельные пункты первоначального варианта даны на основании № 96, 380).

Проект Одесского педагогического общества 1903 — см. № 285.

637. Проект реформы правописания. Под ред. К. Бархина, Г. Костенко и И. Устинова. М.—Л., 1930, 64 стр. (Сектор науки Наркомпроса РСФСР. Издание официальное).

638. Проект реформы правописания. — РЯСШ, 1930, № 1, стр. 151—155.

Тот же текст напечатан: Учит. газ., 6 февр. 1930 г. Этот вариант проекта отличается в некоторых пунктах от варианта, опубликованного в отдельных брошюрах (см. № 636, 637).

Проект свода 1936$_1$ *— см. № 721.*

Проект свода 1936$_2$ *— см. № 720.*

Проект свода 1939$_1$ *— см. № 722.*

Проект свода 1939$_2$ *— см. № 624.*

Проект свода 1940 — см. № 625.

Проект свода 1947 — см. № 626.

Проект свода 1948 — см. № 627.

Проект свода 1951 — см. № 628.

Проект свода 1955 — см. № 629.

639. Пронина И. В. Обучение орфографии в связи с развитием речи учащихся. М., 1955, 15 стр. (Автореферат канд. дисс. Научно-исследовательский ин-т методов обучения АПН РСФСР).

640. Протокол заседания Совещания по вопросу об упрощении русского правописания 11 (24) мая 1917 г. (1-е приложение к протоколу VII заседания общего собрания Академии наук 13 мая 1917 г. к § 161). — Протоколы заседаний общего собрания Российской Академии наук, 1917, стр. 189—202.

641. Протокол первого заседания Комиссии по вопросу о русском правописании, состоявшегося 12 апреля 1904 г. СПб., 1905, 67 стр.

Включает выступления: Ф. Ф. Фортунатова (стр. 9—14), П. Н. Сакулина (стр. 14—31), Е. Ф. Будде (стр. 31—36 и 53), Р. Ф. Брандта (стр. 36—41), М. И. Михельсона (стр. 41—43), А. С. Будиловича (стр. 43—45), А. П. Кулаковского (стр. 45—47), Ф. Е. Корша (стр. 47—49 и 57—58), Н. В. Волкова (стр. 49—53), Н. К. Кульмана (стр. 53—54) и др. Приложение к протоколу: Особое мнение профессора А. С. Будиловича, стр. 63—67. Извлечения из протокола см.: Правительственный вестник, 1904, № 101, 102.

642. Протокол 6-го (11-го) заседания 12 марта 1912 г. — В кн.: Краткий обзор деятельности пед. музея военно-учебных заведений за 1911—1912 гг. (Сорок второй обзор). Вып. III. Деятельность отдела русского языка учебно-воспитательного комитета. СПб., 1914, стр. 46—50.

Изложение доклада Н. К. Кульмана «О трудах Орфографической подкомиссии при императорской Академии наук». Прения по докладу. Постановление по докладу (сочувствие трудам Комиссии по упрощению орфографии).

643. Протоколы Подкомиссии по транскрипции географических наименований, состоящей при Картографической комиссии императорского русского географического общества. № 1—5 (С 25 мая 1904 по 22 апреля 1906 г.). СПб., 1905—1906 (На правах рукописи).

Председатель комиссии — Ю. М. Шокальский; в комиссию входили И. А. Бодуэн де Куртенэ и А. А. Шахматов.

*644. Протченко И. Ф. Обсуждение «Предложений по усовершенствованию русской орфографии», [1]. — ВЯ, 1964, № 6, стр. 17—21.

645. Протченко И. Ф., Суперанская А. В. Прописные буквы. (Проект правил). — В кн.: Проблемы современного русского правописания. М., 1964, стр. 131—140.

646. Прядкин С. Н. Историческое и фонетическое правописание требует существования в русской азбуке буквы *ѣ*. — ФЗ, 1900, вып. 3, стр. 11—20.

647. [Пузыревский А. И.] А. П. К вопросу об азбучной реформе. — Пед. сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений, 1892, нояб., стр. 393—406.

648. Пятое совещаніе по вопросу об упрощеніі орфографіі. — Учитель, 1862, т. 2, № 9, стр. 400—403.

649. [Пятое совещание по вопросу об упрощении русской орфографии]. — Сев. пчела, 1862, № 124.

650. Р. Вопрос об упрощении орфографии. — Лит. вестник, 1904, т. 7, кн. 3, стр. 54—72.

Перепечатка ряда материалов, относящихся к деятельности Орфографической подкомиссии. Включает также: Отклики печати по вопросу об упрощении правописания (обширные библиографические справки).

*651. Рабина С. Верить чувству грамотности. — Учит. газ., 10 окт. 1964.

652. Радченко К. Ф. Новейшие проекты реформы русской орфографии и мнения, высказанные по поводу их в печати нашими учеными. Нежин, 1910, 35 стр.

653. Разумовская М. М. Грамматический анализ при обучении орфографии. (Пособие для учителя). М., 1962, 76 стр.

654. Разыграев В. И. Справочный указатель спорных написаний в русской орфографии. СПб., 1887, 117 стр.

655. Резолюции, принятые съездом по второй и третьей секциям. II. По вопросу об упрощении русского правописания. — В кн.: Первый всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы в Москве 27 дек. 1916 г.—4 янв. 1917 г., М., 1917, стр. 57.

О том, что нужно ускорить проведение реформы, подготовленной комиссией Академии наук.

656. Реформа русского правописания. — ЖМНП, 1917, новая серия, ч. 71, сент., отд. 3, стр. 18—26.

Краткая история подготовки реформы. Сокращенный текст циркуляра министерства народного просвещения от 22 июня 1917 г. о порядке проведения реформы орфографии. (Полный текст циркуляра см. в том же номере журнала, стр. 41—43).

657. Реформатский А. А. Буква *ё*. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 28—32.

658. Реформатский А. А. Введение в языковедение. Пособие для учительских институтов. М., 1947. Гл. 5. Письмо, стр. 122—138.

659. Реформатский А. А. Введение в языкознание. Учебное пособие для педагогических институтов. М., 1955. Гл. 5. Письмо, стр. 274—297. [Изд. 2] — 1960.

660. Реформатский А. А. Дефис и его употребление. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 146—150.

661. Реформатский А. А. Лингвистика и полиграфия. — Письменность и революция, сб. 1. М.—Л., 1933, стр. 42—58.

662. Реформатский А. А. Методические указания и руководство по современному русскому языку для студентов-заочников. Изд. Лит. ин-та ССП. На правах рукописи. М., 1950. Алфавит, графика, орфография, стр. 40—47.

663. Реформатский А. А. Орфография собственных имен. — В кн.: Орфография собственных имен. М., 1965, стр. 5—10.

664. Реформатский А. А. Практическая транскрипция иноязычных собственных имен. — ИАН ОЛЯ, 1960, т. 19, вып. 6, стр. 529—534.

665. Реформатский А. А. Техническая редакция книги. Теория и методика работы. Под ред. Д. Л. Вейса. М., 1933. Перед заглавием: А. А. Реформатский при участии М. М. Каушанского. Гл. 9, § 6. Орфография рукописи, стр. 219—224.

666. Реформатский А. А. Упорядочение русского правописания.— РЯШ, 1937, № 1, стр. 63—70; № 6, стр. 76—84; 1938, № 1, стр. 93—101.

667. Решетников М. М. Упрощение или усложнение? — РЯШ, 1962, № 5, стр. 99—100.

668. Ржига Ф. В. По вопросу о реформе правописания. — РФВ, 1904, т. 51, пед. отд., стр. 18—20.

669. Роде Н. Ленинградское общество изучения и преподавания языка

и словесности. (Русская секция в 1929 и 1930 гг.). — РЯСШ, 1931, № 4, стр. 190—194.

На стр. 192—193 дается изложение доклада Л. В. Щербы «Проект реформ орфографии по работам Ленинградского лингвистического общества».

670. Рождественский Н. С. Грамотность в старой и новой школе. — РЯШ, 1929, № 4, стр. 127—129.

671. Рождественский Н. С. Дифференциация значений средствами орфографии. — Уч. зап. Московского гос. пед. дефектологич. ин-та 1941, т. 1, каф. русск. яз. и лит-ры, стр. 99—131.

672. Рождественский Н. С. К характеристике современной русской орфографии. — РЯШ, 1936, № 3, стр. 52—67.

673. Рождественский Н. С. Краткий очерк истории русского правописания. — В кн.: Шапиро А. Б. Русское правописание. М., 1951, стр. 160—198.

674. Рождественский Н. С. М. В. Ломоносов в истории русской орфографии. — РЯШ, 1937, № 1, стр. 47—62.

675. Рождественский Н. С. Метод сопоставлений в занятиях по орфографии. — Русск. яз. и лит-ра в ср. школе, 1935, № 4, стр. 26—37.

676. Рождественский Н. С. Об учете орфографической грамотности. — РЯШ, 1940, № 2, стр. 80—85.

677. Рождественский Н. С. Обучение орфографии в начальной школе. Пособие для учителей. М., 1949, 307 стр.

То же, изд. 2, переработанное. М., 1960, 295 стр.

678. Рождественский Н. С. Очередные проблемы методики орфографии. — Вопросы лингвистики и методики русского языка. Вып. 1. Методические записки в помощь словеснику средней школы. М., 1934, стр. 51—76.

679. Рождественский Н. С. Противопоставление как одно из свойств морфологического правописания. — РЯШ, 1946, № 3—4, стр. 37—49.

680. Рождественский Н. С. Свойства русского правописания как основа методики его преподавания. М., 1960, 304 стр.

681. Рождественский Н. С. Слитное и раздельное написание слов. — Уч. зап. каф. русск. яз. Московского гос. пед. ин-та, 1938, вып. 2, стр. 63—106.

682. Рождествин А. С. О правописании по Гроту. — ФЗ, 1898, вып. 1, стр. 1—6.

683. Рождествин А. С. Упрощение русского правописания. Казань, 1908, 17 стр.

*684. Розенталь Д. Э. Взвесим «за» и «против». — РЯШ, 1964, № 6, стр. 17—19.

685. Розенталь Д. Э. Вопросы русского правописания. М., 1962, 158 стр.

686. Розенталь Д. Э. К вопросу о правописании сложных слов. — В кн.: Вопросы русской орфографии. М., 1964, стр. 23—36.

687. Розенталь Д. Э. О реформе русского правописания. — РЯНШ, 1964, № 2, стр. 3—13.

688. Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою академиею. СПб., 1802. Ч. I. О правописании, гл. 1—5, стр. 1—31. Изд. 3 — 1819. Основной составитель этой грамматики П. С. Соколов (см. указания Я. К. Грота).

Между изд. 1 и 2—3 есть незначительные расхождения (главным образом в порядке следования параграфов).

689. Российское правописание, с примечаниями из лучших сочинителей. М., 1815, 56 стр.

690. Российское правописание, с примечаниями, из лучших сочинителей избранное. М., 1922, 41 стр.

Содержит небольшие изменения по сравнению с № 689.

691. Руднев А. Г. К усовершенствованию русской орфографии. — РЯШ, 1963, № 2, стр. 77—79.
692. Рукавишников С. С. Изучение устаревшего правописания приводит к снижению грамотности. — РЯШ, 1962, № 5, стр. 98—99.
693. Румянцев В. В., Хмельков А. М. О проекте «Правил единой орфографии и пунктуации». — Уч. зап. Северо-Осетинского гос. пед. ин-та, т. 2 (15), вып. 1. Орджоникидзе, 1940, стр. 84—102.
694. Рязанцевский. Дальнейшие упрощения русской азбуки. — Родн. яз. в школе, 1925, сб. 8, стр. 96—98.
695. Сазонова И. К. Обсуждение «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» в издательстве «Советская энциклопедия».— РЯШ, 1964, № 6, стр. 49—51.
696. Сакулин П. Н. Акад. Ф. Е. Корш о русском правописании. — Курьер, 1902, № 165.
697. Сакулин П. Н. Важный шаг. — Русск. ведомости, 1917, № 123.
698. Сакулин П. Н. Вопрос об упрощении русской орфографии. — Вестник воспитания, 1904, № 6, стр. 116—164.
699. [Сакулин П. Н.] Доклад Педагогического общества, состоящего при императорском Московском университете, по вопросу об упрощении русской орфографии. — Вопросы воспитания и обучения. Труды пед. об-ва, состоящего при имп. Московском ун-те, 1. М., 1901, стр. 3—42.
700. Сакулин П. Н. Ложная тревога. (Ответ кн. С. Н. Трубецкому).— Курьер, 1901, № 130.
701. Сакулин П. Н. Насущная реформа. — Дело народа, 1917, № 57.
702. Сакулин П. Н. Необходимая справка. — Новая школа, 1918, № 1, стр. 21—23.
Разъяснение по поводу «Русского правописания» Я. К. Грота в связи с решением совещания 11 мая 1917 г.
703. Сакулин П. Н. Несколько слов кн. С. Н. Трубецкому. — Курьер, 1901, № 150.
704. Сакулин П. Н. Новое правописание и школа. — Русск. ведомости, 1917, № 206.
705. Сакулин П. Н. Новое русское правописание. М., 1917, 16 стр.
706. Сакулин П. Н. Новый фазис в истории орфографического вопроса. — Русск. ведомости, 1904, №№ 140, 141.
707. Сакулин П. Н. Об упрощении русского правописания. — В кн.: Первый Всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы в Москве 27 декабря 1916 г.—4 января 1917 г. М., 1917, стр. 51—52.
Краткие тезисы доклада, прочитанного на съезде.
708. Сакулин П. Н. Орфографические страхи. — Русск. ведомости, 1917, № 147.
709. Сакулин П. Н. Ответ критику доклада об упрощении русской орфографии. — ЖМНП, 1902, ч. 342, авг., отд. 4, стр. 53—62.
710. Сакулин П. Н. Проект упрощения русской орфографии. — Курьер, 1901, № 149.
711. Сакулин П. Н. Реформа русского правописания. Пг., 1917, 69 стр.
712. Сакулин П. Н. Язык и правописание. — Русь, 1904, № 129.
713. Самбикина М. Создать устойчивые нормы письменной речи. — Учит. газ., 20 окт. 1954.
714. Санжаров Л. Н. Реформировать и упрощать разумно. — РЯШ, 1963, № 4, стр. 86—87.
*715. Санжаров Л. Н. Снова исключения? — Учит. газ., 6 окт. 1964.
716. Санкина Г. Н. О русском правописании. — РЯШ, 1964, № 3, стр. 107—108.
717. Сахаров В. И. О состоянии орфографической грамотности в школе II ступени. — Родн. яз. и лит-ра в трудовой школе, 1928, № 2, стр. 107—

124 (Доклад на конференции словесников) и 143—146 (Заключительное слово).

718. Светов В. П. Краткие правила по изучению языка российского, с присовокуплением кратких правил российской поэзии, или науки писать стихи, собранные из новейших писаний в пользу обучающегося юношества, Василием Световым. М., 1790. Ч. 1. О правописании, стр. 10—28.

719. [Светов В. П.] Опыт нового российского правописания, утвержденный на правилах российской грамматики и на лучших примерах российских писателей. СПб., 1773, 42 стр. Изд. 2 — 1787.
Свод 1956 — см. № 630.

720. Свод орфографических правил. 2-я ред. Проект. М., 1936, 84 стр. (Составлено Орфографической комиссией при Ученом комитете языка Наркомпроса с изменениями, принятыми Объединенной орфографической комиссией при Академии наук в Ленинграде 12—17 июня 1936 г. и на заседании Комиссии по упорядочению правописания 1 октября 1936 г. под председательством А. С. Бубнова).

721. Свод орфографических правил. Составлен Орфографической комиссией при Ученом комитете литературы и языка Наркомпроса РСФСР. Проект. М., 1936, 86 стр. (Состав Орфографической комиссии: Д. Н. Ушаков (председатель), А. А. Реформатский, М. В. Сергиевский, А. М. Сухотин, А. Б. Шапиро).

722. Своды орфографических и пунктуационных правил. Проект. М., 1939. 96 стр. (Составлено рабочей подкомиссией, выделенной из состава Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка, учрежденной постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 10 июля 1939 г.).

723. Седьмое орфографическое совещание. — Учитель, 1863, т. 3, № 2, стр. 95—98.

724. Селиванов П. А. К вопросу об упрощении русского правописания. — Русск. школа, 1904, № 4, стр. 181—198; № 5—6, стр. 230—267; № 7—8, стр. 202—230.

Подробный разбор книги Л. Ф. Воеводского (см. № 175) в сравнении с «Русским правописанием» Я. К. Грота.

*725. Сельвинский И. Л. В глобус землю втиснуть хотят. . . — Лит. Россия, 1964, № 44.

726. Семенихин В. П. Анашэм письме. — РЯШ, 1964, № 3, стр. 109.

727. Семенов А. В. Полный указатель русского правописания. Вып. 1. М., 1862, 54 стр.

*728. Семушкин Т. З. Не проще, а хуже. — Изв., 1964, № 248.

729. [Сенковский О. И.] Брамбеус. [Рец. на кн.: К. М. Кадинский. Преобразование и упрощение русского правописания. СПб., 1857]. — Сын отечества, 1857, № 32, стр. 753—756. См. также в кн.: Листки барона Брамбеуса. СПб., 1858, ч. 2, стр. 630—641.

730. [Сенковский О. И.] [Рец.]. Грамматические уроки русского языка Димитрия Каширина, старшего учителя Пинского Дворянского училища, нравственно-политических наук действительного студента. М., 1835. — Библиотека для чтения, 1835, т. 11, ч. 2, № 2, отд. 6, стр. 33—35. См. также кн.: Собр. соч. Сенковского (барона Брамбеуса), т. 9. СПб., 1859, стр. 365—368.

Содержит замечания об употреблении прописных букв.

731. Сергиевский М. В. О передаче иностранных фамилий и имен в русском языке. — В кн.: Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина, сб. 2. М., 1928, стр. 212—227.

*732. Серебрякова Г. И. Осторожно! — Лит. газ., 8 окт. 1964.
Серова Ю. П. 1955 — на основании № 532.

733. Синдицкий А. Р. О совершенствовании русского правописания. — РЯШ, 1963, № 6, стр. 85—86.

734. Сиренко А. А. Об употреблении буквы ё. — Уч. зап. Стерлитамакского гос. пед. ин-та, 1963, вып. 12. Серия фолологич., № 2, стр. 83—99.

735. Скандовский Н. Законно ли не допускать учеников в университет за две или три грамматические ошибки? — Голос, 1872, № 162.

О разнобое в практике печати и в рекомендациях грамматик.

736. Скобликова Е. С. К изучению орфографии в вузе и семинарах учителей. Куйбышев, 1959, 22 стр.

737. Скокова Л. И. Несколько слов против ломки орфографии. — РЯШ, 1964, № 2, стр. 91—93.

*738. Скорнякова М. С отдельными предложениями нельзя согласиться. — РЯШ, 1964, № 6, стр. 26.

739. Скороглядова О. В. Русская графика и орфография. — В помощь учителю русск. яз. в нерусск. школе. Баку, 1948, дек., стр. 3—11.

Словарь иностранных слов 1933 — см. приложение.

739а. Словарь к орфографическому справочнику. Составлен Орфографической комиссией при Академии наук СССР. Проект. М., 1936, 412 стр.

740. Словарь российской орфографии или правописания. М., 1813, 16 стр.

741. Служивов. Л. И. Справочник корректора. Практическое руководство для корректора, наборщика, редактора и автора. М., 1932. Главнейшие правила правописания, стр. 50—55.

*742. Смирин В. «Логика» упрощения и живая логика языка. — Лит. газ., 8 окт. 1964.

743. Смирнов А. И. Орфографические заметки. — РФВ, 1886, т. 15, стр. 181—188.

744. Смирнов А. И. Орфографические указатели и правила русского правописания. (Библиографические заметки). — РФВ, 1885, т. 14, стр. 170—209.

Разбор «Русского правописания» и «Филологических разысканий» Я. К. Грота и руководств П. Красногорского и В. И. Разыграева.

*745. Смирнова А. Хороший проект. — РЯШ, 1964, № 6, стр. 38.

746. Смирнова М. и др. [всего десять авторов]. Пора унифицировать орфографию и пунктуацию русского языка. — Учит. газ., 14 авг. 1954.

747. Соболев А. П. Критический обзор способов обучения правописанию. — Русск. школа, 1900, № 5—6, стр. 255—291; № 7—8, стр. 244—272; № 9, стр. 200—224; № 10—11, стр. 252—281. То же. Изд. журнала «Русская школа». СПб., 1900, 119 стр.

748. Соболевский А. И. Еще несколько орфографических разъяснений. — РФВ, 1886, т. 15, стр. 362—368.

749. Соболевский А. И. Нечто об орфографической реформе. (Письмо в редакцию). — Новое время, 1904, № 10104.

750. Соболевский А. И. [Рец.]. О рациональной передаче греческих и латинских слов в русской речи и письме. А. А. Иванова. Киев, 1881. — ЖМНП, 1882, ч. 222, авг., отд. 2, стр. 343—350.

751. Соболевский А. И. [Рец.] Орфографические заметки. Русское правописание. Руководство, составленное, по поручению второго отделения императорской Академии наук, академиком Я. К. Гротом. СПб., 1885. Два издания. — РФВ, 1885, т. 14, стр. 156—161.

752. Соболевский А. И. Упрощение русской орфографии. — Вестник и библиотека самообразования, 1904, № 21, стб. 811—814.

753. Собрание преподавателей русского языка в Педагогическом музее В. У. З. 11—20 февраля. — Женское образование, 1886, № 2, стр. 159—160.

Изложение основных положений доклада В. Я. Стоюнина «Об изменениях в русской орфографии».

754. Соколов Б. М. Упрощение правописания. М., 1917, 40 стр.

755. Соколов В. И. Опыт систематизации звуков нашей речи и проект реформы гражданской азбуки. М., 1909, 40 стр.

756. Соколов Д. Н. Руководство к правописанию, заключающее в себе практические замечания о правильном употреблении слов в разговоре и письме. С присовокуплением ошибок против русского языка, делаемых русскими в разговоре и письме, расположенных в алфавитном порядке. СПб., 1851, 55 стр.

757. Соколов Л. Изменять ли орфографию? — Просвещение Сибири. Новосибирск, 1929, № 12 (69), стр. 77—80.

758. Соколова М. А. К предстоящей реформе орфографии. — РЯШ, 1964, № 1, стр. 95—96.

759. Соломоновский И. С. Несколько заметок по поводу «Филологических разысканий» акад. Грота. Т. II, 1876. — ФЗ, 1880, вып. 1, стр. 112—116.

*760. Солоницын Ю., Балыбердин А. Наши замечания. — Учит. газ., 1 окт. 1964.

761. Солосин И. И. Орфография и язык. — РЯШ, 1937, № 1, стр. 71—75.

762. Сорокин К. А. Упросчонная руская азбука. I. Правопiсаніе. Изд. 2. Пб., 1907, 16 стр. (Изд. 1 см. № 763).

763. Сорокин К. А. Упрощённая русская азбука і правопiсаніе Константіна Александровіча Сорокіна. СПб., 1903, 40 стр.

764. Сорочинский П. Г. Проект новой системы азбуки, орфографии и грамматики. Варшава, 1903, 60 стр.

*765. Спасокукоцкий А. Берегите русский язык. — Лит. газ., 1 окт. 1964.

766. Срезневский И. И. О русском правописании. Письмо 1. — ЖМНП 1867, ч. 134, май, отд. 2, стр. 449—480.

767. Срезневский И. И. [Рец.]. О согласовании правописания с произношением г. Барановского. — ИОРЯС, 1854, т. 3, вып. 7, стр. 297—298.

768. Сталтмане В. Э. Раздельное, слитное и дефисное написание собственных названий. — В кн.: Орфография собственных имен. М., 1965, стр. 44—80.

769. Степович А. Беглые грамматические заметки. — ФЗ, 1883, вып. 4, стр. 33—47.

Содержит орфографические предложения.

770. Степович А. Русское правописание. (Заметка по поводу книги академика Я. К. Грота). — Женское образование, 1885, № 5, стр. 359—367.

771. Степович А. Чем должно быть наше правописание, наукой или искусством? (Еще по поводу книги академика Грота «Русское правописание»). — Женское образование, 1886, № 1, стр. 26—33.

Стоюнин В. Я. 1862 — на основании № 589, 590, 648, 649, 723, 963, 964.

772. Стоюнин В. Я. О русской азбуке. — Ведомости С.-Петербургской городской полиции, 1852, № 242, 243.

773. Студенский А. О. Корректурно-грамматический, или корректорский список. СПб., 1870, 200 стр. См. также в кн.: Логико-грамматические и философско-ноологические этюды. Сб. отдельных брошюр А. О. Студенского. Т. 1. СПб., 1875.

774. Студенский А. О. Корректурный список. 700 слов, наиболее требующих одинакового начертания. СПб., 1869, 52 стр. См. также в кн.: Логико-грамматические и философско-ноологические этюды. Сб. отдельных брошюр А. О. Студенского. Т. 1. СПб., 1875.

775. Суворовский А. М. Лингвистические казусы. — Труды Ярославского пед. ин-та, 1929, т. 3, вып. 1. Литературно-лингвистич. сборник, стр. 47—49.

Анализ некоторых диалектных орфографических ошибок.

776. Суворовский А. М. Распад орфографии. — На путях к новой школе, 1927, № 12, стр. 8—16.
777. Сумароков А. П. К типографским наборщикам. — Полн. собр. соч., ч. 6. М., 1781, стр. 326—334. Изд. 2 — 1787. Впервые опубликовано: Трудолюбивая пчела, 1759, ч. 1, май, стр. 263—275[1].
778. Сумароков А. П. Наставление ученикам [1771—1773]. — Полн. собр.соч., ч. 10. М., 1782, стр. 51—54. Изд. 2 — 1787.
779. Сумароков А. П. О правописании [1771—1773]. — Полн. собр. соч., ч. 10. М., 1782, стр. 3—39. Изд. 2 — 1787.
780. Сумароков А. П. Примечание о правописании [1771—1773]. — Полн. собр. соч., ч. 10. М., 1782, стр. 40—50. Изд. 2 — 1787.
781. Суперанская А. В. Написание заимствованных слов в современном русском языке. — В кн.: Проблемы современного русского правописания. М., 1964, стр. 69—100.
782. Суперанская А. В. Об одной ошибке в написании географических названий. — Вопросы культуры речи, 1959, вып. 2, стр. 163—167.
783. Суперанская А. В. Орфографические казусы. — Вопросы культуры речи. 1959, вып. 2, стр. 225—226.
784. Суперанская А. В. Прописная и строчная буква в собственных именах разных категорий. — В кн.: Орфография собственных имен. М., 1965, стр. 25—43.
785. Суперанская А. В. Ромштекс. — Вопросы культуры речи, 1964, вып. 5, стр. 189—191.

Рассматривается вопрос о написаниях *ромштекс* и *рамштекс*.

786. [Супрун А. Е.] А. С. Об одном излишнем орфографическом исключении. — Уч. зап. филологич. фак-та Киргизского гос. ун-та, вып. 5. Славянский сборник, I. Фрунзе, 1958, стр. 178—179.
787. [Супрун А. Е.] А. С. Ъ в орфографической практике В. И. Ленина. — Уч. зап. филологич. фак-та Киргизского гос. ун-та, вып. 4. Фрунзе, 1957, стр. 237.
788. Сухомлинов М. И. [Из «Истории Российской Академии»]. — Сб. ОРЯС, 1878, т. 19, № 1, стр. 307—317; 1880, т. 22, № 1, стр. 38—40; 1882, т. 31, № 3, стр. 357—361; 1885, т. 37, № 1, стр. 196—199, 278—279, 291—300; 1888, т. 43, № 4, стр. 245—247.

О деятельности В. П. Светова и др.

789. Сухомлинов М. И. [Из «Отчета Отделения русского языка и словесности за 1879 год»]. — Зап. Императорской Академии наук, 1881, т. 37, стр. 153—156. См. также: Сб. ОРЯС, 1881, т. 21, № 7, стр. 12—15.

О деятельности Я. К. Грота; о гонениях на лишние буквы.

790. Таблицы к сводам орфографических и пунктуационных правил. М., 1937, 30 стр.

Относится к проекту свода 1936_2 (см. № 720).

791. Теверовская Р. Упрощение орфографии. — Родн. яз. в школе, 1926, сб. 10, стр. 53—61.
792. Текучев А. В. Значение грамматики при обучении орфографии. — Русск. яз. и лит-ра в ср. школе, 1934, № 4, стр. 20—25.
793. Текучев А. В. Методика преподавания русского языка в средней школе. Учебник для высших педагогических учебных заведений. М., 1958. Методика обучения орфографии, стр. 263—381.
794. Текучев А. В. Обучение орфографии с учетом особенностей местного диалекта. М.—Л., 1948, 299 стр.
795. Текучев А. В. Основы методики орфографии в условиях местного диалекта. Под ред. акад. С. П. Обнорского. М., 1953, 384 стр.
796. Текучев А. В. Что такое диалектные орфографические ошибки. — РЯШ, 1948, № 5, стр. 21—26.

[1] Эти сведения, как и датировка №№ 778—780, сообщены П. Н. Берковым.

*797. Теленкова М. А. Несколько замечаний по вопросам русской орфографии. — РЯШ, 1964, № 6, стр. 26—28.

798. Технико-орфографические правила. М.—Л., 1927, 32 стр.

799. Технико-орфографический словарь-справочник. Под ред. Н. Филиппова. Л., 1933. Орфографический справочник. Орфографический словарь, стр. 67—208.

Тимаев Н. М. 1856, 1860 — см. приложение.

800. Тимофеев Н. Частицы *не, ни* и *нѣ* в русском языке; их значение, употребление и правописание. — ФЗ, 1902, вып. 4, стр. 25—33; вып. 5, стр. 33—72.

801. Типографщик. Поправка к статье о ъ, ь и *й*. — Книжный вестник, 1860, № 7—8, стр. 52—54.

802. Типографщик. Ъ и ь с типографской и издательской точки зрения. — Книжный вестник, 1860, № 3—6, стр. 32—33.

803. Тихомиров В. В. Новая русская народная азбука. Вильна, 1904, 58 стр.

Включает приложение: Разбор предварительного сообщения Орфографической подкомиссии, стр. 28—54.

804. Тихомиров Д. Неуспешность в обучении правописанию. — Учебно-воспитательная библиотека, т. 2. М., 1878, отд. 3, стр. 19—59.

805. Тихомиров Д. Основы обучения правописанию. — Учебно-воспитательная библиотека, т. 2. М., 1878, отд. 3, стр. 59—90.

806. Толмачев А. И., Васильев В. Н., Федоров А. А., Ильин М. М. Как писать русское название рода Larix? — Ботанич. журнал, 1958, т. 43, № 8, стр. 1233—1234.

807. Томашевский В. К реформе правописания. — Жизнь для всех, 1918, № 4—6, стр. 443—447.

808. Томсон А. И. К теории правописания и методологии преподавания его в связи с проектированным упрощением русского правописания. Одесса, 1903, 168 стр. См. также: Летопись историко-филологич. об-ва при имп. Новороссийском ун-те, XI. Педагогическое отд., I. Одесса, 1904, стр. 75—242.

809. Томсон А. И. Необходима реформа не правописания, а преподавания правописания. Одесса, 1905, 40 стр.

810. Томсон А. И. Реформа в ущерб грамотности и правописанию. Одесса, 1904, 36 стр.

811. Топоров А. М. Долой балласт! (К вопросу упрощения правописания). — Просвещение Сибири. Новосибирск, 1929, № 9 (66), стр. 92—98; № 10 (67), стр. 93—98.

*812. Торпусман Б. Н. Проект слишком радикален. — РЯШ, 1964, № 6, стр. 39.

813. Тошьян С. Б. Упрощение правописания облегчит нерусским изучение русского языка. — РЯШ, 1963, № 4, стр. 76—78.

814. Тредиаковский В. К. Об окончании прилагательных имен целых, мужеского рода, множественного числа, и о двух некоторых разностях, до правописания принадлежащих [1746; с добавлениями 50-х годов]. — Зап. Императорской Академии наук, 1866, т. 8, кн. 2, приложение 7, стр. 102—116.

В работе: Пекарский П. П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. Гл. 26. Мнения Тредиаковского и Ломоносова о правописании прилагательных во множественном числе. Глава содержит комментарий к публикуемой работе Тредиаковского.

815. Тредиаковский В. К. Разговор между чужестранным человеком і Россійскім об ортографіі старінной і новой і о всем что пріналлежіт к сей матеріі. СПб., 1748, 460 стр. См. также: Соч., т. 3. СПб., 1849, стр. 1—316.

816. Третье і четвёртое совещанія по вопросу об упрощеніі русской орфографіі. — Учитель, 1862, т. 2, № 8, стр. 344—347.

817. [Третье совещание по вопросу об упрощении русской орфографии]. — Сев. пчела, 1862, № 97.
818. Тропин Г. К вопросу о новом упрощении правописания, 1. — Просвещение Сибири. Новосибирск, 1930, № 1 (70), стр. 111—114.
819. Трофимов В. А. К вопросу о реформе правописания. (С соблюдением «Постановлений Орфографической подкомиссии» 1912 г.). — Учитель и школа, 1914, № 7 (апр.), стр. 11—24.
820. Трофимов В. А. Основные положения реформы правописания. (С соблюдением «Постановлений Орфографической подкомиссии» 1912 г.). — Учитель и школа, 1914, № 21—22 (нояб.), стр. 1—15.
821. Трофимов В. А. Современный русский литературный язык. Фонетика. Графика. Л., 1957. Графика. Орфография, стр. 104—127.
822. Трояновский В. Против упрощенчества. — Учит. газ., 4 сент. 1954.
*823. Тудоран А., Пеку В. Зачем это? — Учит. газ., 10 окт. 1964.
824. Тукумцев Г. Р. Звуки и буквы. — РЯШ, 1938, № 4, стр. 10—27.
825. Тулов М. А. О малорусском правописании. — ФЗ, 1879, вып. 4—5, стр. 1—23.
Содержит рассуждения о принципах правописания.
826. Тулов М. А. Об элементарных звуках человеческой речи и русской азбуке. Пособие для обучающих русской грамоте. Киев, 1874, 76+18 стр.
То же. Изд. 2. Киев, 1881, 84+26 стр.
*827. Тхоржевский С. Стою твердо за «мягкий знак». — Лит Россия, 1964, № 41.
*828. Тырин И. Лучше построить несколько химических заводов! — Лит. Россия, 1964, № 41.
*829. Тюрина Л. По поводу «Предложений по усовершенствованию русской орфографии». — РЯШ, 1964, № 6, стр. 31—32.
830. Уаров М. И. Как реформировать орфографию. — Полиграфич. производство, 1930, № 2, стр. 44—46.
831. Угрюмов А. А. Несколько мыслей о реформе русской орфографии. — РЯШ, 1963, № 4, стр. 89—90.
*832. Удалов В. Если уж мести, так чисто. — Лит. газ., 26 сент. 1964.
833. Упорядочить правописание наречий. Обзор писем читателей. — Учит. газ., 11 дек. 1954.
834. Упрощение русского правописания и возражения против него. — Родн. яз. в школе, 1914—1915, № 1 (авг.), стр. 19—24.
О докладе П. Н. Сакулина на Всероссийском съезде по народному образованию; возражения против реформы в книге В. В. Данилова «Русский язык в высшем начальном училище». СПб., 1914.
835. Усердов А. А. Две трудности в правописании глаголов. — РЯСШ, 1929, № 6, стр. 141—149.
*836. Успенский Л. В. Наконец-то! — Неделя, 1964, № 39.
*837. Успенский Л. В. Странное и непривычное станет привычным и обычным. — Лит. газ., 10 окт. 1964.
838. Успенский М. К пониманию основного принципа русской орфографии. — В кн.: Тези доповідей VI звітної наукової конференції інституту. Секція історичних, філологічних наук і музикознавства, 29—30 вересня 1964 р. Дрогобич, 1964, стр. 34—39.
839. Успенский Н. В. Затруднительные случаи в русском правописании с объяснением грамматических правил. Изд. 2., исправленное и дополненное. СПб., 1876, 52 стр. (изд. 1 см. № 840).
840. Успенский Н. В. Справочная книжка по русскому правописанию с объяснением грамматических правил. Киев, 1875, 50 стр.
841. Устинов И. В. Реформа русского правописания 1917 года осталась незавершенной. — Учит. газ., 19 окт. 1929.

*842. Устинов И. В. и др. [всего восемь авторов]. За разумное усовершенствование орфографии — против грубых искажений морфологической системы и звукового строя русского языка. — РЯШ, 1964, № 6, стр. 19—23.

843. Ухов А. Д. В интересах школы. — Учит. газ., 2 окт. 1954.

844. Ухов А. Д. За действительное упорядочение и упрощение орфографии. — РЯШ, 1955, № 1, стр. 31—34.

845. Учитель. Заметки к вопросу об упрощении русского правописания. — Народное образование, 1904, т. 2, кн. 12, стр. 576—605.

846. Ушаков Д. Н. [Рец.]. В. И. Соколов. Опыт систематизации звуков нашей речи и проект реформы гражданской азбуки. М., 1909. — РФВ, 1910, т. 64, стр. 393—395.

847. Ушаков Д. Н. За единое русское правописание. — Ферганская правда, 30 окт. 1939.

848. Ушаков Д. Н. Новое правописание. Постановления Совещания при Академии наук об упрощении русского правописания. Указания Министерства народного просвещения по вопросу о проведении нового правописания в жизнь. Образцы нового правописания. М., 1917, 15 стр.

849. Ушаков Д. Н. Нужна ли дальнейшая реформа орфографии? — Учит. газ., 23 апр. 1927.

850. Ушаков Д. Н. О современном русском правописании. — Большевистская печать, 1937, № 2—3, стр. 16—18.

851. Ушаков Д. Н. О современном состоянии орфографии. — Материалы совещания преподавателей русск. яз. и лит-ры ср. школы. Март—апрель 1935. М., 1935, стр. 23—25.

852. Ушаков Д. Н. Орфографический словарь. Для начальной и средней школы. М., 1934, 240 стр.
То же, изд. 6, исправленное и дополненное. М., 1944, 196 стр. Начиная с изд. 6 перед заглавием авторы: Д. Н. Ушаков и С. Е. Крючков.
То же. Изд. 7, исправленное и дополненное. М., 1951, 190 стр.
То же. Изд. 13. М., 1957, 208 стр. Изд. 20 — 1964. Изд. 13 основано на «Правилах русской орфографии и пунктуации», 1956 г.

853. Ушаков Д. Н. По поводу статьи т. Теверовской. — Родн. яз. в школе, 1926, сб. 10, стр. 61—64.

854. Ушаков Д. Н. Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе. М., 1911, 102 стр.
То же. Изд. 2, дополненное. М., 1917, 116 стр.

855. Ушаков Д. Н. Чем не закончена реформа правописания? (По поводу статьи В. П. Вахтерова). — Вестник просвещения, 1923, № 7—8, стр. 18—25.

Ушаков Д. Н. и Крючков С. Е. — см. № 852.

856. Ушаков М. В. Грамматика и правописание. — РЯСШ, 1931, № 2—3, стр. 125—143.

857. Ушаков М. В. Еще раз о принципах нашего правописания. — Русск. яз. и лит-ра в ср. школе, 1935, № 4, стр. 38—41. См. также: В помощь школе. Саранск, 1936, № 1—2, стр. 39—44.

858. Ушаков М. В. Зрительно-двигательное запоминание при усвоении правописания. — РЯСШ, 1930, № 5, стр. 106—112.

859. Ушаков М. В. К вопросу о так называемой «какографии». — РЯШ, 1947, № 1, стр. 55—57.

860. Ушаков М. В. К изучению правописания числительных. — РЯШ, 1961, № 1, стр. 39—42.

861. Ушаков М. В. К реформе орфографии. — РЯСШ, 1930, № 4, стр. 102—110.

862. Ушаков М. В. Методика правописания. Пособие для учителей неполной средней школы. М., 1936, 128 стр.
То же. Изд. 2, переработанное. М., 1941, 124 стр.
То же. Изд. 3, переработанное. М.—Л., 1947, 166 стр.

То же. Изд. 4, переработанное и дополненное. М., 1959, 256 стр.
863. Ушаков М. В. Научно-лингвистические основы методики обучения правописанию. — РЯСШ, 1930, № 2, стр. 108—120.
864. Ушаков М. В. Об обозначении мягкости согласных. (О сочетаниях согласных, в которых не пишется ь). — РЯШ, 1963, № 4, стр. 32—34.
865. Ушаков М. В. Обучение орфографии в средней школе. М., 1950, 176 стр.
866. Ушаков М. В. Орфография и диалектология. — РЯШ, 1936, № 2, стр. 14—18.
867. Ушаков М. В. Правописание *ё—е—о* после шипящих. М., 1957, 46 стр.
868. Ушаков М. В. Правописание *ё(е)* — *о* после шипящих в корне. — РЯШ, 1955, № 4, стр. 31—33.
869. Ушаков М. В. Правописание приставок *пре-* и *при-*. — РЯШ, 1937, № 1, стр. 84—92.
870. Ушаков М. В. Сомнительные согласные. — РЯШ, 1938, № 5—6, стр. 122—131.
871. Ушаков М. В. Трудные случаи орфографии. — РЯШ, 1939, № 3, стр. 47—49.
872. Ушаков М. В. Учимся годы, читаем всю жизнь. — РЯШ, 1963, № 6, стр. 78.
873. Фалев И. О грамматике и орфографии на рабфаках. — Родн. яз. в школе, 1925, сб. 8, стр. 92—96.
874. Фатов Н. Н. О правописании и произношении. (В порядке постановки вопроса). — Родн. яз. в школе, 1927, кн. 1, стр. 235—242.
875. Фессалоницкий С. А. О правописании слов с корнем *ровн—равн*. — Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та, 1956, т. 9, Педагогические науки, стр. 39—44.
876. Фигаровская Ю. А. За реформу орфографии на морфологической основе. — РЯШ, 1963, № 6, стр. 86—88.
877. Фигуровский И. А. Радикально упростить орфографию. — РЯШ, 1962, № 5, стр. 96—98.
878. Филиппов Н. Н. Технико-орфографический справочник для корректоров. М.—Л., 1939. I. Орфографический справочник. II. Орфографический словарь, стр. 9—234. Спорные вопросы нашей орфографии. Вместо послесловия, стр. 288—295.
879. Филипов П. Абаш или рациональный букварь. Опыт улучшения и сокращения азбуки и букв для скорописи и печати. Одесса, 1898, 24 стр.
880. Филиппов Т. Грамматическая заметка. — ЖМНП, 1871, ч. 65, май, отд. 3, стр. 23—33.
О необходимости сохранения ъ.
881. Филиппова Л. Е. Некоторые предложения об изменении написания русских слов. — РЯШ, 1962, № 6, стр. 92—94.
882. Фита или Ферт? Еще открытое письмо к академику Гроту. (По поводу 2-го изд. «Русского правописания»). — Семья и школа, кн. 2, 1885, т. 1—2, стр. 430—455.
883. Фита или Ферт? Открытое письмо академику Я. К. Гроту. — Пед. хроника. Еженедельное прибавление к журналу «Семья и школа», 1885, № 12—13, стб. 185—189.
По поводу руководства «Русское правописание».
884. Флеров А. П. Основы русского правописания. (Опыт систематического изложения). — Пед. сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. СПб., 1905, апр., стр. 437—458.
885. Флеров А. П. Родной язык в школе и зло современного правописания. — Пед. сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. СПб., 1903, сент., стр. 191—208; окт., стр. 310—330; нояб., стр. 418—436.

886. Флеров В. А. Поверженный Молох. — Пед. изв., М., 1917, № 3—4, стр. 11—22.

*887. Фоменко Ю. О правилах употребления парных гласных букв в русском письме. — РЯШ, 1964, № 6, стр. 29—30.

888. Фомин Д. Н. Затруднительные случаи русского правописания. — ФЗ, 1901, вып. 1—2, стр. 1—16; вып. 4—5, стр. 17—44.

889. Фомин Д. Н. Нужна ли буква «ять»? — ФЗ, 1900, вып. 3, стр. 1—11.

*890. Фомичева Г. А. В Президиуме Академии педагогических наук РСФСР. — РЯШ, 1964, № 6, стр. 47—49.

Фортунатов Ф. Ф. 1904 — см. № 641.

891. Францев В. А. С ером или без него? (Архивная справка). — РФВ, 1905, т. 53, стр. 34—35.

892. Фрумкина Р. М., Ходорович Т. С. Некоторые количественные оценки предполагаемой реформы орфографии. — РЯНШ, 1964, № 2, стр. 15—20.

893. Фурманн. Простые беседы. — Ведомости С.-Петербургской городской полиции, 1852, № 213, 226.

Хабаров К. А. — см. Яковлев П. Л.

*894. Хаймашева Ж. Проще — значит лучше. — Сов. Россия, 9 окт. 1964.

895. Харламов М. Какой способ обучения правописанию надо признать. — ФЗ, 1909, вып. 6, стр. 1—17.

896. Харченко И. Нужен академический словарь. — Учит. газ., 20 окт. 1954.

897. Херувимов А. Правописание причастных форм в русском и славянском языке. — ФЗ, 1898, вып. 5, стр. 15—16.

898. Хованский А. А. Взгляд на правописание вообще. — ФЗ, 1860, вып. 1, стр. 38—66.

Содержание: Движение правописания. Необходимость и важность его. Отчего оно затруднительно? Разница между разговорным языком и письменным. Разноречия и нововведения в правописании.

899. Хованский А. А. К вопросу о русском правописании. — ФЗ, 1872, вып. 5, стр. 1—12.

900. Хованский А. А. [Рец.]. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. Филологическое разыскание Я. К. Грота. СПб., 1873. — ФЗ, 1873, вып. 2, стр. 1—40; вып. 5, стр. 1—12.

901. Ходатайство об упрощении русского правописания. — Прибалтийский край, 1902, № 14. См. также: Лит. вестник, 1902, т. 3, кн. 2, стр. 248—251.

Излагаются предложения Педагогического отделения русского литературного кружка в Риге.

902. Ходорович Т. С. Сравнение количественных оценок двух предложений по упорядочению передачи ‹о› после шипящих на письме. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 113—117.

903. Хомизури П. И. Смысловое значение знака дефис в геологической терминологии. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 154—156.

904. Хомутов Я. С. «Кустарная революция» в нашей орфографии. — Полиграфич. производство, 1929, № 2, стр. 27—28.

905. Хомутов Я. С. Новый полный справочный орфографический словарь для корректоров, наборщиков, выпускающих и литературных работников. Под ред. В. И. Гречанинова. Изд. 2, исправленное. М., 1929. 431 стр. Изд. 1 см. № 907.

906. Хомутов Я. С. Новый полный справочный орфографический словарь для корректоров, наборщиков, выпускающих и литературных

работников. Под ред. В. И. Гречанинова. Дополнение ко второму изданию. М., 1930, 60 стр. (На правах рукописи).

907. Хомутов Я. С. Новый справочный орфографический словарь для корректоров, выпускающих и литературных работников. Под ред. В. И. Гречанинова. М., 1927, 468 стр.

Повторение, в дополненном и исправленном виде, словаря «100 000 слов, сомнительных в правописании. . .» (М., 1911), вышедшего под псевдонимом «Группа корректоров» (см. № 908).

908. [Хомутов Я. С.] 100 000 слов, сомнительных в правописании. Новый орфографический словарь. Составлен группою корректоров по Я. К. Гроту и другим, под общей ред. В. Гречанинова. М., [1911], 432 стр. Изд. 2 — [б. г.].

909. Цапукевич З. В. Графика и орфография. — В кн.: Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И., Цапукевич В. В. Современный русский язык. [Учебник для вузов]. М., 1961, стр. 98—115. Изд. 2 — 1964.

910. Цветкова Л. Ф. Логический анализ правил правописания частицы *не* с существительными, прилагательными и наречиями. — В кн.: Логико-грамматические очерки. М., 1961, стр. 237—243.

911. Черкасова Е. Т. О правописании производных предлогов. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 98—109.

912. Черных П. Я. К вопросу о новом упрощении правописания, 2. — Просвещение Сибири. Новосибирск, 1930, № 1 (70), стр. 114—115.

913. Чернышев В. И. [Рец.]. А. И. Томсон. К теории правописания и методологии преподавания его в связи с проектированным упрощением русского правописания. Одесса, 1903. — ЖМНП, 1903, ч. 349, окт., отд. 2, стр. 414—420.

914. Чернышев В. И. [Рец.]. З. Опоков. Русский орфографический словарь. Киев, 1903 . —Русск. школа, 1905, № 3, отд. 2, стр. 29—30.

915. Чернышев В. И. Заметки о языке и орфографии Г. И. Успенского. — В кн.: Глеб Успенский. Материалы и исследования, I. М.—Л., 1938, стр. 493—516.

916. Чернышев В. И. Замечания о языке и правописании А. С. Пушкина. (По поводу академического издания). — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 6. М.—Л., 1941, стр. 433—461.

917. Чернышев В. И. Из истории русского правописания. — ИОРЯС, 1906, т. 11, кн. 4, стр. 1—48.

Содержание: Характер русского правописания. Правописание первой напечатанной в России книги: «Апостола» 1071—72 года, «Уложения Алексея Михайловича» и «Ведомостей» Петровского времени. Как писали установители нашей орфографии: Ломоносов и Карамзин. Правописание Пушкина по печатным текстам его сочинений, изданных при его жизни. Заключение.

918. Чернышев В. И. Мнение академика А. И. Соболевского об упрощении русского правописания. — Образование, 1904, № 12, отд. 2, стр. 72—80.

919. Чернышев В. И. [Рец.]. Н. П. Гиляров-Платонов. Экскурсии в русскую грамматику. М., 1904. — Русск. школа, 1905, № 4, отд. 2, стр. 30—33.

920. Чернышев В. И. Отрицание *не* в русском языке. Материал для Словаря русского языка. Л., 1927, XI+98 стб. (Приложение к 1-му выпуску 8-го тома «Словаря русского языка», издаваемого вторым отделением АН СССР).

Содержит орфографический материал.

921. Чернышев В. И. Письма о старой и новой орфографии. СПб., 1904, 18 стр.

922. Чернышев В. И. Русское правописание и народные говоры. — Калужский вестник, 1898, № 8.

923. Чернышев В. И. Упрощение правописания и обучение правописанию. — В кн.: Дневник 1-го Всероссийского съезда по семейному воспитанию. 2-го янв. 1913 г., № 2. СПб., 1913, стр. 13—14.

Тезисы доклада, прочитанного на съезде.

924. Чернышев В. И. Упрощение русского правописания. I. Современное состояние русского правописания. II. Исторический очерк вопроса об его упрощении. СПб., 1904, 76 стр.

То же. Изд. 2, дополненное. СПб., 1912, 96 стр. Изд. 3 — 1913.

925. Чернышев В. И. Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов — реформаторы русского правописания. (По материалам архива Академии наук СССР и личным воспоминаниям). — В кн.: А. А. Шахматов. 1864—1920. Сборник статей и материалов. Под ред. акад. С. П. Обнорского. М.—Л., 1947, стр. 167—252.

926. Чернышев В. И. Я. К. Грот и его критики. Письмо в редакцию.— Русск. школа, 1905, № 3, стр. 223—224.

927. [Четвертое совещание по вопросу об упрощении русской орфографии]. — Сев. пчела, 1862, № 111.

928. [Четыркин И.] И. Ч-н. Как следует писать окончание род. пад. прилагательных на *-ой*: *-ого* или *-аго*? — ФЗ, 1887, вып. 3—4, стр. 8—9.

929. Чехов Н. В. Методика обучения чтению и письму и новое правописание. — РЯСШ, 1930, № 5, стр. 120—126.

*930. Чешко Л. А. Будет ли лучше? — Учит. газ., 22 окт. 1964.

*931. Чикнаверов Г. Дорогие новшества. — Изв., 1964, № 234.

*932. Чистяков В. О «Предложениях по усовершенствованию русской орфографии». — РЯНШ, 1965, № 1, стр. 75—77.

933. Чистяков В. Об исключении «исключений». — Учит. газ., 4 сент. 1954.

934. Чмелев П., Подшивайлова М., Бирюлина Н. Назревший вопрос, 2. — Учит. газ., 17 нояб. 1954.

935. Чудовский В. За букву *ѣ*. — Аполлон, 1917, № 4—5, стр. V—VIII.

936. Чуриловский Н. Ф. Поправки к современному русскому правописанию. СПб., 1912, 28 стр.

*937. Шагинян М. С. Не включаясь в спор. — Лит. газ., 22 окт. 1964.

938. Шагинян М. С. Тяп да ляп. (Письмо в редакцию). — Русск. воля, 1917, № 155.

Статья направлена против реформы правописания.

939. Шанская Т. В. О категории рода имен существительных и орфографии. — РЯШ, 1963, № 2, стр. 95—97.

940. Шанский Н. М. Замечания по академическому своду «Правил русской орфографии и пунктуации». — РЯШ, 1954, № 6, стр. 25—29.

941. Шанский Н. М. Правописание наречий. — В кн.: Вопросы русской орфографии. М., 1964, стр. 43—50.

942. [Шапиро А. Б.] А. Ш. Орфография. — Большая советская энциклопедия, т. 43. М., 1939, стб. 412—414.

943. Шапиро А. Б. Вопросы русской графики и орфографии. . . — ИАН ОЛЯ, 1951, т. 10, вып. 3, стр. 257—268.

944. Шапиро А. Б. [Выступление на Объединенной научной сессии ОЛЯ АН СССР и АПН РСФСР. . .]. — Изв. АПН РСФСР, 1951, вып. 39, стр. 110—112.

О проекте единого орфографического свода.

945. Шапиро А. Б. Еще раз о нашей орфографии. — РЯШ, 1958, № 4, стр. 91—99.

946. Шапиро А. Б. Замечание критикам. — Лит. газ., 9 авг. 1956.

По поводу правила об употреблении букв *ы* и *и* после приставок в своде 1956 г.

947. Шапиро А. Б. К вопросу о написании сложных прилагательных. — В кн.: Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова. М., 1965, стр. 281.
948. Шапиро А. Б. Немаловажный вопрос. (К спорам о русском правописании). — ИАН ОЛЯ, 1962, т. 21, вып. 6, стр. 465—480.
949. Шапиро А. Б. О проекте правил русской орфографии и пунктуации. — РЯШ, 1954, № 4, стр. 38—48.
950. Шапиро А. Б. Орфография и графика русского языка. — В кн.: Современный русский язык. Морфология. (Курс лекций). Под ред. акад. В. В. Виноградова. М., 1952, стр. 494—519.
951. Шапиро А. Б. Орфография. Словарь. — В кн.: Шапиро А. Б. и Уаров М. И. Орфография, пунктуация и техника корректуры. Справочник для работников печати. М., 1933, стр. 5—45, 134—206.
952. Шапиро А. Б. Русское правописание. М., 1951, 200 стр.
Краткий очерк истории русского правописания (стр. 160—198) написан Н. С. Рождественским (см. № 673).
То же. Изд. 2, переработанное. М., 1961, 246 стр.
В отличие от изд. 1 включает раздел: Современная русская пунктуация. Очерка истории правописания в этом издании нет.
953. Шапиро А. Б. Современная русская орфография. — Русск. яз. в узбекской школе. Ташкент, 1961, № 2, стр. 3—20.
954. Шапиро А. Б. Упорядоченное русское правописание. К выходу «Правил русской орфографии и пунктуации». М., 1956, 38 стр.
955. Шапиро А. Б., Баскаков Н. А. Орфография. — Большая советская энциклопедия. Изд. 2, т. 31, [1955] стр. 247—248.
956. [Шахматов А. А.] По поводу реформы русского правописания. — Правительственный вестник, 1904, № 93.
Даются разъяснения в связи с началом работы комиссии Академии наук.
Статью подписали: Ф. Ф. Фортунатов (председатель комиссии), И. А. Бодуэн де Куртенэ, Р. Ф. Брандт, С. К. Булич, Ф. Е. Корш, П. Н. Сакулин, А. А. Шахматов (члены комиссии), Н. М. Каринский, Н. К. Кульман (кандидаты в члены комиссии). Авторство А. А. Шахматова установлено на основании свидетельства В. И. Чернышева (см. № 925).
957. Шахматов А. А. Audiatur et altera pars. (По поводу статьи г-на К. Л. М.). — Русь, 1904, № 147.
*958. Шевчик Н. Несколько слов о проекте новых правил орфографии. — РЯШ, 1964, № 6, стр. 39—40.
959. Шейн-Фогель А. К реформе орфографии. Открытое письмо всем педагогам по поводу изъятия некоторых букв из русского алфавита. Тифлис, 1904, 32 стр.
960. Шейн-Фогель А. К реформе орфографии или правописания русского языка. (С разбором русского алфавита). Тифлис, 1901, 14 стр.
961. Шереметевский В. П. К вопросу о «единообразии» в орфографии по поводу академического руководства «Русское правописание». М., 1891, 92 стр. См. также в кн.: Шереметевский В. П. Соч., М., 1897, стр. 236—311.
962. Шереметевский В. П. Об орфографии вообще и о письме под диктовку как упражнении элементарном в особенности [1883]. — Соч. М., 1897, стр. 1—34.
963. Шестое совещание по вопросу об упрощении орфографии. — Учитель, 1862, т. 2, № 13—14, стр. 607—610.
964. [Шестое совещание по вопросу об упрощении русской орфографии]. — Сев. пчела, 1862, № 144.
965. Шидловский А. По поводу некоторых нововведений в русском правописании в руководстве к правописанию академика Я. К. Грота. — РФВ, 1889, т. 22, пед. отд., стр. 60—69.
966. [Шишков А. С.] Нечто о правописании. — В кн.: Краткие записки, содержащие в себе разные примечания и суждения о языке и сло-

весности, издаваемые от Российской Имп. Академии. Кн. 2. СПб., 1835, стр. 70—96.

В «Библиографическом указателе литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 г.» (вып. 1) статья помещена как анонимная. Автор установлен по ссылке на собственную работу.

967. Шишков А. С. Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки. Разговор I. О правописании. — Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова, ч. 3. СПб., 1824, стр. 1—42.

968. Шишов П. О правилах, потерявших практическое значение, 2. — Учит. газ., 30 окт. 1954.

*969. Шкловский В. Б. Реформа правильна. — Лит. газ., 3 окт. 1964.

970. Шлезингер В. Справочная книга по русской орфографии, с приложением правил употребления знаков препинания и прописных букв и словаря трудных слов. М., 1872, 57 стр.

971. Шор Р. О. Орфография. — Лит. энциклопедия, т. 8. М., 1934, стб. 322—325.

972. Шор Р. О., Чемоданов Н. С. Введение в языковедение. Под общей ред. И. И. Мещанинова. М., 1945, § 84. Орфография и ее принципы, стр. 253—255.

Шпет Г. Г. 1916—1927 — см. приложение.

973. Шпринцин А. Г. О правописании геолого-географических названий. — Материалы по геологии и полезным ископаемым Северо-Востока СССР, вып. 12. Магадан, 1958, стр. 206—210.

974. Штармин М. Только ли школа виновата? — Новый мир, 1963, № 9, стр. 271—272.

Содержит предложение упростить правила написания двойных согласных.

975. Шубов Я. И. Некоторые особенности русской орфографии и транскрипции иностранных личных имен. — В кн.: Орфография собственных имен. М., 1965, стр. 21—24.

976. Шубов Я. И. О правописании сложных прилагательных. — РЯШ, 1959, № 6, стр. 52—56.

977. Шубов Я. И. Употребление букв *э, е* после согласных в заимствованных словах. — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, стр. 40—44.

*978. Шуртаков С. И. Упрощение. . . Не опрощение ли? — Лит. Россия, 1964, № 41.

*979. Щагина А. Будет легче. — Неделя, 1964, № 39.

980. Щелкунов М. Без прописных. Дискуссия. — Журналист, 1930, № 11—12, стр. 28—29.

981. Щенников Е. П. Значение трудов Я. К. Грота в истории русского правописания. Куйбышев, 1956, 16 стр. (Автореферат канд. дисс. Куйбышевский гос. пед. ин-т).

982. Щенников Е. П. О правилах переноса слов. — Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та, 1959, вып. 26, стр. 35—55.

983. Щенников Е. П. Орфография не виновата. — РЯШ, 1963, № 4, стр. 82—84.

984. Щепкин В. Н. К реформе русского правописания. — Русск. ведомости, 1904, № 267, 281.

Щерба Л. В. 1931 — см. № 290, 669.

985. Щерба Л. В. Безграмотность и ее причины. — Вопросы педагогики, 1927, вып. 2, стр. 82—87. См. также в кн.: Щерба Л. В. Избр. работы по русск. яз. М., 1957, стр. 56—62.

986. [Щерба Л. В.] Дополнения и поправки к «Русскому правописанию» Я. К. Грота со справочным указателем к нему. На правах рукописи. СПб., 1911, 46 стр.

987. Щерба Л. В. К вопросу о реформе орфографии. — РЯСШ, 1930, № 5, стр. 126—127.

988. Щ е р б а Л. В. Несколько слов по поводу «Предварительного сообщения Орфографической подкомиссии». — РФВ, 1905, т. 54, пед. отд., стр. 68—73.

989. Щ е р б а Л. В. Об идеально грамотном человеке. — Учит. газ., 3 нояб. 1940.

990. Щ е р б а Л. В. Основные принципы орфографии и их социальное значение. — В кн.: Первый Всесоюзный тюркологический съезд, 26 февраля — 5 марта 1926 г. (Стенографический отчет). Баку, 1926, стр. 157—161 (доклад), стр. 175—177 (заключительное слово). Текст доклада см. также в кн.: Щерба Л. В. Избр. работы по русск. яз. М., 1957, стр. 45—49.

991. Щ е р б а Л. В. Теория русского письма [1942—1943]. — Избр. работы по русск. яз. М., 1957, стр. 144—179.

992. Щ е р б а Л. В. Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий. — Изв. Комиссии по русск. яз. АН СССР, 1931, т. 1, стр. 187—196. См. также в кн.: Щерба Л. В. Избр. работы по языкознанию и фонетике, т. 1. Л., 1958, стр. 153—161.

993. Э т о в В. И. Обзор статей и писем по вопросам орфографии. — РЯШ, 1963, № 5, стр. 91—101.

994. Ю ж н ы й П. Революция в нашей орфографии. — Полиграфич. производство, 1928, № 10, стр. 19—22.

995. Я г и ч И. В. Второе мнение академика И. В. Ягича о реформе русского правописания. (Ответ на открытое письмо Р. Ф. Брандта). Пер. Б. М. Ляпунова. — Летопись историко-филологич. об-ва при имп. Новороссийском ун-те, т. 11. Одесса, 1904, стр. 275—276.

На немецком языке см.: Archiv für slavische Philologie, 1902, Bd 24, S. 319—320. (Ср. № 96).

996. Я г и ч И. В. По поводу статьи Р. Ф. Брандта «О лженаучности нашего правописания». Мнение академика Ягича о реформе правописания. Пер. Б. М. Ляпунова. — Летопись историко-филологич. об-ва при имп. Новороссийском ун-те, т. 11. Одесса, 1904, стр. 271—274.

На немецком языке см.: «Archiv für slavische Philologie», 1901, Bd. 23, S. 576—579.

997. [Я г и ч И. В.] V. J. [Рец.]. Филологические разыскания Я. Грота (Philologische Untersuchungen von J. Grot), St.-Petersburg, 1876. Zweite vermehrte Auflage. — Archiv für slavische Philologie, 1877, Bd.2, S. 679—682.

Содержит высказывания о ненужности ъ на конце слов.

998. Я д в и р ш п с К. Н. Орфографический разнобой и необходимость его устранения в интересах школы. — РЯШ, 1955, № 1, стр. 37—39.

999. Я з ы к о в Д. И. Замечания о некоторых русских буквах. — Цветник, 1809, ч. 2, стр. 55—81.

1000. Языковеды о реформе орфографии. (Анкета веч. «Красной газеты»). — Красная газета, вечерний выпуск, 12 апр. 1930.

Содержит высказывания Н. С. Державина, С. П. Обнорского, Б. В. Томашевского, Б. А. Ларина, Д. В. Бубриха о принципах русской орфографии п о проекте Главнауки.

*1001. Я к о б с о н А. А. Глазами учителя. — РЯШ, 1964, № 6, стр. 40—42.

1002. Я к о б с о н Р. О. Избыточные буквы в русском письме (*й* и *ъ*; после шипящих *ё* и конечный *ь*). — В кн.: Jakobson R. Selected writings, 1. 's-Gravenhage. Mouton, 1962, p. 556—567.

1003. Яковлев Н. Ф. За латинизацию русского алфавита. — Культура и письменность Востока, кн. 6. Баку, 1930, стр. 27—43.

1004. Я к о в л е в Н. Ф. Математическая формула построения алфавита. — Культура и письменность Востока. Сборник Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита. Кн. 1. М., 1928, стр. 41—64.

1005. Я к о в л е в Н. Ф. Основы орфографии. (Предварительный набросок тезисов). — Революция и письменность, 1933, № 1 (16), стр. 27—32.

1006. [Яковлев П. Л.] Рукопись покойного Клементия Акимовича Хабарова, содержащая рассуждение о русской азбуке и биографию его, им самим писапую, с присовокуплением портрета и съемка с почерка его знаменитого мужа. М., 1828, 48 стр.

1007. Япакиев М. Основы теории орфографии. — ВЯ, 1963, № 5, стр. 47—57.

1008. Янакиев М. Теория орфографии и речь. — ВЯ, 1964, № 1, стр. 61—75.

*1009. Янковский Т. М. Нужны ли новые правила? — РЯШ, 1964, № 6, стр. 42—45.

1010. Ястребцов И. И. Азбука или буквосвод. — РЯСШ, 1931, № 2, стр. 196—199.

Ястребцов И. И. 1831, 1833 — см. приложение.

1011. Ястребцов И. И. Два орфографические замечания. — В кн.: Исповедь или собрание рассуждений доктора Ястребцова. СПб., 1841, стр. 113—122.

Включает «Орфографическое замечание», впервые напечатанное как подстрочное примечание в статье И. И. Ястребцова «Отрывки из ненапечатанного сочинения: Введение в географию и историю» (см.: Московский телеграф, 1831, май, стр. 155—159, сноска).

1012. Ch. Из бесед. — Русь, 1904, № 127.

Беседа с Ф. Ф. Фортунатовым. По его собственной оценке, его мысли переданы в этой корреспонденции недостаточно точно (см. № 925, стр. 219).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тексты, напечатанные с отступлениями от принятой орфографии

В этом приложении представлены все известные составителям данного обзора тексты, в которых проведены последовательные отклонения от общепринятой (в соответствующее время) орфографии [1]. Даются и издания (книги, газеты, журналы), целиком напечатанные по «индивидуальной» орфографии, и отдельные статьи. В список включены также те образцы, которыми авторы статей или книг иллюстрируют предлагаемые ими орфографические и графические новшества, и тексты, прилагаемые как образцы к проектам реформ. Все названия (книг, статей, приводимых отрывков) даются с точным соблюдением их орфографии (в том числе и с сохранением всех особенностей дореволюционной орфографии — ъ, ѣ, і и т. п.).

Работы, принадлежащие одному автору, даются под одним номером, если они одинаковы по применяемым в них новшествам. Орфографические новшества перечисляются в аннотациях при книгах и статьях, написанных не на орфографическую тему; при работах по орфографии указывается лишь, что правописание книги или статьи согласовано с предлагаемыми в ней правилами. Материал приводится в хронологическом порядке; алфавитный порядок со-

[1] Приводимый список, представляющий собой первый опыт в таком роде, далек, разумеется, от исчерпывающей полноты (которая в подобных случаях вообще вряд ли достижима). В частности, не включены как правило издания, которые отличаются только особенностями слитных, раздельных и дефисных написаний или употребления прописных букв.

В список включены главным образом издания, которые составителям обзора удалось разыскать по имеющимся в орфографической литературе ссылкам. Некоторые авторы дают точные ссылки только на часть известных им изданий с «орфографическими отклонениями». Например, у П. Н. Сакулина («Реформа русского правописания», стр. 26) дается лишь общее указание, что Московский кружок воспитания и образования детей издал несколько десятков брошюр по новой орфографии. Эти издания не удалось найти (кроме двух брошюр, относящихся к деятельности самого кружка).

блюдается внутри одного года, если не важен (или не может быть установлен) порядок следования источников.

1. Тредіаковскій В. К. Разговоръ между Чужестраннымъ человѣкомъ і Россійскімъ объ ортографіі старінной і новой і о всемъ что пріналлежітъ къ сей матеріі. Сочіненъ Васільемъ Тредіаковскімъ, Профессоромъ Елоквенціі. Въ Санктпетербургѣ прі Імператорской Академіі наукъ. 1748, 460 стр.

   Книга напечатана с соблюдением предлагаемой автором орфографии.

2. Академическія извѣстія на 1781 годъ. Показаніе новѣйших трудов разных академій, стр. 100—118 (янв.), 218—254 (февр.), 350—362 (март), 511—526 (апр.), 638—645 (май), 759—783 (июнь).

   Этот отдел напечатан без ъ на конце слов (по распоряжению директора Академии наук С. Г. Домашнева).

3. Эмин Н. Ф. Ода на заключение мира с готоами Николая Эмина. СПб., 1790. [10 стр.].

   Книга напечатана без ъ на конце слов.

4. Барсов А. А. Сводъ бытій россійскихъ. (Изъ рукописей покойнаго Г. Профессора Антона Алексѣевича Барсова; выписано съ точнымъ наблюденіемъ его ороографіи). — Московский журнал, 1792, ч. 7, стр. 344—347, 354—357.

   В тексте не употребляются буквы ъ и ь на конце слов; вместо *и* употребляется *і* (в примечании оговорено, что для *і* с кратким не нашлось буквы.) Рукопись опубликована Н. М. Карамзиным.

5. Карамзин Н. М. [Составитель и издатель]. Аониды, или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній. Книжка II. М., 1797, 380 стр. Книжка III. М., 1798—1799, 357 стр.

   В этом сборнике впервые введена буква *ё*. В кн. II на стр. 176 к слову *слёзы* (рифмующемуся с *розы*) сделано примечание: «Буква *е* с двумя точками заменяет іо». Эта буква употребляется последовательно во всех рифмующихся словах с ‹о› после мягких согласных под ударением.

6. Языков Д. И. [Переводчик]. Влюбленный Шекспир, комедія в одном дѣйствіи и в прозѣ Александра Дюваля. Перевел с Французскаго Д. Языков. СПб., 1807, 43 стр.

   Книга напечатана без ъ на конце слов.

7. Языков Д. И. [Переводчик]. Сравненія, замѣчанія и мечтанія, писанные в' 1804 году во время путешествія одним Русским. Перевод с' нѣмецкаго. В' Санктпетербургѣ. В' типографіи Императорскаго театра. 1808, 325 стр.

   Книга напечатана без ъ на конце слов; при этом после предлогов, передаваемых одной согласной буквой. ставится апостроф.

8. [Бранкевич М. С.] Дух Эккартсгаузена или сущность ученія сего знаменитаго писателя. В' двух книгах: 1. Наука Вѣдѣнія. 2. Картина человѣческой жизни. Кн. 1, М., 1809, 95 стр.; кн. 2. М., 1810, 176 стр.; Кровопролитная война у Архипыча с' Еремѣевной. Описана Сочинителем Храбраго Философа. Москва В'Губернской Типографіи у А. Рѣшетникова. 1810 года. 51 стр.

   Книги напечатаны без ъ на конце слов; при этом после предлогов, передаваемых одной согласной буквой, ставится апостроф (*в' шапках*, *с' тобою* и т. п.).

9. Качеповскій М. Т. Вѣстникъ Европы, издаваемый Михаиломъ Качеповскимъ. 1811—1830.

   Орфография журнала отличалась рядом особенностей. Вместо буквы *э* всюду употреблялось *е* (*етой*, *поезия*). В словах, заимствованных из греческого языка, буквы *ѳ*, *і*, *ѵ* употреблялись в строгом соответствии с этимологией (*ѳеста*, *Пріамідовъ*, *панхидой*, *енвусіасмъ*, *есѳетическаго* и т. п.). Кроме того, встречаются написания *не* слитно с глаголом и написания приставок *из-*, *раз-* и пр. с *з* перед глухими согласными (*произшествій*, *разхохотался* и пр.)

10. Калайдович И. Ф. Отвѣтъ на Критику Замѣчаній о родахъ Грамматическихъ въ языкѣ Русскомъ. — Сын отечества, 1825, ч. 101, № 9, отд. 2, стр. 51—60; № 10, отд. 4, стр. 157—177; № 11, отд. 2, стр. 267—276.

Сделано примечание от издательства: «Статья печатается с наблюдением правописания г. Автора». В статье буква *э* последовательно заменяется через *е*: *етотъ*, *дуель*.

11. Кеппен П. И. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ, Членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. № II. СПб., 1826, 725 стр., № III. СПб., 1827, 260 стр.

Ставится знак ʿ над буквой *г* (ѓ) в заимствованных словах для передачи звука [h] других языков.

12. [Яковлев П. Л.] Примѣры рускаго правописанія, въ которыхъ пѣть і, щ, ъ, ь, ѣ, э, ѳ, ѵ. 1. Виденіе мурзы. 2. Деятельносѣ есѣ наше определение. . . 3. Глаз по своему образованию. . . — В кн.: Рукопись покойного Клементия Акимовича Хабарова... М., 1828, стр. 47—48.

13. [Баратынский Е. А.] Устороческая епіграмма. — Московский телеграф, 1829, № 7, стр. 257—258.

Образец редкого жанра — орфографической пародии. Пародирует орфографию М. Т. Каченовского в «Вестнике Европы» (см. № 9).

14. Ястребцов И. И. О умственномъ воспитаніи дѣтскаго возраста. Сочиненіе доктора Ястребцева. М., 1831, 104 стр.

Применяются надстрочные знаки при передаче заимствованных собственных имен: *и* с апострофом (и') помогает передать французские носовые гласные (*Бюффон*'), буква л передает *l* (*Лапласы*).

15. Ястребцов И. И. О системѣ наукъ, приличныхъ въ наше время дѣтямъ, назначаемымъ къ образованнѣйшему классу общества. Сочиненіе доктора Ястребцева. Второе, умноженное и переработанное изданіе. М., 1833, 247 стр. (Изд. 1 см. № 14).

Применяется ряд новшеств при передаче заимствованных слов: ѓ используется для передачи [h] (*ѓигиена*, *Ѓораций*); г — при передаче носовых гласных (*Кузен*, *Бюффон*); н — при передаче носовых гласных (*Кузен*, *Бюффон*); л — для передачи l; э передает th (*Смиѳ*, *Бенѳамъ*). Применяемые новшества оговорены в сноске на стр. 17—18.

16. Кеппен П. И. О древностяхъ Южнаго берега Крыма и горъ Таврическихъ. Сочиненіе Петра Кеппена. Издано по распоряженію г-на Новороссійскаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора графа М. С. Воронцова. СПб., 1837, 409 стр.

Употребляется знак ʿ над *г* для передачи [h]; кроме того, употребляются: ў — для передачи французского *и*, немецкого *ü*; ё — для передачи немецкого *ö*. Применяемые графические новшества оговорены в предисловии к книге.

17. Лажечников И. И. Предложеніе новова правописанія. —Лит. прибавления к «Русскому инвалиду», 1837, № 17, стр. 160—161.

В этой статье формы род. пад. ед. ч. прилагательных м. и ср. р. передаются как *-ова*, *-ева*.

18. Лажечников И. И. Басурманъ, сочиненіе И. Лажечникова. М., 1838, ч. 1 — 247 стр., ч. 2 — 246 стр., ч. 3 — 274 стр., ч. 4 — 286 стр.

В книге последовательно проведены следующие написания: 1) буква *ѳ* заменена через *ф*; 2) после *ж*, *ш*, *ч*, *щ* всегда пишется *о* в соответствие ‹о› под ударением; 3) последовательно употребляется *ё*; 4) вместо *сч*, *зч* пишется *щ* (кроме случаев на стыке приставки и корня); 5) окончания род. пад. ед. ч. м. и ср. р. прилагательных передаются как *-ова*, *-ева* и др.

19. Барановский С. И. О согласованіи правописанія съ произношеніемъ. — Иллюстрация, 1848, т. 6, № 9, стр. 140—143.

«В этой статье сохранено, по желанию автора, правописание его». (Прим. ред.).

20. Наливкин Ф. Историческіе разсказы или вечера на дачѣ. Изданіе съ картинками Ѳедора Наливкина. М., 1849, 384 стр.

В книге приняты следующие написания: 1) в соответствие ‹о› под ударением после *ж*, *ш* последовательно пишется *о*, после *ч*, *щ* — *ё*; 2) последовательно употребляется буква *ё* не после шипящих; 3) окончания род. пад. ед. ч. м. и ср. р. прилагательных передаются как *-ова*, *-ева*.

21. Гоствило-Карниловичъ П. О числе. Мысль Порфирія Гоствило-Карниловича (с приложеніем). Кіевъ, 1853, 199 стр.

Книга напечатана без ъ на конце слов; сочетание *ий* передается сокращенно, как *й* (*умноженй*, *множащйся*); приставки, оканчивающиеся на ‹з›, пишутся последовательно с буквой *з*: *изчисление*, *возпитание* и пр.

22. [Тимаев Н. М.] Філоктіт трагедія Софокла. С греческова перевѫл і замечаніямі объяснілъ Н. Т. СПб., 1856, 106 стр.

Книга напечатана без лишних букв *ѳ*, *ѵ*, *ѣ*, *и* и ъ на конце слов; не употребляется ь после шипящих; вместо буквы *ё* введена буква *ѧ*, которая употребляется последовательно во всех случаях для обозначения ‹о› под ударением после мягких (нешипящих) согласных; после шипящих с той же целью последовательно употребляется *о*; окончания род. пад. ед. ч. м. и ср. р. прилагательных передаются с *в* вместо *г*. Упразднение лишних букв и введение буквы *ѧ* оговорены в предисловии.

23. [Тимаев Н. М.] Греческая мифология или Сказание о вере и богах древних народов, именуемых греками и римлянами. С 14 рисунками. Н. Причудинскова. СПб., 1860, 66 стр.

Книга напечатана без лишних букв *ѳ*, *ѵ*, *ѣ*, *і* и ъ на конце слов; не употребляется ь после шипящих; окончания род. пад. ед. ч. м. и ср. р. прилагательных передаются с *в* вместо *г*. Упразднение лишних букв оговорено в предисловии.

24. [Комиссия 1862 г.] Третье і четвёртое совещанія по вопросу об упрощеніі русской орфографіі. — Учитель, 1862, т. 2, № 8, стр. 344—347; Пятое совещаніе по вопросу об упрощеніі орфографіі. — Учитель, 1862, т. 2, № 9, стр. 400—403.

«Отныне мы, при печатании отчета, будем придерживаться орфографии, принятой на совещаниях, и вносить в нее все изменения, которые впредь будут делаться. Таким образом можно будет наглядно удостовериться, насколько цель упрощения достигается» (Из примечания к статье, помещенной в № 8). Далее оговорено сохранение (по техническим причинам) исключенных комиссией ь и *й*.

25. Белобородов М. Історическая Заметка. — Книжный вестник, 1862, № 5, стр. 117.

Приводится как «опыт упрóщенава правопісанія» в статье: «Несколько слов об упрощении правописания». Напечатано без лишних букв *ѳ*, *ѣ*, *и*, *ѵ*, ъ на конце слов; вместо ь — апостроф, вместо *й* — ї.

26. Горегляд-Выласкій Карл. Замѣчанія на помѣсченную въ Русскомъ Вѣстникѣ 1862 года въ іюлѣ мѣсяцѣ статью Я. Грота подъ заглавіемъ: По поводу толковъ о правописаніи. — Учитель, 1862, т. 2, № 18, стр. 941—942.

Дается в подборке статей под общим заголовком «По вопросу об упрощении орфографии». Автор заменяет *щ* через *сч* и последовательно передает приставки на ‹з› с буквой *з* (*произходит*, *разположение* и пр.).

27. Самодур. Журнал політическі і літературны. — Отеч. записки, 1862, т. 141, апр., отд. 2, стр. 241—254.

Составляет часть статьи: «Все или ничего»; подпись: «Редактор „Самодура„ — Д». Напечатано без *ѣ*, *ѳ*, *ѵ*, *и*, ъ на конце слов, с надстрочными и подстрочными знаками. Тексту журнала предшествует фельетонное изложение деятельности орфографических совещаний 1862 г. Сообщается, что очередной номер журнала «выходит со всеми новейшими улучшениями в русском правописании» (разъясняется, какими именно).

28. Сикачивский И. Упрощение русской азбуки. — Учитель, 1862, т. 2, № 18, стр. 936—941.

Входит в подборку статей под общим заголовком «По вопросу об упрощении орфографии». В конце подпись: Iosio Sikačivskiĭ. Статья напечатана с постепенным введением предлагаемых автором графических новшеств (с надстрочными знаками, с заменой некоторых букв латинскими и т. п.). В редакционном примечании автору приносятся извинения за то, что по техническим причинам передача статьи не вполне удовлетворяет его требованиям.

29. Шевляков А. [Письмо, читанное на шестом орфографическом совещании]. — Учитель, 1862, т. 2, № 18, стр. 942—944.

Входит в подборку статей под общим заголовком «По вопросу об упрощении орфографии». Напечатано с применением надстрочных знаков, с заменой *ѣ* через *е*, *и* через і, *ь* — апострофом, без *ъ* на конце слов.

30. Голосъ. Газета политическая и литературная. 1863—1884.

Все годы своего существования газета давала написания заимствованных слов без удвоения согласных (в первых номерах за 1863 г. — не вполне последовательно). С 1866 г. в газете стали даваться написания с *о* в соответствие ‹о› после шипящих (*пошол*, *отчотливый* и пр.).

31. Даль В. И. Толковый словарь живаго великорускаго языка В. И. Даля. Изданіе общества любителей Россійской словесности, учрежденаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, ч. 1, А—З. М., 1863, 627+LIV стр.; ч. 2, И—О. М., 1865, стр. 629—1351; ч. 3, П. М., 1865, 508 стр.; ч. 4, Р — V. М., 1866, 625+4 стр.

Словарь проводит ряд написаний, не совпадающих с общепринятыми (например, двойных согласных). Применяемые орфографические новшества разъяснены в «Напутном слове» (см. № 259 основного списка).

32. Толль Ф. Г. [Редактор]. Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія (Справочный энциклопедическій лексиконъ), въ III томахъ, т. I. СПб., 1863, 800 стр.; т. 2, СПб., 1864, 1132 стр.; т. 3. СПб., 1864, 1171 стр.; Необходимое дополнительное приложеніе къ настольному словарю Ф. Толля, подъ его же редакціею составленное. СПб., 1866, 569 стр.

В тексте словарных статей приняты написания без *ъ* на конце слов (кроме предлогов *въ*, *съ*, *къ*); в заголовках словарных статей, на титульном листе, во вступительной статье и пр. сохранены написания с *ъ*. В словаре не употребляется буква *ѳ*.

33. Частная патологія и терапія, основанная преимущественно на физіологіи и патологической анатоміи. Феликса Нимейера, орд. проф. патологіи и терапіи, директора терапевтической клиники въ Тюбингенскомъ университетѣ. Перевел съ нѣмецкаго И. Паржницкій. Изданіе второе. Вновь обработал и дополнил по 5-му нѣмецкому изданію Н. Гейнац, ч. 1. СПб., 1864, 418 стр.; ч. 2. СПб., 1865, 403 стр.; ч. 3. СПб., 1865, 410 стр.; ч. 4. СПб., 1866, 430 стр.

Книга напечатана без *ъ* на конце слов; но в предлогах, которые без *ъ* оказались бы переданными одной согласной буквой, *ъ* сохранен (*въ*, *съ*, *къ*).

34. Практическое примѣненіе естественных наук к требованіям личнаго существованія. Д-ра мед. Г. Кленке, члена Императорской Леопольдовской нѣмецкой академіи естественных наук, императорских медицинских обществ в Вѣнѣ и Ст.-Петербургѣ, королев. прусской академіи наук в Эрфуртѣ и проч. и проч. Перевод с нѣмецкаго. М., 1866, 344 стр.

Книга напечатана без *ъ* на конце слов.

35. Супъ для грудных дѣтей Юстуса Либиха, с прибавленіями в отношеніи приготовленія и употребленія супа. Перевела со втораго (1866) нѣмецкаго изданія Розалія Коган. СПб., 1866, 36 стр.

Книга напечатана без *ъ* на конце слов.

36. Граф Бисмарк. Біографическій этюд. Съ англійскаго. СПб., 1870, 66 стр.

Книга напечатана без ъ на конце слов. Но ъ сохраняется в предлогах *въ*, *съ*, *къ*.

37. Потебня А. А. Изъ записокъ по русской грамматикѣ. II. Составные члены предложенія и ихъ замѣны въ русскомъ языкѣ. Сочиненіе А. Потебни. Оттиски изъ Записокъ Императорскаго Харьковскаго Университета. Харьковъ, 1874, 540 стр.

Приняты слитные написания с *не* глагольных форм, за исключением случаев противопоставления. Обоснование этих написаний см. в № 622 (основного списка). Такие написания проводятся также в изд. 2, т. I—II (Харьков, 1888) и в т. III (Харьков, 1899). При переиздании этого труда А. А. Потебни в 1958 г. особенности его орфографии не сохранены.

38. Вальковъ И. И. Сборник правил русскаго правописанія, составленный, на основаніи филологическихъ разысканій академика Я. К. Грота, Иваном Вальковым. СПб., 1875, 58 стр.

В предисловии автор сообщает, что печатает свой труд «с строгим соблюдением установленных в нем правил».

39. Духъ римскаго права на различныхъ ступенях его развитія. Рудольфа Іеринга, ординарнаго профессора прав в Гёттингенѣ. Часть первая. Перевод с третьяго, исправленнаго нѣмецкаго изданія. СПб., 1875, 309 стр.

Книга напечатана без ъ на конце слов.

40. Бодуэн де Куртенэ И. А. Опыт фонетики резьянских говоров. И. Бодуэна-де-Куртенэ (J. Baudouin de Courtenay). Варшава — Пб., 1875, 128 стр.; Резьянскій катихизис, как приложеніе к «Опыту фонетики резьянских говоров», с примѣчаніями и словарем издал И. Бодуэн-де-Куртенэ (J. Baudouin de Courtenay). Варшава — Пб., 1875, 48 стр.: Подробная программа лекцій И. А. Бодуэна-де-Куртенэ (J. Baudouin de Courtenay) в 1876—1877 учебном году Казань—Варшава, 1878, 92 стр.; Подробная программа лекцій И. А. Бодуэна-де-Куртенэ (J. Baudouin de Courtenay) в 1877—1878 учебном году. Казань—Варшава, 1881, 320 стр.

Книги напечатаны без ъ на конце слов.

41. Иванов А. А. [Переводчик и редактор]. Игры древнихъ. Описаніе, происхожденіе и отношенія ихъ къ религіи, исторіи, искусствамъ и нравамъ. Л. Бекъ-де-Фукьера (L. Becq de Fouquières). С гравюрами по антикамъ. Переведено со втораго французскаго изданія (1873 г.) под редакціею, съ примѣчаніями и съ предисловіемъ А. А. Иванова. Вып. I. Кіевъ, 1877, 210 стр. То же — 1890.

«Относительно транскрипции звуков прежде всего замечу, что считаю долгом неуклонно писать *о* и *ѵ* почти везде, где следует, т. е. вместо греческих ϑ и υ (лат. th и y) (из «Предисловия к переводу»). А. А. Иванов оговаривает также употребление при передаче греческих заимствований буквы *ё*.

42. Геннингъ В. П. Справочная книжка и указатель русскаго правописанія. Составилъ В. П. Геннингъ, преподаватель 1-го С.-Петербургскаго Реальнаго училища. СПб., 1879, 94+86 стр.

Правописание книги согласовано с предлагаемыми в ней правилами.

43. Русскій филологическій вѣстникъ, 1879—1880.

Указаны годы, в которые журнал давал написания без конечного ъ на титульном листе и в большинстве статей. В первом номере журнала (1879 г.) было помещено в связи с этим разъяснение редактора М. А. Колосова (см. № 405 основного списка). В последних номерах журнала за 1880 г. (выходивших уже под ред. А. И. Смирнова) стали печатать с ъ педагогический отдел и статьи отдельных авторов. С 1881 г. ъ появился на титульном листе журнала, и безъеровые написания сохранялись лишь в статьях отдельных авторов (Р. Ф. Брандта, И. А. Бодуэна де Куртенэ и др.).

44. Иванов А. А. О раціональной передачѣ грѣческихъ и латинскихъ словъ въ русской рѣчи и въ письмѣ А. А. Иванова. Кіевъ, 1881, 56 стр.

Заимствованные слова передаются в соответствии с предложениями автора.

45. Тулов М. А. [Отрывок из сочинения Макса Миллера «Наука о языке»]. — В кн.: Тулов М. А. Об элементарных звуках человеческой речи и русской азбуке. Изд. 2. Киев, 1881, стр. 79—80.

Отрывок дается по предлагаемой автором орфографии. См. начало отрывка: «Не могу наконец не упомянуть о важных услугах, оказанных фонетике темі мужамі, которыjэ в последнеjэ время употреблялі все усіліjа, чтобы резулѣтаты научнаго изследованіjа jазыка пріменіть к практіке правопісаніjа. . .»

46. Брандт Р. Ф. [Отрывок из сочинения Макса Миллера «Наука о языке»]. — РФВ, 1881, т. 5, стр. 369—370.

Дается в статье Р. Ф. Брандта «Мнение г. Тулова о русском правописании». Брандт предлагает «дейіствительно звуковое правописание» части того текста, который дается у Тулова. Начало отрывка в передаче Брандта: «Ньä магу́ наканьäц ньä упамьäнуть а важных услугах, аказаных фаньєтьикьä тьємьи мужамьи, каторыіä ф пасльъедьньеіä врьємьä упатрьєбльальи фьсьä усьильиіа, штобы рьäзультаты научнава іисльъäдаваниіа jäзыка прьимьєньить к практьикьä праваписаньиіа. . .»

47. Орлов А. И. Полный филологическій словарь русскаго языка с подробнѣйшим разъясненіем всѣх отличій разговорной рѣчи от ея письменнаго изображенія и с указаніем значенія и замѣны всѣх иноязычных слов, вошедших в состав русскаго языка, чисто русскими словами. Составил А. И. Орлов. Т. I от А до Г. М., 1884, 815 стр. Т. II от Г до И. М., 1885, 912 стр.

Напечатан без ъ на конце слов.

48. Бахтин Н. Н. [Образцы текстов, переданных в соответствии с предлагаемой автором реформой графики]. — В кн.: Бахтин Н. Н. Проект новой системы азбуки и орфографии. Киев, 1886, приложения.

49. Лоначевский А. И. Мол'итва Господн'а. Русск'ий народний г'имн. Русскайа з'емл'а. — В кн.: Лоначевский А. И. Грамотность и грамота. Гомель, 1891, стр. 48—49.

Тексты-образцы, демонстрирующие предлагаемую автором реформу графики.

50. Шереметевский В. П. Къ вопросу о «единообразіи» въ орѳографіи по поводу академическаго руководства «Русское правописаніе». Педагогическій этюдъ преподавателя педагогики и методики русскаго языка Владиміра Шереметевскаго. М. 1891, 91 стр. См. также: Соч. В. П. Шереметевского. М., 1897, стр. 236—311.

Орфография согласована с предлагаемыми в этой работе нововведениями.

51. Воеводский Л. Ф. Опытъ упрощенья русскаго правописанья. Л. Ф. Воеводскаго, орд. професора императорскаго Новоросійскаго университета. Одеса, 1898, 22 стр.

Орфография книги соответствует предложениям автора.

52. Герасимов А. Г. Подарокъ неизгнаннаго неба «рожок-сам-гудок» или Новыя пѣсни, новыя рѣчи, новая грамота. Сочиненіе А. Г. Герасимова (помощника классныхъ наставниковъ Московскаго реальнаго училища). М., 1901, стр. 30—73.

Напечатаны тексты с применением орфографических новшеств, излагаемых во вступлении к книге.

53. Куницкий В. [Отрывок из сочинения Макса Миллера «Наука о языке»]. — Образование, 1901, № 11, стр. 38.

Дается в статье В. Куницкого «О возможных упрощениях русской орфографии». Приводится небольшая часть текста, фигурирующего у М. А. Тулова, а затем — у Р. Ф. Брандта (см. № 45, 46) для демонстрации предлагаемой автором реформы графики: «Не могу наконец не упомьануть о важных услугах, оказанных фонетике темі мужамі, которыje, в последнеje времья употребльалі все усіліjа, чтобы результаты научнаго изследованіjа jазыка пріменіть к практіке правопісаніjа».

54. Корш Ф. Е. Зимняя дорога. Суровой Дант не презирал сонѣта. — ИОРЯС, 1902, т. 7, кн. 1, стр. 76—77, 86.

Эти образцы текстов, напечатанных по предлагаемой Ф. Е. Коршем орфографии, даются в его статье «О русском правописании».

55. Баскаков П. Письмо въ редакцію. — Наборщик, 1903, № 51, стр. 778.

Текст письма напечатан с заменой *ѣ* через *е*, *и* через і, без *ъ* на конце слов.

56. [Благовещенский Н]. Декаденты в Ялте. Разсказ Н. Благов-скаго. М., 1903, 219 стр.

В книге не употребляются *ѣ*, *ѳ*, *ъ* на конце слов, но сохранено *і* (наряду с *и*). Разделительный *ъ* заменяется через ь (последовательно не выдерживается; в ряде случаев сохранен *ъ*).

57. Сорокин К. А. Упрощённая русская азбука і правопісаніе Константіна Александровіча Сорокіна. СПб., 1903, 40 стр.

Книга напечатана в соответствии с предлагаемыми автором новшествами.

58. Сорочинский П. Г. Проектъ новой грамматики. — В кн.: Сорочинский П. Г. Проект новой системы азбуки, орфографии и грамматики. Варшава, 1903, стр. 21—59.

Этот раздел книги напечатан с реализацией предлагаемой автором графической реформы.

59. Бодуэн де Куртенэ И. А. [Редактор]. Толковый словарь живого великорусскаго языка Владимира Даля. Третье, исправленное и значительно дополненное изданіе подъ редакціею проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб. — М., т. 1, А—З, 1903, 1743 стб.; т. 2, И—О, 1905, 2030 стб.; т. 3, П—Р, 1907, 1782 стб.; т. 4, С—Ѵ, 1909, 1591 стб. То же — изд. 4, 1912.

Принято последовательное написание *о* в соответствие ‹о› после шипящих. Об орфографии этого издания словаря см. № 79, 80 основного списка.

60. Брандт Р. Ф. Образцы моихъ орѳографій. 1. Звуковое письмо латинскими буквами. 2. Фонетическая гражданица. 3. Мое полуэтимологическое письмо. 4. Письмо Московской Орѳографической комиссіи (съ оговорками насчетъ измѣненій Педагогическаго общества). 5. Коршевское письмо. — ФЗ, 1904, вып. 2, стр. 52—56.

Дается в качестве приложения к статье: Р. Ф. Брандт. Мнения о русском правописании Игн. Викент. Ягича, Фед. Евген. Корша, Ант. Сем. Будиловича и Алдр. Ив. Томсона.

61. Демчинский Н. А. Дневникъ публициста, XV и XVI. — Русь, 1904, № 121 и 128.

Статьи напечатаны с заменой *ѣ* через *е*. В первой статье автор сообщает, что получил письмо от петербургского кружка «Абзука», члены которого обязались не писать *ѣ*, и призывает читателей последовать его примеру.

62. Демчинский Н. А. Дневникъ публициста. XVII. — Русь, 1904, № 135.

Статья напечатана с заменой *ѣ* через *е* в корнях слов, но с сохранением *ѣ* во флексиях. В редакционном примечании разъясняется, что эти написания приняты с целью облегчить переход к написаниям без *ѣ*, которые показались трудными для восприятия читателям двух предыдущих статей Н. А. Демчинского (см. № 61).

63. Торбин И. К вопросу об упрощеном правопісаніі. (Пісьмо в редакцію). — Одесские новости, 1904, № 6309.

Статья подписана: І. Торбін. Напечатана без лишних букв *ѵ*, *ѳ*, *ѣ*, *и* и *ъ* на конце слов.

64. Брандт Р. Ф. Загробный голос о русском языкѣ и письмѣ. — ФЗ, 1904, вып. 5—6, стр. 1—22; Нѣчто о правописной реформѣ. (Отвѣт г. Ф. Ржигѣ). — РФВ, 1905, т. 53, стр. 11—19; Отвѣт Ант. Сем. Будиловичу на «Замѣтку по вопросу об упрощеніи русскаго правописанія». —

РФВ, 1905, т. 53, стр. 20—33; Удобочитаемость как желательный принцип правописной реформы. — РФВ, 1908, т. 60, стр. 37—49.

Статьи напечатаны без ъ на конце слов, с последовательным употреблением буквы ё, с последовательным написанием *о* после *ж*, *ш*, *ч*, *щ* в соответствие ‹о› под ударением (*сопряжонный*, *пашол*, *ещо*, *счот* и т. п.)

65. Михайлов-Мучкин Г. С. Совершенствование русской грамоты и правописания — в теоретическом обосновании и практическом решении вопроса. Одесса, 1905, 48 стр.

Книга напечатана по предлагаемой автором орфографии.

66. Бодуэн де Куртенэ И. А. О транскрипции польских местных названий. — Протоколы Подкомиссии по транскрипции географических наименований, состоящей при Картографической комиссии Императорского русского географического общества. СПб., 1905—1906. К проток. подком. № 4, 1905, 26 стр. (На правах рукописи); Заметки по поводу отзыва Р. Ф. Брандта. — Там же. К проток. подком. № 5, 1906, 4 стр. (На правах рукописи).

К первой статье сделано примечание: «Печатается согласно предлагаемому Орфографической комиссией правописанию: без ъ, ѣ, ѳ, и *i*». Последовательно пишется ё, после шипящих — *о*; не употребляется ь после шипящих.

67. Руднев А. Д. Предварительные замечания о транскрипции калмыцких географических наименований. — Протоколы Подкомиссии по транскрипции. . . СПб., 1905—1906. К проток. подком. № 3, 1905, 4 стр. (На правах рукописи).

«С согласия г. Председателя» напечатано без ъ, ѣ, ѳ, *i* (по предложениям комиссии АН).

68. Брандт Р. Ф. Отзыв на записку И. А. Бодуэна де Куртенэ. Романа Федоровича Брандта. — Протоколы Подкомиссии по транскрипции. . . СПб., 1905—1906. К проток. подком. № 5, 1906, 2 стр. (На правах рукописи).

Без ъ, ѣ, ѳ, *i*, с последовательным написанием *о* после шипящих и ё.

69. [Издания кружка «Азбука»] [№ 1]. Павел Брюнелли. Легенды и настроения. СПб., 1905, 233 стр.; № 2. А. С. Пушкин. История Пугачевскаво бунта. Издание первое. Питер, 1907, 140 стр.

На титульном листе первой книги дается предупреждение: «Издано, с соблюдением правил новаво правописания, применительно к руководящим указаниям „Предварительнаво сообщения Орфографической подкомисии“». Гриф «Издания кружка „Азбука“» имеется только во второй книге (но там же есть ссылка на книгу П. Брюнелли, одного из основателей «Азбуки», как на первое издание кружка). Обеим книгам предпосланы предисловия, обосновывающие применяемые в них орфографические новшества. Они следуют за предложениями орфографической подкомиссии только в изъятии лишних букв (причем вместо разделительного ъ употребляется ь), в упразднении ь после шипящих и в употреблении *о* после *ж*, *ш*, *ч*, *щ* (последнее не всюду выдерживается). Кроме того, сделаны следующие оригинальные нововведения: 1) окончания прилагательных передаются как *аво*, *яво*, *бво*: *страстнаво*, *сущаво*, *лишняво*, *войсковово*; 2) сочетание букв *ий* передается сокращенно как *й*: *поколенй*, *преданй* (ср. № 21).

70. [Издания Студенческой медицинской издательской комиссии Московского университета]. Вл. Сербскій. Руководство к изученію душевных болезней. М., 1906, 573 стр.

В предисловии издателей после краткого изложения вопроса об упрощении русского правописания (начиная с 1901 г.) заявляется, что комиссия «решила взять на себя почин практически осуществить наиболее бесспорную часть предлагаемой реформы, именно, впредь во всех своих изданиях не употреблять лишних в азбуке букв: ѣ, ъ, ѳ, v». Далее объясняется, что в книге не успели реализовать решение комиссии не употреблять также и *i*, и предупреждается, что последующие издания будут печататься также и без этой буквы.

71. Сорокин К. А. Упросчонная руская азбука. I. Правописаніе.

К. А. Сорокина. Второе изданіе. Пб., 1907, 16 стр.

Напечатано в соответствии с предлагаемыми автором новшествами.

72. Павлов А. В океане вдохновенія. Тифлис, 1908, 108 стр.

Этот сборник стихов издан со следующими орфографическими новшествами: с заменой *ѣ* через *е*, *о* через *ф*, без *ъ* на конце слов (причем в разделительной функции встречается и *ъ*, и *ь*), но с сохранением і (ср. № 56).

73. Бодуэн де Куртенэ И. А. Экзаменаціонныя требованія по «введенію в языковѣдѣніе». [СПб., 1910], 20 стр. То же [СПб., 1911], 20 стр.

Напечатаны без *ъ* на конце слов; после шипящих последовательно пишется буква *о* в соответствие ‹о›.

74. Тверская Газета. Общественная, литературная и торгово-промышленная. 1911, № 300—318 (13 нояб. — 29 дек.), 1912, № 319—352 (1 янв. — 25 марта).

В указанное время газета печаталась без *ъ* на конце слов с заменой его в середине слов апострофом. В № 304 за 1911 г. было помещено «Открытое письмо „Тверской газете“ и поборникам „грамотности“» инженер-механика Н. Аляпчикова, приветствовавшего почин газеты. Автор письма приветствует также деятельность комиссии Академии наук и поддерживает идею реформы орфографии.

75. Ушаков Д. Н. Образцы различныхъ правописаній. Образецъ проектированнаго новаго правописанія. — В кн.: Ушаков Д. Н. Русское правописание. М., 1911, стр. 94—95. То же, изд. 2, дополненное. М., 1917, стр. 108—109.

76. Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношеніи русскаго письма к русскому языку. СПб., 1912, 132 стр.; Польскій язык сравнительно с русским и древне-церковно-славянским. Пособіе для практических занятій по «сравнительной грамматикѣ славянских языков» и для самообученія. СПб., 1912. 118 стр.; Сборник задач по «Введенію в языковѣдѣніе», по преимуществу примѣнительно к русскому языку. СПб., 1912, 96 стр.

Книги напечатаны со следующими орфографическими новшествами: 1) не употребляется *ъ* на конце слов; 2) не пишется *ь* после шипящих (не в разделительной функции); 3) в соответствие ‹о› после *ж*, *ш*, *ч*, *щ* последовательно пишется буква *о*; 4) заимствованные слова передаются без удвоения согласных.

77. [Издания Студенческой медицинской издательской комиссии Московского университета]. Вл. Сербскій. Психіатрія. Руководство к изученію душевных болѣзней. 2-е исправленное и дополненное изданіе. [М.], 1912, 654+XXI стр.

Орфография книги свидетельствует о том, что комиссия не выполнила своего обещания (см. № 70). По сравнению с изданием 1906 сделан шаг к старой орфографии: восстановлена буква *ѣ*.

78. Фаддеев Т. Д. Школьная педагогика. Книга I. Психология. М., 1913, 544 стр. Книга II. Социология. М., [1917], 415 стр.

Сделано предупреждение: «Орфография в этой книге изменена в духе реформ, проэктированных в Академии наук». Но в орфографии книги осуществлены не все пункты «Постановлений Орфографической подкомиссии» (не реализованы, например, пункты о написании *о—е* после шипящих, об отмене *ь* после шипящих).

79. Аполлонъ, 1913—1917.

В указанные годы журнал давал написания заимствованных слов без удвоения согласных «там, где они не звучат в живом произношении» (см. разъяснение в № 4—5 за 1917 г., стр. VIII).

80. Марко Королевич. Три встречи. Расказ М. Абезгуса, переведённый с эсперантского языка П. Стояном. Изданье Н. И. Иванова. Пг., 1914, 31 стр.

Сделано предупреждение: «Правописанье — согласно постановленьям Орфографической подкомиссии при Императорской Академии Наук, изданным в 1912 году».

81. Н о в о е руское писімо или упрошчонное правописаніе. [Пб., 1914], 4 стр. («К обновленіїу руковo слова». Листок первоі. 1914. 1. 9).

Заканчивается обращением: «Лица сочуствуіушчие новому писіму да благоволіат обратитіса: Типографіа Шрадера (дліа Стоіана). . .»

82. Т р о ф и м о в В. Л. К вопросу о реформе правописания. (С соблюдением «Постановлений Орфографической подкомиссии» 1912 г.). — Учитель и школа, 1914, № 7 (апр.), стр. 11—24; Основные положения реформы правописания. (С соблюдением «Постановлений Орфографической подкомиссии» 1912 г.) — Там же, 1914, № 21—22 (нояб.), стр. 1—15.

83. Справочник курсов по дошкольному воспитанию. [б. м.], 1914, 12 стр. (без титульного листа и обложки); Кружок совместнаго воспитания и образования детей. Справочник курсов по дошкольному воспитанию. Университет Шанявского. 3 февраля—14 марта 1915 г. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 1915, 28 стр.

В книгах сделаны предупреждения, что они печатаются по орфографии, упрощенной комиссией Академии наук.

84. Ш п е т Г. Г. Исторія какъ проблема логики. Критическія и методическія изслѣдованія. Часть I. Матеріалы. М., 1916, 476 стр.; Сознаніе и его собственникъ. (Замѣтки). М., 1916, 55 стр.; Очерк развития русской философии. Первая часть. Пг., 1922, 348 стр.; Эстетические фрагменты. I. Пб., 1922, 82 стр.; II. Пб., 1923, 117 стр.; III. Пб., 1923, 90 стр.; Введение в этническую психологию. М., 1927, 147 стр.; Внутренняя форма слова. (Этюды и вариации на темы Гумбольдта). М., 1927, 220 стр.

Эти книги напечатаны без удвоения согласных в заимствованных словах, в том числе в собственных именах.

85. Е с е н и н С. А. Пугачов. [М.], 1922, 54 стр.; То же. Пг., 1922, 64 стр.; То же. Берлин, 1922, 61 стр.

После *ж*, *ш*, *ч*, *щ* последовательно пишется *о* для передачи ‹о›; ь после шипящих не употребляется (кроме разделительной функции).

86. Б л о к А. А. Собрание сочинений Александра Блока. Берлин, 1923, т. 1, 250 стр.; т. 2, 284 стр.; т. 3, 272 стр.; т. 4, 163 стр.; т. 5, 389 стр.

В ряде случаев (преимущественно в корнях слов) даются написания с *о* после шипящих вместо привычных написаний с *е* (*жолтый*, *чорный*, *жосткий*, *решотка* и т. п.). Эти написания не проведены последовательно. Известно, что Блок очень настаивал на сохранении в печати разных начертаний одного и того же слова, к которым он прибегал: типа *желтый* и *жолтый*, *решетка* и *решотка*; см. редакционные примечания В. Н. Орлова к т. I Собр. соч. в восьми томах А. А. Блока. М.—Л., 1960, стр. 567—568. В этом издании сохранены в таких случаях индивидуальные написания Блока (но орфография его не вполне совпадает с орфографией издания 1923 г.).

87. Е с е н и н С. А. Собрание стихотворений. М.—Л., 1926, т. 1, 324 стр.; т. 2, 200 стр.; т. 3, 230 стр.

В ряде случаев после шипящих пишется *о* в соответствие обычному *е* (*чорный*, *жолтый*, *нипочом*, *причоска*, *пришол* и др.).

88. Ф а т о в Н. Н. А. С. Неверов. Очерк жизни и творчества. Л., 1926, 215 стр.; Леонид Андреев. Избранные рассказы. С вводным этюдом А. В. Луначарского. Редакция, вступительная статья и примечания Н. Н. Фатова. М.—Л., 1926, 341 стр.; Александр Неверов. Собрание сочинений, не вошедших в семитомное издание «Земли и фабрики». Редакция, вступительные заметки и примечания проф. Н. Н. Фатова. Том первый. Измена. Рассказы и пьесы 1906—1922 гг. М., 1926, 304 стр. Том второй. Бабья воля. Рассказы 1922—1923 гг. М., 1927, 320 стр.; А. С. Серафимович. Очерк жизни и творчества. М.—Л., 1927, 234 стр.

Н. Н. Фатов указывает в статье 1927 г. (см. № 874 основного списка), что в своих книгах и в книгах, выходивших под его редакцией, он стремился проводить написание *о* после *ж*, *ш*, *ч* в тех случаях, где в практике обычно *е* (насколько это ему позволяли в издательствах). После *щ* он сохранял *е*.

89. Топоров А. М. Долой балласт! (К вопросу упрощения правописания). — Просвещение Сибири. Новосибирск, 1929, № 9 (66), стр. 92—98; № 10 (67), стр. 93—98.

Статья напечатана по предлагаемой автором орфографии.

90. [Проект 1930]. Образцы текстов по новой орфографии и пунктуации. — В кн.: Проект Главнауки о новом правописании. Сборник. М., 1930, стр. 84—87; Образец новейшего правописания. — В кн.: Проект реформы правописания. М.—Л., 1930, стр. 23.

91. Красоты штиля. Орган службы оздоровления языка при научном кабинете печати. 1930, № 2 (9), 3 (10).

Во втором номере газеты сделано предупреждение: «В этом номере „Красот штиля" применены некоторые из новых правил орфографии, принятых комиссией при Главнауке». Осуществлены написания: с разделительными ь вместо ъ, без ь после шипящих.

92. Львов В. Е. Без прописных. В порядке обсуждения. — Журналист, 1930, № 7—8, стр. 20—21.

Статья напечатана без прописных букв.

93. Яковлев Н. Ф. За латинизацию русского алфавита. — Культура и письменность Востока, кн. 6. Баку, 1930, стр. 27—43.

Сделано примечание: «В данной статье двойные согласные пишутся одинарными буквами, согласно постановления комиссии по реформе русской орфографии, утвержденного Советом Главнауки от 15 января 1930 г.»

94. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык. Составили К. С. Кузьминский, М. М. Каушанский, Я. А. Рохлин, С. С. Бровкин. Под ред. Т. М. Капельзона. С приложением грамматики, составленной Н. В. Юшмановым. М., 1933, 1502 стб.+таблицы.

«Особенность орфографии Словаря иностранных слов заключается в том, что двойные согласные в иностранных словах как правило заменяются одинарной согласной, например: *комунизм*, *клас*, *аналы*. Сохраняются двойные согласные лишь в случаях интервокальности при ударении на первой гласной и в производных от таких слов: *ка́сса — кассир*; *профе́ссия — профессиональный*; также в собственных именах (*Аполлон*, *Паллада*)» (Из статьи «О пользовании словарем»).

95. Панов М. В. [Текст в «неорфографической» передаче]. — В кн.: Бунина М. С., Василенко И. А., Кудрявцева И. А., Панов М. В. Современный русский язык. Сборник упражнений. М., 1956, стр. 98. То же — в изд. 2, 1961.

Тот же текст дается в обычном написании; цель упражнения — показать, что «неорфографическая» передача затрудняет чтение.

96. Панов М. В. [Текст, переданный в фонетической и фонематической орфографиях]. — В кн.: Бунина М. С., Василенко И. А., Кудрявцева И. А., Панов М. В. Современный русский язык. Сборник упражнений. М., 1956, стр. 100. То же — в изд. 2, 1961.

Тот же текст дается в обычном написании.

97. Панов М. В. [Образцы письма г. Какографополя]. — В кн.: Панов М. В. И все-таки она хорошая! М., 1964, стр. 18, 19.

Описание вымышленного «города без орфографии» — Какографополя — дается в книге с целью показать преимущества упорядоченного письма.

98. Панов М. В. [Образец фонетической орфографии]. — В кн.: Панов М. В. И все-таки она хорошая! М., 1964, стр. 61—62.

99. Семенихин В. П. Анатэм письме. — РЯШ, 1964, № 3, стр. 109.

Выдержка из статьи, присланной автором в редакцию журнала, напечатанная по предлагаемой им орфографии.

100. [Проект 1964]. Тексты, напечатанные с учетом предлагаемых изменений. — В кн.: Предложения по усовершенствованию русской орфографии. М., 1964, стр. 59—63, IV Приложение.

101. Букчина Б. З., Максимова Л. К. Так работала комиссия. — Неделя, 1964, № 39.

Статья напечатана с учетом изменений, предлагаемых в проекте 1964 г.

Использованные архивные источники

1. Архив АН СССР, фонд 502 (Д. Н. Ушаков). Опись 1, един. хран. № 37, 38, 39, 50, 55, 66, 68, 68а, 68б, 69, 70, 71, 72, 75, 76, 76а, 77, 77а, 165; Опись 3, един. хран. № 79, 81, 100, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 124, 156, 157; Опись 5, един. хран. № 17, 24, 28.
2. Архив АН СССР, фонд 90 (Ф. Ф. Фортунатов). Опись 1, един. хран. № 842; опись 2, един. хран. № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 40, 44, 51, 53, 59, 60, 63.

Дополнения к библиографии

69а. Богданов В. В. О правописании географических названий в русском языке. — Землеведение. Новая серия, т. 1 (41), 1940, стр. 256—257.

170а. Винокур Т. Г. «Писать, как говорим», или «говорить, как пишем»? — В кн.: Наша речь. Как мы говорим и пишем. М., 1965, стр. 9—20.

391а. Киселев Н. М., Костенко Н. Н. О географических наименованиях. — Вестник АН Казахской ССР, 1957, № 6, стр. 90—91.

О неупорядоченности в написании казахских географических названий.

491а. Мельников Е. И. Заметки о морфологии и правописании чешских собственных имен в русской передаче. — В кн.: Топономастика и транскрипция. М., 1964, стр. 131—145.

550а. Олеша Ю. К. По поводу одной заметки. — Лит. газ., 17 марта 1930.

Мнение о подготовляемой реформе орфографии.

617а. Поспелов Е. М. Вопросы транскрипции географических названий в связи с выходом «Правил русской орфографии и пунктуации». — Геодезия и картография, 1957, № 5, стр. 50—52.

780а. Суперанская А. В. Вопросы орфографии географических названий. — В кн.: Транскрипция географических названий. (Труды совещания, состоявшегося 28—31 января 1959 года). М., 1960, стр. 55—68.

789а. Сухотин А. М. О передаче иностранных географических названий. — Вопросы географии и картографии, сб., 1, М., 1935, стр. 136—146.

Стр. 143—144. Использование русского алфавита и орфографические правила.

806а. Толстой Н. И. Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции. — В кн.: Топономастика и транскрипция. М., 1964, стр. 103—121.

Содержит замечания об использовании буквы *э*.

828а. Тюрин С. А. Некоторые вопросы написания географических названий в связи с упорядочением русского правописания. — Геодезия и картография, 1957, № 6, стр. 48—54.

828б. Тюрин С. А. Некоторые принципы передачи географических названий на картах. — Изв. АН СССР, серия географич., 1953, № 5, стр. 89—94.

Содержит замечания, относящиеся к орфографической передаче географических названий.

Дополнения к приложению

77а. Стоян П. Е. Карманный русско-эсперанто словарик. Составил П. Стоян. Издал Н. Иванов. СПб., 1912, 84 стр.; Карманный руско-эсперантскій словарик. 2-е изданіе (3001—6000), исправленное и дополненное. Составил П. Стоян. Издал Н. И. Иванов. СПб., 1914, 112 стр.

«Правописаніе — по Далю, не считая отсутствия ъ» (Из предисловия составителя).

81а. Стоян П. Е. Славянство и Эсперанто. Саратовъ. Электро-типолитографія Б. Л. Рабиновичъ, 1914, 11 стр.; Языкознаніе и Эсперанто. Психологическій очерк. Саратовъ. Электро-типо-литографія Б. Л. Рабиновичъ, 1914, 11 стр.

Все, кроме выходных данных, напечатано без ъ на конце слов.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ [1]

Указатель включает фамилии, встречающиеся как в тексте книги, так и в библиографии, и названия источников (не принадлежащих определенному автору), упоминаемые в обзоре.

1. Даются фамилии и нераскрытые псевдонимы авторов орфографических работ, предложений и высказываний; авторы лингвистических работ, не относящихся к орфографии (ссылки на которые даны в виде подстрочных примечаний), в указатель не включаются.

Раскрытые псевдонимы даются в квадратных скобках при фамилиях; см., например: Тимаев Н. М. [Н. Т., Причудинский Н.], Геннади Г. Н. [Григорий Книжник]. Каждый такой псевдоним приводится и на своем алфавитном месте с отсылкой к настоящей фамилии. После фамилий перечислены все известные составителям обзора даты, к которым относятся орфографические работы или высказывания данного автора; при этом даты стереотипных переизданий не учитываются; даты со значками ° и *, относящиеся соответственно к архивным источникам и неопубликованным письмам, учитываются в одном ряду с датами печатных работ; см. например: Аванесов Р. И. (1930, 1934, 1962°, 1963°, 1964, 1964°); Орехов В. И. (1963, 1963 *).

2. Названия орфографических документов (проектов реформ, сводов правил, справочников и пр.), а также периодических изданий, имеющих особенности в правописании, не включаются в указатель, если они представлены только в библиографии или приложении к библиографии, а в тексте обзора не упоминаются. При условных названиях (под которыми ряд источников фигурирует в перечнях авторов предложений в обзоре) в квадратных скобках указываются те названия, под которыми эти источники представлены в библиографии; в необходимых случаях приводятся и основные словесные варианты упоминаний соответствующего источника в тексте обзора; например: Свод 1956. [Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956; Правила 1956 г.]. От всех вариантов обозначения данного источника даются отсылки к основному названию.

Номера страниц, на которых встречаются предложения данного автора, выделены курсивом; все прочие упоминания имен и источников на страницах обзора отмечаются прямым шрифтом.

После точки с запятой идут сведения, относящиеся к библиографии (Б), приложению к библиографии (П) и использованным архивным источникам (Арх.). Эти буквенные обозначения предшествуют номерам соответствующего списка, под которыми помещены работы, имеющие отношение к данному автору (часть номеров библиографии и приложения с буквами «а» и «б» следует искать в дополнениях в конце). Номера работ, принадлежащих дан-

---

[1] Основная работа по составлению указателя выполнена Л. К. Максимовой (при участии Р. В. Макаровой). Авторский коллектив книги выражает благодарность Б. С. Шварцкопфу за ряд ценных советов.

ному автору, выделены курсивом; если фамилия (или источник) упоминаются в названии или аннотации, номер соответствующей работы при этой фамилии (или источнике) дается прямым шрифтом. Если автор представлен в библиографии только отсылкой к труду другого автора (даваемой вне нумерации библиографии), после точки с запятой следует номер страницы, на которой помещена эта отсылка (см., например, как даны в указателе Ю. Крижанич, М. Н. Катков).*

А. К. . . р. . .ий см. *Канарский А. А. П.* см. *Пузыревский А. И.*
А. С. см. *Супрун А. Е.*
А. С. (1862) Б *1*, *2*
А. Ш. см. *Шапиро А. Б.*
Абакумов С. И. (1928, 1937, 1942) 242, *266*, 366, 379; Б *3—6*
Абдуллаев Х. (1955) Б *7*
Абеседер см. *Галахов А. Д.*
Абрамович Д. И. (1906) Б *8*
Аванесов Р. И. (1930, 1934, 1962°, 1963°, 1964, 1964°) 19, *30*, 34, 38, 119, 128, 134, *135*, 139, *140*, *202*, 204, 234, *235*, 236, 237, *268*, 270, 285, *286*, *287*, 288, *289*, *371*, 408; Б *9—11*
Адалис А. Е. (1964) 147; Б *12*
Адамов П. А. (1892, 1893, 1897) 143, 146, 173, *182*, *191*, 274, 275, *406*; Б *13*
Адодуров В. Е. (1731, 1737) *120*, *403*, *404*; Б *14*
Академический словарь см. *Словарь 1847 г.*
Аксаков К. С. (1846) 17, 281; Б *15*
Алгазина Н. Н. (1961, 1963°, 1964) 256, *287*, *288*, *345*, *346*, *347*, *349*; Б *16—19*
Алексеев Д. И. (1964) Б *20*, *21*
Алексеев С. Н. Б 552, 555
Алферов А. Д. (1918) Б *22*
Алянчиков Н. (1911) П 74
Анастасиев А. И. (1879) Б *23*
Андреев В. Ф. (1891) Б *24*
Андреев И. А. (1963) Б *25*
Андроссов Н. (1875) Б *26*
Аннинский Д. В. (1879) Б *27*
Антифитин Фома см. *Остолопов Н. Ф.*
Антокольский П. Г. (1964) Б *28*
Антошин Н. С. (1962, 1963) Б *29*, *30*
«Аполлон» (1913—1917) 165, *189*; П *79*
Арбатский Д. И. (1963) Б *31*
Ардентов Б. П. (1963) 69, *71*; Б *32*
Архимандрит Мефодий см. *Великанов М. М.*
Асланов Г. Н. (1956) Б *33*
Астафьев А. (1939) Б *34*
Афанасьев П. О. (1912, 1928, 1935, 1936, 1944, 1947) Б *35—39*

Б. (1898) Б *40*
Б. Б. см. *Букчина Б. З.*
Баженов А. (1862) Б *41*
Балыбердин А. (1964) Б *760*
Баньковский И. И. (1857) *65*, 67; Б *42*
Барановский С. И. (1848) *221*, *234*, *238*, 271, *276*, *403*, *404*, *405*, 406; Б *43*, 767; П *19*
Барановский Ф. Н. (1954, 1962) Б *44*, *45*
Баратынский Е. А. (1829) 52; П *13*
Барлас Л. Г. (1963) *158*, *216*; Б *46*
Барсов А. А. (1768, 1792) 15, *63*, *65*, 66, 102; Б *47*; П *4*
Бархин К. Б. (1930) Б *48*, 637
Бархударов С. Г. (1963) 210, 239; Б *49*, 567
Басенко К. В. (1964) *406*; Б *50*
Баскаков Н. А. (1955) Б *955*
Баскаков П. (1903) П *55*
Бауман Н. (1917) Б *51*
Бахтин Н. Н. (1886, 1892, 1911, 1918) *53*, *55*, *63*, *65*, *94*, 95, 106, 123, *195*, *268*, *278*, *282*; Б *52—55*; П *48*
Бейкман Э. (1965) Б *57*
Белинский В. Г. (1835, 1844, 1845) *55*, *63*, *65*, 102, *113*, *149*, *268*, *278*, *279*, *282*, 385, 401, *403*, *404*; Б *58—62*
Белиошвили О. (1965) Б *383*
Белкин А. С. (1902) 208, 270; Б *63*. 100
Белобородов М. (1862) *53*, *55*, *63*, *65*; Б *64*; П *25*
Бенедиктов И. А. [И. А. Б.] (1898) Б *65*

* К сожалению, в обзоре (и, соответственно, в библиографии) не представлен упоминаемый Я. К. Гротом А. Е. Измайлов, так как ссылка на него у Я. К. Грота оказалась неточной.

Берг С. Л. (1965) Б *66*
Бетлинг О. Н. (1851) *65*, 90, 404; Б *67*
«Библиотека для чтения» (журнал) 302, 401
Биргер Э. И. (1962) *68*, 69, 71, 104, 111, *115*, 116; Б *68*
Бирюлина Н. (1954) Б *934*
Благовещенский Н. (1900, 1903) *55*; Б *69*; П *56*
Блок А. А. 60; П *86*
Боброва П. (1954) Б *160*
Богданов В. В. (1940) Б *69а*
Богданов П. Д. (1963*) *160*
Богданович Я. (1936) *378*; Б *70*
Боголюбов В. (1880) 400; Б *71*
Богородицкий В. А. (1881, 1887, 1901, 1904, 1907, 1909, 1911, 1913, 1918, 1935, 1939) Б *72—75*
Богоявленский В. В. (1963*) *96*
Богоявленский Д. Н. (1948, 1957) 70; Б *76*, *77*, 423
Бодуэн де Куртенэ И. А. (1871, 1875, 1876, 1878, 1881, 1903, 1905, 1906, 1907, 1909, 1910, 1911, 1912) 16, 17, 18, 19, *30*, *65*, 66, *68*, 91, 122, *146*, 165, *185*; Б *78—84*, 643, 956; П *40*, 43, *59*, *66*, 68, *73*, *76*
Бок И. (1956) Б *85*
Болховитянов Ю. В. (1964) Б *86*
Бондарук Г. П. (1965) Б *87*
Борн И. М. (1808) Б 185
Боровский Я. М. (1959) Б *88*
Бочкарев А. П. (1962) *398*; Б *89*
Брамбеус см. *Сенковский О. И.*
Брандт Р. Ф. (1881, 1885, 1886, 1901, 1902, 1904, 1905, 1908, 1910, 1911, 1917) 16, 17, 18, 19, *21*, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 49, 50, 51, *53*, *55*, *61*, 62, *63*, 64, *65*, 67, *84*, *86*, *88*, 89, 91, 93, 97, *104*, 112, 118, 119, 121, *122*, 123, 125, 126, 130, *133*, 134, *138*, 139, *140*, *146*, *148*, *168*, *195*, 196, *200*, *222*, *224*, *227*, 233, *268*, *278*, *282*, *283*, 372, *381*, 382, *384*, 392, 393, *396*, 397, *403*, *404*, *408*; Б *90—108*, 641, 956, 995, 996; П 43, *46*, 53, *60*, *64*, 66, *68*
Бранкевич М. С. (1809, 1810) П *8*
Браун Ф. (1921) Б *109*
Бровкин С. С. (1933) 165; П 94
Брюнелли П. (1905) П 69
Брюсов В. Я. (1917) Б *110*
Бубрих Д. В. (1930) Б 1000
Будагов Р. А. (1964) Б *111*
Будде Е. Ф. (1901, 1904) 16, 18, *53*, *55*, 56, *63*, *65*, *247*, *276*; Б *112*, *113*, 641
Будилович А. С. (1902, 1904) *46*, *55*; Б 96, 102, *114—116*, 531, 641; П 60, 64
Буков А. (1831) Б *117*
Букчина Б. З. [Б. Б.] (1964) Б *118—122*; П *101*
Булаев В. Я. (1955) *412*; 426
Булаховский Л. А. (1935, 1954, 1957) 120, *122*, *154*, 157, *185*, *245*, *352*, 403; Б *123—126*
Булгарин Ф. (1844, 1846, 1852) *403*, *405*
Булич С. К. [С. Б-ч] (1898, 1904) ▪ Б *127*, 956
Буслаев Ф. И. (1858, 1863), *311*, *314*, *345*, *346*, *350*, 351, *360*; Б *128*
Бухарина Д. А. (1964) Б *547*
Былинский К. И. (1940, 1942, 1943, 1944, 1947, 1950, 1952, 1954, 1956, 1957, 1960) 118, *179*, *264*, 316, 390; Б 85, *129—138*

В. Б-в (1904) Б *139*
В. В. см. *Васильев В. А.*
В. Кв. (1900) *53*, 54, *55*, *63*, *65*, *77*, *97*, 98, 112, *113*, *121*; Б *142*
В. С. (1923) Б *143*
Валгина Н. С. (1964) Б *144*
Валимова Г. (1954) Б *145*
Вальков И. И. (1875) *65*, *83*, *149*, *152*, *154*, *181*, *189*, *212*, *320*, *346*, *408*, *413*; Б 26, *146*; П *38*
Варнек К. А. [К. В.] (1860) Б *147*
Варухин В. С. (1962) *216*; Б *148*
Васильев А. (1916) Б *149*
Васильев А. П. (1896) Б *150*
Васильев В. А. [В. В.] (1842, 1843, 1844, 1845) *122*, *142*, *189*; Б 58, *151—154*
Васильев В. Н. (1958) Б *806*
Вахтеров В. П. (1923) *88*, 89; Б *155*, 855
Великанов М. М. [Архимандрит Мефодий] (1880, 1905) *268*, 271; Б *156*, *157*, 334
Величук А. П. (1956) Б *33*
Вербицкий А. А. (1812, 1813) Б *158*, *159*
Весский В. (1954) Б *160*
«*Вестник Европы*» см. *Каченовский М. Т.*
Ветвицкий В. Г. (1964) Б *161*
Виноградов В. В. (1954, 1962, 1964) 20, 45, 230, *261*; Б *162—166*, 470
Винокур Г. О. (1941, 1945, 1947) 197, 268; Б *167—170*

Винокур Т. Г. (1965) Б *170а*
Вишнепольская А. Г. (1955) Б *171*
Власенко М. М. (1955, 1964) *198*, 199, *241*, 242; Б *172*, *173*
Вовчок П. (1954) Б *174*
Воеводский Л. Ф. (1898) *55*, *86*, *122*, *133*, *146*, *158*, *172*, *185*, *234*, *239*, *252*, *266*, *294*, *408*; Б *175*, 724; П *51*
Войнова А. В. (1964) Б *176*
Волков Н. В. (1904) Б 641
Волков О. (1964) Б *178*
Воробьев П. (1964) Б *181*
Воробьева В. В. (1963) *340*; Б *182*
Ворошилова Т. С. (1962) *160*, *311*, *319*, *334*, *341*; Б *183*
Ворченко В. (1930) 382, 383; Б 56
Воскресенский С. И. (1889) Б *184*
Востоков А. Х. (1808, 1831, 1853) *65*, 66, *158*, 231, *314*, *360*, 407; Б 61, *185*, *186*, 345
Вяземский Б. А. (1953) 396; Б *189*
Вяземский П. А. Б 215

Габишев П. (1964) Б *190*
Габо В. С. (1955) 315, *322*; 430
Гавронов Н. Ф. (1964) Б *191*
Газиев М. (1964) Б *192*
Галахов А. Д. [Абеседер] (1839) Б *193*
Галиченский А. Д. (1964) Б *194*
Галкин Д. (1955) *72*; Б *195*
Гвоздев А. Н. (1930, 1931, 1932, 1934, 1935, 1947, 1950, 1958, 1960) 19, 36, 37, *38*, 40, 41, 43, 44, 92, 123, 126, *158*, *235*; Б *196—206*
Гвоздева К. Н. (1930) Б *206*
Гейнац Н. (1864, 1865, 1866) П 33
Гензель П. (1917) Б *207*
Геннади Г. Н. [Григорий Книжник] (1862) Б *208*
Геннинг В. П. (1879) *189*, *193*, *245*; Б *209*; П *42*
Георгиевский А. П. (1954, 1955) Б *210*, *211*
Геппер Ю. Р. (1955) Б *212*
Герасимов А. Г. (1901, 1903) *53*, *55*, *63*, *65*, *68*, *74*, *86*, *121*, *133*, *138*, *146*, *189*, *195*, *207*, *214*, *221*, *222*, *234*, *248*, *279*, *282*, 283, *294*, *338*, *384*, *392*; Б *213*, *214*; П *52*
Гильтебрандт П. (1879, 1880) Б *215—218*, 403
Гиляров-Платонов Н. П. [Н. Г-в] (1883) 17, 23, 25, 46, *55*; Б *219*, 919
Главнаука (*проект Главнауки, комиссия Глазнауки и др.*) см. *Проект 1930*, *Проект 1930ж*
Гловинская М. Я. (1964) *185*, 187; Б *220*
Глускина С. М. (1961) Б *221*
Глущенко А. (1964) Б *222*
Годнев А. В. (1907) *275*; Б *223*
Головин В. (1962) *65*, *142*; Б *224*
«Голос» (1863—1884) *146*, *185*; П *30*
Горбунова А. А. (1962) *68*, 70; Б *225*
Гордин Л. (1954) Б *226*
Горегляд-Вылаский К. (1862) Б 605; П *26*
Горланова В. П. (1954, 1955) Б *227*, *228*
Горнунг Б. В. (1963°) *135*, *139*
Горохов А. Е. (1899, 1900) *55*; Б *229*
Горшкова К. В. (1957) Б *230*
Гоствило-Карнилович П. (1853) *234*; П *21*
Греч Н. И. (1827, 1828, 1840, 1842, 1851, 1852) 50, 250, 268, *294*, *344*, *360*, *386*, 400, *416*; Б *231—237*
Гречанинов В. П. (1911, 1927, 1929, 1930) Б 905—908
Григорий Книжник см. *Геннади Г. Н.*
Григорьев В. В. (1850) 401; Б *238*
Григорьев В. П. (1965) Б *239*
Гриценко В. Ф. (1964) Б *240*
Громова Н. М. (1963) Б *241*
Громыко В. (1954) *349*; Б *242*
Грот Я. К. (1847, 1852, 1862, 1870, 1873, 1876, 1878, 1885, 1886, 1887, 1893) 16, 20, 23, *38*, *46*, 47, 50, 52, *55*, 57, *63*, *65*, 66, 73, 77, *84*, 85, 102, 118, 119, 120, *128*, 131, 142, 143, *144*, 146, 148, 151, *152*, 153, *154*, 155, 156, *161*, 164, 165, *172*, 173, *189*, 190, *193*, 194, *195*, 197, 207, *212*, 215, 231, *232*, *234*, 236, *240*, 243, 245, 250, 251, 256, *258*, *260*, 262, 264, 267, 268, 273, *274*, 275, *276*, 277, 280, 283, 295, 296, 299, 302, *344*, 345, *346*, *350*, 351, *354*, *356*, *360*, *364*, 372, 380, 381, *384*, *386*, 387, *389*, *390*, 391, 393, 400, 401, 403, 405, *406*, 407, 409, 411, 412, *413*, *416*; Б 26, 146, *243—253*, 282, 322, 335, 384, 388, 413, 418, 465, 482, 495, 498, 512, 521, 605, 682, 688, 702, 724, 744, 751, 759, 770, 771, 789, 882, 883, 900, 926, 965, 981, 986, 997; П 38
Грунин И. (1963) Б *254*
Грунский Н. К. (1917) Б *255*
Гуковский Г. А. (1936) 129
Гульянов И. А. 405
Гухман М. М. (1955) Б *256*

Давыдов И. И. (1852) 250, *311*, *314*, 315, *386*, 400, 401; Б *257*
Даль В. И. (1863, 1865, 1866, 1868) 77, 165, *168*, *172*, *185*, 197, 260, *266*, 401; Б 41, 79, 80, 253, *258*, *259*, 509, 518; II *31*, 59
Данилов А. А. (1963) 93, *343*, 344, *346*, *396*, 397, *415*; Б *260*
Данилов В. В. (1914, 1927) Б *261*, 834
Данилов Г. К. (1930) Б *262*, 636
Декрет 1917 [реформа 1917 г.] 19, 50, *53*, *55*, *63*, 65, *66*, 102, 118, *122*, 231, *232*, 234, 236, 273, *276*, 280, *282*, *342*, 391, *395*; Б *265*, 459
Декрет 1918 [реформа 1918 г.] 19, 50, *53*, *55*, *63*, 65, *66*, 67, 68, 87, 102, 118, 164, 231, *232*, 236, 273, *276*, 280, *282*, 391, *395*; Б *266*, 459
Демидова К. И. (1963, 1964) *262*, *342*; Б *267*, *268*
Деминский Я. (1816) *121*, *154*; Б *269*
Демчинский Н. А. (1904) П *61*, *62*
Денисов В. (1919) Б *270*
Дергачев К. (1955) *286*; Б *271*
Державин Г. Р. 409
Державин Н. С. (1917, 1920, 1923, 1930) Б *272—274*, 1000
Дискуссия 1862 [орфографические совещания 1862 г.] *55*, *63*, *77*, *78*, *88*, *113*, 118, *146*, *158*, *168*, *234*, *403*, *404*, *405*, *412*; 434; II 27, 29
Дискуссия 1904 *112*, *239*; 434
Дискуссия 1904° 40, 48, 57, 59, 61, *63*, 65, *133*, 134, *138*, *140*, *141*, 147, *172*, *181*, 206, *210*, *232*, *342*, *416*
Дискуссия 1929 *63*, *72*, *82*, *96*, *112*, *113*, *140*, *141*, *149*, *190*, 191, *198*, *201*, *208*, *209*, *212*, *213*, *214*, *218*, *228*, *235*, *237*, *238*, *244*, *249*, *252*, *268*, *292*, 293, *381*, *384*, *410*; 434
Дискуссия 1929° *78*, *171*, *222*, *247*, *251*, *265*, *284*, *370*, *412*, *415*
Дискуссия 1934° *146*, *148*, *157*, *189*, *193*, *212*, *216*, *221*, *222*, *235*, *243*, *251*, *265*, *294*, *307*, *308*, *309*, *310*, *313*, 316, *317*, *318*, *320*, *322*, *324*, *335*, *337*, *346*, *347*, *349*, *353*, *357*, *358*, *360*, *386*, *389*
Дискуссия 1954 19, *68*, *104*, *110*, *113*, *122*, *128*, *133*, 134, *135*, *139*, *140*, *146*, *149*, *150*, *154*, *156*, *158*, *174*, *176*, *183*, *184*, *185*, 186, *189*, *193*, *212*, *214*, *215*, *218*, *221*, *222*, *223*, *224*, *232*, 234, *235*, *238*, *239*, *249*, *251*, *252*, *255*, *265*, *278*, *279*, *294*, *297*, *299*, *300*, *302*, *303*, *305*, *306*, *307*, *308*, *309*, *311*, *315*, *318*, *319*, *320*, *322*, *323*, *329*, *330*, *331*, *335*, 336, *339*, *340*, *341*, *345*, *346*, *347*, 348, *355*, *358*, *365*, *366*, *368*, *373*, *378*, *379*, *384*, *388*, *390*, *398*, *406*, *408*, *412*; 434
Дискуссия 1954* *68*, *135*, *138*, *139*, *141*, *154*, *156*, *182*, *183*, *185*, *189*, *192*, *195*, *212*, *213*, *214*, *215*, *224*, *225*, *226*, *227*, *247*, *249*, *251*, *252*, *253*, *258*, *278*, *387*, *394*, *398*
Дискуссия 1962 *68*, *104*, *110*, *112*, *113*, *122*, *130*, *133*, *135*, *138*, *139*, *140*, 141, *142*, *146*, 147, *148*, *149*, *156*, *168*, *170*, *171*, *172*, *174*, 175, *176*, *177*, 178, *182*, *183*, 184, *185*, *189*, *190*, *193*, *198*, *212*, *213*, *214*, *215*, *218*, *219*, *221*, *222*, *223*, *224*, *225*, *226*, *227*, *228*, *230*, *232*, 234, *235*, *237*, *238*, *239*, 242, *278*, *279*, *287*, 288, *294*, *308*, *313*, *322*, *330*, *331*, *345*, *347*, *356*, *358*, *363*, *365*, *366*, *368*, *369*, *373*, *375*, 376, *390*, *403*, *404*, *406*, *415*; 434
Дискуссия 1962° 47, 64, 69, *71*, *110*, *114*, *115*, *116*, *122*, 125, *128*, *142*, *145*, 148, *150*, *156*, *157*, *158*, *161*, *162*, 166, *170*, 174, *176*, *177*, *182*, *184*, *185*, *189*, *193*, *194*, 223, *227*, *228*, 229, 230, *232*, *235*, *236*, *239*, *240*, *245*, *247*, *251*, *252*, *253*, *261*, *262*, *263*, *268*, *285*, *286*, *294*, 298, 299, 300, 301, 302, 306, 308, 309, *311*, 312, 313, *314*, 315, 316, 317, 318, 319, *320*, 321, 322, *323*, *324*, 325, 326, *328*, *329*, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 339, 340, *342*, 343, *344*, *345*, *346*, 347, 348, *349*, 350, *352*, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 361, *363*, 366, 367, *368*, *370*, *371*, 372, *373*, 374, *375*, *376*, 377, 383, *390*, *395*, *406*, *408*, *414*, *416*
Дискуссия 1962* *63*, *68*, *71*, *72*, *77*, *78*, *81*, *82*, *86*, *97*, *104*, *110*, *112*, *113*, *121*, *122*, *130*, *133*, *135*, *138*, *139*, *140*, *141*, *142*, *146*, *149*, *156*, *170*, *171*, *172*, *174*, *176*, *177*, *182*, *183*, *185*, *189*, *195*, *196*, *198*, *208*, *209*, *210*, *212*, *213*, *214*, *215*, *216*, *218*, *219*, *221*, *222*, *223* *224*, *225*, *226*, *227*, *228*, *230*, *232*, *235*, *237*, *238*, *239*, *241*, 242, *244*, *245*, *249*, *252*, *254*, *255* *262*, *268*, *278*, *279*, *286*, *287*, *294* *307*, *318*, *323*, *335*, *337*, *339*, *341*, *345*, *349*, *355*, *359*, *361*, *363*, *364*, *365*, *366*, 367, *373*, *379*, *381*, *386*, *387*, *389*, *390*, *392*, *394*, *396*, *398*,

403, *404*, *405*, *406*, *408*, *410*, *412*, *413*, *415*
Дискуссия 1964 *68*, 69, 70, *104*, *110*, *116*, *133*, 136, 137, *138*, *139*, *142*, 147, *149*, *160*, *176*, *177*, *183*, *185*, *208*, 222, *235*, *254*, 291, *294*, *316*, *330*, *340*, *361*, *389*, *390*, *406*, 407, *408*, *412*, *413*, *414*, *415*, 434
Дискуссия 1964° 69, *71*, *116*, *133*, 136, 137, *138*, 146, 147, 148, *179*, 222, *235*, *254*, *292*, *406*, *408*, *414*
Дискуссия 1964* 63, *68*, 69, 70, *71*, *72*, 77, *97*, *104*, *110*, *112*, *113*, *121*, *122*, *130*, *133*, *135*, 136, 137, *138*, *139*, *140*, *141*, *142*, *146*, 147, *148*, *149*, *152*, *154*, *156*, *157*, *158*, *174*, *176*, *177*, *183*, *185*, *189*, *191*, *193*, *195*, *198*, *208*, *209*, *212*, *213*, *214*, *215*, *221*, 222, *228*, *230*, *235*, *236*, *237*, *238*, *239*, *245*, *247*, *251*, *252*, *254*, *255*, *262*, *268*, *278*, *279*, *287*, *289*, 291, *292*, *294*, *316*, *318*, *322*, *323*, *329*, *337*, *339*, *342*, *344*, *345*, *346*, *352*, *353*, *356*, *357*, *358*, *359*, *360*, *372*, *373*, *389*, *394*, *396*, *398*, *403*, *404*, *405*, *406*, *408*, *412*, *415*
Дисская Н. А. (1964) Б *547*
Дмитриев-Кельда И. Д. (1954, 1964) *337*; Б *275*, *276*
Добролюбов Н. А. (1856, 1857) 380, 381. 385; Б *277*
Добромыслов В. А. (1954, 1955, 1958, 1960, 1964) 300, 326; Б *278*—*281*
Доброписцев М. Е. (1886) *275*; Б *282*
Добротворский А. (1863) Б *283*
Доброхотов П. (1842) *146*; Б *284*
Доклад Комиссии по упрощению русского правописания см. *Проект Одесского педагогического общества*
Долгопольский А. Б. (1964°) *327*, 328
Долинина Н. (1964) Б *286*
Домашнев С. Г. (1781) *65*; П 2
Дудов Б. К. (1963) Б *287*
Дурново Н. Н. (1930) 19, *30*, 32, *68*, 70, 133, *135*, 139, *140*, *145*, *152*, 166, *168*, 198, 208, *210*, 233, *235*, 285, *292*; Б *288*

Евгеньев А. (1919) *63*; Б *289*
Егоров П. (1931) Б *290*
Езерский Ф. В. (1914) Б *291*
Емельченко И. Р. (1963) Б *292*
Есенин С. А. (1922, 1926) *68*, *146*; П *85*, *87*
Есканюк (1930) 383; Б 56
Еськова Н. А. (1961, 1963, 1964) Б *293*—*302*
Ефимов А. И. (1962, 1963) *337*, *378*, *415*; Б *303*—*304*
Ефремов П. А. (1964) Б *305*
Ешке Г. (1963) Б *306*

Жажа С. (1963) 69, 165, *176*, 177, *185*, 186, 188, 326, *384*; Б *308*
Жилин А. Н. (1960) Б *131*
Жирков Л. И. (1935°) *104*
Жирмунский В. М. (1965) Б *309*
Житомирский К. Г. (1894, 1915, 1918) *63*, *65*, *68*, *81*, *82*, *104*, *133*, *140*, *146*, 164, *166*, *185*, *191*, 200, *201*, *212*, *213*, *215*, *222*, *224*, *227*, 231, *232*, *234*, *235*, *238*, *239*, *243*, 244, *245*, *248*, *259*, *262*, *268*, *276*, 280, *282*, 283, *286*, *294*, 295, *302*, *304*, *372*, 385, 392, *397*, *403*, *404*, *405*, 407; Б *310*—*314*
Жовтобрюх М. А. (1964) Б *315*
Жуковская З. В. (1961) Б *221*

З. *О-в* см. *Опоков З. З.*
Задорнов Н. (1964) Б *316*
Зализняк А. А. (1964) 288, *289*, *290*, 291; Б *317*
Заморзаева Е. Н. (1953) 396; Б *189*
Зарецкий А. И. (1946) *30*; Б *318*
Засядко Н. (1871) Б *319*
Затопляев А. В. (1931) *392*; Б *320*
Заходер Б. Н. (1964) Б *321*
Зелинский В. А. (1886, 1909, 1914) 316, 360; Б *322*, *323*
Зелинский Ф. (1917) Б *324*
Земский А. М. (1941) *224*; Б *325*
Земцов Ю. В. (1964) Б *326*
Зимин П. (1964) Б *327*
Зиндер Л. Р. (1960) 126; Б *328*
Зорин Н. И. (1953) Б *329*
Зубатов Н. В. (1924, 1925) Б *330*, *331*

И. *А. Б.* см. *Бенедиктов И. А.*
И. Ч-н см. *Четыркин И.*
Иванов А. А. (1877, 1881) 400, *403*, *404*, *405*, *406*; Б *332*, 750; П *41*, *44*
Иванов В. В. (1954) Б *333*
Иванов Вячеслав (1905) Б *334*
Иванов Н. И. (1886) Б *335*
Иванова В. Ф. (1958, 1962, 1963, 1963°, 1964) 69, *71*, 72, 94, *115* 229, 279, 286, 288, 366, 369, 371 373, *377*, 378; Б *336*—*341*
Иванович И. (1933) Б *342*
Ивченков П. (1955) Б 528
Иеропольский К. А. (1916) Б *343*
Измайлов А. Е. 485
Изюмов А. (1933) Б *348*

Ильин М. М. (1958) Б *806*
Ильинская И. С. (1953) 20, *30*, 36, 38, 198; Б *349*
Инбер В. М. (1964) Б *350*
Инфантьев Б. (1965) Б *57*
Иоаннисянц С. А. (1935, 1936) Б *351*, *352*
Ионина М. В. (1964) *216*, *394*; Б *353*
Исаковский М. В. (1964) Б *354*
Истрина Е. С. (1918, 1928, 1934, 1936) 278; Б *355—358*
Ищенко Д. С. (1964) *171*, *392*; Б *359*

К. В. см. *Варнек К. А.*
К. Су-в (1861, 1862) Б *362—364*
Кавокин Г. Н. (1930) Б *365*
Кадинский К. М. [Кодинский К. М.] (1842, 1857) 67, *78*, *82*, 401, 402: Б 62, *366—368*, 729
Казанский И. П. (1901) Б *369*
Казанский проект см. *Проект Казанского педагогического общества 1902*
Казанское педагогическое общество см. *Проект Казанского педагогического общества 1902*
Кайдалова А. И. (1963) Б *370*
Калайдович И. Ф. (1824, 1825, 1827) *244*, *251*, *410*; Б *371—373*; П *10*
Калакуцкая Л. П. (1963, 1965) *174*; Б *374—376*
Калинин А. В. (1963, 1964) 374, *384*; Б *377—379*
Каллаш В. В. (1901) Б *380*
Калугин В. (1964) Б *381*
Канарский А. [А. К. . .гр. . .ий] (1849) Б *382*
Канкава М. (1965) Б *383*
Капельзон Т. М. (1933) П 94
Карамзин Н. М. (1797) 50, 117, *119*, 268, 380, 407; Б 917; П 4, *5*
Каржавин Ф. В. (1790, 1791) 399, 400
Каринский Н. М. (1904) Б 956
Карпинский М. (1892) Б *384*
Карский Е. Ф. (1904) *55*, *63*, *66*, 106, 235, *239*, *282*; Б *385*
Карцевский С. О. (1937) *63*, *96*, *122*, *133*, *139*, *140*, *149*, *268*, *279*, *282*; Б *386*
Касимов Н. Л. (1954) *349*; 440
Катков М. Н. (1845, 1862) 67, 404; 440
Каушанский М. М. (1933) 165; Б 665; П 94
Кафедра русского языка ЛГУ (1963°) 229
Качановский М. Т. (1811—1830) 52, *410*; П *9*, 13
Качкин М. (1964) Б *387*
Кеневич В. Ф. (1862) *53*, *55*, *63*, *65*, *232*; Б *388*
Кёппен П. И. (1826, 1827, 1837) *403*, *404*, *405*, *406*; П *11*, *16*
Киров Н. (1846) *142*, *154*; Б *389*
Кирпотин В. Я. (1964) Б *390*
Кирсанов С. П. (1964) Б *391*
Киселев Н. М. (1956, 1957) Б *85*, *391а*
Киселева Н. (1955) Б *392*
Классовский В. П. (1867) Б *393*
Клюсов Г. (1963) 92; Б *394*
Книжник Григорий см. *Геннади Г. Н.*
Ковалев В. П. (1964) Б *395*
Ковалев П. К. (1941) Б *396*
Коган Б. (1964) Б *397*
Коган Р. (1866) П 35
Кодинский К. М. см. *Кадинский К. М.*
Кожин А. Н. (1955, 1964) *71*, *309*; Б *398*, *399*
Козловский П. С. (1875) *232*; Б *400*
Коларь О. (1905) Б *401*
Колб Г. Я. (1955, 1964) *406*; Б *402*, 507
Колесников Н. П. (1963, 1963*) *78*, *88*, 89, *171*, *241*, *312*, *320*, *352*, *396*; Б *491*
Колосов М. А. [М. К.] (1879) *55*, *65*, *275*; Б 217, *403—405*; П 43
Колтановский А. Д. (1900) Б *406*
Коляда Г. И. (1964) Б *407*
Комиссаров А. А. (1964) Б *408*
Комиссия 1862 *53*, *55*, *63*, *65*, *83*, *113*, *122*, *142*, 143, *154*, *189*, *232*, *274*, *281*, 402, *408*; 441; П *24*
Комиссия 1904 г. см. *Орфографическая подкомиссия Академии наук*
Комиссия Главнауки см. *Проект 1930*, *Проект 1930ж*
Кондырев Л. Н. (1964) Б *409*
Копорский С. А. (1964) Б *410*
Копыленко М. М. (1964) *312*, *319*, *320*, *345*, *347*, *359*; Б *411*
Корш Ф. Е. (1886, 1902, 1904) 17, 18, 19, 23, 24, 25, 30, *38*, *50*, 51, *53*, *61*, 62, *63*, *65*, *68*, *88*, 89, 91, 112, 123, 132, *133*, *138*, *239*, *245*, *268*, *278*, *281*, *284*, *403*, *404*, *405*, *406*, 407; Б 96, *412*, *413*, 641, 696, 956; П *54*, 60
Костенко Г. (1930) Б 636, 637
Костенко Н. Н. (1957) Б *391а*
Костин И. Т. (1912) Б *414*
Котов С. (1964) Б *415*
Кочкин М. (1929) 387, 388; Б *416*

Кравченко (1853) *221*, *222*, *234*; Б 344, 345
Красногорский П. Б 744
Кременский Н. (1930) Б 636
Кремлев П. (1898) Б *418*
Кривенко В. С. (1919) *63*; Б *419*
Крижанич Ю. (1661, 1665) *97*, 101; 441
Крылов И. А. 409
Крючков С. Е. (1943, 1944, 1951, 1952, 1954, 1956, 1957, 1958, 1964) 118, 224, 225, 260, *261*, *348*, 408; Б *132*, *420—433*, *852*
Кувичко В. Е. (1963) *340*; Б *182*
Кувичко Д. П. (1955) *323*; Б *434*
Кузьмина С. М. (1964) 284, 287, 288, 289; Б *435*
Кузьминский К. С. (1933) 165; П 94
Кулагин А. Ф. (1956, 1957) Б *436*, *437*
Кулаковский А. П. (1904) Б 641
Кульман Н. К. (1904, 1912) Б 641, 642, 956
Куницкий В. (1901) *53*, *55*, *63*, *65*, *83*, *88*, 112, *146*, *192*, *215*, *221*, *232*, *247*, *250*, *281*, *397*; Б 180, *438*; П *53*
Курганов Н. Г. (1769) 15, *55*; Б *439*
Кучерявая Г. (1954) Б *160*

Л. (1917) Б *440*
Л. М. см. *Максимова Л. К.*
Лавин В. (1954) Б *441*
Лавров Н. (1964) Б *442*
Ладыженская Т. А. (1964) Б *443*
Лажечников И. И. (1837, 1838) *83*, 118, *121*, 142, *146*, *279*, 302; Б 193, *444*; П *17*, *18*
Ларин Б. А. (1930) Б 1000
Лев Г. М. (1955) *71*, *258*; 442
Леднин Ф. (1862) Б 605
Лекант П. А. (1963) *68*, 108, 173, 176, *322*, *353*, 354, *357*, *370*, *392*; Б *445*
Ленин В. И. Б 459, 787
Ленченко С. (1955) Б 528
Леонидов О. Н. (1955) *135*; 443
Леонов Л. М. (1964) Б *446*
Леонтьев А. А. (1963) Б *447*
Летченко М. С. (1962) Б *448*
Либерман А. М. (1955) 168; 443
Лизогубова И. А. (1964) Б *449*
Листвинов Н. Г. (1958, 1959) Б *450*
Лихонин М. (1849) Б *451*
Лойфман Н. Я. (1964) Б *452*
Ломоносов М. В. (1746, 1755) *38*, *55*, 62, *77*, 142, 231, *232*, 250, 268, 273, 280, 296, 406, 409, *410*, 411; Б *453—455*, 489, 674, 814, 917
Лопачевский А. И. (1891) *53*, *55*, *63*, *65*, *77*, 90, *94*; Б *456*; П *49*
Лопатин Л. М. 270
Лоя Я. В. (1940, 1955) 69, *235*, 366; Б *457*
Лубенец В. (1955) *386*; 443
Лукин М. Ф. (1964) Б *458*
Луначарский А. В. (1930) Б *459*
Лурье-Дерский А. (1955) Б *460*
Лысков И. П. (1904) *63*; Б *461*
Львов В. Е. (1930) *381*, 383; Б 56, *462*; П *92*
Лювель А. С. (1955) 366; 443
Лямбек Э. (1902) Б *463*

М. В. (1862) Б *464*
М. К. см. *Колосов М. А.*
М. С-ов (1907) Б *465*
Майоров Д. К. (1964) Б *466*
Макарова Н. (1963) *394*; Б *467*
Максимов Л. Ю. (1957) Б *468*
Максимова Л. К. [Л. М.] (1964, 1965) Б *119—121*, *469—472*; П *101*
Малаховский В. А. (1925, 1929, 1934, 1935, 1936, 1937, 1946) 69; Б *473—479*
Малорошвилов М. (1885, 1886) *146*, *148*, 188, *189*, 192, *212*, *245*, 246; Б *480—482*
Мальцев Д. (1955) Б 140
Мальцев М. Д. (1930) Б *483*, *484*
Мамонов В. (1930) Б 636
Мандельштам И. (1884) Б *485*
Маркарян С. (1964) Б *486*
Марков Н. М. (1880) *372*; Б *487*
Марр Н. Я. (1930) Б *488*
Матвеева Е. В. (1939) Б *489*
Матусевич М. И. (1941) Б *490*
Мгеладзе Д. С. (1963) *78*, *88*, 89, *241*, *312*, *320*, *352*, *396*; Б *491*
Мельников Е. И. (1964) Б *491а*
Мефодий, архимандрит см. *Великанов М. М.*
Минин П. М. (1943) Б 492
Мироносицкий П. (1917) Б *493*
Миртов А. В. (1915, 1916, 1918, 1923, 1927, 1954) *68*, *138—139*, *146*, *189*, *208*, *268*, *279*, *310*; Б *494—498*, 511
Миссин Р. К. (1963) Б *499*
Михайлов А. В. (1911) Б *500*
Михайлов М. (1859) *55*, *146*, *405*; Б *501*
Михайлов-Мучкин Г. С. (1905) *53*, *55*, *63*, *66*, *111*, *122*, *142*, *279*, *282*; Б *502*; П *65*
Михельсон М. И. (1904) Б 641
Моисеев А. И. (1963) Б *503*
Морозов А. А. (1964) Б *504*

Московкина Р. А. (1956) Б *505*
«Московские ведомости» (газета) 407
«Московский журнал» см. *Карамзин Н. М.*
Московский проект см. *Проект Московского педагогического общества 1901*
Московское педагогическое общество см. *Проект Московского педагогического общества 1901*
Мучник И. П. (1964°) *148*, *289*

Н. *Г-в* см. *Гиляров-Платонов Н. Г.*
Н. Н. см. *Надеждин Н. И.*
Н. Н. (1862) Б *509*
Н. О. см. *Остолопов Н. Ф.*
Н. Т. см. *Тимаев Н. М.*
Надеждин Н. И. [Н. Н.] (1844) 87, 89; Б *512*
Назаров А. (1955) Б 507
Наливкин Ф. (1849) *122*, *149*, *279*; П *20*
Невинская Л. (1964) Б *513*
Неизвестный автор (1775) *55*, *63*, *77*; Б *558*
Нигпарт И. А. (1877) 54, *55*, 56, 404; Б *514*
Никифоров В. (1954) *249*; Б *515*
Николаев Б. Н. (1918) *63*; Б *516*
Николаева Т. М. (1964) Б *517*
Николич И. (1874, 1875, 1876) Б *518*
Никольский Н. Н. (1942, 1943, 1947, 1952, 1957) 118, *316*; Б 85, 132, *133*, *134*
Новаковский В. И. (1870, 1872, 1873, 1874) *84*, *122*, *144*, *152*, *189*, *240*, *275*, *387*; Б *519—523*

Обнорский С. П. (1930, 1934, 1936, 1936°, 1939, 1944, 1954, 1956, 1957) 19, *38*, 39, 44, 92, *144*, 145, 147, 153, *235*, *238*, *261*, *386*; Б *534—541*, 795, 1000
Обыденный М. Е. (1896) Б *545*
Овчинникова И. Г. (1963°) *331*
Огиенко И. И. (1913) Б *546*
Оголихин Л. (1955) Б 507
Одинокая Ц. Г. (1964) Б *547*
Ожегов С. И. (1954, 1956, 1957, 1963, 1963°) 239, *372*; Б 123, 135, *548—550*, 567
Олеша Ю. К. (1930) Б *550а*
Ольденбург Ф. Ф. (1910) Б *551*
Опоков З. З. [З. О-в] (1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1907) 20, *243*, *345*; Б *552—557*, 914
Оральников Н. (1929, 1930, 1931) Б *559—561*
Орехов В. И. (1963, 1963*) *115*, *142*, *208*, *262*, *406*, *410*; Б *562*
Орлов А. И. (1884, 1885) Б 264; П *47*
Орлов В. П. (1960) П 86
Орлов В. Ф. (1955) *386*; Б *563*
Орлова В. Г. (1942) 203; Б *564*
Орфографическая подкомиссия [комиссия] Академии наук (1904—1912) 17, 18, 19, 134, 283; Б 641, 642, 650, 655, 956; П 66, 67, 74, 83. См. также: *Постановления Орфографической подкомиссии 1912*; *Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904*
Орфографические правила для наборщиков и корректоров 1929 *388*, *389*; Б *565*
Орфографические правила для наборщиков и корректоров 1931 *390*; Б *566*
Орфографические совещания 1862 г. см. *Дискуссия 1862*
Орфографический словарь 1956 241, 314, *357*; Б 88, 123, 135, 537, *567*
Орфографический словарь 1963 239, *357*; Б *567*
Орфографический справочник 1936 192, *212*, *243*, *251*, *261*, *348*; Б *568*, 739а
Остолопов Н. Ф. [Н. О., Фома Антифитин] (1820, 1822) Б *570*, *571*
«Отечественные записки» (журнал) 302, 407
Отзыв АН о проекте 1930 г. 108; Б 290

П. Г. (1899) Б *573*
Павлов А. (1908) П *72*
Павский Г. П. (1841, 1842) *84*, 87, *130*, *142*, *158*, *194*, *195*, 243, *250*, 268, *274*, *278*, *294*, 295, 403, 409, *410*, 411; Б 154, 512, *574*
Паллас П. С. (1787) 403
Панов М. В. (1954, 1956, 1962, 1963, 1964) 223, *342*, 382; Б 517, *575—582*; П *95—98*
Панфилов А. (1955) Б *392*
Панфилов В. М. (1963) Б *583*
Паплонский И. (1876) Б 84
Паржницкий И. (1864, 1865, 1866) П 33
Парфенов И. (1930) Б 56
Патынко Г. А. (1940) *185*, 193; Б *584*
Паульсон И. И. (1892) *82*, 119, 120, *121*, 404; Б *585*
Педагогическое общество при Московском университете см. *Проект Московского педагогического общества 1901*

Пекарский П. П. (1866) Б 814
Пеку В. (1964) Б *823*
Первов Н. Д. (1916, 1917, 1918) Б *586—588*
Переверзев И. А. (1782) Б *591*
Перевлесский И. М. (1842, 1862) *83*, *121—122*, *158*, *275*; Б *592*
Перельман Я. И. (1930) *381*; 450
Перкаль З. (1955) Б 140
Песков В. (1964) Б *593*
Петерсон М. Н. (1925, 1927, 1928, 1955) 19, 34; Б *594—597*
Петр I 52; Б 105
Петропавловский, М. Ф. (1888) 274; Б *598*
Петрученко О. А. (1905) Б *599*
Петрушин П. (1955) Б 507
Пешковский А. М. (1924, 1929, 1930) 19, 28, *78*, *79*, *81*, 82, 83, 90, 123, 134, *140*, *146*, *195*, 196, 197, *198*, *199*, *201*, *202*, 203, *204*, 208, 209, *210*, 211, *218*, 234, *235*, 236, *239*, 278, 285, *286*, 287; Б 262, *600—602*
Платонов Е. (1954) 378; Б *603*
Плёнкин Н. (1964) Б *604*
Поварской Ю. (1911) Б *606*
Подкомиссия 1904 г. см. *Орфографическая подкомиссия Академии наук*
Подшивайлова М. (1954) Б *934*
Подшивалов В. С. (1796, 1816) *53*, *55*, *63*, *65*, *78*, *113*; Б *607*, *608*
Поливанов Е. Д. (1917, 1927, 1928, 1937) *68*, *88*, 90, 92, 94, 103, 105, 112, *113*, 234, *342*; Б *609—613*
Полонский А. З. (1929 или 1930) Б *614*
Полья Н. (1962) Б *615*
Попов В. И. (1916) *53*, *55*, *63*, *66*, *68*, *104*, *133*, *146*, *192*, *200*, *208*, *221*, *222*, *235*, *276*, *282*; Б *616*
Поспелов Г. Н. (1964) Б *617*
Поспелов Е. М. (1957) Б *617а*
Постановления Орфографической подкомиссии 1912 *53*, *55*, *63*, *66*, *68*, 71, 93, 106, 108, 113, 118, *122*, *146*, *232*, *276*, *282*, *395*; Б *618*, 819, 820; П 78, 80, 82
Потапов С. М. (1963) *196*, 212, *251*, *334*, *355*, *415*; Б *620*
Потебня А. А. (1874, 1875) *371*, 372; Б *621*, *622*; П *37*
Потерин И. И. (1963) Б *623*
Правила 1956 г. см. *Свод 1956*
Правила единой орфографии и пунктуации. М., 1940 см. *Проект свода 1940*
Правила единой орфографии и пунктуации. 2-я ред. М., 1939 см. *Проект свода 1939*$_2$
Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1947 см. *Проект свода 1947*
Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1948 см. *Проект свода 1948*
Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1951 см. *Проект свода 1951*
Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1955 см. *Проект свода 1955*
Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956 см. *Свод 1956*
Практика газетной корректуры 1932 102, *157*; Б *631*
Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии 1904 18, *53*, *55*, *63*, *65—66*, *68*, *84*, *104*, 108, 113, *122*, *146*, *222*, *235*, *240*, *268*, *276*, *282*, *395*; Б *632*, 803, 988; П 69
Предложения Академии педагогических наук 1962°, *68*, *104*, *115*, *135*, *146*, *156*, *176*, *190*, *214*, *218*, *228*, *235*, *255*, *286*, *292*, *294*, *307*, *322*, *356*, *358*, *392*, *406*, *408*, *414*
Предложения Института русского языка *31*, *68*, *104*, *116*, *135*, *146*, *174*, *183*, *189*, *218*, *228*, *235*, *258*, *261*, *288*, *292*, *294*; Б 581
Предложения Института русского языка и Академии педагогических наук 1962° *262*
Предложения Ленинградского лингвистического общества 1931 *68*, *133*, *139*, *146*, *195*; Б 669
Предложение Московской орфографической комиссии 1934° *177*
Предложения педагогического отделения русского литературного кружка в Риге 1902 [Ходатайство об упрощении русского правописания] *53*, *55*, *63*, *65*, *68*, *84*, *104*, *133*, *138*, *146*, *263*, *278*, *279*, *282*; Б *901*
Предложения по усовершенствованию русской орфографии. М., 1964 см. *Проект 1964*
Предложения Яфетического института 1931 *77*, *88*, 89; Б 290
Приказ Народного комиссара просвещения РСФСР 1942 118, *122*; 452
Причудинский И. см. *Тимаев И. М.*

Проект 1930, Проект 1930ж [проект Главнауки, комиссия Главнауки и др.] 19, *68*, 97, *104*, 107, 108, 111, 112, 113, *133*, *139*, *141*, *146*, *152*, 165, 167, *170*, *171*, *185*, *208*, 209, *212*, *215*, *245*, *248*, *265*, *278*, *282*, 283, *284*, *311*, *320*, *322*, *345*, *346*, *350*, *356*, *361*, *370*, *375*, *384*, *388*, *390*, *396*, 397; Б 177, 206, 262, 290, 484, 489а, *636*, *637*, *638*, 1000; П *90*, 91, 93

Проект 1964 [Предложения по усовершенствованию русской орфографии. М., 1964] *68*, *104*, *115*, *128*, *135*, *146*, *157*, *177*, *183*, *189*, 190, *218*, *245*, *251*, *252*, *263*, *290*, *294*, *318*, *342*, *345*, *346*, *347*, *356*, *358*, *376*, *384*, *386*, *389*, *394*, *406*; Б 239, 315, 326, 395, 466, 470, 542, *633*, 634, 644, 695, 812, 829, 932, 958; П *100*, 101

Проект Главнауки см. *Проект 1930*, *Проект 1930ж*

Проект Казанского педагогического общества 1902 [Казанский проект; Казанское педагогическое общество] 16, 17, 29, *53*, *55*, *63*, *65*, *72*, *104*, *133*, *138*, *140*, *149*, *152*, *172*, *208*, *232*, *262*, *268*, *278*, *282* Б 112

Проект Московского педагогического общества 1901 [Московский проект; Московское педагогическое общество; Педагогическое общество при Московском университете] 16, 17, *53*, *55*, *63*, *65*, *68*, *104*, *133*, *138*, *146*, *208*, 209, *234*, *239*, *263*, *268*, *278*, *281*, *282*, 283, *392*, *403*, *404*; Б 63, 115, 180, 380, 531, *699*; П 60

Проект Одесского педагогического общества 1903 [Доклад комиссии по упрощению русского правописания] *53*, *55*, *63*, *65*, *68*, *104*, *140*, *146*, *232*, *234*, *262*, *278*, *282*, *392*; Б *285*

Проект свода 1936_1 [Свод орфографических правил М., 1936] *84*, 103, 118, 153, *157*, *173*, *212*, *221*, *243*, 252, *265*, *307*, *310*, *311*, *313*, *317*, *324*, *331*, *335*, *344*, *346*, *347*, *349*, *350*, *356*, *360*, *384*, *386*, 387, *389*, *415*; Б *721*

Проект свода 1936_2 [Свод орфографических правил. 2-я ред. М., 1936] *84*, 103, *128*, *148*, 153, *157*, *173*, *212*, *221*, 252, *261*, *265*, *307*, *310*, *311*, *313*, *317*, *318*, *324*, *331*, *335*, *344*, *346*, *347*, *350*, *356*, *384*, *386*, *389*; Б 347, 543, 544, *720*, 790

Проект свода 1939_1 [Своды орфографических и пунктуационных правил М., 1939] *84*, 103, *128*, 153, *157*, *173*, *195*, *212*, *221*, 252, *261*, *265*, *307*, *310*, *311*, *313*, *317*, *324*, *331*, *335*, *344*, *346*, *347*, *350*, *352*, *356*, *384*, *386*, *389*, *415*; Б *722*

Проект свода 1939_2 [Правила единой орфографии и пунктуации. 2-я ред. М., 1939] *84*, 103, *128*, 153, *157*, *173*, *183*, *212*, *221*, *251*, 252, *261*, *265*, *307*, *310*, *311*, *313*, *317*, *324*, *331*, *335*, *344*, *346*, *347*, *349*, *350*, 352, *356*, *385*, *386*, *389*, *415*; Б 137, *624*, 693

Проект свода 1940 [Правила единой орфографии и пунктуации. М., 1940] *84*, 103, *115*, *128*, 153, *157*, *173*, *183*, *212*, *243*, *251*, 252, *261*, *265*, *307*, *310*, *311*, *313*, *317*, *318*, *324*, *331*, *335*, *344*, *346*, *347*, *350*, 352, *354*, *385*, *386*, *389*, *415*; Б *625*

Проект свода 1947 [Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1947] *84*, 103, *115*, *128*, 153, *157*, *173*, 252, *261*, *265*, *307*, *310*, *311*, *313*, *317*, *324*, *331*, *333*, *336*, *344*, *346*, *347*, *350*, *354*, *385*, *386*, *389*; Б *626*

Проект свода 1948 [Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1948] *84*, 103, *115*, *128*, 153, *157*, *173*, 252, *261*, *265*, *307*, *310*, *311*, *317*, *324*, *331*, *333*, *336*, *344*, *346*, *347*, *350*, *354*, *385*, *386*, *389*; Б *627*

Проект свода 1951 [Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1951) *84*, 103, *115*, *128*, 153, *157*, *173*, *249*, 252, *261*, *265*, *307*, *310*, *311*, *317*, *318*, *324*, *331*, *333*, *336*, *344*, *346*, *347*, *348*, *350*, *354*, *385*, *386*, *389*, *415*; Б 130, *628*, 940, 949

Проект свода 1955 [Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1955] *84*, 103, *115*, *128*, 153, *157*, *173*, *195*, *261*, *265*, *307*, *310*, *311*, *317*, *324*, *331*, *333*, *335*, *344*, *346*, *347*, *348*, *350*, *356*, *385*, *386*, *390*, *415*; Б *629*

Пронина И. В. (1955) Б *639*

Протченко И. Ф. (1964) Б *122*, *644*, *645*

Прядкин С. Н. (1900) Б *646*

Пузыревский А. И. [А. П.] (1892) Б *647*

Пушкин А. С. 65, 231; Б 169, 272, 479, 916, 917

Р. (1904) Б *650*
Рабина С. (1964) Б *651*
Радченко К. Ф. (1910) Б *652*
Разумовская М. М. (1962) Б *653*
Разыграев В. И. (1887) 206, 242; Б *654*, 744
Ремез Г. А. (1929 или 1930) Б *614*
Реформа 1917 г. см. *Декрет 1917*
Реформа 1918 г. см. *Декрет 1918*
Реформатский А. А. (1933, 1935°, 1936°, 1937, 1938, 1947, 1950, 1955, 1960, 1963°, 1964, 1964°, 1965) 19, 37, 74, *104*, 112, 118, *122*, 144, *146*, 147, 148, 149, 151, 230, *235*, 288, *294*, 295, *300*, 303, *309*, 318, 322, 323, *324*, 325, 329, *346*, 354, 355, *356*, 382, *384*, *386*, *389*, 417; Б 543, 544, 577, *657—666*, 721
Решетников М. М. (1962) Б *667*
Ржига Ф. В. (1904) Б 98, *668*; П 64
Ризников (1862) Б 605
Роде Н. (1931) Б *669*
Рождественский Н. С. (1929, 1934, 1935, 1936, 1937, 1938, 1940, 1941. 1946, 1949, 1951, 1960) 33, 69, 126, 208, 213, 301, 304, 344, 345; Б *670—681*, 952
Рождествин А. С. (1898, 1908) Б *682*, *683*
Розенталь Д. Э. (1955, 1956, 1957, 1958, 1960, 1962, 1963°, 1964) *177*, *183*, 248, *258*, 260, 298, *313*, 316, *318*, *319*, 323, 324, 325, *330*, *331*, 334, *335*, *345*, *346*, *347*, 348, *349*, *356*, 357, *358*, 365, 379; Б *135*, *281*, *432*, *433*, *684—687*
Розенфельд Б. А. (1963*) *74*
Ромашкевич П. А. Б 555
Российская грамматика 1802 *154*; Б *688*
Рохлин Я. А. (1933) 165; П 94
Руднев А. Г. (1963) *249*, *252*, *410*; Б *691*
Руднев А. Д. (1905) П *67*
Рукавишников С. С. (1962) 198; Б *692*
Румянцев В. В. (1940) Б *693*
Русановский В. М. (1964) Б *315*
Рязанцевский (1925) *381*, 382, 383; Б *694*

С. Б-ч см. *Булич С. К.*
Сазонова И. К. (1964) Б *695*
Сакулин П. Н. (1901, 1902, 1904, 1917, 1918) 17, 59; Б 641, *696—712*, 834, 956
Самбикина М. (1954) *261*; Б *713*
Санжаров Л. Н. (1963, 1964) *160*, *251*; Б *714*, *715*
Санкина Г. Н. (1964) *245*, *262*, *355*; Б *716*
Сахаров В. И. (1928) Б *717*
Светлаев М. В. (1943) 118; Б *132*, 492
Светов В. П. (1773, 1790) 250, 268, *410*; Б *718*, *719*, 788
Свод 1956 [Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956; Правила 1956 г.] 19, 71, 77, *84*, 103, *115*, 116, *128*, 131, 138, 142, *151*, *152*, *154*, *173*, 181, 185, 194, *195*, 206, 212, 217, 223, 232, 250, *251*, *261*, 262, *265*, 293, *307*, *310*, *311*, *314*, 316, *317*, *318*, *320*, *324*, *331*, *333*, *335*, *344*, *346*, *347*, *348*, *350*, 352, *354*, *360*, *385*, *386*, 387, *390*, 391, 393, 403, 409, 410, *415*; Б 88, 133, 424, 617а, *630*, *852*, 946, 954
Свод орфографических правил. М., 1936 см. *Проект свода* 1936_1
Свод орфографических правил. 2-я ред. М., 1936 см. *Проект свода* 1936_2
Своды орфографических и пунктуационных правил. М., 1939 см. *Проект свода* 1939_1
Селиванов П. А. (1904) *142*; Б *724*
Сельвинский И. Л. (1964) Б *725*
Сельцов Б. (1954) Б *160*
Семенихин В. П. (1964) *21*; Б *726*; П *99*
Семенов А. В. (1862) *122*, *158*; Б *727*
Семушкин Т. З. (1964) Б *728*
Сенковский О. И. [Брамбеус] (1835, 1857) 381, 402; Б *729*, *730*
Сербский В. (1906, 1912) П 70, 77
Сергеев Т. А. (1963*) *160*
Сергиевский М. В. (1928, 1936) 412, *413*; Б 721, *731*
Серебрякова Г. И. (1964) Б *732*
Серова Ю. П. (1955) *68*, 70; 457
Сеславин Д. Н. Б 552, 555
Сидоров В. Н. (1930, 1934, 1953, 1963°, 1964°) 19, 20, *30—31*, 34, 36, 38, 134, *135*, 139, *140*, *148*, 198, *199*, 200, *201*, 234, *235*, *259*, *262*, *268*, 285, *286*, *287*, 325, *371*; Б *10*, *11*, *349*
Сикачинский И. (1862) Б 605; П *28*
Синдицкий А. Р. (1963) *350*, *351*; Б *733*
Сиренко А. А. (1963) *122*, 129; Б *734*

www.ruslang.ru

Скандовский Н. (1872) Б *735*
Скобликова Е. С. (1959) Б *736*
Скокова Л. И. (1964) Б *737*
Скорнякова М. (1964) Б *738*
Скороглядова О. В. (1948) Б *739*
Словарь 1847 г. [Академический словарь] 77, 245, *260*, 268
Словарь Академии Российской (1789—1794) 197, 268; Б 167
Словарь иностранных слов 1933 165, *190*; П *94*
Служивов Л. И. (1932, 1950) Б *136*, *741*
Смирин В. (1964) Б *742*
Смирнов А. И. (1885, 1886) *133*, *135*, *275*, 281; Б *743*, *744*; П 43
Смирнова А. (1964) Б *745*
Смирнова М. (1954) Б *746*
Соболев А. П. (1900) 54, 59; Б *747*
Соболевский А. И. (1882, 1885, 1886, 1904) 19, *55*, 60, *66*, *68*, *75*, *104*, *189*, 279, *282*, 381; Б *748*—*752*, 918
Соколов Б. М. (1917) Б *754*
Соколов В. И. (1909) Б *755*, 846
Соколов Д. Н. (1851) *146*, *158*, *214*; Б *756*
Соколов Л. (1929) Б *757*
Соколов П. С. (1802) Б 688
Соколова Д. А. (1963*) *338*
Соколова М. А. (1964) Б *758*
Соломоновский И. С. (1880) Б *759*
Солоницын Ю. (1964) Б *760*
Солосин И. И. (1937) Б *761*
Сорокин К. А. (1903, 1907) *53*, *55*, *63*, *65*, *68*, *78*, *113*, *122*, *133*, *138*, *146*, *168*, *282*, *392*, *410*; Б *762*, *763*; П *57*, *71*
Сорочинский П. Г. (1903) *53*, *55*, *63*, *65*, *94*, *146*, *222*, *282*; Б *764*; П *58*
Спасокукоцкий А. (1964) Б *765*
Сперанский Д. А. (1902) Б 463
Срезневский И. И. (1845, 1854, 1867) 66, 403; Б *766*, *767*
Сталтмане В. Э. (1965) Б *768*
Степович А. (1883, 1885, 1886) *142*, *182*, *232*, *234*, *276*, *281*, *282*, *294*; Б *769*—*771*
Стоюнин В. Я. (1852, 1862, 1886) 16, *82*, 118, *122*, *142*, 146, 147, *151*, *168*, *232*, 274, *275*, *281*, *387*, 401, 402; Б 753, *772*
Стоян П. Е. (1912, 1914) Б 526; П *77а*, 80, 81, *81а*
Студенский А. О. (1869, 1870) Б *773*, *774*
Суворовский А. М. (1927, 1929) *68*, 70, *112*, *235*, *238*; Б *775*, *776*
Сумароков А. П. (1759, 1771—1773) *77*, 87, 280, *281*, *405*, 409, *410*, 411; Б *777*—*780*
Суперанская А. В. (1959, 1960, 1964, 1965) Б *645*, *780а*—*785*
Супрун А. Е. [А. С.] (1957, 1958) Б *786*, *787*
Сухомлинов М. И. (1878, 1880, 1881, 1882, 1885, 1888) Б *788*, *789*
Сухотин А. М. (1935, 1935°, 1936, 1936°) *68*, *104*, *146*, *154*, *177*, 200, *221*, *222*, *257*, *294*; Б 721, *789а*

Теверовская Р. (1926) *63*, *68*, *112*, *166*, *185*, *209*, *278*, *398*; Б *791*, 853
Текучев А. В. (1934, 1948, 1953, 1958, 1963°) *287*; Б *792*—*796*
Теленкова М. А. (1964) Б *797*
Технико-орфографические правила 1927 *189*, *345*, *384*, *386*, *390*; Б 566, *798*
Тимаев Н. М. [Н. Т., Причудинский Н.] (1856, 1860) *53*, *55*, *63*, *68*, *121*, *146*, *279*; П *22*, *23*
Тимофеев Н. (1902) 366, *369*; Б *800*
Типографщик (1860) Б *801*, *802*
Тихомиров В. В. (1904) Б *803*
Тихомиров Д. (1878) Б *804*, *805*
Толль Ф. Г. (1863, 1864, 1866) П *32*
Толмачев А. И. (1958) Б *806*
Толстой Л. Н. (1904) *55*, 57
Толстой Н. И. (1964) Б *806а*
Томашевский Б. В. (1927, 1930) 129; Б 1000
Томашевский В. (1918) Б *807*
Томсон А. И. (1903, 1904, 1905) 18, 19, 20, 21, 23, 24, 26, 27, 29, 33, *38*, 39, 40, 41, 45, *46*, 47, 48, 49, *50*, 51, *55*, 57, 58, 59, 60, 66—67, 69, 70, 85, 90, *140*, 147, 275, 279; Б 96, *808*—*810*, 913; П 60
Топоров А. М. (1929) *68*, *104*, *133*, *139*, *140*, *176*, *185*, *208*, 209, 279; Б 476, *811*; П *89*
Торбин И. (1904) П *63*
Торпусман Б. Н. (1964) Б *812*
Топьян С. Б. (1963) Б *813*
Тредиаковский В. К. (1746, 1748) 15, *21*, 22, 23, 25, 26, 42, 52, 53, *63*, *77*, 280, 296, *301*, *304*, 399, *403*, *404*, 409, 411; Б 168, *814*, *815*; П *1*
Тропин Г. (1930) Б *818*
Трофимов В. А. (1914, 1957) *122*; Б *819*—*821*; П *82*

Трояновский В. (1954) Б *822*
Трубецкой С. Н. (1901) Б 104, 700, 703
Тудоран А. (1964) Б *823*
Тукумцев Г. Р. (1938) Б *824*
Тулов М. А. (1874, 1879, 1881) *53*, *55*, *63*, *65*, *77*, *96*, 97, 118, 119, *121*; Б 95, *825*, *826*; П *45*, 46, 53
Тхоржевский С. (1964) Б *827*
Тырин И. (1964) Б *828*
Тюрин С. А. (1953, 1957, 1965) Б *87*, *828а*, *828б*
Тюрина Л. (1964) Б *829*

Уаров М. И. (1930, 1940, 1944) *390*; Б *137*, *138*, *830*
Угрюмов А. А. (1963) *412*; Б *831*
Удалов В. (1964) Б *832*
Усердов А. А. (1929) Б *835*
Успенский Г. И. Б 915
Успенский Л. В. (1964) Б *836*, *837*
Успенский М. (1964) Б *838*
Успенский Н. В. (1875, 1876) *84*, *154*, *266*; Б *839*, *840*
Устинов И. В. (1929, 1930, 1964) Б 637, *841*, *842*
Ухов А. Д. (1954, 1955) *142*, 143; Б *843*, *844*
Учитель (1904) Б *845*
Ушаков Д. Н. (1910, 1911, 1917, 1923, 1926, 1927, 1934, 1935, 1936°, 1937, 1939) 19, 26, *38*, 46, *63*, *68*, 69, 89, 93, 103, 151, *157*, *189*, 200, 206, 208, *221*, *222*, *224*, *225*, *227*, 269, 274, 398, 404, 408; Б 543, 544, *846—855*; П *75*; Арх. *1*
Ушаков М. В. (1930, 1931, 1935, 1936, 1937, 1938, 1939, 1941, 1947, 1950, 1955, 1957, 1959, 1961, 1963) 38, 49, *68*, *140*, *145*, 150, *152*, 168, *198*, *202*, *205*, 213, 233, *235*, *239*, 241, 246, *262*, 278, *292*, 293; Б *856—872*

Фаддеев Т. Д. (1913, 1917) П *78*
Фалев И. (1925) Б *873*
Фатов Н. Н. (1926, 1927) *68*, *104*, *146*, *221*, *222*; Б *874*; П *88*
Федоров А. А. (1958) Б *806*
Фессалоницкий С. А. (1956) 227; Б *875*
Фигаровская Ю. А. (1963) *198*; Б *876*
Фигуровский И. А. (1962) *95*, 233, *252*, *341*, *352*, *384*, 390, *392*; Б *877*
Филипов Н. (1898) *403*, *404*; Б *879*
Филиппов Н. Н. (1933, 1939) 197, *389*; Б 342, 799, *878*
Филиппов Т. (1871) Б *880*
Филиппова Л. Е. (1962) *21*, *68*, *208*, *241*, *297*, *337*, *359*, *394*, *412*; Б 306, *881*
Фита или Ферт ? (1885) Б *882*, *883*
Флеров А. П. (1903, 1905) Б *884*, *885*
Флеров В. А. (1917) Б *886*
Фома Антифитин см. *Остолопов Н. Ф.*
Фоменко Ю. (1964) Б *887*
Фомин Д. Н. (1900, 1901) Б *888*, *889*
Фомина М. И. (1964) Б *144*
Фомичева Г. А. (1964) Б *890*
Фортунатов Ф. Ф. (1904) 16, 17, 18, 19, *38*, *53*, *55*, *65*; Б 641, 925, 956, 1012; Арх. *2*
Францев В. А. (1905) Б *891*
Фрумкина Р. М. (1964) Б *892*
Фурманн (1852) *410*; Б *893*

Хабаров К. А. см. *Яковлев П. Л.*
Хаймашева Ж. (1964) Б *894*
Харазишвили Т. (1965) Б *383*
Харламов М. (1909) Б *895*
Харченко И. (1954) Б *896*
Херувимов А. (1898) Б *897*
Хмельков А. М. (1940) Б *693*
Хованский А. А. (1860, 1872, 1873) 29, 273, 315, *386*; Б 159, *898—900*
Ходатайство об упрощении русского правописания см. *Предложения педагогического отделения русского литературного кружка в Риге 1902*
Ходорович Т. С. (1964) Б *892*, *902*
Хомизури П. И. (1964) Б *903*
Хомутов Я. С. (1911, 1927, 1929, 1930) Б *904—908*

Цапукевич В. В. (1961) Б *909*
Цветкова Л. Ф. (1961) Б *910*

Чемоданов Н. С. (1945) Б *972*
Черкасова Е. Т. (1964) Б *911*
Черных П. Я. (1930) Б *912*
Чернышев В. И. (1898, 1903, 1904, 1905, 1906, 1912, 1913, 1927, 1936°, 1938, 1941, 1947) 17, 19, 106, 147; Б 169, *913—926*. 956
Четыркин И. [И. Ч-н] (1887) Б *928*
Чехов Н. В. (1930) Б *929*
Чешихин В. (1900) 63
Чешко Л. А. (1964) Б *930*
Чикнаверов Г. (1964) Б *931*
Чистяков В. (1954, 1965) Б *932*, *933*
Чмелев П. (1954) Б *934*
Чудовский В. (1917) Б *935*
Чурилловский Н. Ф. (1912) *207*, *275*, 403; Б *936*

Шагинян М. С. (1917, 1964) Б *937*, *938*

Шанская Т. В. (1963) *68*, 70, 71; Б *939*
Шанский Н. М. (1954, 1963°, 1964) 151, *160*, *195*, *303*, *308*, *310*, 311, *329*, *345*, *346*, *347*, 348, *349*, *350*; Б *940*, *941*
Шапиро А. Б. [А. Ш.] (1933, 1934°, 1935°, 1936, 1936°, 1939, 1951, 1952, 1954, 1955, 1956, 1958, 1961, 1962, 1963, 1963°, 1965) 34, 69, 120, 127, *135*, *138*, 145, *146*, 148, *152*, *154*, 156, 157, 165, *176*, *177*, 181, *182*, 186, *189*, 197, *222*, 233, *235*, 239, 250, 251, *252*, 253, *256*, 259, 260, *261*, *264*, *265*, 267, 299, 308, 309, *312*, *313*, 314, 317, *318*, *319*, *320*, 325, 331, *332*, *333*, *335*, 338, 339, 342, 343, *344*, *345*, *346*, *347*, 348, *349*, *350*, 352, *354*, *360*, *370*, *384*, *385*, *388*, *390*, 391, 393, 395, *413*, 416; Б 123, 135, 281, 342, 351, 420, 567, 673, 721, *942—955*
Шахматов А. А. (1904, 1917) 17, 18; Б 346, 643, 925, *956*, *957*
Шевляков А. (1862) Б 605; П *29*
Шевчик Н. (1964) Б *958*
Шейн-Фогель А. (1901, 1904) Б *959*, *960*
Шереметевский В. П. (1883, 1891) 16, 42, 54, *146*, 231, *234*, *262*, *265*, *281*, *341*, 342; Б *961*, *962*; П *50*
Шехонина А. Д. (1964) Б *547*
Шидловский А. (1889) Б *965*
Шишков А. С. (1824, 1835) Б *966*, *967*
Шишов П. (1954) *71*, *114*, *161*, *406*, *408*, *412*; Б *968*
Шкловский В. (1964) Б *969*
Шлезингер В. (1872) Б *970*
Шокальский Ю. М. (1905—1906) Б 643
Шор Р. О. (1934, 1935°) 146; Б *971*, *972*
Шпет Г. Г. (1916, 1922, 1923, 1927) 165, *185*; П *84*
Шпринцин А. Г. (1958) Б *973*
Штармин М. (1963) Б *974*
Шубов Я. И. (1959, 1963°, 1964, 1965) *303*, *308*, *312*, *313*, *318*, *319*, *320*, 324, *331*, *345*, *347*, *355*, *359*; Б *411*, *975—977*
Шуртаков С. И. (1964) Б *978*

Щагина А. (1964) Б *979*
Щелкунов М. (1930) 382, 383; Б *980*
Щенников Е. П. (1956, 1959, 1963) 391, 393, *395*, 396, 397; Б *981—983*
Щепкин В. Н. (1904) Б *984*
Щерба Л. В. (1905, 1911, 1926, 1927, 1930, 1931, 1936°, 1940, 1942—1943) 17, 18, 19, *21*, 22, 105, 108, *113*, 118, 134, *141*, 143, *189*, *238*, 266, 267, *272*, *277*, *278*, *282*, 283, 284, 395, 397, 401, 402, *412*, 413, 417; Б 290, 669, *985—992*

Эмин Н. Ф. (1790) П *3*
Этов В. И. (1963) Б *993*

Южный П. (1928) 103, *189*, 396; Б *994*

Ягич И. В. (1877, 1901, 1902) Б 96, *995—997*; П 60
Ядвиршис К. Н. (1955) 336; Б *998*
Языков Д. И. (1807, 1808, 1809) *53*, 54, *55*, *63*, *65*; Б *999*; П *6*, *7*
Якобсон А. А. (1964) 223; Б *1001*
Якобсон Р. О. (1962) *68*, 91, *97*, 98, 99, 101, *104*, 105, 106, *146*; Б *1002*
Яковлев Н. Ф. (1928, 1930, 1933) 19, *30*, *96*, *135*; Б 489а, *1003—1005*; П *93*
Яковлев П. Л. [Хабаров К. А.] (1828) *53*, 54, *55*, *63*, *65*, *77*, *78*, *113*, *410*; Б *1006*; П *12*
Янакиев М. (1963, 1964) 410; Б *1007*, *1008*
Янко-Триницкая Н. А. (1962°) *278*
Янковский Т. М. (1964) Б *1009*
Япольский М. (1931) Б *1010*
Ястребцов И. И. (1831, 1833, 1841) *234*, *403*, *404*, *405*; Б *1011*; П *14*, *15*

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3
Предисловие 5
Принципы русской графики и орфографии 15
«Лишние буквы» алфавита 52
Буква *ѣ* 53
Буква *і* 62
Буква ъ в конце слов 65
Буква ь после шипящих 67
Передача долгих шипящих 73
Передача фонемы ‹ж› 73
Передача фонемы ‹щ›; употребление буквы *щ* и буквосочетаний, соответствующих звучанию [щ] 76
Передача фонемы ‹j› и мягких согласных (замены букв *я, ю, ё, е, й*) 87
Передача фонемы ‹j› после согласных перед гласными (разделительные ъ, ь и их замены) 102
Передача фонемы ‹о› после парно-мягких согласных и в сочетании с предшествующим ‹j› (буква *ё* и ее графические эквиваленты) 117
Передача гласных после шипящих и ‹ц› 131
Фонемы ‹и›, ‹а›, ‹у›, ‹э› 131
Фонема ‹о› 142
Фонема ‹о› после шипящих 142
Фонема ‹о› после ‹ц› 151
Передача фонемы ‹и› после твердой согласной предшествующей морфемы 153
Передача двойных согласных 164
Передача некоторых сочетаний согласных 194
Фонемное сочетание ‹чч› 194
Непроизносимые согласные 195
Передача непроверяемых гласных и согласных 197
Непроверяемые гласные 197
Непроверяемые согласные 202
Некоторые случаи употребления буквы ь 206
Использование буквы ь при передаче мягкого звучания согласных 206
Буква ь в некоторых категориях слов 208
Буква ь в формах инфинитива на *-ться* 208
Буква ь в прилагательных с суффиксом *-ск-* 211
Буква ь в составных числительных 213
Буква ь в формах родительного падежа множественного числа существительных на *-ня* 215
Передача значащих частей слова 217
Чередования гласных в корнях 217
Чередование *о—а* 217
Чередование *е—и* 228
Приставки, оканчивающиеся на согласные 230
Приставка *раз-(рас-) — роз-(рос-)* 238
Приставки *пре-* и *при-* 240
Суффиксы существительных и прилагательных 242
Суффикс *-ево — -иво* 242
Суффиксы *(-е)к* и *-ик* 243

www.ruslang.ru

Суффикс *-ице — -ецо* 245
Суффиксы *-ушк-* и *-ышк-* 247
Суффикс *-ечк-* 249
Суффикс *-опьк- — -еньк-* 250
Суффикс *-инск- — -енск-* 251
Суффиксы *-ен(н)-* и *-ян(н)-* 255
Суффиксы глаголов 258
Суффиксы *-ыва- (-ива-)* и *-ова-(-ева-)* 258
Суффикс *-ене-* 260
Суффикс *-ану-* 261
Флексии существительных 262
Флексии существительных на *-ий, -ия, -ие* 262
Флексии предложного падежа существительных, оканчивающихся на *-ье* 264
Флексии прилагательных 267
Флексии именительного-винительного падежа мужского рода 267
Флексии родительного падежа мужского и среднего рода 273
Флексии именительного-винительного падежа множественного числа 280
Флексии глаголов 283
Передача беглых гласных после мягких согласных и ‹j› 292
Слитные, дефисные и раздельные написания 296
Слитное, раздельное и дефисное написание слов, независимо от их принадлежности к определенной части речи 297
Написание сложных существительных 305
Написание сложных прилагательных 321
Написание наречий 337
Написание предлогов, образованных из предложно-именных сочетаний 351
Написание сочетаний с первой частью *пол-* (‘половина’) 352
Написания с частицами 358
Написания с частицей *не* и приставкой *не-* 362
Употребление прописных и строчных букв 380
Правила переноса 391
Написание заимствованных слов 399
Орфограммы *жю, шю* 406
Орфограммы *ьо, йо* 407
Употребление буквы *э* 409

Библиография 418

Алфавитный указатель 484

ИНСТИТУТ
языкознания АН СССР

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии

Утверждено к печати Институтом русского языка Академии наук СССР

Редактор издательства *В. А. Ицкович.* Художник *В. П. Запкин*
Технический редактор *Ф. М. Хенох*

Сдано в набор 10/VI 1965 г. Подписано к печати 9/XI 1965 г. Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 31,25
Уч.-изд. л. 33,4. Тираж 6.700 экз. Изд. № 4926/65. Тип. зак. 316

Цена 2 р. 20 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
71	16 св.	Э. Э. Биргер	Э. И. Биргер
185	9 св.	*-ян-ян-*	*-ян-*
194	9 св.	[ч]	[ч̄]

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии